СВЯЩЕННИК ДИМИТРИЙ САФОНОВ

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ

И ЕГО ВРЕМЯ

Священник Димитрий Сафонов

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РОССИИ, И ЕГО ВРЕМЯ

ПОКРОВ
МОСКВА
2013

К 25-летию прославления
святителя Тихона,
Патриарха Московского
и всея России

УДК 281.9
ББК 86.372
С 21

Участники проекта

Учебный комитет Русской Православной Церкви

Московская Православная Духовная Академия Русской Православной Церкви

Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров»

Фонд возрождения народных традиций «Национальный Фонд Святого Трифона»

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 13-316-2316

Рецензент – доктор церковной истории, профессор, протоиерей *Владислав Цыпин*

Сафонов Димитрий, священник

С 21 Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. – М. : Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», 2013. – 701 с.

ISBN 978-5-906527-01-1 (в переплете)

В настоящем издании автор восстанавливает хронологию патриаршего служения святителя Тихона от момента избрания на патриарший престол в 1917 г. до его кончины в 1925 г. Исследование проведено с привлечением самого широкого круга источников и опирается на документы и материалы, хранящиеся в разных архивах (РГАСПИ, ГАРФ, ЦА ФСБ, РГИА и других). Обширный корпус источников позволяет сформулировать обоснованные выводы, опирающиеся на разнообразный исторический материал.

В книге анализируются различные аспекты деятельности Патриарха Тихона, направленные на сохранение Русской Православной Церкви в условиях гонений, деятельности советской власти по уничтожению Церкви, что выводит данное исследование на новый уровень анализа и предлагает обобщенный взгляд на эту проблематику.

УДК 281.9
ББК 86.372

© Сафонов Д. В., 2013
© Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», 2013

ISBN 978-5-906527-01-1

...Святитель Тихон сделал самое главное.
Он сохранил Церковь нашу – пусть ущемленную,
пусть разрушенную, пусть разделенную, –
но сохранил в самое трудное время.
Когда раскол набирал силу, когда государственная
власть, стремясь к уничтожению Церкви,
поддерживала всяческие разделения, когда, казалось бы,
у Православной Церкви не оставалось никаких
шансов выжить, когда Православную Церковь
пренебрежительно называли «тихоновской» –
не Христовой, не Православной, а «тихоновской»,
словно один из расколов, как один из вариантов
Православия, когда очень многие, убоявшись
государственной силы, а некоторые и поддавшись
пропаганде, переходили в стан раскольников,
он не дрогнул.
Что было бы, если бы и Патриарх ушел в раскол?
Сегодня не было бы Православной Церкви,
народ лишился бы благодати.
Но он не ушел, он остался в Церкви, хотя
пространство церковное сужалось с каждым днем,
и в этом непреходящая историческая заслуга
святителя.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси
Кирилл

XX век стал самым сложным и противоречивым в мировой истории, доселе не знавшей событий подобного масштаба. То же самое можно сказать и о церковной истории XX века, поистине ставшей потрясением духовных и нравственных основ жизни Церкви.

Сегодня особый период в жизни Русской Церкви – она не испытывает гонений и вместе с тем не является частью государственного аппарата, как это было в дореволюционное время.

Эта свобода дает возможность предельно объективно взглянуть на наше прошлое, чтобы осознать, сделать верные выводы и наметить перспективы дальнейшего пути. Однако изучение церковной истории XX века осложняется тем, что клубки противоречий этого периода до сих пор не распутаны, события не имеют однозначной трактовки и оценки, и полемика вокруг насущных церковных вопросов еще не стихла.

В данном контексте особый интерес для исследования представляет служение святителя Тихона (Беллавина), Патриарха Московского и всея Руси (1917–1925 гг.). На время его служения выпали эпохальные события: Октябрьская революция и Гражданская война в России, голод и изъятие церковных ценностей, начало репрессий против духовенства и простых верующих, церковные расколы и нестроения.

В том, что в это неспокойное время Патриархом был избран именно этот скромный, но вместе с тем сильный духом человек, видится явное действие Божественного Промысла. В страшное время смуты этот опытнейший архипастырь – при содействии благодати Божией – сумел сохранить церковный корабль от потопления. Его Первосвятительский подвиг заслуживает самого детального изучения.

В представляемой книге преподавателя Московской духовной академии священника Димитрия Сафонова впервые сделана попытка восстановить хронологию патриаршего служения святителя Тихона с привлечением самого широкого круга источников. Кроме того, в работе использованы источники, которые до сих пор не были введены в научный оборот, что позволяет говорить о принципиальной новизне издаваемого труда.

Искренне убежден, что данный труд, являющийся, несомненно, полноценным и серьезным научным исследованием, станет очень важным и своевременным вкладом в дело изучения столь судьбоносной для Русской Церкви эпохи.

Архиепископ Верейский Евгений (Решетников),
ректор Московской православной духовной академии
и семинарии, председатель Учебного комитета
Русской Православной Церкви

Введение

В историографии до настоящего времени не предпринималось попыток восстановить хронологию патриаршего служения святителя Тихона с привлечением самого широкого круга источников. В то же время множество исследований, касающихся разных аспектов данной темы, позволяют выйти на новый уровень анализа, предложить обобщенный взгляд на эту проблематику.

Монография опирается на документы и материалы, хранящиеся в следующих архивах: Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Центральном архиве ФСБ РФ (ЦА ФСБ), Российском государственном историческом архиве (РГИА) и других.

Стремление к всестороннему изучению сложной и многогранной темы обусловило обращение к различным источникам. Прежде всего изучалось следственное дело Патриарха Тихона, хранящееся в ЦА ФСБ[1]. Многие материалы дела еще не введены в научный оборот и позволяют по-новому оценить разные аспекты изучаемой темы.

Ввиду особой важности этого источника остановимся на нем подробнее. Следственное дело Н-1780 представляет собой очень объемный и разноплановый по характеру материалов источник. Оно состоит из 28 томов. Большинство томов дела носят следы неоднократной систематизации, перенумерации, расшивки и переплета. В ряде случаев это нарушает хронологическую и тематическую последовательность расположения документов. Состав входящих в следственное дело документов очень разнообразен. Тематически следственное дело можно разделить на документы, созданные в ходе следствия и отражающие его этапы, и материалы, приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств. Внутри этих групп можно выделить документы,

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780.

созданные советскими властными органами, и церковные документы, которые в свою очередь делятся на две группы: документы Патриаршей Церкви и документы обновленцев.

Необходимо отметить, что в ходе проверки дела в 1935 г. было выявлено, что ряд подлинных материалов утерян и заменен копиями. В дальнейшем также имели место случаи изъятия подлинников и замены их копиями, что вынуждает исследователя опираться на копии этих документов.

Основными документами, характеризующими этапы следствия и решения по делу, являются постановления следователей с предъявлением обвинения, постановления о производстве следствия, постановления о привлечении к судебной ответственности по различным статьям УК, постановления о домашнем аресте и взятии под стражу, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, протоколы обысков, ордера на арест и обыск, повестки ГПУ, подписки о невыезде, расписки, заявления и прошения подследственных, агентурные записки и донесения и др. Рассмотрим кратко состав и содержание каждого из томов согласно современной нумерации дела Н-1780.

Том № 2. В томе имеется копия приговора от 8 мая 1922 г. по делу московского духовенства (л. 2–7), которое в настоящее время хранится в ГАРФ, а также отрывок из показаний Патриарха Тихона на процессе московского духовенства 8 мая 1922 г. (л. 36–41).

Дело было начато, по всей видимости, 5 мая 1922 г., когда Московским трибуналом было принято решение о привлечении Патриарха к ответственности. 9 мая Патриарх был взят под домашний арест. В нынешнем виде дело было сформировано в 1935 г., однако представляет собой единый комплекс документов. В этом томе имеются протоколы допросов Патриарха от 5 мая и копии протокола допроса от 9 мая 1922 г. Сюда же вошел отрывок протокола от 8 апреля 1922 г., ранее хранившийся в другом деле. В деле также находятся подлинные документы Патриарха, датированные апрелем – маем 1922 г.

Том № 3 представляет собой дело, заведенное в Верховном суде РСФСР в марте – апреле 1923 г., которое содержит материалы, связанные с подготовкой процесса над Патриархом. В деле имеются протоколы заседаний Судколлегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР; заявления Патриарха в Верховный

суд, в том числе заявление от 16 июня 1923 г.; рапорты секретаря Верховного суда С. Быкова и другие материалы.

Том № 4 состоит из документов 6-го (антицерковного) отделения Секретного отдела (СО) ГПУ за 1923–1925 гг. и содержит сводки о настроении населения в связи с предстоящим процессом над Патриархом. В основном это сводки и рапорты 6-го отделения СО ГПУ. В томе имеется протокол первого допроса Патриарха от 28 марта 1922 г.

Том № 5 содержит материалы, созданные в основном в 6-м отделении СО ГПУ. Согласно описи том разделен на шесть частей. В частности, здесь содержатся подлинники различных обращений Патриарха Тихона в ГПУ за период 1922–1925 гг. Третья часть тома (л. 173–192) содержит материалы, связанные с попыткой ГПУ внедрить обновленца В. Красницкого в состав органов Высшего Церковного Управления (ВЦУ). Это в основном докладные записки В. Красницкого, направленные в ГПУ. В томе находятся ходатайства различных приходов с просьбой разрешить служить у них Патриарху Тихону, а также документы, связанные с пребыванием Патриарха в Донском монастыре. Это письма Патриарха и письма, адресованные ему, проект деяний Синода от 21 мая 1924 г., обращения Патриарха в различные государственные органы. В последней части тома (л. 240–267) содержатся материалы, связанные с убийством в декабре 1924 г. келейника Патриарха Якова Полозова.

Том № 6 содержит материалы 1918–1925 гг. Материалы тома делятся на две части. В первой части (л. 1–95) находятся разновременные материалы: переписка, повестки Патриарху Тихону 1922 г., материалы, связанные с изъятием церковных ценностей, и т. д. Вторая часть тома содержит материалы, относящиеся к домашнему аресту Патриарха Тихона, под которым он находился в 1918–1921 гг.

Том № 7 содержит приобщенные к делу вещественные доказательства «антисоветской деятельности церковников». Это копии материалов уголовных дел на священнослужителей Ивановской, Новгородской, Московской, Ленинградской, Донецкой, Ярославской, Витебской, Черниговской, Тульской, Смоленской, Гомельской, Астраханской, Свердловской областей. Среди этих материалов имеются копии приговоров судов и трибуналов, протоколы допросов, копии воззваний Патриарха Тихона.

Том № 8 представляет собой папку, где находятся различные советские газеты и вырезки из них, посвященные церковной тематике.

Тома № 9, 10 содержат материалы 1917–1921 гг., изъятые из канцелярии Патриарха. Это письма священнослужителей на имя Патриарха, различные церковные документы. Среди этих документов необходимо выделить журналы делегаций ВЦУ для защиты перед правительством имущественных и иных прав Православной Церкви, протоколы освидетельствования мощей святых.

Том № 11 содержит материалы, связанные со вскрытием мощей преподобного Сергия Радонежского и закрытием Троице-Сергиевой Лавры. Том представляет собой дело, заведенное Московским губернским революционным трибуналом при начале ревизионного расследования на основании жалобы Патриарха. Ревизию проводил сотрудник отдела летучих ревизий РКИ П. Н. Мольвер. Ревизия проводилась в мае 1920 г.

Том № 12 содержит переписку Патриарха Тихона с различными священнослужителями, зарубежными церковными деятелями.

Том № 13 содержит подлинники и копии посланий Патриарха Тихона. В данном томе сотрудниками 6-го отделения собрана также переписка Патриарха, тем или иным образом попавшая в руки ГПУ. Ряд писем и посланий Патриарха Тихона были добыты сотрудниками ГПУ в разных регионах страны и направлены в Москву, где приобщены к данному тому. Здесь же находятся различные редакции «Завещания» Патриарха Тихона.

Том № 14 содержит материалы дела о привлечении к уголовной ответственности сотрудника отдела летучих ревизий РКИ П. Н. Мольвера.

Тома № 15–21 содержат различные материалы, приобщенные к следственному делу: документы, изъятые из канцелярии Патриарха и Синода, с которыми проводилась работа по выявлению фактов, «характеризующих контрреволюционную деятельность гр. Беллавина». В томах содержатся в основном материалы 1918–1921 гг.: это переписка Патриарха, касающаяся различных церковных вопросов, воззвания и обращения к верующим; делопроизводственные документы; церковные издания; отчет о реставрационных работах в московском Успенском соборе и т. д.

Том № 22 содержит материалы, связанные с арестом в марте 1922 г. митрополита Арсения (Стадницкого) и главы канцелярии ВЦУ П. В. Гурьева: протоколы допросов, обвинительное заключение и т. д.

Том № 23 состоит из трех частей, соответствующих трем следственным делам, заведенным в 1924–1925 гг. Первая часть содержит материалы следственного дела, заведенного в отношении Патриарха Тихона в марте 1925 г. Вторая и третья части тома – материалы следствия, которое проводилось после второго ареста митрополита Арсения (Стадницкого) и П. В. Гурьева в январе 1924 г.

Том № 24 представляет собой папку, содержащую советские и зарубежные русскоязычные газеты и вырезки из них, посвященные деятельности Патриарха, а также публикации, связанные с его смертью.

В томе № 25 хранится копия обвинительного заключения по делу Патриарха. Том обозначен последним в перечне томов в описи 1935 г. В дальнейшем тома следственного дела формировались после поступления материалов из других мест.

В томе № 26 содержится подлинник обвинительного заключения 1923 г.

Том № 27 составляют письма и телеграммы, поступавшие на имя прокурора республики в связи с готовящимся процессом над Патриархом. В томе имеется письмо Е. Ярославского Н. Крыленко, копия заявления Патриарха в Верховный суд и копия протокола о прекращении дела.

Том № 28 представляет собой дело, заведенное в отношении Патриарха ВЧК в 1918 г.

Том № 29 на деле является томом № 1. В нем собраны следственные материалы, связанные с подготовкой процесса над Патриархом Тихоном в конце 1922 – начале 1923 г.

Сотрудниками Православного Свято-Тихоновского богословского института (ПСТБИ; так до 2004 г. назывался Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – *Ред.*) было подготовлено издание «Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ» (М., 2000), где впервые опубликованы многие документы, находящиеся в следственном деле Патриарха.

Долгие годы материалы, связанные с управлением Церковью Патриархом Тихоном и митрополитом Петром (Полянским),

собирал М. Е. Губонин († 1971). Трудами сотрудников Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) в 1994 г. были опубликованы собранные М. Е. Губониным документы, подписанные предстоятелями Церкви[1], а в 2007 г. вышел сборник собранных им воспоминаний о Патриархе[2]. Он же перепечатал и снабдил комментариями Богослужебный дневник Патриарха Тихона[3], который еще не издан и представляет важнейший источник для создания биохроники святителя. Интересны воспоминания очевидца событий 1920-х гг. Иринарха Стратонова[4].

Особо следует отметить подготовленную под руководством Н. Н. Покровского публикацию ряда тематических дел Политбюро из фондов Администрации Президента РФ и подборки документов по истории государственно-церковных отношений 1922–1925 гг. В этой публикации был впервые полноценно введен в научный оборот комплекс ранее не публиковавшихся документов. Снабженная подробными археографическими комментариями, публикация безусловно является самой большой и безукоризненной с археографической точки зрения[5].

Н. П. Иванов в 1950-е гг. описал деятельность раскольника Владимира Путяты, не раз пытавшегося вторгаться в дела Священного Синода. Его труд, хранящийся в машинописном виде в библиотеке Московской духовной академии (МДА)[6], был издан в Пензе в 1998–1999 гг.[7]

Безусловное лидерство в изучении эпохи Патриарха Тихона и митрополита Петра принадлежит исследователям из ПСТГУ.

---

[1] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт (далее: ПСТБИ), 1994.

[2] Современники о Патриархе Тихоне: Сборник: В 2-х т. / Сост. и автор коммент. М. Е. Губонин. М., 2007.

[3] Богослужебный дневник Святейшего Патриарха Тихона, 1917–1925 гг. Список М. Е. Губонина. Библиотека СПбДА и С. Машинопись.

[4] *Стратонов И.* Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии / Материалы по истории Церкви. М., 1995. Кн. 5. С. 29–173.

[5] Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997. Кн. 2. Новосибирск; М., 1998. (Далее: Архивы Кремля.)

[6] *Иванов Н. П.* История путятинского брожения в городе Пензе в период 1915–1922 г. Машинопись.

[7] *Иванов Н. П.* История путятинской смуты // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 6, 7, 8. 1999. № 1.

П. Н. Грюнберг издает материалы по истории российской иерархии, в том числе в 1920-е гг.[1] Н. А. Кривошеева много лет публикует документы, связанные с деятельностью Патриарха Тихона, вводя в научный оборот уникальные источники[2], и исследует отдельные аспекты служения святителя и его ближайших сотрудников[3]. Н. А. Кривошеева осуществила публикацию материалов, связанных с религиозными диспутами в Москве в 1923 г.[4] Без введенных ею в научный оборот документов никакое скрупулезное исследование служения Патриарха Тихона было бы невозможно. С. Н. Баконина опубликовала важное свидетельство о жизни Патриарха в 1922 г., появившееся в 1923 г. в одной из харбинских газет[5]. Два выпуска Богословского сборника Православного Свято-Тихоновского богословского института (ПСТБИ) (ныне – Вестник ПСТГУ) были полностью посвящены архивным материалам, освещающим жизнь и служение святителя Тихона[6].

Недавно рассекреченная и ныне постепенно вводимая в научный оборот директивная и делопроизводственная документация ВЧК–ОГПУ–НКВД характеризует масштабы репрессий, осуществлявшихся руками чекистов против духовенства и ре-

---

[1] Из истории российской иерархии: Статьи и документы / Сост. П. Н. Грюнберг. М.: ПСТБИ, 2002; История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов. М.: ПСТГУ, 2006.

[2] *Ефремова О., Кривошеева Н.* Новые архивные документы о преследовании властями Святителя Тихона в 1918–1923 гг. // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М.: ПСТБИ, 2000. Вып. 6. С. 160–175; Новые материалы из архива М. Е. Губонина / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 110–138; О закрытии Московского епархиального совета / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Там же. С. 197–203; Религиозные диспуты в Москве в 1923 году / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Там же. С. 215–225; Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Там же. С. 226–340.

[3] *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя»: Келейник святого Патриарха Тихона Яков Анисимович Полозов (23 октября 1879 г. – 9 декабря 1924 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 1 (22). С. 52–74.

[4] Религиозные диспуты в Москве в 1923 году / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Там же. 2006. Вып. 2 (19). С. 215–225.

[5] *Баконина С. Н.* Харбин, 1923-й: Удалась ли провокация в деле Патриарха Тихона? // Материалы XVI ежегодной богословской конференции ПСТГУ (9–11 октября 2005 г. и 26–28 января 2006 г.). М., 2006. Т. 1. С. 116–122.

[6] Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М.: ПСТБИ, 2000. № 6.; Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19).

лигиозных активистов из числа мирян, а также раскрывает методы работы спецслужб в среде «церковников» и верующей интеллигенции[1].

Фонд Патриарха Тихона, хранящийся в Московской Патриархии, был нам недоступен. По оценкам исследователей, он «представляет собой совокупность документов из канцелярии Патриарха Тихона и его личного архива»[2].

Фонд Московского епархиального совета, хранящийся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) (ф. 2303), содержит документы 1917–1935 гг. С 1922 г. это в основном документы обновленческого Московского епархиального совета.

Протоколы заседаний Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) (АРК) отложились в фондах РГАСПИ[3]. Протоколы содержат уникальную информацию, позволяющую изучать политику власти по отношению к обновленчеству. В рассматриваемый период АРК регулярно обращалась к темам, так или иначе имеющим отношение к Патриарху Тихону и Священному Синоду. В РГАСПИ имеется фонд руководителя АРК Е. М. Ярославского (ф. 89), который содержит ряд интересных документов по изучаемой теме.

Исследовались также материалы фонда канцелярии Патриарха Тихона (ф. 831), которые хранятся в РГИА. Некоторые документы цитируются по диссертации В. Лихачева[4], защищенной в Санкт-Петербургской духовной академии и содержащей документы фонда 831, правда, без соблюдения правил археографии.

Из материалов, собранных митрополитом Иоанном (Снычевым), наибольший интерес в контексте исследуемой темы пред-

---

[1] См.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ, 1921–1923. М.: Русский путь, 2005; Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М.: Институт российской истории РАН, 2001–2004. Т. 1. Ч. 1: 1922–1923 гг.; Ч. 2: 1924 г.; Т. 3. Ч. 1, Ч. 2: 1925 г.; Т. 4. Ч. 1, Ч. 2: 1926 г.; Т. 5: 1927 г.; Т. 6: 1928 г.; Т. 7: 1929 г.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.: Документы и материалы: В 4-х т. М., 1998, 2000. Т. 1: 1918–1922 гг.; Т. 2: 1923–1929 гг.

[2] «Да будем союзом любве связуеми». Неизвестные обращения Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси / Публ., коммент. и примеч. И. Жияновой // Богословский сборник. М.: ПСТБИ, 2003. № 11. С. 441.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а, 565а.

[4] *Лихачев В.* Положение и состояние Русской Православной Церкви: По материалам архивного фонда канцелярии Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода: Курсовое сочинение. СПбДА, 1999. Кн. 1–2.

ставляет «послание трех епископов», появившееся в 1927 г. Имена авторов в документе не указаны, но предположительно одним из них был епископ Василий (Зеленцов). В документе отражены малоизвестные подробности служения святителя Петра (Полянского). Интересные документы входят в машинописный сборник «Разное из времени возникновения обновленчества», хранящийся в МДА.

Важную информацию о событиях 1925 г. содержат труды представителя григорианского раскола епископа Бориса (Рукина) и подготовленный к печати выпуск периодического журнала григориан[1].

Изученный нами обширный корпус источников по данной теме позволяет, на наш взгляд, провести полноценное научное исследование и сформулировать обоснованные выводы, опирающиеся на разнообразный конкретно-исторический материал.

При подготовке к печати настоящего издания учитывались особенности публикуемых источников. Архивные документы, публикуемые впервые, печатаются с сохранением всех их особенностей, как стилистических, так и орфографических. Уточнения и знаки препинания, необходимые для удобства чтения и понимания текста, но отсутствующие в тексте документа, помещены в квадратные скобки. Архивные документы цитируются по первоисточникам, на которые приводятся архивные ссылки. Если цитируемый источник ранее публиковался, ссылка на публикацию приводится после архивной ссылки.

Книга адресована широкому кругу читателей, прежде всего студентам духовных школ Русской Православной Церкви, преподаванию в которых автор посвятил пятнадцать лет своей жизни, а также всем интересующимся историей Русской Православной Церкви периода 20-х гг. XX в. и личностью святого Патриарха Тихона.

---

[1] Информационный бюллетень Временного высшего церковного совета, 1928 г. Машинопись.

ГЛАВА I
Обзор служения святителя Тихона в 1917–1920 гг.

§ 1. Избрание святителя Тихона Патриархом

В 1917 г. архиепископ Виленский и Литовский Тихон (Беллавин) являлся одним из самых авторитетных иерархов Российской Православной Церкви. Он имел 20-летний опыт епархиального управления. 12 мая 1917 г. архиепископ Тихон был избран в состав Предсоборного Совета, образованного 29 апреля 1917 г. с целью подготовки созыва первого в истории Российской Православной Церкви Поместного Собора. 19 июня открылся чрезвычайный съезд Московской епархии по выборам митрополита, который с перерывом продолжался до 24 июля 1917 г. На этом съезде архиепископ Тихон (Беллавин) был избран главой Московской епархии. При окончательном голосовании 21 июня архиепископ Тихон получил 481 голос. 13 августа Святейший Синод принял решение о возведении архиепископа Тихона в сан митрополита.

15 августа 1917 г. в Москве начал работу Поместный Собор Российской Православной Церкви. 18 августа состоялись выборы председателя Поместного Собора. Большинство голосов (407 – за, 30 – против) было отдано митрополиту Тихону (Беллавину). Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) был избран почетным председателем Собора. Заместителями (товарищами) председателя стали шесть человек: два архиерея – архиепископы Арсений (Стадницкий) и Антоний (Храповицкий), два клирика – протопресвитеры Николай Любимов*[1] и Георгий Шавельский и два мирянина – князь Е. Н. Трубецкой и М. В. Родзянко. Впоследствии вместо М. В. Родзянко был избран А. Д. Самарин*[2].

---

*[1] Сноски, помеченные звездочкой (*), см. в разделе «Комментарии» (с. 611).

11 октября Поместный Собор принял решение об избрании Патриарха. Председатель соборного отдела «О Высшем Церковном Управлении» (ВЦУ) епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) выступил на пленарном заседании с докладом, открывавшим главное событие в деяниях Собора – восстановление патриаршества.

Бурные дискуссии и яростные споры по поводу восстановления патриаршества захлестнули Собор. Этот вопрос рассматривался в отделе «О Высшем Церковном Управлении». 32 члена отдела высказали особое мнение, которое сводилось к тому, что патриаршество восстанавливать нецелесообразно.

Многие высказывали мнение о том, что единоличная патриаршая власть нарушает принцип соборности. Причем среди противников восстановления патриаршества были профессор А. И. Бриллиантов, протоиерей Н. В. Цветков, профессор И. М. Громогласов, считавший, что вопрос о патриаршестве «не вызывается ни каноническими, ни историческими основаниями»[1]. В числе прочих против восстановления патриаршества выступил профессор Петербургской духовной академии Б. В. Титлинов – будущий идеолог обновленчества. В выступлении 21 октября он пытался обосновать тезис, согласно которому восстановление патриаршества приведет к абсолютизму в Церкви[2]. Многие противники восстановления патриаршества демонстрировали удивительный секуляризм церковного сознания. Они воспринимали Церковь как общественный институт, который должен приспосабливаться к изменениям, происходящим в обществе. На этом мнении, в частности, была построена и аргументация Б. В. Титлинова, утверждавшего, что патриаршество – институт, существовавший при монархии, а республиканский строй должен породить новую форму церковного управления.

28 октября Поместный Собор принял решение приступить к голосованию по вопросу о восстановлении патриаршества. Предложение было поддержано 141 голосом против 112[3].

---

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Первая сессия / Сост. А. Г. Кравецкий и др. М., 2002. С. 98.

[2] Там же. С. 92–93.

[3] Там же. С. 102.

30 октября был проведен первый тур голосования по избранию Патриарха. За основу взяли правила, существовавшие в Константинопольской Церкви. Первоначально были предложены имена кандидатов (из епископов, священников и мирян), которых мог избрать весь Собор. В результате из 25 кандидатов, выдвинутых членами Собора, больше всего голосов (101) получил архиепископ Антоний (Храповицкий).

4 ноября Собор принял определение по общим положениям о высшем управлении Православной Российской Церкви. Высшей властью (законодательной, административной, судебной и контролирующей), согласно определению, обладает Поместный Собор, созываемый периодически в определенные сроки в составе епископов, клириков и мирян. Вторым пунктом заявлялось о восстановлении патриаршества и возглавлении церковного управления Патриархом, являющимся «первым между равными ему епископами»[1]. Патриарх подотчетен Собору, равно как и органы церковного управления.

5 ноября в храме Христа Спасителя состоялось избрание Патриарха. Захватившие к тому времени Кремль большевики все же дали разрешение принести в храм Христа Спасителя Владимирскую икону Божией Матери. По словам современника, храм, вмещавший 12 000 человек, был переполнен.

«Вход был свободный, – вспоминал участник Поместного Собора бывший член Государственной Думы князь И. С. Васильчиков. – Литургию совершал митрополит Владимир в сослужении многих архиереев. Пел, и пел замечательно, полный хор синодальных певчих. В конце литургии митрополит вынес из алтаря и поставил на небольшой столик перед иконой Владимирской Божией Матери, слева от царских врат, небольшой ковчег с именами выбранных на церковном Соборе кандидатов в патриархи. Затем он встал, окруженный архиереями, в царских вратах лицом к народу. Впереди лицом к алтарю стоял протодиакон Успенского собора Розов. Тогда из алтаря вышел старец о. Алексий в черной монашеской мантии, подошел

[1] Определение Священного Собора Российской Православной Церкви о высшем управлении Православной Российской Церкви. – Цит. по: Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 807.

к иконе Богоматери и начал молиться, кладя земные поклоны. В храме стояла полная тишина, и в то же время чувствовалось, как нарастало общее нервное напряжение. Молился старец долго. Затем встал с колен, вынул из ковчега записку и передал ее митрополиту. Тот прочел и передал протодиакону. И вот протодиакон своим знаменитым на всю Москву, могучим и в то же время бархатным басом медленно начал провозглашать многолетие. Напряжение в храме достигло высшей точки. Кого назовет? „...Патриарху Московскому и всея Руси Тихону!“ – раздалось на весь храм, и хор грянул многолетие!»[1].

Весьма авторитетные члены Собора, такие, как Н. Д. Кузнецов, попытались умалить значение Патриарха, существенно ограничив круг его полномочий. Против этого 2 декабря 1917 г. выступил архимандрит Иларион (Троицкий)*[3]: «...недостаточно сказать, что Патриарх возглавляет Священный Синод и Совет: нет, все Церковное Управление восходит к нему, как главе. <...>

Если мы учредили патриаршество и чрез два дня будем возводить на престол того, кого Бог нам указал, то мы его любим и ничуть не стесняемся возвести его на первое место»[2].

21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, в Успенском соборе Кремля состоялась интронизация Святейшего Патриарха Тихона. Без преувеличения можно сказать, что избрание Патриарха было главным деянием Поместного Собора.

28 ноября вышел указ Святейшего Патриарха Тихона о возведении в сан митрополита пяти старейших иерархов Православной Российской Церкви. В сан митрополита возводились архиепископы Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий), Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий), Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский), Казанский и Свияжский Иаков (Пятницкий), Владимирский и Шуйский Сергий (Страгородский).

---

[1] Цит. по: *Розова Л. К.* Великий архидиакон. М., 1998. С. 43.

[2] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: В 11-ти т. М., 1996. Т. 4. С. 164–165.

§ 2. Поместный Собор 1917–1918 гг. о полномочиях Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета

Идея восстановления патриаршества, отмененного Петром I, возникла задолго до Поместного Собора 1917–1918 гг., но лишь после падения монархии был собран Поместный Собор, на котором и был избран Патриарх.

Собор постановил, что высшая церковная власть в Российской Церкви принадлежит Поместному Собору, Патриарх является первым между равными ему епископами и что он вместе с органами церковного управления подотчетен Собору. Патриарх, согласно решениям Собора, имел право высшего начальственного наблюдения за всеми центральными учреждениями при Священном Синоде и Высшем Церковном Совете (ВЦС), за ведением дел в них и за исполнением постановлений Синода и Совета. Как мы видим, Патриарх должен был принимать решения совместно с коллегиальными органами – Священным Синодом и ВЦС[1].

Одновременно с восстановлением патриаршества Собором 1917–1918 гг. были созданы совершенно новые органы Высшего Церковного Управления (ВЦУ): Священный Синод, Высший Церковный Совет и их соединенное присутствие. В 1-м выпуске определений Поместного Собора 3-е определение, от 7 декабря 1917 г., называется «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете»[2]. В этом определении говорится о том, что церковными делами управляет Патриарх «совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом»[3], а также о подотчетности органов центрального церковного управления Поместному Собору. Председательствует в Синоде, в Высшем Церковном Совете, а равно в их соединенном присутствии Святейший Патриарх, в случае его отсутствия или болезни – старейший из членов Синода.

Священный Синод состоял из председателя – Патриарха, которого мог заменить старейший архиерей, и из 12 членов: Киевского митрополита – постоянного члена Синода, шести

---

[1] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Русской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 1. С. 10.

[2] Там же. С. 7.

[3] Там же.

иерархов, избираемых Поместным Собором на три года, и пяти иерархов, вызываемых по очереди на один год. Архиереи вызываются в Священный Синод из епархий, разделенных с этой целью на пять групп: Северо-Западную, Юго-Западную, Центральную, Восточную и Сибирскую с заграничными миссиями*[4]. В состав Высшего Церковного Совета входили председатель – Патриарх – и 15 членов: три иерарха «из состава Священного Синода, которые делегировались самим Синодом, а также по избранию Поместного Собора», «один монах из монастырских иноков, пять клириков из белого духовенства» и шесть мирян[1]. Клирики, монашествующие и миряне избирались на межсоборный срок (три года). Как точно отметил немецкий историк Г. Шульц, соединенное присутствие ВЦУ – это «непрерывно действующий малый Собор, председателем которого является Патриарх»[2].

На Священный Синод возлагались дела внутрицерковного характера: вопросы вероучения, богослужения, церковных просвещения, управления и дисциплины[3]. К ведению Синода, в частности, относились: рассмотрение отчетов о состоянии епархий, утверждение в должности избранных на епархии архиереев и увольнение их на покой, распоряжения по вызову архиереев для присутствия в Священном Синоде, назначение настоятелей и настоятельниц монастырей (в том числе и ставропигиальных), утверждение новых монастырей, общее руководство и высший надзор за монастырями и монашествующими[4].

Ведению Высшего Церковного Совета подлежали дела церковно-общественного порядка, второстепенные церковно-административные дела, дела церковного хозяйства, школьно-просветительные дела, дела ревизии и контроля[5]. В вопросах церковной администрации рассмотрению Совета подлежали в основном дела, касающиеся назначения в органы церковного управления

---

[1] *Цыпин В., прот.* Высший Церковный Совет // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 110.

[2] *Шульц Г.* Поместный Собор 1917–1918 гг.: Результаты работы и значение // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России: К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 179.

[3] *Звонарев С., свящ.* Органы высшей власти и управления Русской Православной Церкви в период с 1917 по 2000 год. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2007. Приложение № 8. С. 287–288.

[4] Там же. С. 288.

[5] Там же.

мирян. Назначение лиц духовного сана принадлежало Синоду. Совету определялось разрешать общественные сборы и учреждать церковно-археологические общества. В вопросах церковного хозяйства Совет входил в распоряжение общецерковным имуществом и капиталом, обложением приходов на общецерковные нужды, на различные дела, касающиеся благотворительности, т. е. дела финансово-экономического характера.

Протоиерей А. М. Станиславский определял полномочия ВЦС, членом которого являлся, следующим образом: «Соборное положение о Высшем Церк[овном] Управлении отвело членам Совета ограниченную роль – хозяйственную и отчасти административную, и та или иная целесообразность церковной тактики и политики от нас не зависела»[1].

Ведению соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета подлежали дела смешанного характера или особо важные, а именно: «...по защите прав и привилегий Православной Российской Церкви. <...> ...По приведению в исполнение соборных постановлений об открытии новых епархий...»[2]. В положении «О распределении круга дел в органах Высшего Церковного Управления» говорилось, что рассмотрению соединенного присутствия подлежит «всякое дело, которое Патриарх[,] или Священный Собор, или Высший Церковный Совет найдут нужным перенести на соединенное заседание, ввиду его важности или для придания большей авторитетности церковному решению»[3]. Соединенное присутствие под председательством Патриарха – главный орган церковного управления в межсоборный период.

В декабре 1917 г. Собор избрал состав Священного Синода. В него входили митрополиты Киевский Владимир (Богоявленский), Новгородский Арсений (Стадницкий), Харьковский Антоний (Храповицкий), Владимирский Сергий (Страгородский), Тифлисский Платон (Рождественский)*[5]; архиепископы Кишиневский Анастасий (Грибановский)*[6] и Волынский Евлогий (Георгиевский).

---

[1] Центральный архив ФСБ (далее: ЦА ФСБ). Д. Н-1780. Т. 4. Л. 316 об.

[2] *Звонарев С., свящ.* Органы высшей власти и управления Русской Православной Церкви... Приложение № 8. С. 289.

[3] Там же.

7 декабря 1917 г. на соборном заседании под председательством митрополита Новгородского Арсения были избраны шесть заместителей членов Священного Синода. Ими автоматически стали кандидаты, следующие по количеству набранных голосов за избранными в члены Священного Синода: епископ Вятский Никандр (Феноменов)*[7], архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), архиепископ Могилевский Константин (Булычов), архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов), епископ Пермский Андроник (Никольский)[1].

Модель Высшего Церковного Управления, установленная Собором, отводила Патриарху важную, но не определяющую роль: Патриарх являлся председателем всех органов ВЦУ и управлял Церковью совместно с ними: без согласия коллегиальных органов он не мог принимать важные решения.

§ 3. Патриарх Тихон в 1918 г.

С начала 1918 г. имущество Русской Православной Церкви подвергалось многочисленным конфискациям со стороны властей. Часты были случаи грабежей, от которых подчас не очень отличались реквизиции, проводимые центральными и местными властями. Так, в январе 1918 г. у Синода Русской Православной Церкви было изъято ценных бумаг и других активов на сумму 46 миллионов рублей[2].

14 января Патриарх Тихон выступил с обращением («Россия в проказе»). В поучении, произнесённом при служении литургии в Николо-Воробинском храме Москвы (на Воронцовом поле), Патриарх сказал: «Эти мучительные переживания прокаженных невольно напоминают собою то ужасное состояние, в котором находится ныне наша дорогая Родина, страдалица Россия.

Все тело ее покрыто язвами и струпами, чахнет она от голода, истекает кровью от междоусобной брани. И, как у прокажен-

---

[1] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1996. Т. 5. С. 355.

[2] *Паламарчук А. В.* Исторический опыт взаимоотношения государства и церкви Юго-Восточной Сибири (1920–1930-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. С. 75.

ного, отпадают части ее – Малороссия, Польша, Литва, Финляндия, и скоро от великой и могучей России останется только одна тень, жалкое имя»[1].

19 января появилось послание Патриарха Тихона с анафематствованием творящих беззаконие. В нем Патриарх выразил бескомпромиссно отрицательное отношение к братоубийственной войне и пролитию братской крови, кем бы оно ни совершалось: «Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово...

Забыты и попраны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до Нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты; но въявь, при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостию и беспощадной жестокостию, без всякого суда и с попранием всякого права и законности – совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.). <...> Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. <...> Властию, данною Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной»[2].

20 января 1918 г. возобновил работу, прерванную на рождественские каникулы, Поместный Собор. 31 января Поместный Собор принял решение, согласно которому начали работу Священный Синод и Высший Церковный Совет с передачей в их ведение дел и учреждений Святейшего Синода.

16 февраля*[8] состоялось первое совместное заседание соединенного присутствия ВЦУ – Святейшего Патриарха, Священного

---

[1] Следственное дело... С. 812.

[2] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 82–83; ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 74.

Синода и Высшего Церковного Совета. В Московском епархиальном доме собрались члены Священного Синода: митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский), митрополит Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий), митрополит Владимирский и Шуйский Сергий (Страгородский), архиепископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков) – и члены Высшего Церковного Совета: протопресвитер Н. А. Любимов, протоиерей А. М. Станиславский, профессора С. Н. Булгаков, И. М. Громогласов, кн. Е. Н. Трубецкой и кандидат богословия А. Г. Куляшев. Присутствовали управляющий канцелярией Священного Синода П. В. Гурьев*[9] и помощник управляющего канцелярией С. Г. Рункевич. По благословению Святейшего Патриарха пропели стихиру «Днесь благодать Святаго Духа нас собра». Став на свое место и призвав благословение Божие на начало дела, Святейший Патриарх обратился к присутствующим с речью, в которой напомнил, что созданный Петром I Святейший Правительствующий Синод прекратил свои действия, и объявил об открытии первого соединенного заседания новых органов Высшего Церковного Управления – Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

Согласно определениям «Об общих положениях о высшем управлении Православной Российской Церкви» от 4 ноября 1917 г., «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете» от 7 декабря 1917 г. и «О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего церковного управления» от 8 декабря 1917 г., Священный Синод и Высший Церковный Совет являлись самостоятельными органами Высшего Церковного Управления с четко определенной компетенцией и составом членов. Синод и Совет не учреждались «при Патриархе», а возглавлялись им, сохраняя при этом определенную самостоятельность[1].

28 февраля вышло постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета с особыми указаниями клиру и мирянам в связи с усиливающимися гонениями на Церковь. Особое место в постановлении уделялось созданию мирянами организаций, призванных к активной защите Церкви. В документе говорилось: «При всех приходских и бес-

[1] *Звонарев С., свящ.* Органы высшей власти и управления Русской Православной Церкви... С. 136.

приходных церквах надлежит организовать из прихожан и богомольцев союзы... которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства. <...> В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания его в руки неправославных или даже иноверцев»[1].

18 марта было выпущено послание Святейшего Патриарха Тихона с осуждением Брест-Литовского мирного договора.

> 13 апреля в храме Московской духовной семинарии Патриарх Тихон отслужил заупокойную литургию об упокоении рабов Божиих, за веру и Церковь Православную убиенных.

С 23 мая по 3 июня состоялось историческое посещение Петрограда Святейшим Патриархом Тихоном. Первосвятитель совершил несколько богослужений – в Исаакиевском и Казанском соборах, в Александро-Невской лавре, возглавил крестный ход, посетил Кронштадт. Это было настоящее торжество Православия в Северной столице.

2 июля Поместный Собор собрался на последнюю (третью) сессию. К этому времени никаких иллюзий в отношении новой власти не оставалось уже ни у кого: за несколько дней до открытия сессии власти заняли здание Московской духовной семинарии, где предполагалось проводить заседания, и вывезли оттуда продукты, заготовленные для членов Собора. Считать происшедшее случайностью было бы наивно. И хотя на третью сессию смогло приехать всего 140 членов Собора, многие решения, принятые ими, стали по-настоящему историческими.

8 августа Святейший Патриарх призвал русский народ к покаянию. В послании, опубликованном в преддверии Успенского поста, он однозначно и ясно указал на корень всех бедствий, которые происходили на Русской земле, – нераскаянный грех.

10 августа Собор принял определение о Местоблюстителе Патриаршего престола. Местоблюститель Патриаршего престола избирается на время междупатриаршества. По освобождении Патриаршего престола старейший из членов Священного Синода после предварительного совещания с прочими его чле-

---

[1] Следственное дело... С. 818.

нами незамедлительно созывает соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета. В соединенном присутствии под председательством того же старейшего иерарха члены Священного Синода и Высшего Церковного Совета тайным голосованием избирают Местоблюстителя из среды присутствующих членов Священного Синода, причем избранным считается получивший более половины всех голосов. Фактически Местоблюститель исполняет почти все обязанности Патриарха.

13 августа Поместный Собор утвердил определение о порядке избрания Святейшего Патриарха. Собор указал, что Патриарх избирается Собором, состоящим из епископов, клириков и мирян, путем закрытого голосования. Патриарх избирается по жребию из трех кандидатов.

20 сентября 1918 г. под давлением властей Поместный Собор вынужден был закончить работу. На заключительном заседании было принято определение о необходимости образования в пределах Православной Российской Церкви церковных округов. В этот же день было принято определение «О созыве очередного Собора и о полномочиях членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета». В нем Патриарху предоставлялись полномочия созвать очередной Собор через три года, т. е. в 1921 г. Предусматривалось также, что избранные Собором 1917–1918 гг. члены Синода и ВЦС сохраняют свои полномочия до избрания нового состава Синода и ВЦС очередным Собором. Следовательно, Собором 1917–1918 гг. была заложена норма регулярного проведения Поместных Соборов не менее одного раза в три года.

7 ноября развернувшийся «красный террор» побудил Патриарха Тихона к решительным действиям. К годовщине октябрьского переворота он выпустил грозное послание, адресовав его непосредственно Совету народных комиссаров (СНК). Патриарх упрекал советскую власть в пролитии рек крови «братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву...»[1]. Далее в послании шла речь о жестоких нарушениях свободы в делах веры. Заканчивалось оно следующими словами: «Не Наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя наше благословение, если бы она воистину явилась *Божиим слугой* на благо подчиненных и была страшна *не для добрых*

[1] Акты... С. 149.

дел, а для злых (Рим. 13: 3–4). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних[,] истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междуусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (см.: Лк. 11: 51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (см.: Мф. 26: 52)»[1].

При всей резкости послания Патриарх Тихон не призывал к участию Русской Православной Церкви в какой-либо борьбе против советской власти и увещевал последнюю проявить элементарнейшие признаки гуманности во внутренней политике.

24 ноября 1918 г. комиссар отдела по борьбе с контрреволюцией Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) С. Вайсберг, согласно ордеру за подписью председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, заключил Патриарха Тихона под домашний арест. В помещениях на Троицком подворье, где находились канцелярия, приемная и покои Патриарха, был произведен обыск[2]. При обыске изъяли ценные вещи и переписку Патриарха. 29 ноября 1918 г. дело для вынесения решения было передано в Президиум ВЧК[3].

В специальном извещении Священного Синода, выпущенном по этому поводу, говорится: «Священный Синод извещает верных чад Св[ятой] Церкви Московской, что в ночь с 11/24 на 12/25 Ноября, по распоряжению Чрезвычайной Комиссии, в покоях Святейшего Патриарха произведен обыск, а сам Святейший Отец наш подвергнут домашнему аресту и в его помещении поставлена стража, причем до сих пор Его Святейшеству не предъявлено никакого обвинения.

Свящ[енный] Синод приглашает всех вознести особо усердныя молитвы к Пастыреначальнику Господу Иисусу Христу, да в этот час испытания укрепит Он и утешит Своею всесильною благодатию нашего общего Отца и Молитвенника и да сохранит его цела и невредима среди обдержащих его бед и напастей»[4].

---

[1] Акты... С. 151.
[2] Следственное дело... С. 69.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 28. Л. 67.
[4] Следственное дело... С. 72.

§ 4. Патриарх Тихон и советская власть в 1919 г.

2 января 1919 г. последовало новое заявление членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета в Совет народных комиссаров о необходимости освобождения Патриарха Тихона из-под домашнего ареста[1]. 6 января Патриарх Тихон был освобожден из-под домашнего ареста.

Так как страна была разделена множеством фронтов Гражданской войны, это весьма осложнило вызов архиереев в Синод. Кроме того, многие архиереи, даже из постоянных членов Синода и Совета, были вынуждены эмигрировать. Таким образом, состав Высшего Церковного Управления к 1919 г. уменьшился наполовину – до 13 из 28 человек.

Историк А. Н. Кашеваров указывает, что с начала 1919 г. из членов ВЦУ, кроме Патриарха, присутствовали в Москве и участвовали в заседаниях Синода митрополиты Новгородский Арсений (Стадницкий), Владимирский Сергий (Страгородский), Тифлисский Кирилл (Смирнов), архиепископы Вятский Никандр (Феноменов), Архангельский Нафанаил (Троицкий); в заседаниях Высшего Церковного Совета – архимандрит Алексий (Житецкий)*[10], протопресвитер Н. А. Любимов, протоиерей А. М. Станиславский, протоиерей П. А. Миртов (выбывший с 24 октября 1919 г.), профессора И. М. Громогласов и П. Д. Лапин, псаломщик А. Г. Куляшев. Вместе с Патриархом – 13 человек[2]. Однако в течение 1919 г. состав органов ВЦУ продолжал сокращаться.

Период Гражданской войны стал переломным во взаимоотношениях Церкви и государства. В первую очередь это изменение проявилось в отношении самого Патриарха к захватившим власть в России большевикам. Патриарх Тихон пришел к выводу, что новая власть и проводимая ею политика – явление не временное и может продлиться не один год. С 1919 г. он предпринял попытку выстроить отношения с государством таким образом, чтобы Церковь имела возможность осуществлять свое служение в обществе. Такая позиция, при которой Патриарх Тихон старался

---

[1] Следственное дело... С. 77.

[2] *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 251.

избежать даже косвенной поддержки одной из конфликтующих в ходе Гражданской войны сторон, сохранялась Патриархом до весны 1922 г., когда государственно-церковные отношения вступили в новую фазу и нейтральности было уже недостаточно для сохранения Церкви от полного уничтожения – потребовалось идти на компромисс с властью.

1919 год стал отправным моментом систематического наступления власти на Церковь. Начиная с 1919 г. опробовались новые средства борьбы с Церковью путем организации долговременных кампаний, направленных на развал Церкви (например, кампания по вскрытию святых мощей).

2 апреля Патриарх Тихон обратился к В. И. Ленину с просьбой отменить намеченное вскрытие мощей преподобного Сергия Радонежского. В письме Патриарха говорилось: «Обращаю на это Ваше внимание и во имя успокоения смущенных сердец верующих людей настоятельно прошу принять экстренные меры к недопущению со стороны местной Сергиево-Посадской власти деяния, явно оскорбительного для чувств православного русского народа»[1]. 11 апреля мощи преподобного Сергия были вскрыты.

12 июля 1919 г. произошло покушение на Патриарха Тихона. При выходе из храма Христа Спасителя некая Пелагея Гусева нанесла святителю удар ножом в бок. Патриарха спас находившийся под рясой монашеский широкий кожаный пояс, благодаря которому изменилось направление удара и нож оставил лишь неглубокий порез на теле. Покушавшуюся задержали, и через четыре месяца суд, признав ее психически невменяемой, постановил «от наказания освободить и озаботиться помещением ее в условия, наиболее соответствующие ее психическому состоянию»[2]. Рана, к счастью, оказалась неопасной, и уже через непродолжительное время Патриарх смог возвратиться к своим обязанностям.

21 июля Патриарх Тихон обратился с посланием к верующим, в котором осуждал «красный террор». Патриарх писал: «Мы не говорим уже о том, что пролитая кровь всегда взывает к новой крови. И отмщение – к новому возмездию. Строительство

---

[1] Следственное дело... С. 536.

[2] *Вострышев М. И.* Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990. С. 143.

на вражде – строительство на вулкане. Взрыв – и снова царство смерти и разрушения. <...>

Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложниками берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. <...> Мы содрогались, – но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы – вредный пережиток...»[1].

День тезоименитства Патриарха Тихона, названного при пострижении в монашество в честь святителя Тихона Воронежского, 26 августа стал общецерковным праздником. За несколько дней до него было принято постановление Святейшего Патриарха и Высшего Церковного Совета, предписывающее внесение в церковный календарь дня тезоименитства Святейшего Патриарха Московского и всея России.

8 октября, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, Патриарх Тихон обратился к архипастырям Русской Православной Церкви с посланием, в котором призывал их отказаться от всяких политических выступлений и от вмешательства в политическую борьбу. Святитель писал: «Многократно с церковной кафедры обращались Мы к верующим со словом пастырского назидания о прекращении и распрей и раздоров, породивших на Руси кровавую международную брань, но и доныне эта брань не прекращается, и кровь обильным потоком льется по всему обширному пространству Русской земли... <...>

Не мимо идут эти ужасы и нас, священнослужителей Церкви Христовой, и много уже и Архипастырей[,] и пастырей, и просто клириков сделались жертвами кровавой политической борьбы. И все это, за весьма, быть может, немногими исключениями, только потому, что мы, служители и глашатели Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению советского строя. Но Мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления [–] не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение.

---

[1] Цит. по: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви, 1917–1945. М., 1996. С. 260–261.

Говорят, что Церковь готова будто бы благословить иностранное вмешательство в нашу разруху, что Она намерена звать „варягов" прийти помочь нам наладить наши дела... Обвинение голословное и неосновательное. Мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто не спасет России от нестроения и разрухи, пока правосудный Господь не преложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не возродится духовно в *нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины* (Еф. 4: 24).

Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устроением торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций»[1].

Следует особо подчеркнуть, что послание было составлено во время апогея наступления войск генерала А. И. Деникина, находившихся уже между Курском и Тулой и ожидавшихся со дня на день в Москве. Именно этот непростой момент избрал Патриарх Тихон, чтобы сделать принципиальное заявление о позиции Церкви: *Несть бо власть аще не от Бога* (Рим. 13: 1), с одной стороны, а с другой: «Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»[2]. Позиция аполитичности характерна не только для патриарших посланий, но и для постановлений Синода и Высшего Церковного Совета, принятых по текущим делам в рассматриваемый период.

24 октября была преобразована система управления Московской епархией. Постановлением Святейшего Патриарха,

[1] Акты... С. 163–164.
[2] Там же. С. 164.

Священного Синода и Высшего Церковного Совета Московская епархия была разделена на шесть полусамостоятельных викариатств: Дмитровское, Серпуховское, Волоколамское, Верейское, Коломенское и Богородское. Управляющего Московской епархией постановили именовать Крутицким.

29 ноября состоялось последнее служение Патриарха Тихона в Троице-Сергиевой лавре. Патриарх за неимением лошади шел на вокзал пешком, а затем в переполненном вагоне ехал до Сергиева Посада. В лавре Святейший отслужил литургию и акафист преподобному Сергию. В Москву Патриарх возвратился 30 ноября.

23 декабря 1919 г. в ВЧК было принято решение о домашнем аресте Патриарха. По этой причине он не мог председательствовать в Синоде. Согласно определению Поместного Собора, как уже говорилось выше, в подобном случае председательство переходило к старейшему по хиротонии архиерею в Синоде. Таковым тогда, по причине ареста митрополитов Арсения (Стадницкого) и Кирилла (Смирнова), стал митрополит Сергий (Страгородский). По данным Н. В. Нумерова*[11], митрополит Сергий прибыл в Москву, где стал проживать постоянно, участвуя в работе Синода. До этого он жил во Владимире и в работе Синода участвовал редко[1].

В тот же день Патриарх Тихон был допрошен и подвергнут домашнему аресту. Допрос проводился в Секретном отделе (СО) ВЧК заместителем Ф. Э. Дзержинского М. И. Лацисом и длился около двух часов.

На допросе Патриарх указал, что признает советскую власть «и никому никогда не говорил, чтобы ей не подчиняться в делах мирских, и только в делах веры и благочестия должно повиноваться не мирской власти, а только воле Божьей»[2]. Патриарх также подчеркнул, что Высшее Церковное Управление признает советскую власть не только на словах, но и считается «с велениями этой власти» – «отменяет иногда раннейшие свои же

---

[1] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому) от 01 (14) сентября 1921 года / Публ. О. В. Косик, П. Н. Грюнберга // История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года / Сост. М. Е. Губонин и др. М., 2006. С. 873.

[2] *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). С. 313.

постановления под влиянием тех или других декретов и распоряжений Советского правительства. Так, например, постановление о звоне в набат, после запрещения оного Советской властью, отменено было указом Высшего управления, распоряжение относительно заведения метрических записей подтверждено было и циркулярами духовного начальства и т. д. и т. п.»[1]. В заключение допроса Патриарх заявил, что он «никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или другой форм правления на Руси и ни в каком случае не будет насиловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования»[2].

25 декабря были арестованы некоторые члены ВЦУ. Аресту подверглись митрополиты Новгородский Арсений (Стадницкий) и Тифлисский Кирилл (Смирнов). Одновременно чекисты арестовали управляющего Московской епархией архиепископа Крутицкого Иоасафа (Калистова) (извещение о его аресте было прочитано в храмах столицы 28 декабря). 25 декабря состоялось заседание Высшего Церковного Управления, на котором член ВЦС протопресвитер Н. А. Любимов сделал подробное сообщение о допросе Патриарха в ВЧК.

§ 5. Патриарх Тихон в 1920 г.

11–16 января 1920 г. в Москве проходил судебный процесс над руководителями Совета объединенных приходов. Главными обвиняемыми были А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов[3]. А. Д. Самарин вместе с другими членами Исполнительного комитета Совета объединенных приходов, в частности с Н. Д. Кузнецовым, был арестован 27 августа 1919 г. Следствие по этому делу вела Следственная комиссия при Московском губернском революционном трибунале[4]. В результате проведенного следствия было составлено обвинительное заключение, в котором голословно утверждалось,

---

[1] *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). С. 316.

[2] Цит. по: *Ефремова О., Кривошеева Н.* Новые архивные документы о преследовании властями святителя Тихона в 1918–1923 гг. // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. Вып. 6. С. 169.

[3] *Голубцов С.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений, 1917–1922 гг. М., 1999. С. 74–78.

[4] ГАМО. Ф. 5062. Оп. 3. Д. 6, 7.

что Совет объединенных приходов звал народ к восстанию, провоцировал крестьян и рабочих и старался всеми способами помешать строительству советской республики[1]. На процессе Патриарх Тихон давал свидетельские показания. Подсудимых приговорили к расстрелу, затем расстрел заменили пятилетним заключением, а в 1921 г. они были амнистированы и выпущены на свободу.

24 марта в ответ на решение властей об изъятии мощей преподобного Сергия и о закрытии Троице-Сергиевой лавры Патриарх Тихон обратился с письмом к председателю Совнаркома В. И. Ленину: «До моего сведения дошли тревожные вести еще об одном готовящемся оскорблении религиозного чувства верующего русского народа – предполагаемом в ближайшие дни изъятии и вывозе из Сергиева священных останков Преподобного Сергия. <...> Действительность показала... что нанесенное оскорбление религиозного чувства еще усилило порыв веры в Преподобного Сергия, как и в других угодников Божиих, вскрытых по велению властей...»[2].

10 мая Патриарх Тихон обратился к власти, выступив против изъятия храмов Троице-Сергиевой лавры. В его письме говорилось, что «закрытие лаврских храмов и намерение вывезти оттуда мощи... является вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь и верование Церкви» и противоречит декрету об отделении Церкви от государства и «неоднократным заявлениям высшей центральной власти о свободе вероисповеданий»[3].

18 мая Священный Синод во главе с Патриархом Тихоном принял постановление о предоставлении епархиальным архиереям права решать на местах все церковные дела (даже те, которые ранее входили в компетенцию Синода) в случае прекращения связи с Высшим Церковным Управлением.

28 июня Патриарх Тихон и Священный Синод приняли решение о даровании Православной Церкви в Эстонии самостоятельности в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, церковно-гражданских и школьно-просветительных.

---

[1] Следственное дело... С. 86–91.
[2] Там же. С. 587.
[3] Акты... С. 165.

9 августа Патриарх Тихон направил письмо председателю ВЦИК М. И. Калинину по поводу вскрытия святых мощей. В этом письме Патриарх оценил кампанию по вскрытию мощей как откровенное вмешательство государства во внутренние дела Церкви, непосредственно относящиеся к области культа. «Мощи, канонизация, восковые свечи – все это предметы культа. <...> При таких условиях гонения на мощи являются актом, явно не закономерным с точки зрения советского законодательства», – писал Патриарх Тихон[1]. На письме Патриарха осталась короткая резолюция: «Оставить без последствий».

20 ноября Святейший Патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет приняли постановление № 362 о самоуправлении епархий при невозможности для них поддерживать связь с каноническим центром, а также и в случае прекращения деятельности Высшего Церковного Управления.

В этом постановлении ВЦУ указало: «...в случае, если Священный Синод и Высший Церковный Совет по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, епархиальный архиерей за руководственными по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам, восходящим к Высшему Церковному Управлению, обращается непосредственно к Святейшему Патриарху или к тому лицу или учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для этого указано»[2].

Также в постановлении говорилось: «...в случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление почему-либо прекратит свою... деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства, или Митрополичьего округа, или еще иначе).

<...>

---

[1] Акты... С. 170.

[2] Цит. по: *Мазырин А., иерей.* Поместный Собор 1917–1918 гг. и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 4 (29). С. 40.

...В случае невозможности установить сношения с архиереями соседних епархий и впредь до организации Высшей Церковной Власти епархиальный архиерей воспринимает... всю полноту предоставленной ему... канонами... власти.

<...>

...Все принятые на местах, согласно настоящим указаниям, мероприятия впоследствии, в случае восстановления центральной церковной власти, должны быть представлены на утверждение последней»[1]. О постановлении циркулярно были уведомлены все епархиальные архиереи[2].

Этим важным постановлением указывался правомерный путь к сохранению канонического строя церковного управления на случай крайне печального развития событий для высшей церковной власти в лице Патриарха Тихона.

17 декабря Президиум ВЦИК по заключению Секретного отдела ВЧК принял решение запретить Патриарху Тихону богослужения в храмах Москвы и Московской губернии.

---

[1] Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995. Кн. 1. С. 139–140.

[2] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 11. С. 64.

ГЛАВА II
Святейший Патриарх Тихон в 1921 г.

§ 1. Тактика государственных органов в отношении Церкви в первой половине 1921 г.

К началу 1921 г. власть еще не выработала единой линии, направленной на борьбу с Церковью. Среди властных структур на этот счет существовали различные точки зрения. 14 января образовано Секретно-оперативное управление (СОУ) ВЧК, которое возглавил В. Р. Менжинский*[1]. В СОУ были сосредоточены Особый, Секретный, Оперативный, Информационный и Иностранный отделы. С сентября 1920-го по 25 мая 1923 г. Секретным отделом руководил Т. П. Самсонов*[2]. В январе 1921 г. отдел вошел в состав Секретно-оперативного управления ВЧК. Возможно, в связи с этим глава отдела Т. П. Самсонов подал заявление об уходе со своего поста. 23 января 1921 г. Президиум ВЧК рассмотрел заявление и принял решение отклонить его[1]. Согласно приказу от 14 января 1921 г., в составе Секретного отдела было создано 6-е отделение, которое возглавил некий П. Л. Валейчик[2]. Документы о «противоцерковной» деятельности 6-го отделения до лета 1921 г. исследователям не известны.

При отсутствии у власти твердой тактики в отношении Церкви продолжались споры о том, нужно ли создавать лояльные власти церковные группы для разделения Церкви изнутри. 1 июня 1919 г. в циркулярном письме Секретного отдела ВЧК за подписью заместителя председателя ВЧК И. К. Ксенофонтова*[3] говорилось: «Ввиду близости духовенства к народу и исторической коренной связи с ним, необходимо всеми мерами способст-

---

[1] Архив ВЧК: Сборник документов / Сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007. С. 423.

[2] Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991: Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003. С. 20.

вовать привлечению сознательного большинства священнослужителей к совместной работе с советскими властями, образуя, по возможности, губернские и уездные ячейки сочувствующих большевизму духовных лиц, но совершенно исключая монашествующих всех родов»[1]. Таким образом, уже в 1919 г. начала вырабатываться линия по расколу Церкви с помощью сочувствовавшей советской власти части белого духовенства.

30 ноября 1920 г. П. А. Красиков*[4] в записке Ленину писал: «Моя линия, которая расходится с линией ВЧК (Лацис; была в печати полемика моя с ним), заключается в выдержке обеих групп на сухоедении, а не оживлении их пайками. <...> Тихона надо шельмовать в лоск... а не опрокидывать с помощью реформации»[2]. П. А. Красиков утверждал, что Православная Церковь уже не располагает широкой социальной базой, так как за ней «идет кулачество и старухи», а внутри самой Церкви «никакого реформаторского движения не наблюдается»[3]. Он считал, что «способствовать созданию хотя бы бутафорской реформации» невыгодно «для революции», и в связи с этим отдавал предпочтение «непричесанному русскому попу, совершенно дискредитированному всем прошлым»[4].

4 декабря 1920 г. начальник Секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонов направил Ф. Э. Дзержинскому документ, в котором излагалось его видение тактики антицерковной работы. Он предлагал разжигать конфликт между «низшими попами» и «большими церковными волками», т. е. между белым духовенством и монашеской церковной иерархией. Чекистам, по его мнению, следовало «работать пока и с попами и, кроме того, непосредственно с верующими»[5]. «Работа по рассеиванию религиозного тумана чрезвычайно трудна, – констатировал Т. П. Самсонов. – Для этой работы нужны крепкие и умелые люди, чего, к сожалению, мы не имеем, так как ЧК нам их не дает»[6]. Т. П. Самсонов понимал, что нужны умные, хитрые сотрудники,

---

[1] Центральный архив ФСБ (далее: ЦА ФСБ). Ф. 66. Оп. 1. Д. 23. Л. 16–17.

[2] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. М., 1996. С. 159–160.

[3] Там же. С. 160.

[4] Там же.

[5] Неизвестная Россия, XX век. М., 1992. Вып. 1. С. 34.

[6] Там же. С. 34–35.

способные вербовать, манипулировать духовенством, но на тот момент таких у него не было.

Церковными вопросами до осени 1921 г. активно занимался начальник 7-го отделения СО СОУ ВЧК[1] И. А. Шпицберг*[5]. Как сотрудник Наркомюста и ВЧК одновременно, в рассматриваемый период он был главным действующим лицом в проведении государственной политики в отношении Патриарха и его окружения. Он стремился нанести удар по Высшему Церковному Управлению и управлению Московской епархии, парализовать их деятельность путем арестов, запугивания, а также пытаясь вербовать арестованных архиереев.

§ 2. Патриарх Тихон и Высшее Церковное Управление в январе 1921 г.

К началу 1921 г. в состав Синода входили только три архиерея. 5 февраля 1921 г. Патриарх Тихон писал архиепископу Серафиму (Лукьянову)*[6]: «Синод наш, вместо 13 [членов], состоит теперь из меня (да по условиям домашнего ареста я в заседаниях его не участвую), митрополита Евсевия*[7] Крутицкого (бывшего Владивостокского) и архиепископа Михаила Гродненского. В Высшем Церковном Совете, кроме сих, заседают епископ Алексий Боровский (от монашествующих), протопресвитер Любимов, протоиерей Станиславский и профессор Громогласов. Прочие кто в бегстве, кто умер (кн. Трубецкой), кто в узах»[2].

В этом письме Патриарх сообщает, что с момента домашнего ареста (т. е. с 23 декабря 1919 г.[3]) он не участвовал в заседаниях Синода и соединенного присутствия Синода и ВЦС. Это подтверждал и протоиерей А. М. Станиславский в марте 1923 г.: «Более 3-х лет вовсе не участвуя в заседаниях, он мог делиться только с председателем Синода да с начальником канцелярии, которым

---

[1] Неизвестная Россия, XX век. С. 21.

[2] Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995. Кн. 1. С. 141.

[3] *Ефремова О., Кривошеева Н.* Новые архивные документы о преследовании властями святителя Тихона в 1918–1923 гг. // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. Вып. 6. С. 170.

исключительно только и передавал получаемые бумаги»[1]. Председателем на синодальных заседаниях был митрополит Сергий (Страгородский).

Помещения Патриарха в Троицком подворье выглядели следующим образом: «Представительские, рабочие и жилые покои, богато украшенные, с лепными карнизами и потолками, именовались по цвету окраски стен: Розовая гостиная, Голубой зал – кабинет Святейшего и т. д. В вестибюле первого этажа каждого, кто приходил на прием к Патриарху, встречал величественный швейцар, который предлагал раздеться и, по заведенному порядку, расписаться в книге посетителей. Далее по устланной ковром лестнице посетитель проходил на второй этаж, в приемную – „ожидальню", украшенную живыми растениями в кадках и портретами московских архиереев. В приемной за письменным столом постоянно находился секретарь Патриарха архимандрит Неофит (Осипов), который непременно спрашивал каждого вновь пришедшего: „Вы к Святейшему или к митрополиту?"»[2]. В помещениях Патриарха находился и митрополит Крутицкий, наместник Патриаршей области.

Несколько помещений в здании было отведено управляющему канцелярией Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне в 1918–1922 гг. Петру Васильевичу Гурьеву (1863–?) с немногочисленными сотрудниками, а также обслуживающему Патриарха и патриарший дом персоналу.

Январь 1921 г. ознаменовался большим количеством патриарших служений. Значительную часть богослужений Патриарх совершал на Троицком подворье. Вот как описывает их известный историк Церкви и собиратель документов той эпохи М. Е. Губонин: «До 1922 г., обитая на Троицком подворье, Святейший Патриарх Тихон, в тех случаях, когда не совершал богослужения где-либо в московских или подмосковных храмах, обычно служил или присутствовал в алтаре своего маленького Сергиевского крестового храма – очень уютной домовой церквушки былых митрополитов Московских и Коломенских.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 316 об.

[2] *Любартович В.* Московские патриаршие и митрополичьи резиденции в 1917–1945 годах // Журнал Московской Патриархии (далее: ЖМП). 2003. № 7. С. 66.

Храм был расположен на втором этаже подворья и непосредственно соприкасался с покоями Святейшего. Службу в нем обычно правили иеромонахи подворья, но в 1920–[19]22 гг. преимущественно служил архимандрит Неофит (Осипов), личный секретарь Патриарха, как говорили, крещеный еврей, черноволосый с небольшой проседью, среднего возраста человек, в темных, „дымчатых" очках с золотой оправой. Он не выговаривал букву „р". Диаконствовал почти всегда архидиакон о. Автоном*[8] – исполинского роста мужчина, с хорошим, открытым лицом и необыкновенно богатой растительностью, бородой чуть ли не до пояса, но видом кроткий и мягкий обхождением.

Бывало за всенощным после отпуста, когда в храме становилось совершенно темно и горящими оставлялись лишь некоторые лампады у местных и некоторых других, более чтимых, образов и когда большинство молящихся уже начинало потихоньку расходиться по домам, вдруг, внезапно в алтаре вспыхивал яркий свет, с клироса раздавалось неожиданно приятное „Исполла эти деспота!", разверзались царские врата, и на солею неслышной походкой, в рясе и белоснежном патриаршем куколе с херувимами на челе и воскрилиях быстро выходил Святейший. Осенив всех присутствующих на три стороны общим святительским благословением и с улыбкой поклонившись слегка народу, он уходил обратно. Но это – как исключение; видимо, когда не было времени. В большинстве же случаев – подходил к ступеням солеи и благословлял всех молящихся, сейчас же, друг за другом, „гуськом" подходивших к нему, с любовию и умилением взирая на его необычный лик»[1].

Такие благословения Патриарх совершал даже тогда, когда не служил: «Из алтаря особый вход вел в моленную и внутренние покои Патриарха, поэтому он мог проходить в алтарь, слушать службу или уходить из него, будучи никем не замеченным. Это последнее обстоятельство являлось нередкой причиной „нечаянной радости" для молящихся в подворском Сергиевском храмике...»[2].

---

[1] Воспоминания современников // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. С. 305–306.

[2] Там же. С. 303.

2 января 1921 г. Патриарх совершил литургию в храме преподобного Сергия на Троицком подворье.
7 января, в праздник Рождества Христова, – литургию в храме Христа Спасителя; накануне, в сочельник, в этом же храме – всенощную[1].
8 января, в субботу, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца на Трубной улице («Никола Драчи»).
9 января, в воскресенье, – литургию в храме Богоявления в Елохове.

Н. П. Окунев, присутствовавший на воскресной службе, писал: «Служил и сам Патриарх – в первый день во храме Христа Спасителя, во второй у Николы в Драчах и в третий в Богоявления в Елохове. За последней службой и мне пришлось быть; народу было необыкновенно много. В храме Патриарх великолепен, в богатейших ризах, с драгоценной митрой, панагией, крестами и посохом, и окружен блестящим сонмом священнослужителей высокого ранга, а как вышел из храма – превратился как бы в рядового священника, сел в извозчичьи санки, запряженные одной плохонькой лошаденкой, и уехал, не привлекая к себе никакого уличного внимания»[2].

13 января, в четверг, Патриарх совершил всенощную в храме святителя Василия Кесарийского на Тверской.
14 января, в пятницу, – литургию в этом же храме.

14 января в храме Василия Кесарийского побывал Н. П. Окунев и оставил следующую запись в своем дневнике: «Храм громадный, но вместил только тех, которые вошли в него за час до начала службы. Служил Патриарх, два епископа, протопресвитер и местное духовенство. Диаконствовал Розов и еще два голосистых протодиакона. Пел хор под управлением Чеснокова, а „слово“ сказал протопресвитер Любимов, большой мастер говорить сильные, умные и добрые речи. Благолепная и поистине торжественная служба! Продолжалась три часа с лишком, и, несмотря на страшную тесноту (вернее, давку), было не утомительно. Вот что значит настроение!»[3].

---

[1] Богослужебный дневник Святейшего Патриарха Тихона, 1917–1925 гг. Список М. Е. Губонина. Библиотека СПбДА и С. С. 62. Машинопись.
[2] Цит. по: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. М., 2009. С. 328–329.
[3] Там же. С. 328.

16 января, в воскресенье, Патриарх совершил литургию на Троицком подворье.

18 января, в Крещенский сочельник, там же – Великое освящение воды и всенощную[1].

19 января, в праздник Крещения Господня, Патриарх совершил литургию в храме Христа Спасителя и последний в истории храма крестный ход на Москву-реку для освящения воды.

А. В. Жиркевич в дневнике приводит описание празничного богослужения со слов чувашского учителя:

«...Н. И. Колосов только что вернулся из Москвы и рассказал много интересного о том почете, каким окружен там со стороны, конечно, населения патриарх Тихон. Тихона приглашают на службу – по очереди в московские церкви, причем встречают по-царски, с хлебом-солью, с колокольным звоном и подношениями 30 тысяч рублей на нужды бедных. Землю устилают коврами. У патриарха прекрасная карета и лошади, в карете с ним сидит один из его охранителей*[9], а другой с кучером или на запятках. Колосов был на патриаршей службе, кажется, в храме Христа Спасителя, и на водосвятии на Крещение. Когда Патриарх стал благословлять народ крестом – грянули все 40 сороков московских храмов: эффект получился удивительный»[2].

22 января Патриарх совершил литургию в храме Николы Явленного на Арбате.

23 января, в воскресенье, – во Всехсвятской церкви в с. Всехсвятском (ныне Москва, близ станции метро «Сокол»).

30 января, в воскресенье, – в храме Николая Чудотворца в Дербеневском переулке.

---

[1] Богослужебный дневник... С. 63.

[2] Накануне патриаршества: Письма архиепископа Виленского и Литовского Тихона к А. В. Жиркевичу и другие материалы) // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. С. 236.

§ 3. Патриарх Тихон и Высшее Церковное Управление в условиях попыток дезорганизации их деятельности (февраль – 18 марта 1921 г.)

1 февраля, в день своего 56-летия, Патриарх Тихон совершил молебен на Троицком подворье.

В письме архиепископу Финляндскому и Выборгскому Серафиму (Лукьянову) от 5 февраля, о котором упоминалось выше, Патриарх также писал: «Недавно доставили из Эстонского Синода письмо Ваше от 9 декабря и представление Ваше насчет автономии и викариатства. На днях и то и другое, вероятно, будет удовлетворено. Особенно страшного ничего нет, и Господь нас вразумляет. Мне только кажется, что усиленно домогающиеся автокефалии как раз впадают в нашу прежнюю ошибку, смешивая Божеское и вечное с человеческим, временным, земным... Не то теперь нужно, и именно в единении, согласном действовании и братской любви – сила»[1]. Патриарх выступал против идеи автокефалии Финляндской Церкви, на чем настаивало правительство этой страны из националистических соображений.

В этом письме, говоря о тех, кто находится в заключении, Патриарх Тихон сообщает: «К сим последним в последние дни причтен и брат наш Сергий (кажется[,] по брачным делам восстал на него „супостат“ Шпицберг)...»[2]. Митрополит Сергий (Страгородский) был председателем синодальных заседаний, и к нему попадало большинство дел, направляемых в Синод. Занимался он также рассмотрением бракоразводных дел, несмотря на то что из ведения Церкви были изъяты эти вопросы, и Патриарх предположил, что арест связан именно с этим.

В начале февраля во время обыска, проведенного И. А. Шпицбергом, в бумагах митрополита Сергия было найдено его письмо статс-секретарю Римского престола кардиналу Гаспарри от 31 марта 1919 г. Митрополит Сергий благодарил кардинала за обращение Ватикана к советскому руководству с призывом прекра-

[1] Русская Православная Церковь в советское время. С. 140.
[2] Там же. С. 141.

тить гонения на Церковь. Официально митрополита Сергия обвинили в «распространении контрреволюционных материалов»[1]. Письмо Патриарха было написано в пятницу, поэтому очевидно, что «последние дни», о которых пишет Патриарх, нужно отнести к текущей неделе, т. е. с 1 по 4 февраля, когда и произошел арест митрополита Сергия. Именно с этого времени аресты людей из окружения Патриарха стали использоваться как средство для того, чтобы Святейший пошел на нужные властям шаги, или как месть за какие-либо его действия. А. Д. Самарин писал об этой тактике: «ГПУ достигает таких результатов очень простыми приемами: человека хватают, томят его месяцами в тюрьме, выматывают ему всю душу допросами и угрозами и, наконец, предлагают свободу под условием сотрудничества»[2]. Очевидно, такие приемы Шпицберг применил и к митрополиту Сергию.

6 февраля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Покрова в Красном Селе.

7 февраля, в понедельник, – в храме иконы Божией Матери «Нечаянная радость» в Марьиной Роще[3].

11 февраля постановлением Патриарха Тихона и Священного Синода Православным Церквам в Финляндии и Эстонии была предоставлена широкая автономия. Тогда же были даны права широкой автономии особой церковной области, состоящей из православных приходов Эстонской республики. Известна грамота Патриарха о предоставлении автономии Финляндской Церкви на том основании, что «Финляндская Православная Церковь, как находящаяся в пределах самостоятельного государства, фактически уже пользуется самостоятельностью во всех делах церковно-административных, школьно-просветительных и церковно-гражданских...»[4]. Это было попыткой сохранить

---

[1] *Одинцов М. И.* Русские Патриархи XX в.: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 167.

[2] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.): Выдержка из письма А. Д. Самарина деятелям Зарубежной Церкви с изложением событий церковной жизни в России / Вступ. статья, публ. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 60.

[3] Богослужебный дневник... С. 64.

[4] Цит. по: *Ведерников А.* Горькие плоды церковного разделения // ЖМП. 1951. № 12. С. 36.

Финляндскую Церковь в составе Русской Православной Церкви, но сделать это не удалось. Под давлением государственной власти часть духовенства Финляндской Церкви предприняла усилия, направленные на ее полное отделение от Матери – Русской Церкви, обратившись для этого к Константинопольскому Патриарху.

> 13 февраля, в воскресенье, Патриарх Тихон совершил литургию в Покровском миссионерском монастыре и всенощную в храме мученика Трифона в Напрудном, а 14 февраля, в понедельник, в том же храме – литургию.
> 15 февраля, во вторник, – литургию в храме Спаса Преображения на Спасской, всенощную в храме святителя Николая Чудотворца на Смоленской площади («Никола Щепы»).
> 16 февраля – там же литургию;
> 18 февраля, в пятницу, – литургию в храме иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Палашах[1].

19 февраля Патриарх Тихон был вызван в качестве свидетеля в Московский ревтрибунал, чтобы дать показания по делу ревизии, которую провел в марте – мае 1920 г. сотрудник отдела летучих ревизий Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) П. Н. Мольвер по жалобе Патриарха Тихона в СНК о нарушениях, допущенных при вскрытии мощей преподобного Сергия. Мольвера привлекли к суду за то, что он поддержал позицию Патриарха о незаконности вскрытия мощей преподобного Сергия. На этом процессе обвинения звучали и в адрес Патриарха, который дал указание Н. В. Нумерову передать Мольверу церковные документы о вскрытии мощей и лично убедил его в правильности церковной позиции. Следствие по делу Мольвера началось 27 августа 1920 г. Патриарх давал по нему свидетельские показания 13 сентября и 10 октября 1920 г.[2], о чем сказано в заключении по делу[3]. Трибунал, заседания которого состоялись 19–20 февраля 1921 г., приговорил П. Н. Мольвера к пяти годам заключения[4].

---

[1] Богослужебный дневник... С. 65.

[2] Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 622–623.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 11. Л. 89–95.

[4] Следственное дело... С. 646.

«Дело Московского Губернского Ревтрибунала № 1206 по обвинению гр. Мольвера, Аксенова и Зотова в преступлениях по должности» 27 февраля 1923 г. по постановлению следователя Верховного суда РСФСР П. С. Кузнецова было приобщено к делу Патриарха Тихона в качестве доказательства[1]. Привлечение Патриарха к этому процессу явилось подготовительным шагом к суду над самим Патриархом.

> 20 февраля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище.
> 21 февраля, в понедельник, – всенощную в храме священномученика Панкратия у Сухаревой башни.
> 22 февраля там же – литургию.

М. Е. Губонин приводит факты, касающиеся этого служения: «...во время совершения литургии Святейшим Патриархом Тихоном в сослужении Крутицкого митрополита Евсевия [Никольского], епископа Верейского Илариона [Троицкого] и при архидиаконе К. В. Розове в храме св[ященномученика] Панкратия у Сухаревой башни (ни храм, ни башня уже не существуют). 9 (22) февраля 1921 г. из среды молящихся слышались выкрики, обращенные к Патриарху, о защите святых мощей от поругания»[2]. Кампания по вскрытию мощей к этому времени уже закончилась, выкрики могли быть спровоцированы результатами процесса над П. Н. Мольвером.

В этом служении не принимал участия ближайший помощник Патриарха по управлению Московской епархией епископ Подольский Петр (Полянский)*[10]. Он был арестован на Троицком подворье 22 февраля 1921 г. и заключен в Бутырскую тюрьму, где находился до конца апреля 1921 г. Обвинением против него послужило то, что он якобы незаконно пользовался дровами, принадлежавшими Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ)[3].

---

[1] Следственное дело... С. 647.

[2] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 724.

[3] Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России / Сост. И. И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2/3. С. 60.

24 февраля, в четверг, Патриарх совершил всенощное бдение на Троицком подворье.
25 февраля там же – литургию.
27 февраля, в воскресенье, – литургию в храме мученика Никиты на Кузнецкой.
1 марта, во вторник, – в храме священномученика Ермолая на Садовой («на Козьем Болоте»).
5 марта, в субботу, – литургию на Троицком подворье.
9 марта – литургию в храме Христа Спасителя.
13 марта, в Прощеное воскресенье, – литургию в храме преподобного Василия Исповедника в Новой Деревне и вечерню с чином прощения в храме Христа Спасителя.
С понедельника по четверг первой седмицы Великого поста Патриарх совершил чтение мефимон*[11] на Троицком подворье, а утром в среду и пятницу там же – литургию Преждеосвященных Даров.

§ 4. Деятельность Патриарха Тихона после ареста Я. А. Полозова (19 марта – 17 апреля 1921 г.)

В марте 1921 г. чекисты начали первую операцию по насаждению агентуры в окружении Патриарха. До этого на Святейшего пытались воздействовать напролом – прямыми репрессиями. После принятия решения о том, что Патриархом должна заниматься только ВЧК своими методами, началось внедрение в ближайшее окружение Патриарха агента ВЧК, который был «продвинут» на место патриаршего келейника. 19 марта 1921 г. Ф. Э. Дзержинский подписал ордер на арест Я. А. Полозова и иеродиакона Афония (Вишнякова)*[12]. В доме Полозова и на Троицком подворье провели обыск, после которого были арестованы Яков Анисимович и иеродиакон Афоний (Вишняков)[1]. Епископ Алексий (Симанский) 19 апреля 1921 г. писал: «Арестован келейник Патриарха, известный (не помню его имени и отчества)»[2]. Следователь Ф. Л. Ильиных, зани-

[1] *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя»: Келейник святого Патриарха Тихона Яков Анисимович Полозов (23 октября 1879 г. – 9 декабря 1924 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 1 (22). С. 55.

[2] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С. 200.

мавшийся этим делом, ссылался на некие агентурные сведения, исходящие от «явного завистника» Якова Полозова: «Полозов уже 29 лет служит у ТИХОНА, сопровождая его во время поездки в Америку, его еще „епископствования" и наконец „патриаршествования". Тогда он носил скромное звание „келейника" и „телохранителя", но в настоящее время есть основания (агентурные сведения) утверждать, что роль ПОЛОЗОВА совершенно изменилась.

Во всех действиях тех или иных распоряжений Патриарха ПОЛОЗОВ исполняет роль того рычага или кнопки, при помощи которого вертится вся машина, т. е. духовенство и иерархия используется ТИХОНОМ в своих контррев[олюционных] целях.

Есть сведения, определенно указывающие на известную тревогу, а порой беспомощность, которая иногда овладевает патриархом, с тех пор, как от него изолирован ПОЛОЗОВ...»[1].

Источником этой информации был послушник (по другим данным, монах) Никита Юдин, разоблаченный как агент ВЧК еще в 1921–1922 гг. Агентом ВЧК его называл также очевидец этих событий, позже выехавший за рубеж, Н. Безпалов, который хорошо знал ситуацию на Троицком подворье, в публикации в Харбинской газете в 1923 г.: «По своему положению в штате Патриарха Тихона он ничего существенного дать не мог. Никита исполнял на кухне самую черную работу. Но ВЧК при вербовке агентуры не игнорирует и малополезный элемент, строго блюдется принцип Ленина „в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится". Кроме того, были виды на „продвижение". Едва ли не сам Никита подсказал мысль помочь ему попытаться сделаться келейником Патриарха. В это время у Патриарха келейник был и Патриарх не думал с ним расставаться. Этого келейника (Якова) вскоре после освобождения Никиты ВЧК арестовывает и сажает во внутреннюю тюрьму, а потом, чтобы отнять надежду на скорое освобождение, переводит в Бутырки. Рыжий, с вороватыми и лукавыми глазами, монах Никита каким-то образом втирается в доверие и производится во „временные келейники" впредь до освобождения Якова. ВЧК дает своему агенту возможность пробыть в должности келейника до самого аре-

[1] Цит. по: *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя». С. 60.

ста Патриарха и ликвидации „гнезда церковников“ в Троицком подворье»[1].

На самом деле после освобождения Якова Полозова осенью 1921 г. Никита был изгнан с подворья по инициативе Якова Анисимовича. Сам Патриарх, отзываясь на второй арест Якова Анисимовича в апреле 1922 г., говорил: «Это проделка бывшего у меня келейника Никиты за то, что его Я. А. удалил как шпиона и за это получил неприятность, а за него все-таки буду хлопотать»[2].

Никита был келейником Патриарха с марта по ноябрь 1921 г.*[13]

В документе, написанном в старой орфографии неизвестным насельником Троицкого подворья и касающемся попытки нападения на Патриарха священника Василия Зверева 23 октября 1921 г., Юдин упомянут как келейник Патриарха[3].

Таким образом, арест Я. А. Полозова был произведен с целью приближения к Патриарху в качестве келейника агента ВЧК Никиты Юдина. Нелюбовь Н. Юдина к иеродиакону Афонию (Вишнякову) послужила причиной его кратковременного ареста. После освобождения иеродиакон Афоний на подворье не вернулся. Ранее Никита не мог давать ВЧК нужную информацию, поскольку не имел доступа к документам, исполняя на подворье послушание истопника и подрабатывая починкой обуви. С этого же времени он мог передавать ВЧК содержание разговоров Патриарха и, главное, выкрадывать документы патриаршей канцелярии. Н. Безпалов писал: «Внутреннее осведомление через Никиту не давало желательных результатов. Относилось это отчасти на счет хорошей „законспирированности“ Патриарха, а отчасти на счет придурковатости агента-осведомителя»[4]. Однако кое-что Никите сделать удалось. Игумен Дамаскин (Орловскиий) в жизнеописании священномученика Анатолия (Грисюка) пишет, что в марте 1921 г. в ВЧК попали его письма, касающиеся деятельности Казанской духовной академии. Документы

---

[1] Цит. по: Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 256.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 242.

[3] Там же. Л. 203.

[4] Цит. по: Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 257.

попали к И. А. Шпицбергу, который доложил об этом П. А. Красикову. 26 марта епископ Анатолий был арестован ВЧК и этапирован в Москву[1]. Документы были, очевидно, доставлены в ВЧК Никитой Юдиным. Причем Шпицберга интересовали именно документы по Казани, куда предполагалось направить епископом Владимира Путяту. Для того чтобы скандально известный своими развратными похождениями Путята не был сразу изгнан из Казани, ее предстояло «очистить».

20 марта, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Христа Спасителя.

Н. П. Окунев, присутствовавший на этой службе, оставил в дневнике следующую запись: «Обедня и самый чин Православия продолжались от 10 ч. до 2 ч., служил сам Патриарх с большим сонмом духовенства. Из диаконов первенствовал Розов. Его необыкновенный голос и в этом огромном храме поражал всех своею мощью, не теряя красоты звука и музыкальности. Храм был переполнен; вся служба прошла чинно и благолепно, точно в старые времена. После службы я остался у восточных дверей храма посмотреть отъезд Патриарха. Читавший о пышном обиходе древних патриархов и еще не так давно видевший в той же Москве разъезды митрополитов в каретах, запряженных шестеркой лошадей, я опять поражен был жалкой обстановкой путешествия русского первосвятителя по Москве. Он сел вдвоем с Митрополитом Евсевием в старую извозчичью пролетку, запряженную старой дешевенькой лошадкой, да так и поехал на свое Троицкое подворье. Я долго следил за тихо идущими путешественниками, и не столько за ними, сколько за встречь едущими и идущими им. Первые, преимущественно в автомобилях, окатывали их грязью и, вероятно, насмешливыми (если не сказать худшего) взглядами, а вторые останавливались (не все, конечно) и снимали шапки. Последнее зрелище все-таки немного сглаживало горечь неподобающей сану Патриарха поездки. Сколько лучезарности в храме, и сколько убожества на улице!»[2].

---

[1] *Дамаскин (Орловский), игум.* Анатолий (Грисюк), сщмч. // Православная энциклопедия (далее: ПЭ). М., 2001. Т. 2. С. 266.

[2] Цит. по: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. С. 330–331.

24 марта Патриарх написал письмо И. А. Шпицбергу: «Иван Анатольевич! В ночь под воскресенье был обыск у служащего у меня гр[аждани]на Якова Полозова, и он после этого был, по Вашему распоряжению, взят для допроса.

Вы изволили обещать мне его отпустить, по допросе дня через два. Но прошло и четыре дня, а Полозов не возвратился из-под ареста.

Этим обстоятельством очень убита жена*[14], которой в самые ближайшие дни предстоят роды, и неизвестность участи мужа, конечно, может отразиться весьма неблагоприятно на исходе родов. Во имя человеколюбия, усердно прошу Вас отпустить теперь же задержанного супруга Полозова, а допрос его может быть произведен и после»[1]. Однако Полозов так и не был отпущен до осени 1921 г., а его супруга от переживаний потеряла родившегося через неделю после ареста мужа ребенка. Девочка умерла на восьмые сутки после рождения. В связи с этим 18 апреля Патриарх написал Наталье Полозовой удивительно трогательное письмо: «Конечно, только Ирочка Ваша не возвратится. Но она такая крошка, столько ей предстояло болезни и лишений, а Вам, одинокой и неопытной, столько хлопот и ухода за ней, что Господь действительно проявил свою милость, взяв ее себе, – это чистое, слабенькое дитя.

Будьте же покорны воле Божьей. Не впадайте в уныние и отчаяние, всю Вашу печаль возложите на Господа, ибо Он печется о Вас. Господь да утешит Вас и да сохранит Якова»[2].

В первой половине апреля Патриарх и Синод утвердили в сане архимандрита Сергия (Шеина) и назначили его наместником Троицкого подворья в Петрограде. Епископ Алексий (Симанский) 19 апреля 1921 г. писал об этом митрополиту Арсению (Стадницкому) как о новости, которую только что узнал от митрополита Вениамина (Казанского)[3].

После ареста Якова Полозова богослужения Патриарха, которые в основном совершались на Троицком подворье, стали значительно более редкими.

---

[1] Цит. по: *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя». С. 57.
[2] Цит. по: Там же. С. 59.
[3] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 200.

27 марта, в воскресенье, на Троицком подворье Патриарх совершил литургию, а 2 апреля, в субботу, – вынос Креста.
3 апреля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме мучеников Флора и Лавра на Зацепе.

6 апреля 1921 г. по благословению Святейшего Патриарха Священный Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии издали указ: «...ввиду состоявшегося постановления Высшего Русского Церковного Управления заграницей считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися временно вплоть до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом под управлением Преосвященного Волынского Евлогия, имя которого и должно возноситься за богослужением в названных храмах взамен имени Преосвященного митрополита Петроградского...»[1]. Этот указ имеет делопроизводственную помету: «Исполнено 26/8 Марта, Апреля 1921 г.»[2].

Характеризуя заседания ВЦУ, Н. В. Нумеров писал: «Протоколы подписывает сам Патр[иарх], который в заседаниях не принимает участия»[3]. Епископ Алексий (Симанский) 19 апреля 1921 г. писал о том, что Патриарх утвердил назначение, сделанное уже в Константинополе: «В Константинополе свой Синод Русской Церкви (сколько этих Синодов теперь!). И сей Синод назначил а[рхиепископа] Евлогия ведать заграничными церквами. Патриарх утвердил сие»[4]. Исследователь А. А. Кострюков, комментируя появление указа, пишет: «Святейший Патриарх в этом указе признал назначение, сделанное ВЦУ еще в России»[5].

Как указано в документе, копия которого сохранилась в деле Патриарха Тихона, на его основании были направлены два идентичных указа: за № 423 – самому митрополиту Евлогию (Геор-

---

[1] Следственное дело... С. 679.

[2] Там же.

[3] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому) от 01 (14) сентября 1921 года / Публ. О. В. Косик. П. Н. Грюнберга // История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года // Сост. М. Е. Губонин и др. М., 2006. С. 871.

[4] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 199–200.

[5] *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация Церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 43.

гиевскому) и за № 424 – архиепископу Финляндскому Серафиму (Лукьянову)[1]. Сам митрополит Евлогий ссылался на этот указ: «Я управляю Западно-европейскими православными русскими церквами на правах епархиального архиерея (указ Святейшего Патриарха Тихона от 26 марта / 8 апреля 1921 года за № 423)...»[2].

Ранее Патриарх Тихон планировал направить митрополита Евлогия в Америку, о чем в апреле 1922 г. свидетельствовал архимандрит Неофит (Осипов): «Из бесед с Патриархом Тихоном я знаю, в частности, что Евлогию было поручено поехать в Америку С[оединенные] Шт[аты] для упорядочения отношений между архиереем и приходами, но Евлогий почему-то из Берлина в Америку не поехал. Поручение такого рода Патриархом было дано Евлогию более года тому назад»[3]. В письме от 24 марта 1921 г., говоря о нестроениях в Америке, Патриарх Тихон просил архиепископа Евлогия посетить Соединенные Штаты: «...архиереев свободных много, но я просил бы именно Вас, как наиболее авторитетного и знающего сии дела. Может быть, Вам удастся еще примирить враждующих?..»[4]. Таким образом, за две недели до принятия Синодом решения о назначении митрополита Евлогия в Европу Патриарх Тихон написал ему письмо, прося его выехать в Америку.

В заседании ВЦУ 6 апреля, согласно документу, участвовали члены Синода – митрополит Евсевий (Никольский) и архиепископ Михаил (Ермаков), а также члены ВЦС – епископ Алексий (Житецкий), протопресвитер Н. А. Любимов, И. М. Громогласов, протоиерей А. М. Станиславский[5]. Н. В. Нумеров в сентябре 1921 г. писал о заседаниях ВЦУ: «Заседания бывают в большинстве случаев раз в неделю, обычно начинается соединенное

---

[1] Следственное дело... С. 679.

[2] Из переписки заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и митрополита Евлогия (Георгиевского), Управляющего православными русскими церквами в Западной Европе: Документы из архива Отдела внешних сношений Московского патриархата // Церковь и время. 1999. № 1 (8). С. 224.

[3] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 273.

[4] Переписка Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, и митрополита Евлогия (Георгиевского). 1921– 1922 гг. / Публ. и предисл. Н. Ю. Лазаревой // Ученые записки РПУ. М., 2000. Вып. 6: Церковная история XX века и обновленческая смута. С. 96.

[5] Следственное дело... С. 679.

и затем Синод отдельно. Совет отдельно не заседает за отсутствием дел»[1].

6 апреля, в среду, накануне праздника Благовещения, Патриарх совершил всенощное бдение на Троицком подворье.
7 апреля, в четверг, – литургию в храме Благовещения Пресвятой Богородицы на Бережках.
10 апреля, в воскресенье, – литургию в храме Рождества Богородицы на Солянке («на Стрелке»).
15 апреля, в пятницу, в праздник Похвалы Богородицы, – утреню на Троицком подворье.
17 апреля*[15], в воскресенье, – литургию в храме Всемилостивого Спаса в Чигасах.

За воскресной литургией он возглавил хиротонию Даниила (Троицкого) – родного брата епископа Илариона (Троицкого), который, очевидно, участвовал в этой хиротонии, – во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. В этот же день, согласно решению Патриарха и ВЦУ, в виленском Свято-Духовом монастыре во епископа Вельского был рукоположен Сергий (Королёв), назначенный временным управляющим Холмской епархией. Поскольку хиротония не была согласована с польскими властями, они отказались признать нового архиерея.

§ 5. План создания в Русской Церкви обновленческого церковного округа во главе с Владимиром Путятой

В начале апреля ВЧК приступила к реализации плана восстановления в сане Владимира Путяты, который по замыслу своих кураторов должен был возглавить церковный округ с центром в Казани.

Владимир Путята был незаконнорожденным сыном дворянина, а по матери имел еврейское происхождение. Служил офицером, затем принял монашество и, имея большие связи в Петербурге, сделал карьеру в Церкви. Однако ни в одном

[1] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.

из мест своего служения он не задерживался долго, так как его слишком компрометировало развратное поведение. Пензенский историк А. И. Дворжанский пишет: «Причина столь частых перемещений... была одна и та же – порочащие его высокий священный сан связи с женщинами»[1]. Современник и очевидец событий Н. П. Иванов, сообщая подробности любовных похождений Путяты, замечает, что у него был очень сильный покровитель в Санкт-Петербурге, который после очередного скандала неизменно спасал Путяту от неприятностей, добиваясь его перевода – часто с повышением – в другую епархию[2].

В 1916 г. Владимир Путята был переведен на Пензенскую кафедру, вынужденно покинув Донскую, где его похождения вызвали возмущение атамана Войска Донского. Пензу, куда он был назначен после смены ряда кафедр, «он вскоре же после своего приезда сравнил с „дырой", мечтая поскорее отсюда убраться»[3] и усиленно добиваясь этого через свои аристократические связи в Петербурге. Считается, что среди его покровителей был Григорий Распутин.

В 1916 г. стал известен скандал с совращением Путятой 14-летней девочки, дочери вдовы-дворянки по фамилии Толстая[4]. Путята предложил преподавать девочке Закон Божий, и мать была горда тем, что учить ее дочь будет сам правящий архиерей. Она, конечно, не подозревала, что он может совратить ее дочь. Мать, приехав в Петроград, подала в Святейший Синод жалобу на архиерея, однако эта жалоба была оставлена без последствий. В 1917 г. Толстая вновь приехала в Петроград и подала жалобу в Синод, работавший в новом составе во главе с В. Н. Львовым.

Патриарх Тихон в обращении к верующим Пензенской епархии 4 июня 1921 г. писал, что в связи с жалобой в Святейший Синод от Толстой и ее родственников, поданной в июне 1917 г.

---

[1] *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии: Исторический очерк. Пенза, 1999. Кн. 1. С. 255.

[2] *Иванов Н. П.* История путятинского брожения в городе Пензе в период 1915–1922 г. Библиотека МДА. С. 24. Машинопись.

[3] *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии. С. 255.

[4] *Иванов Н. П.* История путятинского брожения в городе Пензе в период 1915–1922 г. С. 24.

по поводу безнравственного поведения архиерея в отношении молодой девицы, Синод 2 августа 1917 г. решил устранить архиепископа Владимира от руководства епархией и поручил расследование его дела архиепископу Симбирскому Вениамину (Муратовскому)[1]. После того как расследование было закончено, Синод определением от 18 сентября в дополнение к решению об устранении архиепископа Владимира от управления кафедрой запретил его в священнослужении, ношении панагии и преподании благословения, назначил пребывание в монастыре и передал вопрос о нем на соборное совещание епископов[2]. После этого, как писал Патриарх Тихон, «особая судебная комиссия епископов, рассмотрев дело, решила ввиду неподтверждения некоторых показаний потерпевшей оставить ему право священнослужения, ношения панагии и благословения, но выяснила многочисленные „странности" в отношении упомянутой девицы и других лиц женского пола», которые «давали такую обильную пищу всяким самым позорным для чести и доброго имени монаха и архиерея подозрениям...»[3].

25 октября 1917 г. дело бывшего архиепископа Пензенского Владимира (Путяты) было рассмотрено комиссией из 40 архиереев, членов Поместного Собора. Совещание признало справедливым уволить архиепископа Владимира на покой с назначением местожительства во Флорищевой пустыни[4]. Флорищева пустынь находилась в Нижегородской епархии и со времен Петра I использовалась как место заключения духовенства и других лиц, принадлежавших к духовному сословию. Путяте было указано на невозможность возвращения на Пензенскую кафедру. Большинство архиереев осуждали его поведение и считали наказание справедливым. Так, епископ Алексий (Симанский) 10 октября 1917 г. писал митрополиту Арсению (Стадницкому): «Итак, Владимир Путята принял достойное воздаяние за свои злохудожества. И не жаль его. Можно все понять и извинить, но нечистой жизни, нарушения монашеского подвига обетного извинить нельзя; ведь это всецело во власти самого человека и зависит

---

[1] Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 49. Л. 5–8.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

от того, как человек себя направляет и как блюдет себя. И долг Церкви – очищать епископат от подобных нечестивцев, дерзающих попирать величайшую благодать. Но как он сам теперь уложится в рамки рядового монаха в уединенной обители? Помоги ему Бог не пасть духом»[1].

Епископское совещание, состоявшееся в Москве 31 января 1918 г., потребовало от Путяты оставить кафедру[2]. Однако он отказался выполнить это требование и продолжал агитировать народ в свою пользу. В конце февраля 1918 г. высшая церковная власть приняла решение: «Бывшего архиепископа Владимира за неисполнение распоряжения Высшей Церковной власти, вызвавшее смуту среди населения, запретить в священнослужении, ношении панагии, мантии и обязать немедленно выехать в место назначения (Флорищеву пустынь) с предупреждением, что за неисполнение он будет предан церковному суду»[3]. Сторонники Путяты оскорблениями довели до смерти от сердечного приступа канонического Пензенского владыку епископа Феодора (Лебедева), скончавшегося 10 марта 1918 г.[4]

В постановлении епископского совещания от 21 марта (3 апреля) 1918 г. сообщалось, что архиепископ Владимир, несмотря на запрещение, 18 марта совершал богослужение, а его сторонники захватили Богоявленскую церковь и требуют ключи от собора. Решением этого совещания Путята был назван вдохновителем смуты, и его постановили предать суду епископского собора, для чего вызвать в Москву[5]. Путяте трижды отправляли вызов, однако он отказался явиться. Архиерейское совещание в составе 40 епископов, среди которых находился и митрополит Сергий (Страгородский), проходившее в Москве под председательством Патриарха Тихона 18–19 апреля 1918 г., 39 голосами при одном воздержавшемся постановило бывшего архиепископа Пензенского Владимира лишить сана, оставив в монашестве[6]. 22 апреля 1918 г. на Пензенскую кафедру назначили епископа Иоанна (Поммера). Он занимал ее до 1921 г.

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 76.
[2] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–4.
[3] Там же.
[4] *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии. С. 269–270.
[5] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–4.
[6] Там же.

Еще в ноябре 1920 г. А. В. Луначарский писал В. И. Ленину о предложении Владимира Путяты воспользоваться его услугами с целью «опрокинуть Тихона и привести к признанию со стороны церкви принципов:

1) Богоустановленности Советской Власти (!!!).

2) Правильности принципа отделения церкви от Государства.

3) Полной согласованности коммунистического идеала с истинным христианством»[1]. В. И. Ленин решил привлечь к обсуждению его инициатив А. В. Луначарского и тех, кто занимался «ликвидацией церкви»: главу ВЧК Ф. Э. Дзержинского и главу 8-го («по отделению церкви от государства») отдела Народного комиссариата юстиции (НКЮ) П. А. Красикова. Председатель ВЧК, в свою очередь, посчитал необходимым задействовать двух заведующих Секретного отдела Секретно-оперативного управления ВЧК: перемещенного с этого поста в сентябре 1920 г. М. И. Лациса и пришедшего ему на замену Т. П. Самсонова, доклады которых были направлены В. И. Ленину. Самсонов в докладе от 4 декабря 1920 г. констатировал, что все попытки разложить Церковь «из центра» путем создания «Исполнительного комитета по делам духовенства всея России» («Исполкомдух»), а также «Свободной народной церкви» бывшего архиепископа Владимира (В. В. Путяты), «Царицынской церкви» бывшего иеромонаха Илиодора (С. М. Труфанова) закончились неудачей, «потерпели фиаско». Поэтому разложить Церковь, считал Самсонов, можно лишь опираясь на «низшее молодое белое духовенство», а не на «церковных старых волков, каков Тихон, Владимир Путята и др.», которые «могут действовать для нас лишь постольку, поскольку нужно им для того, чтобы спасти свою шкуру»[2].

Однако в марте 1921 г. в ВЧК все же было принято решение о начале операции по созданию «путятинской церкви». Как упоминалось выше, Путята и его покровители в ВЧК планировали создание церковного округа с центром в Казани, откуда Путята собирался руководить подчиненными ему епископами. Об этих планах Путята подробно поведал известному петроградскому юристу А. Ф. Кони. Тот, в свою очередь, рассказал о них епископу

---

[1] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 158.

[2] Неизвестная Россия, XX век. С. 34–35.

Алексию (Симанскому), который писал: «А. Ф. Кони, у которого я был сегодня, говорил мне, что на 1-й день Пасхи у него был... Владимир... говорил о том, что в четверг на Светлой предстоит восстановление его в епископском сане, которого он был лишен „юридически неправильно“, и что Святейший Патриарх уже выразил готовность назначить его в Казань, где он и предполагает развить свою реформаторскую деятельность... Даже говорил он и о том, что Казань будет центральным пунктом целого церковного округа, в который будут входить епархии Вятская, Пермская, Пензенская и т. д., и что сфера его деятельности будет широкая. Все эти сведения взяты из первоисточников, и нет оснований им не доверять. Кажется, дальше идти некуда, и хорош бы я был, если бы приложил руку свою к этому акту о его восстановлении»[1].

§ 6. Освобождение митрополита Сергия (Страгородского) как часть плана по созданию обновленческого округа во главе с Владимиром Путятой

В своих планах Путята рассчитывал на митрополита Сергия (Страгородского), который уже оказывал ему поддержку в 1917–1918 гг. В связи с этим он обратился к своему знакомому – наркому просвещения А. В. Луначарскому. 9 апреля 1921 г. А. В. Луначарский написал письмо главе ВЧК Ф. Э. Дзержинскому: «...арестован и сидит в Бутырках митроп[олит] СЕРГИЙ. По моим сведениям он мог бы быть полезен и облегчил бы ту миссию, кот[орую] взял на себя Арх[иепископ] ВЛАДИМИР в КАЗАНИ. Между тем, использовать Арх[иепископа] ВЛАДИМИРА надо при макс[имальных] условиях. Это м[ожет] очень сильно и в безопасной для нас форме примирить с нами крестьянство идеологически. Если заинтересуетесь – вызовите Арх[иепископа] ВЛАДИМИРА...»[2]. Новосибирский исследователь С. Г. Петров

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 222.

[2] Цит. по: *Бычков С.* Большевики против Русской Церкви: Очерки по истории Русской Церкви (1917–1941 гг.). М., 2006. Т. 2. С. 250. Со ссылкой: РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 196. Л. 1.

приводит другую дату письма – 6 апреля 1921 г.[1] Дзержинский направил это письмо бывшему (до сентября 1920 г.) начальнику Секретного отдела ВЧК, члену Коллегии ВЧК М. И. Лацису*[16], который не поддержал предложения: «Ей-право, не стоит поднимать старого вопроса. Это очередное увлечение „Богоискателей". А Сергий уж совсем для этой цели не гож»[2]. Несмотря на мнение М. И. Лациса, его преемник Т. П. Самсонов поддержал идею своего сотрудника И. А. Шпицберга. Путята начал переговоры об освобождении с митрополитом Сергием в Бутырской тюрьме с условием добиться возвращения ему епископского сана. Митрополит Сергий принял это предложение, результатом чего стало его освобождение, которое произошло в период с 9 по 18 апреля 1921 г.

Об обстоятельствах освобождения митрополита Сергия епископу Алексию (Симанскому) сообщил епископ Варнава (Накропин): «...Патриарх писал, что м[итрополит] С[ергий] отпущен на свободу, но „увы, на поруки Владимира Путяты...")»[3]. Обратим внимание на тот факт, что Патриарх Тихон нашел необходимым написать о связи митрополита Сергия и Путяты, обличая тем самым поступок митрополита и вызывая справедливые упреки архиереев по отношению к нему. «Что же это – услуга за услугу?» – задавался вопросом пораженный очевидной неблаговидностью этого акта епископ Алексий[4].

Между тем тому же епископу Алексию и, видимо, не только ему, было известно, что Путята предлагал освобождение из тюрьмы за поддержку в деле его восстановления в сане другому члену Синода – митрополиту Кириллу (Смирнову), томящемуся в Таганской тюрьме в Москве. Епископ Алексий писал митрополиту Арсению (Стадницкому): «На днях племянник митрополита Кирилла говорил мне, что он только что получил письмо от своего дяди, который пишет ему, что у него был в его „больнице"*[17] Владимир, предлагал ему освобождение по примеру митрополита Сергия, но с условием, что он будет за восстановление его

---

[1] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. С. 38.

[2] Цит. по: *Бычков С.* Большевики против Русской Церкви. С. 250. Со ссылкой: РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 196. Л. 2.

[3] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 219.

[4] Там же.

в епископском сане; митрополит Кирилл отклонил такие условия, тогда тот ему сказал: „В таком случае Вы посидите". Визит Владимира так повлиял на митрополита Кирилла, что последний как-то даже занемог от нервного напряжения и не то приобщался, не то даже соборовался, ища в таинстве облегчения своего утерянного морального состояния»[1].

В разговоре с епископом Алексием Владимир Путята косвенно подтвердил, что не пошел на сотрудничество с ним и другой член Синода – архиепископ Никандр (Феноменов). По этому поводу епископ Алексий писал: «Интересно, что на вопрос мой о том (в связи с разговором о митрополите Сергии), освобождены ли митрополит Кирилл и архиепископ Никандр, Владимир, не говоря мне о своем посещении митрополита Кирилла, ответил, что и тот и другой не имеют шансов на скорое освобождение»[2].

Выйдя из заключения, митрополит Сергий поселился на Валаамском подворье. Арзамасский исследователь Е. П. Титков пишет, что Путята начал посещать митрополита Сергия, «прося заступничества перед Патриархом и Синодом», приходя «в его дом на 2-й Тверской Ямской»[3]. Однако ссылок на источник информации автор, к сожалению, не приводит. Следует заметить, что на указанной улице располагался не дом митрополита Сергия, а подворье Валаамского монастыря. Находясь в Москве, он обычно останавливался там еще с тех времен, когда он был архиепископом Финляндским и Выборгским, так как этот монастырь располагался в его епархии. Вероятно, в первые дни после освобождения митрополит Сергий совершил чин восстановления в церковном общении Путяты. Таким образом, митрополит Сергий принял Путяту в церковное общение еще до архиерейского совещания, не докладывая об этом Патриарху. Епископ Алексий писал: «...это случилось келейно на Валаамском подворье за ранней литургией, когда митрополит Сергий его приобщил Святых Таин по чину мирян... Каким соблазном в самой Церкви мы являемся свидетелями и что это за ужас!»[4].

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 221–222.

[2] Там же. С. 222.

[3] *Титков Е. П.* Патриарх Сергий (Страгородский): Подвиг служения Церкви и Родине. Арзамас, 2007. С. 109.

[4] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 224.

Сам Путята уверял епископа Алексия, что «он-де взят на поруки митрополитом Сергием»[1]. Н. В. Нумеров об освобождении митрополита Сергия писал: «В январе 1921 г.*[18] был арестован, долго сидел в Чрезвычайке и в Бутырской тюрьме, но к Пасхе получил свободу: был взят на поруки знаменитым Путятой»[2].

24 апреля был рукоположен во иеродиакона келейник митрополита Сергия Афанасий (Егоров)[3], а 28 апреля – во иеромонаха другой насельник Валаамского подворья – Арефа (Митренин). Очевидно, эти хиротонии совершил митрополит Сергий.

§ 7. Формирование нового состава Синода и Высшего Церковного Совета

В феврале 1921 г. закончились полномочия Синода и Высшего Церковного Совета, члены которого были выбраны Собором в декабре 1917 г. Согласно определению Поместного Собора 1917–1918 гг. «О созыве будущего очередного Собора...», Поместный Собор должен был собраться весной 1921 г. и выбрать новый состав ВЦУ.

В декабре 1920 г., понимая, что созвать очередной Собор невозможно, ВЦУ приняло постановление, инициатором которого был митрополит Сергий (Страгородский). Секретарь Патриаршей канцелярии Н. В. Нумеров в письме излагал доводы митрополита Сергия, высказанные им в декабре 1920 г.: «Мотив был тот: члены должны оставаться до Собора, а Собор предполагался в 1921 г., но теперь невозможно рассчитывать на созыв Собора, поэтому нельзя наличных членов оставлять в составе Синода до бесконечности. Надо, чтобы Патр[иарх] избрал новых»[4]. В связи с тем, что многие избранные Собором члены ВЦУ и их заместители или покинули Россию, или находились в ссылках и заключении, состав органов ВЦУ, как отмечалось выше, значительно сократился. Арест митрополита Сергия за-

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 219.

[2] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 873.

[3] *Дамаскин (Орловский), игум.* Афанасий (Егоров), прмч. // ПЭ. М., 2003. Т. 3. С. 704.

[4] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.

тормозил выполнение этого решения, так как Патриарха вполне устраивало существующее положение.

Вернувшись к председательству в Синоде, митрополит Сергий, чтобы восполнить состав Синода, вероятно, вновь поставил вопрос о назначении его новых членов.

Из числа избранных на Соборе членов Синода остались митрополит Сергий (Страгородский) и архиепископ Михаил (Ермаков), из числа заместителей – митрополит Петроградский Вениамин (Казанский)*[19]. Митрополит Евсевий (Никольский) входил в Синод по должности как наместник Патриаршей области. Патриархом был введен в Синод архиепископ Варшавский Серафим (Чичагов) – очевидно, как глава епархии, которая должна была стать центром автономной Польской Церкви, так как от группы епархий он не мог быть вызван, поскольку Северо-Западную группу представлял архиепископ Иннокентий (Ястребов). Н. В. Нумеров писал, что в это время архиепископ Серафим усиленно пытался выехать в Варшаву[1].

Заместителями членов Синода являлись митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и архиепископ Вятский Никандр (Феноменов), так как они, будучи избранными в этом качестве Собором, находясь в заключении, не имели возможности войти в Синод в апреле 1921 г. Архиепископ Никандр вошел в состав Синода вместо митрополита Сергия, высланного в Нижний Новгород, в июле 1921 г., после своего освобождения[2].

Епископ Алексий (Симанский) указывал имена трех епископов, назначенных Патриархом от групп епархий: епископа Уфимского Андрея (Ухтомского), архиепископа Полоцкого Иннокентия (Ястребова) и епископа Тверского Серафима (Александрова)[3].

Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) должен был представлять Восточную группу епархий. Впрочем, уже в ноябре 1921 г. Синод определил для него Томскую епархию, входившую в Сибирскую группу епархий. Уфимской епархией временно управлял епископ Симон (Шлеев), который был убит 18 августа 1921 г.

---

[1] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 872.
[2] Там же. С. 871.
[3] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 243.

Архиепископ Иннокентий (Ястребов) от Северо-Западной группы епархий не прибыл в Москву: Патриарху «поступили просьбы жителей об оставлении его в Витебске»[1]. По данным протоиерея А. М. Станиславского, он не захотел ехать в Москву для участия в работе Синода[2]. Патриарх не освободил его от работы в Синоде, а предложил приехать после устройства дел в епархии, но архиепископ Иннокентий в Москву для работы в Синоде так и не приехал[3]. Согласно показаниям протоиерея А. М. Станиславского, данным на следствии по делу Патриарха Тихона в ГПУ, некоторые архиереи от групп епархий также не смогли или не захотели принять участие в работе Синода. Для этого имелась и объективная причина: проезд на большие расстояния в стране стоил очень дорого. Н. В. Нумеров указывает, что полномочия старого состава Синода были продлены до 1 июня 1921 г., очевидно, с тем расчетом, чтобы вызванные из епархий архиереи успели доехать до Москвы.

§ 8. Деятельность Священного Синода под председательством митрополита Сергия (Страгородского) (18 апреля – 4 мая 1921 г.)

18 апреля Синод во главе с митрополитом Сергием (Страгородским), вернувшимся к председательству как старейший по хиротонии член Синода, начал реализовывать планы Путяты по созданию церковного округа с центром в Казани. Епархии, которые планировалось ввести в округ, должны были возглавить архиереи, на чье послушание Путята мог рассчитывать. Путята в разговоре с епископом Алексием не скрывал, что предложил направить его в Пензу в качестве замены епископу Иоанну (Поммеру). Епископ Алексий писал: «Ему представляется, что я, в отличие от других иерархов, буду мягким и послушным орудием в его руках и буду „принимать его советы“...»[4].

---

[1] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 317.
[3] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.
[4] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 213.

Путята рассказал епископу Алексию и о других принятых Синодом решениях: «...архиепископ Никандр перемещен в Астрахань, на его место – архиепископ Серафим из Костромы. В Кострому – еще никто...»[1]. Перемещение архиепископа Серафима (Мещерякова)»*[20], будущего обновленца, на Вятскую кафедру, которую занимал архиепископ Никандр (Феноменов), было частью замысла Путяты и его покровителей.

Митрополит Евсевий (Никольский), председательствоваший в Синоде прежде, должен был участвовать в его заседаниях. На него оказывалось давление со стороны властей. 16 апреля 1921 г. он был допрошен И. А. Шпицбергом по делу о деятельности Московского епархиального управления (МЕУ), которое он возглавлял[2]. И. А. Шпицберг угрожал ликвидировать епархиальное управление в Москве, проводил обыски в его помещениях. Видимо, поэтому до 5 мая митрополит Евсевий не противился решениям Синода, инициированным митрополитом Сергием.

> 24 апреля, в Вербное воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Новой Слободе; накануне, в субботу, – утреню в храме Христа Спасителя.
> На Страстной седмице (25–30 апреля) Патриарх совершал богослужения ежедневно.
> 27 апреля, в Великую среду, Патриарх совершил Часы и чтение Евангелия на Троицком подворье.
> 28 апреля, в Великий четверг, – литургию на Троицком подворье, а вечером – утреню и чтение 12 Евангелий в храме Христа Спасителя.
> 29 апреля, в Великую пятницу, – вечерню и вынос Плащаницы в храме Христа Спасителя, а вечером – утреню и чин погребения Плащаницы на Троицком подворье.

27 апреля Патриарх подписал указ о назначении епископа Алексия (Симанского) на Пензенскую кафедру вместо архиепископа Иоанна (Поммера), переведенного в Ригу. Указ был выслан епископу Алексию с задержкой, и он получил его уже после

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 219.

[2] О закрытии Московского епархиального совета / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 200.

письма Патриарха Тихона о его отмене. Епископ Алексий писал об этом 22 мая: «8-го числа*[21] получил указ из Синода о назначении меня в Пензу. Этот указ (от 14/27 апреля) меня бы обеспокоил, если бы днем или двумя раньше я не получил письма от Святейшего, копию чего я Вам при сем посылаю. Таким образом, это обстоятельство, по-видимому, ликвидировано. Замечательно, что и сам Святейший свидетельствует, что все дело здесь в Путяте»[1].

Путята 30 апреля 1921 г., в Великую субботу, посетил епископа Алексия, уверяя его, что тот назначен на его место в Пензу. Епископ Алексий так описывал этот визит своему духовнику митрополиту Арсению (Стадницкому) в письме от 4 мая: «В Великую Субботу возвращаюсь от длинного служения в Никольской единоверческой церкви и застаю у себя б[ывшего] архиепископа Владимира, который известным Вам своим тоном начинает мне докладывать следующее: он от Патриарха, в этот день только приехал из Москвы. Был уже у митрополита Вениамина, которому привез от Патриарха письмо с приглашением прибыть в Москву, к четвергу на пасхальных днях, вместе со мною, „вновь назначенным епископом Пензенским“, для участия в экстренном заседании Синода, на коем будет решаться вопрос о возвращении епископского сана Владимиру, который принят уже в церковное общение. Я был ошеломлен известием и сказал, что буду просить Патриарха меня освободить от назначения, для меня совсем не понятного после письма Патриарха и после того, как только что состоялось мое перемещение сюда по мотивам, хорошо видимым и признаваемым самим Святейшим. Владимир усиленно просил все же приехать для участия в заседании, просил участливо отнестись к его судьбе и т. д. Между прочим, речь коснулась и Вас, и я ему сказал, что в свое время Вы были не на стороне того мнения, которое требовало и достигло своего – суровых мер по отношению к нему. Мы расстались дружелюбно с тем, чтобы окончательно решить вопрос в понедельник. В понедельник я виделся с митрополитом в Новодевичьем, и он мне показывал официальную бумагу Святейшего Патриарха, очевидно составленную самим „о. Владимиром“, как он именуется в этой бумаге, и подписанную Патриархом. Я знал, что Владимир

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 230.

от митрополита, у которого он имел быть в этот день в пять часов, приедет ко мне (между прочим, Владимир ездил здесь на автомобиле и в пролетке, что установлено, с Гороховой...), и намеренно из монастыря приехал не домой, а к сестре и Комарницким и задержался, так что он меня не застал. Ему сказали, что, быть может, я буду ночевать в Иоанновском монастыре, куда он и поехал от меня; не застав меня там, он приехал снова к митрополиту. Митрополит заявил ему, что он не может ехать в Москву из-за службы, не может и меня туда послать за себя, т. к. и я имею служения уже объявленные, но что он не может и удержать меня, если я найду возможным и нужным уехать в Москву. И дал ему письмо к Патриарху, в коем он между прочим высказывал и недоумение и скорбь по поводу моего неожиданного и непонятного назначения»[1].

В письме своему духовнику епископ Алексий писал также, что был глубоко возмущен тем, что Синод и Патриарх пошли на поводу у Путяты: «Думаю, что Вы одобряете и мою просьбу к Патриарху об освобождении меня от назначения в Пензу, и мою твердую решимость не дать себя втравить в это дело. Но какие тяжелые последствия для Церкви могут быть от этого неосторожного шага Синода! Какое осуждение навлекает на себя этим и Святейший Патриарх. Я все же не хочу верить, что это так просто сделается, хотя многое уже сделано...»[2].

Однако Патриарх Тихон, следуя своей тактике поведения в сложных случаях, формально не сопротивлялся навязываемым решениям, но в реальность он их не воплощал или старался затормозить, рассчитывая, что Промысел Божий все расставит по своим местам.

3 мая 1921 г. епископ Алексий направил Патриарху Тихону письмо: «Бывший архиепископ Пензенский Владимир был у меня в Великую субботу и принес весть о состоявшемся будто бы назначении моем епископом Пензенским. Это известие, столь для меня неожиданное после недавнего моего перемещения сюда и после Вашего письма ко мне, является для меня крайне тяжелым и прискорбным. И самые условия, при коих, согласно слов о. Владимира, состоялось это назначение, и условия прохожде-

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 216–218.
[2] Там же. С. 222.

ния служения в Пензе, картину коего с достаточной откровенностью мне обрисовал о. Владимир, – все это заставляет меня усиленно и неотступно просить Ваше Святейшество, как Отца, отменить это назначение, если оно состоялось, и не возлагать на меня столь непосильного бремени»[1].

Таким образом, ко времени приезда в Петроград для встречи с епископом Алексием Путята уже добился через митрополита Сергия указа о переводе епископа Алексия в Пензу. А на 5 мая (четверг Светлой седмицы) было назначено заседание епископского совещания для решения вопроса о восстановлении Путяты в епископском сане и его назначении в Казань.

Первые дни праздника Воскресения Христова у Патриарха были заняты богослужениями.

> 1 мая, на Пасху, Патриарх совершил пасхальную утреню и литургию в храме Христа Спасителя; вечерню – также в храме Христа Спасителя.

Н. П. Окунев, бывший в этот день в храме Христа Спасителя, оставил следующую запись в дневнике: «Пасхальную заутреню и после обедню имел счастливый случай (при протекции Розова) простоять в левом клиросе храма Христа Спасителя. Служил Патриарх с Митрополитом Евсевием и с Епископом Петром Подольским. Народу было видимо-невидимо. Жутко было смотреть с некоторой „высоты“ клироса на такую громадную толпу, все время колыхавшуюся от чрезмерной тесноты и издававшую необыкновенный какой-то гул, встревоживший меня звуковым сходством со знаменитой Ходынкой 1896 г.»[2].

> 2 мая, в Светлый понедельник, Патриарх совершил литургию в бывшем Алексеевском монастыре, во вторник – литургию в соборе святителя Николая Чудотворца в Перервинском монастыре и молебен в часовне Иверской иконы Божией Матери у Воскресенских ворот.
> 4 мая вечером Патриарх совершил утреню в храме святителя Николая Чудотворца на Арбате («Никола Явленный»).

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 212–213.
[2] Цит. по: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. С. 332.

Утром же, очевидно, состоялась встреча Патриарха с делегацией пензенских приходов. Путята настолько был уверен в успехе мероприятия, что, не дождавшись епископского совещания, направил своим сторонникам в Пензу телеграмму о том, что «его... принимают»[1]. Очевидец событий Н. П. Иванов писал: «...в конце апреля или в начале мая на общегородском собрании церковных советов г. Пензы было решено срочно послать в Москву делегацию в составе священников: А. А. Беляева, Н. М. Пульхритудова, и мирян: Бондарева и К. С. Дебове – с резолюцией собрания всех городских приходов, в которой выражался протест против предполагаемого восстановления Владимира Путяты и просьба об оставлении архиепископа Иоанна на Пензенской кафедре»[2].

По словам Путяты, который в одном из храмов Пензы рассказывал о поездке в Москву, визит делегации состоялся прямо накануне совещания и сорвал возвращение ему архиерейства. Со слов членов делегации, записанных Н. П. Ивановым, «Патриарх сказал, что он сам Путяту не принимал и что лично с его делом не знаком, но так как Путята все время просит пересмотреть его дело, то он поручил рассмотреть его заявление Митрополиту Сергию (Страгородскому), который в это время был то ли непременным членом Синода, то ли Управляющим делами Патриархии и что он, Патриарх, от него доклада еще не имел»[3]. На самом деле управляющим делами на Троицком подворье, где размещалась Патриархия, был митрополит Крутицкий, управляющий Патриаршей областью Евсевий (Никольский). Митрополит Сергий, к которому отправилась делегация после разговора с Патриархом Тихоном, «заявил, что архиепископ Владимир... принят в общение». Митрополит Сергий не смог серьезно обосновать такой шаг: «Когда же взволнованная делегация возразила ему, что такое действие противоречит законному Соборному определению, то митрополит ответил: „Христос и разбойника простил“»[4]. Делегаты пытались возражать, говоря о том, что при-

---

[1] *Иванов Н. П.* История путятинского брожения в городе Пензе в период 1915–1922 г. С. 68; см. также: *Иванов Н. П.* История путятинской смуты // Пензенские епархиальные ведомости. 1998. № 7 (159).

[2] *Иванов Н. П.* История путятинского брожения в городе Пензе в период 1915–1922 г. С. 68.

[3] Там же.

[4] Там же.

мер с разбойником не имеет отношения к принятию в сущем сане епископа блудника и раскольника: «Не нам бы возражать Вам, Владыка, что иное есть таинство покаяния, а иное есть таинство священства»[1]. Митрополит Сергий фактически отказался продолжать разговор с делегацией. Н. П. Иванов писал: «Митрополит на это ничего не возразил, и делегация, поняв, что разговор закончен, удалилась»[2]. Пензенские делегаты, вдоволь насмотревшиеся «художеств» Путяты, оказались настойчивыми, снова пошли к Патриарху Тихону и рассказали ему о реакции митрополита Сергия. На это Патриарх «покачал головой и сказал, что митрополит Сергий единолично не имел права принимать в общение Путяту, и то, что произошло между митрополитом Сергием и Путятой, не может считаться восстановлением Путяты в сане»[3]. Патриарх также сказал, что решение Синода о переводе архиепископа Иоанна (Поммера) в Ригу не может быть отменено.

§ 9. Экстренное заседание Священного Синода 5 мая 1921 г.

На 5 мая 1921 г., четверг Светлой седмицы, было назначено экстренное заседание Священного Синода, на котором должен был рассматриваться вопрос о возвращении Путяте епископского сана и назначении его на Казанскую кафедру. Как упоминалось выше, накануне Путята отправился в Петроград, где пытался убедить митрополита Вениамина (Казанского) выехать в Москву для участия в заседании Синода или направить вместо себя епископа Алексия (Симанского), назначенного на Пензенскую кафедру. 4 мая Путята доставил епископу Алексию билет на вечер того же дня и пропуск на проезд в Москву. Выше мы также цитировали письмо епископа Алексия, в котором он отмечал, что Путята передвигался по Петрограду на машине «с Гороховой», т. е. принадлежавшей петроградским чекистам. Путята на случай, если он не сможет увидеться с митрополитом Вениа-

[1] *Иванов Н. П.* История путятинского брожения в городе Пензе в период 1915–1922 г.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 68–69.

мином, привез письмо, подписанное «Владимир, архиепископ Пензенский». В нем он просил, чтобы митрополит Вениамин написал Патриарху, а также митрополиту Сергию о причинах, по которым не сможет быть на заседании Синода 5 мая, и дал указание епископу Алексию «действовать от его имени»[1].

Свою и митрополита Вениамина встречу с Путятой епископ Алексий описал в письме от 4 мая 1921 г.: «Сегодня мы служили в Иоанновском монастыре. Во время обеда приезжает Владимир. Я его принял в особой комнате и сказал ему, что я написал письмо Святейшему Патриарху с просьбой об освобождении меня от Пензы, письмо, которое посылается с оказией, и что, таким образом, моя поездка в Москву излишня и не имеет смысла. А он мне привез уже и билет и пропуск. <...> Быть может, отложат заседание, и нам все же придется ехать, быть может, пришлют нам сюда на заключение или на подпись акт; но мне крайне не хотелось бы, равно и митрополиту, прилагать руки к подобному ряду документов, и мне не хотелось бы ни на минуту считать себя и подписываться Пензенским, хотя бы для того, чтобы не считаться впоследствии „б[ывшим] Пензенским“... Думаю, что Патриарх примет во внимание мою просьбу и попросту не пришлет указа о назначении, аннулировав это назначение. Во всяком случае, если будет неудача, соберется депутация отсюда и т. д., и т. д. Как о. Владимир мне ни рисовал „заманчивых“ перспектив, что Патриарх и Синод оценят то, что я приму назначение и что это для меня выразится в награждениях и т. д., ничто меня не может соблазнить, и я готов остаться без титула, фактически оставаясь здесь тем, что я есмь. Но думаю, что до этого дело не дойдет. Я поминаюсь, конечно, Ямбургским. А билет и пропуск так и остались втуне... Не дай Бог входить в эту ужасную Пензенскую атмосферу»[2].

Таким образом, Путяте не удалось привлечь к участию в Синоде митрополита Вениамина и епископа Алексия, на поддержку которых он рассчитывал.

На заседании Синода 5 мая 1921 г. позиция митрополита Сергия по вопросу о Путяте не была поддержана. Против нее горячо возражали митрополит Евсевий (Никольский) и мит-

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 215–216.
[2] Там же. С. 218–219.

рополит Серафим (Чичагов), о чем сказано в письме епископа Алексия митрополиту Арсению от 16 мая 1921 г.: «Был у меня Зенкевич, вернувшийся из Москвы. Привез письмо от Нумерова. Его я Вам присылаю. Передавал он некоторые подробности заседания четвергового, длившегося с восьми часов вечера до четырех часов утра. Оказался неожиданным для всех, самым ревностным, энергичным отстаивателем надлежащей точки зрения на владимирский вопрос митрополит Евсевий, выступивший с часовой речью и резко выговаривающий митрополиту Сергию за его прямо незакономерные действия по отношению к вопросу о принятии Владимира. Причем он заявил даже, что теперь еще не время, а впоследствии собор епископов его самого (Сергия) будет судить за многие его деяния, и в частности отношение его к данному вопросу есть одна из темных страниц его деятельности. В результате вопрос был сорван главным образом благодаря энергии Евсевия и поддержке его со стороны а[рхиепископа] Серафима [Чичагова]. А митрополит Сергий, дабы не попадаться на глаза Владимиру, которого он заверил, что дело его будет решено в положительном смысле, должен был уйти черным ходом. Как все это трагикомично»[1].

Патриарх в заседании Синода не участвовал: вечером 5 мая он совершил утреню в храме великомученика Георгия Победоносца в Грузинах[2].

Безусловно, заседание Синода, продолжавшееся восемь часов и закончившееся в 4 часа утра, было очень напряженным и эмоциональным: решалась судьба не только планов властей по созданию обновленческого церковного округа в Казани во главе с Владимиром Путятой, но и судьба митрополита Сергия, который взялся этим планам помочь. Решительность митрополита Евсевия могла быть связана с планами его замены на посту наместника Патриаршей области архимандритом Сергием (Шеиным). Эта инициатива в принципе была поддержана даже Патриархом. Об этом епископ Алексий (Симанский) писал 27 апреля 1921 г.: «О[тец] Василий Шеин*[22] еще не приехал сюда. По слухам, исходящим от самого Патриарха, он только временно переводится в Петроград, скоро предстоит его хиротония и назна-

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 238–239.
[2] Богослужебный дневник... С. 71.

чение на место митрополита Крутицкого; митрополит Евсевий уходит на покой»[1].

Митрополит Евсевий находился в конфликтных отношениях с митрополитом Сергием, и за планами отставки первого явно просматривается инициатива последнего. Очевидно, власти считали, что архимандрит Сергий (Шеин) будет более гибким в отношениях с ними.

Провал авантюры, задуманной И. А. Шпицбергом и Путятой по созданию внутри Русской Православной Церкви обновленческой церкви Путяты, был связан с тем, что эта идея не получила поддержки политического руководства страны, к ней скептически относились в ВЧК. Фрагмент решения Патриарха и Синода (с неверной датой 17 апреля 1924 г.) помещен в сборнике М. Е. Губонина: «Так как дело бывшего архиепископа Владимира в свое время рассматривалось Собором православных архиереев, причем последний вынес решение о лишении бывшего архиепископа Владимира архиерейского сана, то Святейший Патриарх и Священный при нем Синод не могут взять на себя ответственность не только по восстановлению бывшего архиепископа Владимира в прежнем сане, но и по пересмотру его дела, а потому все ходатайства и суждения по оному отложить до Собора православных епископов, который один только правомочен вынести по оному делу свое суждение...»[2].

Не получив желаемого результата на Синоде, Путята бросился к своему старому другу – наркому просвещения А. В. Луначарскому, который в понедельник 9 мая 1921 г. в телефонограмме предложил председателю СНК лично встретиться с Путятой, уделив ему «хоть несколько минут». Ленин ответил в тот же день, с Путятой он встречаться отказался, попросив письменного разъяснения. 10 мая 1921 г. Луначарский отправил Ленину письмо, приложив послание Путяты, адресованное Патриарху Тихону. Объясняя предысторию событий, Луначарский писал, что 8-й отдел НКЮ пытался создать «новую советскую православную церковь» с центром в Казани и посредством Путяты и его «народной церкви» «взорвать церковь изнутри», используя «поднятую им в церкви распрю в видах ре-

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 225.
[2] Акты... С. 317.

волюции». Луначарский убеждал Ленина в том, что казанская церковь сможет помочь в «борьбе с официальным поповством», с «черносотенным патриархом и его клевретами». Сам нарком понимал, что его аргументы с сомнением будут восприняты Лениным («Конечно это обновленное православие с христианско-социалистической подкладкой совсем не сахар, в конечном счете оно нам, разумеется, не нужно»), доказывая тем не менее, что «движение советского православия», опираясь на поддержку ВЧК, может заставить «крестьянские массы, отсталое мещанство» и «более отсталую часть пролетариата» отойти от Православной Церкви. Ответ Ленина на это письмо не обнаружен, на что указывает С. Г. Петров[1]. Очевидно, что поддержки инициативе Луначарского Ленин не оказал и последняя надежда вернуться к епископству в патриаршей Церкви у Путяты исчезла. 27 мая 1921 г. епископ Алексий писал: «О Путяте дело замолкло что-то, но, вероятно, он продолжает действовать, и в том же террористическом духе. Да, вероятно, он еще немало бед причинит Церкви Христовой, особенно при такой неустойчивости „стражей“»[2].

Митрополит Сергий после скандала с Путятой, очевидно, предпочел временно отойти от синодальных дел. Н. В. Нумеров в сентябре 1921 г. писал, что митрополит Сергий в июне 1921 г. выехал в Нижний Новгород: «...присужден к ссылке в Н[ижний] Новгород, куда отправился в Июне месяце и там по сие время живет в женском Крестовоздвиженском монастыре и пользуется полной свободой совершать богослужения»[3]. Как указано в анкете, находящейся в следственном деле митрополита Сергия 1926–1927 гг., в 1921 г. он «был арестован ВЧК за нарушение декрета об отделении церкви от государства». Митрополит Сергий получил два года условно «с жительством в Нижнем»[4]. Формально митрополит был приговорен к ссылке по делу, в связи с которым он в январе – апреле 1921 г. сидел в Бутырской тюрьме. В связи с тем, что условием его освобождения было успешное решение «путятинского» вопроса, И. А. Шпицберг наказал его высылкой. Однако, как сообщает Н. В. Нумеров, условия ссылки были

---

[1] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 36.
[2] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 233.
[3] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 873.
[4] ЦА ФСБ. Д. Р-31639 (Дело митрополита Сергия 1926–1927 гг.). Л. 56 об.

по тем временам очень хорошие. В письме епископа Алексия митрополиту Арсению от 30 мая 1921 г. говорилось: «И Сергию, как видно, не повезло, и его высылают, но я не понимаю, как это Нижний избран местом ссылки»[1]. Недоумение епископа Алексия можно понять: вероятно, митрополит Сергий сам участвовал в выборе места своего жительства, имея прекрасные отношения с архиепископом Евдокимом (Мещерским)*[23], управлявшим Нижегородской епархией. Н. В. Нумеров указывал, что митрополит Сергий покинул Москву вскоре после 1 июня 1921 г.: «Вскоре М[итрополит] Сергий был выслан в Н[ижний] Новгород»[2].

Очевидно одно: ссылка митрополита Сергия явилась следствием неудачи в попытке вернуть сан Путяте, с которым власти связывали надежды на создание просоветской церкви.

§ 10. Патриарх Тихон в условиях нарастающих репрессий властей против органов церковного управления (6–31 мая 1921 г.)

Уже 6 мая 1921 г. к митрополиту Серафиму (Чичагову), активно возражавшему против восстановления Путяты в сане, явился с обыском И. А. Шпицберг. Епископ Алексий связывал это с его позицией на Синоде: «В связи ли с такой его позицией или же независимо от этого, но на следующий день у него был обыск, и он говорил моему отцу, что не исключена возможность и его ареста. Каким образом могли сделаться известными его речи Владимиру? Опять и здесь не митрополит ли Сергий?.. Вот какой дух царит в высшей иерархии, и как хорошо быть далеко от всего этого»[3].

11 мая 1921 г. митрополит Серафим был вызван на допрос к И. А. Шпицбергу. Шпицберг составил заключение, в котором указывал, что «нельзя отпускать Чичагова в Польшу, где он будет действовать „как эмиссар российского патриарха“ и „координировать – против русских трудящихся масс за границей фронт

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 239.
[2] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.
[3] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 230.

низверженных российских помещиков и капиталистов под флагом дружины друзей Иисуса". Шпицберг потребовал заключить митрополита Серафима в Архангельский концлагерь»[1]. В жизнеописании святителя Серафима игумен Дамаскин (Орловский) указывает, что допрос митрополита и последующий арест были связаны с его визитом в Польское представительство и найденными у него во время обыска письмами в Польшу[2]. Однако митрополит Серафим до сентября 1921 г. оставался на свободе, т. е. инициатива Шпицберга была отставлена без внимания.

Шпицберг отомстил и митрополиту Евсевию (Никольскому), подготовив к 13 мая на утверждение П. А. Красикову доклад о закрытии Московского епархиального совета, который возглавлял митрополит Евсевий. Состав Совета в документе описан следующим образом: «...митрополит, 5 протоиереев, 1 б[ывший] профессор дух[овной] академии*[24], 1 б[ывший] прис[яжный] пов[еренный]»[3]. В документе названо имя одного из членов Совета – его казначея протоиерея С. М. Садковского*[25]. П. А. Красиков утвердил доклад о ликвидации Московского епархиального совета. Помещения совета на первом этаже Троицкого подворья были заняты властями.

Пасхальная седмица, как упоминалось выше, была посвящена в основном богослужениям.

> 6 мая, в пятницу, Патриарх Тихон совершил литургию в храме великомученика Георгия на Варварке.
>
> 7 мая, в субботу, – в храме святителя Василия Кесарийского на Тверской.
>
> 8 мая, в воскресенье, – в храме Богоявления в Дорогомилове.
>
> 12 мая, в четверг, – в храме Девяти мучеников Кизических в Девятинском переулке.

13 мая, через неделю после скандального заседания 5 мая, состоялось следующее заседание Синода, на котором апрельские синодальные решения были частично отменены. Синод утвердил

---

[1] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 437.

[2] Там же.

[3] О закрытии Московского епархиального совета. С. 202.

на Вятской кафедре епископа Павла (Борисовского)[1] вместо обновленчески настроенного епископа Серафима (Мещерякова). В сан архиепископа был возведен епископ Пекинский Иннокентий (Фигуровский)[2]. Также было отменено решение о назначении епископа Алексия (Симанского) в Пензу. Патриарх сообщил ему об этом в письме: «Пишу Вам с оказией. От Пензы Вас освобождаем. Это все спешил о. Владимир Путята, чтобы ликвидировать и самому поскорее восстановиться в сане архиерейском. Но Синод признал себя некомпетентным в восстановлении его в сане, предоставляя это тем, которые и лишили его архиерейства. Посему стал запрашивать отзывы архиереев, если его покаяние и обращение искренни.

Архиепископа Иоанна все просят в Латвию, и мы кого-либо подыщем в Пензу, а Вы работайте с Богом в Петрограде. Так скажите и Владыке митрополиту.

Прошу Ваших святых молитв и с братскою любовью остаюсь Ваш покорнейший послушник Патриарх Тихон. 2/15 мая 1921»[3].

15 мая, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Иерусалимской иконы Божией Матери за Покровской заставой.

Патриарху часто сослужил епископ Иларион (Троицкий). Будучи викарием Патриарха, он занимался вопросами, связанными с храмами и монастырями Московской епархии. 20 мая 1921 г. епископ Иларион писал: «Вот исполняется год, как я в новом своем положении. За год отслужено 142 обедни, больше чем 142 всенощных, около 330 проповедей (исключая два месяца болезни). Ведь это все равно что иметь в году полторы сотни праздников»[4].

21 мая, в субботу, Патриарх совершил всенощную в храме Христа Спасителя.

---

[1] *Дудин А., свящ., Маштафаров А. В., Шихов С. А.* Вятская и Слободская епархия // ПЭ. М., 2005. Т. 10. С. 157.

[2] *Ковалева Е. В.* Иннокентий (Фигуровский), митр. // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 32.

[3] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 226–227.

[4] Цит. по: *Бонецкая Н.* Носитель торжествующего христианства: Очерк жизни и творчества священномученика Илариона (Троицкого), архиепископа Верейского // Архиепископ Иларион (Троицкий): Творения: В 3-х т. М., 2004. Т. 1. С. 37.

22 мая, в воскресенье, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Ваганькове[1], за которой совершил хиротонию архимандрита Варлаама (Пикалова)*[26] во епископа Новосильского, викария Тульской епархии[2].

23 мая Патриарх утвердил решение Синода об отмене апрельского назначения архиепископа Иоанна (Поммера) в Латвию[3]. В этот же день Святейший утвердил назначение епископом Крестецким настоятеля Вяжишского монастыря архимандрита Серафима (Велицкого). Его хиротонию в Софийском соборе Новгорода 3 июня возглавил митрополит Арсений (Стадницкий).

24 мая, во вторник, Патриарх совершил всенощную в храме священномученика Ермолая на Садовой («на Козьем Болоте»).
25 мая, в среду, – литургию в храме Христа Спасителя и возглавил крестный ход на Москву-реку.

27 мая 1921 г. Патриархом был подписан указ Синода об освобождении епископа Алексия (Симанского) от Пензенской кафедры: «По благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода слушали: ходатайство Вашего Преосвященства, изложенное в письме к Святейшему Патриарху от 20-го апреля сего года об освобождении Вас от данного Вам назначения на Пензенскую архиерейскую кафедру ввиду крайней утомленности Вас от пережитых до сего времени событий в Новгороде и непосильности бремени служения в Пензенской епархии, переживающей в настоящее время тяжелые дни. Постановлено: во внимание к ходатайству Вашего Преосвященства, освободить Вас от данного Вам постановлением от 5/18 апреля сего года назначения на Пензенскую архиерейскую кафедру. О чем и уведомить Вас. Мая 14/27 дня 1921 г. № 698. Член Св[ященного] Синода митрополит Евсевий»[4].

29 мая, в воскресенье, Патриарх Тихон совершил литургию в храме преподобного Сергия в Рогожской слободе.

---

[1] Богослужебный дневник... С. 72.
[2] *Васильева Н. Ю.* Варлаам (Пикалов), архиеп. // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 596.
[3] *Гаврилин А. В.* Иоанн (Поммер), сщмч. // ПЭ. Т. 23. С. 294.
[4] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 242.

31 мая, во вторник, – литургию в храме Вознесения*[27], где возвел в сан архимандрита игумена из Уфы Антония (Миловидова)*[28], близкого к архиепископу Андрею (Ухтомскому).

§ 11. Патриарх Тихон и изменение состава органов ВЦУ в июне 1921 г.

1 июня 1921 г., согласно принятому в декабре 1920 г. решению ВЦУ, прекратились полномочия состава ВЦУ, избранного Поместным Собором в 1918 г. Формирование новых органов ВЦУ, как уже отмечалось, началось в апреле 1921 г. В июне 1921 г. в состав Синода входили митрополит Евсевий (Никольский) и епископ Тверской Серафим (Александров). Епископ Серафим (Александров) от Центральной группы епархий прибыл в Москву из Твери и поселился на Петровке, в доме 26. Его сын писал в карточке Политического Красного Креста в апреле 1922 г.: «Мой отец, Архиепископ тверской был вызван Патриархом для очередного присутствия в Синоде. В Москве с него, как с члена Синода, была снята властью подписка о невыезде»[1]. Таким образом, члены Синода не имели возможности выехать из Москвы и находились под контролем ВЧК. Это, видимо, и послужило причиной отказа некоторых вызванных в Синод архиереев выехать в Москву. Ранее епископ Серафим только один раз был арестован в Твери в 1920 г., но вскоре отпущен. Инструментом давления на него со стороны ВЧК могли быть его дети: сын В. Д. Александров 19 лет, находившийся на иждивении отца, и дочь 28 лет, жившая с мужем в голодающей Оренбургской губернии[2]. Вероятно, епископ Серафим боялся попасть в тюрьму из-за очень плохого самочувствия, которое, по свидетельству сына, было у него до ареста в апреле 1922 г.[3] Итак, несмотря на предпринятые в апреле 1921 г. меры по увеличению состава Синода (он был определен в пять человек[4] – без Патриарха), к началу июня в Синоде присутствовали только два архиерея.

---

[1] Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России. С. 35.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же.
[4] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.

ВЦС составляли епископ Боровский Алексий (Житецкий), избранный заместителем члена ВЦС еще в 1917 г.[1], протопресвитер Н. А. Любимов, протоиерей А. М. Станиславский, профессор И. М. Громогласов и профессор П. Д. Лапин[2]. Они были избраны в ВЦС Поместным Собором. Протопресвитер Н. А. Любимов, протоиерей А. М. Станиславский и профессор И. М. Громогласов до сентября 1921 г. «беспрерывно работали»[3] в ВЦС.

Председателем Синода снова стал близкий друг Патриарха митрополит Евсевий (Никольский), назначенный в 1920 г. наместником Патриаршей области митрополитом Крутицким. Однако из-за слабого здоровья он с трудом управлялся с большим количеством дел. В управлении Московской епархией ему помогали епископы Петр (Полянский) и Иларион (Троицкий). Московский епархиальный совет, канцелярия епархиального управления, другие должностные лица Московской митрополии с лета 1921 г. – после того, как власти заняли их помещения на первом этаже, – были переведены на второй этаж, который до этого занимали Патриарх и его канцелярия. Об этом уплотнении сообщает Н. В. Нумеров в письме митрополиту Антонию (Храповицкому): «Патриарх живет у себя. Уплотнений лично он не терпел. За последнее время на площадке около лестницы и в первой комнате занимается Моск[овский] Еп[архиальный] Совет, который был внизу, но откуда в начале лета выселен. Монахи живут внизу. Красный дом рядом отобран»[4]. В этом же письме Н. В. Нумеров приводит также кадровый состав сотрудников канцелярии ВЦУ: «Канцелярию составляют: П. В. Гурьев, как управляющий, делопроизводители: Б. Н. Самуилов, Н. В. Нумеров и М. М. Гребинский. Бухгалтер Г. И. Верижский. Трое ведут переписку. Исключая П. В. Гурьева, все совместительствуют в советских учреждениях и ходят хотя и днем, но не всегда исправно. Жалованье и члены и мы получаем по 66 000 р[ублей]. <...> Секретарем у Патр[иар]ха продолжает оставаться А[рхимандрит] Неофит»[5].

---

[1] *Цыпин В., прот.* Высший Церковный Совет // ПЭ. Т. 10. С. 110.

[2] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 872.

[5] Там же.

В июне Патриарх продолжал совершать богослужения в московских храмах.

> 3 июня, в пятницу, Патриарх совершил литургию в храме Владимирской иконы Божией Матери на Никольской, у стены Китай-города.
> 4 июня, в субботу, – всенощное бдение в храме Спаса Преображения в Каретном Ряду («Спас Пески»).
> 5 июня – литургию в храме мученика Никиты на Старой Басманной.
> 8 июня – всенощную в храме преподобного Сергия Радонежского на Троицком подворье.
> 9 июня, в праздник Вознесения Господня, – литургию в храме Вознесения Господня на Никитской.
> 12 июня – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Хамовниках.

12 июня в письме митрополиту Евлогию (Георгиевскому) Патриарх Тихон подтвердил его назначение, сделанное ВЦУ в марте – апреле: «Ваше назначение временно заведовать Западно-Евр[опейскими] церквами мы подтверждаем и об этом известили и Преосв[ященного] Митр[ополита] Петроградского, коему с этим „умалением“ нужно примириться: все равно он в силу крайнего разорения почти ничего не может сделать для блага заграничных церквей»[1]. Изъятие из его ведения заграничных церквей было воспринято митрополитом Вениамином (Казанским) достаточно болезненно. Все же 21 июня 1921 г. в письме на имя митрополита Евлогия митрополит Вениамин выразил свое согласие на это назначение: «С своей стороны я даю полное согласие, чтобы в это время, когда почти нет сношений с заграничными церквами, Вы заведовали ими, тем более что это временное заведование Вашим Высокопреосвященством указанными церквами признано и подтверждено и Свят[ейшим] Патриархом. Душа моя болела за эти церкви, но помочь им было невозможно»[2].

В письме от 12 июня Патриарх также сообщал митрополиту Евлогию о положении в Америке: «Получил неутешитель-

---

[1] Цит. по: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 43.

[2] Цит. по: Современники о Патриархе Тихоне: Сборник: В 2-х т. / Сост. и автор коммент. М. Е. Губонин. М., 2007. Т. 1. С. 558–559.

ные сообщения о положении наших церковных дел в Сев[ерной] Америке (собственно, касательно Преосв[ященного] Александра Немоловского) и так как нам сообщили, что Вы заведуете заграничными Зап[адными] Европейскими церквами нашими и живете в Париже, то всю переписку по сему я <...> направил Вам в Париж, прося Вас съездить в Америку и разобрать тамошние дела. И оказывается, Вы не в Париже, а в Берлине, а в Америку будто бы поехал митрополит Платон, который, быть может, и разберется там»[1].

18 июня, в субботу, Патриарх служил всенощную в храме преподобного Сергия Радонежского на Троицком подворье.
19 июня, на Пятидесятницу, совершил литургию в храме Святой Троицы в Троицком переулке и всенощную в храме святителя Николая Чудотворца на Мясницкой.
20 июня, в День Святого Духа, – литургию в храме Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище.
26 июня, в воскресенье, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Зарядье («Никола Мокрый»).

27 июня 1921 г., согласно решению Патриарха и Синода, в Нижнем Новгороде архимандрит Афанасий (Сахаров) был хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. Возглавлял хиротонию митрополит Владимирский Сергий (Страгородский). Накануне хиротонии будущего архиерея вызвали в ГПУ и угрожали репрессиями в случае принятия им епископского сана, но это не устрашило его.

28 июня 1921 г. Патриархом Тихоном и Священным Синодом епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский) был возведен в сан архиепископа и утвержден правящим архиереем Виленской и Литовской епархии. С этого времени он возглавил находившихся в Польше православных архиереев, выступавших за сохранение единства с Русской Православной Церковью. Попытки сохранить единство Церкви в Польше вызывали противодействие со стороны поддерживаемого польскими властями архиепископа Минского и Туровского Георгия (Ярошевского).

[1] Цит. по: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. С. 44.

29 июня, в среду, Патриарх совершил литургию в храме святителя Тихона Амафунтского у Арбатских ворот.
30 июня, в четверг, Патриарх совершил спуск Боголюбской иконы с Варварских ворот Китай-города и молебен перед иконой.

Чудотворная икона была установлена над Варварскими воротами в начале XVIII в.; в 1880 г. ее поместили в часовню, устроенную около ворот, а на ворота водрузили икону-заместительницу. Перед этой иконой, также прославленной чудотворениями, и отслужил молебен Патриарх Тихон. Позднее икона была помещена в храм Воскресения Христова в Сокольниках, где и находится в настоящее время[1].

В июне 1921 г. состоялась встреча старообрядцев-беглопоповцев саратовской общины с Патриархом Тихоном, в ходе которой впервые в истории Русской Церкви обсуждался вопрос о возможности открытого (без последующего запрещения) перехода православного архиерея в старообрядчество для возглавления беглопоповских общин. Патриарх, по свидетельствам очевидцев, «пошел навстречу просьбам визитеров и даже наметил кандидата в старообрядческие епископы, назвав имя жившего в Покровске (Саратовская губ[ерния]) архиепископа Уральского Тихона (Оболенского)»[2].

§ 12. Патриарх Тихон во время начала голода в России (конец июня – 18 июля 1921 г.)

Летом 1921 г. в некоторых регионах России начался голод. Как полагают современные исследователи, основными его причинами были недосев и неурожай, а также реквизиции хлеба, вплоть до печеного, советскими властями[3]. Крестьянские

---

[1] *Преображенский А. С.* Боголюбская Московская икона Божией Матери // ПЭ. М., 2002. Т. 5. С. 463–464.

[2] *Крапивин М. Ю., Далгатов А. Г., Макаров Ю. Н.* Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб., 2005. С. 342.

[3] *Гатауллина И. А.* Нэповская повседневность Поволжья: Социально-психологический анализ «массовой маргинальности» в контексте модернизационной перспективы // НЭП: Экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 483.

хозяйства, ослабленные Первой мировой и Гражданской войнами, экономической разрухой и продразверсткой, не смогли противостоять засухе. Летом 1921 г. выгорели озимые и яровые посевы, пересохли пастбища. Неурожай охватил 25 хлебопроизводящих губерний Поволжья, Дона, Северного Кавказа и Украины. Около 6 миллионов крестьянских хозяйств оказались на грани гибели. Голод сопровождался вспышками эпидемий (тиф, малярия, холера). Паника, растерянность и безысходность овладели людьми. Многие пытались спастись бегством на юг, но умирали в пути. Непогребенные трупы были обычным явлением. В ряде регионов отмечались случаи людоедства. Положение в городах было не лучше, чем в деревнях. Не хватало продовольствия. Точных данных о количестве погибших от голода в начале 1920-х гг. нет, но оно исчисляется миллионами. Особенно пострадали дети. В некоторых губерниях смертность детского населения достигала 90 процентов, более 5 миллионов детей оказались беспризорными, хроническое недоедание вызывало отставание в физическом и умственном развитии.

По предложению А. М. Горького 29 июня 1921 г.[1] Политбюро разрешило деятельность Всероссийского комитета помощи голодающим (Всепомгол). В нем активно начали работать представители бывшей партии кадетов С. Н. Прокопович, М. В. Сабашников, Н. М. Кишкин, Ф. А. Головин. Редактором издаваемого комитетом бюллетеня «Помощь» стал М. А. Осоргин. Значительная часть членов Помгола принадлежала к Православной Церкви, хотя стоявшие во главе комитета Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, М. А. Осоргин, по данным некоторых исследователей, были масонами[2]. С самого начала общественные организаторы Всепомгола пользовались поддержкой Патриарха. Американцы – сотрудники Американской администрации помощи (АРА) – писали: «В июне 1921 года у Патриарха состоялось несколько совещательных собраний и сорганизовался Церковный комитет помощи голодающим, который был зарегистри-

---

[1] «Столь успешное втирание очков всему свету»: Неизвестные документы о Всероссийском комитете помощи голодающим / Публ. И. Кондаковой // Источник. 1995. № 3. С. 53–54.

[2] *Геллер М.* Первое предостережение – удар хлыстом // Вестник РХД. 1978. № 127.

рован как отдел Всепомгола»[1]. Задачей комитета было привлечение западной помощи. А. М. Горький писал об этом 13 июня 1921 г.: «Цель комитета – воззвания к Европе и Америке о помощи, а также работа на местах совокупно с агентами власти»[2]. Поэтому власти, надеясь получить зарубежную помощь, пошли на создание подобного общественного комитета.

> 3 июля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в Набилковской богадельне, во время которой рукоположил во диакона Василия Феодоровича Надеждина*[29]. Также Патриарх совершил поднятие на Варварские ворота Боголюбской иконы и молебен перед ней.

4 или 5 июля состоялась встреча Патриарха с А. М. Горьким. В начале июля с согласия В. И. Ленина А. М. Горький начал привлекать Патриарха к деятельности по сбору помощи в пользу голодающих. Современник этих событий С. А. Волков оставил описание этой встречи со слов епископа Илариона (Троицкого), присутствовавшего на ней: «...в советских кругах нашли полезным, чтобы патриарх обратился к главам инославных церквей с воззванием о помощи голодающим. Переговоры с патриархом на эту тему поручили А. М. Горькому. Он запросил по телефону секретаря патриарха, примет ли его патриарх, если он к нему прибудет. Секретарь ответил, что патриарх принимает всякого человека, который имеет необходимость с ним встретиться. Иларион присутствовал при этой встрече. Когда Горький вступил в „голубой кабинет“, патриарх встретил его, рассказывал Иларион. Горький немного смутился. Он не знал, как ему поздороваться с высоким хозяином. Принять благословение он считал фальшью, так как всем присутствующим было известно, что он человек иррелигиозный, а протянуть руку для приветствия он считал дерзким. Он замялся на минуту. Патриарх приветливо улыбнулся и сказал: „Давайте поздороваемся“ – и сам первый подал Горькому руку. После этого состоялась беседа, в результате которой патриарх Тихон направил соответствующее послание Римскому папе и архиепископу Кентерберийскому и, кажется,

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // ЖМП. 2007. № 11. С. 65.

[2] Цит. по: *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России // Богословские труды. М., 2007. № 41. С. 505.

верховному управлению Евангелической церкви. Послание было написано по-латыни. Латинский текст составлял, кажется, И. В. Попов»[1].

До 6 июля Патриарх подготовил обращения к западным народам и церковным деятелям. 6 июля 1921 г. Политбюро обсудило вопрос «О посылке по радио воззваний патриарха Тихона». Высший партийный орган счел опасным публиковать в России воззвание Патриарха. Было решено ограничиться кратким газетным сообщением об этом: «Дать распоряжение о посылке по радио воззвания патриарха Тихона, поручив составить сообщение для газет об этом воз[з]вании т.т. Бухарину и Стеклову[,] не помещая самого воз[з]вания в газетах»[2].

Патриарх написал обращение, адресованное на имя архиепископа Кентерберийского и епископа Нью-Йорка Мэннинга, с призывом помочь голодающим. В послании Патриарха говорилось: «В России голод. Огромная часть ее населения обречена на голодную смерть. Хлеба многих губерний, бывших раньше житницей страны, сожжены засухой. На почве голода – эпидемии. Необходима самая широкая помощь»[3]. 23 июля на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» было опубликовано обращение Патриарха к епископу Нью-Йоркскому[4]. В статье от 18 мая 1922 г. под заголовком «Патриарх Тихон вынужден отречься» газета писала, что с начала голода Патриарх многократно обращался с призывами о помощи к своим духовным друзьям в Америке, одним из которых является и епископ Нью-Йорка Мэннинг[5].

Послание было первым фактом сотрудничества Патриарха и советской власти. Духовенство отнеслось к посланию скептически. Все понимали, что главным виновником голода были не природные факторы, а политика большевиков, изъявших у крестьян во время продразверстки посевной хлеб и разоривших крепкие хозяйства. Епископ Алексий (Симанский) 18 июля 1921 г. писал: «Слыхали ли Вы о послании Патриарха к иностранным

---

[1] *Волков С. А.* Архиепископ Иларион (Троицкий) // Вестник РХД. 1981. № 134. С. 233–234.

[2] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 42.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 50; Следственное дело... С. 113.

[4] Следственное дело... С. 113.

[5] *Аншакова Ю. Ю.* Гуманитарная миссия АРА в Советской России: начало взаимодействия // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 2. С. 117.

державам о помощи голодающим России, посланном будто бы по просьбе властей наших, обращавшихся к нему через посредство Горького? Какой высокий теперь тариф! Как будут язвить батюшки и псаломщики? Еще больше замрет жизнь»[1]. 10 июля в газете «Известия» вышла заметка с названием «Давно бы так». В ней говорилось об обращении Патриарха: «Патриарх Тихон обратился к архиепископам нью-йоркскому (Соед[иненные] Штаты) и кентерберийскому (Англия) с призывом прийти на помощь хлебом и медикаментами пострадавшему от неурожая и эпидемий населению России»[2]. 13 июля 1921 г. А. М. Горький по просьбе советского правительства выступил с обращением к западным странам, называвшимся «Ко всем честным людям». В нем он призывал оказать помощь в борьбе с голодом: «Хлебородные степи Юго-Востока России поражены неурожаем, причины его – небывалая засуха. Несчастие грозит миллионам населения России смертью от голода. Напомню, что народ русский сильно истощен влияниями войны и революции и что степень его сопротивления болезням, его физическая выносливость – значительно ослаблена. Для страны Льва Толстого и Достоевского, Менделеева и Павлова, Глинки и других всемирно ценных людей наступили грозные дни, и я смею верить, что культурные люди Европы и Америки, поняв трагизм положения русского народа, немедленно помогут ему хлебом и медикаментами...»[3]. Журналист «Нью-Йорк таймс» Уолтер Дюранти 20 июля 1921 г. писал в статье «Русские крестьяне боятся гнева Божьего», что в порыве религиозного чувства крестьяне сметут последние остатки советской власти, «как ураган солому», и единственной центральной властью в ситуации всеобщей анархии может стать Патриарх Тихон[4]. В другой статье, от 22 июля, Дюранти указал и на источник этих «сообщений»: по его словам, главные надежды русские эмигранты в Париже связывают с Русской Православной Церковью. С падением советского режима власть возьмет в свои руки Патриарх Тихон, пока новое Учредительное собрание не определит будущую форму правления в России. Этим статьям

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 255.

[2] Известия ВЦИК. 1921. 10 июля.

[3] Цит. по: *Иванова Е.* Филантропы больше, чем гангстеры // Родина. 2008. № 9. С. 73.

[4] *Аншакова Ю. Ю.* Гуманитарная миссия АРА в Советской России. С. 113.

в европейской и американской прессе были созвучны материалы, рисовавшие картины крестьянских восстаний, студенческих волнений и т. д. и создававшие у читателей ощущение, будто советская власть висит на волоске и дни ее сочтены[1].

6 июля, в среду, Патриарх служил литургию в Сретенском монастыре[2].
8 июля, в пятницу, – всенощную в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Сущеве.
9 июля, в субботу, – литургию в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Лужниках.

§ 13. Активизация деятельности ВЦУ и «вал» архиерейских хиротоний (10 июля – 8 августа 1921 г.)

Репрессии, проведенные ВЧК в мае 1921 г. против членов Синода, не позволяли последнему полноценно функционировать и принимать значимые решения. Вступая в переговоры с властью о посланиях Западу, Патриарх не мог не поднять этот вопрос. В результате выпуска посланий Патриарх и ВЦУ на некоторое время получили относительную «свободу действий». Этому способствовало и то, что летом 1921 г. проходила реорганизация «церковного» направления деятельности ВЧК, о чем будет сказано в отдельном параграфе. В это время Патриарх и Синод произвели ряд епископских назначений, так что хиротонии совершались с беспрецедентной в истории Русской Церкви скоростью.

10 июля, в воскресенье, в сослужении сонма архиереев Патриарх Тихон совершил литургию в храме Гребневской иконы Божией Матери на Лубянской площади.

Патриарх возглавил хиротонию 60-летнего бывшего вдового протоиерея, архимандрита Иоакима (Благовидова), во епископа Алатырского, викария Симбирской епархии. Епископ Иоаким до конца жизни оставался верным Патриарху Тихону,

---

[1] *Аншакова Ю. Ю.* Гуманитарная миссия АРА в Советской России. С. 113.
[2] Богослужебный дневник... С. 75.

отказавшись уклониться в обновленческий и григорианский расколы[1]. Об этом богослужении писал очевидец А. Беляев: «Летом 1921 г. (дня не помню) Патриарх служил обедню в Гребневской церкви на Лубянской площади. В этот день была хиротония архимандрита Иоакима (Благовидова) во епископа Алатырского. Святейшему сослужили: митрополиты Евсевий (Никольский) и Серафим (Чичагов) и архиепископ Серафим (Александров)*[30]»[2].

11 июля, в понедельник, Патриарх совершил всенощную в храме великомученика Димитрия Солунского на Благуше.

Патриарх возглавил хиротонию принявшего монашество протоирея Николая Позднева*[31] во епископа Балашовского, викария Саратовской епархии, и назначил его настоятелем Спасо-Преображенского мужского монастыря в Саратове. Указом Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода за № 985 от 11 июля 1921 г. было открыто Ижевское викариатство в составе Сарапульской епархии «с наименованием епископа „Ижевский“ и с местопребыванием ему в г. Ижевске»[3].

12 июля, во вторник, Патриарх совершил литургию в храме великомученика Георгия Победоносца в Грузинах. Патриарх хиротонисал пожилого бывшего кафедрального протоиерея из Пензы[4], принявшего монашество, Бориса (Лентовского) во епископа Пензенского и Саранского[5].

14 июля, в четверг, Патриарх совершил литургию в храме бессребреников Космы и Дамиана на Полянке.

15 июля, в пятницу, – всенощную в храме Филиппа, митрополита Московского, на Мещанской.

---

[1] *Липаков Е. В.* Иоаким (Благовидов), архиеп. // ПЭ. Т. 23. С. 153.

[2] Цит. по: *Вострышев М.* Патриарх Тихон. С. 333.

[3] Из доклада еп. Сарапульского Алексия Патриарху Тихону «Об открытии самостоятельной Вотской епархии» № 970 от 25.11.1923). – Цит. по: *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке: Дис. ... канд. богословия. МДА. М., 2009. С. 23.; см. также: *Кожевников И. Е.* Священноисповедник Виктор (Островидов) и образование Ижевской епархии // Сборник студенческих научных работ кафедры Церковной истории МДА. Сергиев Посад, 2010. С. 60.

[4] *Дворжанский А. И.* Борис (Лентовский), еп. // ПЭ. Т. 6. С. 37.

[5] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 263. (Дата в письме – 29 июня – приведена по старому стилю.)

17 июля, в воскресенье, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Заяицком («Никола Заяицкий»); всенощную – в храме Христа Спасителя.

18 июля, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме Христа Спасителя. Была совершена хиротония архимандрита Павла (Гальковского) во епископа Бузулукского[1]. Он был назначен управлять голодающей Самарской епархией.

19 июля 1921 г. на заседании ВЦУ «ввиду неотступности просьб Латвийской Церкви» Патриарх дал окончательное согласие на выезд архиепископа Иоанна (Поммера) в Латвию[2]. Латвийской Церкви была предоставлена широкая автономия. Святейший Патриарх Тихон своим актом № 1026 даровал Рижской епархии самостоятельность[3]. В акте говорилось: «Учитывая то, что Православная Церковь в Латвии находится в самостоятельном государстве, присвоить вышеупомянутой Церкви самостоятельность во всех хозяйственных, церковно-административных, образовательных и церковно-государственных делах»[4].

В Ригу архиепископ Иоанн прибыл 24 июля 1921 г., когда латвийское правительство уже официально передало резиденцию православного архиерея – Рижский Свято-Алексеевский монастырь – Католической Церкви.

В эти же дни Патриарх решил давно волновавший его вопрос об управлении Украинской Церковью. Еще весной 1921 г. Патриарх намеревался послать туда митрополита Кирилла (Смирнова). Но митрополит Кирилл все еще находился в Таганской тюрьме, кроме того, он не изъявлял желания ехать на Украину.

30 мая 1921 г. епископ Алексий (Симанский) писал: «Патриарх хочет в случае его освобождения, о чем хлопочут его благодетели, назначить его в Киев, где, по словам Патриарха, происходит нечто невообразимое в смысле церковного хаоса: архиереи друг друга предают анафеме – полная разруха. Но мит-

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 263.

[2] *Гаврилин А. В.* Иоанн (Поммер), сщмч. // ПЭ. Т. 23. С. 294.

[3] *Гаврилин А. В.* Латвийская Православная Церковь в тридцатых годах XX века // Церковь и время. 2003. № 1 (22). С. 173–174.

[4] Цит. по: Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 872.

рополит Кирилл не желал бы этого назначения, это значило бы ехать на верную смерть, по его словам»[1].

В Киев в качестве своего Экзарха Патриарх определил хотевшего стать митрополитом архиепископа Гродненского Михаила (Ермакова). Однако он не получил титул «Киевский и Галицкий». Указ о назначении митрополита Михаила не обнаружен[2], его можно датировать примерно 19–23 июля.

Епископ Алексий (Симанский) так выразил свое отношение к этим назначениям в письме от 25 июля 1921 г.: «Слышал, что архиепископ Михаил назначен в Киев Экзархом, с саном митрополита. А в Одессу – архиепископ Феодосий, бывший Смоленский, без титула Одесского. Не думаю, чтобы архиепископ Михаил мог что-нибудь сделать полезного в Киеве. Но своего – белого клобука – он достиг»[3]. 29 июля 1921 г. появилось письмо Патриарха Тихона архиепископу Евлогию (Георгиевскому): «Приветствуйте братию и наипаче старейшего Владыку м[итрополита] Антония. <...> По просьбе украинских епископов в Киев послан временный заместитель в качестве Экзарха Украинского в сане митрополита Высокопр[еосвященный] Михаил Гродненский, а в Одессу – архиепископ Феодосий б[ывший] Смоленский*[32], таковым же временным заместителем м[итрополита] Платона»[4].

Таким образом, из состава Синода уже в июле выбыл архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков). По его показаниям, данным на следствии по делу Патриарха Тихона в 1923 г., в Киев он выехал в начале августа 1921 г. и хотя после этого встречался с Патриархом и другими членами Синода, но «в делах Синода участия не принимал»[5]. 28 августа в Киеве он возглавил первое заседание Священного Синода Украинского Экзархата[6]. Это подтверждается в письме Н. В. Нумерова: «М[итрополит] Миха-

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 239–240.

[2] *Мазырин А., иерей.* Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 60.

[3] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 256–257.

[4] Переписка Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, и митрополита Евлогия (Георгиевского), 1921–1922 гг. С. 105.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 183.

[6] Лубенский раскол и «иоанникиевщина» в документах Патриаршей канцелярии // Вестник церковной истории. 2008. № 1 (9). С. 78.

ил выехал в Киев. Е[пископ] Серафим прибыл, но А[рхиепископ] Иннокентий до сих пор не приехал в состав Синода»[1].

В конце июля 1921 г. власти пошли на досрочное освобождение «за три месяца до окончания срока»[2] архиепископа Астраханского Никандра (Феноменова), который активно включился в работу Синода.

20 июля, в среду, Патриарх совершил всенощную в храме Казанской иконы Божией Матери в Старом Сущеве.
21 июля, в четверг, – литургию в храме Казанской иконы Божией Матери на Красной площади.
22 июля, в пятницу, – литургию в храме священномученика Панкратия у Сухаревской башни; всенощную – в храме Воздвижения Креста Господня на Воздвиженке, в бывшем Крестовоздвиженском монастыре.
23 июля, в субботу, – литургию в храме Ризоположения Господня на Донской улице.
24 июля, в воскресенье, – литургию в храме Воскресения в Монетчиках.
25 июля, в понедельник, – всенощную в храме Воздвижения Креста Господня на Плющихе, у Девичьего поля.
28 июля, в четверг, – литургию в храме святых Бориса и Глеба в селе Зюзине (ныне на территории Москвы), где им был хиротонисан архимандрит Варфоломей (Ремов) во епископа Сергиевского, викария Московской епархии[3].

В слове, сказанном на хиротонии, Патриарх Тихон отметил особую доброту его сердца: «Тебе Господь дал женское сердце. Сердце женщины умеет сострадать, быть милостивым и брать на себя чужое горе...»[4].

30 июля, в субботу, Патриарх совершил всенощную в храме села Кубинка (Александровская ж. д.).
31 июля, в воскресенье, там же – литургию, за которой совершил хиротонию принявшего монашество протоиерея Николая (Добронравова)*[33] во епископа Звенигородского, викария Московской епархии.

---

[1] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.
[2] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 272.
[3] *Воробьев В., прот.* Варфоломей (Ремов), архиеп. // ПЭ. Т. 6. С. 716.
[4] Цит по: *Варфоломей (Ремов), архиеп.* Автобиография и письма // Альфа и Омега. 1996. № 9/10. С. 362.

1 августа, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме преподобного Серафима Саровского на Старой Божедомке.
2 августа, во вторник, – литургию в храме Ильи Пророка на Воронцовом поле.

3 августа по решению Синода в Томске был хиротонисан во епископа Барнаульского старый друг Патриарха Тихона по Пскову архимандрит Виктор (Богоявленский), который ранее был определен Патриархом настоятелем московского Знаменского монастыря, но не смог добраться до Москвы. Он вступил в управление Томской епархией[1].

4 августа, в четверг, Патриарх совершил всенощную в строящемся храме святого Александра Невского в Миусах.

Об этом богослужении Н. П. Окунев оставил следующую запись в дневнике: «Народу бы хватило на все три трети храма, но две из них отгорожены от освященной части перегородкой, а потому собравшихся богомольцев больше было перед храмом, чем в храме»[2].

5 августа, в пятницу, Патриарх совершил всенощную в храме святителя Николая Чудотворца на Солянке («Никола Кошели»).
6 августа, в субботу, – литургию в храме святых Бориса и Глеба у Арбатских ворот.
7 августа, в воскресенье, – литургию в храме святого праведного Филарета Милостивого при Ермаковской богадельне (в Сокольниках), за которой Патриарх возглавил наречение архимандрита Вассиана (Пятницкого)*[34] во епископа Егорьевского, викария Московской епархии[3].

Вероятно, архимандрит Вассиан был определен к хиротонии еще в июле. О том, что он назначен Синодом к рукоположению во епископа, писал 6 августа епископ Алексий (Симан-

---

[1] *Васильева Н. Ю. и др.* Виктор (Богоявленский), архиеп. // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 434.

[2] Цит. по: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. С. 334.

[3] *Вассиан (Пятницкий), еп.* Речь... при наречении его во епископа Егорьевского... // Вестник РХД. 1988. № 152. С. 133–136.

ский)[1]. В этом письме сообщалось, что в Москву собирался архимандрит Сергий (Шеин), готовивший себе преемника в качестве настоятеля подворья в Петрограде. Однако епископская хиротония архимандрита Сергия не состоялась.

> 8 августа, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме священномученика Ермолая на Садовой («на Козьем Болоте»), у Патриарших прудов, за которой возглавил хиротонию архимандрита Вассиана (Пятницкого) во епископа Егорьевского, викария Московской епархии[2]; всенощную – в Богоявленском монастыре.

Таким образом, за четыре недели Патриарх совершил семь архиерейских хиротоний.

Управление Московской епархией стало осуществляться помимо митрополита Евсевия десятью викариями. Их имена приводит Н. В. Нумеров[3]. Четверо из них жили в Москве: епископ Верейский Иларион (Троицкий), настоятель Сретенского монастыря, жил на улице Сретенка у протоиерея В. Страхова. Владыка Иларион часто служил в храмах Верейского уезда; епископ Подольский Петр (Полянский) – «ближайший помощник М[итрополита] Евсевия по епарх[иальному] управ[лению], разрешает брачные дела»[4]; епископ Звенигородский Николай (Добронравов). Его кафедральный храм – малый Успенский собор на Крутицах; епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов), настоятель Высоко-Петровского монастыря, где находилась Московская духовная академия. Остальные викарии жили в городах Московской губернии. Это епископ Серпуховский Арсений (Жадановский); епископ Богородский Никанор (Кудрявцев)*[35], настоятель Никольского единоверческого монастыря; епископ Коломенский Феодосий (Ганицкий); епископ Дмитровский Серафим (Звездинский); епископ Волоколамский Герман (Ряшенцев) – с сентября проживал в Даниловском монастыре без права выезда из Москвы; епископ Можайский Иннокентий (Бобцов)*[36], бывший наместник Волоколамского монастыря.

---

[1] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 263.

[2] *Богдасарова Ж. Р., Марковчин В. В.* Вассиан (Пятницкий), священноисп. // ПЭ. М., 2003. Т. 7. С. 249.

[3] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 875.

[4] Там же.

Все поименованные епископы были верны Церкви и Патриарху, только один из них – Иннокентий (Бобцов) – уклонился затем в обновленчество. Кроме того, в Москве проживали викарии других епархий. Это вызывало беспокойство в ВЧК. В докладе Секретного отдела Московской ЧК (МЧК) от 3 августа 1921 г. говорилось: «В Москве живут много епископов, значащихся викариями какого-либо другого города и даже других губерний, но по месту своей службы из Москвы не выезжающих. Эти епископы получают лишь содержание со своей викарии, пользуются преимуществами, ничего не делающими по своей прямой должности, а в действительности лишь содействующего антисоветской деятельности всего блока духовенства»[1]. Далее предлагалось: «Всем оказавшимся здесь в Москве епископам разных викарий... выехать на места...»[2]. Хотя это предложение МЧК не поддержали в центральном аппарате ВЧК, контроль за деятельностью викарных архиереев был усилен.

Чтобы остановить усиление церковных позиций, в ВЧК решили надавить на Патриарха, усилив репрессии против его келейника. 30 июля 1921 г. сотрудник 7-го отделения СО ВЧК Ф. Ильиных предложил В. Р. Менжинскому выслать Якова Полозова на Соловки[3]. Ранее, 19 июля 1921 г., Ильиных направил в Президиум ВЧК доклад о необходимости создания лояльной «советской» церкви[4].

Активизировались и петроградские чекисты. В конце июля Петроградским ЧК был допрошен митрополит Вениамин (Казанский). Его спрашивали об отношениях со Священным Синодом и Патриархом. Об этом писал епископ Алексий (Симанский): «Вызов митрополита на Гороховую имел ту цель, чтобы допросить его по целому ряду вопросов, большей частью касающихся внутреннего церковного управления»[5].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 11; Следственное дело... С. 109.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 12; Следственное дело... С. 110.
[3] *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя». С. 60.
[4] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 36.
[5] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 258.

§ 14. Призывы Патриарха Тихона к пастве о помощи голодающим в условиях репрессий (9–22 августа 1921 г.)

9 августа, во вторник, Патриарх совершил всенощную в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.
10 августа, в среду, там же – литургию в сослужении сонма архиереев. Запланированный традиционный крестный ход из окрестных храмов в обитель был запрещен властями.
11 августа, в четверг, Патриарх совершил всенощную в храме мученика Иоанна Воина на Старой Божедомке («что на Старых Убогих домах»).
12 августа, в пятницу, – литургию в празднование памяти святого мученика Иоанна Воина в храме Святой Троицы на Мещанской («Троица на Капельках») с приделом во имя мученика Иоанна.
13 августа, в субботу, Патриарх совершил вынос Креста на Троицком подворье.

В начале августа Патриарх продолжал переговоры с агентами власти об участии Церкви в помощи голодающим. Однако власть не вполне устраивала идея Патриарха собирать и распределять деньги и продовольствие для голодающих своими силами, так как Святейший справедливо полагал, что собранные средства могут не дойти до голодающих. 5 августа Патриарх Тихон обратился с письмом в Президиум Всероссийского комитета помощи голодающим о создании Церковного комитета для сбора средств в пользу голодающих. Патриарх указывал на условия, при которых деятельность церковного комитета будет успешной: «...в) Церковный Комитет имеет право организовывать на местах, пораженных голодом, ч[е]рез своих особых уполномоченных или через местные вновь возникшие церковные же организации возможно широкую помощь голодающим без различия вероисповеданий, классов, сословий и национальностей, устройство столовых общественного питания, складов продовольствия и раздаточных пунктов, открытие пунктов медицинской помощи и т. п. в полном соответствии с планами Всероссийского Комитета.

г) все материальное и денежное имущество Московского Церковного Комитета, так равно и местных церковных комитетов, не подлежит ни конфискации, ни реквизиции.

д) члены Церковного Комитета и его уполномоченные при исполнении ими своих обязанностей пользуются правом устройства периодических собраний.

е) деятельность Церковного Комитета не подлежит контролю Рабоче-Крестьянской Инспекции. Отчетность по всем своим операциям Церковный Комитет представляет в президиум Всероссийского Комитета. Ревизия денежных сумм и материалов возлагается на ревизионную комиссию, мною назначаемую.

ж) для установления живой связи с Всероссийским Комитетом и его местными органами Церковный Комитет назначает особых уполномоченных»[1].

Патриарх назначил лиц, отвечающих за взаимодействие Церковного комитета и Всероссийского комитета помощи голодающим, созданного в июле 1921 г. из представителей общественности: «Для всех сношений со Всероссийским Комитетом уполномочиваются члены Церковного Комитета Петр Николаевич Перцев и Назарий Григорьевич Райский»[2].

Для официальных контактов с Помголом при ВЦИК Патриарх выделил протоиерея Николая Цветкова*[37], настоятеля Покровского храма на Варварке, имевшего опыт работы по помощи голодающим.

Чтобы заставить Патриарха быть посговорчивее, власти начали репрессии. 11 августа 1921 г. на заседании Президиума ВЧК было вынесено решение в отношении Я. А. Полозова: «Выслать в административном порядке на жительство в Соловцы сроком на один год»[3]. Это решение, очевидно, было доведено до Патриарха.

Епископ Подольский Петр (Полянский) 12 августа был арестован и помещен в тюрьму, а осенью отправлен в ссылку в Великий Устюг[4]. 23 августа 1921 г. епископ Алексий (Симанский) писал о том, что за освобождение епископа Петра хлопотали перед властями, но безуспешно: «А здесь, несмотря на хлопоты, все еще сидит преосвященный Петр»[5].

---

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г.: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 136–137.

[2] Там же. С. 137.

[3] *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя». С. 60.

[4] Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России. С. 134.

[5] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 272–273.

К этому времени обращение Патриарха к Западу принесло плоды. 8 августа власти начали переговоры с Американской администрацией помощи, которая могла поставить большие объемы продовольствия. В этот же день В. И. Ленин попросил А. М. Горького отойти от деятельности по помощи голодающим. В ответ на просьбу писателя о поддержке инициатив общественного Помгола Ленин писал, что помогать не будет, и настоятельно предлагал ему уехать из России, ссылаясь на необходимость лечения. До 15 августа Патриархом было разослано послание, которое ранее направлялось в США и Англию, а также Восточным Патриархам и папе Римскому.

Сбор средств начался еще 14 августа, в воскресенье, в первый день Успенского поста. Патриарх служил литургию в Симоновском монастыре, а вечером совершил молебен о голодающих в храме Христа Спасителя.

14 августа 1921 г. с амвона храма Христа Спасителя Патриарх обратился с призывом начать сбор средств в помощь голодающим. Сотрудники АРА, работавшие в России, свидетельствовали: «1/14 августа в храме Христа Спасителя было устроено торжественное богослужение по случаю открытия деятельности Церковного Помгола, прошедшее с большим религиозным подъемом, причем тут же духовенством была собрана значительная сумма денег»[1].

15 августа, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме Василия Блаженного на Красной площади (Покровский собор на Рву).

Впоследствии Патриарх в послании М. И. Калинину от 25 февраля 1922 г. упоминал этот день как дату начала «молчаливо дозволенных нам сборов на голодающих»[2]. Очевидно, он имел в виду встречу с двумя представителями Помгола. Исследователь Е. В. Иванова приводит подробности этих переговоров: «Президиум Комитета направил к Патриарху Тихону двух своих членов: Н. М. Кишкина и С. Н. Прокоповича. Патриарх Тихон проживал тогда в кельях Троицкого монастыря под строжайшим чекист-

[1] Цит. по: Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 65.

[2] Дело Патриарха Тихона / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 54.

ским надзором. Человек с велосипедом безотлучно дежурил у ворот монастыря, а служка просил расписываться в книге каждого входящего. Патриарх Тихон тотчас же принял членов Комитета, внимательно выслушал их, подробно осведомился о всех деталях, о взаимоотношениях с властью и глубоко задумался. Думал долго, затем произнес: „Это дело нужно делать; я вас благословляю на него и сам буду содействовать ему. О дальнейших моих шагах в этом направлении Комитет будет извещен". Патриарх долго беседовал затем с посланцами, угощая их чаем с липовым медом»[1].

Через день, 17 августа, Патриарх прислал в комитет свое воззвание с просьбой отпечатать его в 100 000 экземплярах. Также Патриарх сообщил, что им организован Церковный комитет, в основу работы которого положены параграфы декрета об Общественном комитете и который будет работать в контакте с последним, и, наконец, что действия Церкви должны открыться «Всенародным молением» в храме Христа Спасителя. Он просил Общественный комитет взять на себя все хлопоты по отпечатанию воззвания и по испрошению у власти разрешения на патриаршее служение в означенный день. Воззвание должно было раздаваться около храма молящимся. В ответном письме из Президиума было сказано, что комитет в точности выполнит поручения Патриарха[2].

В тот же день Президиум Помгола принял решение: «Признать, что Всероссийский комитет помощи голодающим не имеет возражений против образования Православной Церковью Церковных Комитетов, и деятельность их при условии контакта и согласованности их действий с Всероссийским комитетом помощи голодающим и его местными органами находит полезной»[3]. С этого момента деятельность Церковного комитета оказалась тесно связанной с деятельностью общественного Помгола.

В тот же день, 17 августа, Патриарх обратился во Всероссийский центральный исполнительный комитет с предложением создать Церковный комитет помощи голодающим[4].

Несмотря на попытку Л. Б. Каменева изменить текст патриаршего послания при его публикации, комитет смог отстоять

---

[1] *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 524.
[2] Там же.
[3] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 140.
[4] Там же. С. 137–140.

его. Е. Д. Кускова вспоминала: «После обсуждения в Совнаркоме текста этого воззвания Каменев позвонил в Комитет и заявил:

– В таком виде это воззвание напечатано быть не может. Попросите Патриарха выкинуть слова: „Молитвою у престола Божия, у родных Святынь, исторгайте прощение Неба согрешившей земле". Что это такое? Какой согрешившей земле? Мы не можем печатать весь этот мистический бред!

– А мы, – ответил говоривший с Каменевым член Комитета, – не можем цензуровать Патриарха... И вам, Лев Борисович, не советуем... У каждого – свой язык. Комитет очень убедительно просит вас не касаться воззвания... Просим вас оставить его в том виде, в каком оно написано рукою Патриарха...

– Дам ответ, – еще более сердито сказал Каменев»[1].

В результате воззвание было отпечатано тиражом 100 000 экземпляров ко дню всенародного моления, назначенного на 18 августа. Также текст воззвания напечатали 22 августа во втором номере бюллетеня Помгола «Помощь»: «К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой:

„Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода! Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь не медля! На щедрую, широкую, нераздельную помощь"»[2].

> 18 августа, в четверг, Патриарх совершил всенощную в храме Спаса Преображения на Спасской. Вечером Патриарх возглавил молебен в храме Христа Спасителя.

Е. Д. Кускова описывает этот молебен в своих воспоминаниях: «На это моление пришли и верующие, и неверующие. Когда я подходила к 5 часам дня к Храму, вся площадь вокруг него была залита народом. Стояли плотно, молчаливо – тихая, безмолвная, сосредоточенная в себе толпа. С громадным трудом продвинулась к храму. На паперти стояли люди с тарелками. Они разда-

[1] *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 524.
[2] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 141.

вали Воззвание Патриарха и собирали пожертвования „жертвам голода". В этот день около Храма было собрано 10 000 000 рублей. В самый Храм почти невозможно было войти: стояли плечо к плечу. Патриарх – страшно бледный, в светло-голубом патриаршем одеянии. Я не знаю правил патриаршего служения. Но на этот раз оно часто прерывалось абсолютным молчанием священнослужителей, причта, хора. Эти паузы производили прямо потрясающее впечатление. До сих пор не могу объяснить себе – почему? Почти неизменно во время этих пауз слышалось рыдание. То тут, то там... Патриарх стоял неподвижно, точно застывшее бледное изваяние. Затем снова продолжалась служба... А тихий, слабый голос Патриарха призывает к подвигу, к милосердию – во всеобщем единении. Кончилась служба, и Патриарх говорит речь – о голоде, о нашем служении – страждущим. Опять рыдания... Вот кончил и речь. И снова стоят неподвижно Патриарх и толпа. Сделал знак. Вереницей стали подходить к нему под благословение. И так стоял, благословляя, несколько часов – до полного изнеможения. А народ все шел, шел. Подходили все новые вереницы с площади»[1].

В храмах России начался массовый сбор денег, предназначавшихся для оказания помощи голодающим. Активную роль в этом играли приходские советы.

19 августа, в пятницу, в праздник Преображения Господня, Патриарх совершил литургию в Новоспасском монастыре.
21 августа, в воскресенье, – литургию в храме Воскресения Христова в Сокольниках.

§ 15. Ликвидация Помгола и отказ властей от сбора Церковью средств для голодающих (22 августа – 5 сентября 1921 г.)

22 августа, в день, когда в печати появилось обращение Патриарха, уполномоченный 7-го отделения СО ОГПУ Ф. Ильиных предложил В. Р. Менжинскому не отправлять Я. А. По-

[1] Цит. по: *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 526–527.

лозова на Соловки и разрешить ему свидание с Патриархом: «Полозова можно освободить, приговорив его условно к ссылке в Соловцы на один год, а затем на Тихона влиять систематически по особо выработанному плану и окружить попами и даже другими лицами из преданных Соввласти, эта работа кропотливая, но я полагаю, ее нужно проделать»[1]. От прямых репрессий чекисты решили перейти к насаждению агентуры и наблюдателей вокруг Святейшего.

В эти дни в Троицком подворье были поселены сотрудники ВЧК. Очевидец писал: «Летом 1921 г. был произведен тщательный обыск и опечатаны несколько комнат канцелярии. Обыск этот явился началом проведения в жизнь хитроумного плана окружения Патриарха секретной агентурой ВЧК. Барсуков был в стороне и, понятно, ничего не мог дать и годился лишь на мелкие „прижимания“. У 5-го по борьбе с контрреволюцией в среде духовенства отделения ВЧК были подозрения, что Патриарх нелегально сносится с заграничными церковными кругами, монархической эмиграцией и поощряет „церковную контрреволюцию“ внутри России.

Немного спустя после обыска, в опечатанное помещение синодальной канцелярии вселился, якобы по ордеру жилищного отдела Моссовета, некто Евгений Константинович Белов с женой. При прописке он представил документы служащего Народного комиссариата продовольствия. На самом деле это был не Белов, а Кириллов[,] и не служащий Наркомпрода, а сотрудник секретного отдела ВЧК. Вскоре в одну из комнат квартиры Кириллова – Белова вселился некто Иванов. Это был тоже не Иванов, а помощник уполномоченного 3-го отделения ВЧК Кузьмин»[2].

В период 23–25 августа состоялось свидание Патриарха с Яковом Анисимовичем Полозовым. Их разговор конспектировался осведомителем ВЧК. Полозов говорил Святейшему: «...у нас постоянно слышен звон. Вот когда в чеке сидели, то очень уж было томительно на пасху... Как это все колокола, так прямо душа... Вообще в чеке было жутко...»[3]. Однако Полозов был освобожден только 23 ноября 1921 г.

---

[1] Цит. по: *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя». С. 60–61.
[2] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 254.
[3] *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя». С. 61.

Чтобы немного успокоиться и встретить День Ангела вдали от суеты и треволнений, Патриарх уехал на два дня в Подольск.

> 25 августа, в четверг, Патриарх совершил всенощную в соборном храме Подольска.
> 26 августа, в пятницу, в свои именины, там же – литургию.

По возвращении Патриарх узнал о начавшихся массовых арестах членов Помгола. 26 августа 1921 г., спустя несколько дней после подписания соглашения с АРА*[38] о выделении помощи России, В. И. Ленин потребовал арестовать С. Н. Прокоповича, а других членов комитета выслать в отдаленные уездные города[1]. 27 августа по предложению Ленина Политбюро приняло решение о прекращении деятельности Всероссийского комитета помощи голодающим. К этому времени ГПУ собрало большое количество «компромата» на Помгол. Но главной причиной разгона Помгола стала его позиция по вопросу о взаимоотношениях с заграницей. В «Обзоре деятельности антисоветской интеллигенции», составленном в СО ГПУ, говорилось: «Рассматривая себя представительным органом всего русского общества, КомПомГол, недооценивая действительного соотношения сил в стране, вознамерился говорить и вне ее от имени России»[2].

В этот же день ГПУ начинает массовые аресты членов Помгола. Уже 27 августа 1921 г. было арестовано 29 человек, среди них – С. Н. Прокопович, Н. М. Кишкин, экономист Н. Д. Кондратьев, писатель Б. К. Зайцев[3]. К 29 августа число арестованных членов Комитета дошло до 75 человек. Они были помещены во внутреннюю тюрьму на Лубянке[4]. Всероссийский комитет помощи голодающим был распущен декретом ВЦИК, а собранные им денежные средства конфискованы. Вместо Помгола стала действовать государственная Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК.

---

[1] Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ, 1921–1923 / Сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М., 2005. С. 188.
[2] Там же. С. 140.
[3] Там же. С. 53.
[4] Там же. С. 54–56.

27 августа, в субботу, Патриарх совершил всенощную на Троицком подворье.

28 августа, в воскресенье, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, – литургию в храме Успения в Крутицах, настоятелем которого был епископ Николай (Добронравов). Здесь Патриарх совершил хиротонию иеродиакона Ермогена (Голубева) во иеромонаха, назначив его членом Духовного собора Киево-Печерской лавры.

29 августа, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме иконы Божией Матери «Знамение» у Крестовской заставы («в Крестах»).

31 августа, в среду, – литургию в храме мучеников Флора и Лавра на Зацепе.

31 августа Патриарх Тихон направил во ВЦИК письмо: «Ныне, с ликвидацией организации Всероссийского комитета, я прошу ускорить по возможности утверждение Положения о Церковном комитете и его обнародовании для повсеместного сбора пожертвований и открытия действий Церковного комитета по оказанию помощи на местах»[1]. Ответа Патриарх не получил. Церковный Помгол успел приступить к работе, и в него стали поступать первые средства, которые позднее были изъяты.

После разгона Всероссийского комитета помощи голодающим вопрос о создании Церковного комитета повис в воздухе. Без его решения Комитет не мог действовать легально. Как отмечает академик Н. Н. Покровский, «решение срочной проблемы затягивалось на месяцы, желание помочь беде квалифицировалось подчас как уловка классового врага»[2].

1 сентября, в четверг, в праздник Донской иконы Божией Матери, Патриарх совершил литургию в Донском монастыре.

2 сентября, в пятницу, – молебен в часовне Иверской иконы Божией Матери.

3 сентября, в субботу, – всенощную в храме иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще.

---

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 142.

[2] *Покровский Н. Н.* Предисловие // Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1997. Кн. 1. С. 8.

3 сентября в жизни самого Патриарха произошла нечаянная радость. На Троицком подворье поселился архимандрит Анемподист (Алексеев)*[39], служивший с Патриархом в Литовской и Ярославской епархиях. Сам архимандрит Анемподист говорил о своем приезде к Патриарху: «Проживаю в подворье с 3 сентября 1921 года, первоначально служил по приглашению в сане Архимандрита, а сейчас нахожусь в приемной для встречи посетителей, идущих к патриарху Тихону. <...> Я был выписан (потребован) Патриархом Тихоном из Толгского Ярославской губ[ернии] монастыря, на должность настоятеля Знаменского монастыря в сентябре месяце 1921 года. Но по приезде в Москву к Патриарху должность настоятеля Знаменского монастыря была занята, тогда Патриарх оставил до открытия вакансии при себе»[1].

4 сентября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Мартина Исповедника на Таганке.

§ 16. Реорганизация деятельности 6-го отделения СО ОГПУ и обновление его кадрового состава

1921 год стал временем создания специального подразделения ВЧК, занимавшегося «церковниками». С. Г. Петров пишет: «Одной из основных задач, на решении которой в 1921 г. Секретный отдел ВЧК сконцентрировал свое внимание, стала проблема „осведомительной и агентурной работы по духовенству“. Согласно сохранившейся инструкции этого отдела, „вечных рабов ЧК“, готовых выполнять волю большевиков, надлежало вербовать как из архиереев, так и из рядовых „служителей культа“»[2].

В июле 1921 г. В. Р. Менжинский и Т. П. Самсонов выпустили инструкции по принципам агентурной деятельности, не терявшие актуальности в течение 1920–1930-х гг. Исследователь истории спецслужб А. Г. Тепляков указывает: «Осведоми-

[1] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 268–269.

[2] *Петров С. Г.* Попытка установления советским руководством контроля над Русской православной церковью в первой половине 1920-х гг. // Государство, Церковь, общество: Исторический опыт и современные проблемы: Международная научная конференция. М., 2005. С. 64.

тельный аппарат делился на массовую осведомительную сеть, резидентов и секретную агентуру. Рядовые осведомители вербовались „на патриотической основе“ в основном из социально близких слоев населения. К секретной агентуре относились лица, завербованные из классово враждебной среды: члены антисоветских партий, бывшие офицеры царской и белой армии, старые специалисты, а также „враги“, уже арестованные и использовавшиеся в качестве внутрикамерных агентов»[1]. Все эти сексоты должны были «разрабатывать» отдельных лиц, а также группы и организации, занимавшиеся контрреволюционной деятельностью. Данных секретных агентов также часто именовали внутренней агентурой, подразумевая внедрение их во враждебную среду[2]. Именно к вышеуказанной группе относились агенты, завербованные из числа духовенства. С этого времени в окружении Патриарха будут находиться лица, состоящие агентами ГПУ.

Новый этап функционирования 6-го отделения Секретного отдела ВЧК–ГПУ–ОГПУ связан с назначением А. Ф. Рутковского на должность начальника отделения. Отделение стало заниматься борьбой с Церковью во всероссийском масштабе.

Рутковский Анатолий Федорович родился в 1894 г. в местечке Кошедары по бывшей Петербургско-Варшавской железной дороге, белорус[3]. Член ВКП(б) с 1919 г. В 1920 г. – уполномоченный 7-го отделения СО ВЧК. С января 1921 г. – сотрудник для поручений Секретного отдела ОГПУ[4]. Летом 1921 г. упоминается как уполномоченный 7-го отделения ВЧК. С 21 сентября 1921 г. – начальник 6-го отделения СО ВЧК–ГПУ; в этой должности он проработал до мая-июня 1922 г. Утверждение А. Рутковского на должность можно датировать 19 октября 1921 г. Дальнейшая судьба А. Ф. Рутковского сложилась следующим образом: 22 июня – 19 августа 1922 г. – начальник 9-го отделения СО ГПУ; в августе – декабре 1922 г. – начальник СО ГПУ Туркестана; с 20 декабря 1922 г. до октября 1926 г. – начальник 1-го отделения СО ГПУ–ОГПУ; в марте 1937 г. арестован,

---

[1] *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД в Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 131.

[2] Там же.

[3] http://stalin.memo.ru/spravki/13-354.htm.

[4] Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. С. 20.

в мае того же года осужден и сразу освобожден с зачетом пребывания срока под стражей; 31 августа 1937 г. уволен из органов как имеющий судимость; в 1937–1939 гг. – начальник тарного цеха Воронежской макаронной фабрики, плановик промартели; 28 октября 1939 г. арестован. Ранее считалось, что Рутковский умер 29 декабря 1943 г. в Приволжлаге, однако после публикации сталинских расстрельных списков из Архива Президента Российской Федерации стало очевидно, что он был расстрелян. В обвинительном заключении говорилось: «Являлся с 1930 года участником антисоветской заговорщической организации, в которую был завербован АГРАНОВЫМ Я. С. (осужден к ВМН (высшая мера наказания. – *Ред.*)). В этом же 1930 году АГРАНОВЫМ был привлечен к шпионской работе в пользу Германии. Под руководством АГРАНОВА и МОЛЧАНОВА (осуждены к ВМН) проводил широкую вражескую работу по сохранению от разгрома право-троцкистских антисоветских кадров. Вовлек в заговорщическую организацию: КАЦЕНЕЛЕНБОГЕНА М. Э., КРЕЙНИНА И. Ф. и др. (арестованы)»[1]. Расстрелян 6 сентября 1940 г.[2]

В июне 1921 г. свою работу в Секретном отделе в качестве заместителя начальника 6-го отделения ВЧК начинает 28-летний Евгений Тучков.

Евгений Александрович Тучков родился в декабре 1892 г. в семье крестьянина-бедняка в деревне Теляково Суздальского уезда Владимирской губернии. Остался без матери, когда ему было четыре года. В 12 лет окончил трехлетнюю сельскую школу в родной деревне, после чего отец привез его в Иваново-Вознесенск и устроил на работу. Е. А. Тучков писал в автобиографии: «Так как я был очень мал и малосилен, то он отправил меня сначала мальчиком в парикмахерскую, а потом мальчиком в пряничное заведение, откуда я, благодаря отцу, который в пьяном виде поссорился с моим хозяином, был уволен. <...> К этому времени наше крестьянство было нарушено и земля не обрабатывалась, а отец сделался форменным алкоголиком и никакой помощи я от него не получал, вследствие чего был вынужден пойти на воспитание к родной по матери тетке в том же Иваново-Воз-

[1] http://stalin.memo.ru/spravki/13-354.htm.
[2] http://stalin.memo.ru/names/index.htm.

несенске... которая отдала меня учиться в городское училище, но не окончив и одного класса, я отцом был снова взят к себе на плотничные работы. К этому времени мне исполнилось 14 лет. Видя, что отец не отходит от казенки и делается форменным алкоголиком, я постарался снова поступить мальчиком-конторщиком в торговую фирму Прироковой, где прослужил кажется около двух-трех лет. Уволясь, я поступил к присяжному поверенному и одновременно стремился получить хоть [какое-то] образование. С такой целью готовился у одного студента класса гимназии, но до конца не довел»[1].

После призвания в армию Е. Тучков был писарским учеником, а затем писарем в Управлении Радомского воинского начальника. В 1916 г. был откомандирован в Минск, в штаб Западного фронта, где оставался до демобилизации, т. е. до 1917 г. В сентябре 1917 г. он вступил в ВКП(б) в Минской городской организации.

Историк спецслужб М. Тумшис на основании личного дела Тучкова пишет: «Всю Первую мировую войну (мобилизован в 1915 году) просидел за письменным столом, служил писарем в различных воинских частях»[2]. Будучи рядовым писарем, он служил в городах Кобрин, Калуга, Юрьев-Польский и Минск. После демобилизации из армии Е. Тучков вернулся в родной Иваново-Вознесенск и почти сразу, с начала 1918 г., стал сотрудником местной ЧК. С июля 1918 г. по 1919 г. работал заведующим юридического отдела Губчека в Иваново-Вознесенске. В 1919 г. он был командирован в г. Уфу. О его работе здесь М. Тумшис сообщает: «В 1919 году Тучкова направляют в Уфимскую губернию на „укрепление местных чекистских органов“, где, возглавив отряд особого назначения Уфимской Губчека, он отличился в подавлении крестьянского восстания в Мензелинском уезде, которое имело еще одно название – восстание „Черного орла“. Такое имя произошло оттого, что „крестьянин, сбросивший иго коммунистов, подобен черному орлу“. Восстание началось в районе города Залинска и Мензелинского уезда, а затем распространилось на ряд уездов Челябинской, Казанской

---

[1] Автобиография Е. А. Тучкова, 1921 год // ЦА ФСБ РФ. Личное дело Е. А. Тучкова. Пагинация отсутствует.

[2] *Тумшис М. А.* ВЧК. Война кланов: Лубянка без ретуши. М., 2004. С. 105.

губерний. Число восставших доходило до 40 тысяч человек. Плохо вооруженные крестьяне (основным оружием стали вилы, топоры, пики) громили воинские части Красной Армии, отряды вооруженных чекистов и партийцев. Восставшими были окружены город Белорецк и станция Златоуст, где повстанцы захватили здание военного комиссариата, казармы и телеграф. Отряды крестьян подошли к городам Чимшов, Бирск, Уфа.

Восстание было кровопролитным. Повстанцы в борьбе с Советами провозгласили: „Кто не присоединится к нам, тот будет считаться коммунистом". Лишь спешная переброска боевых частей из других районов, поголовная мобилизация всех членов партии в Уфимской, Челябинской и Казанской губерниях помогли переломить ситуацию в сторону советской власти.

При подавлении восстания применялись жесточайшие меры – взятие заложников, расстрел без суда и следствия пленных. К середине марта 1920 года восстание „Черный орел" было подавлено. Только по Мензелинскому уезду Уфимской губернии повстанцы потеряли 1254 человека убитыми, 165 человек было ранено. Потери сторонников Советов составили всего 163 убитых и 113 раненых»[1].

В Уфе Тучков организовывал отряды особого назначения и заведовал секретно-оперативной частью Губчека. 23 июля 1920 г. в протоколе заседания Президиума ВЧК Тучков упомянут как начальник секретно-оперативной части Уфимской ЧК, член ее коллегии[2]. Так что на момент перевода в Москву он имел опыт работы по вербовке агентуры в «классово чуждой» среде. В 1921 г. был назначен заведующим Политбюро ЧК Златоустовского уезда. На момент перевода в Москву он имел брата, работавшего в Губрозыске в Иваново-Вознесенке, и сестру, жившую в деревне. В июне 1921 г. он оказался в командировке в центральном аппарате ВЧК, где очень нуждались в деятельных сотрудниках. Начальник административного отдела ВЧК направил записку в Губчека Уфы, где говорилось: «Прибывший в Москву для личного доклада тов. Тучков Евгений оставлен в Москве для работы в СО В.Ч.К. Ставя Вас об этом в известность, ВЧК пред-

[1] *Тумшис М. А.* ВЧК. Война кланов: Лубянка без ретуши. М., 2004. С. 105–106.

[2] Архив ВЧК. С. 394.

лагает выслать аттестаты и личное дело тов. ТУЧКОВА». В первые месяцы после приезда в Москву Тучков жил на подворье Серафимо-Дивеевского монастыря[1].

С августа 1921 г. Тучков включается в работу по «церковникам». Его первая известная резолюция наложена 29 августа на сопроводительное письмо уполномоченного 7-го отделения СО ВЧК А. Ф. Рутковского начальнику СО ВЧК Т. П. Самсонову к докладу уполномоченного 6-го отделения СО МЧК М. М. Шмелева*[40]. Шмелев предлагал собирать подписки с духовенства об отказе от политики. «Чепуха из чепухи 29/8 Е. Тучков», – написал Евгений Александрович[2]. В воспоминаниях русских священников, знавших Тучкова, остался его довольно скудный словесный портрет: «Человек среднего роста, плотно скроенный полуинтеллигент, обходительный и при этом довольно развязанный...». Патриарх Тихон именовал своего «куратора» не иначе, как «некто в сером». Этот «безконтурный человек» «...в деле борьбы с контрреволюционным движением среди церковников и клерикально-монархических кругов, группировавшихся вокруг церкви, проявил огромную энергию, инициативу, решительность и находчивость!..»[3].

16 октября Рутковский еще в должности уполномоченного написал один из первых отчетов Т. П. Самсонову, отчитываясь о работе по регионам: «Из местных Губчека, работу коих в области духовенства необходимо было бы проверить и наладить в ближайшем времени, являются: ЧЕРЕПОВЕЦКАЯ, КАЛУЖСКАЯ и КУРСКАЯ. В первой и последней необходимо путем умелой и интенсивной работы осведомления, выявить подлинную физиономию „союзов верующих“ и „союзов материнства“, организаторов этих союзов и т. д., что можно проделать только при насаждении в эти союзы достаточного количества осведомления, которое могло бы взять руководящее начало в свои руки. К сожалению, местные чека, как видно из их докладов, в работе по духовенству придерживаются не агентурной, чекистской работы, а более грубой, чисто официальной, приступая сразу к ликвидации тех или иных религиозных группировок и объединений,

---

[1] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 100.
[2] Следственное дело... С. 111.
[3] *Тумшис М. А.* ВЧК. Война кланов. С. 106.

исключая, по-видимому, возможность шпионской и контр-революционной работы среди духовенства.

На это необходимо обратить самое серьезное внимание местных Чека. Калужская губерния представляет из себя чисто духовную язву на теле Советской России. Из сводок видно, что обитатели всевозможных „пустынь", монастырей и храмов Калужской губернии имеют связь с другими губерниями, преимущественно с Петроградом. Надо полагать, что там сидит весьма не глупая публика, так как сумела заморочить голову даже сотрудникам Чека своими связями с тов. ЛЕНИНЫМ и т. д., прикрывая ненарушимость „святых обителей" мандатами охраны „старины и искусств" и т. п.

Работа, которую в губернии надо провести по духовенству, – обширна, но провести ее планомерно можно лишь освоившись на месте со всеми особенностями Калужских „святителей". В остальных губерниях, поскольку работа слаба, постольку нет ничего нового и выдающегося, по которым необходимы конкретные мероприятия в ближайшем будущем»[1].

§ 17. Снятие домашнего ареста с Патриарха и деятельность ВЦУ в условиях относительной свободы (6–26 сентября 1921 г.)

В связи с изменением тактики ВЧК в отношении Патриарха 6 сентября 1921 г. уполномоченный Секретного отделения Московской ЧК (это отделение контролировало деятельность Патриарха в пределах Москвы и губернии) Михаил Шмелев обратился к своему руководству в Секретный отдел ВЧК с предложением освободить Патриарха из-под домашнего ареста. При этом было решено не давать на руки Патриарху документы об освобождении: «...1. Считать Тихона свободным от ареста, о чем и объявить официально Тихону непосредственно через 7[-е] отделение ВЧК.

2. Вменить Тихону в обязанность о всяком служении в городе Москве и о предполагаемом выезде из Москвы заблаговре-

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 70.

менно испрашивать разрешение из Церковного подотдела Отдела Управления при Моск[овском] Совете.

3. Обязать Церковный подотдел заблаговременно извещать Секр[етный] отд[ел] МЧК о каждом таком разрешении»[1].

Н. В. Нумеров в письме от 14 сентября 1921 г. митрополиту Антонию (Храповицкому) сообщал о работе органов ВЦУ: «Заседания бывают в большинстве случаев раз в неделю, обычно начинается соединенное и затем Синод отдельно. Совет отдельно не заседает за отсутствием дел. Помещает[ся] Высшее Ц[ерковное] Управление в Троицком подворье, в помещении эконома: три комнаты. Здесь же бывают и заседания»[2].

Как отмечал протоиерей А. М. Станиславский, «спаянности между Синодом и Советом я лично не замечал никакой, о дружеских отношениях и речи быть не могло, мы были знакомы только на тех редких заседаниях, какие у нас бывали в неделю раз, а часто и реже»[3]. Швейцар Троицкого подворья С. Сидоров о заседаниях ВЦУ говорил: «Заседания Синода бывают совместно с высшим церковным советом в неделю раз, в разные дни, на коих Патриарх Тихон не присутствует»[4]. По свидетельству эконома Троицкого подворья архимандрита Родиона (Федорова) во время допроса 6 мая 1922 г. Патриарх Тихон в заседаниях Синода участия не принимал[5].

Помощник секретаря Патриарха Д. И. Касьянов на вопрос о регулярности синодальных заседаний ответил: «Неопределенно – 1–2 раза в неделю, а то и в две недели раз»[6]. Протопресвитер Н. А. Любимов, по его словам, из-за болезни не принимал участия в заседаниях ВЦС с сентября по январь 1922 г.[7] Профессор Казанской духовной академии П. Д. Лапин, по свидетельству Н. В. Нумерова, прибыл только к сентябрю 1921 г., а до этого «более года отсутствовал»[8]. Протоиерей А. М. Станиславский в 1923 г. писал Е. А. Тучкову: «Я считал безполезным

---

[1] Следственное дело... С. 112.
[2] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871–872.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 316 об.
[4] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 286.
[5] Там же. С. 277.
[6] Там же. С. 266.
[7] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 166.
[8] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.

дальнейшее существование Высш[его] Церк[овного] Упр[авления]. И даже однажды предлагал собранию самоупразднитьcя»[1].

Вместе с Н. В. Нумеровым документы заверял также управляющий канцелярией П. В. Гурьев[2]. Постановления ВЦУ открывались формулой «СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ, СВЯЩЕННЫЙ СИНОД И ВЫСШИЙ ЦЕРКОВНЫЙ СОВЕТ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ»[3].

Осенью 1921 г. Патриарх по-прежнему не принимал участия в заседаниях, но подписывал протоколы[4], которые представлял председательствующий в Синоде иерарх. Можно полагать, что и в дальнейшем, до мая 1922 г., порядок заседаний ВЦУ сохранился прежний: сначала соединенное присутствие, а затем, в некоторых случаях, заседание Синода. Председательствующий в Синоде представлял решения на утверждение Патриарха. Вопросы для рассмотрения ВЦУ направлял также Патриарх. Один из членов Синода заверял документы, принятые ВЦУ. В рассматриваемый период это делал епископ Серафим (Александров).

Синод придерживался подчеркнуто аполитичной линии. Письмо митрополита Евсевия (Никольского) от 17 сентября 1921 г. епископу Камчатскому и Петропавловскому Нестору (Анисимову) было опубликовано в 1921 г. сначала во владивостокской газете «Голос Родины», а вскоре и в одной из харбинских газет. Митрополит Евсевий писал: «...прежде всего, отвечу на ваши вопросы и недоумения, хотя, по необходимости, кратко и в общих чертах. Мы здесь в политику не вмешиваемся, но посильную борьбу с безбожием ведем. Бывают у нас даже публичные диспуты с представителями безбожия, хотя бы они стояли и у власти. Но, повторяю, мы боремся не с властью, но только с безбожием и со всякими исключительно только религиозными заблуждениями. Посему, с нашей точки зрения, вы стоите на правильном пути, не вмешиваясь и не примыкая ни к каким политическим партиям, а ведя борьбу только с безбожием и исключительно одними духовными средствами,

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 317.
[2] Следственное дело... С. 696.
[3] Там же. С. 695.
[4] Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому)... С. 871.

поучениями, лекциями, собеседованиями, изданиями листков и брошюр и т. д.»[1].

> 7 сентября, в среду, Патриарх совершил всенощную в храме мучеников Адриана и Наталии на Мещанской.
> 8 сентября, в четверг, там же – литургию.

8 сентября Патриарх, вероятно, посетил квартиру А. М. Горького в Москве для того, чтобы выяснить решение властей о церковном Помголе. Сохранилась благодарственная записка Святейшего от 8 сентября 1921 г. на визитной карточке Патриарха: «Ал[ексей] Мак[симович], очень Вас благодарю за любезный Ваш подарок – книгу, касающуюся истории духовенства России»[2]. Согласно сохранившимся черновикам протокола № 60 заседания малого Президиума ВЦИК от 12 сентября 1921 г., значился вопрос «О Церковном Комитете (помощи голодающим)», но рассмотрение его не состоялось[3]. Комитет был властям уже не нужен.

> 9 сентября, в пятницу, Патриарх совершил литургию в храме преподобного Пимена Великого в Новых Воротниках («Пимен Новый»).
> 10 сентября, в субботу, – всенощную на Троицком подворье.

10 сентября (по другим данным, 12 сентября) 1921 г. был арестован митрополит Варшавский Серафим (Чичагов)[4]. Его поместили в лазарет Таганской тюрьмы и приговорили к высылке в Архангельск на два года. Просьба Политического Красного Креста об отмене высылки формально не была удовлетворена, однако митрополит выслан не был. В рапорте А. Ф. Рутковского от 8 декабря сообщается, что у них ведется следствие по делу «ЧИЧАГОВА Леонида (Серафима[,] епископа Варшавского)[,] монархиста, б[ывшего] настоятеля политической тюрьмы для передового духовенства при царизме, посылаемого Тихоном в Польшу»[5].

---

[1] Цит. по: *Баконина С. Н.* Харбин, 1923-й: удалась ли провокация в деле Патриарха Тихона? // Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы. 2006. Т. 1. С. 118.

[2] *Иванова Е. И.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 507.

[3] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 48.

[4] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. С. 79.

[5] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 283. Л. 40.

В то же время другой ближайший помощник Патриарха – епископ Иларион (Троицкий) был подвергнут аресту. Поводом послужило то, что он добился разрешения директора Третьяковской галереи и одного из руководителей Главмузея Наркомпроса И. Я. Грабаря на праздник Владимирской иконы Пресвятой Богородицы 26 августа (8 сентября) взять чудотворный образ в Сретенский монастырь. Однако через короткий период епископ Иларион вышел на свободу[1].

Возможно, аресты архиереев в Москве были связаны с давлением на Патриарха, продолжавшего активную деятельность по помощи голодающим, что после ареста членов общественного Помгола было для властей нежелательным.

> 11 сентября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца («Никола на Ямах») на Таганке; всенощную – в храме Христа Спасителя.
> 12 сентября, в день памяти преподобного Даниила Московского, – литургию в Даниловском монастыре. Это было последнее служение Патриарха в обители.
> 14 сентября, в среду, Патриарх совершил литургию в храме Троицы на Сретенке («Троица в Листах»).

15 сентября 1921 г. постановлением Патриарха и Синода за № 1387 на Ижевскую викариальную кафедру был назначен архимандрит Александро-Невской Лавры Петрограда Стефан (Бех)[2]. Его хиротония во епископа состоялась в Петрограде 26 сентября 1921 г.

> 17 сентября, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» на Зубовском бульваре.
> 18 сентября, в воскресенье, – литургию в храме иконы Божией Матери «Трех Радостей» на Покровке («Троица на Грязех»).
> 19 сентября, в понедельник, – литургию в храме Спаса Преображения на Арбате («Спас Пески»).

---

[1] Священномученик Иларион, архиепископ Верейский // Московские епархиальные ведомости. 1999. № 5/6. С. 52.

[2] *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке. С. 28.

20 сентября, во вторник, – всенощную в храме Святой Троицы в Троицком переулке.
21 сентября, в среду, – литургию в храме Рождества Богородицы в Бутырках, а также молебен перед Иверской иконой Божией Матери на Троицком подворье.
25 сентября, в воскресенье, – литургию в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Левшинском переулке и всенощную в храме Воскресения Христова в Кадашах.
26 сентября, в понедельник, – литургию в храме Тихвинской иконы Божией Матери села Алексеевского; всенощную – в храме Христа Спасителя.

§ 18. Попытка Патриарха увеличить состав Синода и решения в отношении зарубежных частей Российской Церкви (27 сентября – 26 октября 1921 г.)

Патриарх Тихон указом от 14 (27) сентября 1921 г. предоставил епархиям в Польше права «широкой автономии, мало чем разнящейся от автокефалии при условии нынешних сообщений»[1]. Утром того же дня он совершил литургию в храме Христа Спасителя.

28 сентября после литургии в храме Никиты Мученика на Гончарной («на Швивой горке»), которую возглавил Патриарх, состоялось заседание объединенного присутствия ВЦУ. На заседании был рассмотрен польский вопрос. После ареста митрополита Серафима стало невозможным его направление в Польшу. Между тем в августе – сентябре 1921 г. польское правительство через посланника в Москве Филипповича озвучило Патриарху Тихону свою заинтересованность в автокефальном устройстве Православной Церкви в Польше. В сентябре Патриарх принял польскую делегацию. В обвинительном заключении по делу Патриарха Тихона названы имена посещавших Патриарха членов польской миссии: «...с августа 1921 года по май 1922 года к нему приходили официальные представители Польской миссии в Москве,

[1] *Буевский А.* Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь // ЖМП. 1953. № 4. С. 35.

поверенные в делах Филиппович и Стефанский, Кноль и Моравский»[1]. По свидетельству протоиерея А. М. Станиславского, «об автокефалии неоднократно писал доклады ныне убитый митрополит Варшавский Георгий, мотивировавший свои доклады привилегиями, которые обещало дать Польское правительство... но автокефалия не была дана»[2].

28 сентября 1921 г.*[41] Священный Синод издал постановление № 1424, в котором говорилось: «Преосвященному Георгию, Архиепископу бывшему Минскому и Туровскому. По благословению Святейшего Патриарха, Священный Синод имел суждение по вопросу об управлении Православной Церковью в пределах Польского Государства. ПОСТАНОВЛЕНО: В виду выяснившейся невозможности для Преосвященного Варшавского Серафима отбыть в Варшаву для управления епархией, поручить временное управление сею Епархией Вашему Преосвященству и назначить Вас Патриаршим Экзархом Православной Церкви в Польском Государстве с предоставлением Вам, в отношении сей Церкви, прав Областного Митрополита согласно церковным правилам. О чем уведомить Ваше Преосвященство и сообщить от имени Святейшего Патриарха Польскому Правительству. Сентября 15/28 дня 1921 года № 1424. Член Св[ященного] Синода Митрополит Евсевий»[3]. Таким образом, управляющим Варшавской кафедрой был назначен бывший Минский и Туровский архиепископ Георгий (Ярошевский) без перемещения его на Варшавскую кафедру, которую по-прежнему формально занимал находившийся в заключении митрополит Серафим (Чичагов). Однако под давлением Польского правительства митрополит Георгий стал искать путь к автокефализации Православной Церкви в Польше.

В этот же день, 28 сентября*[42], Патриарх написал письмо своему земляку епископу Виктору (Богоявленскому), где сообщал о других решениях Синода, принятых в этот день: «...высокопр[еосвященный] Иаков запросился на покой и назначен в Москву в Симонов мон[астырь] настоятелем, а в Томск приедет Андрей Уфимский, но когда еще выпустят его из Омска.

---

[1] Акты... С. 262.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 313.

[3] Цит. по: *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии, 1917–1950 гг.: Сборник. М., 1997. С. 99.

Вам же поручено управление Томской епархией до прибытия Пр[еосвященного] Андрея»[1].

В первой половине 1921 г. митрополит Томский Иаков (Пятницкий) подал прошение об освобождении от кафедры[2]. С 3 августа 1921 г. было поручено управлять епархией возведенному в сан епископа Барнаульского Виктору (Богоявленскому), который принял епархию в ноябре 1921 г. Он был арестован 28 февраля 1921 г.[3] и к моменту назначения на новую кафедру, вероятно, находился в Омске на свободе. Сам епископ Андрей (Ухтомский) не получил документального подтверждения своего назначения в Томск, так как письмо епископу Виктору было перехвачено, до епископа Андрея указ также не дошел. Однако в мае 1923 г. во время разговора с Патриархом Тихоном, о котором речь пойдет ниже, Патриарх на вопрос епископа Андрея о том, считает ли он его Томским или Уфимским, Патриарх подтвердил, что считает его главой Томской кафедры.

В письме епископу Виктору Патриарх указал на факт принятия Синодом решения против воли Патриарха: на Уфимскую кафедру вместо епископа Гавриила (Воеводина) был назначен епископ Борис (Шипулин): «Напрасно преосвященный Гавриил проявляет горячность и непослушание: за это Синод не согласился назначить его в Уфу, как я предполагал, а предпочел послать туда Преосвящ[енного] Бориса»[4]. Епископ Борис (Шипулин) проявил затем нетвердость, поддержав обновленцев[5].

В том же письме Патриарх писал: «В Нижнеудинск назначен архиеп[ископ] Иоан[н]...»[6]. Речь идет о Нижнеудинском викариатстве Иркутской епархии. Далее Патриарх упомянул о том, что не удалось заместить самую восточную кафедру Русской Православной Церкви: «...Петропавловск так и остается без архиерея»[7]. Немного позже в Петропавловск был назначен епископ Гавриил (Воеводин), но он назначение не принял[8].

---

[1] Цит. по: Следственное дело... С. 669.

[2] *Липаков Е. В.* Иаков (Пятницкий), митр. // ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 513.

[3] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. С. 72.

[4] Цит. по: Следственное дело... С. 669.

[5] *Заславский В. Б.* Борис (Шипулин), архиеп. // ПЭ. Т. 6. С. 44.

[6] Цит. по: Следственное дело... С. 669.

[7] Цит. по: Там же.

[8] *Васильева Н. Ю., Галкин А. К., Шкаревский М. В.* Гавриил (Воеводин), архиеп. // ПЭ. Т. 10. С. 212.

Патриарх сообщал также о возведении в сан архиепископа епископа Виленского Елевферия (Богоявленского), которое произошло летом, о переводе в Ригу архиепископа Иоанна (Поммера) и новости о судьбе их общих знакомых священников-псковичей.

Заканчивается письмо Патриарха словами: «Новшеств не допускайте, это дело собора»[1]. Выполняя это указание Святейшего, епископ Виктор запретил будущему лидеру сибирских обновленцев священнику Петру Блинову*[43] реформировать богослужение. В обвинительном заключении по делу епископа Виктора говорилось: «Приехав в Томск по назначению Патриарха Тихона вопреки декрету об избрании духовенства верующими, он осуществляет здесь по указаниям свыше обход декрета об отделении Церкви от гос[ударства]ва и присвоил себе право назначения, смещения и увольнения членов Е[пархиального] У[правления], настоятелей церквей, членов причта, производя это помимо воли и желания верующих, руководясь только своими к[онтр]/р[еволюционными] симпатиями: духовенство либералов, стремившееся к реформе Церкви в духе современности, преследовалось, настоятель Преображенской церкви Торопов Макарий, избранный прихожанами, запрещен был в священнослужении, вопреки ходатайства верующих, унижен публично выговором во время богослужения, оскорблен наименованиями „еретика“ и „негодяя“ за реформы, им вводимые. Просители за него прихожане подверглись униженим и выдворены из покоев. Священник ц[еркви] Иоанна Лествичного Блинов Петр под угрозами о запрещении в священнослужении должен был отказаться от реформ богослужения в духе современности»[2].

Епископ Андрей должен был прибыть в Москву для участия в работе Синода. Он был назначен Патриархом в Синод еще в апреле 1921 г., когда находился в заключении. Вызов в Москву Патриарх направил епископу Андрею, видимо, одновременно с извещением о его переводе на Томскую кафедру. Однако он был арестован и 1 ноября 1921 г. направлен этапом в Москву[3],

---

[1] Цит. по: Следственное дело... С. 669.

[2] Государственный архив Томской обл. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 96. Л. 5.

[3] *Зимина Н. П.* Стояние в вере: Временная автокефалия Уфимской православной епархии в период заключения Святейшего Патриарха Тихона (ноябрь 1922 г. – август 1923 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной. Церкви. 2007. Вып. 3 (24). С. 80.

а 5 ноября помещен в Бутырскую тюрьму[1]. Причиной ареста епископа Андрея явилось то, что о его вызове в Москву стало известно в ВЧК. В рапорте от 8 декабря 1921 г. А. Ф. Рутковский указывал: «Из следственных дел в разработке отделения находились: дело князя УХТОМСКОГО (епископа Уфимского) ярого реакционера, который Тихоном БЕЛЛАВИНЫМ назначался членом Синода. Въезд Ухтомского в Москву предотвращен. В последнее время Ухтомский Тихоном назначен епископом Томским, но отделение надеется это назначение прекратить»[2]. Начальник 6-го отделения СО ГПУ А. Ф. Рутковский так характеризовал назначение епископа Андрея в докладе от 17 февраля 1922 г.: «Назначение в Синод князя Ухтомского Александра Алексеевича (т[ак] н[азываемого] епископа Уфимского) способнейшего администратора, организатора и ловкого дипломата, обладающего выдающимся умом, явно говорит об ориентации ТИХОНА и иже с ним...»[3].

29 сентября, в четверг, Патриарх Тихон совершил литургию в храме Троицы в селе Троицком-Голенищеве на реке Сетунь («Троица Голенищево»).

30 сентября, в пятницу, – литургию в храме мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии на Миусском кладбище.

1 октября, в субботу, – всенощную в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» при Старо-Екатерининской больнице.

2 октября, в воскресенье, – литургию в храме преподобного Сергия в Рогожской; вечерню и молебен в храме Христа Спасителя (25-летний юбилей служения Великого архидиакона К. В. Розова). Тогда же впервые в истории Русской Православной Церкви по благословению Патриарха Тихона состоялось и торжественное наречение Розова Великим архидиаконом[4].

2 октября 1921 г. состоялось заседание ВЦУ. Одно из решений за подписью члена Священного Синода епископа Серафима (Александрова) и делопроизводителя Н. В. Нумерова было сообщено на имя епископа Алексия (Кузнецова): «...поста-

[1] *Журавский А. В.* Андрей (Ухтомский), архиеп. // ПЭ. Т. 2. С. 363.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 283. Л. 39–40.
[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 67.
[4] *Розова Л. К.* Великий архидиакон. М., 1994. С. 35.

новлением № 1455 Св[ященный] Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии постановили „именовать впредь Сарапульского епархиального архиерея только по одному г. Сарапулу“, т. е. „епископ Сарапульский“, а не „Сарапульский и Елабужский“, „т. к. в Елабуге в ближайшее время предполагается учредить архиерейскую кафедру“, и т. к. „обычай двойных наименований имеет недавнее сравнительно происхождение, почему Временным Церковным Управлением предположено постепенно возвратиться к древнему обычаю наименования епархиальных архиереев только по одному епархиальному городу, как и осуществлено уже предположение в отношении епархиальных архиереев Ярославского и Калужского“»[1].

3 октября, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца у Боровицких ворот («Никола Стрелецкий») и всенощную в храме святителя Николая Чудотворца на Трубной («Никола Драчи»).
4 октября, во вторник, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца, что в Звонарях.
5 октября, в среду, – всенощную в храме святителя Климента, Папы Римского, на Пятницкой.
7 октября, в пятницу, – всенощную на Троицком подворье.
8 октября, в субботу, там же – литургию и всенощную.
9 октября, в воскресенье, – литургию в храме Всех Святых на Кулишках на Варварской площади.
10 октября, в понедельник, – всенощную в храме преподобного Харитона Исповедника в Огородниках.
11 октября, во вторник, – литургию в храме Василия Исповедника в Новой Деревне.

13 октября 1921 г. Святейший Патриарх Тихон, Священный Синод и Высший Церковный Совет рассмотрели обращение митрополита Антония (Храповицкого), подписанное им в июле 1921 г. Митрополит Антоний представил Святейшему Патриарху рапорт с предложением учредить Высшее управление Российской Церковью за границей, объединяющее все зарубежные русские приходы и епархии Московского Патриархата,

[1] *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке. С. 23.

включая Финляндию, прибалтийские страны, Польшу, Северную Америку, Японию и Китай, под председательством Патриаршего наместника. Испрашивалось также благословение на созыв собрания заграничного духовенства Российской Церкви. Патриарх и ВЦУ признали нецелесообразным учреждение должности Патриаршего наместника, «как ничем не вызываемое», Высшее Церковное Управление за границей оставили «с прежними его полномочиями»[1], не распространяя сферу его действия на Польшу и Прибалтику, а сообщение о предстоящем Соборе*[44] приняли к сведению. Постановление Патриарха Тихона, Священного Синода и ВЦС о полномочиях ВЦУ за границей от 13 октября 1921 г. подписали: «Патриарх Тихон, Митрополит Евсевий, Архиепископ Никандр, Епископ Серафим, Епископ Алексий, прот[оиерей] А. Станиславский, И. Громогласов, П. Лапин»[2].

Секретарь ВЦУ П. В. Гурьев дал показания на допросе в ГПУ в 1923 г. о процедуре рассмотрения вопроса о будущем Карловацком Соборе Русской Православной Церкви Заграницей: «Письмо, полученное Патриархом из-за границы от Митрополита Антония с сообщением о предстоящем в г. Карловичах Церковном Соборе, было заслушано на соединенном заседании Высшего Церковного Совета и Синода. Официально это сообщение постановлено было принять к сведению, что и запротоколировано. Это могло быть принято за благословение Собора, о чем и было доложено Митрополитом Евсевием Патриарху»[3]. Патриарх в своих показаниях, данных на следствии в ГПУ в начале 1923 г., подтвердил рассмотрение этого вопроса ВЦУ: «...о созыве в г. Карловицах в Сербии Собора русской церкви за границей я узнал из письма митрополита Антония Храповицкого, полученного мной, кажется, через Эстонскую миссию в последних числах сентября 1921 г. <...> Сообщение митрополита Антония было обсуждено на соединенном заседании Высшего Церковного Управления и Синода в Москве, при чем совещание постановило благословить созыв Карловицкого Собора. Это благословение было мной подтверждено и послано в письме

---

[1] Следственное дело... С. 695.

[2] Там же.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 127; Следственное дело... С. 195.

м[итрополиту] Антонию через одну из иностранных миссий в Москве»[1].

Митрополит Никандр (Феноменов) на допросе в ГПУ назвал лиц, обсуждавших этот вопрос во время соединенного присутствия Синода и ВЦУ: «Письмо м[итрополита] Антония было обсуждено в соединенном заседании Синода и Высшего Церковного Совета, на котором присутствовали: митроп[олит] Евсевий, архиеп[ископ] Серафим, протоиерей Станиславский, проф[ессор] Громогласов, епископ Алексей, протопресвитер Любимов и я (точно не припомню, присутствовали [ли] на этом заседании все упомянутые мной лица). Заседание вынесло решение о благословении созыва Карловицкого Собора. Патриарх утвердил решение соед[иненного] заседания о благословении, но он, как и Синод, высказался отрицательно по вопросу о привлечении на Собор окраинных епископов. Патриарх затем о состоявшемся решении послал письмо м[итрополиту] Антонию от своего имени»[2].

14 октября, в пятницу, Патриарх совершил литургию в храме Покрова Пресвятой Богородицы при Покровской общине сестер милосердия (Покровская богадельня); накануне им была совершена всенощная на Троицком подворье.

15 октября, в субботу, Патриарх совершил всенощную в Благовещенском храме села Братовщина (ныне Пушкинский район Московской области).

16 октября, в воскресенье, там же – литургию.

18 октября, во вторник, – литургию в храме Христа Спасителя.

По данным М. Е. Губонина, «...когда он выходил после литургии из храма Христа Спасителя, и какая-то женщина ударом ножа ранила Святейшего»[3]. Однако эти данные нуждаются в подтверждении.

18 октября Патриарх Тихон своим указом № 1505 запретил введение нового календаря в Финляндской Церкви. В указе подчеркивалось, что «вопрос этот подлежит совместному об-

[1] Следственное дело... С. 192.
[2] Там же. С. 196.
[3] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 84.

суждению всей Вселенской Церкви»[1]. В письме из Синода архиереям в Финляндии говорилось: «...благословение Святейшего Патриарха на проведение в жизнь указанного постановления не может быть дано, так как вопрос о стиле признан Священным Собором 1917–[19]18 гг. подлежащим совместному решению Вселенской Церкви, для чего Святейшим Патриархом, на основании указаний того же Собора, сделаны уже соответствующие сношения с Вселенским Патриархом, дабы он от своего имени проставил данный вопрос на обсуждение предстоятелей отдельных автокефальных Церквей, после чего и могло бы уже состояться окончательное решение Вселенской Церкви»[2].

23 октября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Отцов VII Вселенского Собора близ Новодевичьего монастыря.

23 октября, в воскресенье утром, в начале десятого, перед выездом на службу Патриарх и митрополит Евсевий были задержаны священником Василием Зверевым, пытавшимся напасть на них с железным прутом. Удержанный игуменом Иоанникием (Дмитриевым) и келейником Никитой Юдиным, Зверев выкрикивал оскорбления в адрес Патриарха, пока экипаж Святейшего не уехал. Ранее Зверев уже являлся на подворье, побил там стекла и даже стрелял из револьвера в швейцара С. Сидорова. Об этом известно из донесения неизвестного лица в ГПУ, сохранившегося в следственном деле Патриарха Тихона[3].

В этот же день в Егорьевске сотрудниками ВЧК был арестован епископ Егорьевский, викарий Московской епархии Вассиан (Пятницкий)[4].

25 октября, во вторник, Патриарх совершил всенощную на Троицком подворье.

26 октября, в среду, там же – литургию.

---

[1] Акты... С. 179.

[2] Цит. по: *Глубоковский Н. Н.* «Война и мир» в Финляндской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 105.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 233 об.

[4] Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России. С. 175.

§ 19. Подготовка ликвидации Высшего Церковного Управления и Троицкого подворья (27 октября – 8 декабря 1921 г.)

27-летний новый начальник 6-го отделения А. Ф. Рутковский и его 28-летний заместитель Е. А. Тучков церемониться с церковниками не желали. Несмотря на молодость, они имели богатый опыт кровавых дел в отношении «контрреволюционеров». Глава ВЧК Ф. Э. Дзержинский в этот период также был настроен очень решительно. Характеризуя его взгляды, историк И. А. Курляндский пишет: «Стиль Ф. Э. Дзержинского как главы тайной политической полиции и государственного деятеля ленинской школы характеризует полное пренебрежение правовыми методами, сознательное принесение их в жертву революционной целесообразности»[1]. Исследователь приводит пример, относящийся как раз к 1921 г. В ответ на обращение С. В. Петлюры в ВЧК о помиловании его сторонников Ф. Э. Дзержинский 2 августа 1921 г. писал чекисту Манцеву: «Обращение к нам Петлюры – это желание с его стороны спасти арестованных. Ввиду интервенционистских подготовлений Антанты необходимо арестованных петлюровцев-заговорщиков возможно скорее и больше уничтожить. Надо их расстрелять. Процессами не стоит увлекаться. Время уйдет, и они будут для контрреволюции спасены. Подымутся разговоры об амнистии и т. д. Прошу Вас срочно этот вопрос решить»[2].

Патриарха Тихона Дзержинский считал злейшим врагом советской власти. В 1919 г. он писал: «Духовенство, особенно его высшие иерархи с патриархом Тихоном во главе, не только не было лояльно по отношению к Советской России, но было всегда враждебно и входило в непосредственную связь с врагами России...»[3].

Серия акций, направленных в этот период против Патриарха, вполне вписывается в тактику деятельности ВЧК в отношении Церкви.

---

[1] *Курляндский И.* Рыцарь революции и Российская Церковь // Политический журнал. 2008. № 3 (180). Цит. по: http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=50&tek=7976&issue=215.

[2] *Курляндский И.* Рыцарь революции и Российская Церковь. Цит. по: http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=50&tek=7976&issue=215.

[3] Там же.

27 октября по распоряжению сотрудников московской ЧК Патриарх и все насельники Троицкого подворья должны были заполнить анкеты. Патриарх в анкете написал, что получил в сентябре 350 000 рублей дохода от братской кружки Иверской часовни, советскую власть признает[1]. Помимо Патриарха анкеты заполнили: митрополит Евсевий (Никольский), архимандриты Неофит (Осипов) и Анемподист (Алексеев), Родион (Федоров), игумен Иоанникий (Дмитриев), иеромонахи Порфирий (Горшков), Евмений, иеродиаконы Автоном (Окользин) и Полиевкт (Тараканов), Феофан (Ревнивцев), Викентий (Шуленин), Вениамин (Батанов), Ираклий (Ерофеев), Афоний (Вишняков), монах Викторин (Бородулин)[2]. Среди них нет Никиты Юдина, что подтверждает наше предположение о том, что он был послушником, а не монахом. Такая перепись велась в рамках подготовки ликвидации Троицкого подворья как монашеской общины. Именно осенью 1921 г. активно закрывались оставшиеся действующие монастыри.

Есть данные, что сотрудники ВЧК пытались заставить архимандрита Неофита стать их осведомителем. Н. Безпалов писал: «ВЧК попыталась заручиться более солидным сотрудничеством кого-либо из лиц, близких к Патриарху. Внимание охранки остановилось на личном секретаре Патриарха иеромонахе Неофите. В этом направлении Неофиту делалось предложение через его брата-коммуниста. Доходили ли предложения ВЧК до Неофита, неизвестно, но ВЧК от посредника своего получала отрицательный ответ. Потом, при „ликвидации гнезда церковников", ВЧК отомстила несговорчивому секретарю и отправила его в ссылку куда-то на север, хотя никакого преступления за ним и не числилось, его даже не решались и судить»[3].

Особенно интересовал власти вопрос о доходах иерархии. К этому же периоду, вероятно, относится и следующее сообщение американских сотрудников АРА: «Таким же насилиям подвергалось и Высшее Церковное Управление в Москве – Священный Синод и Высший Церковный Совет, состоящие при Патриархе. В церквах было запрещено производить сборы

---

[1] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 242.
[2] Там же. С. 242–252.
[3] Там же. С. 257.

добровольных пожертвований на содержание этих центральных учреждений. В провинциях духовенство обязали подпиской не высылать в патриаршее управление никаких сборов иначе, как через гражданские учреждения»[1].

30 октября, в воскресенье, Патриарх в сослужении епископа Сергиевского Варфоломея (Ремова) совершил литургию и молитвенное поминовение протоиерея Философа Орнатского в Успенском храме Новодевичьего монастыря.
3 ноября, в четверг, Патриарх совершил всенощную в Казанском храме на Красной площади.
4 ноября, в пятницу, – литургию в храме Казанской иконы Божией Матери в Сущеве.
5 ноября, в субботу, – литургию в храме мучеников Флора и Лавра на Зацепе.
6 ноября, в воскресенье, – литургию в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Ордынке и молебен в храме иконы Божией Матери «Знамение» в Каретном Ряду.

В этот же день, 6 ноября, Патриарх участвовал в праздновании юбилея сакеллария московского Большого Успенского собора, митрофорного протоиерея Николая Пшеничникова.

7 ноября, в понедельник, Патриарх совершил всенощную в храме Гребневской иконы Божией Матери на Лубянской площади.
8 ноября, во вторник, – литургию в храме великомученика Димитрия Солунского на Благуше.
9 ноября, в среду, – всенощную в храме святой Параскевы Пятницы на Божедомке.
13 ноября, в воскресенье, – литургию в храме Богоявления в Елохове и всенощную в храме Космы и Дамиана в Шубине.
14 ноября, в понедельник, – литургию в храме бессребреников Космы и Дамиана в Старых Кузнецах на Гончарной («Косма и Дамиан Старый»).

17 ноября Патриарх Тихон обратился к пастве с особым посланием – «О недопустимости богослужебных нововведений

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 63.

в церковно-богослужебной практике». В послании подчеркивалось: «Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно-действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах и уставе, должна сохраниться в Св[ятой] Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее Ее достояние»[1]. Выше уже говорилось о попытках богослужебных реформ в Томске. Аналогичные тенденции были сильны в Петрограде, проявлялись они и в Москве.

Ранее этого послания Патриарх Тихон наложил запрещение в священнослужении на епископа Антонина (Грановского), пребывающего на покое, в связи с его самочинными нововведениями в богослужении. Помимо введенных еще ранее обновленцами перехода на русский язык в богослужении и на григорианский календарь, Антонин перенес престол из алтаря на середину храма. Литургию он стал совершать по особо им составленному и изданному чину, «рецензированному по чинам древних литургий». Будучи сторонником «разнообразия литургической жизни Церкви», епископ Антонин активно «импровизировал» в этой сфере – например, вводил в состав богослужебных последований стихи современных поэтов.

> 20 ноября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме священномученика Власия Севастийского в Староконюшенном переулке; всенощную – на Троицком подворье.
> 21 ноября, в понедельник, – литургию на Троицком подворье.

23 ноября Ф. Э. Дзержинский, который был сторонником ареста Патриарха Тихона и членов Синода, подписал постановление об освобождении из-под ареста келейника Патриарха Я. А. Полозова[2]. По мысли чекистов, пребывание келейника в заключении должно было оказывать на Патриарха психологическое давление, однако в свете предстоящего ареста самого Пат-

---

[1] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 550. Оп. 1. Д. 152. Л. 3–4 об.; Акты... С. 181.

[2] *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя». С. 61.

риарха этот фактор был уже не важен. В рапорте от 8 декабря 1921 г. А. Ф. Рутковский указывал: «Из следственных дел в разработке отделения находились: ПОЛОЗОВА Якова – келейника Тихона, исполняющего обязанности шпиона в т[ак] н[азываемом] Патриаршем подворье»[1]. Здесь, вероятно, имеется в виду то, что Я. А. Полозов стремился выявлять внедренных на подворье агентов ГПУ. Так, после второго ареста Якова Анисимовича Патриарх говорил: «Все-таки я буду хлопотать за Якова Анисимовича, это проделка бывшего у меня келейника Никиты, за то, что его Я. А. удалил как шпиона и за это получил неприятность...»[2].

Вероятно также, что в ГПУ Я. А. Полозова пытались заставить стать секретным осведомителем ГПУ, поскольку на 8 декабря, когда писался рапорт, Я. А. Полозов находился на Троицком подворье. Однако безусловно то, что Яков Анисимович не стал орудием в руках ВЧК.

Сразу после освобождения Якова Полозова произошел странный случай, описанный одной из монахинь подворья Серафимо-Дивеевского монастыря в Москве. После того как келейник епископа Варнавы (Беляева)*[45], «сделался как доска», так что у него не гнулись руки и ноги, епископ Варнава решил отнести его к Патриарху на Троицкое подворье «на исцеление». Входную дверь открыл, увидев епископа Варнаву, как отмечает мать Анфия, «покойник Яков», т. е. Я. А. Полозов, хотя это была обязанность швейцара С. Сидорова. Вероятно, по замыслу чекистов Яков Анисимович должен был играть роль «шпиона в т[ак] н[азываемом] Патриаршем подворье» и быть соучастником этой акции. Однако, как отмечалось выше, он не пошел на это, возможно, предупредив Патриарха о предстоящей провокации.

Далее произошло следующее: «Святейший подходит тогда к носилкам. Благословил этого-то, на носилках, широким крестом... Потом посмотрел на эту на простыню так пронзительно... и вдруг как воскликнет сердитым голосом:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа тебе говорю: встань!..

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 283. Л. 40.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 242.

Куда тут простыня полетела! Куда – носилки!.. Обмерший этот как вскочит, чисто ошпаренный, да в дверь бежать... А Святейший-то ему еще вслед:

– Иди да впредь не согрешай!..

А его и след простыл. А уж что тут с нами было – и рассказать нет моей возможности»[1]. Таким образом Патриарх разоблачил провокацию.

Хотя рассказчица не помнила даты этого события, оно, очевидно, имело место до 26 ноября 1921 г., когда был подготовлен доклад об аресте Патриарха Тихона и членов Синода. Сама рассказчица была убеждена, что «„камедь эта“ была состряпана с целью „подорвать Святейшего“ начинавшими тогда поднимать голову церковными оппозиционерами или, может быть, даже и безбожниками»[2]. После этого происшествия монахиня Анфия опасалась реакции Е. А. Тучкова: «Что Евгений Александрыч-то скажет, когда узнает это самое дело? Ведь у нас, на подворье Евгений Александрыч состоял на квартире. Стучков... с мамашей со своею...*[46] Он нам, бывалочи, завсегда наперед говорил: в каком приходе Святейший служить будет; в каком – Евсевий, али – Иларион. Это он – завсегда...»[3].

26 ноября уполномоченный 6-го («церковного») отделения Секретного отдела Московской ЧК М. М. Шмелев предложил своему начальству план ареста членов Синода и Московского епархиального совета. К плану он приложил список 25 подлежащих аресту лиц[4]. В настоящее время этот список недоступен исследователям, но можно предположить, что в него вошли имена насельников Троицкого подворья, причастных к церковному управлению, членов Синода и ВЦС, а также 10 викариев Московской епархии.

О подготовке этой операции докладывал А. Ф. Рутковский: «В последнее время по распоряжению Отделения в Москве проведена отделением МЧК операция по ликвидации Синода и Епархиальн[ого] Совета, по которым к следствию и суду привлекаются все высшие иерархи, за явное и сознательное уклонение от выполнения декрета об отделении церкви от государ-

---

[1] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 101.

[2] Там же. С. 100.

[3] Там же.

[4] Документ упоминается: Архивы Кремля. Кн. 1. С. 44.

ства»[1]. Сотрудники АРА, знавшие ситуацию в Троицком подворье, писали в США: «В ноябре 1921 года Высшее Церковное Управление переживало тревожные минуты. Все его члены были привлечены к следствию по обвинению в принадлежности к недозволенному сообществу, именуемому Священным Синодом и Высшим Церковным Советом, и вызывались для допроса в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, однако судебного преследования против них возбуждено не было. Тогда же канцелярия и архивы этих учреждений были опечатаны и стали для них недоступны»[2].

§ 20. Патриарх Тихон в условиях подготовки властями изъятия церковных ценностей в декабре 1921 г. (27 ноября – 8 декабря 1921 г.)

Причиной отказа от арестов было то, что политическое руководство страны взяло курс на изъятие всех церковных ценностей, надеясь использовать Высшее Церковное Управление в своих целях. 12 ноября 1921 г. вышло постановление СНК по созданию комиссии по сосредоточению и учету ценностей под председательством Л. Д. Троцкого[3]. 11 ноября 1921 г. он был назначен особоуполномоченным СНК по учету и сосредоточению ценностей. Троцкому поручалось руководство всей работой по учету и изъятию ценностей для продажи за границу[4].

Перехватывая инициативу у своего оппонента – Л. Д. Троцкого, 25 ноября 1921 г. И. В. Сталин принял решение поддержать инициативы духовенства по сбору средств для голодающих и начал подготовку к рассмотрению этого вопроса на Политбюро[5]. В связи с этим Ф. Э. Дзержинский не утвердил предложения М. М. Шмелева от 26 ноября.

В начале декабря в высшем партийном руководстве активизировались споры по поводу методов борьбы с Церковью. Идея

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 283. Л. 39.
[2] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 63–64.
[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 474.
[4] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 70.
[5] Там же. С. 49.

создания просоветской обновленческой Церкви поначалу не получила поддержки у чекистов. Глава ВЧК Ф. Э. Дзержинский в первых числах декабря писал: «Мое мнение: церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме, поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка – на коммунизм, а не религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели – разложения попов. Связь, какая бы то ни была, с попами других органов бросит на партию тень, это – опаснейшая вещь. Хватит нам одних спецов»[1]. Однако победила другая точка зрения, связанная с реализацией идеи Л. Д. Троцкого – создания обновленческого раскола.

Важной особенностью этого периода было то, что в действиях ВЧК в отношении духовенства акценты переместились с репрессий на агентурную работу. Это видно из доклада А. Ф. Рутковского 8 декабря: «Докладывая о работе 6-го Отделения за отчетный период времени, необходимо отметить, что деятельность сектантских религиозных объединений, групп и толков и, в особенности, православных церковников, протекала в очень оживленной форме. В направлении этой деятельности, кроме естественных стремлений церковников поднять свой авторитет, упрочить могущество влияния культа и свое личное благосостояние, в последнее время, наметились стремления чисто политического оттенка, направленные в противовес государственным интересам Республики и власти.

Из целого ряда губерний: Череповецкой, Рыбинской, Тверской, Курской – были получены сведения о стремлениях церковников создать „союзы верующих“ и „союзы материнства“ с тенденцией последних возбуждать ходатайства перед местными властями о возобновлении преподавания закона Божия, о реставрации в школах икон и т. п. Первые союзы верующих определенного лица еще не выявили, но имея в виду полученные зарубежные материалы о намерениях врангелевских агентов, использовать церковь в России, как к[онтр]р[еволюционную] базу,

---

[1] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 76. Оп. 3. Д. 196. Л. 3; *Плеханов А. М.* ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики, 1921–1928. М., 2006. С. 571.

на агентурную разработку этих „союзов", обращено главное внимание. Дела по этим союзам в стадии агентурной разработки, и руководят ими на местах сотрудники Отделения.

Наряду с этим, во многих губерниях, почти эпидемически распространяются манипуляции церковников, с инсценированием обновления и явления чудотворных икон. Такие случаи, благодаря невежеству масс, за последнее время стали быстро прогрессировать. После вызовов работников с мест и инструктирования их, приняты решительные меры и, в данное время, явления эти почти безболезненно ликвидированы; отчасти путем давления на местное высшее духовенство, отчасти же арестами инициаторов и передачи дел в Народные суды. Громадная и кропотливая работа по духовенству проделана на Кубани, где среди духовенства к[онтр]р[еволюционеры] изжиты окончательно»[1].

Отделение приступило к руководству работой на местах: «Отделением изготовляется циркулярное письмо для рассылки на места, в котором применительно к политике последнего времени, будут выработаны методы борьбы с православными церковниками и сектантскими объединениями»[2].

Патриарх смог продолжать богослужения в московских храмах.

> 27 ноября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Покрова в Красном Селе и всенощную в храме мученика Иоанна Воина на Якиманке.
>
> 29 ноября, во вторник, – всенощную на Троицком подворье.
>
> 30 ноября, в среду, там же – литургию.
>
> 2 декабря, в пятницу, Патриарх отслужил молебен в Иверской часовне.
>
> 3 декабря, в субботу, – совершил всенощное бдение в храме Христа Спасителя.
>
> 4 декабря, в воскресенье, в четвертую годовщину Патриаршей интронизации, в сослужении сонма архиереев и архидиакона К. Розова – литургию в храме Введения на Лубянке.
>
> 6 декабря, во вторник, Патриарх совершил литургию в храме преподобного Сергия Радонежского в Пушкарях и всенощную в храме великомученицы Екатерины на Ордынке.

[1] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 283. Л. 40.
[2] Там же. Л. 41.

7 декабря, в среду, – литургию в храме мученицы Ирины на Ининской улице.

8 декабря, в четверг, – всенощную в храме великомученика Георгия Победоносца в Грузинах.

8 декабря 1921 г. был арестован[1] ближайший сподвижник Патриарха Тихона ключарь храма Христа Спасителя протоиерей Александр Хотовицкий*[47].

§ 21. Разрешение Церкви осуществлять сборы в пользу голодающих (9–31 декабря 1921 г.)

5 декабря 1921 г. Политбюро вернулось к вопросу о помощи религиозных организаций голодающим, рассматривавшемуся в августе 1921 г. М. И. Калинин, как председатель ЦК Помгола при ВЦИК, предложил поддержать одобренную И. В. Сталиным инициативу мусульманских муфтиев об организации помощи голодающим. Члены Политбюро решили дать право помощи голодающим не только мусульманам, но и православным. Для выработки положения была создана комиссия, состоявшая из М. И. Калинина, И. В. Сталина и наркома юстиции Д. И. Курского*[48]. М. И. Калинин к следующему заседанию Политбюро 8 декабря составил предложения «об удовлетворении ходатайства религиозных обществ о помощи голодающим»[2]. С участием И. В. Сталина был выработан проект постановления ВЦИК, в котором говорилось: «Принимая во внимание целый ряд ходатайств отдельных религиозных обществ о разрешении производства сборов среди своих членов в пользу голодающих[,] Президиум ВЦИК предлагает Центрпомголу войти в соглашение с религиозными обществами о форме сборов пожертвований и порядке направления собранного, имея в виду желания жертвователей»[3]. 8 декабря проект был одобрен Политбюро, в этот же день М. И. Калинин сумел провести его через ВЦИК, и постановление вступило в силу без опубликования.

---

[1] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. С. 188.

[2] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний (1919–1952 гг.): Каталог: В 3-х т. М., 2000. Т. 1: 1919–1929 гг. С. 138.

[3] Цит. по: *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 52.

До сведения Патриарха Тихона это решение было доведено 9 декабря 1921 г. В письме М. И. Калинину от 25 февраля 1922 г. Патриарх Тихон писал: «Но на наше стучание в дверь мы не удостоились ответа до 9 декабря прошлого года, когда, наконец, в чрезвычайно узких рамках нам было дозволено прикоснуться к этой работе»[1]. 9 декабря появилось Постановление ЦК Помгола о разрешении сборов в пользу голодающих: «Сборы религиозным Управлениям и отдельным религиозным обществам разрешить. Предложить Центрпомголу войти в соглашение с религиозными обществами о форме сборов пожертвований и порядке направления собранного, имея в виду желания пожертвователей»[2].

9 декабря, в пятницу, Патриарх совершил литургию в храме великомученика Георгия Победоносца на Малой Никитской («на Всполье»).
10 декабря, в субботу, – в храме Живоначальной Троицы в селе Карачарове.
11 декабря, в воскресенье, – в храме апостолов Петра и Павла у Преображенской заставы.

12 декабря 1921 г. в Москве был арестован епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, Серафим (Звездинский)[3].

16 декабря 1921 г. на новооткрытую Воткинскую кафедру был назначен епископ Амвросий (Казанский), бывший до этого епископом Любимским, викарием Ярославской епархии.

17 декабря, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме Рождества Богородицы в Столешниках.
18 декабря, в воскресенье, – литургию в храме Святой Троицы в Полях и всенощную в храме святителя Николая Чудотворца в Ваганькове.
19 декабря, в понедельник, – литургию в храме Христа Спасителя.

19 декабря был освобожден из-под ареста ключарь храма Христа Спасителя протоиерей Александр Хотовицкий[4].

---

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 153.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 47; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 143.
[3] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. С. 162.
[4] Там же. С. 188.

21 декабря, в среду, Патриарх совершил всенощную в храме Архангела Гавриила («Меншикова башня»).
22 декабря, в четверг, – литургию в храме иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще.

23 декабря 1921 г. состоялось заседание Высшего Церковного Управления, было принято решение: «1) учредить в Сарапульской епархии кафедру викарного Епископа с наименованием его „ЕЛАБУЖСКИЙ", 2) назначить для сего Епископа местожительство в гор[оде] Елабуге, 3) передать в его ведение приходы и церковные учреждения Елабужского уезда, 4) предоставить Епископу Елабужскому право полусамостоятельного Епископа согласно наказу Епископам полусамостоятельных епархий, разосланному в 1919 г., и 5) содержание Епископа Елабужского относить на местные средства». На новооткрытую Елабужскую кафедру был назначен настоятель Троицкой церкви города Сарапула протоиерей Николай Анисимов с предварительным пострижением его в монашество»[1].

25 декабря, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме святителя Спиридона на Спиридоньевской улице («на Козьем Болоте»).

Как упоминалось выше, волна репрессий, готовившаяся ВЧК, была приостановлена решениями Политбюро, которое хотело отодвинуть репрессии до начала кампании по изъятию ценностей из храмов, чтобы использовать авторитет Патриарха во избежание сопротивления изъятию.

Возобновленная работа церковных комитетов по сбору средств для голодающих продлилась недолго. Уже через неделю после официального разрешения на начало работы церковных комитетов на местах к ним стали применяться репрессивные меры. 25 декабря в Самаре были арестованы члены церковного комитета во главе с епископом Павлом.

27 декабря 1921 г. вышел декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях». Декретом местным властям предписывалось при изъятии, ликвидации и использовании

[1] *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке. С. 58.

«колоссальных ценностей, находящихся в церквах и монастырях», различать: «имущество, имеющее историко-художественное значение», которое «подлежит к исключительному ведению Отдела по делам музеев» Наркомпроса и не может отчуждаться без его разрешения; «имущество материальной ценности», подлежащее передаче в Гохран*[49], и «имущество обиходного характера, где оно еще сохранилось». О дальнейшей судьбе последнего декрет умалчивает, оставляя ее решение на усмотрение местных властей[1].

31 декабря 1921 г. на заседании Президиума ЦК Помгола при ВЦИК по итогам рассмотрения доклада члена Президиума ЦК Помгола А. Н. Винокурова «Об участии священства в деле помощи голодающим» было утверждено постановление, устанавливающее общий порядок совместных действий с «Религиозными Управлениями и отдельными религиозными обществами»[2]. Согласно постановлению религиозные управления привлекались не только к сбору, но и к распределению пожертвований. На основании этого Патриарху было предложено организовать сбор пожертвований в церквах и командировать своего представителя в ЦК Помгола для выработки «положения» и «инструкции» для духовенства в организации помощи населению, страдающему от голода.

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 143–144.
[2] Следственное дело... С. 341.

ГЛАВА III
Служение Патриарха Тихона в 1922 г.

§ 1. Патриарх в период переговоров с Помголом о пожертвованиях церковных ценностей (январь – 5 февраля 1922 г.)

Голод 1921 г. стал удобным поводом для изъятия церковных ценностей и последующего разрушения Церкви. От этой акции руководство страны рассчитывало приобрести только серебра 525 000 пудов[1]. Необходимо отметить, что банковские счета, сбережения, хранившиеся в храмах и обителях, эмеритальные кассы и прочие финансовые ценности были конфискованы ранее, при исполнении Декрета от 20 января 1918 г. В 1922 г. речь шла уже об изъятии евхаристических сосудов и богослужебной утвари. Основную работу по подготовке к изъятию ценностей из действующих храмов и монастырей вела ВЧК, или, как эта структура стала называться с 6 февраля 1922 г., ГПУ. По поручению центра местные отделы начали подготовку к изъятию на местах, телеграммы о проделанной работе стали поступать в центр уже в первых числах февраля.

2 января 1922 г. ВЦИК принимает постановление «О ликвидации церковного имущества», согласно которому имущество, представляющее материальную ценность и не имеющее историко-художественной значимости, подлежало передаче в Гохран[2].

12 января в рамках подготовки к изъятию церковных ценностей было принято постановление Политбюро о создании особых фондов изъятых ценностей для продажи за рубежом[3]. К этому времени к изъятию ценностей из монастырей еще не приступили, о чем очень беспокоился Л. Д. Троцкий, в тот же день

---

[1] *Одинцов М.* Жребий пастыря // Наука и религия. 1989. № 5. С. 19.

[2] Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 5.

[3] Там же. Новосибирск; М., 1997. Кн. 1. С. 15.

направивший В. И. Ленину письмо с просьбой назначить ответственного за это дело и телеграмму в Политбюро с выражением озабоченности по вопросу о деле изъятия ценностей из монастырей. В письме он сообщал, что дело об этом было у члена Президиума ВЦИК Ю. Х. Лутовинова, однако по решению ВЦИК его должен был принять П. А. Залуцкий, но он отказался, и работа была поручена Н. А. Кубяку, но тот находился в Казани и к ней не приступал. Троцкий писал: «Фактически таким образом дело его совершенно не двигается. Между тем каждый упущенный день – это преступленье. Прошу в самом спешном порядке выделить для этой работы политически подготовленного и достаточно авторитетного товарища, который мог бы в течение ближайших недель значительную часть своего времени посвятить этому делу»[1].

14 января 1922 г. Л. Д. Троцкий, заместитель наркома внутренних дел А. Г. Белобородов и зампред ВЧК И. С. Уншлихт*[1] разослали по губерниям телеграмму о создании в каждой из них «троек» для изъятия ценностей[2].

23 января местным комиссиям по ценностям была направлена инструкция о порядке учета, изъятия и сосредоточения ценностей[3]. Согласно ей местные органы должны были обследовать все хранилища – склады ЧК, музеи, губфинотделы, закрытые ранее монастыри и церкви. Газеты «Правда» и «Беднота» развернули на своих страницах кампанию за изъятие церковных ценностей, приглашая высказываться по этому поводу верующих читателей[4].

В этот же день всем председателям губернских ЧК и полномочным представительствам ВЧК была разослана шифротелеграмма зампреда ВЧК И. С. Уншлихта и начальника Секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонова. В ней от местных органов ВЧК требовалась информация о реакции народа на вскрытие мощей,

---

[1] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. М., 1996. С. 70.

[2] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. С. 90.

[3] Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 8 об.

[4] *Чемерисский Н. А.* Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающим // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1962. Вып. 10. С. 190–191.

для того чтобы спрогнозировать реакцию на изъятие ценностей, что говорит о подготовке к их насильственному изъятию[1].

23 января комиссией Политбюро во главе с И. В. Сталиным и Л. Б. Каменевым было принято решение о реформировании ВЧК и создании Государственного политического управления (ГПУ) в системе НКВД. Местные органы ГПУ должны были подчиняться не центральному аппарату ГПУ, а местным ЦИК, ГПУ же лишалось права выносить решения о наказании без суда. По проекту Каменева – Сталина «церковные» дела вообще выводились из компетенции ГПУ, в обязанность которого вменялась борьба со шпионажем и открытыми контрреволюционными выступлениями, а также сбор информации по всем контрреволюционным и антисоветским деяниям[2]. И. С. Уншлихт в письме к В. И. Ленину от 26 января 1922 г. просил не сужать компетенцию ВЧК, но Ленин не согласился с ним[3]. 2 февраля Политбюро приняло выработанное комиссией Сталина – Каменева «Положение о реорганизации ВЧК»[4], а 6 февраля ВЦИК принял декрет «Об упразднении ВЧК и правилах производства обысков, выемок и арестов». Появилось новое карательное ведомство – ГПУ.

1 января 1922 г., в воскресенье, Патриарх Тихон совершил литургию в храме Смоленской иконы Божией Матери на Плющихе.

3 января, во вторник, в празднование памяти святителя Петра, митрополита Московского, – молебен на Троицком подворье.

4 января, в среду, – литургию в храме великомученицы Анастасии в Петровском парке; всенощную в храме Спаса Преображения на Большой Спасской.

5 января, в четверг, в том же храме – литургию.

Незадолго до Рождества Христова Троицкое подворье снова подверглось чекистскому «набегу». Уполномоченный 6-го («церковного») отделения Секретного отдела Московского губерн-

---

[1] Центральный архив ФСБ (далее: ЦА ФСБ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 1.

[2] Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партии и государственной власти. Янв. 1922 – дек. 1936 г. / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. С. 11–12. (Далее: Лубянка. Сталин, 1922–1936.)

[3] *Плеханов А. М.* ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 108.

[4] Лубянка. Сталин, 1922–1936. С. 14.

ского отдела ВЧК М. М. Шмелев произвел на подворье обыск. Протестуя против этого, Патриарх Тихон направил главе ВЦИК М. И. Калинину письмо, о содержании которого можно судить по рапорту начальника 6-го отделения Секретного отдела ВЧК А. Ф. Рутковского помощнику начальника Секретного отдела ВЧК А. А. Андреевой. В рапорте говорилось: «В Троицком подворье, действительно, был произведен обыск уполномоченным по духовенству МЧК тов. ШМЕЛЕВЫМ. Причиной обыска послужили неоднократно получаемыя сведения о том, что т[ак] н[азываемый] Епархиальный Совет и др[угие] высшия церковныя управления, не имеющия прав юридического лица, согласно декрета об отделении церкви от государства, присваивают себе функции экономическаго, юридическаго, финансоваго и др[угого] характера»[1]. По сути протеста Патриарха Рутковский писал: «Свободных комнат в Троицком подворье осталось изрядное количество – в этом отношении власть относится к БЕЛЛАВИНУ в высшей степени лойяльно. По поводу просьб БЕЛЛАВИНА – полагаю 1) участь делопроизводства (на самом деле архива) будет разрешена судом, 2) о возвращении помещений ему необходимо обратиться в ЦЛСО, 3) «Произвол» – субъективное мнение БЕЛЛАВИНА, объясняться по которому нет смысла»[2]. Из этого следует, что в Троицком подворье была изъята часть комнат и опечатан архив Патриаршей канцелярии. Незадолго до этого, 28 декабря 1921 г., было издано постановление СНК, согласно которому 10 процентов жилых площадей, находящихся в частной собственности, могут быть изъяты в виде натурального жилищного налога[3]. Как отмечает исследовавший этот вопрос М. Г. Меерович, фактически власть могла распоряжаться частным жилым фондом как хотела, что и происходило в отношении Троицкого подворья.

Эти события описаны Н. А. Безпаловым в газете «Русский голос» в 1923 г.: «Набеги на Патриарха Тихона ВЧК совершала частенько. <...> К Рождеству из переднего левого крыла нижнего этажа выселяются эконом и еще несколько лиц из служебного персонала Патриарха. Часть квартиры занимает чекист Бул-

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 7.

[2] Там же. С. 8.

[3] *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. С. 68.

ганин*[2], приехавший из Туркестана. Немного спустя, остальную часть занимает „сам“ уполномоченный (начальник) 5-го отделения Секретного отдела ВЧК Генкин*[3]»[1]. Возможно, Генкину в этом посодействовал Тучков. В январе 1922 г. Е. А. Тучков был назначен временно исполняющим обязанности начальника 4-го отделения СО ГПУ и занимался высылкой из России интеллигенции, но в мае 1922 г. вернулся в 6-е отделение ГПУ[2]. Это назначение было связано с решением Президиума ВЧК от 1 декабря о привлечении сотрудников из других отделений к работе против политических партий[3].

6 января, в пятницу, в Сочельник, Патриарх Тихон совершил всенощное бдение в храме Христа Спасителя.

В начале января 1922 г. к Патриарху из Польши приехал иеромонах Тихон (Шарапов). Но еще до дня назначенной аудиенции у Святейшего иеромонах Тихон во время службы в храме Христа Спасителя передал Патриарху привезенные из-за границы документы, чтобы предварительно ввести его в курс дела. «В этот приезд мой я частенько виделся с Патриархом, подолгу просиживал вечерами в беседах с ним на Троицком подворье...» – позднее писал он в своих воспоминаниях[4].

7 января, в субботу, в праздник Рождества Христова, Патриарх совершил литургию в сослужении сонма архиереев в храме Христа Спасителя.
8 января, в воскресенье, – литургию в храме иконы Божией Матери «Трех Радостей» на Покровке[5].
13 января, в пятницу, – всенощную в храме святителя Василия Кесарийского на Тверской*[4].

---

[1] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 256.

[2] См. документы, подписанные им в этом качестве: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ, 1921–1923. М., 2005.

[3] Архив ВЧК: Сборник документов / Отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М., 2007. С. 483.

[4] Отрывок из воспоминаний епископа Тихона (Шарапова) о его поездке в СССР в 1922 году // Журнал Московской Патриархии (далее: ЖМП). 1998. № 4. С. 86.

[5] Богослужебный дневник Святейшего Патриарха Тихона, 1917–1925 гг. Список М. Е. Губонина. Библиотека СПбДА и С. С. 92. Машинопись.

14 января, в субботу, там же – литургию. Вечером Патриарх вышел на величание святителю Василию за всенощной на Троицком подворье.
15 января, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Сущеве.

16 января 1922 г. из Таганской тюрьмы был освобожден архиепископ Варшавский Серафим (Чичагов)[1]. Незадолго до этого, в январе 1922 г., Патриарха посетила делегация из посольства Польши в составе двух человек во главе с польским посланником в советской России Филипповичем. Делегация передала Святейшему Патриарху Тихону ходатайство польского правительства о возведении архиепископа Георгия (Ярошевского) в сан митрополита, так как, согласно постановлению Синода от 28 сентября 1921 г., он был назначен временным экзархом в Польше в сане архиепископа. Поскольку канонически Патриарх Тихон мог удовлетворить это ходатайство только после освобождения архиепископом Серафимом Варшавской кафедры, понадобилось прошение последнего об этом. Очевидно, в связи с этими обстоятельствами советские власти ускорили освобождение владыки Серафима. К этому времени Патриарх знал о ситуации в Польше от иеромонаха Тихона (Шарапова): «В один из других визитов я сделал Патриарху обстоятельный доклад о тяжелом положении Русского Православия в Польше, о предательской роли некоторых наших епископов, об их деятельности в пользу униатов и католиков – в надежде обеспечения себе теплого места в этом новорожденном, вечно враждебном России государстве, вскормленном Россией, и все время, при каждой возможности коварно стремящемся укусить ее»[2].

18 января, в среду, Патриарх совершил вечерню и освящение воды на Троицком подворье; всенощную Святейший служил в храме Богоявления, в Елохове.
19 января, в четверг, на Крещение Господне, Патриарх совершил литургию в храме Христа Спасителя и возглавил крестный ход на Москву-реку.

[1] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 437.

[2] Отрывок из воспоминаний епископа Тихона (Шарапова)... С. 86.

21 января 1922 г. на заседании президиума Помгола было принято выработанное председателем ЦК Помгола А. Н. Винокуровым вместе с представителем Патриарха протоиереем Николаем Цветковым «Положение об участии Православной Русской Церкви в деле помощи голодающим»[1]. Инструкция о сборе пожертвований, принятая тогда же как дополнение к «Положению», в качестве основных форм сбора денежных средств устанавливала тарелочный и кружечный сборы, причем первый производился по воскресным и праздничным дням, а второй – постоянно.

22 января, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Спаса Преображения на Сретенке.

В 20-х числах января Патриарх занимался распределением продовольственной помощи, поступавшей на его имя из США и других стран Запада через АРА, которая оговорила с властями возможность самостоятельного ее распределения.

В эти дни Святителя посетила делегация АРА. Об этом в мае 1922 г. говорил на следствии архимандрит Неофит: «Помню, что такое посещение по делам было от „АРА“ для переговоров о помощи духовенству. Приходили они приблизительно месяца 3–4 тому назад»[2].

24 января 1922 г. Патриарх Тихон просит АРА направить 50 продовольственных посылок архиепископу Уральскому Тихону, 38 – в Покровку («против Саратова, за Волгой»). К записке прилагалось письмо Патриарха от 25 января руководителю лондонской миссии АРА Эрнсту Мейеру, который в письме от 10 октября просил Патриарха стать представителем АРА в России. Патриарх извинялся за долгое отсутствие ответа на письмо и предложение. По-видимому, это было связано с тем, что в ноябре – декабре 1921 г. власти пытались ликвидировать патриаршую канцелярию, последний «налет» чекистов был проведен 6 января 1922 г. Только после праздника Крещения Господня Патриаршее управление смогло вернуться к нормальной работе с документами. Патриарх писал Мейеру: «Что касается Вашего

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г.: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 144–146.

[2] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 271.

предложения о желательности моего назначения представителем Церкви в комитете АРА, действующем в России, я уверен, что такой шаг, совершенно естественный и полезный, едва ли осуществим при существующем положении Православной Церкви в России. Я благодарю Вас и тех, кто любезно Вас уполномочил обратиться ко мне в этом вопросе, и молитвенно желаю всяческих успехов в полезной деятельности в России, которую АРА взяла на себя»[1].

29 января, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Петра и Павла в Лефортове.

30 января состоялось последнее заседание Священного Синода перед днем рождения Патриарха, который отмечался 1 февраля. Были рассмотрены несколько дел, касающихся церковных наград. В этот день появился указ Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода № 58 о назначении Варшавским митрополитом и временным управляющим Холмской епархией епископа Георгия (Ярошевского)[2]. В указе говорилось, что архиепископ Серафим согласно прошению увольняется от управления Варшавской епархией, а архиепископ Георгий назначается митрополитом Варшавским с предоставлением права ношения белого клобука с крестом и креста на митре и с поручением временного управления также Холмской епархией[3]. Сам митрополит Георгий считал, что он получил право управлять всей Польшей.

30 января вышел указ Патриарха Тихона и Священного Синода № 64 о возведении в сан митрополита Управляющего Западноевропейскими русскими православными приходами архиепископа Волынского и Житомирского Евлогия (Георгиевского). Это было следствием полученного Патриархом письма от архиепископа Евлогия, о котором давал показания на допросе

---

[1] *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России // Богословские труды. М., 2007. № 41. С. 515.

[2] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 186.

[3] *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. М., 1997. С. 100–101.

в начале мая 1922 г. секретарь Патриарха архимандрит Неофит: «Был принесен один пакет приблизительно месяца 2–3 тому назад, но кем именно приносился пакет, я не помню, и что предпринял Патриарх в ответ на присланный пакет Евлогия, мне неизвестно»[1]. Архимандрит Неофит также говорил: «Из бесед с Патриархом Тихоном я знаю, в частности, что Евлогию было поручено поехать в Америку С[оединенные] Шт[аты] для упорядочения отношений между архиереем и приходами, но Евлогий почему-то из Берлина в Америку не поехал. Поручение такого рода Патриархом было дано Евлогию более года тому назад. Почему именно Патриарх хотел послать Евлогия, а не другого, и как именно проделывалось технически это назначение – я не знаю»[2].

В этот же день, по всей вероятности, был подписан указ и о возведении в сан архиепископа епископа Тверского и Кашинского Серафима (Александрова), 30 января в указе Патриарха № 64 он упомянут уже с этим титулом[3].

Этим же числом датировано патриаршее письмо (№ 76) Патриарху Антиохийскому Григорию IV по вопросу о переходе сирийских общин в США в его юрисдикцию из юрисдикции Российской Церкви[4].

В начале февраля власти приступили к последней фазе подготовки изъятия церковных ценностей. Началась работа ВЧК по вербовке духовенства и переговоры с архиереями по поводу поддержки ими планов властей. Первым в поддержку этих планов открыто выступил архиепископ Нижегородский Евдоким (Мещерский). В телеграмме из нижегородского отдела ВЧК от 4 февраля 1922 г. говорилось: «По поводу добровольного пожертвования населением ценностей велись переговоры с местным архиепископом, результаты положительные. Архиепископ выступил с воззванием к населению, призывая дать на борьбу с голодом церковные ценности»[5].

---

[1] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 271.

[2] Там же. С. 273.

[3] Акты... С. 185.

[4] Неизвестные обращения и послания свт. Тихона / Публ. О. Ефремовой, И. Жияновой // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона / ПСТБИ. М., 2000. № 6. С. 247.

[5] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 411. Л. 11.

1 февраля 1922 г. умер ближайший помощник Патриарха митрополит Евсевий (Никольский). Именно митрополит Евсевий во время домашнего ареста Патриарха по его поручению выполнял значительный объем обязанностей по управлению Церковью и возглавлял заседания Священного Синода. До кончины он также проживал в Москве, на Троицком подворье, и был близким другом и помощником Патриарха во всех делах. Согласно доносу, направленному в ГПУ одним из обновленцев примерно в мае 1922 г. и находящемуся в следственном деле Патриарха Тихона, митрополит отравился рыбой на одном из приходских обедов: «Евсевий на каком-то большом приходском обеде после рыбы отравился и умер»[1]. Автор доноса сообщает также, что митрополит Евсевий стремился к тому, чтобы Патриарх Тихон удалил от себя Якова Полозова и что к этому же стремился протоиерей А. Станиславский. Следует отметить, что подобное отношение к мирянину, имеющему большое влияние на Патриарха, встречалось и впоследствии – вспомним, например, отношение членов Синода к келейнику и секретарю Патриарха Алексия (Симанского) Д. А. Остапову.

> 2 февраля, в четверг, Патриарх в сослужении сонма архиереев в храме Христа Спасителя совершил заупокойную всенощную по почившему митрополиту Крутицкому Евсевию.
> 3 февраля, в пятницу, Патриарх с сонмом архипастырей совершил в том же храме заупокойную литургию и отпевание митрополита Крутицкого Евсевия (Никольского).

Затем в Новодевичьем монастыре состоялись похороны митрополита. Он был похоронен с северной стороны Смоленского собора. За литургией Патриархом был рукоположен во иерея с возложением золотого наперсного креста бывший экстраординарный профессор МДА Василий Петрович Виноградов*[5]. Вечером Патриарх направил распоряжения в АРА по поводу поступивших из США продовольственных посылок: «Приношу благодарность Администрации Помощи за извещение о пожертвовании Русским Православным Церковным обществом взаимопомощи через Петра Коханика 35 продовольственных посылок. Означенные посылки

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 234.

мною назначены на нужды голодающего духовенства Царицынской епархии»[1].

4 февраля, в субботу, Патриарх совершил всенощное бдение на Валаамском подворье на Тверской-Ямской улице.
5 февраля, в воскресенье, там же – Божественную литургию.

8 февраля 1922 г. постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода № 133 иеромонах Тихон (Шарапов) был удостоен сана архимандрита, о чем свидетельствует справка, подписанная главой канцелярии ВЦУ П. В. Гурьевым[2]. Тогда же Патриарх назначил иеромонаха Тихона настоятелем Жировицкого монастыря[3].

11 февраля, в субботу, Патриарх совершил выход на «Хвалите» за всенощной на Троицком подворье.

§ 2. Послание Патриарха о добровольном пожертвовании церковных ценностей от 6 февраля 1922 г.

6 февраля Патриарх подписал воззвание о помощи голодающим. В нем наряду с деньгами и продовольствием он разрешил жертвовать на нужды голодающих и драгоценности, относящиеся к храмовому имуществу: «Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерелье[в] и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим»[4].

---

[1] *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 517.
[2] Акты... С. 185.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 15; Акты... С. 185.
[4] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 148.

А. Н. Винокуров, ведший переговоры с протоиереем Н. В. Цветковым, зная о готовящемся насильственном изъятии всех ценностей из храмов, хитростью убедил протоиерея Н. В. Цветкова включить в послание Патриарха призыв сдавать ценности из храмов, дав лишь общее их описание. На это обратили внимание аналитики из АРА: «Товарищ председателя ЦК Помгола Винокуров, ссылаясь на недостаточность при настоящем падении курса [рубля] денежных пожертвований, просил протоиерея Цветкова осведомиться у Патриарха, не может ли он разрешить общинам пожертвовать на голодающих часть церковных ценностей, находящихся на их попечении, и протоиерей Цветков заявил, что это вполне возможно. При этом стороны определенно договорились о пожертвовании тех именно вещей, которые перечисляются в... воззвании Патриарха»[1].

Проанализировав весь пласт архивных документов по этому вопросу, к аналогичному выводу пришел и С. Г. Петров: «Власть в лице ЦК Помгола при ВЦИК как бы стремилась получить от духовенства и верующих добровольные пожертвования и одновременно принудительно изъять церковные ценности. Исходя из новых документов, кампанию по изъятию должны были провести в месячный срок специальные губернские комиссии под эгидой ЦК Помгола и при помощи аппаратов созданных ранее, в январе 1922 г., комиссий по учету и сосредоточению ценностей. О возможности работы в этих старых и новых комиссиях духовенства и верующих ничего не говорилось. Очевидно, ЦК Помгола при принудительном изъятии ценностей в их участии не нуждалась»[2].

О роли Винокурова в появлении послания от 6 февраля в показаниях на трибунале 5 мая 1922 г. говорил и Патриарх: «Тов. Винокуров высказал пожелание о том, чтобы церковь наша пошла навстречу помощи голодающим и пожертвовала из своих ценностей. Протоиерей Цветков сказал, что в церкви имеются вещи, которых мы не можем, по нашим канонам, жертвовать. Тов. Винокуров на это заявил, что мы этого и не требуем, но хорошо, если бы вы пожертвовали подвески, камни, потом украшения. Цветков сообщил об этом мне. Я тогда согласился на это,

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // ЖМП. 2007. № 11. С. 66.

[2] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 69.

так как знал, что воззвания должны выпускаться с ведома властей, я представил в Помгол проэкт своего воззвания о том, что нужно жертвовать, что можно жертвовать»[1]. Из этого очевидно: изначально предполагалось, что богослужебные сосуды передаваться не будут. Патриарх был категорически против передачи богослужебных сосудов, которых по канонам могут касаться только священнослужители. Получив заверения, что богослужебные сосуды тронуты не будут, Патриарх согласился на выпуск послания, написанного, по словам святителя, протоиереем Н. Цветковым[2]. Авторство протоиерея Н. Цветкова текста послания, и объявления для публикации в газетах, а также сопроводительного письма к ним доказал С. Г. Петров[3].

Послание Патриарха было одобрено к печати 9 февраля на заседании Политбюро и 11 февраля 1922 г. на заседании Президиума ЦК Помгола[4]. В связи с этим С. Г. Петров справедливо замечает: «В целом же, рассмотренное постановление Политбюро, принятое на основе пришедших из ЦК Помгола документов Русской церкви, можно считать своеобразным примером складывающихся новых церковно-государственных отношений, когда глава Православной церкви мог обращаться к подчиненному ему духовенству и пастве только с разрешения высших партийных и советских органов страны»[5].

Послание было прочитано в храме Христа Спасителя протоиереем Н. Цветковым: «Получив одобрение своего воззвания, Патриарх был убежден, что его точка зрения разделяется гражданской властью, что изъятие ценностей мыслится как добровольное пожертвование общин, что изъятию из храмов будут подлежать только те ценности, которые указаны в воззвании. В таком именно смысле сделал публичное заявление с церковного амвона при торжественном богослужении в Храме Христа Спасителя и при чтении воззвания Патриарха представитель Патриарха в ЦК Помгола от лица этого государственного учреждения»[6].

---

[1] Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 130.

[2] Там же. С. 132.

[3] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 64.

[4] Там же. С. 68.

[5] Там же.

[6] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 67.

Находившиеся в то время в Москве сотрудники АРА отметили критику в отношении послания среди духовенства и верующих: «Среди верующих масс оно произвело неблагоприятное впечатление. Слышались голоса, обвинявшие Патриарха в слабости и излишней уступчивости»[1]. Основанием для такой критики являлись подозрения, что ценности изымают не для голодающих, а на личные потребности большевистской верхушки, национальный состав которой был хорошо известен народу. Впоследствии анализ документов показал, что ценности были заранее распределены среди кланов, в том числе семейных. Как установил С. Г. Петров, как только Винокурову было отдано послание Патриарха, его немедленно взяла Ольга Давидовна Каменева, сестра Л. Д. Троцкого и жена Л. Б. Каменева. В ЦК Помгола Каменева занимала должность заведующей заграничным отделом помощи голодающим[2], и в ее обязанности отправка этих документов в Политбюро не входила, однако она немедленно переправила документы мужу для срочного вынесения вопроса на Политбюро. Заинтересован в таком срочном решении вопроса был ее брат Л. Д. Троцкий. Как установили исследователи, церковные деньги были нужны партийной верхушке вовсе не для голодающих. Они понадобились для возвращения средств, вложенных в революцию, а также на личное обогащение[3]. Л. Д. Троцкому, как наркомвоенмору было обещано 5 процентов от награбленного у Церкви[4].

С. Г. Петров справедливо утверждает: «Само изъятие проводилось, в общем-то, не для помощи голодающим, а для достижения иной цели: концентрации в руках власти максимально возможного количества имеющихся в стране драгоценных металлов и камней. В случае исполнения намеченного правящая верхушка считала вполне реальным решение стоящих перед нею проблем финансовой стабилизации, возрождения денежной и экономической систем, оплаты контрибуций по мирным договорам, поддержания обороноспособности, зарубежного коммунистиче-

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 67.

[2] *Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.* Красные конкистадоры. М., 1994. С. 161.

[3] Там же. С. 151–243.

[4] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 70.

ского движения, мировой революции и в целом жизнеспособности властвующего режима»[1].

15 февраля 1922 г. в «Известиях», в статье «Воззвание патриарха Тихона», было частично обнародовано содержание послания главы Русской Церкви от 6 февраля 1922 г. Также власти растиражировали послание в виде листовок.

7 февраля протоиерей Н. Цветков передал А. Н. Винокурову проект инструкции о порядке сбора пожертвований. В составленном протоиереем Н. Цветковым проекте инструкции, определяющей порядок сбора пожертвований, в пункте 11 говорилось о добровольном характере пожертвований: «Пожертвования Церкви в пользу голодающих состоят также и в церковных драгоценностях. Последние жертвуются, учитываются и передаются в Компомгол, согласно особо выработанной Инструкции»[2]. Как свидетельствовал Патриарх, А. Н. Винокуров обманным путем исключил этот пункт инструкции: «Затем была составлена инструкция, как проводить это дело, между прочим в инструкцию внесен был такой пункт, – что все эти пожертвования церковные являются добровольными. Потом через несколько дней, когда воззвание было напечатано – дней через 5 – вышел уже декрет Ц.К. о том, чтобы отбирать все. Это показалось нам странным: с одной стороны ведется соглашение с нами, с другой выпускают декрет о том, чтобы все отбирать и уже ни о каких соглашениях нет речи. Тов. Винокуров сам выбросил из инструкции тот пункт, который сам же раньше подчеркнул, именно, что эти пожертвования являются добровольными»[3]. Всем губкомам было разослано пояснение, вносящее изменения в инструкцию, где было сказано: «Пункт 11 вовсе исключается»[4]. Инструкция была одобрена ВЦИК уже без пункта о добровольности 26 февраля 1922 г.[5], т. е. после принятия декрета ВЦИК от 23 февраля, когда сама необходимость в подобной инструкции исчезла.

---

[1] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства... С. 69.

[2] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 154.

[3] Следственное дело... С. 130.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 53.

[5] *Савельев С. Н.* Бог и комиссары: (К истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: На пути к свободе совести. М., 1993. С. 186.

Послания с призывом добровольно сдавать ценности начали появляться и от имени епархиальных архиереев, с которыми местные власти вели переговоры. 8 февраля в ВЧК поступил доклад уполномоченного нижегородской ЧК Калашникова о проделанной им работе по подготовке к изъятию церковных ценностей. Он сообщал о переговорах, проведенных им и начальником Секретно-оперативной части Бурцевым с архиепископом Нижегородским Евдокимом (Мещерским), выразившим «согласие проявить инициативу в проведении компании сбора церковных и монастырских ценностей в пользу голодающих»[1]. 3 февраля архиепископ Евдоким составил воззвание в пользу изъятия. 5 февраля оно было «распечатано и оглашено во всех церквах города во время богослужения и после расклеено на дверях каждой церкви»[2]. В марте аналогичные послания и призывы публиковались от имени еще более десятка архиереев[3].

Обманом выманивая от Патриарха послание и другие документы о добровольных пожертвованиях, власти цинично подготавливали насильственное изъятие всех ценностей. С того дня, когда послание Патриарха было одобрено и передано в печать, советские газеты обрушились на Патриарха с обвинениями в скупости.

По справедливому замечанию американских аналитиков из АРА, сам текст послания своей неопределенностью давал почву для критики: «Слабою стороной воззвания Патриарха является его неопределенность, из него не ясно, входят ли в число вещей, которые Патриарх благословил пожертвовать на нужды голодающих, ризы со всеми их драгоценностями, или не входят. Так как допускалось пожертвование вещей, „не имеющих богослужебного употребления“ и „жертвуемых для украшения икон“, а ризы не имеют богослужебного употребления и жертвуются именно для украшения икон, то их можно было бы отнести в категорию вещей, предназначенных для пожертвований. Но, к сожалению, о пожертвовании этой главной ценности ничего не было сказано ясно и определенно. ЦК Помгола, приняв и разрешив к печатанию и распространению в народе воззвание Патриарха,

[1] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 2.
[2] Там же.
[3] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 126.

тем самым показал, что гражданская власть удовлетворяется размерами церковного пожертвования. Но вследствие отсутствия в воззвании упоминания о ризах, церковная жертва могла показаться незначительной даже для лиц, относящихся к религии безразлично, а для ее врагов, каков, например, [М. В.] Галкин ([М.] Горев), она давала лишний повод к инсинуациям.

Вслед за оглашением воззвания Патриарха в „Известиях" появилась за подписью Горева статья под заглавием „Гора родила мышь". Она послужила сигналом для самой недостойной и лживой травли Патриарха на страницах правительственных газет и в плакатах, которые расклеивались по улицам столицы»[1].

Л. С. Сосновский, один из тех, кому Л. Д. Троцкий поручил подготовку документов к насильственному изъятию ценностей, напечатал в газете «Правда» статью «Дайте же взаймы Богу». В ней он объявил о том, что Президиум ВЦИК якобы уже принял постановление о «немедленном изъятии ценностей из храмов всех вероисповеданий и обращении их на покупку продовольствия для голодающих»[2]. В этот момент Патриарх Тихон уже не мог остановить печатание и распространение своего воззвания в пользу изъятия ценностей. 12 февраля в газете «Известия ВЦИК», в заметке «О передаче церковных ценностей голодающим», было обнародовано интервью с протоиереем Н. Цветковым, в котором представитель Патриарха в ЦК Помгола сообщил о готовящемся воззвании[3].

11 февраля Л. Д. Троцкий пишет записку в Президиум ВЦИК: «Мне кажется необходимым сейчас же подготовить постановление Президиума ВЦИК о порядке изъятия и учета церковных ценностей, о порядке их сосредоточения...»[4]. Документ был адресован «центральной тройке» по изъятию церковных ценностей (П. А. Красиков, Л. С. Сосновский, П. П. Лебедев). 18 февраля петроградский протоиерей А. И. Введенский опубликовал в газете «Петроградская правда» обращение к верующим, в котором призывал к сдаче церковных ценностей и выдвигал

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 68.

[2] Правда. 1922. 11 февр. (№ 33).

[3] Известия ВЦИК. 1922. 12 февр. (№ 34).

[4] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 73. – Факсимиле документа см.: *Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.* Красные конкистадоры. М., 1994. С. 161.

обвинения в адрес петроградского духовенства. Введенский указывал, что главной задачей Церкви в тот момент являлась помощь государству в изъятии церковных ценностей. Скорее всего эта публикация была согласована Введенским с властями. В выписке из «недельного меморандума» 6-го отделения СО ГПУ говорилось: «Обращение св[ященника] Введенскаго к верующим[,] напечатанное в Петроградской правде от 18/II в № 39[,] на духовенство произвело одурачивающее впечатление. В некоторых церквях Петрограда также священниками даются намеки, что это необходимо сделать[,] как указывает Введенский»[1].

§ 3. Реакция Патриарха на взятый советской властью курс насильственного изъятия ценностей (11–26 февраля 1922 г.)

12 февраля 1922 г. состоялось заседание соединенного присутствия ВЦУ и ВЦС. На нем решался вопрос о назначении митрополита Крутицкого. На пост Патриаршего наместника рассматривалось несколько кандидатов. Одним из них был архиепископ Тульский Иувеналий (Масловский)[2]. Еще одним претендентом на этот пост был архиепископ Серафим (Чичагов), которому эта кафедра была обещана ранее. Согласно словам епископа Серафима (Александрова), записанным 20 июня 1922 г. во время его нахождения в тюрьме и содержащимся в следственном деле Патриарха Тихона, архиепископ Варшавский Серафим (Чичагов) на 12-й день после смерти митрополита Евсевия, т. е. 12 февраля, придя на Троицкое подворье, узнал, что на Крутицкую кафедру назначен не он, а архиепископ Никандр (Феноменов). Он сказал, что «этого не может быть», а затем пошел к Патриарху для беседы, после чего на некоторое время удалился, произнеся: «Милостию Божею выброшен святейшим на улицу[,] как собака», после чего, придя на заседание Синода и ВЦС, он «положил на стол драгоценности», состоявшие «из панагий, крестов и других золотых и бриллиантовых предметов»[3].

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 411. Л. 6.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 234.
[3] Там же. Л. 263.

Это были церковные ценности из православных храмов Польши, которые удалось спасти перед тем, как храмы изъяли под костелы. Ценности передали московскому протоиерею Александру Стефановичу, о котором сказано в этом же источнике: «Он для Тихона свой человек»[1]. В тексте источника далее говорится: «После обмена мнений высшей иерархии ему был пожалован титул Митрополита, а потом и председателем Синода»[2].

В итоге Патриаршим наместником был назначен архиепископ Никандр (Феноменов). Он получил титул Крутицкий, хотя остался архиепископом. Его назначение, по данным, полученным в ходе следствия по делу митрополита Петра (Полянского) в 1926 г., было следствием совета А. Д. Самарина. В обвинительном заключении говорится: «По совету Самарина, перед изъятием церковных ценностей, патриарх Тихон, шедший еще безусловно на поводу у реакционеров, снесшись с находящимся в Таганской тюрьме (через сестер последнего) САМАРИНЫМ, по его совету назначил на вакантную кафедру митрополита Московского Никандра»[3]. Патриарх вынужден был считаться с критикой его послания со стороны «правого» епископата и духовенства, поэтому настоял на назначении их протеже – архиепископа Никандра, позиция которого в деле сотрудничества с властью в области пожертвования церковных ценностей была крайне жесткой.

В ВЧК назначение митрополита Никандра было воспринято как вызов. В докладе А. Ф. Рутковского заместителю начальника Секретного отдела И. З. Сурте, написанном с 12 по 17 февраля 1922 г.*[6], говорилось: «Во исполнение Вашей резолюции на отношение ЦК РКП докладываю: о том, что церковники православного культа переменив политику ведут работу по культу в высшей степени активно... последним ярким показателем ориентации Тихона в делах церковных и политических, может служить и назначение на пост митрополита гражданина Феноменова Никандра Григорьевича (т[ак] н[азываемого] епископа Астраханского Никандра), реакционера, церковника до фанатизма к тому же властного и высокомерного»[4].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 263.
[2] Там же.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Обвинительное заключение. Л. 11.
[4] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 67.

Согласно свидетельству архиепископа Серафима[1], 12 февраля в зале заседаний находились: Патриарх Тихон, архиепископ Никандр (Феноменов), архиепископ Серафим (Александров), протоиерей А. Станиславский, а также П. В. Гурьев и председатель Московского епархиального совета протоиерей Виктор Кедров*[7]. Эти лица составляли Синод и ВЦС. Возглавил Синод митрополит Серафим (Чичагов).

Начальник 6-го отделения СО ГПУ А. Ф. Рутковский в докладе заместителю начальника СО ГПУ И. З. Сурте в 1922 г. писал: «С другой стороны назначение в Синод князя Ухтомского Александра Алексеевича (т[ак] н[азываемого] епископа Уфимского)[,] способнейшего администратора, организатора и ловкого дипломата, обладающего выдающимся умом, явно говорит об ориентации ТИХОНА и иже с ним. В конечном итоге все стремления церковников сводятся к объединению вокруг „лона“ церкви, поднятия престижа церкви в головах масс, поднятие своего авторитета, а вместе с тем, конечно, улучшение своего благосостояния»[2]. По данным И. И. Осиповой, 22 февраля 1922 г. из Бутырской тюрьмы был освобожден епископ Андрей (Ухтомский)[3]. По смыслу рапорта Рутковского, назначение в Синод епископа Андрея состоялось либо одновременно с назначением архиепископа Никандра, либо еще до освобождения епископа Андрея, или же последний был освобожден ранее 22 февраля. В любом случае к работе в Синоде он не был допущен ГПУ.

14 февраля Патриарх благословил и поддержал деятельность «Союза Православных приходов в Польше», объединявших православных русских людей, стремившихся сохранить каноническую связь с Московским Патриархом. В письме за № 134 на имя этого Союза Патриарх писал: «Ознакомившись с задачами и характером деятельности возникшего на территории Польского Государства Союза Православных приходов, преподаем Наше благословение на дальнейшие труды сего Союза и молим Всевышнего, чтобы Он споспешествовал деятельности Союза, направленной к благу Святой Православной Церкви»[4].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. 1780. Т. 4. Л. 263.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 67.

[3] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России / Сост. И. И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2/3. С. 72.

[4] *Свитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. С. 113–114.

15 февраля, в среду, в праздник Сретения Господня, Патриарх совершил литургию в храме Христа Спасителя.
18 февраля, в субботу, – литургию в храме иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Палашах.
19 февраля, в воскресенье, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Столпах на Маросейке*[8].

19 февраля Патриархом была совершена хиротония И. М. Громогласова[1]. По данным биографов о. Илии, иерейская хиротония состоялась 20 февраля, но согласно «Богослужебному дневнику Патриарха Тихона»[2] Патриарх в этот день не служил.

22 февраля, в среду, Патриарх совершил литургию в храме святителя Панкратия у Сухаревой башни*[9]; всенощную – в храме Трех Святителей у Красных Ворот.
23 февраля, в четверг, там же – литургию.

§ 4. Декрет об изъятии церковных ценностей и реакция на него Патриарха Тихона (23–28 февраля 1922 г.)

23 февраля 1922 г. был принят и 26 февраля опубликован декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей. В декрете говорилось о необходимости изъять «из церковных имуществ, переданным в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать их в органы Наркомфина со специальным назначением в фонд ЦК ПомГол»[3]. Этот декрет, имеющий явную антицерковную направленность, стал полной неожиданностью для духовенства. Позднее, на допросах, Патриарх Тихон подтвердил, что пока он вел переговоры с Помголом, «за его спиной был выпущен

[1] *Берташ Ал., свящ., Маякова И. А.* Илия Михайлович Громогласов, сщмч. // Православная энциклопедия (далее: ПЭ). М., 2009. Т. 22. С. 268.
[2] Богослужебный дневник... С. 95.
[3] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. С. 242.

декрет»[1]. Принятый декрет практически отстранял Церковь от участия в организации сдачи ценностей, запрещал замену драгоценных предметов, имеющих богослужебное употребление, равноценным количеством золота и серебра.

Другой целью декрета был разгром организационной структуры Церкви, о чем позднее говорил Е. М. Ярославский, выступая 15 августа 1923 г.: «Перед нами стала задача разбить эту религиозную организацию. У нас во всей нашей борьбе с Тихоном и духовенством в России остался нетронутым патриархат, учреждение имевшее иерархическую структуру и большую власть. Патриарх Тихон мог назначать, смещать, перемещать того или иного священника. Тихон распоряжался огромными церковными богатствами... Вопрос встал о тихоновской организации... Раз мы разбили белогвардейские организации, то нужно было эту работу закончить, но вопрос был в том, на чем, на каком примере мы дадим бой этому духовенству. Поводом послужило изъятие церковных ценностей в связи с голодом»[2].

> 24 февраля, в пятницу, Патриарх совершил всенощное бдение в Иверской часовне.
> 25 февраля, в субботу, – литургию на Троицком подворье.

Узнав о выпуске декрета, Патриарх должен был выбрать тактику дальнейших действий. Ситуация для него была сложной. Сотрудники АРА писали: «...неожиданно изданное постановление ВЦИК ставило Патриарха в двусмысленное положение. В своем воззвании от 6 февраля он только что возвестил пастве, что им получено утвержденное гражданской властью положение о возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим, и разрешил общинам делать пожертвования на этот предмет из церковных драгоценностей известной категории. Отсюда у общин должно было сложиться убеждение, что между Патриархом и правительством состоялось по последнему пункту соглашение, вполне приемлемое для Церкви. Вслед за этим появляется распоряжение правительства совсем

---

[1] Акты... С. 197.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 9. Л. 1.

в ином духе. Это могло внушать мысль, что Патриарх в своем воззвании был недостаточно правдив и скрыл от верующих действительный смысл соглашения»[1].

25 февраля в письме на имя М. И. Калинина Патриарх Тихон опротестовал декрет об изъятии церковных ценностей. В письме Патриарх указывал на факт обмана со стороны власти: «...появилось известие о постановлении ВЦИК от 16 февраля с[его] г[ода], устанавливающее совершенно иной характер использования церковных драгоценностей. („Известия ВЦИК" № 44.) Вышеозначенный § 11 Инструкции 24 февраля был вычеркнут по распоряжению тов[арища] Винокурова. Наше положение в настоящее время является двусмысленным. Мы поверили не только данному слову, мы поверили документу и обманулись. Мы являемся пред православным населением в роли каких-то обманщиков, провокаторов, и мы будем вынуждены поставить в известность православное население, в разъяснение разосланного нами воззвания об истинном положении вещей»[2].

Патриарх оказался в сложной ситуации. Его положение можно сравнить с положением А. М. Горького, после того как власти репрессировали весь состав Помгола, в который он – по просьбе власти – зазывал общественных деятелей. В. Ходасевич вспоминал: «Чека, разумеется, всех арестовала гуртом, во время заседания, не тронув лишь „председателя". <...> Горький был в это время в Москве – а может быть, поехал туда, узнав о происшествии. Его стыду и досаде не было границ. Встретив Каменева в кремлевской столовой, он сказал ему со слезами: „Вы сделали меня провокатором. Этого со мной еще не случалось"»[3].

26 февраля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме священномученика Ермолая у Патриарших прудов («на Козьем болоте»); вечерню (Прощеное воскресенье) – в храме Христа Спасителя.

27–28 февраля, в Чистые понедельник и вторник, Патриарх совершил чтение канона святого Андрея Критского на Троицком подворье.

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 69.

[2] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 154.

[3] Цит. по: *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 506.

§ 5. Послание Патриарха Тихона от 28 февраля 1922 г.

28 февраля состоялось собрание благочинных Москвы под председательством архиепископа Крутицкого Никандра (Феноменова). В сводке ГПУ за 2 марта об этом сказано: «28-го февраля по распоряжению митрополита Никандра в т[ак] н[азываемом] патриаршем подворье было созвано экстренное собрание благочинных города Москвы. На собрании Никандр произнес достойную истории речь: „Я жалею, что слишком поздно вступил на пост наместника его святейшества. Теперь мы упускаем из рук все наше и дедово достояние. Об этом надо было думать раньше. Но еще не поздно. Не предадим себя позору. К Вам мое слово, святые отцы, возьмемся за святое дело. Будите своих прихожан, пусть проснутся от глубокого сна русские люди и бодрствуют, поднимайте в них дух, да не опозорятся они. У меня есть секретное распоряжение пояснить вам отцы святые и вот я поясняю и призываю вас быть на страже, как была на страже во время распятия Христа“ и т. д.»[1]. В феврале подал прошение об уходе председатель Московского епархиального Совета протоиерей Виктор Кедров, который на допросе 23 февраля 1922 г. говорил, что в феврале 1922 г. «уволился согласно собственного прошения»[2], хотя архиепископ Никандр утверждал, что по распоряжению о. Виктора послание Патриарха от 28 февраля было разослано благочинным Москвы[3].

Архиепископ Никандр на допросе 21 декабря 1922 г. подробно рассказал об истории появления патриаршего послания: «После первого собрания благочинных, созванного мной и состоявшегося на Патриаршем подворье в моей квартире (подробно об этом собрании я уже показал при предыдущих допросах), я имел разговор с Патриархом Тихоном. Я ему сообщил мой разговор с благочинными по поводу опубликованного декрета В.Ц.И.К. об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих. Я сообщил ему, что на их вопросы, как поступать им при выполнении декрета, ответил, что по этому поводу несомненно последует

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 256.
[2] Там же. Т. 29. Л. 187 об.
[3] Там же. Л. 216.

послание Патриарха по церкви, подобно тому, как он написал уже письмо председателю ВЦИК Калинину. Я сказал Патриарху, что ему следует написать послание с протестом против существа декрета, принимая во внимание, что по этому делу ко мне уже обращались с вопросами и несомненно обратятся и к нему; что я вынужден был, в виду таких обращений, дать свои указания благочинным, не дожидаясь на этот раз распоряжений Патриарха. Он попросил меня принести ему канонические сборники и экземпляр газеты, где был напечатан декрет. Я ему принес требуемое. Вечером на другой день Патриарх показал мне черновик послания, прочитал мне его и спросил мое мнение. Я вполне согласился с текстом послания и хотел внести в него некоторые поправки, а именно: вместо слов: „Но мы не можем одобрить изъятие из храмов", я предлагал написать: „Но мы не можем согласиться на изъятие из храмов"...»[1].

Таким образом, вечером 28 февраля Патриарх Тихон подписал послание по поводу изъятия церковных ценностей. В послании говорилось: «...мы не можем одобрить изъятие из храмов, хотя бы и через добровольные пожертвования, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается... как святотатство...»[2]. При этом Патриарх не отказывался от пожертвований. Религиозные общины призывались им к милосердию и щедрости в сборе иных средств. Послание Патриарха власть расценила как призыв к «церковной фронде», к контрреволюции. Этот тезис был подхвачен советской историографией и отстаивался ею на протяжении многих десятилетий. В глазах верующих изъятие богослужебного имущества выглядело не иначе как акт святотатства и осквернения. Их волновала и дальнейшая судьба реквизированных ценностей. Предчувствуя неизбежность столкновений, Патриарх советовал священникам и мирянам идти на максимальные уступки, быть предельно корректными с уполномоченными представителями властей, которых он также предостерег от грубых и нетактичных действий.

Сам Патриарх не был противником изъятия ценностей – он лишь полагал, что нельзя изымать сразу все, предлагал добро-

---

[1] Следственное дело... С. 183.

[2] Цит. по: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 75.

вольно отдать предметы, не являющиеся евхаристическими сосудами. 23 или 24 марта Патриарх говорил об этом своему окружению: «Если послание мое было изложено не тактично, то я ведь решаю это не один и надо мной есть контроль. Собор будет, что мне скажут. Конечно[,] сперва нужно было взять маленькое, а потом бы видно было, они совершенно не поняли меня, смеются над подвесками, а они и есть самые ценныя, ценнее чем сосуды и чаши, а дальше бы видно было, может быть можно было бы идти и на уступки и еще кое-что добавить... ведь и Польша не похвалит меня т. к. там возседает папа»[1]. Патриарх объяснял, что не мог согласиться с изъятием всех ценностей не из-за нежелания помочь голодающим, а будучи не в состоянии решить этот вопрос самостоятельно и надеясь на то, что изъятие ценностей будет проходить поэтапно. Кроме того, он очень беспокоился о том, что святые сосуды подвергаются глумлению теми, кто изымает ценности. После допроса в ГПУ 9 апреля Патриарх говорил (в пересказе осведомителя): «...я совершенно ничего не желаю, но одно не допускаю. Священных сосудов как их кладут в ящик и топчут ногами для уплотнения...»[2].

Епископ Алексий (Симанский) считал послание ошибкой. 18 мая 1922 г. он писал: «Я в этом деле решительно держался особого мнения и теперь вижу, что был прав. Начиная со Святейшего Патриарха, надо было поставить вопрос в строго юридические рамки, и тогда никто не мог бы заставить нас так или иначе распоряжаться имуществом, коего мы не являемся ни собственниками, ни распорядителями. А теперь приходится выпутываться из лабиринта, который мы сами до известной степени себе построили... Изъятие здесь идет полным ходом и теперь это никого не трогает. И выходит, что мы все держались за злато и серебро и все внимание свое устремили на это бесплодное отстаивание, а враг тем временем подкапывал церковные устои. Большой ошибкой нашей было все время то, что мы избегали открытых отношений с властью. Я сколько раз убеждался, что лучше идти навстречу испытаниям и вести непосредственные перего-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 242.

[2] Цит. по: *Сафонов Д. В.* Академическое служение сщмч. Илариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством: (По материалам публичных диспутов в Политехническом музее) // Богословский вестник, издаваемый МДА. Сергиев Посад, 2006. № 5/6. (2005–2006). С. 365.

воры с властью, чем держаться выжидательной политики. При первом условии легче ориентироваться в обстоятельствах, а это необходимо»[1].

Комиссия по учету и сосредоточению ценностей 10 марта постановила: «Послание патриарха Тихона нигде не печатать и на него никак не реагировать от имени газет, а произвести критику его со стороны духовенства отдельными изданиями, воз[з]ваниями и пр.»[2].

В деле Патриарха есть данные, полученные во время допросов членов Синода и ВЦС, из которых следует, что Патриарх не обсуждал это послание на заседаниях Синода или Синода и ВЦС. Об этом протоиерей А. Станиславский писал: «С нами Патриарх не совещался... когда писал первые два послания по поводу изъятия ценностей...»[3]. По свидетельству архиепископа Серафима, редакция воззвания от 28 февраля 1922 г. «просмотра не проходила через священный синод»[4]. В следственном деле митрополита Петра содержится информация, что митрополит Никандр встречался с А. Д. Самариным, испрашивая совета по поводу изъятия церковных ценностей[5].

Член ВЦС священник И. Громогласов рассказал во время допроса в марте 1923 г., что послание Патриарха в ВЦУ не обсуждалось[6]. Протоиерей А. Станиславский подтвердил, что это послание не было рассмотрено ВЦУ вопреки обычаю, согласно которому Патриарх представлял проекты всех своих посланий «в соединенном собрании к сведению»[7]. При этом он подчеркивал, что Патриарх не имел права выпускать послание без согласия ВЦУ: «По постановлению Всероссийского собора, Патриарх является ограниченным Синодом и Высшим Церковным Советом, а потому такой важности дело как послание последнее непременно должно было быть обсуждено на общем собрании»[8].

Послание Патриарха в первых числах марта с помощью доверенных лиц было доставлено в большинство епархий. О способе,

---

[1] ГАРФ. Ф. 550. Д. 222. Л. 35.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 9; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 42.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 316 об.
[4] Там же. Т. 29. Л. 136.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 241–242.
[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 136.
[7] Там же. Л. 141.
[8] Там же. Л. 141–142.

которым пользовался Патриарх для рассылки своих указов и посланий, хорошо знали в ГПУ. В докладе, подготовленном незадолго до 17 февраля 1922 г., А. Ф. Рутковский писал: «Да и способ управления деятельности церковников остается таким же, как всегда, т. е. строго централизованным. Но не было еще случая, чтобы ТИХОН, синод или епарх[иальный] Совет переслал на места директивы или указания в письменном виде. Это у церковников делается очень просто т[ак] н[азываемой] „оказией", словесной передачей прибывающим с мест „своим" и надежным из православных. Так что в этом отношении церковники прячут концы в воду очень искусно»[1]. Однако на этот раз распоряжение Патриарха передавалось не устно, а письменно.

Послание Патриарха, размноженное управляющим канцелярией Синода и ВЦС П. В. Гурьевым[2], доставлялось в епархии с помощью доверенных лиц. Так, Смоленскому и Витебскому архиереям послание Патриарха доставил профессор А. И. Успенский[3]. Канцелярии правящих архиереев распространяли воззвание Патриарха среди благочинных, как это было, например, в Ярославской епархии[4]. Однако не все архиереи стали распространять послание в своих епархиях. Как свидетельствовал глава Новгородской епархии митрополит Арсений (Стадницкий) на следствии 20 февраля 1923 г., 2 марта 1922 г. он «получил по почте из Москвы в конверте послание Патриарха Тихона, называвшее изъятие церковных ценностей советской властью святотатством...»[5]. По утверждению митрополита Арсения, он не стал распространять это послание «потому, что оглашение подобного послания при возбужденном настроении верующих могло бы вызвать волнения и привести даже к эксцессам»[6].

1 марта, в среду первой седмицы Великого поста, Патриарх совершил литургию Преждеосвященных Даров на Троицком подворье; вечером там же – чтение канона.

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 67.

[2] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 198.

[3] Высылка вместо расстрела. С. 374–375.

[4] Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника. М., 2006. Кн. 2. С. 191.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 171.

[6] Там же.

Патриарх Тихон подписал экземпляр послания от 28 февраля митрополиту Вениамину (Казанскому) в Петроград[1].

2 марта, в четверг, Патриарх совершил чтение канона на Троицком подворье.

2 марта послание Патриарха было обнародовано в московских храмах. В связи с этим сотрудниками АРА оно было датировано этим днем, а не 28 февраля: «На это письмо*[10] Патриарх никакого ответа не получил и потому издал свое второе послание от 2 марта, в котором высказал взгляд Церкви на предстоящую конфискацию предметов, освященных богослужебным употреблением. <...>

Золотые сосуды встречаются в Церкви лишь в виде редкого исключения. Обыкновенно это серебряные чаши, позлащенные совне. Количество серебра, содержащееся в них, по сравнению со всем серебром, которым обладали храмы, представляет собою совершенно ничтожный процент. Поэтому дело помощи голодающим пострадало бы очень мало, если бы при изъятии ценностей правительством было сделано исключение по отношению к евхаристическим сосудам. Далее, заявляя от лица Церкви протест против постановления ВЦИК в своем послании от 2 марта, Патриарх, конечно, не рассчитывал вызвать верующих к какому-либо физическому сопротивлению вооруженной силе государства при изъятии ценностей из храмов, так как это неизбежно должно было повести к убийствам и пролитию крови, призывать к которым не может глава христианской Церкви»[2]. ГПУ не пресекало распространения воззвания, надеясь использовать его для последующего разгрома церковной организации, однако меры для подготовки к подавлению сопротивлений были приняты. В этот же день И. С. Уншлихт разослал полномочным представительствам ГПУ в регионах циркуляр об усилении осведомительной работы, подавлении в корне выступлений, приведении в боевую готовность всех сотрудников ГПУ и регулярных армейских частей[3].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 216.
[2] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 69–70.
[3] Высылка вместо расстрела. С. 61–62.

3 марта, в пятницу, Патриарх совершил литургию Преждеосвященных Даров на Троицком подворье.
4 марта, в субботу, там же – литургию.

4 марта епископ Иларион (Троицкий) произнес проповедь в храме преподобного Сергия на Ульяновской улице, которая, по оценке чекистов, «носила явно выраженную тенденцию создать враждебное настроение среди религиозных масс против изъятия ценностей»[1]. А на следующий день митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) опубликовал заявление о том, что он готов отдать церковные ценности. В своем заявлении митрополит Вениамин выразил протест против декрета ВЦИК. Он признавал возможность передачи ценностей при соблюдении трех условий: если все другие средства помощи исчерпаны, если пожертвованные ценности действительно пойдут голодающим, если на пожертвование ценностей будет дано разрешение Святейшего Патриарха. Выразив готовность помочь голодающим и призвав верующих к пожертвованиям, митрополит Вениамин в то же время решительно отверг возможность принудительного изъятия церковных ценностей, как «акт кощунственно-святотатственный». Фактически документ содержит в себе еще одно требование: предоставить возможность представителям церквей непосредственно участвовать в закупке продовольствия для голодающих и доставке его на места.

5 марта, в Неделю торжества Православия, Патриарх совершил литургию в храме Христа Спасителя.

Послание Патриарха от 28 февраля в этот день прочитано в храме Христа Спасителя не было. Протоиерей Виктор Кедров на допросе утверждал, что он убедил Патриарха не делать этого[2]. Однако во многих московских храмах послание было оглашено. Это сделал, например, протоиерей Николай Цветков в Покровском храме на Варварке[3].

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 28.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 187 об.
[3] Там же. Л. 221.

7 марта состоялось второе собрание благочинных на квартире архиепископа Никандра (Феноменова) в Троицком подворье[1]. Об этом событии один из современников писал в 1923 г.: «...в Троицком подворье собралось совещание благочинных г. Москвы для обсуждения патриаршего воззвания. На совещании председательствовал митрополит Никандр. Присутствовал протоиерей Красницкий... Совещание постановило огласить воззвание Патриарха во всех московских приходах»[2].

Согласно показаниям протоиерея Александра Заозерского, архиепископ Никандр зачитал послание Патриарха, которое затем через благочинных рассылалось по храмам[3]. На собрании был принят образец протеста против планируемого изъятия, составленного архиепископом Никандром. Вместе с воззванием Патриарха был разослан образец обращения верующих во ВЦИК[4] для сбора подписей верующих. В нем говорилось: «Не призывая ни к бунту, ни к возмущению, мы зовем всех истинно верующих людей, пользуясь законными путями, указать гражданской власти на всю недопустимость и незаконность постановленной ей меры, глубоко оскорбляющей религиозное чувство миллионов людей, которые по конституции Советского Правительства, кажется, пользуются свободной совестью»[5].

Американские наблюдатели из АРА писали об этом собрании: «Это второе собрание благочинных у архиепископа Никандра состоялось 7 марта. Собранию был уже известен текст постановления и второго послания Патриарха. После обсуждения создавшегося положения было решено отнюдь не оказывать правительству сопротивления силою и не призывать к таковому, а указать общинам легальный путь для выражения волнующих их чувств для отстаивания неприкосновенности священных сосудов – предложить им обратиться к правительству с просьбой об исключении священных сосудов из числа вещей, подлежащих изъятию, или о замене их равным по весу и ценности количеством домашних вещей из тех же драгоценных металлов,

---

[1] Следственное дело... С. 185.

[2] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 258.

[3] Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). Тверь, 2007. Май. С. 97–98.

[4] Следственное дело... С. 115–116.

[5] Там же. С. 116.

добровольно жертвуемых для этой цели членами общин. В этом смысле был составлен примерный образец для петиций. Собранию казалось, что самый факт подачи петиций не составляет никакого преступления, что от замены предметов богослужебного употребления вещами равной ценности дело помощи голодающим ни в малейшей степени не страдает, а потому предложение общин должно быть вполне приемлемым для правительства, что в составлении проекта подобной петиции, имеющей быть предложенной на обсуждение приходских общин, нет ничего преступного, так как на каждом собрании резолюция непременно кем-нибудь предлагается»[1].

8 марта состоялось заседание Священного Синода, который до 22 марта заседал «почти ежедневно»[2]. Обычно в 1922 г. Синод заседал реже, «1–2 раза в неделю, а то и в две недели раз»[3]. Об этом свидетельствовал Д. И. Касьянов, помощник архимандрита Неофита. Он также говорил о том, что ежедневно носил Патриарху документы, касающиеся духовенства, «грамоты священникам, диаконам о том, как нужно жить и вести себя»[4], получал и рассылал резолюции.

8 марта 1922 г. в ГПУ состоялось совещание, определившее тактику антицерковной работы. В протоколе совещания говорилось: «...аппарат духовенства, возглавляемый Тихоном, разворачивает все шире и шире свою работу...»[5]. Это было первое специальное совещание по поводу кампании по изъятию церковных ценностей, созванное в ГПУ. Вел заседание зампред ГПУ И. С. Уншлихт. На совещании присутствовали Г. Д. Базилевич, который был спецпредставителем Л. Д. Троцкого, сотрудник «ликвидационного» отдела НКЮ бывший священник М. Галкин и начальник Московского губотдела ГПУ Ф. Д. Медведь. Озабоченность собравшихся была вызвана активизацией церковных общин в деле защиты церковных святынь[6]. На совещании было решено обмануть население, выдав продовольствие, уже хранившееся на складах, за якобы купленное за церковные ценности:

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 71.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 259.
[3] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 266.
[4] Там же. С. 265.
[5] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 115–116.
[6] Там же. С. 115–117.

«...после первых получений ценностей наладить немедленно... отправку продмаршрутов в голодающие губернии с показанием, что они получены путем реализации ценностей»[1].

9 марта комиссии по изъятию церковных ценностей приступили к работе в тех губерниях, где сопротивления верующих не ожидалось в связи с поддержкой изъятия со стороны архиереев, в частности в Калужской губернии[2]. 10 марта исполком Пензенской губернии сообщил во ВЦИК, что кампания проходит нормально и осложнений нет[3]. Некоторые архиереи, не поддержав изъятие открыто, не стали распространять в своих епархиях воззвание Патриарха от 28 февраля. В большинстве губерний официальное начало изъятия решено было отложить в связи с необходимостью более тщательной агитподготовки.

> 9 марта, в четверг, Патриарх совершил Пассию (чтение Евангелия о страданиях Христовых на повечерии по пятницам в первые четыре недели Великого поста) в храме Воздвижения Креста Господня на Воздвиженке (в бывшем Крестовоздвиженском монастыре).
> 11 марта в храме преподобного Сергия Радонежского на Троицком подворье Патриарх совершил панихиду по митрополиту Крутицкому Евсевию (Никольскому) в связи с сороковым днем кончины.
> 12 марта, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище.

12 марта в московских храмах было зачитано послание Патриарха от 28 февраля[4].

12 марта Л. Д. Троцкий в письме в Политбюро фактически дал установку на раскол Церкви: «Я считаю, что можно и должно допустить представителей „советской части“ духовенства в органы Помгола. Вся стратегия наша в данный момент должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять острый характер, и той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию[,] уже возврата назад к клике патриарха

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 117.
[2] Там же. Кн. 2. С. 32.
[3] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 58. Д. 34. Л. 21–22.
[4] Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Май. С. 96.

Тихона не будет»[1]. Предложение Л. Д. Троцкого было принято Политбюро 13 марта[2].

13 марта, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме Василия Исповедника в Новой Деревне.

В этот же день состоялось заседание Синода. Одно из его решений передал ГПУ архиепископ Серафим (Александров): «Синодом намечается проэкт выделки церковниками свечей»[3].

15 марта в «Известиях» была опубликована беседа с Патриархом Тихоном под заголовком «Церковные ценности для помощи голодающим». В ней Патриарх объяснял позицию Церкви в этом вопросе. Он говорил об обращениях к нему верующих в связи с изъятием: «Ко мне часто обращаются теперь представители отдельных церквей, как московских, так и провинциальных, с сомнениями, какие предметы следует сдавать, не нарушая благолепия службы и не опасаясь, что эти предметы могут служить кощунственным целям»[4]. Патриарх говорил о том – впоследствии это подтвердилось, – что Церковь не обладала большими богатствами: «В церквах нет такого количества драгоценных камней и золота, чтобы при ликвидации их можно было бы получить какие-то чудовищные суммы денег. <...> Боюсь, что около вопроса о церковных ценностях поднято слишком много шума, а на практике намеченная мера не даст ожидаемого результата, при всем благожелательном отношении к делу помощи голодающим со стороны церковных общин.

<...> Если наши храмы имеют в своих ризницах не так много драгоценных предметов, то во всяком случае в них хранится немало предметов, имеющих художественное и историческое значение. Заграничный рынок охотно будет скупать нашу церковную старину. Я по своей жизни в Америке знаю, каким спросом пользуются там предметы старины, особенно русской. Даже простой тульский самовар помещается там в богатых семьях, как антикварная редкость, на особом столе, а церковные сосуды, лампады прошлых веков, конечно, найдут немало охотников.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 10; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 51.
[2] Там же. Л. 13; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 121.
[3] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 56.
[4] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 157.

...Я полагаю, что комиссии надлежит очень внимательно отнестись к ликвидации поступающих в ее распоряжение вещей и приложить все старания, чтобы то, что ценно для нас по своим художественным и историческим данным, осталось в наших общественных собраниях»[1].

Публикация слов Патриарха, которая выглядит вполне достоверно, стала возможной после решения Политбюро об отсрочке изъятия ценностей. Вечером того же дня стало известно о трагических событиях в Шуе.

15 марта 1922 г. в соборный храм г. Шуи после богослужения прибыла комиссия и потребовала сдать для помощи голодающим все украшения из золота, серебра и драгоценных камней. Но прихожане шуйского Воскресенского собора, в основном женщины и дети, собрались у стен храма и не пропустили членов комиссии, чтобы не допустить святотатства. Комиссия вынуждена была уехать, однако вскоре вернулась с отрядом конной милиции. Милиция и конные красноармейцы разгоняли народ нагайками, теснили лошадьми, но люди не расходились. По распоряжению начальника гарнизона была прислана рота 146-го пехотного полка – 40 красноармейцев в полной боевой готовности и два автомобиля с пулеметами. Началась стрельба. Были убиты прихожане храма Николай Малков, девушка Анастасия, Авксентий Калашников и Сергей Мефодиев, тяжело ранены около 15 человек. В городе и окрестностях начались массовые аресты[2].

16 марта Патриарх Тихон отправил письмо Сербскому Патриарху Димитрию с благодарностью за гостеприимство, оказанное им русским архиереям-беженцам. Он писал: «Да вознаградит Вас Господь сторицею за это доброе дело, и да благословит Он Ваши дни на патриаршем престоле...»[3].

18 марта, в субботу, Патриарх совершил вынос Креста на Троицком подворье.

19 марта, в воскресенье, там же – литургию. Пассию – в храме Святой Троицы в Троицком переулке.

---

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 158.

[2] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 64–65.

[3] Цит. по: http://www.katehizis.ru/istoriya-rossii/letopis-tserkovnich-sobitiy-1922-god.

20 марта 1922 г. Патриарх в письме митрополиту Евлогию (Георгиевскому) выразил сомнение в том, что ценности пойдут на помощь голодающим: «Больной вопрос у нас о церковных ценностях, которые хотят власти насильно передать в пользу голодающих, – мало веры сему!»[1]. В письме он сообщал, что ранее направил митрополиту Евлогию письма: «...бумаги были отправлены через архим[андрита] Тихона (Шарапова) Вам из Ковно»[2].

До своей изоляции в мае 1922 г. Патриарх регулярно писал митрополитам Антонию (Храповицкому) и Евлогию (Георгиевскому), пользуясь иностранными миссиями в России. Согласно собственному признанию Патриарха Тихона, использовались зарубежные миссии – Латвийская, Эстонская, Финляндская, Польская и Чехословацкая[3]. Об этом же говорил на следствии архимандрит Неофит: «...поступали пакеты от миссий: Эстонской, Латвийской, Финляндской и однажды от Чехо-Словацкой – причем от последней пакет приносила какая-то женщина. Что касается сношения Патриарха Тихона с Евлогием, Антонием и др[угими] священнослужителями, находящимися за границей, то, по моему мнению, связь у него существует через иностранные миссии...»[4]. П. В. Гурьев 6 марта 1923 г. уточнял на допросе: «Через Польскую миссию посылались пакеты митрополиту Варшавскому Георгию, чрез Эстонскую – архиепископу Ревельскому Александру, чрез Латвийскую – архиепископу Рижскому Иоанну и чрез Финляндскую – архиепископу Рижскому Серафиму*11. Пакеты носила служащая канцелярии Высшего Церковного Управления МАХЛЯР. Пакеты принимались в миссиях бесплатно. Иногда в пакеты влагались собственноручные письма Патриарха Тихона»[5].

20 марта на квартире католического священника Абрикосова состоялось «тайное заседание». Постоянными участниками таких собраний были: протоиерей Анатолий Орлов, протоиерей

---

[1] Переписка Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, и митрополита Евлогия (Георгиевского), 1921–1922 / Публ., коммент., предисл. Н. Ю. Лазарева // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 111.

[2] Там же. С. 109.

[3] Следственное дело... С. 160.

[4] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 272.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 238.

Иоанн Арсеньев, священник Равинский, священник Некрасов, протоиерей Сахаров, Н. Д. Кузнецов, экзарх католических церквей в России униат Леонид Федоров[1]. На этом заседании был заслушан доклад Д. В. Кузьмина-Караваева «О необходимости единоначалия в церкви»[2]. Очевидно, к тому времени со стороны членов Синода и ВЦС на Патриарха оказывалось давление с целью пойти на уступки власти.

§ 6. Аресты среди церковного административного аппарата (22–23 марта 1922 г.)

В марте 1922 г. ГПУ активно готовило раскол в Церкви. 14 марта Секретный отдел ГПУ начал работу по сосредоточению в Москве будущих обновленцев для создания видимости оппозиции Патриаршей Церкви. В местные отделы ГПУ Ярославля, Твери, Владимира, Иваново-Вознесенска, Тулы, Орла, Новгорода начальник Секретного отдела ГПУ Т. П. Самсонов разослал телеграммы, в которых говорилось: «...ПРЕДЛОЖИТЕ ОСВЕДОМИТЕЛЯМ-ЦЕРКОВНИКАМ[,] ПРОВАЛЕННЫМ[,] НЕПРИГОДНЫМ ДЛЯ РАБОТЫ НА МЕСТАХ[,] ВЫЕХАТЬ В МОСКВУ ДЛЯ ВРЕМЕННОЙ АГИТАЦИОННОЙ РАБОТЫ[,] С ТЕМ ЧТОБЫ 20 МАРТА БЫТЬ ЗДЕСЬ»[3]. Сохранилась шифротелеграмма Самсонова, направленная 20 марта 1922 г. в нижегородский отдел ГПУ, с требованием немедленного приезда в Москву архиепископа Евдокима (Мещерского)[4].

Планы ГПУ и главного идейного организатора раскола Л. Д. Троцкого расходились. Последний предложил отложить арест членов Синода до момента, когда будет подготовлен раскол из числа рядового духовенства. 20 марта 1922 г. появилось новое письмо Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б). Он писал: «...внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении

---

[1] «Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих, конец 1921 – начало 1923 г.: Документы / Под ред. А. Н. Артизова, В. С. Христофорова. М., 2008. С. 104.

[2] Там же.

[3] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 521; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 60.

[4] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 524.

решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия.

...В нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных „князей церкви“»[1]. Установки Л. Д. Троцкого легли в основу шифротелеграммы, разосланной 22 марта из ЦК РКП(б) всем местным партийным губкомам РКП(б)[2]. 22 марта 1922 г. Политбюро по предложению Л. Д. Троцкого решило, не отвергая этих жестких мер, отсрочить арест членов Синода на 10–15 дней[3].

Политбюро предпочло мнению Троцкого мнение ВЧК. 21 марта в Политбюро ЦК РКП(б) была подана написанная днем ранее докладная записка ГПУ «О деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церквей». В документе был обозначен круг представителей церковного руководства, которые «ведут определенную контрреволюционную и ничем не прикрытую работу против изъятия церковных ценностей»[4]. Помимо Патриарха Тихона в записке упоминались священники Илия Громогласов и Александр Хотовицкий, митрополит Никандр (Феноменов), архиепископ Серафим (Чичагов), а также профессор П. Д. Лапин[5]. По данным ГПУ, их работа выражалась в «личном инструктировании приезжающих с мест известных им церковников против изъятия церковных ценностей», а также в «посылке на места деректив с призывами воспрепятствовать сбору церковных ценностей»[6]. Чекисты настаивали на их немедленном аресте: «ГПУ находит: 1) что арест синода и патриарха сейчас своевременно, 2) что допущение духовного собора на предмет избрания нового синода и патриарха сейчас также возможно, и 3) что всех попов и церковников[,] резко выступающих против изъятия ценностей из церквей[,] необходимо выслать в самые голодные районы голодающего Поволжья, где

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 134.

[2] *Баделин В. И.* Золото Церкви: Исторические очерки. Иваново, 1995. С. 199–200.

[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 151–152.

[4] Там же. С. 149.

[5] Там же.

[6] Там же.

их афишировать перед местным голодным населением, как врагов народа»[1]. В основу документа легли предложения А. Ф. Рутковского, направленные Т. П. Самсонову как докладная записка «О деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церкви»[2].

У ГПУ имелось достаточно возможностей использовать архиереев для проведения нужных решений в новом составе Синода. 20 марта в Политбюро ЦК РКП(б) была направлена докладная записка из ГПУ за подписями И. С. Уншлихта и Т. П. Самсонова. В ней говорилось: «ГПУ располагает сведениями, что некоторые местные архиереи стоят в оппозиции реакционной группе синода и, что они в силу канонических правил и др[угих] причин не могут резко выступать против своих верхов, поэтому они полагают, что с арестом членов Синода им представляется возможным устроить церковный собор, на котором они могут избрать на патриарший престол и в синод, лиц настроенных более лойяльно к Советской Власти»[3].

22 марта в ГПУ были получены сведения о последнем заседании Синода. В информации, поступившей в ГПУ с Троицкого подворья, сообщалось: «Синод заседает в продолжение двух недель почти ежедневно, главные инициаторы – митрополит НИКАНДР, ГРОМОГЛАСОВ и ХОТОВИЦКИЙ, принято постановление о том, чтобы духовенство при отстаивании церковных ценностей не брало на себя открытой руководящей роли, на церковные собрания духовенству являться не стоит, необходимо подготовить для этой цели (отстаивание ценностей), церковных старост, таким же способом объявить верующим, что декрет ВЦИК от 26 февраля является обманом и не преследует тех целей, о которых говорят, собирается информация, подтверждающая якобы справедливость толкования попов, второе мероприятие, наблюдение за викариями и епархиальными архиереями, чтобы они не входили в соглашение с правительством и тем самым не вносили разложения в правящую церковь в своих личных целях, третье провести щедрые пасхальные награды*[12] среди церковников»[4].

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 150.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 77а.
[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 149–150.
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 259.

Однако после того, как была получена информация об определениях Синода, было решено провести аресты в тот же день. Очевидно, это было согласовано с членами Политбюро по телефону. В ночь с 22 на 23 марта ГПУ произвело аресты среди близких к Патриарху представителей духовенства.

Митрополиту Никандру (Феноменову) вменялась в вину «организация нелегальных собраний духовенства, агитация и призывы на этих собраниях к будированию масс с целью выступления против власти. Руководство общей церковной политикой...»[1], а также: невыполнение поставленного ему при досрочном освобождении условия об отбытии в Астрахань; невыполнение обязательств, данных им в подписке о досрочном освобождении; участие в хищении драгоценностей и церковного имущества, эвакуированного из Польши[2].

Епископ Иларион (Троицкий) обвинялся «в организации диспутов на религиозные темы с целью дискредитировать Совласть. Намечен Тихоном и Синодом на место Феноменова в случае задержания последняго. Арест необходим с целью водворения по месту назначения в уездный город Верею. Троицкий является викарным епископом Верейского викариатства»[3].

В разделе «мотивы обвинения» в отношении Я. А. Полозова говорилось: «Обвинительных материалов нет. Необходимо временное задержание (тактическое) в целях воздействия на Тихона»[4]. Как и ожидали власти, арест келейника произвел болезненное впечатление на Патриарха. Вот что говорил об этом сам Патриарх 24–25 марта согласно сводке наблюдения, составленной в ГПУ[5]. В доносе в ГПУ (в мае 1922 г.) неизвестный обновленец писал о келейнике Патриарха Якове Полозове и о его супруге: «Особая связь ПОЛОВЦЕВА, его жены, кн. ПОЛОВЦЕВОЙ[,] устанавливается по отношению к мирянским организациям Храма Христа Спасителя. При ознакомлении с хозяйством Собора выяснилось, что староста Собора купец ГОЛОВКИН противодействует вступлению в отправление своих настоятельских обязанностей КРАСНИЦКОМУ, отказывается его признавать, от-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 260.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 242.

казывается предоставить ему отчет. Между тем, получены сведения, что... ГОЛОВКИН доставляет ПОЛОВЦЕВУ муку в Бутырскую тюрьму и доставляет ее пудами... Тот же староста выдает ПОЛОВЦЕВОЙ весьма достаточное содержание – и как выясняется совершенно не имеет никаких книг и никакой отчетности»[1]. В этом же доносе говорилось, что «ЯКОВ ПОЛОВЦЕВ был тайным сыном Тихона, он был с ним все время, играл очень важную роль во время его служения в Ярославле»[2]. Патриарх был старше Якова Полозова всего на 14 лет, что говорит об абсурдности этого утверждения. Тем не менее материалы об убийстве Я. А. Полозова в пятом томе следственного дела надписаны так: «Материалы об убийстве келейника Якова Полозова – сына патриарха Тихона».

Арест священника Илии Громогласова последовал в ночь с 22 на 23 марта 1922 г. в 4 часа утра в доме на Волхонке. «Мотивы обвинения» указывались следующие: «Нелегальныя видоизменения постановлений т[ак] н[азываемого] синода с целью будирования масс к выступлению против власти[,] консультирование заседаний синода по вопросам присоединения к германской ориентации Митрополита Антония Храповицкого, Евлогия, и подпольная работа с призывами к церкви дать бой и активно выступить против власти, призывы к этому масс»[3].

Протопресвитер Николай Любимов не был арестован 22 марта, поскольку страдал параличом ног и не мог передвигаться[4]. По данным ГПУ, на квартире у протопресвитера Любимова проходили совещания с участием архиепископа Никандра, священника И. Громогласова и других. В церковном доме на Воздвиженке, где жил протоиерей Н. Любимов, по данным ОГПУ, «располагалась т[ак] н[азываемая] патриархия[,] канцелярия у гр. Андреева[,] откуда исходят все директивы по линии сопротивления власти»[5]. Таким образом, можно сделать вывод, что Патриарх, зная о нахождении на Троицком подворье осведомителей ГПУ, а также о возможном изъятии документов, благословил организацию тайной патриаршей канцелярии в церковном доме на Воздвиженке.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 234 об.
[2] Там же. Л. 234.
[3] Там же. Л. 260.
[4] Там же.
[5] Там же.

§ 7. Патриарх и попытка властей добиться вхождения архиепископа Евдокима (Мещерского) в состав Священного Синода (24 марта – 4 апреля 1922 г.)

24 марта 1922 г. начал реализовываться план создания нового Синода из нужных властям архиереев. Власти попытались воспользоваться состоянием Патриарха, вызванным арестами его ближайшего окружения, чтобы убедить его составить новый Синод. На этом этапе планировалась не коренная ломка в виде создания обновленческого раскола, а переизбрание Синода из лояльных власти архиереев, которые были вызваны в Москву. Кроме того, как следует из рапорта А. Ф. Рутковского, в Нижнем Новгороде местным уполномоченным по делам духовенства с помощью осведомителей из числа духовенства проводилась работа по организации обновленческой группы вокруг архиепископа Евдокима (Мещерского): «...в Нижнем ведется организационная работа по объединению духовенства этой губернии и соседних вокруг Евдокима, дельнаго и неглупаго оппозиционера Тихону. (Работа проделывается исключительно самим духовенством)»[1]. Рутковский распорядился также, чтобы местный уполномоченный по духовенству в Нижнем Новгороде обеспечил присылку в Москву в готовящийся к выпуску обновленческий журнал статей нижегородского «лойяльного духовенства».

24 марта архиепископ Евдоким (Мещерский), прибывший в Москву по вызову ГПУ, посетил Патриарха, чтобы уговорить его передать полномочия Синоду. Сам он так описывал визит к Патриарху: «24 марта я специально приезжал из Нижнего к патриарху. В 4 $^1/_2$ дня был принят им. Я заявил ему: „Для спасения высшего церковного управления нужно немедленно восстановить Свящ[енный] Синод и Высший Церковный Совет в составе или 24 или 12 членов. Я ручаюсь, что все будет улажено и церковная жизнь пойдет нормально“. Патриарх мне отвечал: „Синода не нужно, так как у нас нет никаких дел, за исключением наградных. Мы пользуемся проезжающими через Москву

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 184.

архиереями". Я так был поражен ответом, что ни слова не возражал патриарху»[1].

Некий осведомитель сообщал о высказываниях Патриарха в этот день*[13]: «Я буду писать т. Калинину, что ПОЛОЗОВУ предъявили вину, хотя он и совершенно не виновен, об этом и за границей будут знать и конференция*[14] этого не одобрит... все-таки я буду хлопотать за Якова Анисимовича...»[2]. Патриарх говорил и о том, что был вынужден издать послание от 28 февраля, так как не имел права единолично решать судьбу всех священных предметов[3]. Он считал неправильным решение властей об изъятии сразу всех ценностей, ведь Церковь была готова отдать самое материально ценное – оклады и украшения икон: «Конечно сперва нужно было взять маленькое, а потом бы видно было, они совершенно не поняли меня, смеются над подвесками, а они и есть самые ценныя, ценнее чем сосуды и чаши, а дальше бы видно было, может быть можно было бы идти и на уступки и еще кое-что добавить»[4].

Патриарх назвал имена и самых злостных его хулителей, авторов статей в печати, вышедших в феврале – марте 1922 г., – бывшего священника М. Галкина и И. А. Шпицберга: «ГАЛКИН и ГОРИЕВ[;] ШПИЦБЕРГ это враг наш»[5].

Говорил Патриарх и о возможной реакции католического духовенства Польши и самого Папы на то, что он отдал бы все ценности государству: «Ведь и Польша не похвалит меня т[ак] к[ак] там возседает папа»[6].

Святейший также просил неизвестного посетителя о помощи в освобождении Якова Полозова: «А ты заходи ко мне почаще, может кого попросиш[ь] за него по старому знакомству и мне добро скажешь, а я буду молиться за тебя»[7]. Предположительно запись сделана со слов архиепископа Евдокима, сотрудничавшего с ГПУ. Архиепископ Евдоким сменил Патриарха в качестве управляющего Северо-Американской епархией после его отъезда

---

[1] *Евдоким (Мещерский), «митрополит».* Соборный разум или единовластие? // Христианин. 1924. Т. 1. № 2/3. С. 3.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 242.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

из США и должен был знать Якова Полозова, который служил Патриарху еще в США. Зная о его знакомстве с большевиками, Патриарх мог просить Евдокима о содействии в освобождении Якова.

Патриарх скорбел об арестованных сослужителях. Его облик 25 марта описал тот же осведомитель: «В покоях Тихона и его приемной тишина и траур. Тихон облекся в старую пал...*[15] рваныя четки, а также в простом подряснике и рясе»[1].

Вероятно, архиепископ Евдоким остался ночевать и утром снова имел беседу со Святейшим: «При встрече Тихон заявляет: „Ты все спишь, а у меня всех арестовали, взяли моего Якова Анисимовича, чего им нужно [?] пусть меня берут, а не его, это все мне сюрпризы подносят. Рутковский его арестовал, хотя очень вежливо и тихо обходился с ними и в моем помещении арестовал Никандра“»[2].

Из числа членов ВЦУ на свободе оставались митрополит Серафим (Чичагов) и ставший в 1922 г. архиепископом Серафим (Александров), а также член ВЦС протопресвитер Николай Любимов. В конце марта для участия в работе Синода прибыл митрополит Сергий (Страгородский). Новый келейник Патриарха Илия Ладыгин, заменивший временно Я. Полозова, говорил на допросе, что заседания Синода носили закрытый характер: «Собрания бывают при закрытых дверях...»[3]. То же показал архимандрит Анемподист (Алексеев): «...собрания бывают у П[атриарха] Т[ихона] и синода при закрытых дверях»[4]. Эконом подворья архимандрит Родион (Федоров) сказал следователю: «Тихон в заседаниях Синода и совещаниях не участвует»[5].

26 марта, в воскресенье, Патриарх совершил литургию на Троицком подворье.

27 марта был арестован член ВЦС протопресвитер Николай Любимов[6]. По данным АРА, производились и другие аресты:

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 242.
[2] Там же.
[3] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 261.
[4] Там же. С. 268.
[5] Там же. С. 277.
[6] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. С. 166.

«Еще до первых опытов осуществления постановления об изъятии ценностей, когда ни о каком противодействии правительству не могло быть и речи, в Москве были произведены массовые аресты среди духовенства. Были схвачены и заключены в тюрьму наиболее видные и влиятельные представители клира. В их числе находились архиепископы Никандр и Серафим... епископ Иларион... почти все члены Высшего Церковного Управления и Московского епархиального совета, много выдающихся священников»[1].

28 марта 1922 г. Патриарха Тихона вызвали на первый допрос в ГПУ. Власти добивались осуждения руководства Русской Православной Церкви Заграницей. Такое решение Патриарх Тихон единолично принять не мог. Патриарха спрашивали о заграничной иерархии[2]. Протокол первого допроса, находящийся в следственном деле Патриарха, долгое время не был известен исследователям[3]. Допрос оформлен на бланке ВЧК, фамилия проводившего допрос не указана. Сравнение этого протокола с протоколом допроса епископа Илариона (Троицкого), который проводил А. Ф. Рутковский, и с другими документами, написанными Рутковским, приводит к выводу, что запись допроса безусловно принадлежит ему.

Осуществлявший допрос глава Секретного отдела ГПУ Т. П. Самсонов потребовал от Патриарха Тихона в трехдневный срок «определенного и публичного определения своего отношения к контр-рев[олюционному] заговору[,] во главе коего стоит подчиненная ему Иерархия»[4]. От Патриарха требовали осуждения всех оказавшихся за рубежом архиереев, запрещения их в служении или лишения сана. Кроме того, от него требовалось выразить осуждение «антисоветских актов» Карловацкого собора. Патриарху был установлен трехдневный срок для принятия решения и предъявлены ультимативные требования: «...Госполит[ическое] Управ[ление] предупреждает высшую духовную Иерархию, в лице ея патриарха ТИХОНА (гр. БЕЛЛАВИНА), что не принятие ею немедленных мер, находящихся в ея распоряжении средствами, прекращению незаконного противо-

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 72.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 264–265; Следственное дело... С. 119–120.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 264–265.
[4] Там же. Т. 6. Л. 20; Следственное дело... С. 119.

действия, со стороны подчиненного духовенства, декрету ВЦИК, со стороны церковной Иерархии, опирающегося на дериктивы даваемые именно этой Иерархией (см. воз[з]вание патриарха от 15/28 II – 22 г.) в своих воз[з]ваниях и т. п. повлечет самые решительные меры со стороны Государствен[ного] Политуправления и Суд[ебных] органов Республики...»[1].

Пока допрашивали Патриарха, председатель ЦК Помгола М. И. Калинин встретился с заштатным епископом Антонином (Грановским) «с целью привлечения его к работе в ЦК помгол в связи с изъятием церковных ценностей на нужды голодающих». Именно так о встрече Калинина и епископа Антонина 29 марта 1922 г. в заметке «Привлечение еп[ископа] Антонина к работе в ЦК помгол» рассказала своим читателям газета «Известия ВЦИК».

> 29 марта, в среду, Патриарх совершил всенощную в храме Покрова в Кудрине.

В этот же день «Известия» опубликовали обращение к верующим 12 священников, в том числе А. Введенского, В. Красницкого, А. Боярского, в котором они резко критиковали Патриарха Тихона за послание от 28 февраля 1922 г.

30 марта состоялось секретное совещание ЦК РКП(б), которое определило стратегию действий властей в отношении Церкви. Документы этого совещания до сих пор секретны; во всяком случае, тщательный их поиск, проведенный недавно И. А. Курляндским, результатов не дал[2]. Л. Д. Троцкий написал документ, определивший тактику действий властных органов в отношении Церкви, – письмо с заголовком «В Политбюро», состоящее из 11 пунктов. В первой части тезисно излагалось предстоящее в день написания письма выступление Л. Д. Троцкого на совещании делегатов XI съезда РКП(б). Вторая часть письма состояла из шести кратких пунктов – выводов из этого выступления. Среди прочего он требовал: «Расправиться с черносотенными попами. Побудить определиться и открыто

---

[1] Следственное дело... С. 118.

[2] *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия: (Религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 117.

выступить сменовеховских попов. Взять их на учет. Неофициально поддерживать»[1].

31 марта в 3 часа дня Патриарх был вызван на допрос повесткой, однако на ее обороте Патриарх написал, что прибыть не сможет из-за того, что у него вечером назначено богослужение. В ответ на это Патриарху была направлена новая повестка, где указывалось, что допрос переносится на 13 часов того же дня[2]. Протокол этого допроса не сохранился, лишь в письме Патриарха в ГПУ от 5 апреля 1922 г. сказано: «...я в разъяснении написанного мною от 31 марта с. г., сим заявляю...»[3]. Следовательно, 31 марта Патриарх давал письменные показания. Видимо, это было сделано в ответ на требование, прозвучавшее на допросе 28 марта: в трехдневный срок определить свое отношение к карловацкой иерархии и изъятию церковных ценностей. В архиве ФСБ имеется письмо Патриарха Тихона в ГПУ по вопросу об изъятии церковных ценностей и по другим вопросам, не приобщенное к следственному делу Патриарха и поэтому недоступное исследователям[4].

С допроса, который, как указано выше, начался около 13 часов, Патриарх поехал совершать утреню и акафист накануне Субботы Акафиста (Похвалы Пресвятой Богородицы) в храме Троицы у Покровских ворот («на Грязех»).

В Москве началась операция по изъятию церковных ценностей, сопровождавшаяся активными протестами православных жителей столицы. В первый же день были произведены аресты 27 священников и мирян.

2 апреля, в воскресенье, в Неделю 5-ю Великого поста, Патриарх совершил литургию в храме Вознесения Господня у Никитских ворот («Большое Вознесение»).

3 апреля комиссия по изъятию церковных ценностей явилась на Троицкое подворье. Были ограблены церкви Святой Троицы на подворье лавры и Патриарший храм преподобного Сергия в митрополичьих палатах. Из личного Патриаршего храма,

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 164.
[2] Следственное дело... С. 122.
[3] Там же.
[4] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 74–75.

который обозначен в сводке как церковь «высш[его] Церк[овного] сов[ета] (Патриарш[ая])», было вынесено «ценностей»: «3 [пуда] 17 [фунтов] 38 [золотников], 16 бриллиантов, 35 жемчуж[ин], 3 коралла, и жемчужн[ая] риза»[1]. Прямо в покоях Патриарха был арестован иеромонах Макарий (Телегин), позже расстрелянный[2]. В сводке по изъятию его арест описан следующим образом: «Инцидентов никаких не наблюдалось, если не считать трагикомичного ареста попа жалобщика – отца Макария из Даниловского монастыря, который прибежал к патриарху Тихону в покои с воплем – „грабители все взяли“ и наткнулся на работающую в покоях патриарха комиссию, которая без долгих разговоров передала отца органам ГПУ»[3]. Сам иеромонах Макарий на следствии говорил, что возмутился против того, что члены комиссии по изъятию, снимая ценные украшения с горнего места, опирались на престол ногами[4].

С протестом против изъятия ценностей выступил на Троицком подворье архимандрит Анемподист (Алексеев): «Кто бывал в приемной Патриарха Тихона, в Троицком подворье на Самотеке, отлично помнят огромного, тучного, размашистого и быстрого в походке патриаршего эконома отца архимандрита Анемподиста, который при изъятии ценностей церкви этого подворья, облачившись, заявил свой протест комиссии, а потом разоблачился и вышел из храма. Такой земной и плотяный по виду монах совсем не казался героем духа и нравственной силы. Однако Патриарх знал своего эконома, этого простого, малообразованного человека»[5]. Архимандрит был арестован и проходил по процессу 54 московских священников и мирян. «Когда из суда приходили и сообщили о его поведении, Патриарх с улыбкой говорил: „Ну, мой Анемподист не сдастся, на него я надеюсь“»[6]. В этот день также был арестован настоятель храма Христа Спасителя протоиерей Иоанн Арсеньев*[16] и ключарь храма протоиерей Александр Хотовицкий, близкий к Патриарху по служению в США. Соратником Патриарха был и другой арестованный

---

[1] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 240.
[2] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 49.
[3] Там же.
[4] Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Май. С. 101.
[5] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 298–299.
[6] Там же. С. 299.

в этот день ризничий храма – протоиерей Илия Зотиков. На последних двух клириков 26 мая 1922 г. в ГПУ была составлена специальная справка[1].

Пока грабили ценности Троицкого подворья, Патриарх распределял денежные пожертвования, поступившие по линии АРА в марте 1922 г. Он сделал запись, касающуюся поступивших 360 долларов: «Прошу послать в Одессу Архиепископу Феодосию, Управляющему Херсонской епархии, для раздачи голодающему духовенству Херсонской епархии»; 50 долларов он распорядился выделить храму Христа Спасителя, 200 долларов – отправить в Ростовскую епархию епископу Арсению (Смоленцу)[2]. Патриарх раздавал все приходившие ему посылки и деньги, хотя сам нуждался. На одном из совещаний на Троицком подворье в марте 1922 г. обсуждалось плохое материальное обеспечение Патриарха Тихона: «У архиеп[ископа] Никандра Серафим Тверской, Еп[ископ] Иларион, прот[оиерей] Станиславский, и архимандрит Неофит, какой делал доклад, указывая на скудное материальное положение Тихона[,] и призывал всех к оказанию помощи»[3].

4 апреля Патриарх направил председателю Центральной комиссии помощи голодающим при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете М. И. Калинину послание к духовенству и верующим с сопроводительной запиской: «...препровождаю к Вам текст послания, с коим я предлагаю обратиться к верным чадам Российской Церкви по поводу бывших эксцессов при отобрании ценностей в церквах»[4]. В послании Патриарх писал: «...посему горестью исполнилось сердце наше, когда до слуха нашего достигли вести о побоищах и кровопролитии, бывших в иных местах при отобрании церковных вещей. Верующие имеют законное право заявлять и требовать от властей, чтобы при этом не было никакого оскорбления, тем более поругания религиозного их чувства, чтобы сосуды, как священные предметы при святом причащении, не могущие, по канонам, иметь употребления не священного, подлежат выкупу и замене их равноценными материалами, чтобы к наблюдению за правильностью

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 132.

[2] *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 518.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 297.

[4] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 159.

расходования церковных ценностей именно на помощь голодающим привлекались представители от самих верующих. И тогда, при соблюдении всего этого, не будет места какому-нибудь от верующих гневу, вражде и злобе, ибо не ко мщению и возмущению мы зовем их, а к любви Христовой»[1].

Послание было следствием давления на Патриарха. Власти хотели получить от Святейшего текст, который перечеркивал бы послание от 28 февраля 1922 г. Еще 26 марта в письме в Политбюро Троцкий негативно оценил первый этап изъятия: «...совершенно ясно, что во многих местах изъятие ценностей происходит фиктивно, т. е. изымают ничтожную часть ценностей... <...> Во всех тех местах, где одно поверхностное изъятие произведено, нужно требовать второго изъятия полного и решительного»[2]. Выкладки Троцкого были полностью поддержаны Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ) 29 марта[3], а 30 марта легли в основу циркуляра Президиума ВЦИК и ЦК местным КИЦЦ[4]. В телеграмме за подписью председателя ВЦИК Калинина и секретаря ЦК РКП(б) Молотова сообщалось: «Неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов. Где произведено неполное изъятие, немедленно нужно произвести дополнительное, согласно декрета и инструкции. Ходатайства об оставлении части ценностей не приостанавливают изъятия и с заключением комиссии направляются в ЦК помгол ВЦИК»[5]. От Патриарха требовался призыв к сдаче всех храмовых ценностей. Одновременно против него была развернута широкая пропагандистская кампания. Газета «Правда» опубликовала статью «Агитпром патриарха Тихона» об отношении разных слоев населения к принудительному изъятию церковных ценностей. В подзаголовке приведено краткое содержание статьи: «Духовенство раскалывается. Патриарх Тихон ищет опору у темных богомолок. Он открыл кампанию, но неудачно. Карты раскрыты. Игре будет положен конец»[6].

---

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 160.
[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 160.
[3] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 34.
[4] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 166.
[5] *Баделин В. И.* Золото Церкви. С. 217–218.
[6] Цит. по: *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 2009. С. 345.

§ 8. Деятельность и акты Патриарха и Синода в условиях жесткого давления (5 апреля – 3 мая 1922 г.)

5 апреля у Патриарха побывал приехавший ранее из Нижнего Новгорода митрополит Сергий (Страгородский). Его приезд в Москву из Нижнего, где он находился под подпиской о невыезде, в момент, когда власти собирали в Москве духовенство, которое можно было бы использовать в деле создания нового церковного управления, вряд ли случаен. Не случаен и вопрос, заинтересовавший митрополита. Он хотел узнать от служащих ВЦУ о судьбе послания Патриарха по поводу изъятия церковных ценностей, которое он обещал написать во время допроса в ГПУ 31 марта. В следственном деле Патриарха Тихона сохранилось письмо, написанное собственноручно митрополитом Сергием некоему «тов[арищу] Кабушину» (в письме митрополит Сергий извиняется, что не знает имени и отчества этого человека) и отправленное из Москвы. Письмо датировано 6 апреля 1922 г. Митрополит Сергий писал: «Я был у Патриарха. Оказывается[,] послание еще не выпущено, а должно отправлено быть на одобрение к тов[арищу] Калинину. Поэтому ни в Синоде, ни в ВЦ Совете копий нет. Вообще размножить его пока нельзя, и из служащих никто его пока не знает»[1]. Судя по тому, что записка сохранилась в следственном деле Патриарха, Кабушин имел отношение к ГПУ, которое, арестовав архиепископа Серафима (Александрова) 4 апреля, лишилось «своего человека» в Троицком подворье, а информация о том, готовится ли Патриархом послание, была необходима для доклада в партийные органы. Вероятно, возможность выезда из Нижнего в Москву для митрополита Сергия была обусловлена необходимостью осведомлять ГПУ о происходящих на Троицком подворье событиях.

В апреле 1922 г. закончился срок пребывания в Синоде архиереев, вызванных от групп епархий в апреле 1921 г. Необходимо было вызывать новых членов Синода, чем и озаботился выпущенный из заключения митрополит Сергий. Он писал в указанном письме: «Арх[иепископ] Евдоким числится вызванным в Синод и стоит только ему написать сюда, что препятствий к его выезду

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 27.

из Нижнего в Москву больше нет и его будем ждать сюда после Пасхи. Прошу Вас передать ему поклон. Уважающий Вас Митрополит Сергий»[1]. Отсюда видно, что митрополит Сергий, вернувшись к своим обязанностям члена Синода, вошел в курс синодских дел. Вероятнее всего, письмо митрополита Сергия было направлено в Нижний Новгород, где жил архиепископ Евдоким (Мещерский), которому митрополит Сергий передавал поклон.

Таким образом, в состав Синода должен был войти архиепископ Евдоким (Мещерский), начавший к этому времени сотрудничать с властями в деле изъятия церковных ценностей и подготовки обновленческого раскола. Очевидно, под формулировкой «числится вызванным в Синод» подразумевалось, что, согласно существовавшему порядку, выбывших членов Синода должны были замещать в определенном порядке другие правящие архиереи с мест. Протоиерей А. М. Станиславский сообщает его имя в числе архиереев, не захотевших участвовать в работе Синода: «Вовсе не пожелали приехать в Синод: Архиепископ Нижегородский Евдоким, Феофан – Епископ Калужский*[17]...»[2]. Архиепископ Евдоким в Москву не поехал, так как знал, что власти отказались от идеи формирования нового Синода и сделали ставку на смену всего состава ВЦУ.

В ответ на ультиматум властей об осуждении Русской Православной Церкви Заграницей в заявлении, направленном в ГПУ 5 апреля 1922 г., Патриарх осудил лишь послание Собора («послание Карловацкаго Собора о возстановлении династии Романовых, как акт политическаго выступления духовенства...») в Карловцах[3], а не иерархию Русской Православной Церкви Заграницей. Патриарх также писал о том, что не призывал верующих к сопротивлению: «...в своем послании от 15 февраля по вопросу об изъятии церковных ценностей я вовсе не имел в виду призывать верующих к сопротивлению властям; если где оно так понималось, то это неправильно... Так, Митрополит Сергий в своем воззвании от 8/21 (по ст. ст.) марта между прочим пишет: „Поэтому и Патриарх, указав нам в своем послании церковные правила, ограждающие неприкосновенность священных сосудов

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 27.
[2] Там же. Т. 4. Л. 317.
[3] Следственное дело... С. 122.

для житейского употребления, – ни единым словом не призвал нас к какому либо определенному выступлению: ни к протестам, ни еще менее к защите наших святынь насилием. Его послание только предостерегает нас не относиться с легким сердцем к изъятию церковных вещей, когда есть чем их заменить, т. е. когда наши собственные драгоценности остаются при нас"»[1]. Очевидно, письмо написано под влиянием митрополита Сергия, который привез Патриарху свое воззвание.

6 апреля, в четверг, Патриарх совершил всенощную в храме Благовещения в Бережках.

В этот день по поручению Патриарха Тихона в Центральную Комиссию Помгола ВЦИК обратился представитель Патриарха в этой комиссии протоиерей Николай Цветков. Он указал, что Патриарх в феврале – апреле внес на счета Госбанка в помощь голодающим 8 928 645 рублей, а также средства в валюте и драгоценные камни[2].

7 апреля, в пятницу, в праздник Благовещения, Патриарх совершил литургию в храме Богоявления в Елохове.

В Петрограде в этот день по благословению Патриарха состоялась хиротония архимандрита Николая (Ярушевича) во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии с оставлением его в должности наместника Александро-Невской лавры. Хиротонию возглавил митрополит Петроградский Вениамин (Казанский).

8 апреля Патриарх был вызван повесткой на допрос в ГПУ: «Секретный Отдел Государственнаго Политическаго Управления приглашает ВАС прибыть в Управление сегодня 8-го апреля в 12 час[ов] дня для дачи показ[аний] по делам духовенства»[3]. Протокол допроса, датированный этим числом, в следственном деле отсутствует, однако имеется черновая запись допроса и свидетельство о нем самого Патриарха. В деле сохранилась

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 161.
[2] Там же. С. 164.
[3] Следственное дело... С. 124.

сводка Секретного отдела ГПУ за 25–26 апреля 1922 г., в которой неизвестный осведомитель указывал на слова Патриарха, сказанные им 25 апреля: «...меня допрашивали 3 лица: Рутковский все писал, а Самсонов и Красиков объяснялись со мной... много они со мной говорили, но одно я признать не могу, и не боюсь ничего[,] я везде Патриарх Всероссийский, странно[,] зачем я имею с заграничным духовенством сношение[,] я[,] Патриарх Всероссийский: Папа знает все то, что творится на русской земле, а также и знают и другие епископы прочих держав...»[1] (особенности текста сохранены. – *Авт.*). В деле имеется черновой отрывок протокола допроса Патриарха Тихона П. Красиковым и Т. Самсоновым без указания даты допроса[2]. Как справедливо отмечает автор монографии о Патриархе Тихоне Н. А. Кривова, «ценность источника состоит в том, что он несет более откровенную информацию о характере „бесед" в ГПУ, чем отредактированные чекистами протоколы допросов, помогает представить реальные условия, в которые попал Патриарх»[3]. В деле существует запись, сделанная архивистами НКВД, касающаяся листов протокола этого допроса: «Отрывок найден среди разрозненных агентурных материалов»[4]. Запись сделана в 1935 г., когда три дела, в которых хранились материалы в отношении Патриарха Тихона, были объединены в одно, составлены описи и произведена систематизация материалов дела.

То, что протокол действительно писал Рутковский, доказывает сравнение почерка указанного отрывка и написанных Рутковским документов. Допрашивали же Патриарха, как им и указано, Самсонов и Красиков – их фамилии обозначены в тексте протокола. Таким образом, очевидно, что допрос, о котором говорил Патриарх, состоялся 8 апреля 1922 г.

В начале чернового отрывка приведены слова Красикова о необходимости издать «воззван[ие] о том[,] что власть распорядилась национальн[ым] имуществом вполне справедливо». Кроме

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247.

[2] Там же. Т. 2. Л. 44–44 об.; *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. М., 1995. С. 217–219. (Текст опубликован М. И. Вострышевым с некоторыми неточностями.)

[3] *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 131.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 44–44 об.

того, согласно сохранившемуся отрывку на допросе выдвигалось жесткое требование публично осудить и предать суду иерархию Русской Православной Церкви Заграницей. П. А. Красиков потребовал: «Необходимо остановить кровопролитие». «Разве мы проливаем кровь[?]» – ответил Патриарх. На требование отдать все церковные ценности, «за исключен[ием] необходимаго», Патриарх ответил: «Все. Никогда». На разглагольствования Красикова о церковных канонах Патриарх перешел в контрнаступление: «Почему вы запрещали создание церковн[ых] комитетов помгола?» Тогда Красиков достал «козырную карту» – эмигрантскую газету, где были опубликованы антисоветские призывы иерархов Русской Православной Церкви Заграницей. «Вы должны категорически отмежеваться от реакцион[ного] духовенства», – потребовали от Святейшего. «Принципиально мы никогда не сойдемся», – сказал Патриарх, добавив, что по канонам для суда над архиереем необходимо собрать 12 епископов. Красиков не только потребовал осуждения «духовенства ведущаго к[онтр]-р[еволюционную] и антисоветскую работу», но и запрета их в служении: «...и принять административные] мер[ы]»[1].

Т. П. Самсонова особенно волновала «антисемитская агитация». Он требовал «принять меры к прекращ[ению] этой агитации». Патриарх поначалу отказался это делать: «Я не вижу никакого повода к этому[,] я уже осуждал и повторять отказываюсь»[2].

Как видно из слов Патриарха, приведенных выше, допрос был длительный. Об этом же говорит и цифра «5», указанная в углу листа протокола и, очевидно, означающая, что данный лист является пятым.

Эта «беседа» с Патриархом в ГПУ имела характер допроса, однако не являлась допросом в полном смысле слова, так как не была официально оформлена. К сожалению, до нас дошел лишь отдельный лист записи этой «беседы» и мы не можем в полной мере судить обо всех ее перипетиях. То, что «беседу» с Патриархом проводили высокопоставленные лица – замнаркома юстиции Красиков и начальник Секретного отдела ГПУ Самсонов, говорит о том, что это был не обычный допрос, необходимый для получения сведений от обвиняемого для приобщения к делу.

---

[1] Все цитаты этого абзаца приведены по: Следственное дело... С. 128.

[2] Следственное дело... С. 129.

Целью «беседы» была попытка «сломать» Патриарха Тихона, заставить его беспрекословно подчиняться требованиям ГПУ.

Уже первые допросы Патриарха Тихона, происходившие 28, 31 марта и 8 апреля 1922 г., показывают, что в вопросе компромисса с властями он придерживался четких принципов, от которых не отступил и впоследствии. Эти принципы заключались в следовании церковным канонам, т. е. принятым на Вселенских и Поместных Соборах нормам внутрицерковной жизни. Моменты, не определенные канонами, относились Патриархом Тихоном к областям, в которых возможен компромисс с властью.

После допроса, вечером 8 апреля, в субботу, приходившуюся на канун праздника Входа Господня в Иерусалим, Патриарх совершил всенощную в храме Христа Спасителя.
9 апреля, в Вербное воскресенье, там же – литургию.

В этот день Патриарх подписал первое свое «вынужденное послание» – «Проект обращения Патриарха Тихона к епархиальным архиереям о недопущении кровопролития при изъятии церковных ценностей»[1]. Текст почти не имеет совпадений с собственноручным патриаршим посланием на эту тему от 4 апреля: «Нам стало известно, что проведение в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей сопровождалось в некоторых случаях весьма нежелательными явлениями. Прихожане, побуждаемые, несомненно, ревностью о храме Божием, но ревностью, неправильно понимаемою, допускали активное противодействие представителям власти, причем иногда это противодействие принимало форму прямого насилия и даже кровопролития. Едва ли нужно напоминать, что все подобные действия, как противныя духу христианскаго учения, и всякое подстрекательство к ним я категорически осуждаю. При этом считаю своевременным предупредить и против таких явлений, когда разные неответственные личности пользуются возбужденным состоянием православной массы и направляют это возбуждение против известной какой-ниб[удь] национальности, напр[имер], евреев. Такие антинационалистические выступления были, между прочим, осуждены и моим посланием, изданным в июле 1919 года.

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 53; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 177–178.

В настоящее же время я приглашаю Епархиальных Архиереев преподать подведомственному им духовенству и пастве архипастырския указания в вышеизложенном духе, всячески предупреждая их против нежелательных выступлений и располагая их к посильной помощи голодающим, – в особенности увещавая к сему тех, чья неумеренная ревность иногда приводит к совершенному отказу выделить что-либо из церковнаго достояния для указанной цели. К тем же, кто и после сего не подчинится руководственным указаниям своего архипастыря, должны быть применяемы меры архипастырского воздействия»[1].

Это первый документ, продиктованный властями. В тексте нет ни одной ссылки на Священное Писание, которых много в послании от 4 апреля, зато указывается на недопустимость антисемитских настроений, чего власти особенно опасались. Очевидно, Патриарх либо подписал готовый текст, составленный кем-то из духовенства, либо внес в текст незначительную правку. Несмотря на то что еще 8 апреля Патриарх отказался принять требования властей, некоторые из них были включены в послание. Вероятно, убедить Патриарха подписать послание могли члены Синода, в частности митрополит Сергий. Говорить о других членах Синода на тот момент можно лишь предположительно. Одним из них мог быть рукоположенный 25 декабря 1921 г. епископ Сергий (Корнеев), викарий Вятской епархии. Возможно, именно о епископе Сергии архимандрит Анемподист (Алексеев) на допросе в ГПУ 7 мая 1922 г. говорил, что к Патриарху приезжал «из Великого Устюга епископ Сергий»[2].

Архимандрит Неофит указывает на частые беседы Патриарха с этим же архиереем, а также с епископом Петром (Полянским): «...в беседах принимали участие архимандрит Анемподист, епископ Сергий, епископ Петр»[3]. Епископ Петр (Полянский) находился в это время в ссылке в Устюге. Вероятно, архимандрит Анемподист имел в виду его, а не епископа Сергия (Корнеева), когда говорил об этом городе.

В состав Синода должен был входить также назначенный управляющим Московской епархией после ареста архиепископа

---

[1] Следственное дело... С. 124–125.
[2] Троицкое Сергиево Подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 269.
[3] Там же. С. 273.

Никандра (Феноменова) епископ Николай (Добронравов). Насельник Троицкого подворья архимандрит Иоанникий (Дмитриев) в мае 1922 г. на следствии говорил: «На патриаршем дворе живем третий год. Состою при управляющем Моск[овской] епархией Николае, до этого состоял келейником у Никандра и Евсевия»[1]. Из числа членов ВЦС на свободе оставался протоиерей А. Станиславский.

9 апреля нужное властям обращение было получено. Секретный отдел ГПУ сделал копии с этого обращения и приступил к их распространению[2]. Одновременно отдел передал в Московский ревтрибунал дела по обвинению московского духовенства в сопротивлении изъятию[3]. Патриарх, подписывая «Обращение», надеялся спасти жизни арестованных священников, однако их участь была предрешена.

10 апреля, в понедельник Страстной седмицы, Патриарх совершил часы и начало мироварения в храме святителя Николая Чудотворца на Ямах.

В тот же день Патриарх под давлением ГПУ сформулировал предложение, адресованное соединенному присутствию Синода и Высшего Церковного Совета: «Предлагаю при сем номера „Нового времени“ от 3 и 4 декабря 1921 года и 1 марта 1922 года. В них напечатаны послания Карловацкого Собора и обращение к мировой Конференции. Акты эти носят характер политический и, как таковые, они противоречат моему посланию от 25 сентября 1919 года. Посему:

1. Я признаю Карловацкий Собор заграничного русского духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых[,] и обращение к Генуэзской Конференции не выражающим официального голоса Русской Православной Церкви;

2. В виду того, что заграничное Русское Церковное Управление увлекается в область политического выступления, – а с другой стороны заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии Преосвященного Митро-

[1] Троицкое Сергиево Подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 278.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 91–92.
[3] Там же. Л. 89–90.

полита Евлогия, Высшее Церковное Управление за-границей упразднить;

3. Священному Синоду иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц за-границей за их политические от имени Церкви выступления»[1].

Заседание ВЦУ по этим предложениям состоялось только 5 мая 1922 г.

В тот же день, 10 апреля, Патриарх сообщил об этом своем предложении в ГПУ. 11 апреля 1922 г. Рутковский доложил о проделанной работе Уншлихту[2]. Он указал на написанное по требованию ГПУ Патриархом обращение к епархиальным архиереям о недопустимости противодействия изъятию церковных ценностей[3]: «Во исполнение Ваших распоряжений докладываю: Беллавин Василий Иванович (Тихон) воззвание от себя составил и послал на санкцию т. Калинину. Копия воззвания Вам представлена. Кроме того им предпринят совместно с синодом ряд мер к реабилитации высш[их] иерархическ[их] кругов, о чем им сообщено ГПУ 10 сего апреля»[4]. Однако само предложение Патриарха еще не являлось решением вопроса о заграничной иерархии: нужно было, чтобы определение по этому вопросу приняло ВЦУ. Власти стремились добиться от Патриарха и ВЦУ принятия этого акта до того, как на смену последним придут обновленцы.

После того как власти добились от Патриарха утверждения нужных актов, ГПУ приступило к организации его смещения с Патриаршего престола. В этот день была подписана циркулярная шифрограмма «всем Губотделам ГПУ», разосланная 13 апреля 1922 г.: «...лояльному духовенству тактичным образом дать задание вести усиленную кампанию против Тихона и Синода, созыва нового собора для перевыборов патриарха. ...Кампанию против Тихона и Синода вести путем печати [и] усиленной агитации. ...Преследовать духовенство реакционное[,] мешающее

---

[1] ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 4. Л. 5. Цит. по: *Попов А. В.* Российское православное зарубежье: История и источники: С приложением систематической библиографии: (Материалы по истории русской политической эмиграции. Вып. 10). М., 2005. С. 243.

[2] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 184–185.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 53; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 177–178.

[4] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 184.

развернуться попам лояльно... Зам[еститель] пред[седателя] ГПУ Уншлихт. Нач[альник] СО ГПУ Самсонов»[1].

> 11 апреля, во вторник Страстной седмицы, Патриарх совершил часы и чтение Евангелия на Троицком подворье, а на следущий день там же – часы и литургию Преждеосвященных Даров.

Утром стало известно об аресте секретаря патриаршей канцелярии П. В. Гурьева, который был произведен в ночь на 11 апреля[2] по обвинению в распространении послания от 28 февраля. Сам Гурьев считал себя невиновным: «...я являюсь лицом второстепенным, так как хотя я и состоял в должности управляющего Канцеляриею Высшего Церковнаго Управления, но не имел в сем Управлении права голоса и был лишь простым исполнителем его решений, независимо от того, были ли эти решения согласны с моими убеждениями или нет»[3].

> 13 апреля, в Великий четверг, Патриарх совершил литургию и освящение мира в храме святителя Николая Чудотворца на Ямах; вечером – утреню и чтение 12 Евангелий в храме Христа Спасителя.

В этот же день протоиерей Николай Цветков по распоряжению Патриарха внес на счет Госбанка в пользу голодающих 6 606 450 рублей «с выражением воли Патриарха, чтобы от суммы было отправлено голодающему населению Новочеркасской епархии на Дону»[4].

В тот же день постановлением Политбюро ЦК РКП(б) епископ Антонин (Грановский) был утвержден членом ЦК Помгола как представитель «советского» духовенства для «работы по реализации церковных ценностей»[5]. Ранее по инициативе Л. Д. Троцкого он получил приглашение принять участие в работе Государственной центральной комиссии помощи голодающим

---

[1] «Эксцессов... не было»: Изъятие церковных ценностей в Удмуртии (март – май 1922 г.) // http://gasur.narod.ru/cdni/doc/church/doc16-18.htm.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 7; *Никитин Д. Н.* Гурьев Петр Викторович // ПЭ. М., 2006. Т. 13. С. 493–494.

[3] Следственное дело... С. 247.

[4] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 167.

[5] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 189.

(Помгол) в качестве «лояльного епископа» с целью спровоцировать «раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей»[1].

> 14 апреля, в Великую пятницу, Патриарх совершил вынос плащаницы в храме Христа Спасителя, а также чин погребения плащаницы на Троицком подворье.
> 15 апреля, в Великую субботу, – литургию на Троицком подворье.
> 16 апреля, в воскресенье, на Пасху, Патриарх совершил Пасхальную утреню и литургию в храме Христа Спасителя; вечерню – там же.

К Пасхе Патриарх получил множество посылок от АРА, которые отправлялись в голодающие епархии[2]. Это было поставлено в вину Патриарху: «„Нам не пришлют“, – рассуждали по этому поводу чекисты»[3]. В день Пасхи был арестован епископ Алексий (Симанский). Перед арестом его посетил протоиерей Александр Введенский: «Прот[оиерей] Введенский был у меня и долго сидел. В последний раз в самый день моего ареста (16 апреля). Много говорил о предстоящем Соборе и т. д. Теперь, смотря на разворачивающиеся события, я вижу, что многое из того, на что он так или иначе намекал, исполняется. Очевидно, все было уже обдумано и подготовлено. Я его тогда убеждал больше всего бояться разделения и всемерно держаться единения с законной церковной властью. Он уверял в своей церковности. Он был тогда накануне поездки в Москву»[4].

> 17 апреля, в Светлый понедельник, Патриарх совершил литургию в храме Воскресения в Гончарах; утреню – на Троицком подворье.
> 18 апреля, в Светлый вторник, Патриарх совершил литургию на Троицком подворье и молебен – в Иверской часовне.

Митрополит Сергий (Страгородский), живший на Валаамском подворье, был арестован 18 апреля 1922 г.[5] на улице в Москве. Его выслали в Нижний Новгород. Весной 1922 г. во Владимире,

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 51.
[2] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 257.
[3] Там же.
[4] ГАРФ. Ф. 550. Д. 222. Л. 39.
[5] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. С. 67.

куда был доставлен митрополит Сергий, началось следствие, связанное с пропажей предметов из ризницы суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Ранее, 12 апреля 1922 г., по делу «о хищении ценностей» были арестованы викарии Владимирской епархии архиепископ Павел (Борисовский), епископ Афанасий (Сахаров)[1] и епископ Василий (Зуммер)[2].

19 апреля, в Светлую среду, Патриарх совершил утреню в храме великомученика Георгия в Яндове на Садовнической улице.

19 апреля ГПУ организовало собрание московских обновленцев во главе с С. Калиновским. Чекисты подробно проинструктировали обновленцев о том, как им действовать против Патриаршей Церкви. Сохранился доклад сотрудника 6-го отделения МГО ГПУ М. М. Шмелева об организованном им, согласно инструкции А. Ф. Рутковского[3], собрании московских обновленцев. Собрание было созвано на квартире С. Калиновского[4].

21 апреля был освобожден под подписку протопресвитер Николай Любимов, член ВЦС[5]. На следующий день был приговорен к ссылке в Архангельск епископ Иларион (Троицкий)[6]. Становилось понятно, что массового процесса над патриаршим окружением не планируется.

22 апреля, в Светлую субботу, Патриарх совершил литургию на Троицком подворье.

По данным рукописной вставки в текст «Богослужебного дневника» Патриарха Тихона, в этот день Патриарх совершил чин отпевания в Покровском храме в Филях находившегося на покое бывшего архиепископа Тобольского Варнавы (Накропина)[7]. Патриарх не побоялся отпеть епископа, с которым имел переписку, хотя тот слыл другом Распутина.

---

[1] *Афанасий (Сахаров), еп.* Этапы и даты моей жизни // Молитва всех вас спасет. М., 2000. С. 19.

[2] *Косик О. В., Марковчин В. В.* Василий (Зуммер) // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 82.

[3] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 185–186.

[4] Там же. С. 192–194.

[5] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. С. 166.

[6] Там же. С. 70.

[7] Богослужебный дневник... С. 101.

23 апреля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме святителя Василия Кесарийского на Тверской.

25 апреля Патриарх находился на Троицком подворье. В деле Патриарха сохранилась сводка о событиях на Троицком подворье 25 и 26 апреля 1922 г.: «25 апреля на приеме у Патриарха Тихона публика отсутствовала совершенно, только есть в небольшом количестве у епископа Николая, принимавшего сведения, кто, где и как себя вел в храме во время изъятия ценностей, и что и где взято»[1].

25 апреля 1922 г. у Патриарха побывал некий человек, который передал ГПУ информацию о некоторых словах, сказанных Святейшим в этот день, и об обстановке на Троицком подворье. Слова Патриарха приведены отрывками, но можно выделить следующие темы.

1. Слова, обращенные к неизвестному лицу: «Давно[,] давно не было у меня, говоря словами, вот какая случилась у меня перемена»; «В разговоре сказал, видишь[,] как хорошо ты сделал, что бросил грязные дела[;] приятно на тебя смотреть[,] и не повторяй[,] держись за православную церковь»[2].

2. Вероятно, этот человек давно не был у Патриарха, и Святейший обращал его внимание на опечатанные комнаты подворья, отсутствие многих из его соратников и наличие сотрудников ГПУ у входа.

3. «Хотя и рекомендуют меня по московским стенам с перстнями...» – имеются в виду карикатуры на Патриарха, изображаемого с драгоценностями, которые он якобы утаивал от голодающих[3].

4. «...Считают меня американским аристократом, – добавляя: – да[,] я привык к ней и люблю ее[,] я с удовольствием бы выехал заграницу[,] если бы они (указывая на власть) снесутся с заграницей властью об охотном приеме меня туда»[4].

Патриарх комментировал тезис советской пропаганды о его связи с США и другими западными странами. Сложно говорить, насколько искренни были слова Патриарха о желании выехать

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

за рубеж; в ситуации, когда ему грозил неправый суд с самым суровым приговором, его слова по-человечески понятны.

5. Патриарх говорил о допросе 8 апреля или о другом допросе в ГПУ: «...меня допрашивали 3 лица: Рутковский все писал, а Самсонов и Красиков объяснялись со мной... я благодарил Красикова за его внимание ко мне[,] что поднимает мой дух в своих статьях»[1].

Как говорилось выше, сохранились только отрывочные записи допроса 8 апреля, и судя по ним, Красиков действительно говорил с Патриархом более других. Еще с 1918 г. он постоянно писал о Патриархе в основном в своем журнале «Революция и церковь», который Патриарх, видимо, просматривал. В статье «Советская политика в религиозном вопросе» П. А. Красиков представлял церковную организацию «как часть старого государственного аппарата классового господства помещиков и капиталистов, как орудие управления и господства эксплуататорских классов над трудящимися классами»[2]. Основные задачи «советской политики в религиозном вопросе» на этом этапе, по мнению П. А. Красикова, состояли в том, чтобы «разбить старую церковную государственную машину» и «уменьшить удельный вес церковников как проводников крепостнических и буржуазных тенденций и влияний на массы»[3].

Один из последовательных защитников Православной Церкви – профессор Н. Д. Кузнецов в письме на имя В. И. Ленина так характеризовал Красикова: «Он человек, полный крайней вражды ко всякой религии, отвергающий всякое ее значение и хорошее влияние на человеческую душу, и потому по своим взглядам очень нетерпимый к религии. Эта нетерпимость, естественно, отражается на деятельности VIII отдела, возбуждающей большое недовольство и даже вражду в верующей части народа»[4].

В 1921 г. П. А. Красиков резко выступил против участия Церкви в помощи голодающим. Так что благодарить Красикова Патриарх мог только с большой долей иронии.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247.

[2] *Красиков П. А.* Советская политика в религиозном вопросе // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 1–2.

[3] Там же.

[4] Цит. по: *Козлов В. Ф.* Монастыри России в первые годы после революции // ЖМП. 1993. № 4. С. 27.

6. «...Много они со мной говорили, но одно я признать не могу, и не боюсь ничего[,] я [–] везде Патриарх Всероссийский, странно[,] зачем я имею с заграничным духовенством сношение[,] я[,] Патриарх Всероссийский: Папа знает все то, что творится на русской земле, а также и знают и другие епископы прочих держав, а ведь Генуя*[18] не особо радует власть. Я тоже получаю сведения»[1].

Патриарх, таким образом, считал, что имеет право знать, что происходит за рубежом, и сообщать о том, что происходит с Церковью в России. Патриарх рассчитывал на помощь западных стран во время гонений на Церковь.

7. «Хотят меня уплотнить, я не прочь, уступлю им помещение»[2].

Уплотнять Патриарха начали еще в 1921 г., заселяя комнаты на Троицком подворье чекистами[3]. Один из них поселился под фамилией Белов. Очевидец этих событий вспоминал: «Слухи о том, что Белов не служащий наркомпрода, а чекист, пошли очень рано; но это подозрение оставалось в области „слухов“ до апреля 1922 г., когда Белов-Кириллов во главе отряда чекистов явился с обыском к Патриарху Тихону. Канцелярия Синода после обыска и реквизиции помещения была стеснена в одну комнату, смежную с квартирой Кириллова-Белова»[4] (подробнее об этом см. гл. 2, § 15). Очевидно, на эти события и прореагировал Патриарх 25 апреля, выразив готовность вообще покинуть Троицкое подворье, настолько невыносимые условия там сложились к этому времени.

8. Патриарх говорил о помещении, которое предлагалось ему властями в качестве резиденции (дом 4 по Воздвиженке, нынешний Новый Арбат; рядом с Народным комиссариатом иностранных дел): «...но пусть другой в Министерстве иностранных дел[,] все здание на углу Воздвиженки[,] рядом Кремль и храм кафедральный*[19] и все для меня под рукой». Это здание и имел в виду голландец профессор П. Гендрикс как дом, где жил митрополит Сергий (Страгородский) в 1931 г.: «Сергий живет теперь где-то

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247.

[2] Там же.

[3] См. об этом: Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 254–256.

[4] Там же. С. 255.

высоко в наемной угрюмой казарме на Воздвиженской улице, в сердце Москвы, на шумном проезжем пути... <...> Я сам был свидетелем, как он, чрез шумные улицы, среди мчащихся трамваев и автобусов, ехал из своей квартиры на Воздвиженке в церковь св. Николы»[1].

9. «...Они серчают на мое второе послание, не надо придавать большого значения... я совершенно ничего не желаю, но одно не допускаю. Священных сосудов, как их кладут в ящик, и топчат (так в тексте. – *Авт.*) ногами для уплотнения...»[2].

10. «Кроме этого неправильный суд[,] не допускают еще защиты и других лиц[,] по билетам собрали своих людей»[3].

Патриарх имел в виду «процесс 54-х». Он начинался на следующий день – 26 апреля. По делу было арестовано и привлечено к суду 20 священников и 34 мирянина, обвинявшихся в подстрекательстве к беспорядкам при изъятии церковных ценностей.

11. Патриарх высказывал озабоченность судьбой келейника Якова Полозова: «Яков попадет в это дело, не знаю, мучает это дело меня, за что его посадили. Вызывали недавно Никиту на допрос, но по болезни его оставили»[4].

Речь идет о Никите Юдине, который ранее служил на Троицком подворье у Патриарха.

12. Патриарх сказал в этот день: «Серафима сегодня арестовали»[5].

Обновленцы особенно опасались митрополита Серафима (Чичагова) «как реакционного элемента и желали бы его изолировать»[6]. 22 апреля А. Ф. Рутковский подготовил заключение на арест митрополита Серафима. 25 апреля митрополит Серафим (Чичагов) был арестован[7].

13. «Путята опять в Москве, приезжал Евдоким, но секретно, я знаю все»[8].

---

[1] Цит. по: *Ранне А., прот.* Святейший Патриарх Сергий (Страгородский) // София. 1998. № 2. С. 10–11.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Цит. по: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. С. 438.

[7] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России. С. 79.

[8] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247–247 об.

Владимир Путята появился в Москве еще в начале апреля, предлагая свои услуги власти. Как будет сказано ниже, Путята приехал в Москву при содействии ОГПУ для создания обновленческой группы духовенства. 16 апреля старый друг Путяты Луначарский предлагал его кандидатуру для включения в Помгол[1].

Обращает на себя внимание одно совпадение: Патриарх говорил о США и о том, что Папа знает о гонениях на верующих в России*[20], в тот самый день, когда Москву покинул находившийся там более месяца специальный посланник Ватикана – американский иезуит Эдмунд Уолш, который работал под эгидой АРА[2]. Авторы монографии об истории католических миссий в СССР отмечают: «23 марта Уолш прибыл в Москву. Отсюда, через британского курьера, он направил сообщения Ледуховскому. Затем, изучив ситуацию, 25 апреля он выехал обратно, и между 4 и 5 мая прибыл в Рим. Святой Престол получил через него картину религиозных преследований в России»[3]. Есть основания предполагать, что Уолш 25 апреля встречался с Патриархом Тихоном. Уолш обсуждал с Папой вопрос о выкупе изъятых у Церкви ценностей и предупредил, что Патриарх вряд ли это потерпит[4]. Такая осведомленность Уолша о позиции Патриарха также могла быть следствием личной встречи с ним. Как пишет исследователь деятельности Католической Церкви в СССР Е. С. Токарева, «Пий XI обратился через Чичерина к советскому правительству с предложением о выкупе церковных ценностей. 14 мая Монс[еньор] Пиццардо в письме к Чичерину сообщал, „что его Святейшество готов купить эти драгоценные и священные предметы, оставляя их на хранение у монсиньора Цепляка“»[5].

По данным ГПУ, весной 1922 г. активизировались собрания на квартире у католического священника В. Абрикосова по вопросу сближения Православной Церкви с католицизмом, на которых присутствовали православные клирики – прото-

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 504.

[2] *Венгер А.* Рим и Москва, 1900–1950 гг. М., 2000. С. 154.

[3] *Ливцов В. А., Филонов В. И., Лепилин А. В.* Взаимоотношения православия и католичества в истории России в контексте идеи единства Церкви. М., 2006. С. 227.

[4] Там же. С. 228.

[5] *Токарева Е. С.* Отношения СССР и Ватикана: От переговоров к разрыву, 1922–1929 гг. М., 1998. С. 12.

иерей И. В. Арсеньев, протоиерей А. Орлов и другие. Так, «в среду 3 мая у Абрикосова происходило собрание по поводу объединения с Римской церковью»[1]. Католическая Церковь в этот период активизировала свою деятельность в России, надеясь, что преследования большевиков позволят склонить православных к унии. Исследователи католического присутствия в СССР отмечают: «Карлу Радеку приписывается заявление, сделанное в ноябре 1922 г.: „Я нахожу, что Ватикан и Советы в настоящее время преследуют аналогичные цели: уничтожение церковной схизмы в России“»[2].

26 апреля осведомитель ОГПУ сообщал также, что в канцелярии ВЦУ делопроизводители Н. В. Нумеров и М. М. Гребинский уничтожали документы[3]. Они ожидали скорых арестов и изъятия документов. Очевидно, понимал приближение репрессий и Патриарх Тихон.

27 апреля Патриарх дал указания о распределении очередной партии помощи от АРА: «Из присланных мне 53 продовольственных посылок прошу одну посылку отправить в Петроград Леониду Алекс. Лескову (Литейный, д. 34), двадцать шесть посылок Архиепископу Иоанну Кубанскому (в г. Краснодаре) и двадцать шесть Епископу Димитрию в Ставрополь Кавказский для раздачи голодающему духовенству. Жертвователям приношу глубокую благодарность»[4].

27 апреля 1922 г. было принято определение Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Тихоном о назначении митрополита Платона (Рождественского) временно управляющим Североамериканской епархией[5]. Это подтвердил сам Патриарх на допросе 21 марта 1925 г.: «Первое назначение Платона Митрополит[ом] Американским мною было проведено в апреле 1922 г.»[6].

В 20-х числах апреля Патриарха в очередной раз посетила делегация из дипмиссии Польши в советской России, о которой

---

[1] Высылка вместо расстрела. С. 70; «Очистим Россию надолго...» С. 104–105.

[2] *Ливцов В. А., Филонов В. И., Лепилин А. В.* Взаимоотношения православия и католичества в истории России в контексте идеи единства Церкви. С. 227.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247 об.

[4] *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 518.

[5] *Григорьев Д. прот., Буевский А. С.* Алеутская и Североамериканская епархия // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 15.

[6] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 451.

говорил на допросе архимандрит Неофит (Осипов): «Я слышал, что Патриарха посещало Польское представительство, которое добивалось полной независимости православной церкви в Польше от Московского Патриарха»[1]. О приходе делегации Польской миссии сообщал также швейцар Семен Сидоров[2]. Архимандрит Анемподист (Алексеев) даже назвал примерную дату приезда делегации: «Насколько я помню, польская миссия в составе двух человек, фамилии не помню. Но есть роспись, приезжали два раза, первая посещала в январе месяце [1922 года], а вторая в последних числах апреля месяца 1922 г.»[3].

Сохранилось свидетельство о словах Патриарха, сказанных в этот день: «Перед Генуэзской конференцией полномочный по польским делам в Москве вновь явился к Патриарху разведать, как последний отнесется к новой затее, все в том же направлении – отторгнуть православное население от Русской Церкви.

– А что, Ваше Святейшество, – спросил полномочный, – что, если собирающиеся в Варшаве епископы объявят автокефалию?

Патриарх встал, оперся руками о стол и сказал:

– А если они осмелятся самочинно объявить автокефалию, то я у них, как сынов противления, отыму и автономию...»[4].

Арест Патриарха позволил проигнорировать его волю. 14 июня 1922 г. митрополит Георгий (Ярошевский) принял решение о переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриархата и об условном учреждении автокефалии, если это решение благословит Московский Патриарх.

30 апреля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Космы и Дамиана «Нового» на Таганке.

3 мая 1922 г. Патриарха посетили представитель Американского отделения YMCA Э. Колтон*[21] и протоиерей Ф. Пашковский. Они свидетельствовали, что «застали его если не под формальным арестом, то в очень стесненном положении, под строгим наблюдением»[5]. Их вопрос касался назначения в США

[1] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 271.
[2] Там же. С. 286.
[3] Там же. С. 269.
[4] Акты... С. 191.
[5] Цит. по: *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого Патриарха. М., 1996. С. 163.

митрополита Платона (Рождественского). Как мы говорили выше, 27 апреля Синод принял решение о его назначении в США. Однако Патриарх Тихон не стал передавать определение для отправки в США, ограничившись рекомендацией совершить назначение заграничному ВЦУ: «Он решил это сделать в форме рекомендации, поскольку это дело было уже в руках Управления, и он не хотел действовать через их голову»[1]. Согласно показаниям священника Ф. Пашковского, «Патриарх Тихон фактически высказался, что он желает этого и назначил Митрополита Платона своим личным представителем в Северной Америке, с уполномочием править над всей Русской Православной Греко-Кафолической Церковью в Северной Америке, как наивысший над находящимися там епископами и архиепископами...»[2].

По воспоминаниям Колтона, Патриарх направил его к о. Павлу Флоренскому в Сергиев Посад. Отец Павел указал Колтону на ряд нуждающихся деятелей культуры и среди них художников: братьев Виктора и Аполлинария Васнецовых и Михаила Нестерова[3].

В письме, написанном на следующий день после встречи с Патриархом, Колтон сообщал: «Патриарх высказал как свое пожелание и рекомендацию, чтобы Высшее Церковное Управление за границей просило митрополита Платона остаться в Америке с полными правами, о которых просят, в частности, поручив Канаду Архиепископу Александру и США – Антонию. Он предпочел сделать все это в форме рекомендации, поскольку дело уже было в руках управления и он не хотел распоряжаться через его голову», а также приводил слова Патриарха о том, что он «немедленно свяжется с Управлением, имеющим главную квартиру на Балканах в надежде, что окончательное решение не задержится надолго»[4]. Таким образом, Патриарх не только не предполагал распускать зарубежное ВЦУ в Карловцах, но и передоверял ему решение вопросов о назначении ар-

---

[1] Цит. по: *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого Патриарха. М., 1996. С. 163.

[2] Следственное дело... С. 711.

[3] *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 528.

[4] Цит. по: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация Церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 71.

хиерея в США, что, возможно, было связано с тем, что по этому вопросу не удалось собрать заседание соединенного присутствия ВЦУ.

§ 9. Привлечение Патриарха Тихона к процессу по делу московского духовенства и допросы на Лубянке (4–5 мая 1922 г.)

3 мая 1922 г. состоялось секретное совещание Президиума ГПУ, на котором было признано нецелесообразным вызывать Патриарха в Московский ревтрибунал в качестве свидетеля по делу московского духовенства, обвиняемого в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Кроме того, было принято следующее решение: «Тихона вызвать и затребовать от него в 24 часа публикации отлучения от церкви, лишения сана и отречения от должности вышеуказанного (заграничного. – *Авт.*) духовенства, а также потребовать от него издания специального послания заграничному православному духовенству и выдачи представителям Соввласти ценностей, находящихся в заграничных церквах. В случае если Тихон откажется от исполнения вышеуказанных требований[,] такового немедленно арестовать, предъявив ему все обвинения совершенных им против Советской власти по совокупности»[1]. В следующем пункте протокола говорилось: «Ввиду предстоящего процесса Тихона развить против него самую бешеную агитацию, как устную, так и [в] печати, в Республиканском масштабе...»[2]. Несмотря на мнение ГПУ, Политбюро 4 мая приняло иное решение: «Немедленно привлечь Тихона к суду», причем приговор священникам был вынесен еще до суда на том же заседании Политбюро таким образом: «Применить к попам высшую меру наказания»[3].

Вечером 4 мая Патриарх был вызван Московским ревтрибуналом в качестве свидетеля на процесс московского духовенства, состоявшийся в здании Политехнического музея. В деле имеется подробный отчет сотрудника ГПУ, который сопровождал

[1] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 127 об.; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 252–253.
[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 253.
[3] Там же. С. 199.

Патриарха на процесс и обратно – на Троицкое подворье[1]. Патриарх выехал на процесс в 20 часов 30 минут 4 мая и был отпущен лишь в 1 час ночи 5 мая. Он, как видно из документа, даже в эти тяжелые для него минуты сохранял бодрость духа, шутил. Сотрудники АРА писали: «Допрос Патриарха продолжался с 11 часов вечера до 1 часа ночи. Когда этот старец вошел в переполненную залу суда, все присутствующие поднялись со своих мест, а когда в середине допроса обвинитель, грубый человек, все время издевавшийся над обвиняемыми, обратился к нему с оскорбительным вопросом, в зале послышались такие шумные протесты, что пришлось объявить перерыв и удалить часть публики»[2]. В результате допроса трибунал принял решение о привлечении Патриарха Тихона и митрополита Никандра (Феноменова) к судебной ответственности[3].

Протопресвитер Михаил Польский в своей книге сообщал, что сразу после допроса в трибунале Патриарх отправился в ГПУ: «Пред своей последней службой на свободе в храме с. Богородского (в Москве же) Патриарх явился из Чека (а не из суда) уже поздно ночью. Своим келейникам, измученным ожиданием, он сказал: „Уж очень строго допрашивали“. – „Что же Вам будет?“ – „Обещали голову срубить“, – ответил Патриарх с неизменным своим благодушием. Литургию он служил, как всегда: ни малейшей нервности или хотя бы напряжения в молитве»[4]. То, что Патриарх ночью 5 мая из зала суда отправился на Лубянку, подтверждается материалами следственного дела. Ночной допрос вел начальник СО ГПУ Т. П. Самсонов в присутствии заместителя председателя ГПУ В. Р. Менжинского, а также главы «ликвидационного» отдела НКЮ П. А. Красикова, затем допрос был продолжен Е. А. Тучковым. Такой состав допрашивающих был вызван стремлением властей во что бы то ни стало заставить Патриарха распустить заграничное ВЦУ. Это был первый и единственный случай участия в допросе Патриарха заместителя главы ОГПУ, чем подчеркивается важность для чекистов «заграничного» церковного вопроса.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 284 об.

[2] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 74.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 15; Следственное дело... С. 153.

[4] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские: Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. Ч. 1. С. 102.

П. А. Красиков потребовал от Патриарха «объявить свою позицию до конца» по отношению к заграничной иерархии[1]. Т. П. Самсонов требовал от святителя «говорить яснее и определеннее» о необходимости осуждения зарубежной иерархии Русской Церкви и о мере наказания зарубежному духовенству[2]. Ответы Патриарха носили уклончивый характер и явно не удовлетворяли допрашивавших. В. Р. Менжинский даже предложил вызвать митрополита Антония (Храповицкого) и митрополита Евлогия (Георгиевского) в Москву для дачи личных объяснений, на что Патриарх ответил: «Разве они поедут сюда[?]»[3].

5 мая 1922 г. на Троицком подворье был произведен обыск и арестованы все его насельники, включая секретаря Патриарха архимандрита Неофита (Осипова), келейника, швейцара, повара и других[4]. В этот день, по свидетельству протоиерея Ф. Пашковского, Троицкое подворье было оцеплено, к Патриарху никого не пускали[5]. Обстановка террора должна была вынудить Патриарха принять нужное властям решение о судьбе заграничного ВЦУ.

Вернувшись на подворье 5 мая, Патриарх Тихон уже имел на руках повестку о вызове в ГПУ на новый допрос к 7 часам вечера «для дачи показаний по делам духовенства»[6].

Днем 5 мая Патриарх созвал срочное заседание соединенного присутствия Священного Синода и ВЦС, на котором было принято вынужденное решение об упразднении заграничного ВЦУ. Монархические определения Карловацкого Собора были признаны актами, «не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви»; Священному Синоду при возможности его полноценного функционирования предлагалось вынести суждение о «церковной ответственности некоторых духовных лиц»[7]. Однако это решение было выработано в такой форме, чтобы не препятствовать созданию нового органа высшего церковного управления Русской Православной Церкви Заграницей. Соответствующий указ подписал «член Священного Синода архиепископ

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 47; Следственное дело... С. 155.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 47; Следственное дело... С. 156.
[3] Следственное дело... С. 156.
[4] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 231.
[5] *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого Патриарха. С. 163.
[6] Следственное дело... С. 154.
[7] Акты... С. 193.

Фаддей Астраханский»[1]. Вероятно, на заседании ВЦУ присутствовали епископ Николай (Добронравов), из членов ВЦС – протопресвитер Николай Любимов. Возможно, что тогда же Патриарх направил письмо митрополиту Гродненскому Михаилу (Ермакову), который с 1921 г. управлял Киевской епархией. В 1927 г. митрополит Михаил так писал об этом послании: «В 1922 году Святейший Патриарх Тихон прислал нам в Киев письмо, осуждающее Митрополита Антония Храповицкого за известный Карловацкий Собор. В письме этом Святейший Патриарх выразил решение, что Митрополиту Антонию „не следует возвращаться в Киев“»[2].

На допросе, начавшемся в 19 часов 5 мая, первый же вопрос Т. П. Самсонова касался отношения к заграничному духовенству, на что Патриарх ответил, что упразднил заграничное ВЦУ, а высшее духовенство должно быть предано суду Священного Синода (из 12 иерархов), который вынесет ту или иную меру наказания[3]. Таким образом Патриарх обусловливал суд над иерархией Русской Православной Церкви Заграницей разрешением на создание полноценного Синода. Т. П. Самсонов выдвинул новое требование, связанное с заграничным церковным имуществом: «...скажите[,] дадите-ли вы дерективу заграничному православному духовенству в том, что все церковное движимое и недвижимое имущество православных церквей, где бы оно ни находилось[,] немедленно будет передано представителям советской власти заграницей согласно декрета о национализации церковнаго имущества?»[4]. Патриарх обусловливал рассмотрение этого вопроса возможностью созыва ВЦУ: «В имущественных вопросах Патриарх издает распоряжения совместно с Высшим Церковным Управлением, при нем состоящим, и я означенному управлению сделаю предложение для приведения оного в исполнение»[5]. Патриарх здесь строго следовал постановлениям Собора 1917–1918 гг.

Тем не менее Самсонов после окончания допроса потребовал от Патриарха единоличного распоряжения, касающегося

---

[1] Акты... С. 194.

[2] Цит. по: Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010. С. 253.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 47; Следственное дело... С. 155.

[4] Следственное дело... С. 155.

[5] Там же.

заграничного церковного имущества, которое советские власти пытались заполучить. В деле имеется копия письма Патриарха, направленного Т. П. Самсонову 6 мая 1922 г., следующего содержания: «Извиняюсь, что я не представил того[,] о чем Вы говорили вчера при моем выходе от Вас. Во[-]первых, я не совсем понимаю, что именно от меня требуется (ответ я вчера дал). Во[-]вторых[,] со вчерашняго вечера пропуск ко мне лиц крайне затруднен... мне при таких обстоятельствах не представляется удобным пригласить Членов Церковного Управления на Совещание, тем более и обещанных копий у меня нет»[1]. Эта записка была доложена Самсонову в перепечатанном виде 8 мая.

В следственном деле Патриарха сохранились отрывки его допроса в ГПУ от 5 мая. Из этого документа становится понятно, что под «обещанными копиями» имеются в виду протоколы собраний заграничной иерархии, которые Патриарх просил предоставить в качестве доказательства антисоветской деятельности зарубежной иерархии в ответ на требование официально осудить деятельность Русской Православной Церкви Заграницей[2]. Извинялся же Патриарх за то, что не представил письменного осуждения РПЦЗ. Также становится ясно, что под совещанием «членов Церковного Управления» Патриарх имел в виду собрание 12 архиереев, которые по канонам необходимы для церковного осуждения архиереев Русской Православной Церкви Заграницей, о чем он заявил 5 мая допрашивавшим его П. А. Красикову и Т. П. Самсонову.

Вечером 5 мая, пока Патриарх давал показания в ГПУ, в Троицком подворье производились аресты, «в его покоях был произведен обыск, причем и у наружной двери, и внутри покоев была поставлена стража. Обыск ничего не дал, а солдаты остались и на ночь в покоях, так как другие члены подворья были арестованы и допрашивались, то Патриарх на ночь остался в буквальном смысле один с красноармейцами. Наутро, 6 мая, жуткую картину наблюдали в покоях Патриарха. Громадные комнаты, обычно оживленные и полные служащих и посетителей, – пусты»[3].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 32; Следственное дело... С. 123. (Дата 6 апреля, поставленная в копии письма, ошибочна, должно быть 6 мая.)

[2] Следственное дело... С. 128.

[3] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 231.

§ 10. Изоляция Патриарха Тихона на Троицком подворье (6–11 мая 1922 г.)

6 мая Патриарх должен был служить литургию в церкви великомученика Георгия на Варварке, но поехать не смог, так как двое суток подвергался почти беспрерывным допросам[1]. Автор записки, хранящейся в Гуверовском институте, писал: «6 мая, через два дня после вызова в суд, Патриарх, уже около двух лет находившийся под домашним арестом, но довольно свободно сносившийся с паствой, был подвергнут строгому заключению в своем жилище и изолирован от всех. <...> В это же время был арестован епископ Николай Звенигородский, которому Патриархом было поручено управление Московской епархией после заключения в тюрьму архиепископа Никандра»[2]. Звонарь Иван Мошков вспоминал: «В мае 1922 года нам предстояло богослужение в Георгиевской церкви на Варварке. Мы долго стояли и ждали Патриарха. Обычно два монаха – отец Вениамин и отец Феофан – привозили облачение и все необходимое для Патриарха, но они также не приезжали. Наконец, приехал Сергий, один из сотрудников Патриарха, и рассказал, что ночью Святейшего арестовали и увезли...»[3].

7 мая Самсонов пишет записку Тучкову: «1) опираясь на опубликованном сегодня в печати постановлении Моск[овского] ревтрибунала, объявить под подписку Тихону о том, что мы предаем его суду[,] и возьмите с него подписку о не выезде из Москвы. 2) 2 раза в неделю вы должны представлять в ЦКа РКП в 2-х экзем[плярах] краткую сводку самых существенных мест показаний обвиняемых лиц по делу Тихона»[4]. Тучков не смог взять подписку с Патриарха в этот день, так как в этот день (это было воскресенье) состоялся последний выезд Патриарха из Троицкого подворья для служения литургии. Патриарх выехал в село Богородское[5]. Точно не известно, в какое именно из сел с таким названием выезжал Патриарх. На сегодняшний день храмы имеются в трех селах Богородское Московской области:

---

[1] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 290.
[2] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 77.
[3] http://www.glinskie.ru/common/mpublic.php?num=991.
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 33; Следственное дело... С. 157.
[5] Богослужебный дневник... С. 102.

в Коломенском, Сергиево-Посадском и Рузском районах[1]. Выезд Патриарха за пределы Москвы вызвал волнение у Т. П. Самсонова. В деле имеется недатированная записка Т. П. Самсонова Е. А. Тучкову: «Немедленно доложите:

1) Взяли ли вы Николая*[22] и др., по указанию Калиновского.

2) Когда выйдет следующий н[оме]р „Жив[ая] Церковь"? Выйти он должен не позже 16-го.

3) К[а]к обстоит дело с охраной Тихона и не сбежит-ли он у нас?

Вызовите Калиновского и скажите ему[,] чтобы он обязательно завтра у меня был в 12 часов дня.

– Закончен-ли вами подбор материала, согласно моего задания[?]*[23].

– Завтра к 6 ч[асам] веч[е]ра у Вас должна быть стенографистка-коммунистка на телефонном расстоянии.

– Доложите следствие по делам прислуги Тихона*[24]»[2].

Эта записка заставила Тучкова доложить Самсонову содержание записки Патриарха от 6 мая, перепечатанной 7 мая согласно проставленной дате, заверенной рукой Тучкова. 8 мая Самсонов пишет распоряжение Тучкову: «Завтра вызвать ко мне на допрос к 20 ч[асам] Тихона. 2) Немедленно сегодня же заявить ему, что он находится под следствием по постановлению Ревтриба и взять с него подписку о невыезде»[3].

8 мая были опечатаны все помещения Троицкого подворья, кроме личной комнаты Патриарха. Об этом было доложено начальнику 6-го отделения А. Ф. Рутковскому: «Задание Ваше исполнено, опечатано в Троицком подворье по 2[-му] Троицкому пер. 6, 9 дверей 9 печатями Актив[ного] Отделен[ия] за № 5»[4]. На бланке есть резолюция за подписью Рутковского: «Т[ов]. Тучкову 9 /V–22 г.».

8 мая завершился процесс над московским духовенством. По делу проходило 54 обвиняемых[5]. Было вынесено 11 смертных приговоров, в списке приговоренных числились протоиереи А. Н. Заозерский, А. Ф. Добролюбов, Х. А. Надеждин, В. П. Вишняков,

---

[1] Московская епархия. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 374.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 34–34 об.; Следственное дело... С. 163.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 32; Следственное дело... С. 123–124.

[4] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 287.

[5] ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3. Д. 102.

А. П. Орлов, С. И. Фрязинов, В. А. Соколов, иеромонах Макарий (Телегин), миряне С. Ф. Тихомиров, М. Н. Роханов и В. И. Брусилова. Приговор был исполнен только в отношении пяти человек: были расстреляны протоиереи Х. А. Надеждин, А. Н. Заозерский, В. А. Соколов, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин С. Ф. Тихомиров. Приговоренные к расстрелу московские священники были использованы чекистами как заложники, чтобы шантажировать Патриарха тем, что все они будут расстреляны.

Московский ревтрибунал вынес постановление: «Привлечь граждан Беллавина и Феноменова, именуемых организацией православной иерархии, первый – патриархом Тихоном, второй – архиепископом Никандром, к судебной ответственности»[1]. В приговоре говорилось, что он «устанавливает незаконность существования организации, называемой православной иерархией»[2]. Так в итоге судебного разбирательства, непосредственно руководимого Политбюро, было вынесено «юридическое определение», ставившее вне закона всю иерархию Русской Православной Церкви – иерархию, без которой Церкви нет.

9 мая 1922 г. в 10 часов вечера, согласно повестке[3], состоялся новый допрос Патриарха, на котором вновь были подняты вопросы, связанные с заграничной иерархией. Патриарх избегал всяческих оценок деятельности митрополита Антония (Храповицкого), заявив, что у него нет фактов борьбы ВЦУ против трудящихся России[4]. На этом допросы Патриарха прекратились до августа 1922 г.

Патриарх подписал написанную рукой Т. П. Самсонова расписку об объявлении ему приговора о привлечении его к ответственности и подписку о невыезде: «Я нижеподписавшийся гр. Белавин даю настоящую подписку Секр[етному] отд[елу] Г.П.У. в том, что без разрешения последняго обязуюсь из Москвы никуда не выезжать, при перемене адреса обязуюсь поставить о том в известность Секрет[ный] отд[ел] ГПУ и по первому требованию последняго обязуюсь явиться в здание ГПУ для дачи по-

[1] Цит. по: *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 356.

[2] Там же.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 35; Следственное дело... С. 156–159.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 86–87; Следственное дело... С. 160.

казаний в связи с привлечением меня к ответственности согласно постановления Московского Ревтрибунала от 5/5–22»[1].

Профессор Археологического института Н. М. Коробков, по данным ГПУ «личный друг патриарха», 10 мая подготовил обращение к западным странам и собирал под ним подписи. В обращении говорилось: «Патриарх, наместник Патриаршей области и наиболее видные епископы заключены в тюрьмы в ожидании суда, исход которого заранее предрешен. Русская церковь объявлена преступной организацией, дальнейшее существование которой недопустимо в Советском государстве»[2].

9 и 10 мая сотрудники ГПУ задерживали и допрашивали всех приходящих в Троицкое подворье[3]. Так, 9 мая были задержаны и допрошены 28 человек[4].

§ 11. Патриарх Тихон и присвоение обновленцами его полномочий (12–18 мая 1922 г.)

9 мая из Петрограда в Москву приехала группа обновленцев: протоиерей Александр Введенский, священник Евгений Белков и псаломщик Стефан Стадник[5]. В. Д. Красницкий прибыл ранее и уже провел переговоры с Е. А. Тучковым. Их встретили московские священники-обновленцы. 12 мая Л. Д. Троцкий написал письмо в Политбюро, которое еще накануне, 11 мая, утвердило решение Трибунала о расстреле 11 человек из числа осужденного московского духовенства[6]. В письме Л. Д. Троцкий сообщал о необходимости воспользоваться поданной адвокатами кассационной жалобой, с тем чтобы «всемерно использовать настоящий критический момент для опубликования воззвания от имени прогрессивной части духовенства... разбить тем временем приговоренных на две группы как на основании обстоятельств,

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 42; Следственное дело... С. 162.

[2] Высылка вместо расстрела. С. 72; «Очистим Россию надолго...». С. 105.

[3] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 287.

[4] Там же.

[5] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты: (Материалы по истории Церкви). М., 1996. Кн. 9. С. 65.

[6] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 217.

вытекающих из дела, так и на основании отзывов и ходатайств лойяльных священников, которые подпишут воззвание. Разбивка на две группы поручена председателю трибунала Беку и Уншлихту»[1]. Л. Д. Троцкий переслал членам Политбюро для ознакомления первоначальную редакцию воззвания обновленцев от 10 мая и их ходатайства о помиловании всех осужденных, с которыми члены Политбюро ознакомились 12 мая[2]. Как указывал в письме в Политбюро Л. Д. Троцкий, осужденных нужно было разбить на две группы, так как помиловать всех власть не могла. Поэтому в тот же день, 12 мая, эту информацию через Е. А. Тучкова довели до обновленцев. Каждый из них написал индивидуальное ходатайство (всего таких ходатайств было шесть)[3], в которых на этот раз были указаны имена только девяти осужденных.

11 мая было подписано постановление о привлечении к ответственности и помещении под стражу насельников Троицкого подворья[4]. 12 мая появилась записка Самсонова Тучкову, в которой он давал указание «сказать Тихону, что мы предадим его суду[,] и взять с него подписку о невыезде»[5].

Поздним вечером или ночью с 12 на 13 мая обновленцы в сопровождении Е. А. Тучкова направились на Троицкое подворье к Патриарху. В. Д. Красницкий на обновленческом соборе в мае 1923 г. говорил, что они явились к Патриарху ночью: «Ровно год тому назад – глубокою ночью небольшая группа Петроградских и Московских священников явилась к патриарху Тихону и предъявила ему требование жизни изменить направление церковной политики и передать управление другому лицу»[6]. Очевидно, Патриарх был разбужен этим визитом. По данным С. С. Бычкова, Е. А. Тучков говорил, что во время разговора Патриарха Тихона с визитерами велась стенограмма. Эту стенограмму «разговора с Тихоном обновленцев в 1922 г. при передаче им патриаршей власти» Е. А. Тучков хотел использовать при напи-

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 218.
[2] Там же. С. 309–310.
[3] Там же. С. 218–222.
[4] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 262.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 35 об.
[6] Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 г.: (Бюллетени). М., Изд. протопресв. В. Д. Красницкого, 1923. С. 10.

сании книги в 1950-х гг.[1] Еще 9 мая Патриарх был ознакомлен с приговором по делу московского духовенства. В этот же день он написал ходатайство о помиловании осужденных, адресованное председателю ВЦИК М. И. Калинину. Но ходатайство не попало туда, а оказалось в ГПУ и было приобщено к делу[2]. Таким образом, Патриарх, зная о расстрельном приговоре и от обновленцев о том, что власть готова прислушаться не к его, а к их ходатайству, чтобы спасти жизни осужденных, написал заявление на имя М. И. Калинина о передаче церковного управления митрополиту Агафангелу (Преображенскому) или митрополиту Вениамину (Казанскому). Подлинник этого заявления оказался в деле ГПУ[3]. Патриарх Тихон писал: «В виду крайней затруднительности в Церковном Управлении, возникшей от привлечения меня к Гражданскому Суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить временно, до созыва Собора, во главе церковнаго управления или Ярославского Митрополита Агафангела, или Петроградскаго Митрополита Вениамина»[4].

Журнал «Живая церковь», вышедший 23 мая 1922 г., так описывал эти события: «12-го мая группа духовенства, в составе прот[оиерея] Введенского, свящ[енников] Красницкого, Калиновского, Белкова и псаломщика Стадника, направилась в Троицкое подворье к свят[ейшему] патриарху Тихону и имела с ним продолжительную беседу... Группа духовенства требовала от патриарха немедленного созыва, для устроения церкви, поместного собора и полного отстранения патриарха до соборного решения от управления церковью... В результате беседы, после некоторого раздумья, патриарх написал резолюцию о передаче своей власти до поместного собора одному из высших иерархов»[5].

Митрополит Вениамин (Казанский) с опасением ждал, что может быть призван на место Патриарха. Епископ Алексий (Симанский) 18 мая 1922 г. писал: «Владыка Митрополит пребывает в сугубой растерянности, так как кроме того, что он может быть истребован в неприемлемом для него духе в Москву,

---

[1] *Бычков С. С.* Большевики против Русской Церкви: Очерки по истории Русской Церкви (1917–1941 гг.). М., 2006. С. 194.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 56; Следственное дело... С. 158.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 54; Следственное дело... С. 162–163.

[4] Акты... С. 213.

[5] Живая церковь. 1922. № 2. С. 1.

над ним тяготеет еще близкая перспектива суда, который, как говорят, может иметь последствия аналогичные с Московским делом. Ему вменяется в вину рассылка какого-то разъяснительного послания по вопросу об изъятии»[1].

Вынужденно отказываясь от своих полномочий, Патриарх ставил во главе Церковного Управления митрополита Агафангела (Преображенского), хотя и понимал, что власти не дадут ему приступить к этим обязанностям.

12 мая в первом номере журнала «Живая церковь» было опубликовано обращение обновленцев во ВЦИК с требованием создать государственный орган по делам Церкви[2]. Обвинения в адрес Патриарха Тихона отсутствовали. В статье В. Красницкого говорилось: «К церковному управлению должны подойти новые люди, и найти в себе достаточно христианского самопожертвования, христианского незлобия и прощения, чтобы протянуть руку русской Революции, геройски борющейся со всем мировым капитализмом за экономическое возрождение России[,] за свободную жизнь Рабоче-Крестьянского государства... Нужен новый поместный Собор, который должен внести мир в жизнь измученной нашей родины, сплотить всех верных чад ее и освятить своим благословением новую жизнь нашей Родины»[3]. 13 мая В. Д. Красницкий привез митрополиту Агафангелу акт от 12 мая о передаче ему патриарших полномочий. Митрополит отказался подписывать опубликованное воззвание обновленцев, фактически отказавшись от какого бы то ни было сотрудничества с ними. Об этом рассказал сам митрополит на допросе[4]. Согласно данным аналитической записки из Гуверовского архива, митрополит «вручил им только письмо для передачи Патриарху, в котором уведомлял последнего, что принимает возложенное на него поручение и выедет в Москву в самом непродолжительном времени»[5].

Митрополит Агафангел, по свидетельству его келейника, был ближайшим другом Патриарха. Это подтверждали и много-

---

[1] ГАРФ. Ф. 550. Д. 222. Л. 35.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 181 (в деле подшит журнал «Живая церковь», № 1).

[3] *Красницкий В., свящ.* Православная Церковь и Советская Россия // Живая церковь. 1922. № 1. С. 3.

[4] Ради мира церковного. Кн. 2. С. 164–165.

[5] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 80.

численные личные письма Святейшего в архиве митрополита[1]. Вероятно, Патриарх и митрополит Агафангел заранее оговорили, как будет вести себя последний при получении прав Местоблюстителя.

13 мая Патриарх Тихон молился за всенощным бдением на Троицком подворье.

Н. П. Окунев писал: «Пошел сегодня за всенощную на Патриаршее подворье. Прекрасная „правильная“ служба, как в небольшом монастыре незабвенного старого обихода... В алтаре всю всенощную стоял сам Патриарх, как простой богомолец. Его можно было видеть, став за левым клиросом, в те моменты, когда открывались Царские Врата. Он стоял направо, в стороне от престола, в простой рясе и без параманда. Так вот он и на суде предстал „высокий и стройный“. Грустно было смотреть на такое, может быть, и любезное его сердцу, но теперь, безусловно, вынужденное смирение главы Российской Церкви»[2].

14 мая 1922 г., в воскресенье, Патриарх Тихон в последний раз отслужил Божественную литургию в Сергиевском храме Троицкого подворья.

Сохранились воспоминания очевидцев об этом богослужении. На нем присутствовала В. М. Миронова, которая пишет в своих воспóминаниях:

«Это было воскресенье. Здесь, в маленьком храмике, в присутствии немногочисленных молящихся Патриарх в сооружении подворской братии совершил божественную литургию – просто, без особой помпы и, как всегда, молитвенно. По окончании богослужения молившийся в алтаре пребывающий на покое престарелый архиепископ Владимир (Соколовский), замечательный старец, в прошлом ревностный архипастырь-миссионер, объехавший в свое время чуть ли не весь свет, проповедуя Слово Божие (включая Америку и Австралию), приблизился к Святейшему, только что разоблачившемуся, чтобы приветствовать и одновременно – проститься... Взглянув в глаза друг другу

[1] Ради мира церковного. Кн. 2. С. 167.
[2] Цит. по: *Вострышев М.* Патриарх Тихон. С. 348.

и поняв в этом взаимном взоре более того, что смогли бы выразить обильные слова и длинные речи, они облобызались, обнялись, и непрошеные слезы оросили их глаза, выражая взаимную любовь, уважение и сострадание. Присутствующие в алтаре сослужащие потупились и отвернулись в стороны... После сего безмолвно и поспешно архиепископ Владимир (Соколовский) покинул св[ятой] алтарь и вышел с подворья, чтобы более уже никогда здесь не появляться... Святейший остался один»[1]. Архиепископ Владимир (Соколовский-Автономов) был назначен Патриархом Тихоном на Екатеринославскую кафедру, куда и выехал после переезда Патриарха в Донской монастырь.

В этот же день в ГПУ принимали решение о судьбе приговоренных. В фонде секретного делопроизводства ЦА ФСБ сохранился первоначальный вариант заключения Уншлихта – Бека, в определенной степени учитывавший просьбу обновленцев[2]. Однако в окончательном варианте заключения от 14 мая расстрельный приговор оставлен в силе в отношении пяти человек, за четырех из которых просили обновленцы. Пять человек из «обновленческого» списка были помилованы[3]. 18 мая Политбюро утвердило это решение[4].

14 мая секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин направил телеграмму всем губкомам РКП(б). В ней говорилось о необходимости поддерживать создаваемые обновленческие структуры[5].

16 мая 1922 г. обновленческая группа «прогрессивного духовенства» направила М. И. Калинину письмо с сообщением о создании нового органа высшего церковного управления «ввиду устранения Патриархом Тихоном себя от власти»[6]. После этого Патриарх сообщил московскому духовенству о передаче полномочий митрополиту Агафангелу (Преображенскому). В недавно опубликованном документе из Гуверовского архива говорится о письме Патриарха протопресвитеру Н. А. Любимову, который возглавлял в этот момент Высший Церковный Совет, будучи единственным оставшимся на свободе его членом. В докумен-

---

[1] Цит. по: *Вострышев М.* Патриарх Тихон. С. 349.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 130.; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 499.
[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 223–224.
[4] Там же. С. 228–229.
[5] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 29. Л. 12.
[6] Акты... С. 217.

те говорится: «Через священника Калиновского протопресвитер Большого Успенского собора Н. А. Любимов получил от Патриарха собственноручное письмо, помеченное 3/8*[25] мая 1922 года, следующего содержания: „Достопочтимый отец протопресвитер. Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить во главе церковного управления временно до созыва Собора Высокопреосвященного Агафангела, митрополита Ярославского. На это имеется согласие и гражданской власти, и о сем сообщается мною Высокопреосвященнейшему Агафангелу. Прошу Вас учинить распоряжение о приеме и помещении Его Высокопреосвященства на первое время в Донском монастыре и дать знать московскому духовенству. Патриарх Тихон". На другой стороне сделана подпись: „Действительность настоящего документа удостоверяем: протоиерей Александр Введенский, священник В. Красницкий, священник С. Калиновский"»[1].

18 мая обновленцы во главе с А. Введенским явились к Патриарху и подали прошение: «Мы нижеподписавшиеся испросили разрешение государственной власти на открытие и функционирование канцелярии Вашего святейшества.

Настоящим мы сыновне испрашиваем благословение вашего святейшества на это, дабы не продолжалась пагубная остановка в делах по управлению церковью. По приезде Вашего заместителя он тотчас же вступит в исполнение своих обязанностей.

К работе в канцелярии мы привлечем временно до окончательного сформирован[ия] управления под главенством Вашего заместителя находящихся на свободе в Москве святителей»[2]. К этому времени Патриарх знал о помиловании по ходатайству обновленцев пяти московских священников.

Следует отметить, что Троицкое подворье было полностью окружено красноармейцами, прогонявшими всех, кто хотел приблизиться к зданию. Об этом говорит сводка наблюдения за подворьем[3]. Сводки наблюдений позволяют назвать приблизительное время визита обновленцев. Сообщается, что в 14 часов 30 минут

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 81.
[2] Следственное дело... С. 165.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 303.

священник с седой бородой выходил на террасу подворья и всматривался вдаль, кого-то поджидая. Можно предположить, что он ожидал обновленческую делегацию, которая, следовательно, явилась после указанного часа[1].

Во время встречи с Патриархом обновленцы указали на то, что «Московская епархия вследствие ареста архиепископа Никандра и его заместителя епископа Николая Звенигородского остается без управляющего епископа, просили Патриарха вверить им, по крайней мере, заведование канцелярией Высшего Церковного Управления, а для Московской епархии назначить управляющего епископа»[2]. Патриарх написал резолюцию: «Поручается поименованным ниже лицам принять и передать Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу [Преображенскому], по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова, а по Московской епархии Преосвященному – Иннокентию [Летяеву]*[26], епископу Клинскому, а до его прибытия Преосвященному Леониду [Скобееву], епископу Верненскому, при участии столоначальника Невского»[3].

Патриарх знал, что епископ Леонид является содомитом, называл его в разговорах «епископом Содомским и Гоморрским»[4]. Не было это секретом и для других архиереев. Согласно замыслу ГПУ, именно самые развращенные представители духовенства должны были составлять ядро обновленчества.

Патриарх полагал, что последует приезд в Москву митрополита Агафангела и епископа Иннокентия. В первой записке сотрудников АРА, составленной в мае 1922 г., говорится, что, переехав в Донской монастырь, Патриарх во время прогулок по стене монастыря интересовался у стоявших внизу о приезде этих владык. «Очевидно, положение Церкви беспокоит его больше всего: он с тоской спрашивает, приехали ли митрополит Агафангел и епископ Иннокентий»[5].

В аналитической записке АРА приводится письмо Калиновского к протопресвитеру Н. А. Любимову от 18 мая: «...прото-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 303.

[2] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 81–82.

[3] Акты... С. 217.

[4] *Дворжанский А. И.* История Пензенской епархии: Исторический очерк. Пенза, 1999. С. 293.

[5] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 85.

пресвитеру Любимову было доставлено письмо от священника Калиновского совсем другого содержания: „Досточтимый отец протопресвитер. Только что мною получено распоряжение от Святейшего Патриарха о его немедленном желании переехать в Донской монастырь, для этой цели освобождают архимандрита Анемподиста, и чтобы завтра к вечеру Его Святейшеству можно было уже выехать в Донской монастырь, а посему он просит поторопиться с освобождением ему места и через меня сообщить не позднее 12 часов дня 19 мая с. г. Прошу молитв. Священник Калиновский. 18 мая“»[1]. Калиновский, будучи осведомителем ГПУ, лукавил: Патриарх не по своей воле уезжал в Донской монастырь. Если бы это было так, то Патриарх сам бы написал письмо протопресвитеру Николаю Любимову, как он это сделал 16 мая.

Тучков прямо называл обновленцев, явившихся 18 мая 1922 г. к Патриарху Тихону, своими осведомителями: «Работа была начата с руководителя черносотенным церковным движением быв[шего] патриарха Тихона, который под давлением группы попов – наших осведомов передал ей церковную власть удалившись сам в Донской монастырь»[2].

Таким образом, Патриарх не передавал власть обновленцам – им только поручалось передать дела митрополиту Агафангелу. О том, что последний должен стать Местоблюстителем Патриаршего престола в случае невозможности для Патриарха осуществлять церковное управление, архиереи были извещены еще в 1921 г. В историографии 1990-х гг. утвердилось стереотипное мнение, что обновленцы обманом выманили у Патриарха церковную власть. На основании документов, ставших известными в последнее время, можно утверждать, что Патриарх Тихон был вынужден сознательно пойти на передачу церковной власти, причем митрополиту Агафангелу, а не обновленцам, прекрасно понимая, с кем имеет дело. Этот шаг являлся платой за отказ от выполнения антиканонических требований властей и попыткой спасти жизни приговоренных к смерти московских священников.

Позднее, после своего освобождения из заключения, Патриарх Тихон дал такую оценку этим событиям: «...мы уступили их

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 81.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 122; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 416.

домогательствам и положили на их заявлении следующую резолюцию: „Поручается поименованным ниже лицам, т. е. подписавшим заявление священникам, принять и передать Высокопреосвященному Агафангелу, по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова“»[1]. В письме духовенства г. Череповцы в управление делами Святейшего Патриарха с информацией о положении церковных дел приводились слова одного из обновленцев, что Патриарх Тихон передал власть ВЦУ добровольно, рукой Патриарха сделана помета: «Неправда. – П.Т.»[2], т. е. сам Патриарх не считал, что добровольно отказался от высшей церковной власти.

В советских газетах появилось сообщение, искажавшее смысл патриаршего распоряжения: «На основании соглашения с Патриархом Тихоном церковная власть Православной Церкви в России перешла впредь до окончательного сформирования управления к временному высшему церковному управлению в составе: епископа Антонина, епископа Леонида, протоиерея Введенского, протоиерея Альбинского, священников Волкова, Воскресенского, Калиновского, Красницкого, диакона Скобелева»[3].

Епископ Алексий (Симанский) тогда обратил внимание на важную деталь: Патриарх не выпустил обращения ко всем архиереям, что должен был сделать, если бы передавал власть. 29 мая 1922 г. епископ Алексий писал: «Введенский убеждал меня приехать в Москву и принять участие в работе управления, на что, разумеется, я ему сказал, что я не могу согласиться, т[ак] к[ак], во-первых, я не могу действовать без благословения своего митрополита и, во-вторых, – не имею исчерпывающих данных для признания этого управления закономерным и действующим с благословения Патриарха. Допущена была большая ошибка в том, что не было испрошено послания ко всем епархиальным архиереям. Тогда дело было бы ясно»[4].

---

[1] Цит. по: *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань, 1970. С. 90.

[2] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 66–67. Цит. по: *Лихачев В.* Положение и состояние Русской Православной Церкви: (По материалам архивного фонда канцелярии Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода). СПб., 1999. Т. 1/2. Курсовое сочинение. Т. 2. С. 92. Машинопись.

[3] Цит. по: Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 82.

[4] ГАРФ. Ф. 550. Д. 222. Л. 40.

18 мая Политбюро утвердило приговор трибунала о расстреле трех московских благочинных протоиереев: А. Заозерского, Х. Надеждина, В. Соколова; иеромонаха Макария (Телегина) и мирянина С. Тихомирова. Приговор привели в исполнение 26 мая[1].

19 мая, по свидетельству наблюдателя ГПУ, Патриарх покинул Троицкое подворье в 17 часов в сопровождении мальчика-иподиакона 15–16 лет, благословляя верующих, собравшихся у подворья[2]. Отсутствие конвоя подтверждает, что Патриарх в это время не находился под арестом. Власти хотели добиться впечатления добровольности действий Патриарха. Факт нахождения Патриарха в это время на свободе подтверждается аналитической запиской, составленной сотрудниками АРА: «19 мая Патриарх переехал в наемном экипаже без стражи через весь город в Донской монастырь. На пути заезжал в Иверскую часовню помолиться перед чтимой иконой Божией Матери и при выходе из часовни благословлял собравшийся народ. Но как только в Донском монастыре он вошел в назначенное для него помещение, все выходы и входы были заняты стражей»[3]. В этот же день, согласно просьбе Патриарха, архимандрит Анемподист (Алексеев) был освобожден из заключения и переехал в Донской монастырь[4].

Вечером 19 мая Патриарх сообщил о своем переезде в ГПУ: «Имею долг сообщить, что с вечера сего 19 Мая я из Троицкаго Подворья переселился на жительство в Донской Монастырь в Москве»[5]. Это сообщение было обусловлено подпиской о невыезде, данной Патриархом и обязывающей его сообщать о перемене места жительства. Таким образом, переезд в Донской монастырь не был связан с арестом Патриарха, а являлся частью компромисса, на который Патриарх вынужден был пойти, пытаясь спасти жизни приговоренных к расстрелу московских священнослужителей.

По свидетельству очевидцев, 19 мая Патриарх как минимум дважды высказывался, что не отрекался от Патриаршества.

---

[1] Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Май. С. 122.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 304.
[3] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 81.
[4] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 232.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 150; Следственное дело... С. 166.

В деле Патриарха Тихона сохранилось сообщение: «Бывший прислужник покойного еписк[опа] Антония*[27], жившего в Донском монастыре в тех покоях, где теперь патриарх, виделся с последним в день его приезда и тот ему сказал, для распространения, что он и не думал отказываться и не отказался, то же патриарх говорил и в Иверской по дороге в монаст[ырь]»[1].

По данным А. Левитина-Краснова, Патриарх хотел помолиться также в Большом соборе Донского монастыря, но не был допущен туда настоятелем: «...когда арестованный патриарх тоже подъехал к Донскому монастырю, по его просьбе его подвели к собору. Он хотел помолиться – архимандрит Алексий*[28], однако, категорически отказался открыть двери храма в неурочный час и не вышел из своих покоев»[2]. В письме епископа Феодора (Поздеевского) от 23 мая 1922 г. говорилось: «Вот уже 2-й месяц дома, после 22-месячного заключения в тюрьме. Теперь половина нашего брата там, где и я был, а Святейший должен был сдать свою власть, и действует группа обновленцев во главе с еп[ископом] Антонином. Что будет дальше – не знаю, продолжается Собор, но какой?»[3].

§ 12. Заключение Патриарха Тихона в Донском монастыре до начала подготовки процесса над ним (20 мая – 15 декабря 1922 г.)

В этот период в партийном руководстве Л. Д. Троцкий продолжал играть определяющую роль в антицерковной политике. 24 мая он направил в Политбюро письмо, в котором предлагал пока не поддерживать ни одну из церковных группировок и провоцировать между ними борьбу. Созыв церковного собора, по мнению Троцкого, необходимо было оттянуть. Наиболее выгодной Троцкий видел ситуацию, «когда часть церкви сохраняет лояльного Патриарха, которого не признает другая часть церкви, организующаяся под знаменем синода или пол-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 43.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 307.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9501. Оп. 6. Л. 140.

ной автономии общин...»[1]. Несмотря на желание ГПУ побыстрее устроить суд над Патриархом, подготовка к нему откладывалась.

Очевидно, создать для Святейшего условия жесткой изоляции у ГПУ получилось не сразу. А. Левитин-Краснов и В. Шавров писали о том, что «до мая 1923 года изоляция патриарха была лишь условной: он получал огромное количество передач с воли, получал письма, поддерживал почти регулярную связь со своими сторонниками. Вряд ли патриарх мог поэтому чувствовать себя подавленным и покинутым»[2]. Такое описание могло относиться только к маю – началу июня. Этим же временем датируется рапорт одного из дежуривших в Донском монастыре курсантов: «Мною было замечено, что до настоящего времени так называемый патриарх Тихон слабо охраняется красноармейцами и передаются всякие передачи без предварительного осмотра[,] что передается в продуктах[,] и поэтому считаю, что необходимо установить в Донском монастыре постоянное дежурство сотрудников Вашего отделения»[3].

Одновременно в ГПУ стало известно, что Патриарх нашел способ передавать на волю записки с призывом борьбы с обновленцами. В одном из сообщений говорилось: «С[екретный]/о[сведомитель] доносит, что при помощи некого гражданина...*[29] патриарху, находящемуся в Донском монастыре, делаются разные передачи через охрану...*[30] патриарх сумел передать записку на грязных носках, а ему передали записку в варенье. В пересланной записке патриарх просит вести агитацию против Леонида и Антонина и обратиться за помощью к иностранным державам. Принимаются меры к выяснению»[4].

В сообщении от 30 мая говорилось: «Патриарх в Донском разгуливает по балкону и говорит с людьми, приходящими к нему и находящимися в саду (кладбище)[,] караульные, кроме первых трех дней[,] очень милы и подходят под благословение, он их кормит[,] и они иногда остаются после дежурства»[5].

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 181.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 332.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 21.

[4] Там же. Л. 44.

[5] Там же. Л. 42.

31 мая Е. А. Тучков подготовил проект постановления о заключении Патриарха под домашний арест[1], однако постановление так и не было подписано руководством ГПУ. Формальная «свобода» Патриарха нужна была для того, чтобы попытаться добиться от него документа с отказом от Патриаршества.

Сотрудница ВЧК–ГПУ в 1922–1923 гг. М. А. Вешнева, которая наблюдала за Святейшим Патриархом, в 1950-х гг. подробно описала «терем», располагавшийся на втором этаже корпуса, где жил Патриарх: «Снизу терем кажется маленьким, а внутри поместительный. В нем четыре комнаты. Три смежные, их занимает Патриарх, а четвертая, изолированная, с дверью на лестницу, наша. Узкая каменная лестница в два марша – единственный вход в терем. Во всех патриарховых комнатах по два окна. Окна по-старинному маленькие. Убранство комнат соответствует их возрасту. Узкие зеркала с мутными стеклами, узкие деревянные диваны, резные лари, маленькие столики, на них резные и кованые шкатулки. В передних углах образа в дорогих окладах. Две низкие печи изукрашены голубыми изразцами. Только в дальней комнате, где собственно и живет Патриарх, старинный стиль нарушен. Там кровать с никелированными шишками, солидный письменный стол, мраморный умывальник. На столе лампа с зеленым абажуром»[2]. Сотрудники ГПУ постоянно дежурили, сменяясь в 2 часа ночи, по итогам дежурства готовился рапорт. Официально сотрудник ГПУ именовался так: «дежурный по засаде в Донском монастыре». Согласно указаниям Е. А. Тучкова, всех, кто приносил Патриарху передачи, нужно было задерживать и доставлять дежурному ГПУ[3].

Сотрудники АРА так описывали помещения Патриарха: «Здесь ему было отведено помещение в башне монастырской стены, состоящее из трех небольших комнат, обставленных старинной мебелью, с выходом на монастырскую стену, по которой ему разрешается делать прогулки. К нему применена система строгой изоляции. Все входы и выходы занимает стража, помеща-

---

[1] Следственное дело... С. 168–169.

[2] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... (осень 1922 – весна 1923) // Юность. 1990. № 9. С. 77.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 36.

ющаяся в нижнем этаже башни, через который только и можно проникнуть в верхний этаж»[1].

6 июня 1922 г. в ответ на требование руководителя Главмузея Н. И. Троцкой (Седовой) о выселении Патриарха из Донского монастыря зампред ГПУ И. С. Уншлихт ответил: «Секретный Отдел ГПУ сообщает, что быв[ший] патр[иарх] ТИХОН, в Донской монастырь нами не вселялся, а поселился туда по своему личному желанию, причем ТИХОН в Донском монастыре нового помещения не занимает, т[ак] к[ак] помещение (2 комнаты), которое ГПУ ныне занимает при музее, ранее занимались настоятелем этого монастыря (архимандритом), который и уступил ТИХОНУ эти 2 комнаты[,] перейдя на жительство в другое помещение, находящееся в монастырском дворе. <...> Что касается удаления б[ывшего] патр[иарха] ТИХОНА из Донского монастыря совершенно, то ГПУ этого сделать не может»[2].

7 июня 1922 г. Патриарх обратился к Е. А. Тучкову с просьбой о совершении богослужения[3], но получил отказ. В этот же день он своей рукой написал записку в ГПУ: «Ввиду сообщенного мне тов. Тучковым, что через Шведский Красный Крест прислано из-за границы в мое распоряжение несколько пудов муки, гарного масла и ладана, покорно прошу вышеупомянутую Администрацию Красного Креста направить муку в Самару на имя Епископа Павла (Гальковского), Управляющего Самарской епархиею, для раздачи голодающим, а масло и ладан передать в Высшее Церковное Управление (Троицкое Подворье, Самотека, 2-ой Троицкий пер., д. № 6)»[4]. Патриарх мог полагать, что на Троицком подворье находятся митрополит Агафангел и епископ Иннокентий (Летяев), так как по акту Патриарха от 18 мая в Троицкое подворье должен был прибыть митрополит Агафангел, законный Патриарший заместитель.

9 июня ГПУ запросило все имеющиеся в Наркомюсте материалы о Патриархе Тихоне для ознакомления[5].

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 86.

[2] Следственное дело... С. 172.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 153.

[4] Там же. Л. 151; «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности»; ВЧК–ГПУ и патриарх Тихон, 1917–1925 гг. / Комментарии и подготовка текста к публикации М. И. Одинцова // Исторический архив. 1997. № 5/6. С. 150.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 47.

17 июня Патриарху было отказано в причащении. В рапорте охранявшего Патриарха красноармейца за 16–18 июня говорится: «Вечером 17-го Июня, когда я передавал Тихону ужин, то он мне сказал, чтобы я передал женщине, которая обслуживает Музей, чтобы она пригласила попов 18-го Июня утром к нему для того, чтобы его причастить. Я[,] конечно[,] не передал, так как в инструкции сказано[,] чтобы я никого без исключения не допускал к нему. Иначе я поступить не мог[,] так как на это не имел от Вас никаких распоряжений. Утром 18-го Июня он у меня стал спрашивать, что я передал-ли о приходе попов, я ему передал, что попов я сюда допустить не могу»[1]. Автор монографии о Патриархе Тихоне В. В. Лобанов пишет, что «протоиерей В. Цыпин, например, ошибочно сообщает, что Святитель Тихон был лишен возможности приобщаться Святых Тайн»[2]. В. В. Лобанов ссылается на свидетельство М. А. Вешневой, описывавшей причащение Патриарха. М. Вешнева начала дежурить только осенью 1922 г. Согласно рапортам дежуривших летом 1922 г. сотрудников ГПУ, священников для причастия к Патриарху допускали только в случае личного присутствия кого-то из подчиненных Е. А. Тучкова – сотрудников 6-го отделения СО ГПУ.

25 июня Патриарх смог настоять на том, чтобы к нему допустили священника со Святыми Дарами. В рапорте за этот день отмечается: «В 8 $^1/_2$ часов пришел сотрудник СО ГПУ для присутствия на причащении Тихона. Около 9 часов пришел священник с чашей причастия[,] и в присутствии меня и сотрудника СО ГПУ священник сам передал чашу Тихону, который принял ее и возвратил. Разговора между ними не было никакого»[3].

Сотрудники АРА писали: «Патриарху не разрешается даже принимать у себя духовника для тайной исповеди. По воскресеньям и праздничным дням, а иногда и в обычные дни Патриарх приобщается Святых Таин. Для этого по окончании Литургии священник приносит ему Святые Дары из церкви и передает ему чашу в первой комнате, по правилам, непременно в присутствии солдата. Патриарх берет чашу, удаляется с нею в другую ком-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 36 об.

[2] *Лобанов В. В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008. С. 130.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 38.

нату, там приобщается и возвращает священнику чашу опять в присутствии солдата»[1].

В рапорте дежуривших в охране красноармейцев от 25 июня также описан день Патриарха: «После причастия Тихон пил какао, потом вышел к нам[,] вынес посуду, в это время я попросил его написать записку прислуге, чтобы она приняла посылку, полученную на его имя. Посылка мной была тщательно просмотрена[,] и кроме продуктов ничего не оказалось. Посылка была сдана под расписку (на обороте записки Тихона) прислуге Пункевич Е. Е. около 1 часу дня. Тихону принесли обед из трех блюд, пообедавши, он вышел на прогулку, около ворот собралось человек 12–15, которых он сверху благословил и гулял приблизительно 1 час. Для передачи Тихону приносили две монашки пирожков и белого хлеба, а также принес передачу некий гр. Пояров с запиской о просьбе благословить его и семейство, за мое дежурство передачи приносили 5 человек... Тихон вел себя весело»[2]. В деле имеется расписка Патриарха о получении упомянутой в рапорте посылки[3].

Сотрудники АРА так описывали режим Патриарха: «К Патриарху никто не допускается. Женщина, которая готовит для него обед, приносит его в назначенное время и вручает страже для передачи по назначению. Она же приводит в порядок комнаты Патриарха, но не иначе, как в его отсутствие, когда он выходит на прогулку. <...> В материальном отношении Патриарх ни в чем не нуждается. Сочувствие к нему в народе очень велико. Поэтому ему ежедневно в изобилии приносят все необходимое, и все принесенное добросовестно передается ему. Желающие сделать ему подарок дают звонок. По звонку дверь отворяет солдат, берет принесенное, относит Патриарху и возвращается с его собственноручной запиской о получении. У приносящих обычно спрашивают их имена и адрес. Боясь, едва ли впрочем основательно, неприятных последствий, многие называют себя вымышленными именами и дают фальшивые адреса. Ни то, ни другое не проверяется. Лица, близко стоящие к Патриарху, утверждают, что отношение к нему стражи не только корректное, но по боль-

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 86–87.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 38.
[3] Там же. Л. 39.

шей части очень почтительное и сочувственное. Среди солдат много таких, которые, несмотря на самую навязчивую пропаганду атеизма в казармах, сохраняют свою веру и смотрят на свое положение стражи Первосвященника как на тяжкую необходимость. Кроме того, Патриарх всегда весел, благодушен, ласков в обращении и любит пошутить, а это нравится окружающим его простым людям. Вследствие этого многие солдаты, вопреки правилам, выходят из комнаты Патриарха, когда священник приносит ему Святые Дары. К башне, в которой заключен Патриарх, обыкновенно собираются, особенно по окончании богослужения в монастыре, большие толпы народа, терпеливо ожидающие его выхода на стену и благословения. Часто прибегают сюда дети, которым Патриарх любит бросать со стены яблоки и конфетки»[1].

28 июня Верховный трибунал прислал в ГПУ запрос для уточнения «в каком положении находится дело, скоро ли будет закончено следствие»[2]. Самсонов дал также распоряжение узнать мнение Троцкого по этому вопросу[3], поскольку, как упоминалось выше, в 1922 г. именно Троцкий был главным инициатором и руководителем антицерковной работы.

Летом 1922 г. охрана Патриарха была ужесточена. При Патриархе помимо красноармейцев дежурили сотрудники оперативного отдела ГПУ, сменяя друг друга раз в двое суток. Они следили за тем, чтобы изоляция Патриарха была полной. Все записки, которые вкладывались в передачи, изымались.

В рапорте за 2–4 июля говорилось: «Никаких подозрительных элементов как в ограде монастыря, так и вне ея мною не замечалось, а также и разговоров через окна с посторонними лицами Тихоном не производилось. Передачи были мною приняты за $2\,^1/_2$ суток 5[,] содержащие в себе небольшое количество хлеба и сладостей, также была мною принята срочная телеграмма на имя Тихона в 5 часов вечера 4 июля, которая была при мне прочитана, и он, наложив резолюцию, просил меня через Ваше распоряжение направить по назначению»[4]. Таким образом, Патриарх мог получать телеграммы, но отвечал на них только с согласия Е. А. Тучкова.

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 86–87.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 48.
[3] Там же. Л. 47.
[4] Там же. Т. 5. Л. 33–33 об.

В рапорте сотрудника ГПУ от 20 июля 1922 г. говорилось об изъятии двух записок, в том числе записки «о здравии» с перечнем имен[1].

29 июля 1922 г. Патриархом Тихоном была написана последняя записка в контору АРА с просьбой из полученных сорока посылок выслать «тридцать посылок Архиепископу Агапиту в Екатеринослав и десять – Епископу Борису в Уфу для раздачи голодающим»[2].

В это время по делу Патриарха следственных действий не велось. 18 июля Тучков написал рапорт Самсонову с просьбой разъяснить, «когда и кем будет преступлено к фактическому следствию, т[ак] к[ак] эти дела лежат без движения»[3]. Тучков указал на то, что в общей сложности по этому делу арестовано десять человек[4]. Этот вопрос по указанию заместителя председателя ГПУ Уншлихта необходимо было согласовать с Троцким – соответствующую резолюцию Уншлихт сделал на рапорте Тучкова, направленном ему Самсоновым[5]. То, что следствие продвигалось вяло, связано с политикой Троцкого в церковном вопросе, изложенной им в письме в Политбюро от 24 мая 1922 г.[6] Как упоминалось выше, в этом письме Троцкий предложил выжидательную политику по отношению к Церкви, считая наиболее выгодным развитие событий, при котором между различными церковными группами разгорится серьезная борьба.

Очевидец событий А. В. Жиркевич записал в дневнике от 22 августа 1922 г.: «Мой знакомый ходил смотреть раза три на содержащегося в Донском монастыре в заточении патриарха Тихона. Тихон содержится в помещении, находящемся у одних из выходных в монастырь ворот. Вокруг помещения открытая галерея, на которую для прогулок в определенные часы выпускается, под охраной особого конвоя из трех человек, патриарх, одетый в подрясник, со скуфейкой на голове... К этому времени к галерее, находящейся невысоко от земли, недалеко от улицы, собирается много народа, желающего выразить страждущему

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 58.
[2] *Иванова Е. В.* Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. С. 520–521.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 54.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 181.

узнику свои симпатии и сочувствие. Многие при этом крестятся, плачут... Разговаривать с патриархом не разрешается, но ему не мешают благословлять народ, стоящий в благоговейном молчании, без шапок...»[1].

Именно в Донском монастыре у Патриарха, видимо, стал развиваться нефрит. «Летом Патриарх около недели был болен, и к нему привозили врача. В Москве довольно упорно циркулирует слух, идущий из коммунистических кругов, что у него развивается рак печени. Однако люди, часто видящие его на близком расстоянии, не замечают в нем ни исхудания, ни других признаков серьезной болезни», – писали сотрудники АРА[2]. Вероятно, приезд врача относится к августу 1922 г., после того как 12 августа были расстреляны митрополит Вениамин (Казанский), архимандрит Сергий (Шеин), Ю. П. Новицкий и И. М. Ковшаров, казнь которых произвела на Патриарха сильное впечатление.

В следственном деле есть постановление о домашнем аресте Патриарха, датированное 25 августа Е. А. Тучковым и с этой же датой подписанное Т. П. Самсоновым. На документе имеется подпись, сделанная рукой Патриарха: «Патриарх Тихон».

Дата проставлена и Тучковым, и Самсоновым, так что ошибка исключена. В тексте говорится: «Рассмотрев дело по обвинению гражданина Белавина Василия Ивановича, так называемого Патриарха Тихона[,] в ряде контрреволюционных преступлений и принимая во внимание постановление Московского Революционного Трибунала от 5-го мая 1922 года о привлечении его[,] Белавина[,] и других к судебной ответственности, постановил: мерою пресечения уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей на дому»[3]. Постановление было отчасти вызвано решением Смоленского трибунала от 24 августа о привлечении к суду Патриарха.

С этого времени начинается подготовка судебного процесса над Патриархом. Уже 31 августа Тучков допрашивал его[4].

---

[1] Накануне патриаршества: Письма архиепископа Виленского и Литовского Тихона к А. В. Жиркевичу и другие материалы // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. 2000. № 6. С. 237.

[2] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 87.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 310.

[4] Там же. Т. 29. Л. 89–93; Следственное дело... С. 178–180.

Вопросы касались послания от 28 февраля 1922 г. по поводу изъятия церковных ценностей.

По данным АРА, летом было проведено несколько допросов: «Все лето, от времени до времени, не очень часто и ненадолго к Патриарху приезжал следователь и снимал с него допросы. О чем шла речь в эти посещения и какие признания хотели получить от Патриарха, остается неизвестным»[1]. Возможно, Патриарх давал показания по региональным процессам по сопротивлению изъятию церковных ценностей.

Согласно сохранившейся в деле выписке из протокола заседания Коллегии ГПУ от 16 ноября 1922 г. о продлении домашнего ареста Патриарха, он был арестован 15 августа 1922 г.[2] Зампред ГПУ И. С. Уншлихт во исполнение решения Коллегии ГПУ от 16 ноября 1922 г. обратился в Президиум ВЦИКа о продлении срока содержания под стражей Патриарха Тихона[3]. В этом письме названа та же дата ареста: «15 августа с/г СО ГПУ был арестован домашним арестом за контрреволюционную деятельность с содержанием в Донском монастыре Беллавин Василий Иванович, патриарх Тихон»[4].

В документ вкралась опечатка: вместо 25-го появилось 15 августа, ведь ни выписку из протокола заседания Коллегии ГПУ, ни письмо Уншлихта Тучков, знавший точную дату, по должности не мог видеть. Согласно действовавшему положению трехмесячный срок содержания под стражей нуждался в продлении, о чем карательные органы обычно заботились до истечения данного срока, а решение Коллегии ГПУ датировано 16 ноября. Незадолго до ареста Патриарха, 22 августа, был арестован митрополит Агафангел (Преображенский)[5]. Он был доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму ГПУ.

Осенью 1922 г. Патриарх Тихон подал в Коллегию ГПУ заявление с просьбой, чтобы его охрану осуществляли только Мария Семенова и Надежда Сиднева, которые дежурили посменно. М. А. Вешнева (до брака – Семенова) вспоминала: «Один из красноармейцев всегда находится при мне, а другой дежурит снару-

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 88.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 313.
[3] Там же. Т. 6. Л. 56.
[4] Там же.
[5] Ради мира церковного. Кн. 2. С. 201.

жи. Они друг друга меняют. Я обязана все время быть только в помещении»[1].

В этот период Патриарх был полностью лишен возможности общаться с внешним миром. М. Вешнева писала: «Патриарху ни с кем нельзя видеться. А посетителей бывает много. Часовой звонит, я впускаю на площадку, выслушиваю, докладываю патриарху и передаю ответ. Чаще всего ему несут дары – самые разнообразные: дрова, рамку меду, заштопанные носки, фунт свечей, мешок муки, две луковицы, штуки полотна и т. д. и т. п.»[2].

Распорядок дня Патриарха М. А. Вешнева описывает так: «На дежурство мы приезжаем к девяти. В этот час патриарх завтракает. У него очень строгий режим. Просыпается в шесть. Выходит на площадку и, обнаженный по пояс, делает гимнастику. Тщательно умывается. Долго молится. Завтракает. Всегда по утрам пишет. Прогуливается по комнате. Снова работает. За час до обеда тепло одетый выходит на стену. Прогуливается до башни и обратно. Мы за ним не выходим, наблюдаем из окна.

К этому времени двор заполняется народом. Это верующие ожидают его благословения. Патриарх время от времени подходит к краю стены и молча благословляет крестным знамением. Многие опускаются на колени. Матери поднимают детей. Всё молча, разговаривать не положено.

В час обедает. До трех отдыхает. В четыре „кушает чай“»[3].

Современники отмечали: «У Святейшего есть только одна человеческая слабость – он любит чай с лимоном»[4].

После чаепития Святейший опять садился за работу: «...после чая садится за стол. Опять работает – пишет или читает.

В пять обычно топим печи. Патриарх прогуливается по всем комнатам с кочергой и помешивает. Иногда мы сидим перед нашей печкой на лестничной площадке. Патриарх, красноармеец и я. Иногда печем картошку и тут же едим ее, душистую, хрустящую. Дружелюбно разговариваем. <...> В семь ужин, и после этого патриарх к нам до утра не выходит»[5].

---

[1] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 77.

[2] Там же. С. 78.

[3] Там же. С. 79.

[4] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 403.

[5] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 79.

Святейший много молился: «Я к нему в комнату никогда не захожу. А ребята подсматривают и говорят, что он очень долго стоит на коленях и иногда будто бы всю ночь», – писала М. А. Вешнева[1].

То, что Патриарх долго молился, подтверждали красноармейцы из его охраны: «Всем был хорош старик, только вот молится долго по ночам – не задремлешь с ним»[2]. М. А. Вешнева подтверждала, что по инструкции красноармейцы не могли спать во время дежурства, но иногда спали, когда убеждались, что Патриарх заснул.

По средам Патриарх более часа беседовал с женщиной, которая готовила ему пищу, обсуждая меню на будущую неделю: «Самый хлопотливый день у нас среда. В среду приходит монашка. Она немолодая, довольно интеллигентная. Одета строго в темном, но не в монашеском.

После вечернего чая я впускаю ее на нижнюю площадку. А на верхнюю выносят кресло. В середине лестницы, прислонившись к стене, стою я. В кресло усаживается патриарх.

Монашка приходит с тетрадкой и карандашом. Начинается обсуждение меню с четверга до следующей среды.

Патриарх сидит уютно, откинувшись на спинку, вытянув ноги, закрыв ладонью глаза. Монашка присаживается на нижней ступеньке. Они составляют завтрак, обед, полдник и ужин по дням на всю неделю. Иногда это продолжается часа три, до самого ужина. Он предлагает одно блюдо, отменяет, потом вновь возвращается к нему. Я слышу:

– Налистники, блинчики, сочники, пончики, глазунья, болтунья, омлет... – Патриарх совершенно не ест мяса. Но стол у него разнообразный, питательный и очень изысканный. <...> Потом я догадалась, что эти часы являлись для патриарха отдушиной в его однообразной жизни.

Монашка никогда его не торопит. Она терпелива, покорна и необычно почтительна. Готовит изумительно, особенно тесто»[3].

Мария Семенова и Надежда Сиднева хотя и не были верующими, но как могли старались улучшить быт Патриарха:

---

[1] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 79.

[2] *Воробьев В., прот.* Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России // XX ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2010. Т. 1. С. 274.

[3] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 79.

«Весь быт патриарха в наших руках. Облегчить его положение или ухудшить – зависит от нас. Мы с Надей, насколько возможно, облегчаем. Для этого приходится нарушать „положено“ и „не положено“ <...> Два раза в неделю патриарх меняет белье личное и постельное. Мне „положено“ все проверить. Я поручаю ребятам.

Мне „не положено“ убирать комнаты патриарха. Но в его отсутствие я довожу их до идеального блеска. Ведь ни он сам, ни красноармейцы сделать этого не умеют»[1].

На самом деле быт Патриарха обеспечивался, конечно, не только сотрудницами ГПУ. Эту сторону жизни Святейшего взяли на себя простые русские православные женщины. Их было около двадцати, женщин «различного положения и возраста, заботившихся о нем в период нахождения его под стражей: на свои скудные средства, собираемые по знакомым и от доброхотов, и по своей инициативе они делали для него все, что могли, чтобы удовлетворить по возможности его бытовые нужды»[2]. Они стирали белье и платили повару: «Тут же, в Донском, они содержали специального человека, готовившего кушания для Святейшего, которые затем передавались через конвоиров (с продуктами-то и в ту пору было не очень-то „шикарно“), стирали ему белье...»[3]. Женщины эти постоянно дежурили у помещения, где находился Патриарх: «...по очереди постоянно дежурили под келией у его домика – с внутренней стороны монастырских ворот – на случай: не пропустить бы момента, если Святейшего стали переводить в другое место заключения»[4]. Не раз чекисты пытались их запугать, прогнать, переписывали их имена.

М. А. Вешнева в своих записках отмечала: «...я никак не могу увидеть в Патриархе классового врага. Умом я понимаю, что он враг, и, очевидно, очень опасный. А, общаясь с ним, ничего вражеского не чувствую. Он обращается с нами идеально. Всегда внимателен, ласков, ровен. Я не видела его раздраженным или капризным»[5].

---

[1] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 79.

[2] Воспоминания современников // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. № 6. С. 307.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 79.

§ 13. Вопрос о каноническом церковном управлении в условиях изоляции Патриарха Тихона в Донском монастыре в мае – августе 1922 г.

20 мая начальник Секретного отдела ГПУ Т. П. Самсонов направил телеграмму в Ярославский отдел ГПУ с требованием произвести обыск у митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского), взять с него подписку о невыезде, «арестовать всех его приближенных... прислать на Агафангела весь компрометирующий материал»[1]. Для допросов митрополита Агафангела в Ярославль выезжал Е. А. Тучков[2]. Однако в ГПУ поначалу не подозревали, что в случае если митрополит Агафангел не сможет вступить в свои права Местоблюстителя Патриаршего престола, Патриарх назначил еще одного кандидата на местоблюстительство.

23 мая 1922 г. в 6-е отделение Секретного отдела ГПУ поступила информация от осведомителя, слышавшего слова протоиерея Ильи Гумилевского: «Временным местоблюстителем патриаршего престола является по молчаливому соглашению Архиепископ Фаддей (Валаамское подворье) ввиду чего, при богослужении ему оказывают особый почет»[3]. Напомним, что архиепископ Фаддей (Успенский) участвовал в заседаниях Синода в апреле – мае 1922 г. Этот статус, вероятно, и позволил считать его «временным местоблюстителем». Косвенно это подтверждает и то, что свое послание от 18 июня с призывом не признавать обновленческое ВЦУ[4] митрополит Агафангел передал для архиепископа Фаддея и протопресвитера Николая Любимова как члена ВЦС[5]. Митрополит Агафангел при этом был одним из трех намеченных Патриархом кандидатов в Местоблюстители. По древней церковной традиции Патриарх назначил трех возможных кандидатов на должность Патриаршего Местоблюстителя. Имена двух из них он назвал в письме на имя председателя ВЦИК

---

[1] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. С. 376.

[2] Ради мира церковного. С. 167.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 306.

[4] Акты... С. 219–221.

[5] Ради мира церковного. Кн. 2. С. 177–178.

М. И. Калинина – митрополита Агафангела (Преображенского) и митрополита Вениамина (Казанского)[1], а имя третьего держалось в тайне для того, чтобы уберечь его от ареста.

26 мая А. Введенский, вернувшись из Москвы, заявил митрополиту Петроградскому Вениамину о произошедшем там церковном перевороте, аресте Патриарха Тихона, образовании нового церковного управления и о назначении его депутатом этого управления от Петроградской епархии. Митрополит Вениамин отказался поддержать обновленцев и благословить раскол.

28 мая митрополит Вениамин предал анафеме лидеров обновленчества. В его послании говорилось: «По учению Церкви, епархия, почему-либо лишенная возможности получить распоряжение от своего Патриарха, управляется своим епископом, пребывающим в духовном единении с Патриархом. <...> Епископом Петроградским является митрополит Петроградский. Послушаясь ему, в единении с ним – и вы будете в Церкви»[2]. В ответ обновленческое ВЦУ уволило митрополита Вениамина с его поста. На следующий день, 29 мая, митрополит Вениамин был арестован.

30 мая произошли массовые аресты петроградского духовенства. Арестованный в этот день протоиерей Н. Чуков записал в дневнике: «Ожидается всего будто бы сорок девять человек духовенства. Хорошо работают прогрессисты духовные! Говорят, Введенский сам приезжал с солдатами арестовать Митрополита!»[3].

Епископ Алексий (Симанский), вступивший в управление Петроградской епархией, под давлением властей снял запрещение с А. Введенского, наложенное митрополитом Вениамином. В письме митрополиту Арсению (Стадницкому) от 3 июня 1921 г. он объяснял свой шаг так: «Митрополит только что увезен куда-то. Скоро суд, на котором будет повторение того, что было в Москве. Положение грозное. Чрезвычайное решение по снятии отлучения с Пр[отоиерея] Введенского явилось неизбежным. Быть может, этим сохранится безопасность тех многочислен-

---

[1] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. С. 159.

[2] Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов, 1917–1941 / Сост. Н. Ю. Черепнина, М. В. Шкаровский. СПб., 2000. С. 102.

[3] *Сорокин В., прот.* Исповедник: Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С. 271.

ных несчастных, которые стоят у раскрытых могил»[1]. Епископ Алексий надеялся таким образом сохранить жизнь митрополита Вениамина и других арестованных.

18 июня митрополит Агафангел как Местоблюститель выпустил послание с призывом не признавать обновленческое ВЦУ: «Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высшего руководительства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной Власти. Окончательно вершите дела, по которым испрашивали прежде разрешения Св[ященного] Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению»[2].

Митрополит Агафангел, согласно показаниям, данным им на допросе 7 июля 1922 г., два переписанных от руки экземпляра этого послания через священника Дороватовского, ехавшего в Москву, передал для архиепископа Фаддея (Успенского) и протопресвитера Николая Любимова, который исполнял обязанности главы ВЦС[3]. Таким образом, в условиях невозможности осуществлять церковное управление Патриархом и его Местоблюстителем органы ВЦУ продолжали фактически существовать, будучи представлены: Синод – архиепископом Фаддеем (Успенским), ВЦС – протопресвитером Н. Любимовым.

Обновленческое ВЦУ по указанию ГПУ 6 июля 1922 г. издало постановление: «Архиепископа астраханского Фаддея (Успенского) уволить на покой, с воспрещением ему пребывания в Московской области»[4].

Высшее Церковное Управление продолжало существовать в Москве на нелегальном положении, несмотря на усилия обновленцев. Были люди, поддерживавшие связь между ВЦУ и Патриархом.

12 июля 6-е отделение Секретного отдела провело в Москве серию обысков у духовенства. Были арестованы тайный Местоблюститель архиепископ Фаддей (Успенский)[5], а также прото-

---

[1] ГАРФ. Ф. 550. Д. 222. Л. 45–46.
[2] Акты... С. 220.
[3] Ради мира церковного. Кн. 2. С. 177–178.
[4] Живая церковь. 1922. № 6.
[5] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 372. Л. 80 об.

пресвитер Николай Любимов[1]. Ожидая ареста, архиепископ Фаддей передал текст послания митрополита Агафангела своему иподиакону Николаю Давыдову, который после ареста архиепископа Фаддея сжег его. Протопресвитер Николай Любимов хранил воззвание дома, где оно и было обнаружено при обыске в ночь с 11 на 12 июля 1922 г. В рапорте на имя Т. П. Самсонова начальник 6-го отделения СО ГПУ Е. А. Тучков сообщал, что у протопресвитера Н. Любимова «обнаружено воззвание АГАФАНГЕЛА, написанное от руки[,] о непризнании высшего Церковного Управления»[2]. Несмотря на то что у архиепископа Фаддея не было найдено ничего подозрительного, он был арестован. В обвинительном заключении по делу архиепископа Фаддея говорилось, что он «распространением нелегально изданных посланий митрополита Агафангела проявил враждебное отношение к советской власти»[3]. В этом воззвании говорилось, что в Соборе, который созван не законной церковной властью, т. е. не Патриархом или его Местоблюстителем, участвовать нельзя.

Среди арестованных 12 июля указан Я. Е. Горожанкин. А. Левитин-Краснов называл Якова Горожанкина посошником Патриарха. К моменту освобождения Святейшего 15-летний Яков Горожанкин был уже на свободе и встречал его[4]. Среди арестованных в ночь с 11 на 12 июля были и другие близкие к Патриарху люди: протоиерей Александр Стефановский, руководитель пастырско-богословских курсов в Москве священник Александр Зверев[5], благочинный протоиерей Сергий Глаголевский, благочинный протоиерей Александр Пятикрестовский и другие[6].

23 июля была создана «Петроградская автокефалия». Возглавившим ее епископам Алексию (Симанскому) и Николаю (Ярушевичу), наместнику Александро-Невской лавры, удалось

---

[1] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1999. Кн. 3. С. 540. (В издании прот. Николай назван ошибочно Димитрием.)

[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 80а об.

[3] Цит. по: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. С. 540.

[4] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 307.

[5] См. о нем: *Подобедова О. И.* Воспоминания об о. Александре Звереве. М., 2001.

[6] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 372. Л. 80а.

установить относительно нормальные отношения с губисполкомом. Они подчеркивали свою лояльность к советской власти, но категорически отказывались признать ВЦУ.

Митрополит Агафангел продолжал считать себя законным Местоблюстителем. 3 августа 1922 г. в разговоре с епископом Иовом (Рогожиным) он подтвердил, что «остался на посту Патриарха Тихона»[1].

§ 14. Митрополит Сергий (Страгородский) и обновленческий раскол в июне – сентябре 1922 г.

9 июня 1922 г. над митрополитом Сергием (Страгородским) и его викариями состоялся показательный суд во Владимире. Все обвиняемые (кроме епископа Василия (Зуммера), в отношении которого следствие было прекращено) были приговорены к одному году и амнистированы[2]. В следственном деле митрополита Сергия 1926–1927 гг. указано, что первый раз в 1922 г. он был арестован «по делу хищений в Сузд[альской] ризнице, получил один год заключения и амнистирован[3].

10 июня 1922 г. митрополит Сергий был освобожден из Владимирской тюрьмы и снова направлен в ссылку – в Нижний Новгород. Из «Обзора политико-экономического состояния РСФСР за июнь 1922 г.», составленного в ГПУ для высшего партийного руководства, становится понятным, почему власти поспешили выслать митрополита Сергия из Владимира. В «Обзоре» говорится: «В Иваново-Вознесенской губернии в связи с распространением [указа] Владимирского митрополита о поминовении в церквах Патриарха Тихона, дальнейшая работа по обновлению церкви замедлилась»[4]. Таким образом, этот документ позволяет пересмотреть сложившееся стереотипное мнение об отношении митрополита Сергия к обновленчеству. Митрополит Сергий после освобождения велел поминать

---

[1] Ради мира церковного. Кн. 2. С. 183.

[2] *Косик О. В.* Афанасий (Сахаров), священноисп. // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 700.

[3] ЦА ФСБ. Д. Р-31639. Л. 56 об.

[4] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1: 1922–1923 гг. Ч. 1. С. 224.

в храмах имя Патриарха Тихона. Причем этот указ остался в силе и после 16 июня.

16 июня был подписан «Меморандум трех». Кроме митрополита Сергия (Страгородского), его подписали архиепископы Евдоким (Мещерский) и Серафим (Мещеряков). В нем говорилось: «...целиком разделяем мероприятия Церковного Управления, считаем его единственной канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными»[1].

Архиепископ Евдоким (Мещерский) цитирует в своей статье в обновленческом издании слова самого митрополита Сергия, написанные летом 1922 г., когда последний признал обновленческое ВЦУ:

«Церковь наша переживает в настоящее время глубокое потрясение, угрожающее самим ее основаниям... виноваты мы – пастыри и правители церкви. Мы не хотели уразуметь знамений времени, не заметили совершившегося в народной массе переворота, радикальнее которого, может быть, уже не будет до самого конца мира. Занятые будничными мелочами, мы бездеятельно сложили руки и сомкнули глаза перед надвигавшимися на Русскую Церковь испытаниями. И вот плоды этого у всех перед глазами: церковный корабль наш не управляется никем и бедствует, обуреваемый противным ветром... Правда, не все остались праздными зрителями церковного разрушения. Образовались несколько групп, которые и взяли на себя управление церковью. Мы не менее их желаем обновления нашей церковной жизни на Христовых началах. Мы не менее негодуем на разные злоупотребления, вкравшиеся в церковную практику и нравы (погоня за показным благочестием, забвение духа Христова, торгашество святыней и под[обное]), за что, может быть, и пришел гнев Божий на нашу церковь. Мы желаем обновления, но желаем, чтобы оно совершилось согласно божественному преданию нашей Святой Церкви. Мы ревнуем о незыблемом соблюдении православной веры, издревле преданного церковного чина и церковных канонов. Но горе нам, если и впредь мы останемся сидеть сложа руки и спокойно смотреть на церковное кораблекрушение. Спасение Церкви и нас призывает к работе[,] и нам

[1] Акты... С. 218–219.

нужно собраться с силами сделать с своей стороны все, чтобы с Божией помощью вывести Церковь русскую из настоящей беды»[1].

По свидетельству протоиерея Порфирия Руфимского, посетившего Нижний Новгород в июне 1922 г., подписание «Меморандума трех» происходило в местном подразделении ГПУ. Он писал: «Был у Пр[еосвященного] Сергия. С[ергий] подп[исал] из желания сохр[анить] места для работы, обольстившись обещанием ввести их – [митрополита] Сергия, [м]итрополита Евдокима, архие[пископа] Серафима в ВЦУ. Отн[осительно] послания [митрополита] Агаф[ангела] – послания не имеют. Подписывали [признание ВЦУ] в местн[ой] ЧКа»[2]. Таким образом, митрополит Сергий получил обещание быть введенным в состав ВЦУ. Как старейший по хиротонии член Священного Синода, его председатель, он имел основания полагать, что сможет возглавить вновь сформированный Синод, пусть даже состоящий из архиереев с весьма сомнительной репутацией. Такой шаг митрополита Сергия вполне укладывается в его линию поведения: в любой ситуации оставаться «на плаву», иметь влияние на Высшее Церковное Управление, не избегая для этого выполнения условий власти. В 1920–1922 гг. он находился в некоторой оппозиции Патриарху Тихону, выступая против тенденции к установлению патриаршего единоначалия и умаления роли Синода. Протопресвитер Николай Любимов, старейший член ВЦС, работавший с митрополитом Сергием в ВЦУ с 1918 по 1922 г., утверждал, что последний еще в царское время, будучи постоянным членом Святейшего Синода в течение многих лет, настолько привык властвовать, что готов был жертвовать убеждениями ради того, чтобы не упустить власть[3].

На собрании владимирского духовенства 5 сентября митрополит Сергий объяснил, почему он признал ВЦУ в июне 1922 г.: «...на том основании, что сам П[атриарх] Тихон не осудил их предприятия, но разрешил им принять дела Высш[его] Церк[овного]

---

[1] Цит. по: *Евдоким (Мещерский), «митрополит»*. Соборный разум или единовластие? С. 2.

[2] Цит. по: *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М., 2004. С. 512.

[3] *Бычков С. С.* Большевики против Русской Церкви: Очерки по истории Русской Церкви (1917–1941 гг.). М., 2006. С. 252.

У[правления] и вызвал М[итрополита] Агафангела в Москву, чтобы возглавить Управление до Собора. Очевидно, Патриарх имел в виду, что означенная группа, как заручившаяся согласием гражданской власти, одна в состоянии обеспечить (в данных условиях) функционирование В.Ц.У., а затем и созыв Собора. Поэтому Патриарх и решил воспользоваться этой группой для устроения дел церкви. Если и не допустить этого предположения, тогда все действия Патриарха покажутся странными и даже прямо неблагоразумными, что совершенно на него не похоже. Зачем, напр[имер], вызывать М[итрополита] Агафангела в Москву, где могли сразу же его арестовать и след[овательно], Церковь осталась бы без В.Ц.У.

...Митр[ополит] Агафангел призван был только возглавить В.Ц.У. в Москве, а отнюдь не быть заместителем Патриарха вообще. Самое письмо Патриарха, на которое ссылается М[итрополит] Агафангел в послании, не дает ему права на этот титул»[1]. Сам митрополит Сергий позже объяснял «Меморандум трех» желанием войти в ВЦУ и повернуть его в каноническое русло, «спасти положение Церкви, предупредить анархию в ней»[2].

По поводу нового ВЦУ митрополит Кирилл (Смирнов) говорил на собрании казанского духовенства 24 июля 1922 г.: «Для меня треб[ование] ВЦУ как гражд[анского] учр[еждения] – обяз[ательно], но [как] церк[овного] не обяз[ательно]... Как церк[овное] же учреждение [ВЦУ] – нуль»[3]. Митрополит Кирилл полагал, что нужно принять участие в планируемом ВЦУ Соборе, чтобы заявить, «что Собор не наш»[4]. В итоге собрание духовенства Казани приняло резолюцию, где выразило сочувствие «мероприятиям, клонящимся ко благу Церкви», и лояльность к гражданской власти. В резолюции также было обозначено, что если церковный центр будет самочинно захвачен, а планируемый Собор не будет православным, станет необходимым «возвращение к апостольскому времени [в управлении], децентрализация»[5].

---

[1] *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. Вып. 6. С. 59.

[2] *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви. С. 516.

[3] Там же. С. 513.

[4] Там же.

[5] *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви. С. 515.

После 16 июня митрополит Сергий не получил возможности вернуться во Владимир и оставался в ссылке в нижегородском Крестовоздвиженском монастыре, сообщаясь с епархией посредством писем.

Как указано в сводке 6-го отделения СО ОГПУ № 2 «о расколе духовенства» за период с 25 июня по 20 июля 1922 г., в это время во Владимирской епархии обновленческие группы практически отсутствовали, существовала лишь одна: «В городе Суздале во главе с благочинным Антонином Златоустовым организована группа прогрессивного духовенства из 10 человек»[1]. Таким образом, можно утверждать, что до середины августа 1922 г. во Владимирской епархии обновленческое движение практически не получило развития. Митрополит Сергий в своем письме епископу Антонину (Грановскому) писал: «Движение Живой Церкви в нашей Епархии не имело сколько-ниб[удь] серьезной почвы. Духовенство (и в очень ограниченном числе) записывалось отчасти страха ради уполномоченных, коих принимало за агентов Г.П.У., отчасти по недоразумению, думая, что признавать В.Ц.У. без Ж[ивой] Ц[еркви] нельзя, и поэтому, как только недоразумение рассеялось, записавшиеся спешили вычеркнуться (напр[имер,] в Коврове, где кажется единственно – и было кое-что живоцерковное, заслуживающее упоминания)»[2].

Конфликты с обновленцами у митрополита Сергия и его викариев начались после состоявшегося с 6 по 17 августа в Москве съезда «Живой церкви».

В середине августа во Владимирскую епархию приехали уполномоченные ВЦУ, начавшие проведение в жизнь антиканонических решений съезда «Живой церкви». Ими был привезен устав группы «Живая церковь», определявший ее цели и задачи, структуры организации, права и обязанности ее членов[3].

25 августа 1922 г. митрополит Сергий направил в ВЦУ протест против решений съезда «Живой церкви». Он в ультимативной форме потребовал, чтобы антиканонические решения съезда живоцерковников не распространялись на Владимирскую епархию. Митрополит Сергий заявил, что запрещает священно-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 176. Л. 113.

[2] *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 69.

[3] Живая церковь. 1922. № 8/9.

действовать в своей епархии нарушителям канонов и прекращает с ними, а также с теми, «кто будет разрешать эти нарушения»[1], общение.

5 сентября 1922 г. на собрании владимирского духовенства было зачитано письмо митрополита Сергия о необходимости исполнения решений ВЦУ до тех пор, пока не будет получен ответ на его ультиматум. «Потерпите немного, – дело само собою выяснится, и будет ясно, куда нам идти. Теперь же все еще темно. Принимать окончательное решение в таких условиях нельзя», – писал митрополит Сергий[2]. До получения ответа из ВЦУ митрополит Сергий признал протоиерея М. Тихонравова уполномоченным ВЦУ и предложил ему созвать собрание духовенства, чтобы выбрать новый состав Епархиального управления из шести человек (три по предложению уполномоченного и три по выбору собрания). Уполномоченный также должен был войти в состав управления седьмым его членом, а председателем стать сам митрополит Сергий. Выборы состоялись 8 сентября, однако протоиерей М. Тихонравов разрешил выбрать только двух священников, чем нарушил условия митрополита Сергия[3].

На это последовал протест со стороны епископа Афанасия (Сахарова), заявившего в письме митрополиту Сергию, что выборы были проведены «по указке откуда-то совне, а не по Вашим указаниям» и что он отказывается от совместной работы с живоцерковником Тихонравовым, назвав ВЦУ властью «безусловно незаконной, захватнической», и просил предоставить ему отпуск или отправить на покой[4]. 10 сентября митрополит Сергий получил письмо от главы ВЦУ епископа Антонина (Грановского), писавшего, что протестное письмо митрополита Сергия в ВЦУ «не получено или было сокрыто»; Антонин предлагал организовывать в епархии группы возглавляемого им «Союза церковного возрождения»[5].

После этого, 13 сентября, митрополит Сергий объявил выборы несостоявшимися «ввиду отказа выбранных» и разорвал

---

[1] *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 55.

[2] Там же. С. 60.

[3] *Афанасий (Сахаров), еп.* Этапы и даты моей жизни. С. 170.

[4] *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 64–65; *Афанасий (Сахаров), еп.* Этапы и даты моей жизни. С. 167.

[5] *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 62.

отношения с ВЦУ по причине того, что ВЦУ утвердило антиканонические решения съезда «Живой церкви», против которых протестовал митрополит Сергий в письме от 25 августа. «Уполномоченным В.Ц.У. и членам „Живой Церкви“ предлагаю воздержаться от вмешательства в Управление Епархиею и все ранее составленные их постановления, касающиеся этого управления, признать недействительными», – говорилось в заявлении митрополита[1]. Все дела митрополит Сергий указывал направлять ему или его викариям. Таким образом, Владимирская епархия во главе с митрополитом Сергием перешла на автокефальное управление, как это ранее сделали некоторые другие епархии во главе с верными Патриарху Тихону архиереями.

29 сентября 1922 г. митрополит Сергий в письме епископу Антонину сообщал, что получает циркулярные предписания ВЦУ, подписанные Красницким, однако игнорирует их. Всем живоцерковникам он предложил быть солидарными с его протестом против утверждения ВЦУ антиканонических решений съезда «Живой церкви» и не вмешиваться в дела епархии. Митрополит Сергий получил письменное заявление о такой солидарности от уполномоченного ВЦУ и членов группы «Живая церковь»[2]. Порвав с живоцерковным ВЦУ, митрополит Сергий продолжил контакты с епископом Антонином и его «Союзом церковного возрождения». А. Левитин-Краснов писал, что митрополит Сергий «в сентябре выступил в союзе с Антонином Грановским против „Живой Церкви“»[3].

В следственном деле митрополита Сергия 1926–1927 гг. указано, что в 1922 г. митрополит Сергий второй раз приговорен «по ст. 16 и 180 на 3 года, и за амнистией на год тюр[емного] заключения»[4]. 14 октября 1922 г. ВЦУ с санкции ГПУ назначило на место митрополита Сергия епископа Серафима (Руженцова)[5]. Митрополит Сергий лишился возможности управления Владимирской епархией и, возможно, подвергся каким-то репрессиям. Однако 29 октября митрополит Сергий принял учас-

---

[1] *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 63.

[2] Там же. С. 69–70.

[3] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 124.

[4] ЦА ФСБ. Д. Р-31639. Л. 56 об.

[5] *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 71.

тие в Пленуме обновленческого ВЦУ в качестве заместителя председателя. Председательствовал митрополит Антонин (Грановский), его заместителями, кроме митрополита Сергия, были протоиерей А. И. Введенский, протоиерей В. Д. Красницкий, митрополит Евдоким (Мещерский), архиепископ Краснодарский Иоанн (Альбинский)[1].

31 октября 1922 г. на заседании Антирелигиозной комиссии (АРК) при ЦК РКП(б), созданной в том же году, было принято решение: «Епископа Сергия оставить в прежнем положении опального»[2].

§ 15. Обновленческие формы высшего церковного управления в мае – декабре 1922 г.

Образованное 19 мая 1922 г. обновленческое ВЦУ возглавил заштатный епископ Антонин (Грановский). Согласно А. Левитину-Краснову, Красницкий и Введенский, приехав на Троицкое подворье 19 мая, увидели Антонина, который объявил, что поставлен возглавлять ВЦУ[3]. «После переезда Патриарха в Донской монастырь шайка захватчиков расположилась в его покоях. Гражданская власть сняла печать с архивов в канцелярии и таким образом передала в их руки весь механизм церковного управления», – отмечал очевидец событий[4]. По словам М. Е. Губонина, «архивы и дела Патриаршего Священного Синода, – все это было оставлено на Троицком подворье»[5]. Вероятно, архивные материалы канонического ВЦУ за 1922 г. были взяты за основу для формирования архива обновленческого ВЦУ. Обновленческие же архивы были уничтожены в 1950 г.[6] Среди уничто-

---

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 154–155.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 4; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 336.

[3] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 75.

[4] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 81.

[5] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 232.

[6] См.: *Сафонов Д. В.* Материалы по истории обновленческого раскола в российских архивах // XVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы 2006 г. М., 2006. Т. 2. С. 198–205.

женных материалов значилась «переписка Высшего Церковного Управления 1922 г.».

Епископ Антонин, поставленный во главе ВЦУ, постоянно конфликтовал с «Живой церковью» и ее лидером В. Д. Красницким. В субботу 20 мая епископ Антонин произнес проповедь, в которой, по словам очевидца, сказал, что «он не за одно с деятелями, разоблачая их проделки[,] и обращался за одобрением к слушателям»[1].

Предложение занять должность в обновленческом ВЦУ было сделано управляющему канцелярией ВЦУ В. П. Гурьеву и епископу Иларион (Троицкому), им было обещано «немедленное освобождение и прекращение возбужденного против них судебного преследования»[2]. Оба отказались от этого предложения.

Началось создание новых высших органов церковной власти. В первом номере журнала «Живая церковь» было опубликовано обращение «инициативной группы духовенства и мирян» во ВЦИК с призывом создать «при ВЦИК особого Всероссийского комитета по делам Православной Церкви, духовенства и мирян Православной Церкви во главе с главным уполномоченным по делам Православной Церкви в сане епископа... органами Всероссийского Комитета на местах были бы уполномоченные его при губисполкомах из лиц[,] состоящих в священном сане»[3]. По сути, данное требование уже было реализовано властью при создании ВЦУ, правда, этот орган не получил государственного статуса, так как это противоречило бы декрету об отделении Церкви от государства, однако ему была оказана всемерная государственная поддержка.

24 мая ВЦУ актом за подписью епископа Леонида (Скобеева), заместителя главы этого органа, направило А. И. Введенского в Петроград. Ему было дано удостоверение, где говорилось: «Дано сие протоиерею Александру Иоанновичу Введенскому, настоятелю церкви Захарии и Елизаветы в Петрограде[,] в том, что он, согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона, является полномочным членом ВЦУ и командируется по делам церкви в Петроград и другие местности Российской Республики»[4].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 307.

[2] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 81.

[3] Живая церковь. 1922. № 1. С. 10; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 181. Л. 5 об.

[4] *Введенский А. И.* Церковь и революция. Пг., 1922. С. 23.

В ВЦУ изначально вошли лица, по выражению Е. А. Тучкова, «с подмоченными репутациями»[1]. Это было сделано для того, чтобы новое церковное управление было максимально подконтрольно ГПУ и не имело возможности предпринимать шаги, противные воле чекистов. Кроме того, расчет был сделан на внутренние распри и противоречия между членами ВЦУ, прежде всего между епископом Антонином (Грановским), с одной стороны, и Красницким с его «Живой церковью» – с другой. Епископ Антонин изначально находился в оппозиции к Красницкому и «Живой церкви»[2]. В письме митрополиту Сергию (Страгородскому) Антонин называл Красницкого и его «Живую церковь» «седалищем губителей», а свой временный союз с ними объяснял соображениями «государственного порядка, чтобы не расщеплять раскола в народе и не открывать церковной междоусобицы»[3]. ВЦУ был искусственно созданным органом, работать вместе его членов заставляли «соображения государственного порядка», вернее, указания ГПУ.

31 мая 1922 г. в письме епископу Виктору (Островидову) Антонин изложил задачи «нового церковного строительства»: «...ликвидация не только явных, но и потайных контрреволюционных тенденций, мир и содружество с советскою властию, прекращение всяких оппозиций и ликвидация патриарха Тихона, как ответственного вдохновителя непрекращающихся внутрицерковных оппозиционных ворчаний. Собор, на который возлагается эта ликвидация, предполагается созвать в половине августа»[4]. И все же для ГПУ Антонин был неудобной фигурой. Он не являлся сексотом ГПУ, а своим вхождением в ВЦУ был обязан более партийным руководителям, чем чекистам. Кроме того, у него имелось представление, хотя и ущербное, о необходимости соблюдать церковные каноны. Он был не вполне управляем и поэтому опасен для ГПУ. Хотя, конечно, нельзя согласиться с утверждениями сегодняшних защитников Антонина о том, что «никто и никогда не мог обвинить Антонина и его общину в содействии ГПУ, причина того – прямота и цельность владыки,

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 81; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 309.

[2] *Цыпин В., прот., Иннокентий (Павлов), игум.* Антонин (Грановский) // ПЭ. Т. 2. С. 683.

[3] *Косик О. В.* К истории Владимирской епархии (1917–1933 гг.). С. 61.

[4] Цит. по: *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2000. Кн. 4. С. 124.

а также огромный авторитет его в РПЦ и уважение к нему даже советской власти»[1]. Он был необходим на первое время для организационного оформления раскола и в том числе для совершения рукоположений.

По словам нового управделами ВЦУ В. Н. Львова, «Антонин собирает вокруг себя реакционные элементы прихожан, которые... начинают поход против „Живой Церкви", укоряя ее в профессиональности движения и отстаивая монашество в епископате...»[2]. Антонин был единственным принципиальным противником женатого епископата в ВЦУ. Между тем для ГПУ насаждение женатого епископата было принципиально важным. Е. А. Тучков считал, что «окончательно разгромить тихоновский и полутихоновский епископат и лишить его управления церковью возможно было бы только в том случае, если-бы вопреки канонам посвящать женатых попов в епископы и выбрать из них епископов с любыми взглядами»[3].

В письме митрополиту Сергию (Страгородскому) Антонин (Грановский) писал: «Женатого архиерея я все же остановил. А они было и наречение совершили. Пришлось прибегнуть к внешнему воздействию, которое на сей раз удалось»[4]. Красницкий не раз обращался к своим кураторам в ГПУ с просьбой выслать Антонина из Москвы. Об этом сообщал сам Антонин в письме митрополиту Сергию[5].

Все это вызывало озабоченность у Е. А. Тучкова. Убрать Антонина из ВЦУ он не мог, так как на это была необходима санкция Л. Д. Троцкого, курировавшего церковные вопросы в Политбюро. Поэтому Тучков 24 июня обратился к своему начальнику Самсонову с рапортом, в котором указывал: «...в работе отделения по расколу церковников создаются некоторые ненормальности, вследствие которых не представляется возможным провести ту линию, которая намечена. В В.Ц.У. вопреки нашему желанию наметилась определенная тенденция не принимать

---

[1] *Заиканова И.* Епископ Антонин (Грановский) и «обновленчество» // Живое предание: Материалы богословской конференции. Октябрь 1997 г. М., 1999. С. 163.

[2] *Одинцов М. И.* Русские Патриархи XX в.: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 101.

[3] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 331.

[4] *Косик О. В.* К истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 62.

[5] Там же. С. 61.

и не утверждать попов, дьяконов и т. д. с подмоченными репутациями[,] как то: расстриг, иллиадорцов и т. д. Замечается также уклон в сторону гуманности по отношению к высшим антисоветским иерархам...»[1]. Причиной недовольства Тучкова был именно Антонин как председатель ВЦУ, требовавший соблюдения канонов. Кроме того, его связывали дружеские узы с некоторыми «высшими антисоветскими иерархами». Самсонов также всячески пытался избавиться от Антонина. 19 июля он направил зампреду ГПУ Уншлихту записку о том, что ВЦУ «переживает большой и нежелательный для правительства кризис», и просил о скорейшем «восстановлении в правах Красницкого и удалении Антонина»[2]. Уншлихт оставил на документе помету своему помощнику с просьбой напомнить ему переговорить по этому вопросу с Троцким. Если такой разговор и имел место, то Л. Д. Троцкий своего согласия на это не дал. Это противоречило бы его собственной стратегической линии, намеченной в письме в Политбюро от 24 мая: не поддерживая ни одну из церковных группировок (даже неофициально), провоцировать борьбу между ними[3]. ГПУ же на этом этапе делало ставку на своего сексота Красницкого и «Живую церковь», с помощью которой чекисты пытались разложить Церковь изнутри, насаждая духовенство «с подмоченной репутацией», антиканонические реформы и т. п. Тучкова не смущало то, что, по его собственным словам, обновленцы «с самого начала себя до крайности скомпрометировали»[4].

В этой ситуации, не имея возможности избавиться от неугодных лиц в ВЦУ, ГПУ сделало ставку на усиление группы «Живая церковь» во главе с В. Красницким, пытаясь избавиться от Антонина руками «Живой церкви». Как упоминалось выше, Красницкого сделали настоятелем кафедрального храма Москвы – храма Христа Спасителя. Для этого ГПУ пришлось разогнать весь клир храма: ВЦУ уволило за штат трех протоиереев и одного диакона, остальные были переведены в другие епархии. Красницкий, водворившись в храме, решил подвести под арест и активных мирян[5].

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 309.
[2] Там же. С. 307.
[3] Там же. Кн. 1. С. 181.
[4] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 158.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 234 об.

В августе 1922 г. состоялся съезд «Живой церкви». Значение съезда понимали и в Политбюро, для членов которого – Л. Д. Троцкого и И. В. Сталина, а также для всех своих начальников по ГПУ – Т. П. Самсонова, Г. Г. Ягоды, И. С. Уншлихта и Ф. Э. Дзержинского – Е. А. Тучков подготовил две сводки о ходе работы съезда. Согласно сводке № 1 перед началом съезда 3 августа состоялось подготовительное совещание из священников-живоцерковников, разработавших повестку дня[1] с учетом указаний Тучкова. 6-е отделение имело на соборе значительное количество секретных сотрудников и осведомителей. Таким образом, у ГПУ была возможность направлять съезд в нужное ему русло. В первый день работы съезда в нем приняли участие 190 членов группы «Живая церковь» из 24 епархий[2]. По данным Е. А. Тучкова, на съезде присутствовало до 200 делегатов[3]. Съезд избрал председателем В. Красницкого, который потребовал, чтобы все монахи во главе с епископом Антонином (Грановским) удалились[4]. Это было сделано для того, чтобы епископы не помешали реализации задач, поставленных перед Красницким и его сотоварищами в ГПУ. Было принято «письмо-декларация во ВЦИК, выражающее благодарность за разрешение на открытие съезда»[5]. 8 августа началась реализация программы, подготовленной в ГПУ: съезд принял решение о закрытии всех монастырей, которых в России на тот момент оставалось немало (монахам при этом рекомендовалось жениться), поставил задачу добиваться суда над Патриархом Тихоном и лишения его сана (его имя запрещалось поминать за богослужением), всех епископов-монахов, не поддержавших обновленчество, предписывалось удалять с кафедр.

После принятия этих радикальных решений Красницкий позволил архиереям вернуться на съезд. Кроме епископов, поставленных обновленцами, пришли архиепископ Евдоким (Мещерский), епископ Виталий (Введенский) и другие. Епископ Антонин, которому, как и архиепископу Евдокиму, съезд присвоил

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 8. Л. 31; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 315–316.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 118.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 106; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 397.

[4] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 119.

[5] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 316.

сан митрополита, отказался явиться на дальнейшие заседания. Антонин в письме митрополиту Сергию (Страгородскому) писал про Евдокима: «...НН приезжал на съезд коварством вышибить меня. Я уступил бы ему открыто, если бы он заикнулся. Но он вел себя неприлично, лебезя перед Красницким...»[1]. Несмотря на свою обиду на съезд, сан митрополита Антонин все же принял, не желая отставать от Евдокима: «Я писал Евдокиму, предлагая отказаться от этого титула, как полученного из „грязных рук". Но Евдоким величает себя митрополитом. Тогда и мне нечего смирять себя. И я пишусь митрополитом, хотя при первой оказии откажусь»[2]. В заседаниях съезда принял участие представитель Константинопольского Патриархата архимандрит Иаков[3].

Съезд совершил переворот в ВЦУ. Новый состав ВЦУ состоял из 15 человек, 14 из которых были живоцерковниками. К этой группе не принадлежал только Антонин (Грановский). 6 августа, как отмечалось выше, Антонину был дан титул митрополита, и он с титулом «митрополит Московский и всея Руси» был назначен управляющим Московской епархией вместо епископа Леонида (Скобеева)[4]. Красницкий стал подписывать свои письма и циркуляры как «председатель ВЦУ». Так, он подписал указ об увольнении от управления епархией, направленный митрополиту Кириллу (Смирнову)[5] и другим архиереям. Антонин, хотя и продолжал называть себя председателем ВЦУ, реальную власть утратил. Он обещал: «...вымету Красницкого и всю его банду из ВЦУ»[6]. «Живую церковь» он считал «поповским профсоюзом, желающим только жен, наград и денег»[7].

С созданием 19 октября 1922 г. решением Политбюро Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б)[8] начинается новый этап в истории обновленческого движения. Решения комиссии гото-

---

[1] *Косик О. В.* К истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 62.

[2] Там же. С. 61.

[3] См.: *Мазырин А., иерей.* Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол // http://www.bogoslov.ru/text/print/477054.html.

[4] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 110.

[5] *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви. С. 229.

[6] *Косик О. В.* К истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.). С. 61.

[7] *Цыпин В., прот., Иннокентий (Павлов), игум.* Антонин (Грановский) // ПЭ. Т. 2. С. 683.

[8] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 325.

вились секретарем АРК и начальником 6-го отделения СО ГПУ Е. А. Тучковым. Их реализацией занимался также Тучков. Таким образом был создан единый механизм руководства расколом, просуществовавший до ноября 1929 г.

31 октября 1922 г. состоялось второе заседание АРК, на котором впервые была рассмотрена работа ГПУ по насаждению обновленческого раскола[1]. Информация с мест, где в ряде случаев обновленцев начали активно вытеснять архиереи старого поставления, часто поддерживавшие «Союз церковного возрождения», привела ГПУ к пониманию того, что «организация новых групп, ослабившая „Живую Церковь“ тогда, когда еще тихоновских приверженцев епископов оставалось правящими 65 человек[,] оказалось мероприятием преждевременным, что тихоновцы, пользуясь неразберихой, стали после первого испуга приходить в себя и организовываться (правда не под открытым тихоновским флагом), а в иных местах и действовать[,] выгоняя обновленцев из епархиальных управлений[,] и не подчиняются ВЦУ...»[2].

Согласно сводке ГПУ, направленной в ЦК РКП(б) в октябре 1922 г., «в связи с междоусобицами в среде православного духовенства и произошедшей реорганизации ВЦУ работа последнего значительно ослабла. Связь с местами почти совершенно прервалась»[3].

§ 16. Создание Антирелигиозной комиссии (октябрь – декабрь 1922 г.)

Заседание Оргбюро ЦК 13 октября 1922 г. вынесло решение об организации новой Антирелигиозной комиссии. Новая комиссия должна была направлять политику по разрушению Церкви, а также «установить тесную и постоянную связь с ГПУ»[4]. Инициатива создания Комиссии и определение ее состава принадлежали И. В. Сталину, который добился оттеснения Троцкого от влияния на «церковную» политику государства. Л. Д. Троцкий воспринял это как «происки» Сталина и попытку отодвинуть

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 331–334.
[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 3; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 334.
[3] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 1, ч. 1. С. 298.
[4] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 320.

его от церковных вопросов[1]. Специально изучавший этот вопрос И. А. Курляндский пришел к выводу, что для Троцкого эта антирелигиозная сфера была очень важна, но он так и не смог вернуть ее под свой контроль[2].

19 октября состоялось заседание «Комиссии по проведению отделения церкви от государства»[3]. Помимо членов комиссии, намеченных Оргбюро: П. А. Красикова, Н. Н. Попова*[31], В. Р. Менжинского, И. М. Скворцова-Степанова и П. Г. Смидовича*[32], – на заседание прибыли И. П. Флеровский в качестве заместителя Н. Н. Попова и Л. Д. Троцкий. Последний тут же единогласно был введен в состав комиссии в качестве ее председателя. Кроме того, комиссия оговорила свои претензии на руководство всей «религиозной» политикой, обратившись в Политбюро с просьбой: «Утвердить Комиссию в качестве единственной руководящей в делах Церковной политики и анти-религиозной агитации и пропаганды...»[4]. Также было решено проводить заседания еженедельно по понедельникам в кабинете М. И. Калинина.

19 октября 1922 г. Политбюро утвердило состав АРК: П. А. Красиков, Н. Н. Попов, В. Р. Менжинский, И. И. Скворцов-Степанов и П. Г. Смидович.

Н. Н. Попов председательствовал в АРК до 25 января 1923 г. Костяк АРК составили старые большевики «ленинской гвардии» и ранее занимавшиеся вопросами, связанными с идеологией и антирелигиозной пропагандой.

Значительную роль в работе АРК играл ее бессменный секретарь Е. А. Тучков. Он вел протоколы заседаний, готовил повестки дня, рассылал выписки из протоколов, осуществлял взаимодействие с другими ведомствами. Н. Н. Попов считался человеком Троцкого в АРК, и само его назначение в комиссию исходило от последнего, поэтому Секретариат ЦК добивался его вывода из комиссии даже после того, как он был смещен с поста ее руководителя. Это удалось сделать по мере ослабления позиций Троцкого в борьбе с «триумвиратом» Сталин – Каменев – Зиновьев.

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 2. С. 213.

[2] *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия: (Религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 168–170.

[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 324.

[4] Там же.

ГЛАВА IV
Подготовка процесса над Патриархом Тихоном

§ 1. Патриарх Тихон в период проводимого ГПУ дознания по его делу (15 декабря 1922 г. – 6 марта 1923 г.)

10 октября 1922 г. был освобожден Яков Полозов[1]. 30 октября коллегия ГПУ передала дело митрополита Агафангела (Преображенского) в комиссию по административным высылкам. 29 ноября ему было объявлено решение комиссии о высылке в Нарымскй край на три года. Несмотря на тяжелые болезни, значительную часть пути его гнали по этапу – на этом настаивал Е. А. Тучков[2].

31 октября 1922 г. АРК поручила Тучкову доложить на следующем заседании, «в каком положении сейчас дело Тихона, какой материал имеется, нужно ли ставить процесс его и как с ним поступить в противном случае»[3].

На заседании 14 ноября 1922 г. АРК было принято решение: «Поручить ГПУ закончить дело ТИХОНА в месячный срок»[4]. При этом члены комиссии признали необходимым организовать процесс над Патриархом Тихоном до обновленческого собора. Также были сформулированы основные пункты обвинения в отношении Патриарха: «1) борьба с декретом об отделении

---

[1] Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 335.

[2] Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника. М., 2006. Кн. 2. С. 208–209.

[3] Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1997. Кн. 1. С. 334.

[4] Там же. С. 522.

церкви от государства, 2) борьба со вскрытием мощей, 3) противодействие изъятию церковных ценностей, 4) систематическая контр-революц[ионная] деятельность»[1].

16 ноября Коллегия ГПУ приняла решение выйти с ходатайством в Президиум ВЦИК о продлении срока содержания под стражей Патриарха до окончания следствия[2]. Уже 20 ноября ВЦИК удовлетворил просьбу ГПУ[3]. С этого момента работа по подготовке процесса значительно активизировалась. В отчетном докладе АРК Политбюро от 28 ноября указывалось, что епископов и священников, ближайших помощников Патриарха, «решено предать суду с бывшим патриархом»[4]. Ведение дела в срочном порядке поручалось следователю по особо важным делам при СО ГПУ Я. С. Агранову*[1].

Новый этап активной подготовки процесса над Патриархом начался 15 декабря 1922 г. В этот день особоуполномоченный ГПУ Я. С. Агранов подписал постановление, в котором говорилось: «...приступить к производству дознания по обвинению гр. Беллавина и Феноменова, запросить из судебных учреждений Республики на предмет осмотра – заслушанные дела по обвинению церковников, согла[с]но директивному посланию гр. Беллавина от 28 февраля 1922 г. оказывавших противодействие Соввласти на местах по изъятию церковных ценностей»[5]. Основанием для этого явился приговор Московского трибунала от 5 мая 1922 г., где Патриарх Тихон и архиепископ Никандр именуются «зачинщиками и организаторами кампании по противодействию мероприятиям Соввласти...»[6].

В Москву перевезли из Владимирской тюрьмы и поместили во внутреннюю тюрьму ГПУ митрополита Никандра (Феноменова). На этом этапе произошло объединение в единое производство дел Патриарха Тихона (№ 16295) и митрополита Никандра (Феноменова) (№ 14088). Ожидался суд над Патриархом. Наблюдатели из АРА писали: «В числе 115-ти не было архиепископа

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 522–523.

[2] Центральный архив ФСБ (далее: ЦА ФСБ). Д. Н-1780. Т. 4. Л. 313.

[3] Там же. Л. 314.

[4] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 340–341.

[5] Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 182.

[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 12; Следственное дело... С. 182.

Московского Никандра. Очевидно, его предполагают судить вместе с Патриархом. Летом архиепископ Никандр был отправлен во Владимир, где и находился в тюрьме. Теперь его перевезли в Москву и поместили во „внутренней" тюрьме Чрезвычайной комиссии на Лубянке. Патриарха стали посещать для допроса чаще обыкновенного и новые лица»[1].

На самом деле допросы Патриарха проходили на Лубянке. М. А. Вешнева в том месте своих воспоминаний, которые относятся к концу декабря 1922 г., пишет: «Последнее время Алеша*[2] каждый день возит патриарха на Лубянку. Поэтому он ездит в роскошном шоколадном „лимузине", внутри отделанном белой лайкой»[2]. Возможно, ежедневные «беседы» Патриарха с Аграновым оформлялись в протокол по итогам нескольких дней. Ежедневные изнуряющие допросы очень утомляли Святейшего. М. А. Вешнева вспоминала: «С Лубянки патриарх возвращается всегда очень утомленным. А когда отдышится – пройдется по всем комнатам, остановится в дверях дежурки и на меня посмотрит. Он ничего не говорит, только глаза у него улыбаются»[3].

«Собеседник» Патриарха Яков Саулович Агранов – примечательная фигура в ГПУ. Современник говорил об этом человеке так: «...я очень часто видел Агранова. Вспоминались всегда строки Лермонтова о Басманове „с девичьей улыбкой, со змеиной душой...", вспоминались потому, что тонкие губы Якова Сауловича всегда змеились не то насмешливой, не то вопрошающей улыбкой. Умный был человек...»[4]. Агранов умел находить общий язык не только с сотрудниками, но и с жертвами ведомства. Он обладал интеллигентными манерами и не был хамом в отличие от многих других сотрудников ГПУ. Агранов – выдвиженец Г. Г. Ягоды, стремительно набиравшего силу в ГПУ. Самсонов, глава Секретного отдела, при котором числился Агранов, вступил с Ягодой в конфликт. Поняв, что не сможет

---

[1] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // Журнал Московской Патриархии (далее: ЖМП). 2007. № 11. С. 91.

[2] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... (осень 1922 – весна 1923) // Юность. 1990. № 9. С. 79.

[3] Там же.

[4] Цит. по: *Тумшис М. А.* ВЧК. Война кланов. М., 2004. С. 100.

работать с Ягодой, он уже 23 января 1923 г. подал в Коллегию ГПУ рапорт об уходе. Коллегия решила: «Заявление Самсонова об уходе – отклонить»[1].

Основной особенностью этого и других протоколов допросов Патриарха Аграновым является то, что в них фиксировались суммарно, конспективно в отредактированном виде только ответы Патриарха, а заданные вопросы не указывались. В любом случае эти протоколы не позволяют составить объективную картину того, как проходили допросы и что в действительности говорил Патриарх. Допросы оформлялись на бланках рукой самого Агранова и подписывались Патриархом. Стиль изложения ответов не свойственен Патриарху, что говорит о том, что запись производилась Аграновым не буквально, а в той форме, в какой он считал нужным, и давалась на подпись допрашиваемому.

При изучении таких источников, как протоколы допросов, особенно важно учитывать специальные условия и задачи создания этой документации. Из истории ВЧК–ГПУ–НКВД известно, что к подследственным применялись различные методы воздействия – от угроз до страшных пыток. Хотя в документах 6-го отделения СО ГПУ подробно не раскрывается, как проводились допросы Патриарха, очевидно, что он находился под жесточайшим давлением. Н. А. Кривова по этому поводу отмечает: «...форма изложения ответов допрашиваемого патриарха отличается от его посланий, воззваний. Допросы фиксировались следователем ГПУ конспективно... поэтому говорить о дословности записи ответов патриарха не приходится. Даже в тех случаях, когда ответы написаны собственноручно патриархом, их стилистика соответствует скорее передовицам и агиткам, нежели речи первосвятителя. Поэтому при разборе ответов допрашиваемого необходимо учитывать оказываемое на них влияние условий и обстоятельств допроса»[2].

Н. А. Кривова ошибочно принимает протоколы, написанные рукой следователя, за написанные лично Патриархом. В частности, в своей монографии она приводит фотокопию протокола

---

[1] Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007. С. 424.

[2] *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 166.

допроса Патриарха от 13 марта 1923 г. с неверным указанием, что ответы написаны рукой Патриарха[1]. В следственном деле Патриарха присутствует большое количество документов, написанных самим Патриархом, что позволяет делать определенные выводы об особенностях его почерка, отличавшегося неровностью. Сравнение почерка Патриарха с почерком, которым написаны протоколы допросов, позволяет утверждать, что Патриарх собственноручно писал ответы на допросе 31 августа 1922 г. (допрос проводил Е. А. Тучков)[2].

Первый протокол допроса Патриарха Я. С. Аграновым датирован 26 декабря 1922 г. Темой допроса было послание Патриарха от 28 февраля 1922 г. Патриарх Тихон подписал показания, где говорилось, что он не считает послание от 28 февраля 1922 г. контрреволюционным, «хотя оно и носит антисоветский характер»[3].

29 декабря, на следующем допросе, Агранов пытался инкриминировать Патриарху создание антисоветского формирования, которое он усматривал в группе верующих, добровольно охранявших Патриарха в 1918–1919 гг.[4] Патриарх признал себя нравственно ответственным «за все выступления и столкновения верующих с властью» после его послания от 28 февраля 1922 г.[5] На этом, как и на некоторых других протоколах допросов Патриарха, в левом верхнем углу стоит запись: «Срочно в 3-х экз[емплярах]», сделанная первым заместителем председателя ГПУ И. С. Уншлихтом, которому протоколы подавались для просмотра. Дополнительные экземпляры, по-видимому, были необходимы для представления более высокому руководству.

1 января Патриарх, не отмечавший Новый год по новому стилю, поздравил с этим праздником своих надзирателей. М. А. Вешнева писала: «А когда наступил Новый год и мы по благовесту поняли, что начали поздравлять, раздались тихие шаги. Удивленные, мы обернулись (патриарх никогда не приходил ночью), увидели его. В шелковой рясе, с большим золотым крестом

---

[1] *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. С. 171.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 91–93.
[3] Там же. Л. 100.
[4] Там же. Л. 105–106.
[5] Там же.

на груди, с тщательно расчесанными серебряными волосами. Он держал деревянный поднос, полный пряников, пастилы, орехов и яблок. Поставил на стол, низко поклонился и поздравил нас с Новым годом. Мы встали и тоже поздравили его, пожелав здоровья и удачи. А потом вскипятили чай, вызвали часового и великолепно втроем отметили Новый год»[1].

2 января 1923 г. Патриарх признал себя виновным в том, что «составил... послание, в котором признал факт изъятия ценностей из церквей святотатством с указанием на те кары, которым должны подвергнуться миряне и священнослужители при выдаче церковных ценностей»[2].

Во время очередного допроса 11 января 1923 г. Патриарх подписал протокол, где признавал, что изъятие церковных ценностей не является святотатством[3].

Патриарх указал, что его охрана, организованная верующими в 1918 г., была безоружна и фактически сводилась к почетной охране[4]. Этим ведал Совет объединенных приходов Москвы. Патриарх Тихон отверг обвинение в том, что он якобы благословлял «на распространение инструкций Совета объединенных приходов, где давались указания об отпоре соввласти»[5]. Патриарх указывал, что депутации только информировали его о своих планах, никаких совместных решений не принималось[6]. Однако ГПУ добилось от бывшего члена антисоветского Национального центра С. М. Леонтьева показаний, в которых он говорил: «В конце беседы Патриарх нас благословил и пожелал успеха нашей, в то время, чисто идеологической работе»[7].

18 января 1923 г. Патриарх подтвердил прием делегации антисоветских организаций в составе С. М. Леонтьева, С. Д. Урусова, С. А. Котляревского и А. В. Карташева и сказал, что благословил их[8]. Однако это обычное пастырское благословение следствием толковалось как благословение антисоветской деятельности этих организаций. Агранов также выдвинул обви-

---

[1] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 80.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 107; Следственное дело... С. 188–189.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 115.
[4] Там же. Л. 116–116 об.
[5] Там же. Л. 116.
[6] Там же.
[7] Там же. Л. 118.
[8] Там же. Л. 124.

нение в связи Патриарха с Русской Православной Церковью Заграницей. Во время допроса 18 января Патриарх сказал, что политические заявления Карловацкого Собора считает антинародными и неправомерными, так как церковный Собор не должен был обсуждать политические вопросы, а свое благословение на открытие Собора Патриарх признал ошибочным[1].

На допросе 25 января Патриарх еще раз подтвердил, что «никакой практической поддержки белым армиям, генералу Деникину и Колчаку не оказывал»[2]. Патриарх отрицал также и то, что благословлял лидеров Белого движения.

О том, что «компромат» на Патриарха собирался весьма тщательно, говорит тот факт, что Е. А. Тучков разослал во все региональные отделы ГПУ телеграммы с просьбой выслать все материалы по Патриарху. 23 января астраханский отдел ГПУ сообщил, что у них имеются копии воззвания от 28 февраля 1922 г.[3] Также в январе Я. С. Агранов направил письмо в Верховный суд с просьбой выдать следственные дела об изъятии церковных ценностей для приобщения к делу Патриарха Тихона.

Определенную роль в формировании политики властей в процессе над Патриархом сыграла смена главы АРК. Вопрос о председателе АРК был решен Политбюро 25 января 1923 г. постановлением «о пополнении состава Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б)». Согласно инициированной Сталиным просьбе Оргбюро (Секретариата) от 18 января 1923 г., рассмотревшего предложение А. С. Бубнова, члены Политбюро: Каменев, Троцкий, Томский, Сталин, Рыков – и кандидаты в члены: Калинин, Молотов, Бухарин – назначили председателем комиссии члена ЦК Е. М. Ярославского, оставив Н. Н. Попова заместителем председателя[4].

30 января 1923 г. АРК рассмотрела вопрос «О деле Тихона». Было решено «ограничить до минимума число обвиняемых и свидетелей», а «процесс по делу закончить до 25 марта»[5].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 124.

[2] Там же. Л. 131 об.

[3] Там же. Т. 4. Л. 315.

[4] Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 331. Л. 1, 2; Оп. 112. Д. 405. Л. 7, 207; Оп. 163. Д. 314. Л. 2, 16; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 358–359.

[5] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 522.

6 февраля 1923 г. Е. А. Тучков подписал положение о 6-м отделении СО ГПУ*[3]. АРК был разработан проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о процессе над Патриархом Тихоном: «...Предложить антирелигиозной комиссии принять меры к окончанию следствия в ближайший срок с тем, чтобы можно было поставить дело к слушанию в последних числах марта.

...Ограничить до минимума количество обвиняемых и свидетелей, чтобы процесс тянулся не более 6-и дней»[1]. 8 февраля Политбюро одобрило предложения Е. М. Ярославского: «Принять предложение антирелигиозной комиссии о постановке в марте месяце процесса Тихона. Персональную ответственность за ведение этого процесса возложить на т.т. Рыкова, Крыленко и Калинина»[2]. Сотрудники АРА писали в феврале 1923 г.: «...в 9-м номере газеты „Безбожник“ от 11 февраля впервые появляется известие о суде над Патриархом. Передовая статья газеты начинается словами: „В ближайшее время предстоит процесс главы контрреволюционной организации, под покровом Церкви вершившей дело борьбы с раскрепощением народа. Пред судом предстанет князь-папа, князь-патриарх Тихон“. В этом же номере есть сообщение о созыве Собора на 15 апреля. Начнется ли процесс Патриарха действительно в ближайшем будущем или будет отложен до Собора, пока для ответа на этот вопрос нет никаких данных. Но из вполне достоверных источников известно, что следствие над Патриархом будет закончено на текущей неделе (от 18-го до 24 февраля [1923 года])»[3].

На допросе 16 февраля 1923 г. Патриарху пришлось объяснять причины написания посланий в 1918–1919 гг., определивших отношение Церкви к советской власти, прежде всего к СНК в первую годовщину советской власти. Послания, по словам Патриарха, были составлены в духе настроений и решений Поместного Собора 1917–1918 гг., т. е. в духе непримиримой и активной борьбы против советской власти. Наконец в этот день Агранову удалось вынудить Патриарха подписать протокол допроса, где говорилось: «Я признаю свою вину перед Советской властью в том, что в 1918 г. по осень 1919 г. издал

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 258–259.
[2] Там же. С. 259–260.
[3] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах. С. 91.

ряд посланий контрреволюционного характера, направленных против Советской власти и использованных (обращение мое в Совет Народных Комиссаров от 13/26 Октября 1918 г. – последнее без моего ведома) ген[ералом] Деникиным и другими Белыми организациями в их борьбе с Советской властью... Я признаю, что мое послание от 19/I–1918 г. заключало в себе анафематствование Советской власти и призывало верующих сплотиться и организоваться в духовные союзы для отпора всяким покушениям на церковь и политике Советской власти в отношении церкви»[1].

Особое место занимало обвинение Патриарха в связи с Белым движением в годы Гражданской войны. Патриарха обвиняли в том, что он в 1919 г. вел переговоры с депутацией ряда антисоветских организаций: «Советом общественных деятелей» (Котляревским), «Тактическим центром» (Карташовым) и другими – о будущих взаимоотношениях Церкви и государства, церковной реформе после свержения советской власти.

Согласно заключению 6-го отделения СО ГПУ от 17 февраля 1923 г., дело № 16295–14088–14263–14219 было передано в Верховный суд РСФСР для дальнейшего производства[2]. Это решение было подтверждено в протоколе заседания Коллегии ГПУ от 6 марта 1923 г., согласно которому передавались дела № 16295 (в отношении Беллавина В. И. – Патриарха Тихона), № 14088 (в отношении Феноменова Н. Г. – митрополита Никандра), № 14263 (в отношении Гурьева П. В.), № 14219 (в отношении Александрова Д. А. – архиепископа Серафима)[3]. В Верховном суде эти материалы составили 1-й том дела № 60 «по обвинению гр. Беллавина (Патриарха Тихона), Феноменова (архиепископа Никандра) и других в контрреволюционной деятельности»[4].

На допросе 24 февраля 1923 г. встал также вопрос об указе («доверительном циркуляре») Патриарха Тихона епархиальным архиереям об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении мощей святых от 17 февраля 1919 г. Речь шла о распоряжении Патриарха устранить приспособления и оправы,

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 162.
[2] Там же. Т. 2. Л. 61.
[3] Там же. Т. 29. Л. 2.
[4] Там же. Обложка дела.

придававшие мощам подобие человеческого тела, нахождение которых в раках могло дать повод комиссиям к «разоблачениям» и смущению верующих[1]. Патриарх говорил на допросе, что циркулярные письма архиереям он «писал в доверительном секретном порядке, чтобы это обращение не стало известно широким массам... для того, чтобы в случае вскрытия мощей не было повода к смущению верующих»[2]. Одним из пунктов обвинения было также то, что Патриарх являлся почетным членом «Союза русского народа», что́ он признал на допросе 5 марта 1923 г.[3]

Вопрос о деле Патриарха Тихона обсуждался Антирелигиозной комиссией 27 февраля 1923 г., когда был выслушан доклад Агранова о ходе следствия[4]. Я. С. Агранов добивался от Патриарха признания антисоветского характера и неканоничности его послания об изъятии церковных ценностей от 28 февраля 1922 г.

2 марта 1923 г. Я. С. Агранов провел допрос Патриарха уже в качестве следователя Верховного суда.

§ 2. Подготовка обновленческого лжесобора

25 декабря 1922 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд уполномоченных ВЦУ и членов Московского Епархиального Управления, на котором было принято решение о созыве обновленческого «Поместного собора». Главной задачей собора провозглашалось преобразование Российской Православной Церкви в соответствии с новыми условиями жизни в России. Основной вопрос, волновавший АРК и ГПУ, был связан с подготовкой к проведению Поместного собора и планировавшимся на нем окончательным разгромом «тихоновщины». Задача проведения собора «на предмет избрания нового синода и патриарха» была поставлена в ГПУ еще в марте 1922 г.[5] 28 ноября 1922 г. АРК

---

[1] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 158.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 197.

[3] Там же. Л. 228 об.

[4] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 6; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 523.

[5] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 150.

озаботилась изысканием средств «для проведения ВЦУ предсоборной работы»[1].

Общее направление антицерковной деятельности было сформулировано Тучковым еще 5 февраля 1923 г. следующим образом:

«1.) По церковникам провести предсоборную кампанию[,] дабы на собор не попало большинство церковников черносотенного Тихоновского толка.

2.) Очистить от черносотенных элементов церковно-приходские советы, заменив их лицами[,] лояльно относящимися к Советской власти.

3.) Пользуясь обновленческим элементом[,] дискредитировать Тихоновскую церковь, выявить ее черносотенную физиономию и тем самым всенародно показать, что церковь является оплотом монархии и капиталистов. Для этого использовать предстоящий церковный собор.

4.) Углубить раскол церковных групп[,] создать среди них полную непримиримость в каноническом и догматическом отношении, дабы новая церковь не представляла из себя единую сплоченную организацию.

5.) Разбросать по разным частям Республики наиболее видные сплоченные элементы, лишив их возможности активного влияния на церковь. Наряду с задачей по расколу церковников совместно с партийными органами вести антирелигиозную пропаганду, используя при этом церковную неразбериху»[2].

АРК одобрила эту линию на заседании 27 февраля 1922 г. Было принято решение «предложить ГПУ на время предсоборной работы принять самые решительные меры по отношению попов и мирян, состоящих в приходских советах и активно противодействующих проведению предсоборной работы»[3]. Как было показано выше, эта работа активно проводилась в ряде епархий и органами ГПУ, и самими обновленцами. Повестка дня будущего «Поместного собора» была выработана на заседаниях АРК в течение февраля – марта 1923 г.

1 марта Е. А. Тучков написал памятную записку на имя Е. М. Ярославского, которая была разослана членам Политбюро.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 18.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 92.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 31; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 6.

Тучков считал, что «для проведения декрета собором данный момент является весьма удобным, ибо попы-заправилы находятся в наших руках»[1]. Таким образом, центральный орган управления обновленчеством (Е. А. Тучков называет его «бюро») и его местные органы планировалось сохранить, хотя это и противоречило декрету 1918 г. об отделении Церкви от государства. Но сам декрет должен был быть принят собором. Тучков не предлагал выбирать между упразднением ВЦУ и его сохранением, как считает С. Г. Петров[2]. Его предложение сводилось к компромиссному варианту: ВЦУ сохранить в новом формате (в виде «бюро»).

2 марта 1923 г. протоиерей А. Введенский написал на имя Тучкова записку «К вопросу об организации Управления русской церкви». В ней он высказал точку зрения, отражавшую новые установки ГПУ. В записке сквозит глубокая озабоченность за судьбы обновленчества после упразднения ВЦУ. Введенский призывал сохранить ВЦУ, так как без ВЦУ ГПУ не сможет сохранить «правильный контроль за контр-революционными церковными массами»[3]. Сохранить ВЦУ, по его мнению, было необходимо также для того, чтобы «агитировать, перевоспитывать массы в смысле создания в них лояльной государственной психологии»[4]. Введенский также видел в ВЦУ «штаб лояльных, в противовес штабам прочих религиозн[ых] контр-рев[олюционных] организаций»; он указывал: «Отказ от ВЦУ будет громадной стратегической ошибкой. Ведь те организации от своих штабов не откажутся, и будут вести на раздробленную массу, психологический[,] уже к[онтр]-р[еволюционный] победоносный поход»[5]. Введенский предлагал сохранить ВЦУ «по крайней мере на 1 год до след[ующего] собора»[6].

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 364–365.

[2] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. С. 270.

[3] *Петров С. Г.* Новые данные об обновленческом Поместном соборе 1923 г. // Русская Церковь, XX век: Материалы конференции: История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.), г. Сэнтендре (Венгрия), 13–16 ноября н. ст. 2001 г. Мюнхен, 2002. С. 279.

[4] Там же.

[5] Цит. по: Там же. С. 279–280.

[6] Там же. С. 280.

Предстоящий собор не должен был «привести к разрыву между 3 обновленческими группами. <...> Нужно временно сохранить формальное единство...» – писал А. Введенский[1]. Это письмо было продиктовано реальным положением вещей в деле насаждения раскола, как отмечалось в предыдущем параграфе. Определенные успехи обновленчества стали возможны только после создания объединенного ВЦУ в октябре 1922 г., после чего уполномоченные ВЦУ начали осуществление обновленческих переворотов на местах.

Доводы Введенского возымели действие на АРК. 6 марта комиссия приняла решение «признать необходимым сохранение ВЦУ и существующих церковных обновленческих групп и после Всероссийского поместного собора»[2]. 8 марта 1923 г. этот вопрос был рассмотрен на заседании Политбюро и принято решение «признать необходимым дальнейшее существование ВЦУ», права которого должны быть «в достаточно эластичной форме» сохранены на предстоящем «Поместном соборе»[3]. Такая формулировка соответствовала предложению Е. А. Тучкова, согласно которому ВЦУ должно было изменить свою организацию, с тем чтобы соответствовать Декрету 1918 г. В отчетном докладе в Политбюро от 22 марта 1923 г. Н. Н. Попов указывал, что переизбранное на «Поместном соборе» ВЦУ может быть зарегистрировано властями в соответствии с принятым АРК порядком регистрации религиозных обществ «при сохранении за ним принудительно-карательных прав по отношению к низшим церковным органам» и будет представлять собой для власти «могучее средство воздействия на церковную политику»[4]. 27 марта 1923 г. АРК приняла решение о составе нового ВЦУ: «Состав ВЦУ оставить коалиционным, т. е. состоящим из разных церковных группировок... Собором председателя ВЦУ не избирать, избрать ВЦУ, которое после Собора изберет из себя председателя»[5]. В качестве председателя собора был намечен Красницкий.

---

[1] Цит. по: *Петров С. Г.* Новые данные об обновленческом Поместном соборе 1923 г. С. 280.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 32; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 8.

[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 365.

[4] Там же. С. 371.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 36–37; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 10.

Подготовка обновленческого собора по замыслу властей была связана с предстоящим судом над Патриархом Тихоном. На заседании АРК 14 ноября 1922 г. было признано необходимым организовать процесс над Патриархом Тихоном до обновленческого собора[1]. По планам АРК обновленческий собор должен был открыться после того, как суд вынесет суровый приговор Патриарху Тихону[2].

§ 3. Подготовка Верховным судом РСФСР процесса над Патриархом Тихоном (6 марта – 18 апреля 1923 г.)

6 марта 1923 г. на заседании Антирелигиозной комиссии было принято решение: «Дело Тихона назначить к слушанию 25 марта и закончить 30 марта», а также «просить Политбюро ЦК РКП дать точные директивы суду о мере наказания, приняв во внимание международную обстановку»[3].

6 марта заместитель наркома юстиции Н. В. Крыленко*[4] поручил наблюдение за производством дознания и предварительного следствия по делу Патриарха помощнику прокурора Судебной коллегии Верховного суда В. С. Яковлеву[4]. В тот же день состоялось заседание Коллегии ГПУ, на котором было решено передать дела Патриарха Тихона, архиепископа Никандра (Феноменова), П. В. Гурьева, архиепископа Серафима (Александрова) в Верховный суд[5].

13 марта 1923 г. Патриарху Тихону было предъявлено обвинение по статьям 59, 69, 119 и 120 Уголовного кодекса РСФСР. В этот же день Агранов подписал постановление о заключении Патриарха под домашний арест с назначением стражи[6]. Закончился период пребывания Патриарха под наблюдением Вешневой и ее напарницы.

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 522.

[2] *Сафонов Д. В.* Почему не состоялся процесс над Патриархом Тихоном? // Российская государственность XX века: Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерошкина, 16 декабря 2000 г. М., 2001. С. 183–187.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 33.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 1.

[5] Там же. Л. 2.

[6] Там же. Л. 259.

Вернувшись из здания ГПУ, Патриарх простился с Марией Вешневой. В воспоминаниях она так описала их разговор: «Как только Надя ушла, передав мне дежурство, вошел патриарх. Он преобразился. Бодрый, помолодевший. В ладонях перед собой на папиросной бумаге он держал салфетку. Беленькая, с тонкой вышивкой, она казалась живой – вспорхнет и улетит. Патриарх сказал:

– Мария Александровна, вам известно, что сегодня вы последний раз у меня?

Я, улыбаясь, поздравила – арест снят.

Протягивая мне салфетку, он сказал:

– За заботу и внимание.

Я вспыхнула, поблагодарила и отказалась. Подарок от заключенного? Не положено.

А он, как бы прочтя мои мысли и покачивая салфетку, сказал:

– Это же не предмет. Материальной ценности он не имеет. Это символ, память о днях в Донском.

Разве против этого я могла устоять? Я завернула ее в папиросную бумагу и спрятала в сумку»[1].

Готовясь к суду и, возможно, ожидая расстрельного приговора, Патриарх передал на волю, очевидно, через форточку ряд документов. По сведениям исследователя А. В. Руфимского, 17 марта 1923 г. Патриарх передал документ о том, что он утвердил тайно рукоположенного епископа Николая (Парфенова) епископом Аткарским, викарием Саратовской епархии[2].

20–23 марта 1923 г. обвинения были предъявлены архиепископу Никандру (Феноменову), митрополиту Арсению (Стадницкому) и П. В. Гурьеву. 20 марта состоялось заседание АРК, на котором было решено: «Ввиду того, что процесс Тихона должен быть окончен до Собора, то открытие последнего должно состояться не ранее 30 апреля»[3].

21 марта начался процесс католического духовенства во главе с архиепископом Яном Цепляком. 26 марта архиепископ Цепляк и прелат Буткевич были приговорены к расстрелу; осталь-

---

[1] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 81.

[2] *Руфимский А. В.* Последняя «пустынная церковь» епископа Николая (Парфенова) – община схиигумении Марии: Заметки к биографии подвижницы // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 183.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 35.

ные проходившие по делу католики получили разные сроки заключения.

27 марта вопрос «О деле Тихона» вновь обсуждался на заседании АРК. Было решено пригласить на следующее заседание для доклада о деле старшего помощника прокурора РСФСР Н. В. Крыленко. Также АРК решила направить своих представителей – Красикова, Ярославского и Попова – в специальную «комиссию по делу Тихона»[1], возглавляемую А. И. Рыковым.

28 марта 1923 г. Патриарх Тихон обратился в Верховный суд РСФСР с просьбой разрешить ему совершать богослужения «хотя бы в последние дни Страстной [седмицы] и в первые Св[ятой] Пасхи»[2]. Но сотрудник Верховного суда, на усмотрение которого была отдана эта просьба, бывший священник М. В. Галкин отклонил просьбу Патриарха. Как отмечалось выше, Патриарх Тихон с 14 мая 1922 г. был лишен права совершать богослужения, и это, конечно, его очень тяготило. 31 марта, в ночь на католическую Пасху, был расстрелян прелат Буткевич.

3 апреля АРК решила привлечь к процессу над Патриархом Тихоном в качестве свидетелей, а возможно, и обвиняемых митрополитов Сергия (Страгородского) и Михаила (Ермакова): «Не предрешая сейчас вопроса о числе обвиняемых, поручить т. АГРАНОВУ допросить Владимирского Митрополита Сергея и митрополита Киевского Михаила, как активных деятелей синода и Собора [19]17 г. После чего т. КРЫЛЕНКО должен решить вопрос, следует ли их привлекать в качестве обвиняемых по делу»[3]. Е. А. Тучков и Е. М. Ярославский по поручению АРК должны были распространить билеты на процесс. Есть сведения, что митрополит Сергий в этот период снова был заключен в тюрьму. В письме игумена Павлина из Валаамского монастыря от 9 апреля 1923 г. говорилось о нахождении митрополита в тюрьме: «Владыка-Митрополит Сергий томится в тюрьме»[4].

4 апреля, в Великий четверг, Патриарх просит о допуске к нему священника со Святыми Дарами: «Имея желание и по-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 10.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 11.

[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 534–535.

[4] *Баконина С. Н.* История Русской духовной миссии в Иерусалиме в письмах архимандрита Мелетия (Розова) 1919–1929 гг. // http://pstgu.ru/download/1302948257.rdm.pdf. Письмо № 10. С. 25.

требность причаститься Св[ятых] Тайн в великие праздники Благовещения и Св[ятой] Пасхи, прошу допустить ко мне для сего священника в субботу и воскресенье 7 и 8 апр[еля] после ранней Литургии»[1].

6 апреля в «Известиях» было опубликовано сообщение о том, что начало судебного процесса над Патриархом Тихоном состоится 11 апреля 1923 г.

7 апреля состоялось заседание вновь созданной «Комиссии по руководству процессом над Патриархом Тихоном» в следующем составе: А. И. Рыков (председатель), М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Н. В. Крыленко[2]. Комиссия решила отложить процесс до 17 апреля и с 12 апреля подвергнуть Патриарха тюремному заключению. Кроме того, комиссия наметила П. А. Красикова в качестве общественного обвинителя на процессе, но одновременно рассматривалась и кандидатура Скворцова-Степанова на тот случай, если Красиков не сможет участвовать в процессе по состоянию здоровья[3]. Яркую характеристику Красикову дал А. М. Горький в письме А. И. Рыкову от 23 июля 1923 г.: «Нет, Алексей Иванович, мне не хочется ехать в Россию. Кроме сказанного, есть и более солидные причины, объясняющие мое настроение. Например, скандал – и позорный! – с бездарно поставленной антирелигиозной пропагандой, ныне, кажется, отмененной? Лучше бы не начинать это дело руками безграмотного и пьяного Красикова...»[4]. Затем выяснилось, что Красиков по болезни не сможет участвовать в процессе, а Скворцов-Степанов, как писал в записке членам Комиссии по руководству процессом ее председатель А. И. Рыков, «от участия в процессе отказывается, так как все его выступления в печати были посвящены борьбе с богом (так в тексте. – *Авт.*), с церковью же он совершенно не знаком»[5]. В связи с этим Рыков предложил вторым обвинителем назначить С. К. Минина*[5].

---

[1] Следственное дело... С. 251.

[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 261.

[3] Там же. С. 262.

[4] Цит. по: *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия: (Религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 223.

[5] Там же.

10 апреля АРК решила: «Перевод Тихона из Донского монастыря во Внутреннюю тюрьму ГПУ произвести после вручения ему обвинительного акта, а до перевода усилить в монастыре охрану»[1]. Кроме того, было решено начать процесс по окончании партийного съезда и заменить уже распределенные билеты на процесс новыми. Заключение Патриарха во внутреннюю тюрьму ГПУ означало, что подготовка к процессу вступила в завершающую стадию.

Получив решение АРК о помещении Патриарха в тюрьму, 11 апреля начальник СО ГПУ Т. П. Самсонов пишет служебную записку Е. А. Тучкову: «1) Тихона поместить в хорошую камеру, 2) привезти его утром, чтобы никого не было, 3) Тихон должен быть здоров»[2]. Кроме того, он отдает распоряжение об организации охраны процесса, а также о том, чтобы агенты ГПУ фиксировали разговоры среди различных слоев населения до и после процесса. Видимо, руководство ГПУ всерьез опасалось, что процесс и возможная казнь Патриарха могут вызвать возмущение среди населения, поэтому необходимо было знать, кто и что говорит о предстоящем процессе.

К 10 апреля 1923 г. предварительное следствие было закончено и дело полностью сформировано. На этом этапе обвинительное заключение по делу Патриарха было выработано и приобщено к делу Н-1780 (тома № 25 и 26). Верховный суд приступил к подготовке процесса. Было сформировано несколько томов следственного дела, причем это происходило параллельно в разных властных структурах. В Верховном суде в этот период было заведено дело, материалы которого находятся в томе № 3 следственного дела. Материалы дела Верховного суда – выписки из протоколов заседаний Судебной коллегии по уголовным делам, заявления Патриарха в Верховный суд и другие документы – отражают ход подготовки процесса над Патриархом.

10 апреля 1923 г. в Политбюро ЦК РКП(б) Сталину поступила записка наркома иностранных дел Г. В. Чичерина. В ней содержалось предложение Народного комиссариата по иностранным делам (НКИД) «заранее принять решение о невынесе-

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 525.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 27.

нии смертного приговора Тихону», так как смертный приговор Патриарху «еще гораздо больше ухудшит наше международное положение во всех отношениях»[1]. Г. В. Чичерин напоминал также о резонансе, произведенном на общественное мнение западных стран казнью Буткевича[2].

12 апреля 1923 г. Политбюро ЦК в составе Г. Е. Зиновьева*[6], Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, кандидатов в члены Политбюро В. М. Молотова и М. И. Калинина при участии члена ЦК Е. М. Ярославского приняло решение: «Поручить Секретариату ЦК дать директиву Верховному трибуналу вести дело Тихона со всею строгостью, соответствующей объему колоссальной вины, совершенной Тихоном»[3]. Фактически это означало указание суду на необходимость вынесения смертного приговора. Аргументы Чичерина не подействовали. Это решение было оформлено с особой секретностью. Единственный экземпляр постановления с пометой «Только для т. Сталина» написан от руки помощником секретаря Сталина А. М. Назаретяном. В такой сверхсекретности не было бы необходимости, если бы это была обычная установка трибуналу. Как отмечает Н. А. Кривова, секретность этого документа обусловлена стремлением Политбюро вынести свое решение негласно. Вслед за этим такие постановления «оформлялись» решениями ВЦИК, Верховного суда, Ревтрибунала[4].

14 апреля 1923 г. в газете «Известия» была опубликована статья «К предстоящему процессу Тихона», в которой подчеркивалась «человеконенавистническая контрреволюционная роль православной церкви, сгруппировавшейся вокруг Патриарха Тихона»[5]. Патриарх Тихон обвинялся в том, что он и его «черносотенные князья церкви» «решились уморить голодом население пострадавших от неурожая губерний, когда по их приказу в стране прошел ряд сопротивлений агентам Советской власти, приступившим к изъятию церковных ценностей». Патриарх также обвинялся в призывах к «восстановлению царизма».

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 263–264.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 267.

[4] *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. С. 180–181.

[5] Известия ВЦИК. 1923. 14 апр. (№ 81). – Цит. по экземпляру, хранящемуся в деле Патриарха Тихона (ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 24. Л. 13).

Помимо этого в статье утверждалось, что «на свете не существует таких дураков, которые верили бы тому, что Тихон является жертвой гонений Советской власти на религию. Враги народа, великие князья церкви, буржуазные магнаты и купленные ими газетчики распространяют такие вздорные слухи». В статье говорилось, что после поражения в Гражданской войне белогвардейцы все надежды возложили на Патриарха Тихона, являющегося главным «застрельщиком контрреволюции», и что сразу после своего избрания Патриархом «скопищем князей, графов, помещиков, капиталистов и попов-изуверов» он начал борьбу с советской властью, опубликовав 19 января 1918 г. послание, где «обливал советскую власть слюной бешеной собаки». Подобные статьи не раз появлялись в советской печати во время подготовки процесса над Патриархом. Известен был своими публикациями на эту тему упоминавшийся выше сотрудник 8-го отдела НКЮ бывший священник, отрекшийся от веры, М. В. Галкин. Публиковался он под псевдонимом «Мих. Горев».

14 апреля 6-е отделение Московского городского отдела ГПУ с помощью осведомителей начинает составлять «сводки о настроениях» населения в связи с предстоящим «процессом над патриархом Тихоном»[1]. Эти сводки, а их имеется более десятка, касаются настроений и разговоров среди различных групп населения Москвы. Одновременно с этим в 6-м отделении готовятся сводки о разговорах и настроениях в Донском монастыре, где до заключения во внутреннюю тюрьму находился Патриарх. Эти сводки составлял начальник отделения М. М. Шмелев и направлял Е. А. Тучкову, использовавшему их при написании сводок для своего руководства. Сводки перепечатывались в пяти экземплярах и рассылались Дзержинскому, Уншлихту, Менжинскому, Самсонову; один экземпляр подшивался в дело. Экземпляры сводок, согласно указанию Уншлихта, были разосланы Рыкову, Троцкому и Сталину[2].

В сводке № 1 сообщалось, что «как среди нэпманов, так и в других кругах бывшей – „сиятельной аристократии“ главной темой всех разговоров за последнее время служит процесс

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 270–271.
[2] Там же. С. 271–272.

ТИХОНА. Напр[имер], ходят толки, что процесс отложен в связи с тревожным настроением в Москве и боязнью погромов; что Тихон будет приговорен к расстрелу, но благодаря шумихе, которая началась на Западе, и дипломатическим вмешательствам „заграницы" расстрел будет отменен; что весь процесс инсценирован, создан искусственно. Ходят также слухи о возможности беспорядков и демонстраций во время процесса при участии рабочих некоторых фабрик»[1]. В сводке отмечалось: «Говорят... что собор созывается для суда над Тихоном, чтобы убить патриарха, а потом сказать, что исполнили волю народа»[2]. Это очень важное свидетельство того, что несмотря на усилия ГПУ, направленные на поддержку обновленцев, верующие относились к ним с неприязнью и они не получили сколь-либо существенной поддержки в народе.

15 апреля в «Правде» появилась статья К. Радека «Лекция истории для архиепископа Кентерберийского». Радек писал: «...английское духовенство, во главе с Фомой Девизеном, архиепископом Кентерберийским, выпустило воззвание „против гонений на религию в России". Доказательством существования этих гонений являлся для духовной английской братии процесс католического архиепископа Цепляка, предстоящий процесс православного патриарха Тихона...»[3]. Насколько большое значение придавалось сводкам о настроениях населения, составлять которые 6-му отделению было приказано 11 апреля, можно судить по гневной записке Самсонова Тучкову от 15 апреля 1923 г.: «Я просил и при том в категоричной форме о том, чтобы аккуратно предоставлять сводки о слухах в связи с процессом Тихона. Это не делается благодаря расхлябанности вашего отделения. Подтянитесь, при том быстро»[4].

В сводке № 2 от 17 апреля 1923 г. говорилось: «Во всех публичных местах, базарах, трактирах, церквах упорно распространяются слухи о возможности беспорядков и погромном настроении рабочих»[5]. Отмечались следующие слухи: «О предстоящем процессе ТИХОНА особенно интересуется обывательская

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 270; ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 6–6 об.
[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 271.
[3] Правда. 1923. 15 апр. (№ 92).
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 28.
[5] Там же. Л. 12; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 271.

часть Московского населения – нэпманы, торговцы, мелкая интеллигенция и проч. Вся эта публика сочувственно относится к ТИХОНУ и ждет активного вмешательства в его дело „заграницы“»[1]. В следственном деле Патриарха Тихона сохранился документ, датированный 16 апреля 1923 г. Это напечатанный в ГПУ машинописный текст, передающий содержание записки наблюдателя:«Никому еще не известно, что процесс Патриарха Тихона начнется на днях. Поэтому толки о процессе в связи с тем, что он был отложен[,] немного как бы стихли. С началом процесса Тихона безусловно усилятся. Вообще же в течение пасхальной недели о процессе Тихона говорили следующее:

I.

У Касьяновых, Андроновых и прочих „сиятельных“[:] 1) процесс отложен в связи с тревожным настроением в Москве и боязнью погромов; 2) Тихон будет приговорен к расстрелу, но благодаря той шумихе, которая уже началась на Западе[,] и дипломатическим вмешательством расстрел будет отменен[...] 4) Весь процесс инсценирован, создан искусственно.

II.

В нэпмановских кругах мнение о [причинах] отсрочки процесса двоякое: одни говорят, что процесс отложен в связи с волнениями среди рабочих[,] другие говорят, что его отложили потому[,] что и собор отложен, так как с первого (так в тексте. – *Авт.*) собор должен лишить патриарха сана, а потом уже будут его судить. Здесь говорят также об усиленных мерах охраны[,] к[ак]ие принимаются на время процесса[,] и о возможности беспорядков и вмешательства рабочих за патриарха.

III.

Вообще среди населения Москвы, посещающая церкви[,] замечается очень большой интерес к процессу Тихона и его судьбе. Большинство относится сочувственно к Тихону. Что-же касается собора, то им совершенно никто не интересуется и о нем не говорят»[2].

В сводке № 3 за 17 апреля 1923 г. говорилось, что некоторые «уверены в том, что Тихона расстреляют, причем некото-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 12; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 271.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 8.

рые говорят, что это к лучшему, так как расстрел Тихона переполнит чашу терпения русского народа и ускорит падение большевиков»[1]. Сообщалось также, что «часть рабочих Николаевского вокзала настроены сочувственно по отношению к Тихону и отрицательно к Соввласти»[2]. Ходили слухи, что процесс отложен по настоянию Америки и архиепископа Кентерберийского[3].

17 апреля 1923 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приняла решение утвердить обвинительное заключение по делу[4]. Одновременно было принято решение: слушание дела отложить и назначить на 12 часов дня 24 апреля[5]. Как отмечалось выше, ранее АРК на своем заседании назначила суд на 17 апреля. По-видимому, главной причиной очередного переноса начала суда было то, что в Москве еще не закончил работу XII съезд партии, который проходил с 17 по 25 апреля 1923 г.[6]

18 апреля «Председатель по Делу Быв[шего] Патриарха Тихона» А. В. Галкин дал распоряжение коменданту Верховного суда взять Святейшего под стражу. В сводке № 4 за 18 апреля сообщалось о слухах, что обновленческий собор отложен ввиду суда над Патриархом, чтобы собор не вмешался в судебный процесс. «Все духовенство идет за Патриархом, но каждый боится ареста», – говорили в Москве[7].

В сводке «Донской монастырь» за 18 апреля сообщалось, что Патриарх Тихон благословляет верующих с балкона, настоятель монастыря архимандрит Алексий (Трапицын) смещен ВЦУ и передал власть Владимиру Колобовникову, староста Барков собирает подписи за освобождение Патриарха[8].

В сводке № 5 за 19 апреля сообщалось: «Почти везде среди светской публики царит уверенность, что процесс Тихона отложен на неопределенное время. В связи с этим всевозможные

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 13.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. Т. 3. Л. 21.
[5] Там же. Л. 22.
[6] Хрестоматия по истории КПСС, 1883–1924. М., 1989. С. 488.
[7] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 14.
[8] Там же. Т. 5. Л. 30.

толки как будто стихают. Все уверены, что Тихона приговорят к расстрелу, но ВЦИК расстрел отменит»[1].

Согласно имеющемуся в деле акту, 19 апреля секретарь Судебной коллегии Верховного суда С. С. Быков вручил обвинительное заключение обвиняемым Патриарху Тихону, митрополиту Арсению (Стадницкому), архиепископу Никандру (Феноменову) и П. В. Гурьеву и объявил, что обвинителями на процессе выступят Крыленко и Скворцов-Степанов, защитниками будут адвокаты Бобрищев-Пушкин и Тихомиров, в качестве свидетелей обвинения выступят А. Введенский и В. Красницкий[2].

§ 4. Пребывание Патриарха Тихона во внутренней тюрьме ГПУ (19 апреля – 8 мая 1923 г.)

Патриарх Тихон был взят под стражу и препровожден во внутреннюю тюрьму ГПУ 19 апреля 1923 г. в 16 часов 30 минут[3].

Заключение тяжело сказалось на здоровье узников. В частности, П. В. Гурьев, находившийся во внутренней тюрьме с 11 апреля 1922 г., обратился в Верховный суд с просьбой освободить его из-под стражи ввиду того, что от длительного пребывания в заключении его здоровье значительно ухудшилось: «...стали случаться частые головокружения, появилась одышка и обнаружилась болезнь глаз»[4]. Несомненно, что пребывание в заключении пагубно отразилось и на слабом здоровье Патриарха. Условия внутренней тюрьмы ГПУ были направлены на «переработку человеческого материала в пыль, прах и пепел»[5]. Как отметил протоиерей В. Воробьев, «мы не можем сейчас установить все способы воздействия, которые тогда применялись»[6]. Однако нужно учитывать тот факт, что готовился

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 23.

[2] Там же. Л. 31.

[3] Там же. Л. 30.

[4] Там же. Т. 3. Л. 20.

[5] *Витковский А.* Вверх по лестнице, ведущей в ад // Служба безопасности: Журнал Министерства безопасности России. 1992. № 1. С. 80.

[6] *Воробьев В., прот.* Особенности документов следственных дел 20–40 гг. // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы. 1997 г. М., 1997. С. 165.

показательный процесс и чекисты следили за тем, чтобы «меры воздействия» не отражались на внешнем виде Патриарха.

В Инструкции по управлению внутренней тюрьмой Управления делами Особого отдела ВЧК, утвержденной 29 марта 1920 г., говорилось: «Внутренняя (секретная) тюрьма имеет назначением содержание под стражей наиболее важных контрреволюционеров и шпионов на то время[,] пока ведется по их делам следствие или тогда, когда в силу известных причин необходимо арестованного совершенно отрезать от внешнего мира, скрыть его местопребывание, абсолютно лишить его возможности каким-либо образом сноситься с волей, бежать и т. п.»[1].

Тюрьма была расположена во внутреннем дворе дома № 2 на Лубянской площади. Отсюда и название – внутренняя. Заключенные могли гулять только на крыше в специальных прогулочных дворах. Режим тюрьмы существенно отличался от условий обычных тюрем. Не допускались получение информации с воли или передача каких-либо сведений из тюрьмы. Подследственным не разрешалось вести переписку, читать свежие газеты и журналы. За исключением особых случаев запрещалось пользование письменными принадлежностями. Коллегия ВЧК 11 ноября 1921 г. разрешила получасовые прогулки для заключенных во внутреннем дворе здания на Лубянке[2]. Исследователь истории спецслужб А. Г. Тепляков пишет: «С момента возникновения ВЧК ее работники полагали, что всякий, кто попадает в их учреждение – враг государства, обязанный признаться в своей преступной деятельности. Изначально в „органах“ сложилась традиция долгих ночных допросов с единственной целью – изматывать арестованных отсутствием сна. Недаром бывший начальник КРО ОГПУ А. Х. Артузов*[7] на закате своей карьеры вспоминал, что целые годы провел „за ночными допросами“. Эффективным способом добычи признаний служил обычный обман, поскольку арестованный (по крайней мере впервые) не знал заповеди: „Не верь следователю!“ – и был очень далек от мысли, что арестован с конкретной целью[:] добиться признаний в несуществующих преступлениях»[3].

---

[1] Цит. по: *Витковский А.* Вверх по лестнице, ведущей в ад. С. 77–78.

[2] Архив ВЧК. С. 450.

[3] *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД в Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. С. 258.

Уже позже, в 1930-х гг., в этой тюрьме оказались и те, кто отправил сюда Патриарха Тихона: А. И. Рыков, Я. С. Агранов, Н. В. Крыленко. Но они в отличие от Патриарха из этих стен отправились в свой последний путь.

Нет оснований полагать, что Патриарх Тихон был сломлен и пошел на то, что было противно его совести. Как справедливо отмечает М. И. Вострышев, «собственная судьба владыку Тихона не волновала, в темнице, в терновом венце мученика, умереть было легко и радостно. Тяжелее было выбирать жизнь и терпеливо нести свой крест ради спасения Церкви от гонений и внутреннего раздора»[1]. Тем, кто упрекал Патриарха в соглашательстве с советской властью, он отвечал: «Пусть погибнет имя мое в истории, только бы Церкви была бы польза». Патриарх также говорил, что с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности[2].

Сводки о настроении населения в связи с процессом Тихона показывают, как внимательно относилось руководство ГПУ к реакции общества. Власти имели основания опасаться народных волнений и усиления антисемитских настроений в обществе в связи с осуждением Патриарха. Поэтому, как отмечалось выше, в Политбюро были направлены только две первые сводки. Последующие же сводки, наиболее четко отражавшие настроения населения, выступающего против гонений на Патриарха, а также распространение антисемитских настроений, в Политбюро не направлялись.

По-видимому, Дзержинский полагал, что усиление подобных настроений будет воспринято в Политбюро как результат неудовлетворительной работы ГПУ.

В сводке № 6 за 20 апреля, составленной Тучковым на основании агентурных донесений и в тот же день направленной Дзержинскому, говорилось: «В толпе замечается сильный подъем религиозного чувства, храмы переполнены как никогда. Тихона уже считают мучеником»[3]. Сообщалось, что в Петрограде во время лекции А. Введенскому было подано шесть записок, где его

---

[1] *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. М., 1997. С. 277.
[2] Там же.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 33.

называли «убийцей Тихона». «Публика вполне сочувствует Тихону», – констатировал осведомитель[1].

В исторической литературе иногда можно встретить мнение, что решающую роль в отмене процесса сыграло международное давление[2]. Однако источники не подтверждают этого. Все основные документы, поступившие в Политбюро и свидетельствующие о позиции Запада, были получены после 21 апреля. Исключением является упоминавшееся выше обращение Г. В. Чичерина, в котором он просил Политбюро принять решение об отказе от вынесения смертного приговора Патриарху Тихону, обосновывая это тем, что «вынесение смертного приговора в деле Тихона еще гораздо больше ухудшит наше международное положение во всех отношениях»[3]. О расстреле Буткевича Чичерин писал: «...во всех отношениях наше положение крайне ухудшилось в результате этого дела. Между тем в деле Буткевича имеется возможность ссылаться на польский шпионаж и на связь с агрессивным польским шовинизмом. В деле Тихона и этого нет. Все другие страны не усмотрят в таком приговоре ничего, кроме голого религиозного преследования. <...> Выносить же смертный приговор и потом отменять его как будто под давлением других государств для нас крайне невыгодно и создает в высшей степени тяжелое впечатление»[4]. Но, как уже отмечалось, это обращение Чичерина было отклонено на заседании Политбюро 12 апреля.

В период с 12 по 21 апреля никаких документов, способных повлиять на радикальное изменение позиции Политбюро, получено не было. Ряд документов, свидетельствующих о позиции Запада, стали известны после 21 апреля. Это письмо Ф. Нансена*[8] Л. Д. Троцкому от 24 апреля с просьбой не расстреливать Патриарха[5].

21 апреля глава ГПУ Ф. Э. Дзержинский принял решение отложить суд над Патриархом. Он написал записку в Политбюро: «Полагаю, что необходимо отложить процесс Тихона в связи

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 38.

[2] См., например: *Волкогонов Д. А.* Ленин: Политический портрет: В 2-х кн. М.,1996. Кн. 2. С. 217.

[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 264.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 277–279.

с разгаром агитации за границей (дело Буткевича) и необходимостью более тщательно подготовить процесс»[1]. Интересно отметить, что записка Дзержинского в Политбюро от 21 апреля – это единственный известный с 1922 г. документ, где Дзержинский касается церковных вопросов, которыми специально он не занимался. По предложению Дзержинского был спешно проведен опрос членов Политбюро. С мнением Дзержинского согласились Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, М. П. Томский, Л. Б. Троцкий, И. В. Сталин, М. И. Калинин, против высказался только А. И. Рыков. Результаты опроса были оформлены как постановление Политбюро[2]. Дзержинский еще 16 марта 1923 г. высказался вообще против применения смертной казни в настоящее время[3].

Члены Политбюро понимали, что в отношении Патриарха Дзержинский был настроен решительно и беспощадно и лишь крайняя необходимость могла заставить его обратиться с предложением отсрочить процесс, что фактически означало отказ от курса на расстрел Патриарха. Изучение сводок о настроениях населения позволяет дать ответ на вопрос, до последнего времени остававшийся открытым: «...что явилось главной причиной этого перелома во взглядах, какие пути убеждения смог найти руководитель самого осведомленного ведомства страны»[4].

Это постановление означало, что Политбюро отказалось не только от вынесения смертного приговора Патриарху, но и, откладывая на неопределенный срок сам процесс, фактически отменяло его и предрешало освобождение Патриарха Тихона.

Одной из причин изменения позиции Политбюро по отношению к процессу над Патриархом также могло быть изменение соотношения сил в самом Политбюро. Как уже отмечалось, последний раз Ленин высказывался по вопросам о Церкви в начале декабря 1922 г. После 10 марта 1923 г. Ленин был уже полностью недееспособен. Он неоднократно обращался к Сталину с просьбой дать ему цианистого калия. Историк Д. А. Волкогонов пишет: «Идея самоубийства была в мыслях Ленина устойчи-

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 273.

[2] Там же. С. 274.

[3] *Плеханов А. М.* ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики, 1921–1928. М., 2006. С. 602.

[4] *Покровский Н. Н.* Предисловие // Архивы Кремля. Кн. 1. С. 93.

вой, даже навязчивой»[1]. В партии постепенно усиливалась роль Сталина, особенно после того, как 3 апреля 1922 г. он был избран на пост Генерального секретаря. А уже 4 января 1923 г. Ленин в «Письме к съезду» писал о необходимости смещения Сталина с этой должности. В марте 1923 г. Сталин, продолжая исполнять обязанности генсека, предпринял ряд мер по упрочению своего положения. Политический авторитет Сталина стал медленно, но неуклонно расти, что прежде всего выразилось в усилении влияния генсека в Политбюро, чего он добился путем постепенной изоляции Троцкого с помощью союза с Каменевым и Зиновьевым[2].

Как уже отмечалось, с января 1923 г. Л. Д. Троцкого на посту председателя АРК заменил Е. М. Ярославский. Уже в октябре 1923 г. Троцкого осудил объединенный Пленум Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП(б). Таким образом, Троцкий, отвечавший в Политбюро за работу по уничтожению Церкви, был оттеснен Сталиным. С лета 1923 г. Троцкого на этом направлении работы сменил Л. Б. Каменев, настроенный не столь беспощадно. В целом начиная с этого времени можно говорить о наметившейся тенденции к некоторой корректировке линии Политбюро в отношении Церкви. Как отмечает Н. Н. Покровский, «переход от тактики Троцкого уничтожения церкви одним махом к более затяжной борьбе с несколько меньшим применением насилия был связан и с изменением внутрипартийной обстановки: „штурм“ 1922 года возглавляли Троцкий, Ленин и Сталин, а маневр 1923-го – Каменев и Сталин»[3].

В сводке за 21 апреля сообщалось о хождении слухов о том, что Патриарх Тихон – «американский подданный» и Америка объявит войну. Приезд восточных Патриархов на обновленческий собор казался верующим невероятным[4].

На заседании Судебной коллегии 23 апреля было решено: «Дело направить на доследование и слушанием отложить до окончания следственных действий»[5].

---

[1] *Волкогонов Д. А.* Ленин: Политический портрет. Кн. 2. С. 347.
[2] *Панцов А. В.* Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 80.
[3] *Покровский Н. Н.* Предисловие // Архивы Кремля. Кн. 1. С. 102.
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 50.
[5] Там же. Т. 3. Л. 34.

К процессу активно готовились, в частности была проведена большая работа по подготовке общественного мнения к вынесению Патриарху смертного приговора. Выпущено несколько брошюр, в том числе обновленца А. И. Введенского, «разоблачающая Тихона с точки зрения „истинного христианства“», а также брошюра «о контрреволюционной работе церкви во время гражданской войны»[1]. Центральным газетам было поручено публиковать разоблачительные материалы против Патриарха. Особенно старалась газета «Известия», где были опубликованы интервью Антонина (Грановского) и Введенского.

23 апреля 1923 г. появилась статья «Белогвардейская печать и процесс Тихона», где говорилось: «Массовые резолюции духовенства, осуждающие Патриарха Тихона еще до суда и как предателя церкви, и как контрреволюционного преступника, служат лучшим ответом белогвардейским шавкам, которые давно, конечно, замолкли бы, если бы у них были другие средства борьбы против Советской власти»[2]. Газеты, где упоминалось о Патриархе Тихоне (как советские, так и эмигрантские), и вырезки из них тщательно собирались сотрудниками 6-го отделения СО ГПУ. Они составили отдельный том в следственном деле Патриарха Тихона[3].

Формальным поводом для откладывания процесса в Верховном суде стало приобщение к делу Патриарха дела викария Московской епархии, епископа Коломенского Феодосия (Ганицкого) из Московского губсуда. 23 апреля было оформлено решение о приобщении к делу Патриарха Тихона, архиепископа Никандра (Феноменова), митрополита Арсения (Стадницкого) и П. В. Гурьева дела епископа Коломенского Феодосия (Ганицкого). Прокурор Московской губернии вынес соответствующее постановление[4]. В тот же день Судебная коллегия по уголовным делам рассмотрела это заявление прокурора. Дело епископа Феодосия было решено приобщить к имеющемуся делу: «Все дело направить на доследование, слушанием отложить до окончания следственных действий по соединении нового обвиняемого. Пропуска, выданные защитникам на право свида-

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 368.
[2] Известия. 1923. 23 апреля.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 24.
[4] Там же. Т. 3. Л. 33.

ния с заключенными[,] аннулировать»[1]. Таким образом, Патриарх так и не увидел своего адвоката Бобрищева-Пушкина, о чем просил ранее. За обоими защитниками Патриарха – Бобрищевым-Пушкиным и Тихомировым – ГПУ установило наблюдение. Заявления обвиняемых о свиданиях с адвокатами попали в Верховный суд «только 26 апреля»[2], уже после отмены возможности свидания, о чем говорится в письме председателя по делу Патриарха А. В. Галкина прокурору при ГПУ Р. П. Катаняну от 26 апреля[3].

24 апреля все подследственные во внутренней тюрьме ознакомились с выпиской из протокола заседания Судебной коллегии[4]. Патриарх также расписался в том, что ознакомлен с этой выпиской[5].

В этот же день глава АРК ЦК Е. М. Ярославский направил записку членам Политбюро и Ф. Э. Дзержинскому по поводу процесса над Патриархом Тихоном. Он писал: «Антирелигиозная комиссия ЦК обсудила постановление членов Политбюро ЦК, вынесенное уже во время Съезда[,] по поводу отсрочки процесса Тихона.

Комиссия соглашается с некоторыми доводами об отсрочке процесса Тихона, но решительно высказывается против отсрочки церковного Собора. <...> Кроме того, Комиссия считает крайне нежелательным решение подобных вопросов без участия кого-либо из Комиссии, что было признано в свое время и Политбюро ЦК.

Комиссия доводит до сведения членов Политбюро, что она считает вредным очень долгое затягивание дела, так как это дает возможность врагам играть на этой оттяжке и развивать бешеную кампанию»[6]. Таким образом, АРК была по-прежнему настроена по отношению к Патриарху бескомпромиссно и настаивала на проведении процесса, но позднее: «Процесс Тихона начать примерно в середине или во второй половине мая. Остающееся время употребить на возможно более широкое осведом-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 34.
[2] Там же. Л. 42.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 36–38.
[5] Там же. Л. 39.
[6] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 275–276.

ление заграничной печати материалами о контрреволюционной деятельности Тихона и отношении к нему рядового духовенства и Церковного Собора»[1].

Характерно, что Ярославский даже намекает на то, что решение Политбюро неправомочно, потому что было принято во время партийного съезда, который является высшим партийным органом. Согласно партийному уставу, Политбюро слагает перед съездом свои полномочия и съезд избирает новый состав Политбюро, а это избрание состоялось только 26 апреля. Недовольство Ярославского было вызвано также тем, что он не был информирован о подготовке такого решения. Следует отметить, что не существует протоколов, зафиксировавших обсуждение этого вопроса в АРК, так как заседание АРК проводилось 10 апреля и следующее – только 4 мая 1923 г. Видимо, Ярославский обсудил этот вопрос с членами комиссии вне рамок официальных заседаний или же выразил свое мнение без обсуждения его в комиссии.

24 апреля Синод и Совет Константинопольской Православной Церкви под председательством Патриарха Мелетия решили не посылать на суд над Патриархом Тихоном, который готовился на предстоящем обновленческом соборе, своего представителя, «ибо все православие смотрит на Патриарха Московского как на Исповедника»[2].

25 апреля в сводке о настроениях населения сообщалось: «Среди обывателей циркулируют слухи, что процесс Тихона откладывается в связи с предстоящим поместным собором, который должен будет прежде осудить политику Тихона и низвергнуть его из сана, чтобы потом гражданский суд мог его судить уже как простого гражданина. Большинство Московского консервативного духовенства поместного собора признать не хочет: считает его плодом работы ГПУ. К Тихону относятся сочувственно. Некоторые из них высказывают опасения, что в связи с предстоящим судом над Тихоном, со стороны верующих беспорядков, которые, по их мнению, должны окончиться, как и в Варшаве, в связи с процессом Цепляка и Буткевича, –

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 275.

[2] *Троицкий С. В.* Что такое «Живая церковь»? // Обновленческий раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 90.

еврейскими погромами»[1]. Последнее обстоятельство не могло не беспокоить членов Политбюро и АРК, среди которых было много евреев. Однако не все были довольны таким решением Политбюро.

После решения об отсрочке процесса 6-е отделение СО ГПУ продолжало составлять сводки о настроениях населения. В сводке за 24 апреля отмечалось: «Тяжелое впечатление произвело интервью с Антонином, Красницким и Введенским, напечатанное в известиях ВЦИК, их очень ругают. Собор считают делом рук ГПУ»[2]. Кроме того, сообщалось, что прихожане намерены активно вмешаться в дело Тихона, если он будет осужден[3].

27 апреля полпред в Праге К. К. Юренев сообщил, что ряд западных держав намерены выступить по делу Патриарха Тихона[4].

В сводке за 28 апреля сообщалось, что «рабочие разбирают билеты на процесс»[5]. Также сообщалось: «У места заключения Тихона собираются иногда группы в 10–15 человек, состоящие преимущественно из пожилых женщин»[6]. Однако непонятно, о каком месте заключения идет речь. У здания ГПУ женщины собираться вряд ли могли; в Донском монастыре, судя по доступным документам дела, Патриарха не было, так как просьбу о допуске к Патриарху обновленцев А. В. Галкин 7 мая направил коменданту внутренней тюрьмы ГПУ[7]. Кроме того, в сводке говорилось: «По полученным из Политнадзора сведениям, на заводе Густав-Лист собираются на предмет погрома списки ответственных работников-евреев»[8].

§ 5. Обновленческий лжесобор

«Поместный Собор Российской Православной Церкви» начал свою работу в храме Христа Спасителя 29 апреля 1923 г. По данным Е. А. Тучкова, на собор приехало около 500 делега-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 61.
[2] Там же. Л. 50.
[3] Там же.
[4] Следственное дело... С. 279.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 70.
[6] Там же.
[7] Следственное дело... С. 352–353.
[8] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 70.

тов, из них 67 архиереев, «из которых почти половина была старого тихоновского посвящения»[1]. А. Левитин-Краснов и В. Шавров сообщают о 476 делегатах и приводят список из 66 архиереев[2]. Составители сборника «Следственное дело Патриарха Тихона» полагают, что в деятельности собора приняли участие 73 епископа, 20 из которых имели старое посвящение[3]. Список из 66 архиереев был опубликован в «Деяниях» собора[4]; список из 67 епископов (включая Александра Введенского), выполненный от руки, приложен также в издании бюллетеней собора[5].

Руководящая роль на соборе была отведена чекистами лидеру сибирских обновленцев «митрополиту» Петру Блинову. Как отмечалось выше, именно Сибирь стала оплотом обновленчества ввиду насаждения там женатого епископата, сменившего репрессированный старый епископат. Непредсказуемый Красницкий стал для Е. А. Тучкова неудобной фигурой. Сподвижник Красницкого В. Н. Львов в письме заместителю председателя ВЦИК П. Г. Смидовичу от 1 мая 1923 г. указывал, что в условиях, когда митрополит Антонин (Грановский) поднимает вопрос о запрещении сибирских женатых епископов, нужно предоставить руководство собором Владимиру Красницкому, «как опытному незаменимому кормчему»[6]. Петр Блинов «по необузданности характера своего, малоавторитетности в широких обновленческих кругах и неопытности в делах» не мог, по мнению В. Н. Львова, возглавлять собор. Е. А. Тучков признавал, что «собор мог бы быть сорван, если бы не было нашего негласного вмешательства, так как группы были настроены между собой абсолютно непримиримо[,] в особенности группа КРАСНИЦКОГО...»[7]. Но для Тучкова не составляло труда дать понять Красницкому, кто должен решать вопрос о руководстве в обновленческом дви-

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 420.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты: (Материалы по истории Церкви). М., 1996. Кн. 9. С. 263, 293–294.

[3] Следственное дело... С. 877.

[4] Деяния Второго Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. М., Изд. ВЦС, 1923.

[5] Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 г.: (Бюллетени). М., Изд. протопресв. В. Д. Красницкого, 1923.

[6] *Одинцов М. И.* Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 103.

[7] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 399.

жении. Лидер «Живой церкви» вскоре «почувствовал, что его сторонники по каким[-]то непонятным ему причинам начинают ему изменять и стоять за коалицию. Причины же эти заключались в том, что, как писал Е. А. Тучков, «мы[,] имея на соборе до 50% своего осведомления[,] и могли повернуть собор в любую сторону»[1]. Поэтому председателем собора был избран «митрополит Сибирский» Петр Блинов при почетном председателе митрополите Антонине (Грановском). Красницкий был явно недоволен этим решением, и ситуация могла закончиться открытым разрывом.

4 мая 1923 г. эту проблему обсудила АРК. Единственным рассматриваемым вопросом стал доклад Е. А. Тучкова «о ходе работы собора». Решение комиссии гласило: «Ввиду того, что Красницкий вследствие упадка его авторитета среди большей части собора может попытаться устроить на соборе скандал, дабы дискредитировать председателя собора Блинова, поручить т. Тучкову принять меры к устранению этого явления и вовлечь Красницкого в активную согласованную работу Собора»[2].

Как умело Тучков с помощью своих осведомителей и секретных сотрудников манипулировал собором, показывает решение о рукоположении протоиерея Александра Введенского архиепископом Крутицким.

Председатель собора Петр Блинов без предварительного обсуждения поставил вопрос о Введенском на голосование, после чего сразу закрыл заседание[3]. В. Н. Львов направил по этому поводу письмо с протестом председателю ВЦИК М. И. Калинину. Столь же безапелляционно вел себя Петр Блинов и в других случаях: когда епископ Волынский Леонтий (Матусевич) попытался возразить против введения женатого епископата, Блинов лишил его слова. С точки зрения власти главным решением собора было объявление Патриарха Тихона «лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение»[4]. При этом собор принял обращение в ГПУ с просьбой допустить к Патриарху Тихону делегацию для того, чтобы объявить

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 399–400.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 1; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 14.

[3] Там же. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 5.

[4] Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 г.: (Бюллетени). С. 12.

решение о лишении его сана[1]. 7 мая председательствующий по делу Патриарха А. В. Галкин обратился к коменданту внутренней тюрьмы ГПУ с просьбой допустить делегацию собора к Патриарху[2].

Обновленческий собор узаконил женатый епископат, второбрачие духовенства, уничтожение святых мощей. Собор также объявил о переходе на григорианский календарь. Этот вопрос был решен на заседании АРК еще 6 марта 1923 г.: «Отмену старого стиля и замену его новым провести на поместном соборе»[3].

Как справедливо отмечает С. Г. Петров, «...Поместный собор 1923 г., его созыв и проведение находились под неусыпным бдительным контролем АРК и ГПУ, высоких партийных и чекистских руководителей»[4]. Все решения собора были предварительно одобрены властями. О том, что собор – марионетка в руках ГПУ, хорошо знали в достаточно широких общественных кругах. Собор получил резко негативную оценку большинства верующих. Верующие г. Липецка писали Патриарху Тихону, что собор «...провел решительную грань в сознании верующих между истиною и ложью, утвердил нас, давно не сочувствующих провозглашенному ею церковно-обновленческому движению, резнул по сердцу и заставил отшатнуться от него тех, которые относились к этому движению безразлично и, под давлением, легкомысленно делались живцами»[5].

В «Записке о церковно-обновленческом движении в связи с освобождением Святейшего Патриарха Тихона...», датированной 28 июня 1923 г., собор оценивается следующим образом: «Созыв церковного собора 1923 г. происходил пристрастно, под давлением. На предсъездных совещаниях, на собраниях благочинных официально заявлялось, что депутатами собраний и членами собора могут быть только лица, сочувствую-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 55; Следственное дело... С. 351–352.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 52, 56; Следственное дело... С. 352.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443. Л. 32; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 8.

[4] *Петров С. Г.* Новые данные об обновленческом Поместном соборе 1923 г. С. 275.

[5] Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 251 Л. 1–2. – Цит. по: *Лихачев В.* Положение и состояние Русской Православной Церкви: (По материалам архивного фонда канцелярии Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода): Курсовое сочинение. Т. 1/2. СПб., 1999. Т. 2. С. 9. Машинопись.

щие обновленческому движению и записавшиеся в члены той или другой из обновленческих групп. Меры воздействия принимались всевозможные. <...> Созванный таким порядком собор 1923 г. не может считаться поместным собором Православной Церкви»[1].

По оценке сотрудников ГПУ, собор имел положительное значение для развития обновленческого движения. Одной из задач проведения собора являлась демонстрация мировому сообществу, озабоченному судьбой Патриарха Тихона, «свободы» деятельности Церкви в России. После окончания собора 12 мая 1923 г. от имени ВЦУ было направлено послание архиепископу Кентерберийскому, в котором говорилось: «Религиозная жизнь в России в настоящее время пользуется совершенной свободой, которой она никогда не имела ни при одном из прежних правительств»[2].

§ 6. Возвращение Патриарха под стражу в Донской монастырь и новое заключение во внутреннюю тюрьму ГПУ (8 мая – 8 июня 1923 г.)

7 мая председательствующий по делу Патриарха А. В. Галкин обратился к коменданту внутренней тюрьмы ГПУ с просьбой допустить делегацию обновленческого собора к Патриарху. Делегация включала: «1) Митрополита Петра БЛИНОВА, 2) Архиепископа Виталия, 3) Архиепископа Леонида, 4) Архиепископа Петра СЕРГЕЕВА*[9], 5) Протоиерея В. НИКОЛЬСКОГО, 6) Протодьякона С. ДОБРОВА, 7) П. Н. ЗАХАРЖЕВСКОГО, 8) А. И. НОВИКОВА*[10] для вручения постановления Поместного Собора и составления делегацией соответствующего акта»[3].

Однако делегация собора была допущена к Патриарху не в тюрьму, а в Донской монастырь, о чем свидетельствует рапорт секретаря Судебной коллегии Верховного суда РСФСР С. С. Быкова. В рапорте говорилось: «Настоящим доношу, что согласно Вашего предложения я вместе с тов. Тучковым и гр-ном Белла-

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 208–211. – Цит. по: *Лихачев В.* Положение и состояние Русской Православной Церкви. Т. 2. С. 12.

[2] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 177. Л. 29.

[3] Следственное дело... С. 352.

виным из ГПУ прибыл в Донской Монастырь, где в помещение ранее занимаемым был водворен гр-н Беллавин»[1]. 8 мая 1923 г. Патриарх был временно возвращен из внутренней тюрьмы на Лубянке в Донской монастырь, куда к нему в 2 часа 40 минут явилась делегация во главе с женатым обновленческим «митрополитом», который председательствовал на лжесоборе, Петром Блиновым[2]. Обновленцы зачитали решение собора о лишении Патриарха сана и монашества и потребовали от него подписаться в том, что он ознакомлен с данным решением. Патриарх указал на его неканоничность, так как он был осужден заочно. Обновленцы требовали от Патриарха снять монашеские одежды, на что получили категорический отказ[3]. Верующие москвичи описывали этот эпизод так: «Принесли штатскую одежду, но он сказал, что она мне не годится, и кто дал мне сан патриарха, тот пусть и снимает, а вас я не признаю и на акте написал: „самодержанный Патриарх всея России Тихон“»[4]. Далее в рапорте говорится: «После удаления делегации я и тов. Тучков оставили помещение, занимаемое гр-ном Беллавиным»[5].

Таким образом, Патриарх 8 мая 1923 г. был перемещен из внутренней тюрьмы ГПУ в ранее занимаемое им помещение в Донском монастыре, где продолжал находиться под стражей. Пребывание Патриарха в Донском монастыре в период с 8 мая по 8 июня, когда он был увезен из монастыря, как считали москвичи, в больницу, подтверждается материалами постоянного наблюдения за Патриархом сотрудников ГПУ, рапорты которых сохранились в следственном деле.

8 мая 1923 г. советскому правительству был предъявлен ультиматум Керзона, где было жестко заявлено о религиозных преследованиях в России, говорилось о казни Буткевича и митрополита Вениамина (Казанского), о деле Цепляка и предстоящем суде над Патриархом Тихоном: «Эти преследования и казни являются частью сознательной кампании, предпринятой Советским правительством с определенной целью уничтожения всякой религии в России и замене ее безбожием. Как таковые, эти

---

[1] Следственное дело... С. 353.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 57.
[3] Следственное дело... С. 354.
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 156.
[5] Там же. Т. 3. Л. 58.

деяния вызвали глубокий ужас и негодующие протесты во всем цивилизованном мире»[1].

В мае 1923 г., несмотря на отказ от проведения жесткой линии в отношении Патриарха, ГПУ продолжало собирать сведения о настроении населения в связи с предстоящим процессом. В сводках сообщалось, что обновленческий собор всеми осуждается. Так, в сводке № 13 за 10 и 11 мая 1923 г. говорилось: «Все резко осуждают обновленцев за решение снять с него (Патриарха Тихона. – *Авт.*) сан»[2].

Как сообщал в ГПУ 15 мая 1923 г. один из видных иерархов, живший в это время Москве, «еще за несколько дней до английской ноты ходили слухи, что Англия готовит ультиматум, касающийся главным образом судьбы попумарха (Патриарха; в тексте опечатка. – *Авт.*) Тихона и что будто бы в день, когда будет расстрелян Тихон[,] заговорят английские пушки. Сейчас все „сиятельные“ с нетерпением ожидают войны»[3]. Сообщение имело под собой основание. Англичане были настроены решительно, поэтому советскому полпреду в Лондоне Л. Б. Красину было дано указание начать переговоры с лордом Керзоном.

Данные о настроениях «сиятельной» аристократии были включены и в сводку № 15 за 15 и 16 мая. «Бывшие» с нетерпением ожидали войны, получаемые ими из-за границы письма «определенно указывают на неизбежность войны и падение советской власти»[4]. Это была последняя сводка, составленная Тучковым для руководства, что свидетельствует о том, что к этому времени ГПУ и Политбюро окончательно отказались от планов проведения судебного процесса над Патриархом.

17 мая состоялась встреча Л. Б. Красина с лордом Керзоном. Красин добился десятидневной отсрочки для предоставления Москвой более удовлетворительного ответа на ультиматум[5].

В ответ на требование Запада было решено показать Патриарха, снятого на кинопленку. 22 мая 1923 г. решено было пред-

---

[1] *Покровский Н. Н.* Политбюро и Церковь, 1922–1923: Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8. С. 203–204.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 92.

[3] Там же. Л. 107.

[4] Там же. Л. 106.

[5] *Хромов С. С.* Леонид Красин: Неизвестные страницы биографии, 1920–1926. М., 2001.

ложить членам АРК обсудить вопрос о «скинематографировании Тихона» в Донском монастыре. Однако в результате обсуждения на заседании АРК постановила отклонить подобное предложение[1].

Патриарх в это время оставался в Донском монастыре и даже имел возможность тайно общаться с приходившими к месту его заточения людьми. Епископ Андрей (Ухтомский) описывал свой разговор с Патриархом, который состоялся утром 15 мая 1923 г. в Донском монастыре, куда он пришел. Он писал верующим Уфимской епархии:

«Войдя в северные ворота Донского монастыря, я совершенно случайно увидел 3–4 женщин, через форточку берущих благословение у Патриарха. Я немедленно поклонился ему до земли, после чего из форточки послышался вопрос святейшего отца: „Владыко, Вы откуда взялись?“ „Так уж Богу угодно, – ответил я. – Скажите, Святейший Владыко, как Вы меня считаете, Томским или Уфимским?“ Твердый ответ: „Томским“. – „Святейший Владыко, я посвятил в Уфе 4 епископов, благословите их“. – „Бог благословит, хорошо сделали“. – „Но если я Томский, благословите и для Томска посвятить епископов?“ – „Непременно, там много нужно архиереев“. Форточка после этого быстро затворилась. Через 3–4 мин[уты] я подошел к тому же месту с одной казанской старушкой, форточка отворилась, Патриарх показался в форточке, подозвал меня пальцем к себе и быстро сказал: „Только посвящайте людей надежных, чтобы не были изменниками Св[ятой] Церкви“. После этого Патриарх махнул на меня рукой и быстро скрылся. Этому разговору в первом случае свидетелем были 4 челов[ека], а во втором – одна эта старушка, и вместе с нею этот разговор я передал монаху Донского монастыря Филарету»[2].

Епископ Сергий (Дружинин) рассказывал об этой встрече Патриарха и архиепископа Андрея: «...патриарх Тихон... с террасы своей кельи в Донском монастыре кричал епископу Андрею (Ухтомскому): „Владыко, посвящай больше архиереев!“ Впослед-

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 525–526.

[2] Цит. по: *Зимина Н. П.* Стояние в вере: Временная автокефалия Уфимской православной епархии в период заключения Святейшего Патриарха Тихона (ноябрь 1922 г. – август 1923 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 3 (24). С. 100.

ствии всем епископам, приходящим к нему, он говорил: „Большевики хотят всех архиереев, священников перестрелять. Чтобы церковь не осталась без епископата, без архиереев, необходимо посвящать в священство и постригать в монашество как можно больше“»[1]. Существуют достоверные свидетельства, что Патриарх Тихон через форточку преподавал благословение женщинам, которые дежурили у помещения, где он находился: «Нередко Святейший, видя из окна своей келии некоторых из этих бескорыстных благотворительниц, в любую погоду дежуривших внизу под деревьями, открывал форточку своего окна и, высунув руку, благословлял их. Они кланялись руке, осенявшей их крестным знамением, и слезы при этом лились из их глаз»[2].

В помещении, где содержался Патриарх, была только одна форточка – в туалете, находившемся ниже второго этажа, где размещались комнаты Патриарха, которым пользовалась и охрана. М. А. Вешнева описывала это помещение: «Нужник освещается крохотной форточкой под потолком. Сооружение деревенское, мы сказали: „Как в XVI веке“. И если кто из нас исчезает, знаем, что отправился „в XVI век“»[3].

Возможно, именно из-за наличия форточки, согласно инструкциям для охраны, Патриарх не мог пользоваться туалетом, а должен был использовать ведро, но часто за этим не следили. Та же М. А. Вешнева описала такой эпизод, который вызвал гнев сотрудника Оперативного отдела ГПУ А. Рыбкина: «Вчера вместе с Надей приехал Алеша. Он сразу прошел к патриарху. Потом выскочил с перекошенным лицом:

– Где старик?

Часовой спокойно отвечает:

– Заседает „в XVI-м веке“.

Алеша выкатил глаза.

– Что-о?

Я объяснила. Он хохотнул. А потом начался разнос. Оказывается, патриарху „в XVI век“ ходить не положено. А положено

---

[1] *Осипова И. И.* История «Истинно-Православной Церкви» по материалам следственного дела // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 1992–1996 годов. М., 1996. С. 376.

[2] Из воспоминаний / Сост. М. Губонин // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. № 6. С. 307–308.

[3] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 77.

пользоваться ведром. Красноармейцы оправдывались. Говорили, что они за этим очень следят. Что всегда все содержат в чистоте. А Старец предпочитает прогуливаться „в XVI век". Алеша не слушал и орал»[1].

Вероятно, Патриарх пользовался форточкой для преподания благословения и передачи записок. Однако, поскольку форточка находилась под потолком, Патриарху приходилось вставать на что-нибудь, чтобы высунуть в нее руку; вероятно, выглянуть из нее было очень сложно. Возможно, приходившие к месту его заточения доверенные лица могли забросить в форточку документы. М. А. Вешнева замечала, что Патриарх часто что-то сжигал в печи: «Патриарх любит тепло. Иногда, поздно вечером, просит затопить у себя. Сидит на маленькой скамеечке с кочергой и смотрит на пылающие дрова. Ребята говорят – мечтает, а я уверена, что что-то сжигает, но об этом Рыбкину я не докладываю»[2]. Не исключено, что через форточку Патриарх мог также передавать на волю документы.

О свидании с Первосвятителем епископ Андрей 16 мая написал своим сторонникам в Уфу, приложив к письму воззвание к пастве «Об Антониновской Господствующей иерархии», датированное «3/16 мая»[3]. Вскоре епископ Андрей был выслан в Ташкент, куда прибыл 24 мая 1923 г.[4] Поскольку письмо епископа Андрея оказалось в следственном деле в Уфе, можно сделать вывод, что оно было перехвачено ГПУ.

Последнее свидетельство о том, что власть продолжала готовить процесс над Патриархом, – это рапорт Е. А. Тучкова, посвященный предполагаемому защитнику Патриарха А. В. Бобрищеву-Пушкину, за которым велось наблюдение и телефон которого прослушивался[5]. Известный до революции адвокат лишь в 1923 г. вернулся в Россию, в начале 1930-х стал жертвой сталинских репрессий[6].

---

[1] *Вешнева М. А.* Это память о днях в Донском... С. 77.

[2] Там же.

[3] *Зимина Н. П.* Стояние в вере. С. 100–101.

[4] *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь: По материалам следственных и лагерных дел заключенных. М., 1998. С. 245.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 102.

[6] См. о нем: http://vcisch2.narod.ru/BOBRISCHEV/Bobrischev.htm.

А. Левитин-Краснов пишет о переводе Патриарха 23 мая во внутреннюю тюрьму[1]. Эта дата, как было сказано выше, не подтверждается материалами следственного дела. Сообщения этого автора, полученные через многих лиц, часто искажают реальные события. Суд над Патриархом уже не планировался. 23 мая Л. Б. Красин передал ответ советского правительства на ультиматум Керзона. В ответе содержался ряд уступок, в том числе по делу Патриарха, но были обойдены требования о прекращении пропаганды в Азии. Англичане признали ответ удовлетворительным.

25 мая 1923 г. был снят с должности и переведен из ОГПУ на другую работу начальник Секретного отдела ГПУ Т. П. Самсонов, его место занял ставленник Г. Г. Ягоды Т. Д. Дерибас*[11]. Сам Самсонов впоследствии объяснял свой уход из ГПУ тем, что он не смог сработаться с Г. Г. Ягодой. Новый начальник СО ГПУ отличался жестокостью и аморальным поведением. Известный перебежчик Георгий Агабеков писал о нем как о человеке, беспробудно пьянствующем[2].

Государственной власти было необходимо признание своей легитимности со стороны Патриарха. От него требовалась некая «декларация» о лояльности, сделавшая бы новую власть законной в глазах верующих, для которых Патриарх был самой авторитетной и уважаемой фигурой. По причине того, что Патриарха не удалось осудить, выпускать его на свободу без принятия подобного документа было бы для власти признанием полного поражения. Было очевидно, что провести процесс над Патриархом уже не получится, но и просто отпустить его было невыгодно власти. Встала задача добиться от Патриарха согласия на «покаяние» перед властью.

В докладной записке Е. А. Тучкова заместителю председателя ОГПУ В. Р. Менжинскому от 27 февраля 1924 г. о работе 6-го антицерковного отдела за 1923 г. после сообщения об обновленческом соборе говорится: «Но здесь остается „мучеником“ Тихон, который находится под стражей в Донском монастыре и про которого вся белая эмиграция и вообще весь черносотенный

---

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 302.

[2] *Агабеков Г. С.* Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996. С. 268.

мир пишет и говорит как о едином человеке, который[-]де никогда не примирится с извергами рода человеческого – большевиками, а стоит крепко за веру христову – терпя всякие мучения и так далее. Тогда перед нами встала задача обработать*[12] Тихона, так чтобы он не только извинился перед Советской властью, но и покаялся в своих преступлениях и тем самым поставил бы в глупое положение монархистов. Правда, надо сказать, что здесь с Тихоном работы было чрезвычайно много, он прекрасно понимал, что одним раскаянием дело не ограничится, а что и после придется слушаться и действовать по указке ГПУ, что его более всего тяготило, но благодаря созданной для Тихона обстановки и условий, где он содержался под стражей, а также правильно сделанного к нему подхода, Тихона удалось убедить и он собственноручно написал раскаяние, которое[,] конечно, не могло не поразить его друзей[,] считавших его три дня тому назад стойким и неустрашимым человеком»[1].

Далее начальник 6-го отделения продолжает: «Я здесь совершенно сознательно упустил подробности приемов нашей работы... имея ввиду, что таковые во[-]первых Вам известны, а во[-]вторых[,] они настолько разнообразны, что если их описать, то потребовалось бы написание целой книги»[2]. Слова Тучкова прямо свидетельствуют о мерах определенного психофизического воздействия, применяемых к Патриарху по крайней мере в виде создания определенной обстановки и условий его содержания под стражей. В отчетном докладе 6-го отделения СО ГПУ говорилось о достижении «раскаяния Тихона»: «Эта задача была проделана Отделением весьма не легко, но результат получился желательный»[3]. Эта фраза была впоследствии зачеркнута Тучковым, но сама по себе говорит о многом.

Однако никаких письменных следов «обработки» Патриарха в деле не имеется. Эти «беседы» не записывались сознательно, так как имели незаконный характер. «Методы» своей работы Тучков не раскрывает даже в сверхсекретном докладе заместителю

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 109; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 401–402.
[2] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 408.
[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 116; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 360–361.

председателя ОГПУ В. Р. Менжинскому. Ясно одно: на Патриарха оказывалось колоссальное, беспрецедентное давление. Факт отсутствия в деле материалов, характеризующих методы «работы» с Патриархом, говорит о том, что даже при всей своей объемности следственное дело далеко не в полной мере отражает обстоятельства следствия.

Тучков не скрывает, что «обрабатывал» Патриарха, т. е. жестко давил на него, возможно, применялись также и физические методы воздействия, поскольку 8 июня Патриарха увезли в больницу, о чем будет сказано ниже. Чекистам не оставалось ничего более, как «выбивать» из Патриарха «покаяние»: по Москве ходили разговоры о том, что из-за ультиматума Керзона судить Патриарха не будут.

Даже критики Патриарха не обвиняли его в малодушии. А. Д. Самарин писал: «Я не сомневаюсь, что им не руководит малодушный страх за свою личную безопасность, но ему постоянно ставят в вину бесчисленные аресты, ссылки и расстрелы духовенства, и он невольно останавливается перед новыми жертвами, так как во всех случаях сопротивления Синода намерениям ГПУ месть поражает не Патриарха, а кого-нибудь из его ближайших сотрудников, обвиняемого в противосоветском влиянии на ход церковных дел»[1].

«Обработка» Патриарха продолжалась до начала июня 1923 г. О том, что Патриарх готов подписать «покаянные документы», Е. А. Тучков доложил на заседании АРК через две недели после начала «обработки» Патриарха. 5 июня АРК постановила: «Не возражать против написания Тихоном ряда статей, относительно его отношения к Соввласти в настоящее время и об „условиях в которых он содержится под стражей[“]. Всю корреспонденцию поручить просмотреть тов. Попову»[2]. Что происходило с ним в застенках ГПУ, Патриарх, по словам протопресвитера В. Виноградова, никому не рассказывал: «По каким психологическим мотивам и в каких условиях подписал

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.): Выдержка из письма А. Д. Самарина деятелям Зарубежной Церкви с изложением событий церковной жизни в России / Вступительная статья, публикация и примечания О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 62.

[2] РГАСПИ. Ф. 89. Д. 4. Л. 22.

патриарх ТИХОН это заявление, он, насколько я знаю, никогда и никому об этом ничего не говорил (а спрашивать его об этом было бы крайне неделикатно), но никогда он и не отрицал, что действительно подписал его, но только не раз разъяснял буквально следующее: „Я написал там, что я отныне – не враг Советской власти, но я не писал, что я [–] друг Советской власти“...»[1].

§ 7. Подготовка освобождения Патриарха в период его пребывания в больнице

Незадолго до 11 июня глава Антирелигиозной комиссии Е. М. Ярославский подробно изложил в записке то, что, по его мнению, при дальнейшем «нажиме» можно было бы выбить из Патриарха: «...необходим какой-нибудь шаг, который оправдывал бы наше откладывание дела Тихона, иначе получается впечатление, что мы испугались угроз белогвардейщины»[2].

Ярославский сообщает о беседах с Патриархом, которые проводились в заключении: «Из разговоров с Тихоном выяснилось, что при некотором нажиме и некоторых обещаниях он пойдет на эти предложения»[3].

Глава АРК продолжал: «...в случае его согласия, также заявления с его стороны будут иметь огромное политическое значение: они спутают совершенно карты всей эмигрантщины; они явятся ударом по всем тем организациям, которые ориентировались на Тихона; Тихон явится гарантией против усиления влияния ВЦУ; его личное влияние будет скомпрометировано связью с ГПУ и его признаниями; выступления Тихона против еп[ископа] Кентерб[ерийского], Мелетия, Антония, папы будет пощечиной прежде всего английскому правительству и лишит в глазах европейских кругов всякого значения выступления Англии в защиту Тихона; наконец, согласие его хотя бы с какой-нибудь реформой (он согласен на признание нов[ого]

---

[1] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 13.

[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 283–284.

[3] Там же.

григор[ианского] календаря) делает его „еретиком“ – новатором в глазах истинно православных.

ВЦУ при этом сохранит прежнее положение при значительном уменьшении влияния»[1].

План Ярославского и ГПУ столкнуть Патриарха и «непримиримых» стал реализовываться. Из тюрем освободили многих «даниловских» архиереев. 8 июня был освобожден епископ Феодор (Поздеевский), вскоре после него – епископ Гурий (Степанов)*[13] и другие.

8 июня, в пятницу, Патриарха перевезли в больницу. В рапорте сотрудника «засады» в Донском монастыре от 13 июня 1923 г. говорилось: «Довожу до Вашего сведения, что б[ывший] Патриарх Тихон увезен 8/VI из Донского монастыря ввиду его болезни. Ходят слухи, что он, Тихон, заболел от какой-то рыбы, принесенной ему посетителями. Другие слухи, что женщина, приготовляющая ему пищу, вложила какого-то яду умышленно, и он от этого заболел и по представлении его в лечебницу скончался. Панихид никаких не было»[2]. В другом рапорте, от 14 июня 1923 г., сообщалось, что циркулируют следующие слухи: «Дней пять тому назад будто бы Патриарх Тихон был увезен из Донского монастыря якобы для отправления его заграницу. Кроме того, якобы во время передачи один из коммунистов передал отравленную пищу и Тихон[,] отравленный[,] отправлен неизвестно куда, где и скончался, а посему производятся панихиды. Панихиды служились в Донском монастыре и ц[еркви] [в] Кадашах свящ[енником] Александром*[14], прожив[ающим] с епископом Тихоном*[15], к которому на днях приезжали представители епископа Агафангела*[16]»[3].

Митрополит Агафангел являлся Местоблюстителем Патриаршего престола, поэтому он послал своих людей удостовериться в смерти Патриарха. Насельники Донского монастыря имели возможность получать информацию о Патриархе, и если даже они начали служить по нему панихиды, это значит, что когда Патриарха увозили, его состояние внушало серьезные опасения. 19 и 20 июня по Москве усиленно циркулировали слухи о том,

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 283–284.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 34.
[3] Там же.

что Патриарх отравился рыбой и умер (по другим сведениям, умер от голода в тюрьме)[1]. Патриарх, как указано выше, питался продуктами, принесенными жертвователями.

Здоровье Патриарха, подорванное тюремным заключением и чекистскими способами «обработки», ухудшилось. Очевидно, произошел один из первых обмороков, вызванных интоксикацией. Такие обмороки затем будут происходить регулярно. Верующие москвичи в июле 1923 г. говорили, что Патриарха в тюрьме «морили голодом»[2]. Одна из современниц этих событий вспоминала: «В Кремль его поместили под предлогом необходимости леченья от болезни почек, которой он захворал в конце своего заточенья. В Кремле, говорили они, лучшие московские врачи и образцовая больница. Продержали его там около двух недель, стараясь вымучить у него признание над Церковью советской власти, вырвать подпись на заранее заготовленное ими „Патриаршее Послание“. Но не знали они, что в борении с их злой волей его, „Тихона“, как сказал он однажды, „поставленаго Богом Патриархом всея России для того, чтобы вести ее не к смерти, а к жизни“ – подкрепляли сила и воля Божии. Не добившись его подписи, они продолжали, вплоть до его кончины, упорно добиваться от него все того же признания главенства над Церковью советской власти, и до конца, как известно, не преуспели...»[3].

Пребывание Патриарха в одной из государственных клиник в течение двух недель представляется весьма вероятным. Было необходимо провести обследование его здоровья, чтобы определить, чем вызваны приступы, нет ли опасности внезапной смерти. Кончина Патриарха в условиях заключения породила бы слухи о внесудебной расправе, что неблагоприятно сказалось бы для советской России в ее отношениях с западными странами.

Диагноз Патриарха, установленный в начале 1924 г. лучшими врачами того времени, сообщает А. Д. Самарин в письме митрополиту Антонию (Храповицкому), которое было опубликовано недавно: «В течение года у него трижды повторялся глубокий обморок, длившийся минут 20–30. Сначала думали,

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 123, 125.

[2] Там же. Л. 151.

[3] *Москвичка.* Свет России: Московские воспоминания, 1923–1927 // Церковно-исторический вестник. М., 2002. № 9. С. 6–7.

что это легкие удары, но консилиум лучших врачей, созванный после последнего обморока, открыл у него нефрит, не слишком сильный, но неизлечимый: белка выделяется довольно много, но цилиндров нет, нет и отеков, обмороки происходят от всасывания мочевины. Сам по себе нефрит в такой степени развития не представляет такой опасности для жизни, но всасывание мочевины в больших количествах может повести к неожиданной катастрофе»[1].

Речь идет о том, что при всасывании в кровь мочевины, когда ее концентрация достигает 33–50 ммоль/л, наступает сильная интоксикация организма, что выражается в повышенной утомляемости, головной боли, нарушениях сна. Если существуют сопутствующие заболевания печени, то интоксикация проявляется симптомами угнетения центральной нервной системы, а в тяжелых случаях может развиться кома[2]. В свою очередь повышение концентрации мочевины в сыворотке крови происходит «вследствие уменьшения суточного объема мочи при шоке, сердечной недостаточности, обезвоживании организма... стрессе»[3]. У Патриарха были проблемы с сердцем. Он страдал ишемической болезнью сердца, или, как тогда говорили, грудной жабой. Стрессов и эмоциональных шоков Патриарх в 1922 г. пережил много: его постоянно шантажировали расстрелом близких людей и православного духовенства, а условия заключения окончательно подорвали здоровье Святителя.

Накануне заседания Политбюро 11 июня Ярославский внес проект постановления Политбюро, в котором предлагал: «...следствие по делу Тихона вести без ограничения срока»[4]. Этим власти сохранили бы возможность постоянного давления на Патриарха. Ярославский предлагал сообщить Патриарху, что в отношении его «может быть изменена мера пресечения, если а) он сделает особое заявление, что раскаивается в совершенных против Советской власти... преступлениях и выразит свое теперешнее лояльное отношение к Советской власти; б) что признает справедливым состоявшееся привлечение его к суду за преступления;

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 62.

[2] *Будковская Н. Г.* Мочевина // Малая медицинская энциклопедия. М., 1992. Т. 3. С. 495.

[3] Там же.

[4] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 282.

в) отмежуется открыто и в резкой форме от всех контрреволюционных организаций... г) выразит резко отрицательное отношение к новому Карловицкому Собору и его участникам; д) заявит о своем отрицательном отношении к происках... католического духовенства... е) выразит согласие с некоторыми реформами в церковной области (например, новый стиль)»[1]. Это предложение было принято 12 июня на заседании АРК, а 14 июня – на заседании Политбюро[2].

16 июня последовало заявление Патриарха в Верховный суд РСФСР. В нем Патриарх выполнял первые три пункта ультиматума, который был ему предъявлен, т.е. признавал правильность решения суда о привлечении его к ответственности, приносил раскаяние в действиях, направленных против советской власти, отмежевывался «как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контрреволюций»[3]. Кроме того, Патриарх просил освободить его из-под стражи и писал: «...я отныне Советской Власти не враг». В деле имеется автограф этого послания, написанный рукой Патриарха, но это был один из тех случаев, о которых Н. Н. Покровский пишет как о «случае принудительного авторства»[4]. Однако из шести пунктов ультиматума Патриарх выполнил только три: он отказался осудить зарубежное православное и католическое духовенство и ничего не писал о принятии нового стиля.

В следственном деле имеется сообщение о том, что «председатель тихоновского Епархиального управления профессор Виноградов, при посещении Коломны, рассказывал „служителям культа“: „Редакция отречения Патриарха от всех своих контрреволюционных деяний вырабатывалась три раза: первая редакция, с которой Тихон не согласился – выработана ВЦИК. Вторая – с которой ВЦИК не согласился – выработана Тихоном. Наконец третья – принятая обеими сторонами – обеими же и составлялась»[5]. Следы редактирования, сделанного в ГПУ, носят и другие послания Патриарха. В другом сообщении гово-

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 282–283.

[2] Там же. С. 284–285.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 63–63 об.

[4] *Покровский Н. Н.* Время публиковать источники // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 1996. С. 18.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 352.

рится: «Председатель Тихоновского МЕУ – Виноградов (профессор) при своей поездке в г. Коломну рассказывал о том, что раскаяние Тихона есть результат соглашения с ВЦИК, последовавшего лишь после длительных колебаний»[1].

Главное, о чем думал Патриарх, когда частично принял ультиматум властей, – это благо Церкви, находившейся под угрозой полного захвата обновленцами. Англиканскому епископу Бюри, просившему разъяснить появление «Заявления в Верховный Суд РСФСР», Патриарх напомнил слова апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» (Флп. 1: 23–24). И добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба Православной Церкви – на его ответственности.

Признание советской власти, выраженное в «Заявлении» от 16 июня 1923 г., означало, что Патриарх Тихон принимал эту власть как попущение Божие и что он придерживался принципа лояльности власти. Этот принцип был положен в основу политики церковного руководства Русской Православной Церкви и в дальнейшем. «Заявление» позволило Патриарху сохранить Православную Церковь от развала, нанести решительный удар по обновленческому расколу, спасти от смерти священнослужителей, которые вслед за Патриархом были выпущены из тюрем и лагерей.

Безусловно, не условия заключения и «правильно сделанные подходы» ГПУ, а именно тревога за судьбу Церкви обусловила написание этого заявления, вернее, частичное принятие ультиматума властей. Патриарху была важна не личная свобода, как таковая, а возможность деятельно управлять Церковью, т. е. предотвратить ее полный захват обновленцами. Патриарх ставил вопросы церковные выше вопросов политических, таких как признание или непризнание советской власти. Речь шла о существовании или уничтожении Православной Церкви в России, и ради ее сохранения Патриарх пошел на уступки, вызванные жестокой необходимостью и не противоречащие канонам Церкви. Это заявление не означало союза с государственной властью, а было всего лишь ее признанием и отказом от борьбы с ней.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 355.

Выражая лояльность власти, Патриарх следовал древней христианской парадигме, согласно которой необходимо с уважением относиться к любой государственной власти. Непосредственный ученик святых апостолов святитель Поликарп, епископ Смирнский, так поучал христиан: «Молитесь также за царей, за власти и за князей, даже за преследующих и ненавидящих вас и за врагов креста, чтобы плод вашей веры был явен для всех, и сами вы были совершенны»[1]. Этот же святитель, представ пред своим мучителем, так отвечал на его слова: «Тебе ответствую как властителю, ибо мы должны уважать всякую власть, поставленную от Бога»[2]. О повиновении гражданской власти и молитве за нее древних христиан свидетельствуют многие христианские апологеты. Так, Тертуллиан в обосновании необходимости молитвы христиан за гражданские власти ссылается на заповедь святых апостолов. О молитве Древней Церкви за римских императоров, жестоко мучивших христиан, свидетельствуют и другие христианские апологеты. Святой мученик Иустин Философ писал: «...хотя поклоняемся единому Богу, но в других отношениях и вам охотно служим, признавая вас царями и правителями людей и молясь о том, чтобы вы, при царской власти, были одарены и здравым суждением»[3].

М. Е. Губонин упоминает о том, что Патриарху в 1923 г. со стороны властей было сделано предложение о выезде на постоянное место жительства за границу, на что Патриарх ответил: «...никуда я не поеду, буду страдать здесь вместе со своим народом и исполнять свой долг до положенного Богом предела...»[4]. Это предложение вполне могло иметь место: выше цитировалась сводка ГПУ, в которой говорится, что в Москве циркулировали слухи на эту тему. Святейший Патриарх Тихон до конца нес крест тяжелейшего служения, возложенного на него. Одним из рычагов давления на Патриарха было обновленческое движение. Патриарх был лишен возможности получать информацию извне и, по всей видимости, Тучков преувеличивал в разговорах с Патриархом успехи обновленцев в захвате Церкви. Об этом

---

[1] Цит. по: Раннехристианские отцы Церкви: Антология. Брюссель, 1978. С. 156.

[2] Цит. по: Первые четыре века христианства. СПб., 1840. С. 99.

[3] I Апология, 17.

[4] Акты... С. 224.

говорят слова Патриарха, сказанные им после освобождения: «Если бы я знал [находясь в изоляции. – *Сост.*], что обновленцы сделали так мало успехов, – я вообще остался бы в заключении»[1].

Вероятно, одновременно с заявлением в Верховный суд Патриарх по требованию властей написал и послание к верующим, оригинал которого в следственном деле отсутствует. На заседании АРК 19 июня 1923 г. заявление и послание рассматривались вместе. При этом было принято следующее решение: «1) Заявление Тихона, адресованное в Верх[овный] Суд[,] размножить и срочно разослать всем членам П[олитбюро] для ознакомления.

2) В воз[з]вании к верующим внести некоторые поправки.

3) Независимо от этих 2-х обращений Тихон должен написать 3-е обращение к верующим, в котором не касаясь «обновленцев» высказать следующее:

а) Признание своего преступления против Соввласти и Трудящихся России.

б) осуждение действий Антония Храповицкого и др.

в) О том, что Мелетий*[17] [–] ставленник Англии и т. д.

г) Резко высказат[ь]ся против Польского правительства, русских и иностранных белогвардейцев, которые якобы его толкнули на преступления против Соввласти и

д) о введении в церковном мире новой орфографии.

4) Все это поручить провести тов. Тучкову в пятидневный срок и доложить на следующем заседании комиссии.

5) Изменение меры пресечения Тихону комиссия считает возм[о]жным»[2].

Согласно признанию Е. А. Тучкова, освобождение Патриарха было невыгодно ГПУ: «Неожидан[ное] прекращение дела Тихона внесло в нашу работу по церковникам некоторые затруднения, так как Тихон[,] состоя под судом[,] всецело находился под нашим влиянием, а также и обновленческое течение имело главным аргументом своей агитации, что Тихон не свободный[,] а подсудимый человек. Амнистированный Тихон стал значительно смелее[,] и наши советы для него стали необязательны, а также и обновленческое течение значительно упало духом[,]

---

[1] Акты... С. 301.

[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 527.

имея в лице Тихона весьма сильного и освобожденного от суда противника...»[1].

В первоначальный текст послания сотрудники ГПУ, по-видимому, внесли значительные изменения. О том, какие это были изменения, можно только догадываться ввиду того, что в следственном деле, а также в известных нам архивных фондах подлинника этого послания не имеется. Но одно то, что послание было написано по прямому указанию и отредактировано ГПУ, позволяет говорить о Патриархе как о его авторе лишь условно.

В рапорте от 20 июня 1923 г. говорилось: «Доношу, что по установленным мною сведениям верующие прихожане церквей Благовещения, находящ[ейся] в Петровском парке, Митрофания находящ[ейся] около станц[ии] Зыковская платформа и Всех святых, наход[ящейся] в селе Всехсвятском[,] 17 июня с/г. отправились в Донской монастырь для получения сведений о состоянии здоровья б[ывшего] Патриарха Тихона, где им неизвестный священнослужитель ответил следующее: „Патриарх Тихон съел немного рыбы, отчего заболел и отправился в больницу", вышеуказанным ответом верующие вполне удостоверились»[2]. То, что верующие направились за разъяснениями в Донской монастырь, говорит о том, что им было известно местонахождение Патриарха. Косвенно пребывание Патриарха в этот период в монастыре подтверждается и тем, что на заседании АРК от 22 мая 1923 г. обсуждался вопрос «о скинематографировании Тихона»[3], хотя предложение и было отклонено, но вряд ли предлагавший хотел провести «скинематографирование» в больничной палате.

§ 8. Решение Политбюро об освобождении Патриарха и его возвращение во внутреннюю тюрьму ГПУ (21–26 июня 1923 г.)

21 июня 1923 г. высший партийный орган – Политбюро – принял предложение АРК об изменении меры пресечения Патриарху и одновременно решение: «Процесса пока не ставить»[4].

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 126; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 420.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 125.
[3] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 17–19.
[4] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 244–245.

Интересно отметить, что на следующий день Архангельский облотдел ГПУ принял постановление об освобождении из-под стражи епископа Илариона (Троицкого)[1].

24 июня обновленческий «митрополит» Антонин (Грановский) в результате конфликта с членами ВЦС, прежде всего с Красницким, был освобожден от всех занимаемых постов и уволен на покой.

25 июня на заседании Судебной коллегии Верховного суда было принято постановление об освобождении Патриарха. А на следующий день АРК на своем заседании приняла решение освободить Патриарха 27 июня. Кроме того, ГПУ поручалось «производить постепенную ликвидацию дел, связанных с изъятием ценностей, воззваниями Тихона, освобождая от наказания тех тихоновцев, которые публично заявят о своем раскаянии», а также «в течение ближайших трех месяцев пересмотреть все дела высланных церковников на предмет амнистирования наименее из них вредных»[2].

Начало 1920-х гг. стало временем закладывания принципов государственно-церковных отношений в СССР. Каждая из сторон этих отношений претерпела определенную эволюцию. В итоге в июне 1923 г. был достигнут компромисс. Власти поняли, что путем грубого давления, тюремного заключения, угрозы смерти от Патриарха Тихона нужных им уступок не добиться. Поэтому в своей церковной политике власти были вынуждены перейти от грубого давления и физических преследований к действиям более изощренным, но также направленным на раскол Церкви и подрыв авторитета Патриарха. Патриарх Тихон также изменил свою позицию, заявив о своей лояльности советской власти.

Таким образом, во внутренней тюрьме ГПУ Патриарх находился с 19 апреля по 8 мая; с 8 июня около двух недель – в больнице в условиях полной изоляции, а затем снова на Лубянке до освобождения 27 июня; в общей сложности получается 38 дней. Именно 38 дней указывается сроком пребывания в заключении Патриарха Тихона в опубликованном сразу же после его освобождения в «Известиях» интервью Патриарха: «Так же хорошо

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 2. Л. 70.

[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 528.

Тихон отзывается о своем пребывании в ГПУ, где он провел 38 дней»[1]. В Донском монастыре в условиях заточения Патриарх пробыл год – с 19 мая 1922 г. по 26 июня 1923 г., исключая 38 дней, о которых сказано выше. Необходимо учитывать, что все материалы на церковную тему должны были помещаться в газетах с разрешения Е. А. Тучкова, несомненно причастного и к этой публикации. А уж он точно знал, сколько дней провел Патриарх Тихон в тюрьме.

Существуют серьезные расхождения по вопросу о том, сколько времени Патриарх находился в тюрьме и когда был освобожден. Так, протопресвитер В. Виноградов указывал, что «освобождение патриарха состояло в том, что в его помещение явился начальник церковного отдела ГПУ Тучков, в ведении которого находился патриарх, снял стражу и объявил патриарху, что он теперь может куда угодно выходить и выезжать и кого угодно принимать»[2]. Это мнение протопресвитера В. Виноградова основано, видимо, на слухах и недостоверно. Неточность этих сведений подтверждает и указание, что в день своего освобождения Патриарх поехал на Лазаревское кладбище для участия в погребении о. Алексия Мечёва[3], хотя Патриарх участвовал в погребении святого прававедного Алексия на следующий день после освобождения – 28 июня, в четверг, что подтверждают сводки наблюдения за Патриархом[4].

А. Левитин-Краснов и В. Шавров полагали, что Патриарх был арестован и препровожден в тюрьму только 23 мая 1923 г.[5] Эта точка зрения, как было показано выше, не подтверждается материалами следственного дела. Авторы помещают детальный рассказ об освобождении Патриарха из здания внутренней тюрьмы на Лубянке: «...в 12 часов дня из одного из подъездов вышел высокий старик, в патриаршем куколе и шелковой рясе. На груди у него сверкала драгоценная панагия. Однако на ногах были старые галоши без сапог. Он по-прежнему держался

---

[1] Акты... С. 282.

[2] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 9.

[3] Там же.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 130.

[5] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 302.

величаво и прямо, однако заметное дрожание обеих рук и восковая бледность лица говорили о том, что долгие месяцы заключения не прошли даром»[1]. Далее сообщается об отъезде Патриарха в Донской монастырь и о встрече его там толпой народа. Авторами сделано примечание: «Все обстоятельства освобождения Патриарха Тихона сообщены покойным Яковом Евгеньевичем Горожанкиным»[2], который, по данным авторов, был тогда 15-летним мальчиком и был до ареста посошником Патриарха. Он вместе с извозчиком встречал Патриарха у ворот здания ОГПУ. Однако авторы книги допустили ряд неточностей. Так, они указывают, что Патриарх написал воззвание об отношении к советской власти «вечером, уединившись» в день освобождения, хотя оно было написано до его освобождения.

Современные авторы также не приводят достоверных сведений о времени заключения Патриарха. Так, Н. Н. Покровский считает, что Патриарх Тихон находился в тюрьме с 21 апреля по 27 июня 1923 г.[3] Однако, как было показано выше, Патриарх был арестован 19 апреля[4]. Кроме того, Н. Н. Покровский не учитывает приведенных выше многочисленных свидетельств о пребывании Патриарха в Донском монастыре в период с 8 мая по 8 июня 1923 г. Н. А. Кривова полагает, что Патриарх находился в тюрьме в период с 19 апреля по 27 июня 1923 г.[5], опять же не учитывая данные указанных источников и того, что Патриарх пробыл в заключении 38 дней.

Авторы-составители сборника «Следственное дело Патриарха Тихона» считают: «С 19 марта по 8 мая 1923 г. св[ятой] Патриарх Тихон содержался во внутренней тюрьме ГПУ на Лубянке в связи с предполагаемым судебным процессом. 8 мая 1923 г. – возвращен в Донской монастырь, поскольку процесс по предложению Дзержинского был отложен. 23 мая 1923 г. – снова переведен во внутреннюю тюрьму ГПУ. 28 июня 1923 г. – освобожден, переехал на жительство в Донской монастырь...»[6]. Дата

---

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 306–307.

[2] Там же. С. 307.

[3] *Покровский Н. Н.* Предисловие // Архивы Кремля. Кн. 1. С. 93, 95.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 3. Л. 30.

[5] *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. С. 181, 190.

[6] Следственное дело... С. 880.

ареста, предлагаемая авторами (19 марта 1923 г.), абсолютно противоречит публикуемым ими же документам: в сборнике помещен рапорт коменданта Верховного суда о взятии Патриарха под стражу 19 апреля[1] и ряд документов, говорящих о том, что Патриарх в период с 19 марта по 19 апреля находился в Донском монастыре[2]. 23 мая – как дата повторного помещения Патриарха в тюрьму – не основана на материалах дела и, по-видимому, заимствована из книги Левитина-Краснова и Шаврова. И, наконец, 28 июня, как предлагаемая авторами дата освобождения Патриарха, также противоречит документам дела и других архивов[3]. Кроме того, ни один из предлагаемых названными авторами возможных сроков заключения Патриарха не укладывается в 38 дней.

[1] Следственное дело... С. 336–337.
[2] См., например: Там же. С. 248–249.
[3] См., например: Архивы Кремля. Кн. 1. С. 528.

ГЛАВА V
Патриарх Тихон в июне – декабре 1923 г.

§ 1. Освобождение Патриарха Тихона

Начиная с апреля 1923 г. документы Политбюро и АРК свидетельствуют о некотором изменении тактики власти по отношению к Церкви. Во многом это было связано с тем, что главные организаторы антицерковной кампании 1922 г. Ленин и Троцкий в силу разных причин утратили влияние на партийный курс. Проходивший в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г. XII съезд РКП(б) принял специальную резолюцию – «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды». В резолюции осуждались «нарочито грубые приемы» в антирелигиозной пропаганде и оскорбление чувств верующих[1]. Тактический маневр власти состоял в отказе от чрезвычайных мер по искоренению религии. Было признано, что в такой религиозной стране, как Россия, искоренить религию в короткие сроки невозможно, поэтому предлагались более гибкие долговременные меры.

Как отмечает Н. Н. Покровский, «никоим образом не следует преувеличивать значение этого недолгого тактического маневра для судеб церкви и религии»[2]. Отчеты и другие материалы 6-го отделения СО ГПУ свидетельствуют, что карательные органы не отказались от репрессивной практики в отношении религиозных организаций. До начала 1925 г. ГПУ продолжало вести борьбу против Патриарха Тихона, но уже не прибегая к его открытому преследованию: не возбуждая против него следственных действий, не вызывая на допросы, не выдвигая обвинений.

Перед Патриархом, только что выпущенным на свободу, стояла трудная задача – борьба за само существование Русской

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 469–472.

[2] *Покровский Н. Н.* Предисловие // Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1997. Кн. 1. С. 104.

Православной Церкви. Ни АРК, ни ОГПУ, ни Политбюро не собирались отказываться от своих планов раскола и уничтожения Церкви. Не имея возможности устранить Патриарха физически, власти взяли курс на подрыв его авторитета среди верующих. Первыми шагами в этом направлении, как уже отмечалось, являлись «раскаяние» Патриарха перед советской властью, а также два воззвания к верующим. ГПУ разработало план дальнейшей дискредитации Патриарха. Тучков и Ярославский намеревались «провести через Тихона», как говорится в протоколах АРК, введение в Церкви нового стиля и новой орфографии, а также включение в состав церковного руководства обновленца Владимира Красницкого. Патриарх не отклонил ни одного из этих «указаний», но на деле они не были реализованы.

Патриарх Тихон применяет в этот период новую тактику взаимоотношений с властями. Путем сложных переговоров и формального согласия с требованиями властей он пытается лавировать таким образом, чтобы эти требования не были реализованы.

Влиять на Патриарха после его освобождения, как признавал сам Тучков, стало значительно сложнее. Об этом свидетельствуют неоднократные распоряжения АРК изменить редакцию патриарших воззваний или не допустить публикацию вариантов посланий, составленных Патриархом Тихоном. Также принимались решения о конфискации тиражей опубликованных воззваний. Для проведения тщательной цензуры Тучкову поручалось рассылать всем членам АРК тексты воззваний до их публикации. Ужесточение цензуры было значительным: в печати запрещались публикации церковного характера без санкции властей, а в центральной прессе – без санкции Е. А. Тучкова. Таким образом, можно говорить о том, что Патриарх был лишен возможности свободно обращаться к верующим через послания, а их содержание должно было согласовываться с АРК и ГПУ.

27 июня 1923 г., в среду, Патриарх был освобожден. Согласно А. Левитину-Краснову, сведения которого не всегда достоверны, ГПУ специально пригласило извозчика Патриарха к зданию на Лубянке: «Раньше всего известие об освобождении патриарха пришло в маленький деревянный домик на окраине Москвы, в котором проживал старый московский извозчик Кирилл Иванович, который в течение пяти лет (с 1917 по 1922 г.) возил патриарха. Рано утром сюда явился неизвестный товарищ в кожаной

куртке с портфелем в руках и предложил Кириллу Ивановичу быть в 12 часов дня с фаэтоном на Лубянке, у гостиницы „Россия“ (там тогда помещалась ЧК). На встревоженный вопрос извозчика посетитель, слегка улыбнувшись, ответил: „Не бойтесь: своего старого хозяина на волю повезете“»[1].

А. Левитин-Краснов так описывает освобождение Патриарха: «Ровно в 12 часов из одного из подъездов вышел высокий старик, в патриаршем куколе и шелковой рясе. На груди у него сверкала драгоценная панагия. Однако на ногах были старые галоши без сапог. Он по-прежнему держался величаво и прямо, однако заметное дрожание обеих рук и восковая бледность лица говорили о том, что долгие месяцы заключения не прошли даром.

Выйдя из подъезда, он осмотрелся по сторонам, и в это самое время старый картинный кучер Кирилл Иванович, соскочив с облучка, без шапки повалился в ноги старцу...

Благословив извозчика и трижды облобызавшись с ним, патриарх затем также благословил и облобызался с Яшей*[1] и стал усаживаться в фаэтон. В толпе репортеров защелкали аппараты. Люди в кожаных куртках бесстрастно, с каменными лицами, наблюдали эту сцену.

„В Донской монастырь“, – тихо сказал патриарх. Кучер тронул лошадей. В этот самый момент за подножку уцепилась какая-то женщина, проходившая откуда-то (видимо, с рынка) с подушкой. „Подушку для Святейшего, – воскликнула она. – Подарок от чистого сердца“, – и положила подушку на колени Яше. Святейший издали благословил ее и, улыбнувшись, сказал: „Ну вот, теперь у меня и подушечка есть“. Снова повторил: „Поедем, Кирилл Иванович, в Донской монастырь“»[2]. По сообщению А. Левитина-Краснова, у монастыря Патриарха уже ждали верующие: «Была ли это народная интуиция или уже заранее просочились с Лубянки какие-то слухи, но факт остается фактом: не успел патриарх подъехать к воротам монастыря, его буквально забросали цветами, почти вынесли его на руках. Послышались приветственные возгласы и рыдания. С монастырской

---

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 306.

[2] Там же. С. 307.

колокольни раздался трезвон. Архимандрит Алексий, настоятель монастыря, в сопровождении нескольких монахов подошел к Святейшему под благословение. Патриарх молча его благословил и с ним облобызался»[1]. Патриарх направился в Большой собор монастыря, где пропел тропарь Донской иконе Божией Матери и до вечера совершал благословение народа. Автор Богослужебного дневника Патриарха сообщает, что Святейший «совершил пение тропаря Донской иконе Божьей Матери в большом Соборе Донского монастыря и благословение народа»[2]. А. Левитин-Краснов и В. Шавров писали: «Войдя в храм, патриарх приложился к Престолу, опустившись на колени, помолился перед иконой Донской Божией Матери...»[3]. К рассказу авторами сделано примечание: «Все обстоятельства освобождения Патриарха Тихона сообщены покойным Яковом Евгеньевичем Горожанкиным»[4], которому тогда было 15 лет и он являлся посошником Патриарха. Вместе с извозчиком он встречал Патриарха у ворот здания ОГПУ. Однако авторы книги допустили ряд неточностей. Так, они указывают, что Патриарх написал воззвание об отношении к советской власти в день освобождения, «вечером, уединившись», хотя оно было написано до его освобождения. Следует учитывать и указанное выше мнение протопресвитера Василия Виноградова, который считал, что Патриарх не находился в тюрьме в момент освобождения, а был освобожден из-под домашнего ареста в Донском монастыре[5]. В сводках наблюдения за Патриархом, которые составляли сотрудники ГПУ, момент освобождения не описан, наблюдение было начато вечером 27 июня в Донском монастыре.

Согласно сводкам ГПУ, около 17 часов 30 минут Патриарх закончил благословлять народ и направился в свой корпус осмат-

---

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 307.

[2] Богослужебный дневник Святейшего Патриарха Тихона, 1917–1925 гг.: Список М. Е. Губонина. Библиотека СПбДА и С. С. 102. Машинопись.

[3] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 307–308.

[4] Там же. С. 307.

[5] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 9.

ривать помещение, где ему предстояло жить. Сотрудник ГПУ сообщал: «Ввиду освобождения б[ывшего] Патриарха Тихона 27/VI в 5 1/2 час[а] вечера в выше указанный монастырь стала прибывать публика, собралась у выхода 5[-го] корпуса, где он осматривал себе помещение»[1]. То, что Патриарх осматривал помещение в Донском монастыре, говорит в пользу версии, согласно которой 27 июня он приехал в монастырь после освобождения.

В комнатах Патриарха «стояла веселая суматоха – во всем чувствовался праздник. В передней патриарха встретил толстый веселый архимандрит Анемподист и патриарший келейник Яков»[2]. Когда Патриарх вышел из корпуса, согласно сводкам наблюдения к нему под благословение подошли несколько десятков человек: «В 5 час[ов] 45 мин[ут] он вышел из этого корпуса, и к нему бросились навстречу человек 35»[3]. То, что в сводке упоминается об осмотре Патриархом одного из корпусов обители, косвенно свидетельствует, что Патриарх для своей резиденции выбрал иное помещение, чем то, в котором он находился в заключении и которое примыкало к стене монастыря. То, что святитель Тихон после освобождения захотел иметь резиденцию в ином, более просторном и удобном помещении Донского монастыря, нежели три комнатки, где он размещался во время домашнего ареста, выглядит логичным и естественным. Описание кабинета Патриарха оставил А. И. Кузнецов: «Комната, в которую я вступил, была довольно просторной и сводчатостью низкого потолка приятно напоминала старинные боярские хоромы или игуменскую келью большого монастыря. В левом углу стоял огромный кипарисовый киот с образом Богоматери, перед которым горела разными огоньками большая серебряная лампада, цепочками прикрепленная к потолку. Около киота на зеленой ковровой дорожке стоял аналой, с раскрытой богослужебной толстой книгой. Справа стоял широкий книжный шкаф, этажерка с книгами, на стене висела зеленая мантия, около нее в углу стоял жезл, а на маленьком угольнике – белый патриарший куколь. У ломберного стола, стоявшего у стены, против входной

---

[1] Центральный архив ФСБ (далее: ЦА ФСБ). Д. Н-1780. Т. 5. Л. 37.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 308.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 37.

двери, и покрытого вязаной черной скатертью, из-под которой виднелись ярко-зеленые разводы, стояло два кресла с высокими спинками»[1]. Один из посетителей епископа Илариона описывал, что корпус, где жил Патриарх, имел два этажа, Патриарх жил на первом, а кабинет епископа Илариона располагался на втором[2]. Судя по этим описаниям, Патриарх имел резиденцию в настоятельском корпусе обители (в архимандритских покоях), построенном в 1745–1750 гг.

По сообщению наблюдателя из Московского отдела ГПУ, в 6 часов вечера 27 июня начался молебен святителю Николаю Чудотворцу[3]. Верующие, успевшие подойти к Патриарху под благословение, в разговорах отмечали его веселость: «...другие говорят, что они к нему под благословение подходили, какой он веселый батюшка»[4]. Отмечается также, что Патриарх был «одет в монашеской одежде» и не облачался в патриаршее облачение, поэтому верующие спорили о том, будет ли Патриарх облачаться в дальнейшем.

Патриарха сразу окружили верные ему представители духовенства. А. Д. Самарин писал: «Когда Патриарх вышел из своей тюрьмы, его, естественно, окружили епископы и священники, оставшиеся верными ему во время его заточения. Из этих лиц предполагалось составить Патриаршее и епархиальное управления»[5].

Решение Патриарха пойти на компромисс и подписать «покаянные» документы не отменяло перспективы суда над ним, но давало освобождение из-под ареста и возможность «церковной деятельности», хотя и под постоянной угрозой судебного процесса.

Освобождение Патриарха Тихона стало шоком для обновленцев. 30 июня состоялось экстренное совместное заседание

---

[1] Современники о Патриархе Тихоне: Сборник: В 2-х т. / Сост. и автор коммент. М. Е. Губонин. М., 2007. Т. 1. С. 119.

[2] *В. К.* Воспоминания / Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 1 (34). С. 124.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 37.

[4] Там же.

[5] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.): Выдержка из письма А. Д. Самарина деятелям Зарубежной Церкви с изложением событий церковной жизни в России / Вступ. статья, публ. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 60.

ЦК «Живой церкви» и «Союза общин древлеапостольской церкви» (далее: СОДАЦ). Но «архиепископ» Александр Введенский и другие лидеры СОДАЦ на это заседание не явились[1]. Введенский уже знал о планах властей по созданию нового единого органа руководства расколом, поэтому порвал с СОДАЦ. 26 июня АРК на заседании приняла решение отказать СОДАЦ в регистрации устава[2].

В день освобождения Святейшего газета «Правда» вышла с передовицей «Конец гнусной комедии», написанной ее главным редактором Н. И. Бухариным. В статье говорилось: «Спасайте Тихона! – сделалось лозунгом международной контрреволюции, той, которая должна была поднять самые темные крестьянские массы и придать видимость крестового похода против Советской России.

Резюме этой кампании мы имеем в знаменитой ноте Керзона, который всей мощью Британской империи вступился за „Божье дело, за мученика-патриарха“, стараясь извлечь его из пасти большевиков...»[3].

§ 2. Первые дни после освобождения Святейшего Патриарха

28 июня Патриарх Тихон отправился на Лазаревское кладбище проститься с о. Алексием Мечёвым*[2]. Известно, что в 1920 г. Патриарх Тихон наградил протоиерея Алексия крестом с украшениями. Святитель Тихон очень почитал духовные дарования старца Алексия. «Патриарх Тихон при хиротонии всегда учитывал отзыв о. Алексия о кандидатах в священники и предложил... [ему] взять на себя труд по объединению московского духовенства»[4]. Старец скончался в подмосковной Верее, гроб с его телом был доставлен в родной храм святителя Николая в Клённиках. 27 июня 1923 г. были совершены две заупокойные

---

[1] Известия ВЦИК. 1923. 3 июля.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 15; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 29.

[3] Правда. 1923. 27 июля. № 141.

[4] *Воробьев В., прот.* Алексий Мечёв // Православная энциклопедия (далее: ПЭ). М., 2000. Т. 1. С. 658.

всенощные: одна в церкви и другая во дворе храма. Литургию и отпевание совершил епископ Феодор (Поздеевский) с сонмом духовенства.

Согласно данным Православной энциклопедии, «литию на кладбище служил архим[андрит] Анемподист [Алексеев]. Святейший Патриарх благословил опускаемый в могилу гроб, первый бросил на него горсть земли»[1].

Слух о намерении Патриарха принять участие в похоронах о. Алексия Мечёва пронесся по Москве в день освобождения Святейшего. На кладбище собрались тысячи москвичей, к которым Патриарх обратился со словом. А. Левитин-Краснов писал: «...Святейший благословил народ и тут произнес свои первые слова к народу: „Вы, конечно, слышали, что меня лишили сана, но Господь привел меня здесь с вами помолиться“. И все кладбище огласилось криками: „Святейший! Отец наш родной! Архипастырь, кормилец!“ <...> К патриарху бросилась толпа, его буквально засыпали цветами, целовали его руки, одежду. Весь фаэтон патриарха был завален цветами»[2]. Патриарх убедился воочию в том, что народ по-прежнему считает его Патриархом, несмотря на акт обновленческого собора о снятии с него сана.

В докладе сотрудника ГПУ говорится о том, что Патриарх сам совершил панихиду на похоронах протоиерея Алексия: «28/VI с. г. в 16 час[ов] по направлению от Сухаревской Башни до 1[-й] Мещанской ул[ицы] проходила церковная демонстрация приблизительно 2.000 чел[овек] при похоронах одного умершего протоиерея, затем толпа через церковный двор церкви Наталия Андриана вышла на 2[-ю] Мещанскую улицу через 3[-ю] Мещанскую ул[ицу] по Орловскому пер[еулку] двинулась на Лазаревское кладбище, где всю толпу похоронников встретил бывш[ий] Патриарх Тихон, который проводил гроб до могилы, где отслужил панихиду и уехал»[3]. А. Левитин-Краснов сообщает, что Патриарх был на кладбище длительное время: «В течение трех часов патриарха не отпускали с кладбища, сплошным потоком

---

[1] *Воробьев В., прот.* Алексий Мечёв // ПЭ. Т. 1. С. 658.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 311.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 130.

шли народные толпы к нему под благословение. И тут было впервые объявлено, что Святейший будет служить в воскресенье литургию в Донском монастыре»[1].

В этот же день, 28 июня 1923 г., было опубликовано послание Патриарха к верующим. В нем, в частности, говорилось: «Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило. Пусть все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут, что Я Советской власти не враг»[2]. В первоначальный текст послания сотрудниками ГПУ были, по-видимому, внесены значительные изменения. То, что послание было написано по прямому указанию и отредактировано ГПУ, позволяет говорить об авторстве Патриарха лишь условно. Тщательный источниковедческий анализ послания провел С. Г. Петров. Он пришел к выводу, что основные идеи, изложенные в послании, были сформулированы Е. М. Ярославским в письме в Политбюро от 11 июня. В тексте послания от 28 июня, которое было составлено еще во время нахождения Патриарха под арестом, приводились три основных тезиса Е. М. Ярославского: покаяние перед советской властью в прошлых «грехах», осуждение Русской Православной Церкви Заграницей и согласие с обновленческим переходом на новый стиль.

Это послание стало компромиссом между властью и Патриархом. В следственном деле имеются сведения о том, что «председатель тихоновского Епархиального управления профессор Виноградов, при посещении Коломны, рассказывал „служителям культа“: „Редакция отречения Патриарха от всех своих контрреволюционных деяний вырабатывалась три раза: первая редакция, с которой Тихон не согласился[,] – выработана ВЦИК. Вторая, – с которой ВЦИК не согласился[,] – выработана Тихоном. Наконец, третья, – принятая обеими сторонами[,] – обеими же и составлялась“»[3]. Эта модель затем будет применяться и к другим документам «вынужденного авторства».

---

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 311.

[2] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 285.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 352.

29–30 июня Патриарх оставался в Донском монастыре, проводя совещания с епископатом, обсуждая будущее направление своей деятельности. Возможно, что к этому времени в Москву прибыл епископ Иларион (Троицкий).

Согласно выписке из протокола заседания Коллегии ГПУ от 22 июня 1922 г., годовой срок высылки епископа Илариона заканчивался 7 июня 1923 г.[1] 21 июня святителю объявили, что ему разрешен выезд в Москву[2]. 23 июня 1923 г. датирован документ, выданный на руки епископу Илариону архангельскими чекистами: «о том, что он по отбытии срока ссылки в Архангельской губернии направляется Архгуботделом ГПУ в город Москву с обязательством явиться в 6-е отделение СОГПУ, что и удостоверяется»[3].

Чекисты надеялись, что епископ Иларион будет согласовывать свою деятельность с ними. Руководители Архангельского отдела ГПУ 30 июня 1923 г. подписали и направили в Секретный отдел ГПУ следующую характеристику епископа Илариона: «Что касается личных качеств и взглядов ТРОИЦКАГО, то будучи, пожалуй, если можно так выразиться[,] „идейным“ попом, но отнюдь не фанатиком, обладая здравым умом и прямодушным характером, порицая целый ряд религиозных и главным образом церковных предрассудков, он хотя и не примкнул ни к одному из обновленческих течений, но считает, что обновление безусловно необходимо, но обновление не поверхностное (в чем он обвиняет „Живую Церковь“, а коренное, и поэтому в настоящее время ТРОИЦКИЙ наиболее склонен к взглядам „Союза Общин Древне-Апостольской Церкви“, но и проекты ее мероприятий считает еще недостаточными»[4]. Очевидно, в беседах с архангельскими чекистами епископ Иларион, говоря о церковном обновлении, имел в виду не обновленческие инициативы, а действительно назревший пересмотр некоторых моментов в деятельности Патриаршей Церкви с учетом изменившейся реальности.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 1. Л. 57.

[2] *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2000. Кн. 4. С. 415.

[3] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 2. Л. 102.

[4] Там же. Т. 1. Л. 107.

29 июня 1923 г. в «Известиях» было опубликовано интервью Патриарха сотруднику РОСТА, инициированное ГПУ[1]. Оно было призвано подтвердить подлинность «покаянных заявлений» Патриарха и его намерение твердо стоять на позиции отмежевания от политики.

30 июня, в субботу, Патриарх совершил выход на «Хвалите имя Господне» на всенощной в Донском монастыре[2].

Еще до освобождения Патриарха было составлено второе воззвание к верующим. Оно было опубликовано 1 июля и содержало те пункты, которые требовала от Патриарха Антирелигиозная комиссия, – в частности, Патриарх признавал свою вину в «жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики»[3]. Далее в послании говорилось: «Сознав Свою провинность перед народом и Советской властью, Я желал бы, чтобы так поступали и те, которые[,] забыв свой долг пастыря, вступили в совместные действия с врагами трудового народа – монархистами и белогвардейцами...»[4]. Далее осуждалась «антисоветская деятельность» митрополита Антония (Храповицкого) и других иерархов Зарубежной Церкви, в отношении которых было сделано следующее предупреждение: «...а иначе придется звать Преосвященных владык в Москву для ответа пред церковным судом и просить власть о разрешении им прибыть сюда»[5].

Власти надеялись, что этими посланиями Патриарх будет скомпрометирован в глазах верующих. Но, как писал протопресвитер В. Виноградов, «Советская власть просчиталась в своих расчетах, ибо не учитывала, как безбожная, одного и решающего фактора в церковной жизни, именно того, что Дух Божий правит Церковью. Случилось совсем не то, что советские властители ожидали по чисто человеческим расчетам. „Покаянное заявление“ Патриарха, напечатанное в советских газетах, не произвело на верующий народ ни малейшего впечатления. Без малейшей пропаганды весь верующий народ каким-то чудом

---

[1] Акты... С. 282–283.
[2] Богослужебный дневник... С. 102.
[3] Акты... С. 286.
[4] Там же. С. 287.
[5] Там же.

Божиим так формулировал свое отношение к этому „покаянному заявлению“: „Это патриарх написал не для нас, а для большевиков“»[1].

С. Г. Петров показывает, что это послание содержало пункты, выработанные Е. М. Ярославским и Антирелигиозной комиссией. Патриарху удалось вставить в это послание пункты, направленные против обновленчества: «Появилось много разных групп с идеями „обновления церковного“, о коих Мы уже высказали Свое мнение в предыдущем Нашем обращении к православному народу. Обновленцы эти бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, вводят совершенно ненужные реформы, отступая от канонов Православной Церкви»[2].

В доверительных беседах с духовенством Патриарх Тихон просил не верить заявлениям, которые под его именем появляются в советской печати. Среди москвичей ходили разговоры о том, что «могут все написать» и что Патриарх не подписывал это воззвание[3]. Говоря о причинах освобождения Патриарха, москвичи рассуждали так: «Патриарх Тихон взят на попечение Англией, и потому советская власть не может его арестовать, то что писали в газетах большевики, что патриарх покаялся в грехах и признал Сов[етскую] Власть, то неправда, патриарх сидел год и страдал, а потому и покаялся теперь, а признать Сов[етскую] Власть он не мог»[4]. В Можайском уезде верующие говорили: «Тихон никакого раскаяния не писал[,] а это раскаяние выдумано самими коммунистами»[5]. По слухам, собранным агентами власти, Патриарх говорил, благословляя народ: «Совет*[3] меня мучил и хотел от меня добиться правды... до кровавого пота буду молиться Богу и просить, чтоб он избавил нас от таких извергов в Совете... скоро придет конец и мы дождемся хороших дней»[6].

---

[1] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 14.

[2] Акты... С. 286.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 155.

[4] Там же. Л. 159.

[5] Там же. Л. 166.

[6] Там же. Т. 5. Л. 49.

Сам Е. А. Тучков так излагал реакцию на «покаяние» Патриарха: «По одной версии Тихон сошел с ума, по другой [–] продался большевикам и по третьей [–] все это подделка[,] и даже некоторые верующие самого Тихона считали поддельным, а главным образом боялись того как бы Тихон не перешел в обновленцы – это верующих пугало больше всего. Когда же было выпущено Тихоном первое воззвание, то верующие убедились, что Тихон – противообновленец[,] и к нему отношение сразу изменилось в лучшую для него сторону, а его раскаяние пред Советской Властью дало возможность верующим безбоязненно с ним общаться»[1].

1 июля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в Донском монастыре и благословение народа во дворе с малой кафедры, которое продолжалось до 5 часов вечера[2].

Наблюдатели сообщали, что Патриарху сослужили два епископа и богослужение прошло «при большом стечении народа»[3]. На службе присутствовали представители иностранной (вероятно, американской) миссии («цвет флажка на автомобиле белый с красным»[4]), производившие фотосъемку облачения*[4] Патриарха[5]. Об этом же сообщает другой наблюдатель, находившийся в храме: «Я услышал такой разговор, что сейчас здесь была Миссия, которая приезжала на двух автомобилях[,] и на автомобиле был замечен флаг (белый с красным)[,] что эта миссия во время службы снимала фотографические снимки с патриарха, а также, что патриарх дал согласие принять эту миссию в понедельник в 1 час дня, т. е. 2 Июля с./г.[,] и что эта миссия прошла в Алтарь боковым входом»[6]. Очевидно, речь идет об американской миссии.

Москву моментально облетело известие о том, что Патриарх совершает богослужения в полном Патриаршем облачении. 3 июля один из сотрудников властей сообщал: «Довожу до в[ашего] сведения, что идут слухи среди верующих, что б[ывший]

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 250.
[2] Богослужебный дневник... С. 103.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 47.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 37.
[6] Там же. Т. 4. Л. 133.

патриарх ТИХОН освобожден на свободу и служит церковные службы в патриаршем облачении»[1].

Вечером 1 июля*[5] Патриарх пригласил к себе всех женщин, которые в течение долгих месяцев заключения обеспечивали его быт: стирали белье, покупали продукты, содержали повара и т. д. Одна из них рассказывала М. Е. Губонину об этом: «Патриарх терпеливо усадил всех их за стол, просил „не беспокоиться“ и сказал при этом примерно так: „Сидите и не вставайте! Вы мне много послужили за последнее время, когда все покинули меня; вы ни на один день не оставили своих забот обо мне – всеми забытом и оставленном. А теперь я сам хочу послужить вам в малости, чтобы хоть немного отблагодарить вас за все... А вы – сидите и угощайтесь, никого мне в помощники не нужно...“ И добавил: „Все духовенство оставило меня, а вы поддержали своими постоянными заботами, и я не забуду этого до конца своей жизни!“ Он сложил руки на груди и, поклоняясь своим гостям, произнес: „Спаси вас Господи!.. Спаси вас Господи!..“ [–] и, оборачиваясь в стороны, делал поясные поклоны. Все были взволнованы, сидели и чуть ли не плакали»[2]. Патриарх очень почтил своих служительниц: «Чаепитие продолжалось два часа, в течение которых Святейший без устали угощал своих дорогих гостей: сам наливал из самовара и разносил каждому чашки с чаем, потчевал вареньем и пирогами с рисом и сладким, с яблоками, и прочим. Среди хозяйственных забот он успевал со всеми поговорить, каждому сказать ласковое или шутливое слово и ко всем вообще проявить свое теплое внимание и хозяйское радушие»[3].

Почтил Святейший и единственное духовное лицо из своего окружения – иеродиакона Викентия (Шуленина), служившего ему в заточении: «Наконец, обратившись к своему престарелому иподиакону отцу Викентию (иеродиакону „из простецов“!), искренне любившему Святейшего и служившему ему все это время, сказал с болью, указывая присутствующим женщинам на него рукою: „А это вот единственный представитель среди нас от... русского духовенства!“»[4]. Отец Викентий был не таким уж

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 135.

[2] Воспоминания современников // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. № 6. С. 307–308.

[3] Там же. С. 309.

[4] Там же.

старым, как казался, на тот момент ему было 42 года. В анкете, которую он заполнил вместе с другими насельниками Троицкого подворья в 1921 г. , он указал, что родился в 1881 г. в крестьянской семье Тульской губернии[1]. По данным В. М. Мироновой, автора рассказа об этой встрече, о. Викентий до кончины Патриарха служил ему: «Что же касается до „единственного представителя русского духовенства" на этом скромном пиршестве – любимого Патриархом о. Викентия, – благообразного пожилого человека с седеющей головой и смиренным взором, то он до конца дней Первосвятителя служил ему верой и правдой, пока не был сослан куда-то в глушь, где вскоре же (как говорили) направился вслед за своим – ушедшим уже – любимым Патриархом...»[2].

Дальнейшая судьба о. Викентия была прослежена Н. А. Кривошеевой: «...вернулся в г. Сергиев [Посад], где весной 1932 г. был арестован за „поминовение расстрелянных за 'контрреволюцию' 'врагов народа'" и приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. В 1935 г. вернулся в Московскую область, жил в Можайске, где был вновь арестован и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Расстрелян 25 февраля 1938 г. на полигоне Бутово»[3].

2 июля Патриарх должен был принять представителей иностранной прессы[4]. Одной из причин освобождения Патриарха явилось давление Запада, поэтому власти были заинтересованы в организации заранее подготовленного интервью. Однако в этот день представителей прессы не допустили к Патриарху в связи с тем, что это мероприятие еще не одобрило Политбюро.

3 июля Политбюро приняло решение об организации интервью Патриарха с иностранными корреспондентами[5].

4 июля, в среду, Патриарх Тихон прочитал акафист Божией Матери в Донском монастыре[6].

---

[1] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 249.

[2] Воспоминания современников. С. 309.

[3] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне. С. 298.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 47.

[5] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 287.

[6] Богослужебный дневник... С. 103.

> 5 июля в Донском монастыре Патриарх совершил выход на полиелей на всенощной, которая совершалась накануне празднования Владимирской иконы Божией Матери[1].

Период подготовки к активному служению закончился. Патриарх выработал план дальнейших действий, направленных к восстановлению канонического строя церковного управления и ликвидации раскола. Святейший воспользовался некоторым замешательством в ГПУ и АРК после принятия Политбюро решения о его освобождении.

Летом 1924 г. Патриарх Тихон в послании Константинопольскому Патриарху Григорию VII упоминал о собрании архиереев, которое имело место вскоре после его освобождения: «Не честолюбие или властолюбие заставило нас снова взять крест патриаршего служения, а сознание своего долга, подчинение воле Божьей и голос верного Православию и церкви епископата. Последний, получив разрешение на собрание, еще в июле прошлого года соборным голосом осудил обновленцев, как схизматиков, а ко мне обратился с просьбой снова встать во главе Русской православной церкви и быть ее кормчим до того момента, когда Господу Богу угодно будет даровать мир церкви голосом Всероссийского Поместного Собора и засвидетельствовать перед всем миром нашу правду»[2].

Вероятно, одним из итогов этого собрания, состоявшегося в период со 2 по 5 июля 1923 г., было создание Временного Высшего Церковного Управления, куда первоначально вошли епископы Иларион (Троицкий) и Гурий (Степанов) и, возможно, еще кто-то из архиереев. До момента переформирования, произошедшего 3 августа, Временное ВЦУ успело выпустить 53 постановления. Епископ Гурий постоянно сопровождал Патриарха на богослужениях и, по всей видимости, в этот период исполнял обязанности управляющего Сергиевским викариатством. 4 июля именно на его имя было подано прошение иеромонаха Троице-Сергиевой лавры Исидора, в котором он приносил покаяние за признание обновленцев и сослужение

---

[1] Богослужебный дневник... С. 103.

[2] Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 378.

с ними[1]. В рапорте Патриарху епископ Гурий писал, что по благословению Святейшего 29 июня и 5 июля он совершил службы в Сергиевом Посаде: «...все городское духовенство принесло покаяние в вынужденном признании неканонической церковной власти и выразило свое полное повиновение Вашему Святейшеству. Благочинный округа протоиерей Рождественской церкви Александр Константиновский испросил прощение у народа, исполнение же благочиннических обязанностей передал своему заместителю. ...Так как из сельских церквей благочиния стали приезжать в Сергиево причты с покаянием, то заместитель благочинного о. протоиерей Николай Соколов Вознесенской церкви мною уполномочен принимать означенное покаяние. Причем ему даны соответствующие указания об образе действий. Ему же оставлен лист с подписями священнослужителей»[2].

В первые дни июля Патриарха посетил бывший обер-прокурор Святейшего Синода А. Д. Самарин, являвшийся представителем значительной группы епископата и духовенства, позднее получившей название «даниловской оппозиции». Согласно следственному делу, по которому А. Д. Самарин проходил в 1926 г. вместе с митрополитом Петром (Полянским), он приезжал к Патриарху с вопросом о его «покаянных» заявлениях[3]. По словам К. А. Виноградова Патриарх в шутку говорил, что «при даниловском монастыре состоит обер-прокурором Самарин»[4].

«М. Е. Губонин включил в свой сборник „Современники о Святейшем Патриархе Тихоне“ рассказ Г. И. Червякова „Самарин в Донском монастыре“, где говорилось: „Передавали, что А. Д. Самарин, в обществе другого, такого же, как он сам, бывшего высокопоставленного лица, в 1923 г., по освобождении Святейшего из заключения, будучи весьма чувствительно затронутым известным заявлением Патриарха на имя Верховного Суда РСФСР об изменении ему меры пресечения и проч., решил лично проверить подлинность этого, опубликованного в мировой печати документа, к которому весьма многие и у нас, а особенно за границей, отнеслись как к самой явной фальшивке.

---

[1] Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 44.

[2] Там же. Л. 42.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 242.

[4] Там же. Т. 4. Л. 248 (показания К. А. Виноградова).

С этой целью они направились в Донской монастырь. <...> Явившись в Донской на аудиенцию к Святейшему и убедившись из его недвусмысленных слов в том, что заявление действительно написано им лично, хотя, конечно, не без согласования с кем следует (да и странно, если бы было иначе!), 'высокие' визитеры демонстративно удалились, бросив на прощание следующую фразу: 'Тогда этот визит наш – последний и, простите, мы больше не будем впредь тревожить Ваше Святейшество'. В ответ Святейший Патриарх будто бы ничего не ответил и лишь слегка пожал плечами, разведя руки: вам, мол, виднее!"»[1].

Свою позицию А. Д. Самарин излагал так: «Известно, что всякий пошедший на малейшее соглашение с ГПУ становится через несколько времени его полным рабом. Патриарх не учел этого, когда, поверив обещаниям полной свободы и независимости в церковных делах, согласился выступить с публичным покаянием и заявлениями о своей лояльности по отношению к советской власти. Выманивая эти заявления, редактированные в такой унизительной для Патриарха форме, ГПУ рассчитывало этим изолировать его, поколебав его авторитет в массах. На первых порах это не удалось: народ встретил Патриарха с энтузиазмом, отчасти не поверив в подлинность этих заявлений, отчасти простив ему их в надежде на упорядочение церковных дел освобожденным хотя бы и такой ценой Пастырем. Но предоставить Патриарху свободу в управлении Церковью вовсе не входило в намерения гражданской власти, поэтому тотчас по его освобождении она поставила себе двойную задачу: всячески дискредитировать Патриарха в глазах народных масс и опутать его такими сетями, которые не оставляли бы ему никакой свободы движения в управлении церковью»[2].

В результате Патриарху не удалось объединить свои усилия с «даниловским синодом». Е. А. Тучков в отчете о своей работе за 1923 г. писал о результатах «покаяния» Патриарха следующее: «В результате всего этого получается отход от Тихона наиболее черносотенной публики, считающей его слабым, неустойчивым руководителем, а его некоторых епископов прямо называли

[1] Цит. по: Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 58.
[2] Цит. по: Там же. С. 60.

агентами ГПУ. Таким образом, Тихон в глазах этой публики теряет свой высокий авторитет»[1]. В другом докладе руководству Е. А. Тучков более конкретно пишет о той части духовенства, которая осудила Патриарха: «...часть видных монархистов, главным образом, епископов (Данилов монастырь) от Тихона отстранились и образовали свою группу более правого направления, считая такового советским Патриархом»[2].

В сообщении сотрудника МГО ГПУ от 7 июля 1923 г. отмечалось: «Часть церковников возмущена отречением патриарха. Среди них находится еп[ископ] Феодор»[3].

§ 3. Разгром обновленчества в Московской епархии (6–11 июля 1923 г.)

После совещаний с архиереями Патриарх принял решение перейти в решительное наступление на обновленцев, хотя понимал, что это вызовет противодействие властей. Патриарх, не жалея себя, совершал ежедневные богослужения, утверждая Православие и изгоняя обновленцев, приводя многих к покаянию. Прихожане Симонова монастыря рассказывали, как Патриарх принимал решение о том, куда поехать служить: «К нему приходят прихожане различных церквей с просьбой приехать к ним и совершить службу, но он спрашивает[:] как священник примкнул к красной церкви[?] и если получал ответ, что да, то он отказывался»[4]. По их словам, Патриарх Тихон также говорил приходящим священникам-обновленцам: «Просите прощения у прихожан, если они вас простят, то приеду, если нет, то можете идти и служить Ленину»[5].

Епископ Иларион был главным помощником Патриарха Тихона в борьбе с обновленчеством. Владыка по поручению Патриарха принимал покаяние у бывших обновленцев и утверждал документы об их возвращении в лоно Церкви. Верующие москвичи передавали друг другу, что всех кающихся клириков-обнов-

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 110.
[2] Там же. Л. 125.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 147.
[4] Там же. Л. 156.
[5] Там же.

ленцев Патриарх Тихон «посылает к Илариону»[1]. Левитин-Краснов писал:

«Великолепный, пламенный проповедник, умевший говорить просто и эмоционально, ревностный служитель алтаря, владыка Иларион пользовался огромной популярностью среди московского духовенства и буквально обожанием народа. <...> Быстро поняв новую позицию патриарха, епископ сразу стал ее активным проводником. Он в эти дни переговорил с сотнями священников, мирян, монахов и монахинь. Он договорился с приходами о чине их присоединения к патриарху, разработал чин покаяния, принял тут же десятки обновленцев, пришедших к патриарху с покаянием.

Благодаря неукротимой энергии этого человека церковная организация в Москве была восстановлена в два дня»[2].

Тактика антиобновленческих действий обсуждалась епископом Иларионом с другими епископами. В доносе в ОГПУ, датированном 9 июля, Красницкий писал: «Имею долг представить ГПУ, что в доме № 55 кв. 1 по Большой Царицынской улице, около Новодевичьего монастыря – у священника Ивана Левицкаго, проживают сейчас три тихоновских архиерея – Иларион, Филипп*[6] и Николай*[7]. Глубокой ночью, около 2-х часов происходят регулярные тайные собрания...»[3].

Отказавшиеся от покаяния священники-обновленцы изгонялись из храмов, куда назначались новые настоятели. Так, в сообщении от 9 июля 1923 г. говорилось, что в храме Воскресения Словущего «назначен новый настоятель тихоновец, а старого[,] давшего подписку к Живой Красной церкви[,] уволил и выселяет его с квартиры, где он живет при церкви»[4]. Один из священников рассказывал, как приносил покаяние его коллега: «...раскаялся у Тихона, стоя в монастырской церкви на коленях[,] и теперь получил разрешение служить опять»[5].

6 июля, в пятницу, Патриарх Тихон совершил литургию в Сретенском монастыре с переосвящением храма.

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 148.
[2] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 2. С. 574.
[3] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 2. Л. 115.
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 156.
[5] Там же. Т. 5. Л. 55.

Уже днем 5 июля, накануне праздника в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери, на улицах Москвы появились объявления следующего содержания: «23 июня (ст. ст. – *Авт.*) в день иконы Владимирской Божией Матери Божественную литургию в 10 часов утра совершит ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВО СВЯТЕЙШИЙ ТИХОН, Патриарх Московский и всея России, в сослужении: Архиепископа Уральского Тихона, Епископа Илариона и Гурия, Архиепископа Парфелия*[8]. Всенощную накануне в 6 часов совершит преосвященнейший Епископ Иларион»[1]. Одно из таких объявлений было сорвано и сохранилось в следственном деле Патриарха Тихона.

Накануне праздника в честь Владимирской иконы Божией Матери, 5 июля 1923 г., епископ Иларион освятил великим чином собор Сретенского монастыря. Подобное освящение совершается в случае осквернения храма. Именно таким осквернением святитель считал обновленческие «богослужения». Чтобы оценить значение этого события, нужно вспомнить, что на этот момент обновленцам принадлежало большинство московских храмов. К обновленцам примкнули около половины епископата, десятки тысяч священников. Святитель Иларион со всей ясностью показал, что обновленчество – не только раскол в Церкви, это скверна перед Богом. Это отрезвило очень многих. Обновленческие епископы и священники сотнями потянулись в Донской монастырь к Патриарху Тихону и архиепископу Илариону приносить покаяние, чтобы вернуться в Церковь Христову. Уже к осени 1923 г. огромное число бывших обновленческих епископов и священников принесли покаяние и вернулись в Церковь, а влияние обновленческих центров было существенно ослаблено.

После богослужения епископ Иларион «произнес проповедь, в которой обратился к священству, вступившему в обновленческие группы, чтобы они покаялись в церкви всенародно, иначе он не допустит их к службе в алтаре. Присутствующее духовенство публично покаялось, и Иларион освятил церковь от осквернения еретиков»[2].

Один из сотрудников ГПУ так характеризовал святителя Илариона: «...известнейший проповедник, по своим способно-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 138.
[2] Там же. Л. 136.

стям превосходящий известного проповедника Храповицкого (митрополита Антония. – *Авт.*). Иларион пользуется громаднейшей популярностью среди верующих и любим за свои проповеди, проникнутые чистейшей тихоновщиной»[1]. Другой агент ГПУ сообщает, что, по его оценкам, на богослужении присутствовало более 1000 человек, так что народ заполнил не только храм, но и монастырский двор[2].

6 июля богослужение совершалось по пасхальному чину. Началось оно в 10 часов, а закончилось лишь в 18 часов. Служба совершалась не только в храме, но и во дворе, потому что храм не мог вместить всех пришедших. Во время богослужения производилась киносъемка. В проповеди святитель Тихон назвал прежних «хозяев» монастыря – антониновцев – самозванцами. Патриарх спросил народ, за какую они Церковь. «За старую! Долой самозванцев антоновцев!» – был ответ. Сообщается также, что в храм во время богослужения пытались войти некоторые «товарищи» в шапках, «но тут публика начинала перешептываться: „коммунист“, и были случаи, что шапки сбрасывались с головы проходившего»[3]. В докладах говорится, что во время богослужения присутствовали мужчины, женщины и подростки, многие не могли войти в храм, «ввиду этого в саду монастыря около церкви стояли толпами. В саду богослужение совершал какой-то еще священник»[4]. Во время литургии диакон помянул Патриарха Тихона и пропел ему многолетие.

Перед причащением мирян святитель Иларион произнес проповедь, которая была посвящена Владимирской иконе Божией Матери и расколу в Церкви. Святитель говорил о безблагодатности раскола и призывал раскольников к покаянию. Во время этой проповеди святителя из толпы раздавались выкрики: «Стоим за старую Церковь!» Многие плакали. После литургии проповедь произнес Патриарх Тихон, но говорил, по свидетельству очевидцев, о Владимирской иконе Божией Матери. После этого Патриарх вышел из храма и начал благословлять народ. Благословение продолжалось в течение трех часов. После этого «чуть ли не на руках толпа вынесла его на Лубянку, где он сел на ожидавший

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 142.
[2] Там же. Л. 136.
[3] Там же.
[4] Там же.

его извозчик и поехал по направлению к Лубянской площади»[1]. На этом богослужении побывал автор воспоминаний о Москве 1920-х гг. Н. П. Окунев, которого поразила внешность Патриарха: «Патриарх постарел, пожелтел, похудел. Когда он приехал в Сретенский монастырь, мне его лицо показалось настолько исстрадавшимся, что я, грешный человек, подумал: а не посидел ли он на электрическом стульчике?»[2]. Это еще одно свидетельство того, что во время заключения и домашнего ареста в отношении Патриарха применялись меры физического воздействия.

7 июля, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме Рождества Иоанна Предтечи, что на Трех Горах на Пресне[3].

В этот же день Патриарх принял представителей Польской дипломатической миссии, с которыми беседовал более двух часов[4]. Кроме того, он принял много представителей духовенства: «На приеме у патриарха много народа, особенно духовенства, последние являются к ТИХОНУ на благословение и большей частью виниться в сочувствии прогрессивным церковникам. Провинившихся принимает предварительно еп[ископ] ИЛЛАРИОН; патриарх здорово всех кающихся пробирает»[5]. Было зафиксировано и одно высказывание Патриарха, сделанное в отношении обновленцев в этот день: «Тихон характеризует движение как чисто кастовое, не затрагивающее мирян»[6].

В этот же день Патриарха посетил архимандрит Евгений (Кобранов), настоятель Новоспасского монастыря: «Среди посетивших ТИХОНА – высланный было, но амнистированный ВЦИК архимандрит Новоспасского монастыря Евгений КОБРАНОВ. При своем посещении оправдывался перед патриархом в неприятии со своей стороны мер против прогрессивных. На заседании В.Ц.С. после посещения предложил возгласить „Многая лета“ патриарху и советской власти»[7].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 136.
[2] *Окунев Н. П.* Дневник москвича, 1917–1924. М., 1997. Т. 2. С. 268.
[3] Богослужебный дневник... С. 103.
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 332.
[5] Там же. Т. 4. Л. 332.
[6] Там же.
[7] Там же.

Вероятно, именно 7 июля 1923 г. архимандрит Евгений высказал предложение примириться с обновленцами. Патриарх Тихон, выслушав его, «указал на неосуществимость его предложения из-за позиции обновленческого руководства»[1].

Вечером 7 июля Патриарх совершил всенощное бдение в храме святителя Николая в Николо-Ваганьковском переулке[2].

Богослужение началось в 18 часов 30 минут. Проповедь произнес настоятель строящегося храма святого Александра Невского на Миусской*[9]. Он просил пожертвований на завершение строительства. Народу на богослужении было очень много[3]. Ни Патриарх Тихон, ни епископ Иларион, который сослужил Святейшему, проповедей не произносили[4]. Разговаривали верующие, в частности, о том, что епископ Иларион «назначен Тихоном митрополитом Крутицким»[5], т. е. управляющим Московской епархией. Богослужение закончилось только около 23 часов, «после чего патриарх ТИХОН и все его приспешники пошли к священнику этой же церкви ночевать»[6]. Таким образом, Святейший остался ночевать здесь же, в доме одного из священников. Он даже совершил здесь пешую прогулку: «7 и 8 июля ТИХОН гулял некоторое время около ф[абри]ки Трехгорной м[ануфакту]ры»[7].

8 июля, в воскресенье, Патриарх «с соборными архиереями»[8] совершил литургию в храме святителя Николая в Николо-Ваганьковском переулке[9].

Информатор сообщал, что богослужение началось, как обычно, в 10 часов, хотя верующие пришли в храм гораздо раньше.

---

[1] *Зонтиков Н. А., Уряднова В. А.* Евгений (Кобранов) // ПЭ. М., 2008. Т. 17. С. 79.

[2] Богослужебный дневник... С. 103.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 147.

[4] Там же. Л. 153.

[5] Там же. Л. 147 об.

[6] Там же. Л. 153.

[7] Там же. Л. 332.

[8] Там же. Л. 147.

[9] Богослужебный дневник... С. 103.

После окончания службы Патриарх благословлял народ до двух часов дня. Проповедь «против АНТОНИНА»[1] произнес протопресвитер Николай Любимов. Во время богослужения производилась кино- и фотосъемка. Сообщается также о том, что после обеда (вероятно, после отъезда Патриарха) состоялся крестный ход вокруг храма[2]. В 2 часа Патриарх поехал обедать к церковному старосте (приводится адрес: Средняя Пресня, д. 20)[3]. После этого Святейший поехал на Ваганьковское кладбище отслужить панихиду на могиле архидиакона К. Розова – в тот день исполнилось 40 дней со дня его смерти.

Архидиакон Константин Розов умер 30 мая 1923 г. в возрасте 49 лет от миокардита. Он оставил предсмертную записку, в которой просил, чтобы его не отпевали обновленцы[4]. На первой панихиде по великому архидиакону, совершенной митрополитом Трифоном (Туркестановым)*[10], в Крестовоздвиженском храме бывшего Крестовоздвиженского монастыря присутствовали композиторы А. Д. Кастальский, П. Г. Чесноков и другие представители творческой интеллигенции[5]. 3 июня состоялись похороны патриаршего архидиакона. Гроб был установлен в храме «Большое Вознесение» у Никитских ворот. Накануне совершалась всенощная. Во главе с протопресвитером Н. А. Любимовым служил весь причт кремлевского Успенского собора, клириком которого до закрытия этого храма весной 1918 г. был и протодиакон К. Розов. Протопресвитер Н. А. Любимов произнес замечательную надгробную речь, закончив ее словами: «И сегодня светлый именинник первый раз празднует день своего ангела на небесах»[6].

Сотрудник ОГПУ сообщал: «В 4-м часу Патриарх прибыл на Ваганьковское кладбище, где был встречен с крестным ходом, затем[,] отслужив панихиду на могиле РОЗОВА, был провожен с крестным ходом до экипажа»[7]. «До панихиды, – продолжал он далее, – около церкви стояла кучка людей, в которой был диакон Румянцев, в которой шел разговор о том, что к Патриарху

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 153.
[2] Там же. Л. 147.
[3] Там же. Л. 153.
[4] Там же. Л. 147.
[5] *Розова Л. К.* Великий архидиакон. М., 1998. С. 82.
[6] Там же. С. 83.
[7] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 147.

все время идут на покаяние попы, что на днях был протодиакон Холмогоров и что всех Патриарх посылает к Архиерею Иллариону... и тут Румянцев сказал, что у Вознесения Большого, обедню служил Илларион, за которой произнес проповедь [–] даже волос дыбом стал [–] и на проповедь народ ответил, что это правда, но Илларион сказал, „я знаю“»[1].

По сообщению одного из наблюдателей, не присутствовавшего в храме лично, но со слов знавшего, что 8 июля Патриарх посетил храм преподобного Сергия на Ульяновской улице, где «выступил с проповедью против новоявленной церкви и заставил двух священников раскаится (так в тексте. – *Авт.*) среди молящихся, и те исполнили его приказание, говорили, что они якобы под каким[-]то давлением вступили в ново-обновленную церковь»[2].

8 июля, в воскресенье, Патриарх служил всенощное бдение в храме Спаса Преображения на Большой Спасской улице.

Сотруднику ГПУ попасть в храм не удалось из-за огромного стечения молящихся, по его подсчетам там собралось две-три тысячи человек. Богослужение закончилось в половине десятого вечера, и он стал свидетелем того, как «по подъезде Тихона из церкви ему была устроена овация... многие из богомольцев цеплялись за его экипаж, на котором он стоял и благословлял подходящих, бросились бежать за экипажем и только на улице отстали»[3]. Это подтверждает и другой наблюдатель: «...экипаж поехал[,] и ТИХОН стал в экипаже благословлять народ, то вся толпа устремилась за ним, давя друг друга[,] и таким образом бежала до самой Сухаревской площади»[4].

9 июля, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Лужниках[5].

Планировалось, что богослужение в этот день состоится в церкви Тихвинской иконы Божией Матери в селе Косине Ух-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 147–148.
[2] Там же. Л. 152.
[3] Там же. Л. 151.
[4] Там же. Л. 149.
[5] Богослужебный дневник... С. 104.

томской волости Московской области[1]. Об этом тогда же стало известно в ГПУ, из-за чего, видимо, поездку в подмосковный храм пришлось отменить. Полагаем, что причиной этого явился срочный вызов Патриарха в ГПУ (который имел место незадолго до 10 июля), где состоялся разговор по поводу публикации в эмигрантской газете «День» послания Патриарха от 6 декабря 1922 г. Патриарх должен был дать обещание подписать опровержение, которое было опубликовано 10 июля в «Известиях»[2].

Прихожане Симонова монастыря также ожидали приезда Патриарха 10 июля. Настоятелем монастыря был архимандрит Петр (Руднев)*[11]. О нем в сообщении сотрудника ГПУ от 7 июля 1923 г. говорилось: «Игумен Симоновского монастыря заявляет, что не желает признавать ни живой, ни тихоновской церкви»[3]. М. Е. Губонин сообщал, что еще в июне 1923 г. Патриарх дал разрешение служить в обители епископу Назарию (Андрееву), однако архимандрит Петр не допустил его служения.

> Вечером 10 июля, во вторник, накануне празднования памяти Сергия и Германа Валаамских, Патриарх Тихон в сослужении ряда епископов совершил всенощное бдение на Валаамском подворье.

Богослужение началось в 18 часов, а закончилось только в 23 часа. Патриарх заночевал на подворье[4]. Наблюдатель особенно обратил внимание на подчеркнутую предусмотрительность в отношении Патриарха: «Было заметно как все духовенство нянчилось с ним, точно с ребенком[,] прислуживая во всем. Было приготовлено много явств»[5]. Агент ГПУ отметил присутствие множества молодых монахинь, которые, прячась от него, пытались подойти к Патриарху «поклониться ему, целовать ему[,] как обычно[,] ноги и т. д.»[6]. Другая наблюдательница писала, что в храме были почти одни рабочие, которые все поддерживали Патриарха[7].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 47.

[2] Патриарх Тихон и история русской церковной смуты / Сост. М. Е. Губонин. СПб., 1994. Кн. 1. С. 167.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 332.

[4] Там же. Л. 155.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

Значительное усиление Патриаршей Церкви, обусловленное освобождением Патриарха Тихона, заставило АРК и ГПУ начать работу по созданию нового единого центра обновленческого церковного управления. Чтобы поддержать обновленцев материально, АРК 10 июля 1923 г. приняла решение передать им кладбищенские храмы Москвы[1]. Одновременно АРК решила продлить на неопределенный срок следствие по делу Патриарха[2].

Вероятно, есть прямая зависимость между заседанием АРК и появлением в тот же день опровержения от имени Патриарха в отношении послания от 6 декабря 1922 г. Опровержение было опубликовано 11 июля:

«В редакцию газ[еты] „Известия ВЦИК".

Гражданин редактор!

Покорнейше прошу не отказать поместить в Вашей газете следующее опровержение:

В заграничной газете „Дни" от 28.5 (10 июня) с. г., за № 184, напечатано послание, якобы исходившее от меня[,] по поводу отношения нашего к В.Ц.У. и Советской власти, датированное 6 декабря 1922 года в Донском монастыре.

Настоящим заявляю, что такого послания я не писал и что таковое является поддельным и не соответствующим нашему взгляду. Это не что иное, как новая попытка зарубежных врагов Советской власти использовать нас еще раз, как патриарха, в политических антисоветских целях.

Донской монастырь, 10 июля 1923 года.

Патриарх Тихон»[3].

Само по себе это опровержение не решает вопроса подлинности послания от 6 декабря и должно рассматриваться наряду с посланиями от 28 июня и 1 июля в качестве документов «вынужденного авторства».

11 июля, в среду, Патриарх Тихон совершил литургию на Валаамском подворье.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 18; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 32.

[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 528.

[3] Среди церковников // Известия. 1923. 11 июля (№ 153). Цит. по: Акты... С. 289. В публикации «Известий» имеется факсимильная подпись Патриарха.

Богослужение началось, как обычно, в 10 часов утра. По оценке наблюдателя, «все разговоры были направлены против власти»[1]. Верующие восхищались мужеством Патриарха: «Публика была на стороне Тихона, сочувствуя ему, восхваляя его страдания, и те труды, как выражается публика, которые он переносит в настоящее время по службе, т. е. почти[,] говорят[,] день и ночь служит»[2].

Вечером Патриарх должен был служить всенощную в храме мучеников Адриана и Наталии, где его, несмотря на дождь, ждало много верующих[3]. Однако Патриарх не смог поехать туда или из-за давления властей, или из-за плохого самочувствия и отслужил всенощную в Донском монастыре[4].

В небогослужебные дни утро Патриарх посвящал приему посетителей: «В Донском Патриарх принимал ежедневно от 9 до 12 ч[асов] всех, кто желал его лично повидать, за исключением, конечно, тех дней, когда он бывал занят богослужением»[5].

За несколько первых дней июля Патриарх сумел нанести решительный удар по обновленчеству. В сводке МГО ГПУ за 6–9 июля говорится о том, что в Серпуховском уезде обновленчество также терпит поражение: «...предполагается посылка делегации к патриарху за получением указаний»[6]. 11 июля в Сергиев Посад снова выехал епископ Гурий (Степанов), который освятил после обновленцев церкви и потребовал от двух лидеров обновленчества в уезде поехать на покаяние к Патриарху[7].

Обновленцы были крайне напуганы решительными действиями Патриарха и его окружения. Обновленческий Высший Церковный Совет 7 июля выпустил специальное воззвание к верующим, бывшее ответом на воззвание Патриарха Тихона от 1 июля 1923 г. В этом воззвании в отношении Патриарха Тихона говорилось: «...он вновь предал Церковь Православную[,] и[,] будучи лишенным сана и монашества, он приступил к совершению божественной литургии и тем разорвал ризу Христову, разо-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 160.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 164.

[4] Богослужебный дневник... С. 104.

[5] *Москвичка.* Свет России: Московские воспоминания, 1923–1927 // Церковно-исторический вестник. М., 2002. № 9. С. 15.

[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 333.

[7] Там же. Л. 337 об.

рвал единство церковное, положил начало церковному расколу... но все, чтобы бывший Патриарх не говорил[,] его вина перед Церковью неизгладима и непростительна. С руками[,] обагренными кровью[,] вполне сознавая все вины свои перед Матерью Церковью[,] по гордыне и самомнению толкаемый прежними своими советниками[,] он вновь назвал себя Патриархом... тот же безвольный и преступный старик хочет вести вас и теперь...»[1]. Воззвание, отпечатанное десятитысячным тиражом, подписали председатель ВЦС епископ Георгий Добронравов, его заместитель В. Красницкий*[12] и члены президиума ВЦС. В эти же дни, по сообщениям ГПУ, Антонин (Грановский) «ходил в Кремль», чтобы узнать, «зачем выпустили Тихона»[2]. Об этом в Москве было много разговоров. Так, 16 июля в Донском монастыре верующие говорили: «Антонин пришел к Калинину и жаловался, зачем выпустили Тихона... Калинин как будто бы указал, что это не его дело, что церковь частное дело[,] и пусть они сумеют завоевать себе массы»[3].

Красницкий в письме в ГПУ от 9 июля писал: «Усердно прошу обратить внимание на крайне провокаторскую, контрреволюционную деятельность Тихоновского ессесента (так в тексте. – *Авт.*) Илариона, 6/VII проповедуя в Сретенском монастыре, он произнес такую погромную речь... в толпе, в ограде и на улице произвели физические толкования[,] и дело кончилось арестами. За пережитых 10 дней тихоновцы чрезвычайно обнаглели, держатся вызывающе и готовы перейти к избиению – и это настроение – определенно погромное и ярко антисоветское [–] создается им, епископом Иларионом. Если его явно контрреволюционной деятельности не будет положен предел, то неизбежные общественные безпорядки и избиение церковников-обновленцев»[4].

По словам одного из рабочих, зафиксированным 8 июля, накануне «он был в Храме Спасителя за обедней[,] и что КРАСНИЦКИЙ подвязал щеку[,] и он читал воззвание к народу[,] в котором называл Патриарха Стариком[,] и что на него падет вся вина[,] и по окончании воззвания он обратился к народу,

[1] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 21.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 148.
[3] Там же. Т. 5. Л. 54.
[4] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 2. Л. 114.

чтобы тот одобрил это воззвание, но народ на это ничего не сказал[,] и в это время в толпе было негодование к КРАСНИЦКОМУ и послышались возгласы[:] „ДУРАК[!] НАРОД[,] ГНАЛИ БЫ ЕГО В ШЕЮ[,] схватили бы за шиворот и тащили бы с амвона, экия черти самозванцы“[,] и ясно было видно, что народ стоит за Тихона»[1].

Вскоре «ввиду толков неблагоприятных, распространяемых по городу Москве и даже в общественных местах[,] касающихся лично Высокопреосвященнейшего Архиепископа Крутицкого Александра (Введенского)»[2], Е. А. Тучков удалил из Москвы Красницкого, который вернулся в Петроград.

Е. А. Тучков так описывал реакцию обновленцев на усиление Патриаршей Церкви: «Освобождение Тихона обновленцев напугало[,] т. е. первоначально они толковали это как свою ликвидацию гражданской властью и ставку на Тихона...»[3].

Власти должны были принять решительные меры, иначе обновленчество в ближайшее время могло полностью исчезнуть. Буквально за неделю ежедневных служений Патриарха и его сподвижников обновленчество было практически уничтожено и могло надеяться выжить только при активном вмешательстве властей.

§ 4. Патриарх Тихон и попытки властей выработать политику, направленную на подрыв его авторитета и сохранение обновленчества (12 июля – 4 августа 1923 г.)

12 июля Политбюро приняло решение: «Продлить следствие по делу Тихона и не возражать против изменения меры пресечения и тем из сопроцессников его, которые публично покаятся в своих преступлениях»[4]. Таким образом, Патриарх оставался под следствием, а это означало, что оказание ему поддержки могло быть воспринято властями как антисоветский акт.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 149.

[2] Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 2303. Оп. 1. Д. 4. Л. 76–77.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 250–251.

[4] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 288.

Е. А. Тучков писал, что после первоначальной растерянности обновленцы «убедились в том, что их позиция в отношении власти также крепка и что Тихон от суда отнюдь не освобожден[,] – приступили к организации своих сил и наметили путь для борьбы с Тихоновщиной, для чего всюду стали переформировать свои ряды и привлекать к себе более авторитетных архиереев[,] дабы противопоставить Тихону крепкую и серьезную оппозицию[,] и с этой целью ВЦУ для авторитетности назвали прежним именем „Священный Синод“[,] кооптировав в состав его старых[,] тихоновских архиереев»[1]. Власти начинали предпринимать попытки остановить «триумфальное шествие» Патриаршей Церкви.

> 12 июля, в четверг, Патриарх Тихон служил в храме Петра и Павла в Лефортове[2].

На следующий день, 13 июля, Патриарх не совершал богослужений[3] и даже не выходил из своих покоев в Донском монастыре[4].

В результате активной деятельности Патриарха Тихона и епископа Илариона московское духовенство стало массово возвращаться под омофор Святейшего. Так, 12 июля состоялось собрание духовенства Пречистенского сорока, где было вынесено решение «о присоединении к Тихону»[5]. Святитель Иларион не только лично принимал духовенство, но и работал с письменными прошениями. 13 июля 1923 г. он рассматривал прошение священника московского Всехсвятского единоверческого женского монастыря Сергия Сунгурова, который просил дать ему место священника, так как устроился рабочим, чтобы не служить в обновленческом приходе[6].

Однако Патриарх принимал не всех обновленцев. 10 июля 1923 г. было созвано экстренное пастырско-мирянское собрание г. Петрограда, постановившее послать к Патриарху «для выясне-

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 250–251.
[2] Богослужебный дневник... С. 104.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 167.
[4] Там же. Т. 5. Л. 51.
[5] Там же. Т. 4. Л. 335 об.
[6] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 229. Л. 38.

ния его позиции по волнующим всех вопросам депутацию представителей от беспартийных и от обновленческих групп в лице протоиерея Крылова и Боярского»[1]. Когда Боярский прибыл к Патриарху, он не смог получить аудиенцию: «„Выйдя из патриаршего кабинета“ к А. И. Боярскому, о. архимандрит Анемподист [Алексеев] „вежливо сказал, что Патриарх просит его извинить за огорчение, но ничего общего он с Живой Церковью не имеет и потому вынужден отказать себе в удовольствии видеть ее лидеров...“»[2].

13 июля архиепископ Иларион совершил всенощную накануне престольного праздника в храме святых бессребреников Космы и Дамиана. В сообщении ГПУ об этом говорилось: «Всенощную в честь храмового праздника совершал епископ Иларион с другими священствующими лицами. Народу было очень много. Во время богослужения Иларион сказал присутствующим проповедь и указал на новое церковное управление[,] называя Антонина самозванцем, конечно присутствующие более симпатизируют Тихону»[3]. В другом сообщении говорилось: «В церкви Козьмы и Демьяна служил епископ ИЛАРИОН – говоривший о самозванцах в ВЦС и ругавший Антонина»[4].

14 июля, в субботу, Патриарх совершил литургию в церкви святых Косьмы и Дамиана на Полянке.

Наблюдатель из ГПУ сообщал, что выезд Патриарха сопровождался преднесением креста: «В 9 ч. 40 м. появляются 2–3 попа, выносят крест и хоругвь[,] за ними в своем одеянии появляется Тихон... с попами он целуется... спросил одного из попов при целовании: „Вы из Киева?“, тот ответил: „Нет, из Пскова“, Тихон спросил: „Ну как у вас там?“»[5]. Ответ священника наблюдателю расслышать не удалось. Крест везли впереди Патриарха иподиаконы и когда Святейший ехал на богослужение[6].

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 204. Л. 2–3.
[2] Акты... С. 285.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 169.
[4] Там же. Л. 339.
[5] Там же. Т. 5. Л. 52.
[6] Святейший Патриарх Тихон в воспоминаниях современников // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 12. С. 12.

В храме на Полянке молящихся было меньше, чем на прежних патриарших службах. Патриарх не вышел благословлять народ, как делал это ранее, а сразу после литургии ушел пить чай, после чего уехал[1]. Вероятно, отказ от многочасового благословения народа был следствием давления властей. Не исключено, что Патриарха вызывали в эти дни в ГПУ, так как 15 июля по Москве прошел слух, что его арестовали[2].

Наблюдатель в Донском монастыре докладывал о служении Патриархом молебна: «Сам Тихон совершил молебен в местной церкви[,] в 18.15 выходит опять с крестом впереди и направляется к церкви... на колокольне благовест, собралось в конце концов 150–200 чел.»[3]. Патриарх совершал молебны перед Донской иконой Божией Матери накануне Богородичных праздников, в этот раз – накануне праздника положения честной Ее ризы во Влахерне.

> 15 июля, в воскресенье, Святейший выехал в храм в 9 часов 30 минут, выйдя из своих покоев с преднесением креста[4]. Патриарх совершил литургию вместе с епископами Иларионом (Троицким), Гурием (Степановым), архиепископом Тихоном (Оболенским) и двумя другими архиереями в храме Воскресения в Кадашах[5].

После богослужения епископ Иларион огласил патриаршее воззвание против обновленцев. Есть основания утверждать, что епископ Иларион сам подготовил проект послания. В нем обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ) называлось самовольно установленным органом и объявлялось о восприятии патриарших полномочий, временно переданных митрополиту Агафангелу (Преображенскому):

«Ныне же торжественно и во всеуслышание с сего священного амвона свидетельствуем, что все эти столь решительные заявления о соглашении с Нами и о передаче Нами прав и обязанностей Патриарха Российской Церкви ВЦУ, составленному священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Бел-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 167.
[2] Там же. Л. 171.
[3] Там же. Т. 5. Л. 52.
[4] Там же. Л. 53.
[5] Богослужебный дневник... С. 104.

ковым, есть ложь и обман! И что перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно, без всяких установленных правилами Нашей Церкви законных полномочий. На таковых св[ятая] Церковь изрекает строгие прещения: по 16-му правилу Антиохийского Собора епископ, отступивший от указанного порядка и самовольно вторгнувшийся в чужую епархию, хотя бы об этом просил его и весь народ, изгоняется из нее и извергается из сана за грех нарушения церковных законов. Лица, учредившие самозваное ВЦУ в Москве и повинные в этом перед Церковью, отягчили свое положение еще посвящением епископов в захваченные области, так как поставили себя под действие 31-го правила св[ятых] Апостолов, угрожающего лишением сана как посвящающим, так и посвященным. <...> Всем этим они отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в Наше отсутствие, недействительны и ничтожны! А все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе»[1].

19 июля АРК по поводу этой редакции распорядилась следующим образом: «Воззвание в такой редакции к опубликованию не допускать. Разрешить к опубликованию при условии, если будет измена редакции»[2]. Воззвание так и не было опубликовано.

Это послание в дальнейшем рассматривалось самими обновленцами как событие, окончательно разделившее «тихоновцев» и обновленцев. 19 сентября 1934 г. обновленческий Синод принял решение, что принятие в их сообщество священников в сущем сане возможно, если они были рукоположены до 15 июля 1923 г., т. е. «до образования б[ывшим] патриархом Тихоном самочинного сборища»[3].

После богослужения община храма в Кадашах преподнесла Патриарху богатое богослужебное облачение. Наблюдатель,

---

[1] Акты... С. 290–291.
[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 530.
[3] Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 3. Оп. 3. Д. 104.

имевший номер «41» и принадлежавший, очевидно, к клиру, сообщал: «После обедни ТИХОН с 5 епископами отправился на квартиру Смирнова Евг[ения] Ник[олаевича], где был устроен легкий завтрак, от Смирнова ТИХОН на 3-х извозчиках[,] нанятых за 1500 р.[,] отправился на Пятницкую ул. д. 11 к владельцу шляпной мастерской гр. СИДЕЛЬНИКОВУ, где был устроен обед с выпивкой, патриарх также выпил одну рюмку»[1]. Община храма в Кадашах была известна практикой совершения агап. По наблюдениям «41-го» эта община участвовала в трапезе: «На обеде присутствовала кадашевская община „Агапистов"[,] в этом же доме часто собираются для устройства АГАП»[2].

Этот же наблюдатель 17 июля сообщил своим кураторам: «Епископ Иларион вызывался в ГПУ по поводу прочтения воззвания в церкви Воскресения Кадаши»[3]. Содержание послания, оглашенного епископом Иларионом, не было согласовано с Е. А. Тучковым, что послужило причиной вызова епископа Илариона в ГПУ.

Один из земляков архиепископа Илариона вспоминал о встрече с ним в Донском монастыре в день посещения Владыкой ГПУ: «Я, интересуясь церковной жизнью, поехал в Донской монастырь. Меня поразило огромное стечение народа, духовных лиц, стоящих около здания, где жил и работал недавно вышедший из заключения Святейший Патриарх Тихон. Среди присутствующих были маститые, заслуженные протоиереи, и иереи, и, по-видимому, в штатском, церковные старосты. Оказалось, что дожидались Владыку Илариона, который ежедневно вызывался в ГПУ и оттуда прямо пешком [шел] к Святейшему Патриарху на рабочий день. Он в это время управлял делами Московской Патриархии, поэтому к нему и обращались все пришедшие со своими церковными нуждами за разрешением (разъяснением) трудных дел, связанных с действиями живоцерковников. Нужно было авторитетное слово для руководства делами Церкви. Этим всем и занимался преосвященный Иларион как первый помощник Святейшего Патриарха Тихона. Как только появлялась его высокая стройная фигура в бархатной черной скуфейке на длин-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 173.
[2] Там же.
[3] Там же.

ных бело-русых волосах, всех охватывало волнение и возбуждение, и каждый стремился к нему под благословение и за советом. Преосвященный Иларион на всем пути от врат монастыря до здания, где жил Святейший Патриарх, благословлял подходивших к нему просителей и беседовал с ними»[1].

Автор воспоминаний свидетельствует, что даже во время краткой беседы с ним епископ Иларион все время должен был отходить к Патриарху для совещаний, так как его кабинетом была одна из трех комнат помещений второго этажа корпуса, где жил Патриарх: «Скоро меня вызвали к нему, и я поднялся на второй этаж, где меня поджидал Владыка Иларион. Он посадил меня против себя и стал спрашивать о семье моей, о знакомых, о Туле – все его интересовало, и все время повторял с горячностью, ему свойственной: „Говори, говори обо всем!“ Но, видимо, требующих санкцию от Святейшего Патриарха было много, и он то и дело должен был отрываться от беседы и уходил к Святейшему»[2].

Регулярные вызовы епископа Илариона в ГПУ, начавшиеся, очевидно, 16 июля, также были связаны с тем, что до образования Синода он фактически выполнял функции последнего, постоянно совещаясь с Патриархом по разным вопросам, готовя для него решения и документы. А. Д. Самарин писал, что его вызывали в ГПУ, где оказывали давление: «Прочие члены вызываются к Тучкову, и он угрожает им ссылкой. Основанием служит для арх[иепископа] Илариона какое-нибудь неосторожное выражение в проповеди или на публичной лекции...»[3].

> В понедельник, 16 июля, Патриарх совершил литургию в храме Филиппа Митрополита на Мещанской[4].

В 14 часов 30 минут Патриарх вернулся в монастырь и начал прием духовенства, продолжавшийся до 18 часов[5].

17 июля, во вторник, с 10 часов Патриарх принимал духовенство, около 50–60 человек, почти все из которых пришли с рас-

---

[1] *В. К.* Воспоминания. С. 124.
[2] Там же.
[3] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 60.
[4] Богослужебный дневник... С. 105.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 54.

каянием за переход в обновленчество и с просьбой утвердить их в местах служения[1]. Закончив прием, в 17 часов 30 минут Патриарх уехал совершать всенощное бдение в храме Воскресения в Гончарах (на Таганке)[2]. 17 июля епископ Иларион также служил всенощную: «В церкви Сергия, что по Ильиновской[,] служил епископ ИЛЛАРИОН, управляющий Московской епархией Тихоновской церкви. Говорил о жизни Сергия»[3].

18 июля, согласно сводке наблюдения за Патриархом, в 10 часов Патриарх в сослужении епископата совершил в Донском монастыре молебен преподобному Сергию, а затем принимал духовенство. Однако в «Богослужебном дневнике» говорится о том, что Патриарх совершал литургию в храме Воскресения Христова на Таганке вместе с епископом Лукой (Войно-Ясенецким)[4]. Вероятно, сотрудник ГПУ в сводке наблюдения называет молебном все богослужение, совершавшееся в Донском монастыре, – литургию и молебен. Возможно, среди сослужащих Патриарху был и епископ Лука (Войно-Ясенецкий), хиротонию которого Патриарх безусловно признал. Сам святитель Лука писал: «Архиереем я стал 18/31 мая 1923 г. Когда сообщили об этой хиротонии (покойному) Патриарху Тихону, то он, ни минуты не задумываясь, утвердил и признал законной мою хиротонию»[5]. Хиротония была тайной, возглавлял ее епископ Андрей (Ухтомский). Святитель Лука писал в 1946 г.: «...Патриарх Тихон, находившийся под домашним арестом, дал ему право избирать кандидатов для возведения в сан епископа и тайным образом устраивать их хиротонии»[6]. Эта информация подтверждается тем, что Патриарх Тихон в 1922 г. из Донского монастыря передавал записку епископам.

Биограф святителя Луки В. А. Лисичкин сообщает: «После литургии Патриарх Тихон беседовал с ним. Он разъяснил свою позицию, изложенную в послании от 15 июля 1923 года*[13], где содержится заверение Советскому правительству в его гражданской лояльности и выражается сожаление по поводу некогда

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 55.
[2] Богослужебный дневник... С. 105.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 337.
[4] Богослужебный дневник... С. 104.
[5] *Зеленогорский М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991. С. 99.
[6] Там же.

занимаемой им антисоветской позиции, от которой он, однако, по его словам, отошел уже в 1919 году»[1].

ОГПУ были продиктованы условия, согласно которым Патриарх отказался от массового благословения верующих. Так, при выходе из храма после молебна преподобному Сергию его окружала «цепь молодых сильных парней», не дававших никому подойти под благословение[2].

18 июля, судя по объявлению, размещенному в монастыре заранее, Патриарх должен был участвовать во всенощном бдении в Донской обители[3].

17 июля АРК приняла ряд постановлений в отношении Патриарха Тихона: «...а) Поручить т. Тучкову тактично воздействовать на Тихона, чтобы Тихон дал разъяснение через газету и интервью с иностранными корреспондентами о том, что он действительно сам лично написал воззвания и заявления о своем раскаянии.

в) (так в публикации. – *Авт.*) Признать желательным, чтобы остальные сидящие под стражей по делу Тихона[,] так же как и он[,] раскаялись.

г) Тихоновских епархиальных Управлений пока допускать не следует за исключением тех районов, где особо прочно засели обновленцы.

д) Не возражать против моления Тихоновцев за Советскую Власть.

е) Признать необходимым, чтобы Тихон о своем раскаянии в воззваниях написал письмо Кантерберлийскому епископу»[4]. Интересно отметить, что в том же протоколе после слов: «Поручить т. Тучкову тактично воздействовать на Тихона...» – говорилось: «...чтобы он служить по Москве не разъезжал»[5], однако последние слова были зачеркнуты.

Анализируя по данным агентуры события июля, Е. А. Тучков и руководство Секретного отдела предложили меры, направленные на ослабление влияния Патриарха. Прежде всего предла-

---

[1] *Лисичкин В. А.* Крестный путь святителя Луки: Подлинные документы из архивов КГБ. М., 2001. С. 108.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 56.

[3] Там же. Л. 53.

[4] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 529–530.

[5] Там же. С. 529.

галось заставить Патриарха ввести моления за власть, а также написать в Англию о поддержке власти.

Настойчивые требования ввести за богослужением поминовение властей начались сразу же после освобождения Патриарха. Как отмечал протопресвитер В. Виноградов, советская власть «хотела этим актом самым решительным и окончательным образом скомпрометировать патриарха политически, как на внешнем фронте[,] среди русской эмиграции, так особенно и прежде всего среди того церковного народа, который теперь снова встал под церковное водительство патриарха»[1].

Кроме того, важной задачей для ГПУ было не допустить крушения обновленчества на местах. Опыт Московской губернии показывал, что обновленчество сдало здесь позиции за очень короткий срок.

В 20-х числах июля в Москве и на местах прошли аресты представителей духовенства, которые, оставаясь на свободе во время заключения Патриарха, активно боролись с обновленчеством. 25 июля в Саратове были арестованы епископ Петр (Соколов) и помогавшее ему духовенство[2].

В этот период Патриарх Тихон направил своих представителей в подмосковные уезды для приведения к покаянию местного клира. Архимандрит Борис (Рукин) был послан в Клин, где 8 июля 1923 г. переосвятил местные храмы после пребывания там обновленцев[3]. 12 июля он совершил в городе торжественное богослужение. Он также убедил принести покаяние местного обновленческого уполномоченного протоиерея Фаворского. При этом в Московском отделе ОГПУ стало известно, что, по словам верующих, архимандрит Борис говорил, что на борьбу с обновленчеством есть согласие ГПУ[4]. 15 июля 1923 г. архимандрит Борис предполагал устроить всенародное покаяние в обновленчестве, но власти не позволили ему это сделать. Эта деятельность послужила причиной его ареста 18 июля 1923 г. Москов-

---

[1] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 16.

[2] *Мраморнов А. И.* К вопросу о преследованиях православного духовенства в Саратове в 1923 г. // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. XX ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2010. Т. 1. С. 300.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Л. 335 об.

[4] Там же.

ским губернским отделом ОГПУ за «распространение ложных слухов и устройство самочинных собраний... ведение агитации, в которой использовал пункт английского ультиматума, указывающий на существование, якобы, в СССР гонения государством церкви»[1]. Через несколько месяцев он был освобожден, однако есть основания предполагать, что это было результатом его согласия сотрудничать с ОГПУ.

19 июля 1923 г. состоялось внеочередное заседание АРК (протокол № 30а), на котором решался вопрос о досрочном освобождении «церковников»[2]. Это было необходимо для создания оппозиции Патриарху Тихону «справа».

19 июля Патриарх вел прием посетителей, начавшийся, как обычно, в 10 часов и продолжившийся с перерывом на обед до 20 часов[3]. Епископ Иларион принимал бывших обновленцев. Несмотря на то что епископ специально вышел из монастыря, чтобы поговорить с одним из священников, его слова были услышаны агентом: «Слова обновленцев – лишь обман», а «их истинное лицо – лицемерие»[4].

20 июля, в пятницу, Патриарх вел прием по обычному графику – с 10 до 14 часов. Посетителей из-за сильного ливня было мало[5].

> Вечером 20 июля Патриарх совершил всенощную в храме Казанской иконы Божией Матери на Калужской[6].
> 21 июля, в субботу, в том же храме – литургию.

Патриарх выехал на службу в 9 часов 30 минут, хотя планировал в 9 часов 10 минут, так как храм был удаленный. Кучер опоздал, за что получил нагоняй от патриаршего келейника Я. А. Полозова[7]. Патриарх начинал литургию в 10 часов и никогда не опаздывал. Проповедь за литургией произносил епископ Иларион. Он говорил о времени, переживаемом Церковью: «В своей речи сказал, что нужно молиться, а то наша церковь

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. УКГБ по Московской обл. Д. П-57281.
[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 529.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 57.
[4] Там же. Л. 57 об.
[5] Там же. Л. 59.
[6] Богослужебный дневник... С. 105.
[7] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 60.

в этот ужасный момент, который мы переживаем, находится в ужасном положении»[1]. Верующие постарались встретить Святейшего достойно. Сообщалось, что «после богослужения ему была устлана вся дорога зеленью до трапезной, куда он отправился обедать»[2]. Накануне настоятель храма протоиерей Державин просил верующих принести цветы, чтобы устлать ими дорогу Патриарху[3]. После трапезы, начавшейся в 13 часов 30 минут, на выходе его ожидала толпа богомольцев, желавших получить благословение[4]. В 15 часов Патриарх выехал в Донской монастырь.

В этот же день, 21 июля, в 18 часов Патриарх совершил всенощное бдение в храме Святой Троицы, что на Капельках, на 2-й Мещанской ул. Верующих в тот субботний день было более 2000.
22 июля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Студенцах[5]. Патриарху сослужил епископ Николай (Могилевский), викарий Черниговской епархии.

23 июля Патриарх вел прием посетителей. Прием также вел епископ Иларион. Он советовал прихожанам изгонять священников-обновленцев. «К нему подошла одна женщина, по-видимому представительница прихода, говорила, что приход не хочет своего священника-обновленца, а тот их не слушается[,] и спросила, что делать. Илларион[,] спросив, признает ли этот священник патриарха[,] и получив отрицательный ответ, сказал: „Это дело прихода, если он его не хочет, с завтрашнего дня рассчитайте его и дело кончено“»[6]. Вечером Патриарх гулял в саду монастыря[7].

24 июля, во вторник, Патриарх Тихон совершил литургию в храме Ржевской иконы Божией Матери на Пречистенском бульваре.

Служба началась, как обычно, в 10 часов и продолжалась до 13 часов. Народу было много: «К началу службы церковь была

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 181.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 177 об.
[4] Там же. Т. 5. Л. 60.
[5] Богослужебный дневник... С. 105.
[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 62.
[7] Там же.

набита битком и толпы народа стояли во дворе около церкви»[1]. Верующие обсуждали освобождение протоиерея А. Хотовицкого, которое было следствием решения АРК от 19 июля.

Одновременно с освобождениями духовенства власти начали укреплять обновленчество. 24 июля Антирелигиозная комиссия рассмотрела вопрос «об объединении всех трех обновленческих групп, а именно: Живая церковь, древле-апостольская церковь, возрождение в одну обновленческую группу под новым названием»[2]. Комиссия решила «признать возможным объединение в одну группу»[3].

20 июля 1923 г. в Москву из Одессы по вызову Е. А. Тучкова прибыл митрополит Евдоким (Мещерский)[4].

> 25 июля Патриарх совершил всенощную в храме Грузинской иконы Божией Матери в Грузинском переулке. Служба продолжалась с 18 до 21 часа[5].
>
> 26 июля, в среду, Патриарх вел прием духовенства, начавшийся в 9 часов 30 минут и проходивший целый день[6].
>
> 27 июля, в пятницу, Патриарх выехал совершать литургию в храм пророка Илии в селе Карачарове Московской губернии по приглашению местного церковно-приходского совета. В село была привезена икона Спасителя из Новоспасского монастыря для поклонения верующих. Завершив службу и отобедав у настоятеля, Патриарх около 15 часов выехал в Москву.

Поездки в подмосковные храмы были вызваны стремлением поддержать местное духовенство и верующих, против которых начались репрессии. В сводке Московского городского отдела (МГО) ОГПУ за 22–31 июля 1923 г. говорилось, что аресты прокатились и по Московской губернии, было арестовано около 200 человек[7].

Накануне были проведены массовые аресты среди близкого к Патриарху духовенства. В сводке МГО ГПУ сообщалось: «Аре-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 184.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 23; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 38.

[3] Там же.

[4] *Головушкин Д. А.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви в 1905–1925 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002. С. 208.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 185; Богослужебный дневник... С. 106.

[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 65.

[7] Там же. Т. 4. Л. 339 об.

сты ряда крупных тихоновцев, членов церковно-приходских советов, сильно взволновали церковников. Патриарх Тихон и епископы, ему сочувствующие, оповещены об арестах. Верующие предлагают им воздержаться от служб»[1]. А. Д. Самарин считал, что ГПУ специально убирало верных Патриарху людей, чтобы внедрить в его окружение своих протеже: «Когда Патриарх вышел из своей тюрьмы, его[,] естественно[,] окружили епископы и священники, оставшиеся верными ему во время его заточения. Из этих лиц предполагалось составить Патриаршее и епархиальное управления. Но не прошло и месяца, как все они (около 5 человек) были арестованы. Из них уцелел только арх[иепископ] ИЛЛАРИОН, только что возвратившийся из ссылки и ставший правой рукой Патриарха»[2].

28 июля прием в Донском монастыре Патриарх не проводил.

29 июля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме подмосковного села Косина[3].

30 июля Патриарх вел прием в Донском монастыре. Вечером он выходил благословлять верующих.

31 июля, во вторник, Патриарх Тихон служил всенощную в храме священномученика Власия в Староконюшенном переулке[4].

31 июля должен был состояться первый публичный диспут епископа Илариона с Введенским. В сообщении сотрудника ГПУ, присутствовавшего на этом диспуте, говорится: «Публики приблизительно до 1.500 человек. ИЛЛАРИОН на диспут не явился, прислав выступить вместо себя гражданина ПОТОЦКОГО»[5]. Потоцкий сказал, что причиной того, что епископ Иларион не пришел на диспут, явилось служение всенощной в канун дня памяти преподобного Серафима[6].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 339 об.

[2] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 60.

[3] Богослужебный дневник... С. 106.

[4] Там же.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 339 об.

[6] Религиозные диспуты в Москве в 1923 году / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 217.

1 августа, в среду, Патриарх Тихон совершил литургию на Антиохийском подворье, в церкви священномученика Ипатия в Ипатьевском переулке, что на Ильинке.

Патриарх возглавил хиротонию епископа Иоанна (Братолюбова)[1]. Святейшему сослужили епископы Иов (Рогожин)*[14] и Трофим (Якобчук)*[15]. Епископ Трофим, которого в 1922 г. хиротонисал епископ Андрей (Ухтомский), был не первым епископом из «андреевцев», признанным Патриархом. Ранее Патриарх сослужил с епископом Лукой (Войно-Ясенецким), а 31 июля утвердил хиротонию епископа Иоанна (Пояркова).

2 августа, в четверг, Патриарх Тихон совершил литургию в храме Илии Пророка на Воронцовом поле[2].
После совершения литургии Патриарх возглавил молебен пророку Илии[3].

Наблюдатель писал о том, что служба закончилась около 12 часов, затем на паперти храма состоялся молебен, «а после молебна Тихон во всем облачении пошел на квартиру чай пить... через час Тихон вышел в сопровождении Епископа, а публика лезла к нему под благословение и тянули руки, а некоторые крестились. Поехали с церковным звоном»[4].

Следствием политики властей, направленной на поддержку обновленчества, стало принятие «Инструкции о регистрации православных религиозных обществ». Ею значительно ущемлялись права верующих, относящихся к Патриаршей Церкви, по регистрации общин и закреплению за ними храмов. Как справедливо отмечает С. Г. Петров, «инструкция была направлена на удержание православных общин в лоне обновленчества»[5]. Впервые этот вопрос был поднят на заседании АРК 10 июля 1923 г. Комиссия поручила заместителю предсе-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 339 об.
[2] Богослужебный дневник... С. 106.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 194.
[4] Там же.
[5] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства. Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. С. 353.

дателя ГПУ В. Р. Менжинскому и заместителю наркома юстиции Н. В. Крыленко подготовить проекты инструкций по регистрации[1]. 24 июля 1923 г. АРК рассмотрела проект «инструкции о порядке регистрации религиозных обществ православного культа»[2]. Было принято решение: «Поручить тов. Менжинскому и Тучкову все замечания, сделанные Комиссией[,] внести в проект инструкции и предоставить таковой на рассмотрение Комиссией»[3].

5 августа АРК приняла доработанную инструкцию и распорядилась «срочно провести» ее через Политбюро, предварительно согласовав с Наркоматами юстиции и внутренних дел[4]. Текст этой инструкции сохранился в фонде Ем. Ярославского в РГАСПИ (ф. 89). В левом углу документа имеется помета: «т. Ярославский. Прошу срочно поставить на П[олитбю]ро ЦК. Тучков. 8/8»[5].

Документ имел название «Инструкция по проведению регистрации православных религиозных групп (общин)». Для того, чтобы не допустить выборов «тихоновцев» в члены приходских советов, инструкция предусматривала ряд ограничений.

1. В подаваемом в местные исполкомы заявлении на регистрацию «должно быть указано решение не иметь в числе своих руководителей (членов приходского совета) лиц осужденных или состоящих под судом и следствием за уголовные и политические преступления»[6]. Так как большинство «тихоновских» епископов и значительная часть духовенства привлекались или находились под следствием по политическим обвинениям, это лишало их права руководить общинами.

2. Исполкомам предоставлялось «право отвода или последующего отстранения членов группы (общины)... опасных в политическом отношении»[7].

3. Органы власти могли отказать в регистрации общине, «если члены таковой уклоняются от ответов на вопросы» и если

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 17.
[2] Там же. Л. 23.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 24.
[5] Там же. Ф. 89. Оп. 4. Д. 158. Л. 26.
[6] Там же.
[7] Там же. Л. 27.

она «объединяется около лица, лишенного права или состоящего под судом и следствием»[1].

4. Не зарегистрированные в отводимые сроки общины «считаются закрытыми, договор с ними о пользовании храма и культовым имуществом считается расторгнутым, храм и имущество может быть передано другой группе на общем основании»[2]. Это давало возможность передавать зарегистрированным обновленческим общинам здания и имущество лишенных регистрации «тихоновских» общин.

5. Зарегистрированные общины, как указывалось в проекте инструкции, «на общем собрании большинством голосов выбирают членов приходского совета и служителей культа, поименные списки коих... представляются на утверждение местным епархиальным управлениям. Епархиальные управления утвержденные ими списки представляют на регистрацию Отделов управления Губернских и Областных Исполкомов»[3]. Между тем зарегистрированных епархиальных управлений Патриаршей Церкви не существовало. Такое решение приняла АРК на своем заседании 17 июля 1923 г. (протокол № 30, п. 2.): «Тихоновских епархиальных Управлений пока допускать не следует за исключением тех районов, где особо засели обновленцы»[4].

Кроме того, инструкцией не предусматривалась регистрация религиозных обществ, имеющих «другие цели, кроме отправления религиозного культа», – имелись в виду братства, «общества ревнителей» и т. д.

Таким образом, инструкция лишала возможности легальной деятельности приходские советы и общества мирян Патриаршей Церкви и являлась препятствием для деятельности «тихоновских» приходов.

Однако глава АРК Е. М. Ярославский не стал представлять проект инструкции, подготовленный Е. А. Тучковым, для утверждения Политбюро. Причиной являлось то, что инструкция входила в противоречия с политикой И. В. Сталина, направленной на временное снижение давления на Церковь.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 158. Л. 27.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 19.

§ 5. Образование временного Священного Синода при Патриархе (3 августа 1923 г.)

А. Д. Самарин в письме митрополиту Антонию так описывает процесс формирования Синода: «Так как всякое лицо, которое Патриарх пожелал бы ввести в свое управление вопреки желанию ГПУ, немедленно было бы арестовано, ему поневоле пришлось вести об этих назначениях предварительные переговоры с Тучковым. На присутствии в нем предателей он настаивал, к участию в нем допускал только тех, кто не способен был к противодействию планам ГПУ.

Исключение составлял арх[иепископ] ИЛЛАРИОН, которого терпели и которым надеялись со временем овладеть»[1].

Председателем Синода стал архиепископ Серафим (Александров), членами – епископ Иларион (Троицкий), архиепископ Тихон (Оболенский). «Вы его должны помнить по Собору – теперь это расслабленный во всех отношениях старик», – писал о последнем Самарин митрополиту Антонию[2].

Около 20 августа*[16] досрочно был освобожден из ссылки в введен в Синод епископ Петр (Полянский): «...ничем не выдающийся, но честный. Он только что возвратился из ссылки, освобожденный за несколько месяцев до срока»[3]. Его также часто вызывали в ГПУ: «Прочие члены вызываются к Тучкову, и он угрожает им ссылкой. Основанием служит для арх[иепископа] Иллариона какое-нибудь неосторожное выражение в проповеди или на публичной лекции, для арх[иепископа] Петра <пропуск в копии> или его досрочное освобождение. После этого они возвращаются в Донской монастырь в подавленном настроении, и сила их сопротивления оказывается ослабленной»[4]. Председателем Московского епархиального управления был назначен протоиерей В. Виноградов[5].

«Даниловцы» не без основания считали архиепископа Серафима (Александрова) и протоиерея В. Виноградова людьми, выполнявшими задания ГПУ. А. Д. Самарин писал: «В то же время Патриарху были указаны лица, которых желали бы видеть его

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 60–61.
[2] Там же. С. 60.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 61–62.
[5] Там же. С. 60.

ближайшими сотрудниками. Это – СЕРАФИМ, арх[иепископ] Тверской (Александров), которого Вы, конечно, помните по Собору, и прот[оиерей] В. П. Виноградов, профессор Московской Духовной Академии. Вся Москва убеждена, что эти два лица являются тайными агентами ГПУ и проводниками всех его замыслов в Патриаршем управлении. Их близость с Тучковым, главным следователем по церковным делам в ГПУ, их постоянные визиты к Тучкову и таинственные совещания с ним, их поведение в Патриаршем управлении подтверждают это»[1]. Согласно сообщению в ГПУ одного из мирян, пользовавшегося доверием «даниловцев», «Федоровская компания молодых ученых монахов держится как-то обособленно и особенно враждебно настроена против Вас[илия] Петр[овича] Виноградова и Архиеп[ископа] Серафима (Александрова)»[2].

Негативное отношение «даниловцев» к Патриаршему Синоду сформировалось еще до его возникновения, когда вопрос формирования Синода обсуждался на встрече Патриарха и епископа Феодора. Левитин-Краснов писал: «Архиепископ (так в тексте; правильно – епископ. – *Авт.*) Феодор во время своего свидания с патриархом предостерегал его против слишком больших уступок власти и против каких бы то ни было переговоров с обновленцами. (Епископ Иларион считал нужным оставить этот вопрос открытым.) Архиепископ остался недовольным свиданием: патриарх показался ему недостаточно твердым и властным. Самая манера говорить, свойственная патриарху, часто прибегающему к юмористическому тону, раздражала сурового монаха. „Все хи-хи, ха-ха, и гладит кота“, – ответил он одному из своих приверженцев на вопрос о том, как он нашел патриарха»[3].

А. Д. Самарин писал о том, что решения Синода невозможно было обнародовать: «Распоряжения Синода лишь с большим трудом могут быть оглашены, так как в советской печати их замалчивают, а иметь свой орган для этого не позволяют. Пробовали печатать определения Синода отдельными листами для рассылки по церквам и епархии. Несмотря на то что на это всякий раз испрашивалось разрешение цензуры и все печаталось с соблюде-

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 60.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 105.

[3] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 315.

нием общих законов, готовые листы отбирались агентами ГПУ, как только их привозили из типографии в Донской монастырь»[1].

Е. А. Тучков требовал полного контроля над деятельностью Синода: «Деятельность Патриаршего управления протекает под непосредственным управлением Тучкова: сначала он посещал только Патриарха, потом стал вызывать к себе повестками членов Синода для инструкций, наконец стал ездить на заседания Синода и таким образом превратился в настоящего обер-прокурора. Теперь ни одно назначение, ни одно решение не проходит без его соизволения. Но он не ограничивается ролью наблюдателя и протестами, но диктует Синоду свою волю, требует постановлений, очень вредных для Церкви[,] и при помощи своих подручных и угроз умеет их провести...» [2].

3 августа Патриарх вел прием, сделав перерыв для выезда в город с 11 часов 20 минут до 13 часов 20 минут. Согласно сводке наблюдения за Патриархом, он выезжал на два часа на прием к П. Г. Смидовичу, который, по данным наблюдения, вызвал Патриарха к себе[3]. Наблюдение зафиксировало, что после возвращения Патриарха от Смидовича к нему пришел архиепископ Тверской Серафим (Александров): «К группе присоединяется Серафим Тверской, все целуются с ним»[4].

Причиной визита к Смидовичу был вопрос о регистрации при Патриархе временного Священного Синода. Регистрацию Синод так и не получил. А. Д. Самарин писал: «Хотя тотчас после сформирования Синода было возбуждено ходатайство о регистрации его, но до сих пор на это ходатайство не получено никакого ответа. Из этого вытекает то практическое последствие, что собрание Синода и деятельность канцелярии при нем являются с точки зрения советских законов нелегальными и лица, участвующие в них, могут быть арестованы в любой момент за недозволенные собрания. Не было разрешено Патриарху и иметь печать»[5].

Е. А. Тучков не разрешил ввести в состав Синода епископа Гурия (Степанова). Более того – он должен был покинуть Москву. «Даниловский синод» разрешил ему выехать в Петро-

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 61.
[2] Там же.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 71.
[4] Там же.
[5] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 61.

град, где не было православного архиерея. Патриархом и Синодом был принят указ за № 54, адресованный епископу Гурию (Степанову): «Вдовствующая Петроградская епархия крайне нуждается в православном епископе. В заботах о благоустроении Петроградской епархии и для удовлетворения ходатайств верующих Временное Высшее Церковное Управление поручает Вашему Преосвященству вступить во временное управление православными приходами Петроградской епархии. Одновременно с сим поручается Вашему Преосвященству забота и архипастырское попечение и о православных приходах Псковской епархии»[1].

В начале августа в Петербурге начались массовые аресты духовенства и членов двадцаток, отказавшихся от обновленчества[2].

Ознакомившись на месте с положением Патриаршей Церкви в этой епархии, епископ Гурий тотчас же покинул Петроград и уехал в Псково-Печерский монастырь. В этом же году он был арестован за «нахождение в пограничной полосе» и помещен в Псковскую тюрьму, но вскоре был освобожден. Вместо епископа Гурия управлять Сергиевским викариатством был назначен епископ Иларион (Троицкий)[3]. По воспоминаниям епископа Вениамина (Милова), Патриарх предлагал ему, тогда архимандриту, стать епископом-викарием этого викариатства, но получил отказ[4].

Одновременно, как говорилось выше, было сформировано Московское епархиальное управление (МЕУ) под председательством протоиерея В. Виноградова. В его состав вошли также юрист Иван Матвеевич Глаголев и протоиерей Сергей Максимович Садковский. Именно этот состав МЕУ упомянут в сводке 6-го отделения МГО ОГПУ от 27 сентября 1923 г.[5]

Обновленцы также создали свой Синод. 8 августа 1923 г. состоялось заседание пленума обновленческого ВЦС, которое возглавил Евдоким (Мещерский) – один из старейших архиереев, бывший ректор Московской духовной академии, сторонник умеренной линии в церковных реформах, не разделявший край-

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 272. Л. 173.

[2] Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов, 1917–1941 / Сост. Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. СПб., 2000. С. 119.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 348.

[4] Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России / Сост. А. А. Маркова. М., 2011. С. 248.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 348.

них взглядов В. Красницкого, с одной стороны, и Антонина (Грановского) – с другой. Было принято решение об образовании вместо ВЦС «Священного Синода Российской Православной Церкви». В первом обращении Синода к верующим говорилось: «...мы, старейшие архипастыри и пастыри Ваши... объявляем, что нет больше группировок, партийных разделений и разноименных церковных организаций, а есть единая Святая Соборная и Апостольская Православная российская Церковь»[1]. В противовес прежним призывам к отказу от догматического и канонического строя Церкви новое обновленческое руководство заявляло: «Но мы свято, твердо и непоколебимо блюдем и будем блюсти до скончания нашей жизни чистоту учения Православной веры, ее таинства и догматы»[2]. В обращении говорилось также, что новый «Священный Синод» поддержали Восточные Православные Патриархаты[3]. Изменилась политика обновленческого руководства в отношении перевода богослужения на русский язык: повсеместно произошло возвращение на церковнославянский язык.

«Архиепископ Крутицкий» Александр Введенский вошел в состав Синода в качестве второго заместителя председателя и возглавил образованные при Синоде административный и просветительный отделы и миссионерский совет[4]. «Комиссаром» при Евдокиме был поставлен агент ГПУ А. И. Новиков.

§ 6. Антиобновленческие решения Патриарха и Синода (4–8 августа 1923 г.)

4 августа, в субботу, в патриарших покоях, согласно сводкам наблюдений, состоялось некое собрание. Наблюдатели отмечали, что к Патриарху приходили только «попы», под которыми имелись в виду и архиереи. Исходя из этого есть основания предположить, что у Патриарха проходило совещание архиереев. Патриарх находился в монастыре до 17 часов 45 минут[5], а затем

---

[1] Самарские Епархиальные Ведомости. 1924. № 1. Апрель. С. 5.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Ореханов Г. свящ., Шкаровский М. В.* Введенский А. И. // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 350.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 72.

поехал совершать всенощную в храме святого Александра Невского в Миусах[1].

> 5 августа, в воскресенье, Святейший совершил литургию в храме Никиты Мученика на Кузнецкой улице[2].

В монастырь Патриарх вернулся только в 2 часа дня[3], а в 18 часов 15 минут[4] выехал на всенощную в храм святых Бориса и Глеба у Арбатских ворот[5].

5 августа было выпущено «Послание Святейшего Патриарха Тихона о недействительности обновленческих священнодействий». О нем упоминает М. Е. Губонин[6], но текст послания неизвестен. Вероятно, об этом послании шла речь на заседании АРК (протокол № 33), экстренно собранном в то же воскресенье 5 августа. Здесь обсуждался вопрос «О протесте Главлита по поводу конфискации воззвания Тихона»[7]. Уже отпечатанное в одной из типографий Главлита послание было изъято сотрудниками ОГПУ. По этому вопросу комиссия решила: «...а) предложить Завед[ующему] Главлитом, чтобы все произведения рел[игиозного] характера (воззвания, послания, брошюры) на время отсутствия тов. Попова*[17] посылались на предварительный просмотр члену комиссии тов. Тучкову[;] б) конфискацию воззвания Тихона считать правильной»[8].

Столь решительные меры властей были связаны с тем, что обнародование послания могло нанести сокрушительный удар по обновленчеству, которое еще не успело перестроить свою систему управления и тактику согласно плану ОГПУ. Антирелигиозная комиссия в составе Е. М. Ярославского, главы ОГПУ В. Р. Менжинского и Е. А. Тучкова собралась в этот день, чтобы поставить точку в вопросе о продолжении подготовки процесса над Патриархом. Было решено: «...судить Тихона теперь несвоевре-

---

[1] Богослужебный дневник. С. 107.
[2] Там же.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 74.
[4] Там же. Л. 73.
[5] Богослужебный дневник... С. 107.
[6] Акты... С. 292.
[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 24.
[8] Там же.

менно»[1]. По мнению «антирелигиозных мудрецов», необходимо было разжигать противостояние тихоновцев и обновленцев, что уже начало происходить: «вызванная освобождением Тихона непримиримость обновленцев с тихоновцами внесла в церковь форменный распад»[2]. Ставка была сделана на недопущение превращения Патриарха в мученика путем его компрометации: «Суд над Тихоном теперь предал бы ореол мученика, который с него можно целиком сорвать его дальнейшим сотрудничеством с Совластью. ...Необходимо чтоб[ы] над Тихоном продолжала висеть угроза Суда»[3]. Такое решение было принято под влиянием политической конъюнктуры.

В этот день Патриарх утвердил хиротонию еще одного епископа, тайно рукоположенного епископом Андреем (Ухтомским), – Иоанна (Пояркова): «6 авг[уста] Преосвященный Иоанн Еп[ископ] Давлекановский назначается временно управляющим Уфимск[ой] епархией. Патриарх Тихон»[4].

6 августа 1923 г. Патриарх Тихон не совершал богослужений и работал с бумагами. Он рассмотрел письмо верующих, в котором говорилось: «...когда все архипастыри Екатеринославской епархии: архиепископ Агапит, епископы Андрей и Серафим оставили своих пасомых и перешли в группу „Живая Церковь“, епископ Иоанникий, уповая на помощь Божию, путем архипастырского своего воззвания и наставления к пасомым вверенной ему паствы, удержал в Екатеринославской епархии до половины приходов от перехода их в группу „Живая Церковь“... Впоследствии, находясь в заключении в течение более 9 месяцев, епископ Иоанникий, как истинный „пастырь добрый“, с риском для своей жизни, все же не оставил вверенной ему Богом паствы своим попечением о сохранении православной веры...»[5]. Верующие просили также возвести его в сан архиепископа. На письме Святейший наложил резолюцию: «За смертью архиепископа Агапита*[18] назначить временно управляющим Екатеринославской епархией Преосвященного Иоанникия»[6].

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 530.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 209. Л. 3–4.
[5] Там же. Л. 8.
[6] Там же.

Иоанникий (Соколовский) был рукоположен 21 октября 1921 г. во епископа Бахмутского, викария Екатеринославской (Днепропетровской) епархии. В письмах Патриарху Тихону в 1923–1924 гг. он именовал себя епископом Донецким и Бахмутским, управляющим Екатеринославской епархией. В письме Патриарху Тихону от 24 июля 1923 г. епископ Иоанникий сообщал, что единственным из епископов Екатеринославской епархии сохранил верность Православию (тогда как правящий епископ Агапит (Вишневский) и два викария стали обновленцами) и боролся с обновленчеством, за что два раза находился несколько месяцев в заключении[1]. Ранее епископ Иоанникий писал Патриарху, что экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) ввиду отпадения епископата в обновленчество вручил управление ему, выделив его викариатство в самостоятельную Донецкую епархию[2].

7 августа Патриарх служил всенощную в храме преподобного Сергия на Б. Дмитровке*[19]. Во время службы комсомольцы пытались выкрикивать оскорбления в адрес Патриарха, но были остановлены верующими[3]. Богослужение закончилось в 21 час.

8 августа Святейший совершил литургию в храме священномученика Ермолая на Козьем болоте[4].

Приема в этот день Патриарх не вел[5].

§ 7. Патриарх Тихон в условиях нарастающего давления на него (9–14 августа 1923 г.)

9 августа Патриарх Тихон служил в храме бывшего Богоявленского монастыря. Наблюдатель ГПУ сообщает о разговоре прихожан около храма: «„Да“, – говорит один худощавый с поясом формы кавказца, [–] как сказали, что ИЛЛАРИОН не приедет, то[,] говорит[,] закричали и давайте деньги обратно, другой

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 209. Л. 2–7.
[2] Там же. Л. 12–14.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 150.
[4] Богослужебный дневник... С. 107.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 76.

поддакивает, что говорит, что Илларион умный человек – это приемник Тихона, когда Иларион приходит в какую-нибудь живую церковь, то сначала возьмет да и возьмет окрещивать св[ятой] водой, приговаривая: „Изыде вся нечисть“»[1]. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что верующие храмов Москвы и Московской губернии просили епископа Илариона приехать к ним и переосвятить храм. Епископ Иларион не смог приехать на это богослужение. Народу было так много, что Патриарх с трудом смог выйти из храма после богослужения, дорогу ему «прокладывал архим[андрит] Анемподист, которого агент ГПУ принял за архиерея: «Выходит, или вернее на руках плывет ТИХОН, впереди прочищает дорогу здоровенный архиерей Анасадис*[20], по виду его можно назвать „осади-назад“, потому что от него все как шарки от топора летят»[2].

10 августа, в пятницу, в праздник Смоленской иконы Божией Матери, Патриарх Тихон служил литургию в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря[3].

11 августа приема Патриарх не вел. На дверях его приемной была вывешена записка: «Церковное Управление при Патриархе просит граждан с контр-революционными и антисоветскими предложениями не появляться»[4].

Вечером 11 августа Патриарх совершил всенощную в храме мученика Иоанна Воина на Божедомке[5]. Упоминания об этом богослужении в Богослужебном дневнике нет.

11 августа 1923 г. датируется резолюция Патриарха, подписанная архиепископами Серафимом (Александровым), Тихоном (Оболенским) и епископом Иларионом (Троицким)[6], управляющим Московской епархией. В этот день, вероятно, проходило заседание временного ВЦУ.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 182.
[2] Там же.
[3] Богослужебный дневник... С. 107.
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 80.
[5] Там же. Т. 4. Л. 197.
[6] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 68–69.

12 августа, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме мученика Иоанна Воина на Божедомке[1]. Верующих было очень много, так что они не поместились в храме.

13 августа, в понедельник, в 12 часов состоялось наречение архимандрита Иоанна (Братолюбова)*[21] во епископа. Еще 22 января 1922 г. он был определен Патриархом и Синодом епископом Берёзовским, викарием Тобольской епархии[2]. Наречение возглавил Патриарх Тихон: «Совершался обряд посвящения в епископы одного священника при участии Тихона и Илариона»[3].

Вечером, 13 августа, в 18 часов Патриарх совершил вынос Креста в Донском монастыре[4].

14 августа, во вторник, Патриарх совершил литургию в Скорбященском монастыре.

На литургии состоялась хиротония архимандрита Иоанна (Братолюбова), который был назначен управляющим Тобольской епархией. Хиротонию совершали Патриарх Тихон, архиепископ Уральский Тихон (Оболенский), епископ Николай (Могилевский) и епископ Иннокентий (Летяев). Последний, как сообщает довольно безграмотный наблюдатель из ГПУ, принес публичное покаяние в обновленчестве: «Происходило раскаяние священника Эникентия, который клялся перед верующими, что он теперь переходит всецело на сторону Патриарха Тихона»[5].

Практика публичных покаяний архиереев была выработана, вероятно, на заседаниях ВЦУ.

Антирелигиозная комиссия собралась в этот день, чтобы еще раз рассмотреть вопрос о Патриархе Тихоне. П. Г. Смидович отчитался о своей беседе с Патриархом. Анализ протоколов АРК показывает, что многие решения этой комиссии в протокол не

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 197. Согласно Богослужебному дневнику, 12 августа Патриарх совершил литургию и поднятие Креста в храме Введения в Семеновской // Богослужебный дневник... С. 108.

[2] *Маякова И. Я.* Иоанн (Братолюбов) // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 381.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 81.

[4] Богослужебный дневник... С. 108.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 200.

вносились, так что, возможно, существовало решение о временной изоляции Патриарха, не отраженное в протоколе.

Патриарх Тихон, понимая, что у него нет возможности обращаться к верующим открыто через печать, делает это с помощью живой проповеди. Летом 1923 г. Патриарх служил очень часто, практически ежедневно, нередко совершая по два богослужения в день. Только за период с 28 июня по 1 сентября 1923 г., согласно материалам дела Патриарха Тихона, он совершил около 50 богослужений. Причем речь идет только о тех богослужениях, о которых было известно ГПУ благодаря постоянному наблюдению за Патриархом.

Сразу же после освобождения, во время проповеди в Донском монастыре Патриарх сказал о том, что для Церкви необходимо «отмежеваться от политики»[1]. Патриарх указал на истинную задачу Церкви: «...сеять учение Христа о мире всего мира, о братстве, о всепобеждающей любви»[2].

В этот период Патриарх практически ежедневно вел прием священнослужителей. Он принимал до 50 человек ежедневно. В беседах со священниками Патриарх излагал свое видение ситуации, наставлял, вразумлял. Материалы наблюдений за Патриархом показывают, что у ГПУ не было возможности прослушивать эти беседы. Наблюдатели присутствовали на всех службах Патриарха и тщательно фиксировали разговоры, которые велись среди верующих. Их донесения свидетельствовали о том, что авторитет Патриарха возрастает, а обновленцы окончательно дискредитированы в глазах верующих.

§ 8. Изоляция Патриарха Тихона (15–18 августа 1923 г.)

15 августа, в день памяти Василия Блаженного, Патриарх должен был служить в Покровском соборе на Красной площади. Как обычно, Патриарх выехал к 10 часам на службу, что было зафиксировано наблюдателями ОГПУ в монастыре, причем до времени окончания наблюдения (до 17 часов) Патри-

[1] Акты... С. 285–286.
[2] Там же. С. 286.

арх в монастырь не возвращался[1]. Однако власти не разрешили Патриарху совершать богослужение под стенами Кремля. Наблюдатель в самом храме Василия Блаженного писал: «По слухам Тихон заболел»[2]. Богослужение возглавил епископ Иларион. Услышав, что Патриарх Тихон не приедет, многие ушли. Интересно, что в этот же день по Москве были разбросаны и расклеены листовки, несколько экземпляров которых нашли милиционеры, о чем по линии ГПУ было доложено в центральный аппарат. В тексте говорилось: «Сообщение русскому народу. Патриарх Тихон расстрелян Советской Властью в союзе с попами и иностранцами 26 апреля 1923 г., а сейчас сидит подделанный, тайно выбранный ими»[3]. Очевидно, эта провокация задумывалась или обновленцами, или в ОГПУ. Ясно одно: на Патриарха и епископа Илариона было оказано сильное давление. Вероятно, они имели длительную беседу в ГПУ с Е. А. Тучковым.

16 августа Патриарх не служил и не вел приема, дежурный наблюдатель в монастыре его не видел[4].

В тот же день И. В. Сталин подписал циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30 «Об отношении к религиозным организациям». За всю историю довоенного периода он стал самым «процерковным» актом властей. Проект, подготовленный П. Г. Смидовичем, в сокращении был отредактирован И. В. Сталиным. В циркуляре говорилось о случаях нарушения прав верующих местными органами власти: «ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и к их культам»[5]. Циркуляр запрещал закрытие церквей «по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации», за неуплату налогов, аресты «религиозного характера», если они не связаны с контрреволюционными деяниями[6]. Циркуляр предостерегал от гонений

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 83.
[2] Там же. Т. 4. Л. 201.
[3] Там же. Л. 198.
[4] Там же. Т. 5. Л. 84.
[5] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 414–415.
[6] Там же. С. 416.

на верующих, так как «гонения только укрепляют религиозные предрассудки»[1].

То, что автором основной части документа является И. В. Сталин, установил в результате текстологического анализа исследователь С. Г. Петров:

«В результате проведенного текстологического анализа можно сделать вывод о том, что первый проект циркуляра в ЦК РКП(б) («т. Сталину лично») прислал член АРК П. Г. Смидович, хотя Политбюро поручило составить его Н. Н. Попову. На основе этого проекта неизвестным лицом была создана вторая редакция текста данного документа, по сути, второй проект, после серьезной правки которого сформировался окончательный вариант циркуляра, отправленный типографским листком на места. Согласно анализу редакторской правки документа, ее можно однозначно атрибутировать как принадлежащую Сталину. По всей видимости, именно правщик привнес в циркуляр ранее отсутствовавшее в нем пояснение, что незаконные действия в отношении верующих ведут к срыву „достижений партии в области разложения церкви и рискуют сыграть на руку контрреволюции“»[2]. То, что этот документ был утвержден Политбюро[3], говорит о намечавшемся повороте в отношении религиозных организаций, что соответствовало интересам И. В. Сталина во внутриполитической борьбе с Л. Д. Троцким. Однако циркуляр фактически саботировался на местах.

17 августа 1923 г. в Политехническом музее состоялось публичное выступление архиепископа Илариона на тему: «Тихоновцы и обновленцы». В нем он охарактеризовал все обновленческие группы как раскольничьи и антиканонические, кроме того, осудил решение обновленческого собора 1923 г. о снятии сана с Патриарха Тихона[4].

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 415–416.

[2] *Петров С. Г.* Документы делопроизводства. С. 384.

[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 414.

[4] См. об этом: *Сафонов Д. В.* Публичные диспуты свт. Илариона с обновленцами // Альфа и Омега. 2005. № 2 (43). С. 166–184. То же: http://www.pravoslavie.ru/sm/5824.htm; *Сафонов Д. В.* Академическое служение сщмч. Илариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством: (По материалам публичных диспутов в Политехническом музее) // Богословский вестник, издаваемый МДА. Сергиев Посад, 2006. № 5/6 (2005–2006). С 335–370.

18 августа, в субботу, Патриарх не служил. В Богослужебном дневнике указано, что он совершил всенощную в Донском монастыре[1], однако наблюдатель в самом храме указал, что служил другой епископ[2].

Вообще с момента выезда Патриарха утром 15 августа до 19 августа его имя в сводках наблюдения не упоминается. В Москве появились слухи, что Патриарх арестован. Один из наблюдателей ОГПУ докладывал: «Доношу, что среди населения идут слухи, что бывш[ий] Патриарх Тихон не служит, потому что он арестован, а не больной»[3]. Таким образом, по официальной версии причиной отмены богослужений было недомогание Патриарха.

Протопресвитер В. Виноградов писал, что Е. А. Тучков практиковал короткие аресты членов ВЦУ: «Под постоянным гнетом таких неприемлемых к исполнению требований ни один член Патриаршего Управления, идя утром в Управление, не мог быть уверен, что он не будет там арестован за участие в нелегальном учреждении или что он не найдет патриаршее помещение уже запечатанным. Под таким же страхом находились и все посетители Патриаршего Управления. Помимо того, Тучков время от времени вызывал к себе в помещение ГПУ то одного, то другого члена Управления, а прежде всего архиереев, и требовал от них согласия на проведение того или другого его требования, и в случаях несогласия арестовывал на одну, две или три ночи. И такая игра „кошки с мышкой“ с Патриаршим Управлением продолжалась до самой кончины патриарха»[4]. Такому кратковременному аресту мог быть подвергнут в эти дни и Святейший Патриарх Тихон.

18 августа в газете «Известия ВЦИК» (№ 186) было опубликовано подписанное явно под давлением Послание Патриарха и членов Синода, архиепископов Тихона (Оболенского) и Серафима (Александрова), а также епископа Илариона (Троицкого). В нем говорилось:

«Ныне Церковь решительно отмежевалась от всякой контрреволюции. Произошла социальная революция. Возврат к прež-

---

[1] Богослужебный дневник... С. 108.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 86.

[3] Там же. Т. 4. Л. 205.

[4] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 15.

нему строю невозможен. Церковь не служанка тех ничтожных групп русских людей, где бы они ни жили – дома или за границей, – которые вспомнили о Ней только тогда, когда были обижены русской революцией, и которые хотели бы Ею (Церковью) воспользоваться для своих личных политических целей. Церковь признает и поддерживает Советскую власть, ибо нет власти не от Бога. Церковь возносит молитвы о стране Российской и о Советской власти. Православные епископы убеждены, что смута церковная прекратится только тогда, когда будет восстановлен канонический строй церковного управления и когда верующими в точности будут соблюдаться касающиеся Церкви законы государства. Православное Церковное Управление прежде всего не должно вмешиваться в жизнь тех общин, которые не выразят свободного и добровольного согласия подчиниться его руководству. Православные общины, сознающие необходимость для них иметь законнопреемственную иерархию, сами вступят в духовный свободный союз с Православным Церковным Управлением... Церковь переживает важный исторический момент. Священники обязаны подробно выяснять себе и своим пасомым, что Русская Православная Церковь ничего общего не имеет с контрреволюцией. Долг пастыря довести до сознания широких масс верующего народа о том, что отныне Церковь отмежевалась от контрреволюции и стоит на стороне Советской власти»[1].

Епископ Иларион как управляющий Московской епархией 18 августа 1923 г. обратился к верующим с воззванием, в котором отмечалось:

«Православные люди! Около храмов, где служит Святейший Патриарх Тихон, происходят ожесточенные споры и столкновения. Бывали даже случаи насилия. А что всего хуже, так это то, что ведутся речи контрреволюционного содержания. Все это совершенно недопустимо. Врагам нашего строя, разного рода черносотенцам, нет места около Святейшего Патриарха, который ясно всем сказал, что он ничего общего с контрреволюцией не имеет. В богослужении совершаются только молитвы. Злые и ненужные политические разговоры, а тем более всякое насилие, совершаемое возле храма, оскорбляют храм и набрасывают тень

[1] Акты... С. 297–298.

и подозрение на Святую Церковь и ее служителей. Прошу и умоляю православных людей никогда не бесчинствовать, особенно около храмов. В ком горят политические страсти, тот лучше оставайся дома. Упорные же нарушители мира и порядка да знают, что таковых мы будем отлучать от Святого Причащения, как не щадящих Святой Церкви и позорящих ее. Управляющий Московской епархией – Епископ Иларион»[1].

Послание было также вызвано давлением властей, озабоченных значительным падением обновленческого влияния в Москве. Послание епископа Илариона и обращение «От епископов Русской Православной Церкви» должны были подчеркнуть лояльность к власти Патриаршей Церкви, что было важно, так как послание Патриарха о недействительности обновленческих хиротоний могло быть воспринято как антисоветское. В связи с тем, что послание Патриарха не было обнародовано, два других послания не стали распространять, поэтому они сохранились только в отрывках.

§ 9. Активизация обновленчества в условиях вынужденной самоизоляции Патриарха (19–27 августа 1923 г.)

Активное служение Патриарха очень разозлило обновленцев. Владимир Путята в августе 1923 г. направил своему покровителю А. В. Луначарскому для пересылки в Политбюро записку-«резюме», где писал: «...достаточно присмотреться к контингенту молящихся за службами „папы“ и особенно до сих пор еще свободно действующего во славу реакции „вождя-громилы“ Илариона...»[2]. С 19 августа богослужения Патриарха стали более редкими, он должен был каждый раз заранее получать в ГПУ разрешение на службу.

19 августа, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Преображения Господня на Сретенке.

---

[1] Цит. по: *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 321.

[2] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 158. Л. 31.

Наблюдатель из ОГПУ, который вел наблюдение только в Донском монастыре*[22], в этот день начал наблюдение в 9 часов «по месту богослужения быв[шего] Патриарха на Сретенке у Храма Преображения»[1]. Наблюдатель писал: «Народ стал стекаться к 10 час[ам]. Когда приехал б[ывший] патриарх церковь была переполнена»[2]. Другой наблюдатель из МГО ОГПУ сообщал, что служба началась в 10 часов, как об этом и объявил накануне на всенощной совершавший ее епископ Иларион. Отмечается особая радость верующих, встречавших Патриарха[3]. Было много тех, кто «приходили только взглянуть на Патриарха и тут же уходили»[4].

В 13 часов Патриарх окончил службу и, не совершая ни молебна, ни благословения народа, уехал в Донской монастырь. До 28 августа из монастыря на служения он не выезжал, что, видимо, было обусловлено отсутствием разрешения из ОГПУ.

20 августа Патриарх приема не вел[5].

21 августа Патриарх вел прием только с 11 до 14 часов, приняв не более 15 священников[6]. Патриарх работал с документами и произвел несколько архиерейских назначений. Резолюция Святейшего Патриарха от 21 августа 1923 г. касалась принятого из обновленчества епископа Иннокентия (Летяева): «Преосвящ[енный] Иннокентий, б[ывший] епископ Клинский, назначается на Черноморскую кафедру с местожительством в г. Краснодаре при Ильинской церковной общине»[7]. Епископу Елисаветградскому Онуфрию (Гагалюку) было поручено «управление православными Кривого Рога с подчинением правящему епископу Екатеринославской епархии»[8].

21 августа состоялось заседание обновленческого Синода во главе с «митрополитом» Евдокимом. А. Левитин-Краснов писал: «Обратиться с воззванием ко всем верующим от имени Святейшего Синода и старейших иерархов Православной Церкви с призывом к миру и единению, с осуждением действий бывшего

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 87.
[2] Там же.
[3] Там же. Т. 4. Л. 203.
[4] Там же.
[5] Там же. Т. 5. Л. 88.
[6] Там же. Л. 89.
[7] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 102.
[8] Там же. Д. 223. Л. 1.

патриарха Тихона, ведущего Церковь по пути раскола церковного и на новую кровавую Голгофу»[1].

22–24 августа Патриарх также не служил, ведя прием посетителей и работая с бумагами[2].

25 августа, в субботу, в 12 часов состоялось наречение архимандрита Гавриила (Красновского) во епископа Клинского, викария Московской епархии. Наблюдатель описал это так: «Было объявлено, что собором пастырей Московской епарх[ии] от[ец] Гавриил избран в сан епископа Московской епархии, потом новый епископ держал речь, потом просил благословления Тихона и прочих архипастырей. Тихон благословил и вместе с присутствующими пропел ему многое-лета»[3].

Вечером Патриарх возглавил всенощную в Донском монастыре. Планировалось, что всенощная пройдет в храме Воскресения Христова в Сокольниках, но ГПУ не дало на это разрешение. В сводке ГПУ говорится: «Назначенная всенощная, которую должен совершать патриарх Тихон с многочисленным духовенством в храме Воскресения Христова, что в Сокольниках, не состоялась, а служба перенесена в Донской монастырь... собралось много народа, но узнав, что Тихон не будет служить[,] стали расходиться»[4]. Верующие объясняли то, что Патриарх не приехал служить, запретом со стороны ГПУ[5].

Снижением активности деятельности Патриарха власти решили воспользоваться, чтобы усилить позиции обновленцев. Их лидерам – епископу Антонину и А. И. Введенскому – предоставлялись лучшие залы для лекций и антипатриаршей пропаганды. Так, 20 августа Антонин, выступая в театре Зимина, обрушился на Патриарха Тихона с заявлением о своем непризнании «тихоновского раскаяния, что Патриарх борется с Живой церковью из-за власти»[6]. ГПУ поставило перед новым обновленческим руководством главной задачей «борьбу с Тихоном и Тихоновщиной – методом авторитетного воздействия на

---

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 341.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 91.

[3] Там же. Л. 92.

[4] Там же. Т. 4. Л. 204.

[5] Там же.

[6] Там же. Л. 345.

верующих, с этой целью Синод дает отпуски и отставки тем попам и епископам[,] имена коих были для верующих совершенно идеозны, в первую очередь пошел в отставку АНТОНИН, а затем в бессрочный отпуск КРАСНИЦКИЙ и вместо их Синод ставит старых быв[ших] Тихоновских архиереев, имеющих 20–30 лет архиерейской практики и борьба принимает серьезный характер»[1]. Против этих архиереев, отмечалось в «Обзоре политико-экономического состояния СССР», «ни миряне, ни тихоновцы спорить не могут». Там же отмечалось, что «авторитет Синода укреплялся и число его сторонников среди духовенства растет, ввиду чего раскол в церкви можно считать совершившимся фактом»[2]. В отчетном докладе Е. А. Тучков отмечал, что «привлечение ЕВДОКИМОМ таких архиереев и попов без нашего негласного содействия было бы равно нулю, но благодаря всего того же осведомления приток оказался в весьма внушительных, так[,] например[,] к настоящему времени у синода одних только епископов насчитывается более 200 человек»[3]. В другом докладе «о церковниках», 18 сентября, Е. А. Тучков писал: «Таким образом, раскол между тихоновцами и обновленцами все становился серьезнее и серьезнее. И к настоящему времени эти две определенно враждебные между собой группы, считающие одна другую „раскольниками“, окончательно и непримиримо раскололись»[4].

Отказавшись от многих реформ, обновленцы позиционировали себя уже не как обновленную церковь, а как «советскую» церковь. Именно «контрреволюционность» Патриарха Тихона они использовали в качестве основного аргумента в полемике с Патриаршей Церковью. 24 августа 1923 г. Синод выпустил циркуляр, в котором перечислялись репрессии властей по отношению к Патриарху Тихону как «контрреволюционеру», и говорилось, что «поминовение имени Тихона за богослужением есть акт, представляющий возможность привлечь таких лиц к уголовной ответственности по ст. 68 уг[оловного] кодекса»[5].

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 111; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 404.

[2] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1: 1922–1923 гг., ч. 2. С. 925.

[3] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 404.

[4] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 4.

[5] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 119 об.

Циркуляр предписывал всем епархиальным управлениям немедленно прекратить вознесение за богослужением имени Патриарха Тихона. Вместо его имени предписывалось поминовение по следующей формуле: «Вселенские Православные Патриархи, Высшее Церковное Управление, преосвященные епископы, честное пресвитерство, во Христе диаконство и весь причт и люди...»[1]. Настоящую формулировку предписывалось незамедлительно объявить через благочинных всему духовенству епархии и неуклонно исполнять. Циркуляр был подписан лично заместителем председателя Совета протоиереем В. Красницким[2].

§ 10. Именины Патриарха Тихона (26 августа 1923 г.)

26 августа, в воскресенье, Святейший отмечал День Ангела. Литургию он совершил в сослужении восьми епископов[3] в Донском монастыре. В 10 часов Патриарх вышел из своих покоев, его встречали архиереи и духовенство.

Во время литургии состоялась хиротония епископа Гавриила (Красновского), а также священника и диакона[4]. Наблюдатель сообщает: «Было роздано попам много наград, чествования как именинника Тихона в церкви не было»[5].

Сообщается также о произошедших во время службы проявлениях беснования: «За обедней были кликуши, которые себя выявили криком во время причастия и умолкали только тогда, когда Тихон их благославлял»[6].

После службы, в 14 часов 30 минут, Патриарх вышел из храма вместе с епископом Гавриилом. Наблюдатель сообщает: «С трудом пробирается через толпу, старающуюся приложиться к его руке»[7]. Патриарху возглашают многолетие и дарят цветы. В покоях и возле них собралось более 500 человек. Среди веру-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 119 об.
[2] Там же.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 204.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же. Т. 5. Л. 93.

ющих ходят разговоры о том, что литургию в этот день Патриарх должен был служить в Сокольниках, но ему не разрешило ГПУ. В сообщении упомянут также некий блаженный старец, который на вопрос, кто ему подарил посох, ответил, что Патриарх Тихон[1]. Народу на богослужении было меньше обычного. Это объясняется тем, что верующим объявили о том, что служба будет в Сокольниках. Люди комментировали это так: «Тихон все равно урвет момент побывать в народе своем»[2].

В этот же день, вероятно, вечером состоялась встреча архиепископов Серафима (Александрова), Илариона (Троицкого) и Тихона (Оболенского) с Евдокимом (Мещерским). Сохранилась копия письма трех вышеназванных архиереев «митрополиту» Евдокиму, датированного 10 ноября 1923 г. и повествующего об истории этих переговоров. Из письма следует, что, получив от Евдокима приглашение, эти три архиерея 26 августа 1923 г. с благословения Патриарха, по их словам, «вели лишь предварительные переговоры» для ознакомления с предложениями Евдокима, которые они «обязаны были потом повергнуть на благоусмотрение Святейшего Патриарха и на обсуждение Православных епископов»[3]. Далее архиереи добавляют:

«Вполне понятно, что принимать какие-либо условия в виде резолюций до выяснения взглядов... епископов едва ли можно, не имея на то никакого права и никаких полномочий; мы тогда же... в самой решительной форме заявляли, что никаких резолюций принимать мы не можем.

На нашем совещании 26 августа и не было принято никаких постановлений, не было вынесено никаких резолюций, не было даже ни составлено, ни подписано никакого протокола. Высказанные Вами пожелания (об отречении Патриарха. – *Авт.*)... разумеется, нас ни к чему не обязывали»[4]. Так же описывает ситуацию и другой очевидец событий, протопресвитер В. Виноградов, тоже участвовавший в этой встрече: «Пытаясь всякими способами подорвать авторитет патриарха и его ближайших со-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 93.

[2] Там же. Л. 93 об.

[3] *Кривошеева Н. А.* Кто является распространителем ложных слухов? // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 6. С. 116.

[4] Там же. С. 116–118.

трудников в глазах народа, он (Евдоким Мещерский. – *Авт.*)... уведомил патриарха, что... желает войти в переговоры о примирении... с патриархом. <...> На этом заседании архиеп[ископ] Евдоким, к изумлению патриаршей депутации, повел речь совсем не о „примирении" его и обновленцев с патриархом, а о том, что патриарх ради мира и блага Церкви должен отречься от власти и что члены патриаршей депутации должны сделать патриарху в этом смысле предложение. Депутация, выслушав длинную речь архиепископа Евдокима, с трудом подавляя свое негодование, ответила, что ей поручено вести переговоры о примирении Евдокима и обновленцев с патриархом, обсуждать же вопрос об отречении патриарха она никак не уполномочена и не может...»[1]. Патриарх, как передает протопресвитер В. Виноградов, отреагировал следующим образом: «Так я и предполагал обман; от Евдокима другого и ожидать было нельзя»[2].

§ 11. Покаяние митрополита Сергия (Страгородского) (27 августа 1923 г.)

27 августа был подписан указ о возведении в сан архиепископа епископа Илариона (Троицкого). Недавно благодаря усилиям благочинного Сретенского монастыря иеромонаха Иоанна (Лудищева) указ был найден и опубликован: «Святейший Патриарх и временное Высшее церковное управление при нем, принимая во внимание ревностное и усердное служение Церкви Божией преосвященного Илариона, управляющего Московской епархией, постановили:

– наградить преосвященного Илариона, управляющего Московской епархией, саном архиепископа 27 августа 1923 года.

[Подписи] патриарх Тихон; Серафим, епископ Тверской, и архиепископ Уральский Тихон»[3].

---

[1] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 11.

[2] Там же. С. 12.

[3] *Иоанн (Лудищев), иером.* События церковной жизни 1923 года и Сретенский монастырь // http://www.pravoslavie.ru/sm/54512.htm со ссылкой: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 242. Л. 38.

27 августа Патриарх совершил всенощное бдение в Донском монастыре, где принял покаяние митрополита Сергия (Страгородского)[1].

Таким образом состоялось восстановление в церковном общении митрополита Сергия, который вскоре на долгие годы займет главенствующие позиции в управлении Церковью. «Даниловцы» были уверены, что его возвращение в лоно Патриаршей Церкви является реализацией замысла ГПУ, направленного на окружение Патриарха подконтрольными этой организации архиереями. А. Д. Самарин сообщал: «Уже давно Тучков настаивал на введении в патриаршее управление обновленческих Епископов. Уступая этим настояниям, Патриарх принял в общение после публичного покаяния Митр[ополита] Сергия и тотчас же пригласил его войти в состав своего синода»[2].

По всей видимости, митрополит рассчитывал, что его примут без всякого покаяния. В феврале 1925 г. архиепископ Финляндский Серафим (Лукьянов) сообщал митрополиту Антонию (Храповицкому) о сведениях, полученных им от московского духовенства, о покаянии митрополита Сергия: «Митрополит Сергий просил патриарха благословить ему служить с ним в Донском. Патриарх отказал, ссылаясь на то, что он был в „живой“ церкви. Митрополит Сергий стал доказывать, что он не согрешил, и патриарх согласился допустить его к служению без публичного покаяния»[3].

Согласно показаниям епископов-«даниловцев», вопрос о принятии митрополита Сергия ими обсуждался на закрытом совещании епископата[4]. Епископ Амвросий (Полянский) показывал в 1926 г.: «Беседы у нас в Данил[овом] м[онасты]ре были в порядке обмена мнений; в отношении митрополита Сергия вопрос ставился так: согрешил ли он признанием ВЦУ или нет, о чем было обнародовано в журнале „Живая церковь“ и о моем служении с ним»[5]. Очевидно, имелся в виду вопрос о том, может ли

---

[1] Богослужебный дневник... С. 109.

[2] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 63.

[3] Крестный путь патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников: (К 50-летию со дня кончины) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 63.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 246.

[5] Там же. Л. 190.

епископ Амвросий сослужить с митрополитом Сергием всенощную 27 августа 1923 г., к служению которой последний был допущен после покаяния.

«Даниловский синод», согласно обвинительному заключению в деле митрополита Петра (Полянского) от 1926 г., составляли епископы Амвросий (Полянский), Николай (Добронравов), Парфений (Брянских), Дамаскин (Щедрик), Герман (Ряшенцев), Прокопий (Титов), Гурий (Степанов)[1]. Согласно письму в совещании участвовали 27 архиереев. Практика таких совещаний подтверждается источниками. В сводке ГПУ по 6-му отделению от 27 сентября говорится: «Временами в Донском монастыре устраиваются так называемые епископские советы, число участников которых доходит до 10–12 епископов»[2].

На совещании «конспиративного синода» в Даниловом монастыре было принято решение настаивать в ультимативной форме на публичном покаянии митрополита Сергия. Патриарху приходилось считаться с мнением епископов-«даниловцев» во главе с епископом Феодором (Поздеевским), который зачастую давал негативную оценку действиям самого Патриарха.

Архиепископ Серафим (Лукьянов) писал митрополиту Антонию (Храповицкому) в цитированном выше письме: «Когда митрополит Сергий явился в Донской и стал надевать мантию, дабы вместе с другими архиереями идти навстречу патриарху (там завелся такой порядок)*[23], то архиереи заявили ему, чтобы он не выходил навстречу и не служил с патриархом. Он стал ссылаться на благословение патриарха*[24], тогда они заявили ему, что если он будет служить, то они все и священники не будут служить и оставят их вдвоем, так как решение, данное патриархом, считают незаконным. Вместе с тем они предложили митрополиту Сергию сначала принести публичное покаяние, а потом уже служить. Митрополит Сергий вынужден был подчиниться. Вообще тут вышло очень скандальное дело, и митрополит Сергий сильно уронил себя»[3]. В послевоенные годы это событие стало подаваться в ином, благоприятном для митрополита Сергия ключе.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 254.

[2] Там же. Л. 348.

[3] Крестный путь патриарха Сергия. С. 63.

Митрополит Мануил (Лемешевский) сообщает некоторые подробности покаяния:

«Он договорился с первоиерархом, и в день праздника Успения Пречистыя Богородицы в Донском монастыре за 3-м часом вышел величественный седой старец, без панагии в простом монашеском клобуке, следом за ним несли на блюде панагию с крестом и белый клобук и особь посох святительский. <...> Свят[ейший] Патриарх Тихон... обставил чин покаяния и приема митрополита Сергия в соответствующей величественной обстановке, давившей на его неложное смирение и сокрушение сердечное.

И вот, этот отец всех чаяний русской современной богословской мысли... стоит на амвоне, лишенный моментом покаяния и архиерейской мантии, и клобука, и панагии, и креста... Кланяется низко Святейшему Тихону, восседавшему на кафедре, в сознании своего полного уничижения и признанной им вины приносит он дрожащим от волнения на этот раз негромким голосом свое покаяние. Он припадает до пола и в сопровождении патриарших иподиаконов и архидиакона тихо сходит с солеи и приближается к вершителю его судьбы, к кроткому и всепрощающему Свят[ейшему] Тихону. Снова земной поклон. Постепенно вручаются ему из рук Святейшего панагия с крестом, белый клобук, мантия и посох. Патриарх Тихон в немногих словах тепло[,] со слезами приветствует своего собрата во Христе взаимным лобзанием и, прерванное чином покаяния, чтение часов возобновляется. <...> Митрополит Сергий участвует в сослужении с Патриархом Тихоном за Божественной всепримиряющей литургией»[1]. Нужно сказать, что сам митрополит Мануил на этой церемонии не присутствовал, поэтому некоторые детали повествования могут не соответствовать действительности. Так, он сообщает неверную дату события – 28 августа, а не 27-е, как об этом говорят другие источники. Вероятно, митрополит Сергий сослужил Патриарху и 28 августа.

Мнение о том, что митрополит Сергий сразу получил от Патриарха назначение на Нижегородскую кафедру, не соответствует действительности: слишком велико было недовольство митрополитом среди епископата. Управляющим Нижегородской епархией

---

[1] *Мануил (Лемешевский), митр.* Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897–1957 гг.): В 6-ти т. Т. 6. С. 129–133. Машинопись.

Патриарх Тихон в 1923 г. утвердил викарного епископа этой епархии Филиппа (Гумилевского)[1], которого митрополит Сергий сменил только в марте 1924 г., о чем будет сказано ниже. Очевидно, до этого времени митрополит продолжал жить в Москве, но нет никаких упоминаний о его сослужениях с Патриархом в этот период. Нет данных и об участии митрополита в деятельности Синода. Вероятно, против его вхождения в Синод резко возражали «даниловцы» и митрополит Сергий не был включен в состав Синода до мая 1924 г., до того, как ОГПУ арестовало большинство «даниловского» епископата.

§ 12. Совещание 27 архиереев в Михайловском храме Донского монастыря (29 августа 1923 г.)

28 августа, во вторник, в праздник Успения, Патриарх совершил литургию в храме Богоявления в Елохове[2]. Архимандрит Гервасий (Малинин) был хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Ахтырского, викария Ставропольской епархии*[25].

29 августа, в среду, еще до 9 часов 20 минут, когда началось наблюдение[3], Патриарх уехал в Московскую губернию. Он совершил всенощную и чин погребения Божией Матери в храме Василия Исповедника в Новой Деревне. Такой дальний выезд был разрешен ОГПУ в связи с тем, что планировалось проведение совещания епископов в Донском монастыре, на котором присутствие Патриарха было нежелательно. Причиной было то, что в этот день власти попытались реализовать план устранения Патриарха с помощью части епископата. В копии письма архиепископов Серафима (Александрова), Илариона (Троицкого) и Тихона (Оболенского) «митрополиту» Евдокиму от 10 ноября 1923 г. говорится о переговорах с Евдокимом 26 августа и совещании 29 августа[4].

---

[1] *Горбатовский Н., свящ.* Деятельность приходских общин Русской Православной Церкви в период 1918–1930 годов: (На примере Нижегородской епархии): Дипломная работа. Сергиев Посад: МДА, 2002. С. 59.

[2] Богослужебный дневник... С. 110.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 96.

[4] *Кривошеева Н. А.* Кто является распространителем ложных слухов? С. 116–118.

М. Е. Губонин приводит имена некоторых участников совещания:

«...1. Тихон [Оболенский], архиепископ Уральский и Покровский[.]

2. Серафим [Александров], архиепископ Тверской и Кашинский[.]

3. Петр [Полянский], митрополит Крутицкий*[26] [.]

4. Иларион [Троицкий], архиепископ Верейский, в[ременно] у[правляющий] Московской епархии[.]

5. Пахомий [Кедров], архиепископ Черниговский и Нежинский[.]

6. Амвросий [Полянский], епископ Каменец-Подольский[.]

7. Борис [Рукин], епископ Можайский*[27] [.]

8. Вассиан [Пятницкий], епископ Новогеоргиевский[.]

9. Парфений [Брянских], епископ Ананьевский[.]

10. Гервасий [Малинин], нареченный епископ Арзгирский...»[1].

По замыслу ГПУ некоторыми епископами был поднят вопрос об уходе Патриарха на покой. Три указанных выше архиерея, как говорится в их письме Евдокиму, рассказали о предложении Евдокима архиерейскому совещанию, проходившему 29 августа в Донском монастыре. Власти пытались добиться ухода Патриарха на покой через архиепископа Серафима (Александрова). По данным 6-го отделения СО ОГПУ, этот архиерей был «сторонником объединения с обновленцами»[2].

Архиепископ Серафим (Александров) сказал собравшимся архиереям:

«Богомудрые архипастыри, мы только что сейчас, в качестве трех уполномоченных Святейшим патриархом Тихоном лиц, были у Высокопреосвященнейшего митрополита Евдокима, где около двух часов беседовали с ним обстоятельно по вопросу о ликвидации нашего церковного разделения. Высокопреосвященнейший митрополит Евдоким предложил нам обсудить три вопроса по этому делу безотлагательно, принципиально, с коими мы согласились. Это:

1. Согласны ли мы на примирение с ним. Если мы согласны, то надо:

---

[1] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 208–209.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 352.

2. Завести сношения и начать совместную подготовительную работу к предстоящему Поместному Собору.

3. Поместный Собор открывает Святейший патриарх Тихон. На этом Соборе патриарх Тихон должен отказаться от управления церковью и уйти на покой.

Если мы согласны будем провести это в жизнь, то высокопреосвященный Евдоким дал нам обещание, что патриарх Тихон будет на Соборе ими восстановлен в сущем сане»[1].

Многие епископы, в частности Амвросий (Полянский), осудили архиепископа Серафима за признание Евдокима в сущем сане и желание пойти ему навстречу. Епископ Гервасий (Малинин), позже уклонившийся в обновленчество, так передавал слова архиепископа Илариона (Троицкого): «...другого выхода нет как только одно – подойти к Священному Синоду РПЦ, договориться с обновленцами, не нарушая канонических устоев Православной Российской Церкви. Все наше разделение... основано на недовольстве некоторыми иерархами и православными мирянами личностью Патриарха Тихона»[2]. Патриарх Тихон, по данным этого источника, сказал архиепископу Серафиму (Александрову) и другим архиереям: «Надоел я вам, братцы, возьмите метелку и гоните меня»[3]. Однако большинство архиереев высказались против отстранения Патриарха и объединения с обновленческим Синодом: «Закрытой баллотировкой проект примирения и соединения с обновленцами большинством голосов был провален и собрание закрыто»[4].

Аналогичные слухи распространял в августе 1923 г. секретарь обновленческого Синода А. И. Новиков (Айзенштейн): «...заявление председателя диспута и секретаря Священного Синода Новикова о том, что Иларион вместе с другими архиереями приходил ночью (из боязни своих) в Синод и вел там переговоры о примирении с живоцерковниками и об отправлении Тихона на житье в какой-нибудь отдаленный монастырь (этого заявления Иларион не смог своевременно опровергнуть, так как оно

---

[1] Цит. по: *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 350.

[2] Там же. С. 351.

[3] Там же.

[4] Там же.

было сделано Новиковым уже по уходе Илариона)...»[1]. Опровергая эти слухи, архиепископ Иларион «заявил, что он причастится скорее с коммунистом, чем с живоцерковником»[2].

Власти с помощью обновленцев попытались изобразить дело так, что совещание все-таки вынесло решение об уходе Патриарха на покой. Вот как об этом пишут архиереи в названном письме: «...в тот самый день, 29 августа, когда мы предлагали высказанные Вами пожелания на обсуждение Собора 27 епископов, Вы писали на имя своего рязанского цер[ковного] управления: „В Донском началось полное разложение и смятение. Тихон прислал уже к нам трех депутатов с просьбой о перемирии и примирении. На объединенном заседании даже его сторонники вынесли резолюцию: 'сложить все полномочия и отдать себя на суд Собора епископов'. Резолюция уже вручена Тихону“»[3]. Через несколько дней в газетах появилось интервью Евдокима, в котором он «заявил, что будто бы теперь „даже такие ближайшие сотрудники патриарха, как епископ Иларион, пришли к убеждению в необходимости, ради пользы Церкви, отречения патриарха от власти и что они уже уговаривали патриарха согласиться на это отречение“»[4].

Для обновленческих иерархов и их кураторов в ОГПУ самым главным было добиться удаления Патриарха. А. И. Кузнецов писал: «Обновленцы шли на уступки и готовы были предложить женатым епископам отпустить от себя своих жен или уйти на покой, без права служения архиерейским чином. Второбрачных же готовы были лишить сана. Но они упорно требовали отказа Святейшего Патриарха от управления Церковью и удаления на покой до созыва нового Поместного Собора в Гефсиманский скит или иную обитель. Новый Собор должен был пересмотреть все дело Патриарха и вынести свое объективное решение. Потом, в ходе переговоров[,] они хотели, чтобы при Патриархе, если он останется или будет избран другой, всегда состоял и действовал Священный Синод, и чтобы этот Синод ограничивал Патриарха

---

[1] Религиозные диспуты в Москве в 1923 году. С. 220.

[2] Там же.

[3] Кто же является распространителем «ложных слухов»? С. 116.

[4] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 12.

в его функциях и он без обсуждения в Синоде не решал никаких дел»[1]. Сторонников удовлетворения этих требований среди епископата было немного, поэтому переговоры с обновленцами ни к чему не привели.

Архиепископ Иларион в тактических целях придерживался политики компромиссов в отношениях с властями. Стоя на позициях лояльности к власти, он всеми силами боролся с обновленчеством. Однако это не означает, что среди епископата в это время не было сторонников отречения Патриарха. А. Д. Самарин констатировал: «Этот обновленческий синод вошел в сношения с патриаршим синодом и предложил ему удалить Патриарха на покой. Это предприятие, нашедшее себе сочувствующих и в патриаршем управлении, разбилось о стойкость Патриарха, который решительно отказался покинуть свой пост»[2]. Устранение Патриарха, по его словам, было одной из задач ГПУ: «Влияние, приобретенное ГПУ, нужно ему для разрушения Церкви ее собственными руками. Хорошо понимая значение Патриаршества и расположение народа к Патриарху, ГПУ стремится подорвать авторитет Патриарха и оттолкнуть от него верующих, чтобы потом устранить и его самого»[3].

М. Е. Губонин упоминает о письме Святейшего Патриарха Тихона епископу Феодору «с выражением признательности за линию поведения архиереев-„даниловцев“ на Малом Соборе епископов, проходившем летом 1923 г. в Михайловском храме Донского монастыря»[4].

Попытка устранения Патриарха подтверждается архивными данными. В «Кратком информационном отчете Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Пленуму ЦК РКП(б) о проделанной работе», составленном между 15 и 25 сентября 1923 г., говорилось: «По инициативе тихоновцев состоялось тайное совещание с участием трех епископов-тихоновцев и двух обновленцев. Было решено, что Тихону необходимо отречься и самоустраниться, и тогда возможно будет объединение. Тихону об этом

---

[1] *Кузнецов А. И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // Обновленческий раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 353–354.

[2] Цит. по: Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 62.

[3] Цит. по: Там же.

[4] Акты... С. 738.

решении сообщили. Он заявил, что вовсе не намерен отрекаться от патриаршего звания, что если его приверженцы не хотят с ним работать, то пусть уходят к обновленцам, а он проживет без них, так как народ любит его, его поддержит и обезпечит»[1]. Здесь описана подлинная позиция Патриарха Тихона, который вовсе не был готов к тому, чтобы его «гнали метелкой» собственные архиереи. Патриарх считал необходимым пресекать попытки прямого неповиновения и непочтения по отношению к нему. Так, в конце сентября 1923 г., по данным следственного дела, «Тихоном за резкий отзыв о себе отстранен с епископства Богородского викарий Московской епархии Никанор (Кудрявцев)»[2].

§ 13. Возвращение Патриарха к активному служению (30 августа – 23 сентября 1923 г.)

31 августа, в пятницу, накануне праздника в честь Донской иконы Божией Матери, Патриарх служил всенощную в Донском монастыре.

Икона крестным ходом была вынесена и поставлена перед храмом для поклонения верующих[3]. Народу собралось не менее 1000 человек.

1 сентября, в субботу, в день праздника Донской иконы Божией Матери, Патриарх совершил литургию в Донском монастыре.

На торжество собралось не менее 2000 человек. Литургия продолжалась до 2 часов дня, а затем Патриарх вышел служить молебен перед Донской иконой. Патриарху сослужил протодиакон Михаил Лебедев*[28], голос которого восхищал всех присутствовавших. Верующие в разговорах выражали восхищение Патриархом и говорили о том, что со временем он привлечет всех

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 423.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 352.
[3] Там же. Т. 5. Л. 98.

русских людей в Церковь[1]. Люди прикладывались к иконе, стоявшей на улице, до 6 часов вечера[2].

2 сентября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме «Большое Вознесение»[3].

4 сентября, во вторник, – литургию в храме Вознесения у Серпуховских ворот[4].

В этот день в Политехническом музее состоялось выступление архиепископа Илариона. Темой стал обновленческий собор 1923 г. В своем выступлении святитель последовательно и методично показал антицерковный и неканонический характер собора, в частности указав на ряд подлогов, осуществленных обновленцами: присвоение группой живоцерковников патриарших полномочий в мае 1922 г.; «подлог общественного мнения – печатание победных реляций о всеобщем якобы обновленчестве»[5]. Он указал также на то, что сторонникам Патриарха Тихона не было разрешено присутствовать на соборе и что в деятельности собора участвовали женатые епископы. Архиепископ указал на полную неканоничность лишения сана Патриарха Тихона, которому даже не был послан вызов на собор. Как отметил архиепископ Иларион, собор «санкционировал все преступления против церкви, совершенные в разное время представителями Живая церковь и прочими обновленцами»[6].

В сообщении сотрудника ГПУ, побывавшего на диспуте, говорится: «Выступивших обновленцев – слушали. Льва*[29] и КРАСОТИНА*[30] прерывали шумом. Обновленцу Серафиму Костромскому*[31] иногда даже аплодировали»[7]. В сообщении другого сотрудника ГПУ, побывавшего на этом диспуте, говорилось:

«В кратком предисловии Илларион сослался на предшествовавшие свои лекции по вопросам церковного обновления. Он лишь указал на характерные по его мнению черты церковного

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 100.

[2] Там же. Л. 98.

[3] Там же. Л. 102.

[4] Богослужебный дневник... С. 110.

[5] *Сафонов Д. В.* Академическое служение сщмч. Илариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством. С. 357.

[6] Там же. С. 362.

[7] Там же. С. 356.

обновления, которые заставить должны отшатнуться от этой чисто раскольнической группы даже лиц, наблюдавших церковную жизнь со стороны и в делах церкви мало заинтересованных.

Эти характерные черты следующие:

1) Подлог полномочий своих, с которого начала инициативная группа белого духовенства „Живая церковь“ – присвоение себе административной церковной [власти] в то время как патриарх согласился лишь на посредничество этих лиц по передаче его, патриарха, канцелярии – намеченному ему заместителю, что не помешало этим лицам присвоить себе власть и ввести в заблуждение других.

2) Подлог общественного мнения – печатание победных реляций о всеобщем якобы обновленчестве, о переходе к обновленцам ряда епископов и т. д.

3) Подлог иерархии – выразившийся в поставлении самочинных архиереев, распоряжении и помыкании остальными епископами.

4) Неканоничное и недопустимое с точки зрения православной церкви поведение с[ъ]езда Живой Церкви, имевшего место в августе 1922 г. На с[ъ]езде – с[ъ]езде узко-партийном, не представлявшем большинства церкви, [–] принят ряд решений крупного характера, проводившихся затем всеми правдами и неправдами в жизнь. В общем отмечается резко-профессиональный характер с[ъ]езда: единая церковная касса*[32], вопрос о вторичных браках духовенства*[33] и т. д. Эти моменты с достаточной яркостью выявили сущность всего обновления. Постепенно все отходят лица, к нему примкнувшие вследствие ли увлечения своего этим движением, примкнувшие ли к нему „страха ради иудейска“ (подлинные слова докладчика – в аудитории смешок)»[1].

Запись лекций архиепископа Илариона велась для того, чтобы затем оказывать на него давление за неосторожные фразы. Особенно болезненно ГПУ относилось к фразам, даже отдаленно похожим на антисемитские.

6 сентября 1923 г. Патриархом Тихоном и архиепископом Иларионом было подписано Постановление Святейшего Патриарха и Священного Синода № 209: «Открыть в г. Оханске Пермской епархии викарную епископскую кафедру, назначить на нее

[1] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 2. Л. 140–140 об.

настоятеля Давидовой пустыни Московской епархии архимандрита Никона (Соловьева) с поручением временного управления Пермской епархией»[1].

Тем же днем датировано Постановление Святейшего Патриарха за № 25: «Открыть в Самарской епархии кафедру викарного епископа в г. Мелекесе и назначить на нее епископа Никольско-Уссурийского Павла (Введенского)»[2].

8 сентября, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме мучеников Адриана и Наталии на Мещанской[3].

9 сентября, в воскресенье, – литургию в храме преподобного Пимена Великого в Сущеве, а также всенощное бдение в Страстном монастыре[4].

10 сентября, в понедельник, – всенощное бдение в Донском монастыре[5].

11 сентября, во вторник, – литургию в храме святого Иоанна Предтечи на Земляном Валу[6].

В этот день АРК поддержала решение Моссовета, согласно которому было поручено оформить все кладбищенские храмы Москвы как приписные к принадлежащему обновленцам храму Христа Спасителя. Кладбищенские храмы традиционно приносили хороший доход за счет отпевания умерших. Кроме того, обновленческому синоду было разрешено выпускать журнал[7].

16 сентября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме мученика Трифона в Напрудной, а также всенощную в храме иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» в Зубове[8].

20 сентября, в четверг – литургию в храме иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще[9].

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 221. Л. 2.
[2] Там же. Д. 218. Л. 96.
[3] Богослужебный дневник... С. 110.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 35; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 45.
[8] Богослужебный дневник... С. 110.
[9] Там же.

В сводке ГПУ за этот день упомянуто, что епископ Феодор (Поздеевский) объединял вокруг себя недовольных деятельностью Патриарха[1]. В сводке указывается также, что один московский диакон на ектении помянул за упокой императора Николая и его супругу[2]. Протодиакону того же храма Румянцеву предложили помянуть советскую власть, чтобы смягчить впечатление, но тот отказался[3].

> Вечером 20 сентября Патриарх служил всенощную в Донском монастыре[4].
>
> 21 сентября, в пятницу, – совершил литургию в храме Рождества Богородицы в Бутырках. Во время службы архимандрит Августин (Беляев) был хиротонисан во епископа Иваново-Вознесенского, викария Владимирской епархии. Вечером Патриарх совершил всенощное бдение в храме Иоакима и Анны на Якиманке[5].

21 сентября датирована резолюция Патриарха Тихона и Священного Синода*[34], в которой говорится: «Ввиду нахождения в Уфимской епархии 6 православных епископов и отсутствия в соседних – в Челябинской, Екатеринбургской, Омской и Пермской ни одного – Святейший Патриарх и Священный Синод постановили временно для управления Екатеринбургской епархией назначить Преосвященного Давлекаловского Иоанна. Преосвященному Марку, епископу Стерлитамакскому, поручить управление Пермской епархией»[6].

22 сентября в Михайловской церкви Донского монастыря состоялось наречение во епископа Лужского архимандрита Мануила (Лемешевского)[7]. Возглавил чин наречения Святейший Патриарх Тихон.

В этот же день Патриарх занимался разбором докладов, поступивших с мест. В том числе был рассмотрен доклад епископа Сарапульского Алексия (Кузнецова), ранее принятого после

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 348 об.
[2] Там же. Л. 349.
[3] Там же.
[4] Богослужебный дневник... С. 110.
[5] Там же. С. 111.
[6] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 273. Л. 3–4.
[7] *Иоанн (Снычев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк. СПб., 1993. С. 71.

покаяния из обновленчества и оставленного на прежней кафедре. Епископ жаловался на оппозицию духовенства, которое не могло простить ему уклонение в раскол. Патриарх резолюцией призвал оппозиционеров во главе с иеромонахом Аркадием (Григорьевым) к послушанию своему архиерею[1].

§ 14. Хиротония епископа Мануила (Лемешевского) и разгром обновленчества в Петрограде

23 сентября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Димитрия Солунского на Благуше.

За литургией Патриарх хиротонисал архимандрита Мануила (Лемешевского) во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. Он был возведен в сан архимандрита 21 сентября 1923 г. в Даниловом монастыре[2], что говорит о полной поддержке его кандидатуры «даниловцами». В хиротонии принимал участие архиепископ Верейский Иларион (Троицкий).

В напутственном слове Патриарх Тихон сказал: «Посылаю тебя на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоего служения, но мужайся и верни мне епархию»[3]. Наблюдатель из ГПУ сообщал, что при приезде Патриарха в храм многие верующие опустились на колени[4].

29 сентября 1923 г. епископ Мануил прибыл в Петроград. К моменту его приезда, по мнению митрополита Иоанна (Снычева), из 123 приходов города 115 находились в обновленчестве и только восемь сохранили верность Патриаршей Церкви[5]. По данным Е. А. Тучкова, на момент начала деятельности епископа Мануила «тихоновскими» в Петрограде было «не с большим 10 церквей»[6].

---

[1] *Кожевников И. Е.* Священноисповедник Виктор (Островидов) и образование Ижевской епархии // Сборник студенческих научных работ кафедры Церковной истории МДА. Сергиев Посад, 2010. С. 62.

[2] Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. С. 241.

[3] *Иоанн (Снычев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский). С. 70.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 348.

[5] *Иоанн (Снычев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский). С. 73.

[6] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 374.

4 октября 1923 г. по Петроградским храмам было разослано послание епископа Мануила, в котором он обратился с призывом к пастве остерегаться раскола, быть верными чадами Патриарху Тихону, названному в послании истинным Первосвятителем[1]. В течение октября 1923 г. три четверти петроградских храмов присоединились к Патриарху Тихону. В первые же дни пребывания в Петрограде по благословению епископа Мануила архимандрит Серафим (Протопопов) написал «Чин покаяния обновленческих священнослужителей», утвержденный Патриархом Тихоном для применения его в Петроградской епархии.

Деятельность епископа Мануила описана в рапорте секретного сотрудника ОГПУ, в начале января 1924 г. посетившего Петроград. Он писал: «Тихоновщина приняла широкие размеры. Вождем ея является епископ Мануил»[2]. По данным источника, епископ говорил, что к нему в последнее время неоднократно являлась Богоматерь и произносила: «Дерзай, Мануил». В сообщении говорится, что епископ Мануил рассказывал о бывших других ему явлениях: «Являлись также и угодники и рекомендовали всячески стоять за веру православную. Кроме голоса свыше Мануил утверждает, что он не прикосновен, как патриарший ставленник»[3].

Успехи епископа Мануила значительны: на 29 сентября 1923 г. в Петрограде было лишь 93 священнослужителя, которые не приняли обновленческий Синод, а через две недели, 15 октября, число священников, верных Патриарху Тихону, возросло до 191 человека. 4 декабря обновленческий «митрополит Петроградский» Артемий (Ильинский)*[35] также принес покаяние в уклонении в обновленческий раскол.

§ 15. Указ о поминовении властей

В следственном деле Патриарха имеется копия инструкции Московского Епархиального Совета всем благочинным Московской епархии, датированной 25 сентября 1923 г., в которой

---

[1] *Иоанн (Снычев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский). С. 73–75.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 363.
[3] Там же.

говорилось: «Распоряжением его святейшества, согласно постановлению епархиального совещания вводится за богослужениями следующее моление о Правительстве Российской Советской Республики. На великой ектении перед прошением: [„]о граде сем... и богохранимой стране Россиистей и о власти ея – Господу помолимся["]. На сугубой ектении... [„]Еще помолимся о богохранимой стране Россиистей и о властех ея["]. На многолетствовании „богохранимой стране Россиистей и о властех ея – многая лета"»[1]. Кроме того, удалялась формула заупокойного моления «о благочестивых царях и благоверных царицах». В этой инструкции также предписывалось, что «на всех богослужениях в надлежащих случаях после имени свят[ейшего] Патриарха надлежит произносить имя управляющего Московской Епархией в такой форме: „И о господине нашем преосвященнейшем архиепископе Иларионе"»[2].

Протопресвитер В. Виноградов сообщает интересные подробности переговоров патриаршей делегации с Тучковым о том, какой должна быть формула поминовения власти. Тучков требовал указать наименование «о советских властях», но его с трудом удалось убедить в том, что это слово русское и его нельзя вставить в славяноязычную богослужебную формулу. Интересно замечание протопресвитера Виноградова: «В новой... формуле не было никакого дополнительного выражения, которое бы указывало: о чем, собственно, нужно молиться при поминовении „властей", – о их ли благоденствии или же их вразумлении и обращении на путь истины... или же, наконец, об избавлении от нее»[3]. Протопресвитер В. Виноградов отмечал: «...акт введения поминовения властей за богослужением прошел для верующего народа совершенно безболезненным образом. Народ отнесся к этому акту совершенно спокойно, понимая, что патриарх принужден был здесь уступить только ради бытия патриаршей Церкви»[4]. Инструкция эта исполнялась далеко не во всех храмах, часто диаконы произносили вместо слов «о стране Россиистей и властех ее» слова «о стране Россиистей и областех ее». ГПУ не про-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 212; Следственное дело... С. 358–359.

[2] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 22.

[3] Там же. С. 17.

[4] Там же. С. 18.

слеживало выполнение инструкции: в сводках 6-го отделения об этом не упоминается.

А. Д. Самарин также сообщает, что инструкция о поминовении властей практически не выполнялась: «Вскоре после освобождения Патриарха из заключения от него потребовали, чтобы он ввел моление за властей во время богослужений в расчете на неблагоприятное впечатление, которое должно было произвести на верующих такое распоряжение. Патриарх вынужден был издать такое распоряжение. Оно не принесло большого вреда, потому что не вошло в жизнь: приходы его не послушались и не стали поминать гонителей веры в церквах»[1].

§ 16. Попытка властей сформировать раскол между Патриархом и «правым» епископатом (24 сентября – 13 октября 1923 г.)

Усиление правой оппозиции и в дальнейшем инициирование раскола в Церкви было одной из главных задач АРК и ГПУ после освобождения Патриарха 27 июня 1923 г.

3 сентября 1923 г. Антирелигиозная комиссия постановила: «Поручить тов. Тучкову принять меры к усилению правого течения[,] идущего против Тихона, и постараться выделить его в самостоятельную противотихоновскую иерархию»[2].

В Информационном отчете АРК Пленуму ЦК РКП(б) в сентябре 1923 г. Е. М. Ярославский выделил как особо важную задачу «выявление наиболее правых, активных политически элементов церковной организации»[3]. Следующим направлением работы по разложению «тихоновской церкви» была компрометация Патриарха путем навязывания ему реформ. «Но когда выяснилась действительная позиция Тихона, от него стали отходить наиболее правые элементы церкви и верующих и образовали (не вполне оформлен[н]о) правое течение во главе с одним из видных московских архиереев. Они не признают ни Тихона, ни Синода, относятся отрицательно ко всем мероприятиям Тихона. Таким

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 62.
[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 5.
[3] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 424.

образом, **всякие отступления Тихона в сторону реформ предполагают выявление наиболее правых, активных политически элементов церковной организации***[36]. Группа эта пока еще небольшая, но несомненно способная собрать вокруг себя всех недовольных „левой“ политикой Тихона»[1].

В докладе руководству Е. А. Тучков характеризует ту часть духовенства, которая осудила Патриарха: «...часть видных монархистов, главным образом епископов (Данилов монастырь)[,] от Тихона отстранились и образовывают свою группу более правого направления[,] считая такового советским патриархом»[2].

В следственном деле митрополита Петра (Полянского) и других имеется заключение, составленное на основе свидетельских показаний. В нем говорится: «Тон настроениям даниловского монастыря давало своеобразное бюро, состоявшее из 3-х человек: ФЕОДОРА, АМВРОСИЯ, ПАРФЕНИЯ, а после ареста Феодора из двух последних»[3]. «Заседания бюро были нерегулярны и происходили в комнате епископа ФЕОДОРА, куда доступ был затруднен: „строгий этикет“ монастыря не допускал в комнату Феодора без предварительного разрешения. Пахомий объясняет такую строгость „этикета“ тем, что „посторонним неудобно было слышать о чем говорят“»[4]. «Когда же посторонних не бывало, то разговор шел на специальные темы. Пахомий на некоторых таких специальных беседах присутствовал благодаря своей особой роли примирителя противоположных мнений. Примерами таких специальных тем были: решения вопроса, идти или не идти в создаваемый патриархом Синод из либеральных епископов [–] решили не идти...»[5].

Таким образом, «даниловские» епископы на своих заседаниях каждый раз обсуждали, подчиняться мнениям Патриарха Тихона или нет, и решали исходя из собственной бескомпромиссной позиции. Власти пытались углубить наметившийся раскол, отделить их от Патриарха, а также лишить Патриарха возможности ссылаться на позицию «даниловцев» при попытке уговорить его выполнить инспирированные ГПУ решения. Позднее

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 424.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 125; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 418.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 245.
[4] Там же. Л. 245–246.
[5] Там же. Л. 246.

люди, близкие к Патриарху, показывали на следствии о Даниловском монастыре: «Влияние монастыря было очень велико. Патриарх Тихон прямо называл монастырь „даниловским синодом“ и очень считался с его мнениями, часто размышляя перед тем, как принять какое-либо важное решение: а что скажет по этому поводу Даниловский синод»[1].

М. Е. Губонин сообщал о письме Патриарха Тихона архиепископу Феодору с выражением признательности за поддержку, благодаря которой близкие архиепископу Феодору епископы «заняли четкую и твердую линию в пользу признания деятельности Святейшего Патриарха безукоризненной и незапятнанной»[2]. М. Е. Губонин писал об уважении, с которым Патриарх относился к епископу Феодору, несмотря на сам факт существования «даниловской оппозиции»: «Святейший Патриарх Тихон – со своей стороны – с большим респектом относился к Высокопреосвященному Феодору, хотя прекрасно был обо всем осведомлен и знал о существовании „оппозиции справа“ с самого момента ее возникновения. Он все это учитывал и в то же время шутливо называл владыку Феодора с его окружением „конспиративным Синодом“. С суждениями „конспиративного Синода“, быть может, он даже в какой-то степени считался, но явно в область своей административной деятельности влияния „Данилова“ не допускал, как вообще не допускал никаких и ничьих закулисных влияний в деле высшего руководства Церковью. И насколько это было в его силах – твердо держался этой линии»[3]. В то же время М. Е. Губонин констатировал противостояние «даниловцев» Патриарху Тихону и его окружению: «...но ему (архиепископу Феодору. – *Ред.*) (как и многим другим), по-видимому, казалось, что Святейший Патриарх Тихон, при всех неотъемлемых от него высочайших качествах его духа, „как-то не так“ и, может быть, „не совсем туда куда следует“ ведет Русскую Церковь. Отсюда – надуманная настороженность и некоторое повышенное критиканское шипение (не без доли яда) по отношению к Святейшему

[1] ЦА ФСБ. Д. Р-35561. Т. 1. Л. 10.

[2] Акты... С. 737–738.

[3] Новые материалы из архива М. Е. Губонина / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 121.

Патриарху Тихону и окружающему его высшему руководству Церковью»[1].

18 сентября 1923 г. АРК на заседании постановила: «Признать целесообразным, чтобы Тихон и К-о*[37] в первую очередь фактически провели в церкви новый стиль, разгромили приходские советы и ввели второбрачие духовенства, для чего разрешить им издание журнала»[2]. Насаждение нового стиля было одним из способов внесения раскола в Церковь. Е. А. Тучков пытался убедить одного из архиереев – вероятнее всего, епископа Феодора – отколоться от Патриарха: «Вы слышали, что Патриарх заводит новый стиль? Для чего это? Кому это нужно? Неужели вы согласитесь с ним? Отделитесь от Патриарха, вас вся Москва любит и за вами пойдет, мы вас поддержим»[3]. Как известно, епископ Феодор отказался от этого предложения.

24 сентября 1923 г. состоялось «совещание епископов при Святейшем Патриархе». С помощью этого совещания власти пытались заставить Патриарха пойти на значительные уступки. Главный вопрос был связан с новым стилем, на введении которого настаивали власти[4]. Введение нового стиля, по замыслу властей, могло бы значительно ослабить авторитет Патриарха, так как новый стиль в сознании верующих прочно ассоциировался с обновленчеством. Патриарх Тихон был противником нового стиля, но вынужден был уступить. Епископское совещание постановило неотложно принять новый стиль в церковную жизнь, но ввести его так, чтобы предстоящий Рождественский пост фактически обнимал полностью законный срок – 40 дней – и поэтому должен был начаться 15 ноября уже по новому стилю (2 ноября по старому).

Как писал Патриарх, «24 сентября сего года совещание епископов, возглавленное мною, постановило принять в церковное употребление новое времяисчисление со 2 октября старого стиля и осведомить об этом Российскую церковь через особое

---

[1] Новые материалы из архива М. Е. Губонина / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 122.

[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 531.

[3] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские: Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. Ч. 1. С. 109–110.

[4] *Сафонов Д. В.* Был ли Патриарх Тихон сторонником введения нового стиля? // Альфа и Омега. 2004. № 1 (39). С. 198–203.

послание»[1]. На Архиерейском совещании было принято следующее постановление: «По чину Вселенского Патриарха и в согласии с другими Православными Автокефальными Церквами пропустить во времяисчислении 13 дней так, чтобы после 1 октября старого стиля следовало 14-е.

Вопрос о времени празднования Пасхи решить в согласии с Православными Церквами по постановлениям бывшего в Константинополе, в сем году[,] Православного Собора.

Призвать особым посланием всех архипастырей, пастырей и верующих мирян без смущения принять исправление церковного времяисчисления, так как это исправление нисколько не затрагивает ни догматов, ни священных канонов Православной Церкви, необходимо по требованиям астрономической науки и потребно для согласования церковной жизни с установленным уже во всех христианских странах времяисчислением»[2]. Архиереи-«даниловцы» восприняли это решение резко негативно и на некоторое время разорвали общение с Патриархом и его окружением.

> 26 сентября, в среду, Патриарх в сослужении сонма архиереев совершил литургию в храме Воскресения в Барашах.

Неизвестная прихожанка описала это богослужение: «Мимо нас его провели под руки. И когда мы увидали его старческое, больное, измученное и кроткое лицо, нам самим стало ясно, что ничем его утруждать нельзя. Нельзя было и смотреть на него без боли сердечной, и вместе с тем радостно всколыхнулась душа. <...> Радость сопровождала его всегда. Она точно излучалась им и передавалась окружающим»[3]. Она описала исцеление, которое совершил Патриарх в этот день: «Двое мужчин удерживают за руки извивающуюся в корчах молодую женщину. В надежде на ее исцеленье они хотят подвести ее к Патриарху. Но она упирается ногами в землю и издает какое-то дикое мычание. По багровому лицу струится пот, волосы растрепаны, блуждающие глаза горят исступлением.

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 36.
[2] Акты... С. 299.
[3] *Москвичка*. Свет России. С. 7.

„Кликуша порченая", – проносится сочувственно по толпе, и передние расступаются, чтобы дать больной дорогу. Провожатым удается подтащить ее к проходу Патриарха. Подойдя к ней вплотную, Святейший останавливается и молча кладет ей на голову свою руку. Одержимая тотчас смолкает, судороги прекращаются, и с тихим плачем она припадает губами к благословляющей ее руке. Провожатые и многие из присутствующих набожно крестятся»[1].

В этот же день, 26 сентября, Патриарх служил всенощную в бывшем Крестовоздвиженском монастыре.

На следующий день, 27 сентября, в четверг, Патриарх совершил литургию в храме Троицы в Капельках[2]. Патриарх возглавил хиротонию архимандрита Григория (Козырева) во епископа Петропавловского, викария Омской епархии[3].

30 сентября, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в храме Покрова в Красном селе и всенощное бдение в Алексеевском монастыре.

1 октября 1923 г. появилось обращение к Патриарху архиепископов Тихона (Оболенского) и Серафима (Александрова). Оба этих иерарха вынуждены были во многом руководствоваться в своих действиях указаниями Е. А. Тучкова. А. А. Кострюков сообщает, что для написания письма они пользовались данными, полученными из ГПУ: «Анализ документа показывает, что авторы письма получили указание на обращение к Патриарху из ГПУ. Так, в письме цитируются фрагменты из журнала „Церковные ведомости" – официального органа РПЦЗ. Конечно же, в СССР журнал не распространялся и авторы письма могли получить его номера либо подпольно, либо от большевиков. Первый путь получения журнала представляется маловероятным: авторы письма не стали бы компрометировать себя, в письменной форме свидетельствуя о знакомстве с белоэмигрантской прессой. Поэтому ГПУ является единственным местом, где архиепископы

[1] *Москвичка*. Свет России. С. 10.

[2] Богослужебный дневник... С. 111.

[3] *Матисон А. В.* Григорий (Козырев) // ПЭ. М., 2006. Т. 12. С. 575 (в ПЭ ошибочно указана дата 14 сентября 1923 г.).

могли ознакомиться с „Церковными ведомостями“»[1]. В обращении иерархи спрашивали Патриарха, существует ли Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей с его благословения или нет; если нет – то надо его осудить[2]. Характерно, что это обращение не подписал архиепископ Иларион (Троицкий), который также являлся членом Синода.

> 7 октября, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в сослужении сонма архиереев в храме Спаса Преображения в Каретном Ряду. На литургии была совершена хиротония архимандрита Иова (Василевского) во епископа Бронницкого. Всенощную Патриарх служил в храме Богоявления в Дорогомилове[3].
> 8 октября, в понедельник, Патриарх совершил литургию в Донском монастыре[4].
> 13 октября, в субботу, Патриарх служил всенощное бдение в Донском монастыре[5].

В этот день в Политехническом музее состоялся диспут архиепископа Илариона (Троицкого) с «архиепископом» А. Введенским на тему «Враги церкви». В выступлении архиепископ Иларион указал на тесную связь властей и обновленцев. О Патриархе он сказал, что тот не является контрреволюционером и не выступал против изъятия церковных ценностей, и подчеркнул, что сторонники Патриарха никогда врагами Церкви не были, «а если являемся врагами, то не церкви, а раскольниче-обновленческой церкви, поэтому мы освящаем соборы после обновленцев»[6]. Заканчивая выступление, архиепископ добавил, что Патриарх Тихон никогда не пойдет на компромисс с обновленцами. Введенский на этом диспуте потерпел полное поражение.

Послушные властям иерархи, окружавшие Патриарха, давали ГПУ надежду на проведение в Церкви обновленческих

---

[1] Новые документы по истории взаимоотношений между Патриархом Тихоном и Карловацким Синодом / Публ. А. А. Кострюкова, Н. Ф. Тягуновой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 3 (28). С. 121.

[2] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

[3] Богослужебный дневник... С. 111.

[4] Там же. С. 112.

[5] Там же.

[6] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 2. Л. 142.

по сути реформ. В «Кратком информационном отчете Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Пленуму ЦК РКП(б) о проделанной работе»[1] в сентябре 1923 г. Е. М. Ярославский указывал: «Приверженцы Тихона сознают, что дальнейшее упорство Тихона может привести их к еще более серьезным столкновениям и не только с обновленцами, но, быть может, и с советской властью, так как они боятся[,] что „этот старик на все способен". Они пытаются повлиять на Тихона в том смысле, чтобы Тихон сам ввел ряд новшеств и изгнал от себя всякого рода подозрительных в политическом отношении, с точки зрения советской власти, лиц, они считают необходимым, несмотря на упорное сопротивление, которое встречает в крестьянских низах эту реформу, провести введение нового стиля с 1 октября [19]23 года, распустить и переизбрать все приходские советы, мотивируя эту меру тем, что они являются скрытыми черносотенными организациями (что в значительной степени верно), также ввести второбрачие духовенства. Эту меру тихоновцы намерены провести от имени самого Тихона и с этой целью испрашивают разрешения на издание церковного журнала»[2]. 13 октября 1923 г. на запрос епископа Арзамасского, викария Нижегородской епархии Михаила (Кудрявцева), когда вводить новый стиль, Патриарх написал: «14 октября, после Покрова – П. Т.»[3].

§ 17. Введение нового стиля (14–15 октября 1923 г.)

14 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, Патриарх служил литургию в Покровском монастыре и вечерню в храме Успения Пресвятой Богородицы на Покровке[4].

После литургии Патриарх попросил протоиерея Виноградова прочесть составленное архиепископом Иларионом послание

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 419–430.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 33; Ф. 89. Оп. 4. Д. 115. Л. 46; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 423.

[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 16.

[4] Богослужебный дневник... С. 112.

о введении нового стиля. Протоиерей Виноградов оставил подробные воспоминания об этом:

«Опубликование этого патриаршего послания последовало 1 октября ст. ст. в праздник Покрова Божией Матери при патриаршем служении в Московском Покровском монастыре. До самого момента „запричастного стиха“ никто из сослуживших патриарху не знал, кому он поручит прочтение своего послания – все полагали, что громогласному протодиакону. Но вот патриарх вдруг подозвал старейшего по положению из сослуживших ему иереев – председателя Епархиального Совета проф[ессора] протоиерея Виноградова и, вручив ему рукописный (единственный в этот момент) текст послания, предложил ему тотчас прочесть послание перед народом. Обладая слабым голосом, о. Виноградов пытался отказаться, ссылаясь на то, что при слабости голоса и плохой акустике громадного храма мало кто услышит его чтение. Но патриарх с обычной ему улыбкой возразил: „Ну это ничего, ничего, прочитайте Вы, прочитайте“. В результате недостаточно громкого чтения о. Виноградова только передние ряды богомольцев могли, и только частично, расслышать кое-что из послания; до подавляющей же массы богомольцев долетали только отдельные слова, из которых она могла лишь понять, что речь идет о новом стиле; а что именно о нем здесь возвещалось – осталось для нее неясным. Может быть, и даже вернее всего, благодаря именно этому народная масса, переполнявшая храм, никак не реагировала на послание ни в храме, ни около него. <...> После, в частной беседе, он спрашивал патриарха: „Почему вы настаивали, чтобы я именно читал ваше послание, тогда как вы хорошо знаете, что у меня голос слишком мало подходит для такого всенародного чтения?“ Патриарх с улыбкой ответил: „Это ничего, ничего... Вы не беспокойтесь об этом“»[1]. По нашему мнению, причина, по которой Патриарх попросил прочитать Виноградова послание, – в другом. Духовенству и многим верующим была известна его связь с ГПУ, и этим Патриарх давал понять, что послание вынужденное и не отражает подлинной воли Патриарха.

Послание о введении нового стиля было отпечатано в типографии тиражом 5000 экземпляров только к началу ноября. Оно

[1] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 20.

было таким же «вынужденным посланием», как и предыдущие. А. Д. Самарин писал: «Под влиянием окружающих и вследствие недостаточной информации с востока Патриарх уступил, и новый стиль был введен с 1-го Октября. Москва покорно подчинилась этому распоряжению за исключением немногих непримиримых во главе с Епис[копом] Феодором, но провинции решительно отказались последовать за Патриархом...» [1].

«Даниловцы» отказались служить по новому стилю, в то время как близкие к Патриарху архиереи и он сам в октябре – ноябре 1923 г. делали это. Материалы следственного дела Патриарха Тихона подтверждают, что «даниловцы» в этом и в других случаях, не соглашаясь с решениями Патриаршего Синода, прекращали в своем монастыре поминовение Патриарха.

Архимандрит Алексий (Трапицын), наместник Донского монастыря, говорил по поводу патриаршего послания о новом стиле: «Все равно народ не пойдет на это, потому что мы скажем, кому нужно из своих, что Патриарх разослал послание не по своей воле, а под давлением, и благословим всех совершать праздники по старому стилю. Мы уже здесь обдумали так: во все церковные праздники по старому стилю мы будем служить без звона или будем звонить по будничному, и народ все равно к нам пойдет, и нас за это не осудит, потому что поймет, в каких тисках мы находимся»[2].

Причем указы о введении нового стиля были разосланы только благочинным Москвы, а епархиальные архиереи их не получали, так как архиепископом Иларионом (Троицким) было испрошено у Тучкова разрешение этих указов «в провинцию» не посылать, пока не будет отпечатано патриаршее послание, объясняющее указ. Протопресвитер В. Виноградов отмечает, что «новый стиль был официально объявлен и введен только в церквах города Москвы и нигде больше»[3].

Материалы следственного дела подтверждают то, что Патриарх не собирался переходить на новый стиль и лишь ждал удобного момента для его официальной отмены. Так, в «Докладе о деятельности тихоновской группы за октябрь месяц 1923 г.»,

---

[1] Цит. по: Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 63.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 108 об.

[3] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 22.

составленном Московским отделом ГПУ, говорилось о том, что Патриарх «служит по приглашению церковные праздники и тогда, когда они служатся по новому стилю[,] и по старому стилю»[1]. Об этом же говорит и то, что послание Патриарха о переходе на новый стиль не было разослано. Выше уже цитировались слова митрополита Петра (Полянского) о том, что вынужденные советской властью послания Патриарха необходимо считать необязательными, так как они не являются волей Патриарха, а даны для того, чтобы сохранить Церковь от репрессий[2]. Эти слова сказаны по поводу послания о переходе на новый стиль, но они в равной мере относятся и ко всем другим посланиям Патриарха, которые он выпустил в ответ на требования властей. Причем необходимо отметить, что это не была только точка зрения митрополита Петра, который подчеркивал: «Я вам скажу то же, что сказал бы вам и святейший, ибо я им на всё уполномочен и он решительно во всем со мной согласен»[3].

Пояснительные проповеди произносил в московских храмах и архиепископ Иларион. Так, в одной из сводок ГПУ «Заметки по религиозникам» отмечалось, что в конце октября 1923 г. в храме Рождества Богородицы он произнес проповедь на тему «Новый стиль. Неизменность впредь веры православной». После службы, как сказано в документе, «тащили его до извозчика на руках»[4]. Такая восторженная реакция была бы невозможна, если бы архиепископ показал себя сторонником нового стиля. Патриарх понимал: для того чтобы ввести новый стиль в провинциях с 15 ноября нового стиля (а это было необходимо, чтобы Рождественский пост сохранил свои 40 дней), нужно было уже 1–3 ноября разослать на места послания о введении нового стиля. Это сделано не было, с одной стороны, потому, что типография не напечатала послание к началу ноября, а с другой – потому что сам Патриарх делал все возможное, чтобы послание не было разослано.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 354.
[2] Там же. Т. 5. Л. 108.
[3] Там же.
[4] Там же. Т. 4. Л. 353.

§ 18. Служение Патриарха по новому стилю (15 октября – 8 ноября 1923 г.)

С 15 октября Патриарх начал служить, придерживаясь нового стиля.

17 октября Патриарх служил всенощную в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Сущеве.
18 октября – литургию в Донском монастыре[1].

Между тем в этот период по инициативе Е. А. Тучкова в печати появилось сообщение о том, что «Всеправославный Конгресс», вынесший решение о введении нового стиля, носил обновленческий характер. Это было сделано для того, чтобы выставить Патриарха обновленцем и скомпрометировать его.

20 октября состоялась встреча архиепископов Серафима (Александрова) и Илариона (Троицкого) с двумя обновленческими архиереями[2]. «Обновленцев на переговорах представляли архиепископы Алексий (Баженов) и Серафим (Руженцев). Православных – архиепископы Серафим (Александров) и Иларион (Троицкий)»[3]. Обсуждались условия примирения: иерархи Патриаршей Церкви «потребовали от обновленцев запрещения в священнослужении женатых архиереев, второбрачных и третьебрачных клириков и признания Святейшего Патриарха законным главой Российской Церкви. Делегация обновленцев заверила, что она согласна с такими условиями. Но уже через неделю» Евдоким сообщил членам Синода, что готов продолжить переговоры «при условиях, признанных вами ранее приемлемыми, а именно: а) удаление бывшего Патриарха Тихона от дел управления, б) удаление бывшего Патриарха Тихона на жительство впредь до Собора в Гефсиманский скит, в) перенесение окончательного решения дела бывшего Патриарха Тихона на Собор»[4].

---

[1] Богослужебный дневник... С. 112.

[2] *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. С. 417–418.

[3] Там же. С. 417.

[4] Там же. С. 418.

21 октября Патриарх служил литургию в храме Отцов Седьмого Вселенского Собора (в день празднования памяти этих отцов по старому стилю) близ Новодевичьего монастыря и всенощную в храме Казанской иконы Божией Матери в Старом Сущеве накануне празднования Казанской иконе по новому стилю[1].

22 октября Патриарх совершил литургию в празднование Казанской иконе Божией Матери по новому стилю в Казанском соборе на Красной площади. Ему сослужили архиепископы Петр (Полянский), Пахомий (Кедров) и архимандрит Анемподист (Алексеев). Епископ Феодор (Поздеевский) отказался совершать службу этого церковного праздника по новому стилю[2].

23 октября Патриарх совершил Божественную литургию в Донском монастыре[3].

24 октября служил литургию в Воскресенском храме в Сокольниках и всенощную – под праздник Иерусалимской иконы по старому стилю – в храме Иерусалимской иконы Божией Матери (близ боен)[4].

25 октября 1923 г. в газете «Известия» было опубликовано официальное отношение Евдокима на имя митрополита Антония (Храповицкого) следующего содержания: «Б[ывший] Патриарх Тихон запутался совершенно и, поняв это, подал заявление в священный синод о примирении с отклонившимся от него духовенством и народом. Смешанная комиссия устами даже его ярых защитников (епископа Илариона) вынесла ему следующую резолюцию: „Сложить все полномочия и удалиться в монастырь и ждать над собой суда собора епископов“».

Архиепископ Иларион после посещения 26 октября Павлова Посада был вызван на допрос на Лубянку. 27 октября 1923 г. состоялся допрос святителя Илариона на Лубянке. В тот же день было оформлено постановление о привлечении епископа Илариона в качестве обвиняемого в том, что он «распространял ложные слухи о связи ГПУ с ВЦУ»[5]. Со святителя была взята подписка о невыезде из Москвы[6].

---

[1] Богослужебный дневник... С. 112.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 352.
[3] Богослужебный дневник... С. 113.
[4] Там же.
[5] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 2. Л. 147.
[6] Там же. Л. 149.

27 октября, в субботу, Патриарх совершил всенощную в храме мучеников Флора и Лавра на Зацепе[1].
28 октября, в воскресенье, – литургию в храме мученицы Ирины в Покровском, на Ирининской улице[2].

30 октября 1923 г. на запросе из епархии Патриарх написал резолюцию о возможности возвращения к старому стилю[3]. С этого момента сам Патриарх стал служить в дни памяти святых и в праздники по второму разу, т. е. уже по старому стилю.

1 ноября Патриарх совершил литургию в храме Космы и Дамиана на Таганке[4].

2 ноября 1923 г. Патриарх и ВЦУ под давлением властей приняли решение об удалении епископа Феодора (Поздеевского) из Москвы. Его с повышением в сане хотели переместить в Петроград: «Преосвященного епископа Феодора, настоятеля Данилова Московского монастыря, во внимание к его выдающейся деятельности на пользу святой Православной Церкви возвести в сан архиепископа и назначить управляющим Петроградской епархией»[5]. Постановление Святейшего Патриарха и ВЦУ № 90 подписали Патриарх Тихон, архиепископы Серафим (Александров), Иларион (Троицкий), Тихон (Оболенский) и Петр (Полянский). Указ, направленный епископу Феодору, заверил «Член В. Ц. У. при Св[ятейшем] Патриархе архиепископ Петр»[6]. Инициатива назначения исходила из ГПУ, которое хотело удалить епископа Феодора из Москвы, где он мешал насаждению нового стиля, и сместить таким образом епископа Мануила, громившего обновленцев в Петрограде.

В конце октября, по данным ГПУ, епископ Феодор высказывался «за активную наступательную политику против Тихона»[7], выражая явное недовольство принятием нового стиля.

---

[1] Богослужебный дневник... С. 113.
[2] Там же.
[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 24.
[4] Богослужебный дневник... С. 113.
[5] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 168.
[6] Там же. Л. 168 об.
[7] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 353.

На обороте постановления ВЦУ епископ Феодор написал: «Настоящую бумагу получил и прочитал с признательностью к Святейшему Патриарху и ВЦУ, но принять на себя изложенное в ней не могу – епископ Феодор. 21 [октября] / 3 ноября, Данилов монастырь»[1].

4 ноября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в Казанском Головинском женском монастыре Москвы[2]. Новое празднование Казанской иконе было совершено уже по старому стилю.

§ 19. Отказ Патриарха от нового стиля и репрессии со стороны властей (8–20 ноября 1923 г.)

8 ноября Патриарх Тихон указом отменил свое распоряжение о введении нового стиля. В патриаршем указе № 422 говорилось: «По независящим от нас обстоятельствам послание о введении нового времяисчисления вышло из печати лишь в начале Ноября, когда удобное время для перехода на новый стиль уже прошло.

Во время печатания послания стало известно, что другие православные церкви, с которыми российская церковь всегда должна быть в единении, временно введение нового стиля отложили.

Поэтому и мы признаем необходимым повсеместное и общеобязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить»[3]. Позднее Патриарх ссылался на протесты верующих: «...Мы сочли своим пастырским долгом принять во внимание голос верующих, чтобы не произвести насилия над совестью народной...»[4].

Чтобы смягчить последствия отказа от нового стиля, Патриарх решил удовлетворить требование ГПУ, в котором предлагалось отмежеваться от Русской Православной Церкви Заграницей. Это требование, как упоминалось выше, еще 1 октября было направлено Патриарху архиепископами Тихоном (Оболенским) и Серафимом (Александровым).

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 168 об.
[2] Богослужебный дневник... С. 114.
[3] ЦА ФСБ. Д. 1780. Т. 5. Л. 231а; Следственное дело... С. 362–363.
[4] Акты... С. 335.

В связи с этим в тот же день, 8 ноября 1923 г., появилось еще одно известное постановление Патриарха и ВЦУ, касающееся заграничного Архиерейского Синода и осуждавшее выступления митрополита Антония. В нем говорилось:

«Заслушав настоящее представление, Святейший Патриарх и Высшее при нем Церковное Управление признает необходимым:

1) Заявить, что ко всем политическим выступлениям заграничных иерархов, направленных к опорочению нашей государственной власти, ни Святейший Патриарх, ни состоящее при нем Церковное Управление никакого отношения не имеют и таковые осуждают.

2) Объявить, что появившиеся в заграничной печати после освобождения Святейшего Патриарха письма от его имени им писаны не были.

3) Запросить назначенного после упразднения в апреле 1922 г. церковного заграничного управления заведовать заграничными церквами митрополита Евлогия о том, какое и на каком основании существует ныне церковное управление за границей под именем заграничного архиерейского Синода.

4) Заявить, что живущий за границей митрополит Антоний не имеет никакого права говорить от имени всей Русской Православной Церкви и всего русского народа, как не имеющий на то полномочий»[1]. Следует отметить, что это постановление за границу направлено не было, что косвенно свидетельствует о его вынужденном характере.

Однако осуждения деятельности Русской Православной Церкви Заграницей, чего добивалось ГПУ, Патриарх Тихон не допустил. Он продолжал считать зарубежную иерархию находящейся в его каноническом подчинении, уважая зарубежных иерархов, которых пытался назначать на зарубежные кафедры. Митрополиту Евлогию (Георгиевскому) этот указ направлен не был.

В тот же день Патриарх и четыре входивших в Синод архиепископа утвердили постановление № 104: «Преосвященного архиепископа Феодора освободить от управления Петроградской

---

[1] Документ опубликован в кн.: *Сафонов Д.* Святитель Тихон и Русская Православная Церковь за границей в 1922–1925 гг. // Православная Церковь и государство в исторической судьбе России: Материалы IV Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород, 2008. С. 311–329.

епархией, оставив его управляющим Московским Даниловым монастырем в сане архиепископа»[1]. Возможно, постановление ВЦУ об оставлении архиепископа Феодора в Москве и отказ от попытки введения нового стиля совпали не случайно, ведь именно Данилов монастырь был центром оппозиции любым компромиссам ВЦУ с властями. Владыка Феодор – главный противник нового стиля и уступок властям – был оставлен в Москве.

> 9 ноября, в пятницу, Патриарх совершил всенощную в храме мучеников Флора и Лавра на Зацепе[2].
> 10 ноября, в субботу, – литургию в храме мученицы Ирины на Ининской улице.

13 ноября состоялось заседание Антирелигиозной комиссии, в основном посвященное вопросам деятельности Патриаршего управления. Была заслушана «информация ГПУ о церковниках (Тихон и обновленцы)»[3]. Сохранились тезисы доклада Е. А. Тучкова, где он описывает значительные успехи Патриаршей Церкви в борьбе с обновленцами в Москве и губернии[4]. Доклад был принят к сведению. Также был рассмотрен вопрос о тех, кто был заключен под стражу по делу Патриарха Тихона и оставался в заключении. «Антирелигиозные мудрецы» постановили: «Содержать впредь до рассмотрения вопроса о деле Тихона и в зависимости от этого решить вопрос о их дальнейшем содержании под стражей»[5]. Недовольство АРК вызвало и предоставление Главмузеем, в ведении которого находился Донской монастырь, одного из корпусов обители Патриарху: «О действиях Главмузея, выразившихся в пред[о]ставлении Тихону музейного помещения и т. д.». Члены АРК решили, что Главмузей «без ведома соответствующих органов... не имел права» предоставлять Патриарху помещение в монастыре[6].

В протоколы заседаний АРК вносился только «сухой остаток» обсуждавшихся на заседаниях вопросов. Однако даже из

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 168.
[2] Богослужебный дневник... С. 113.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 37.
[4] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 41.
[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 37; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 531.
[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 38; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 532.

этих кратких текстов ясно, что члены АРК были крайне недовольны активностью Патриарха и его окружения. Е. А. Тучков должен был принимать срочные меры, чтобы не навлечь на себя гнев партийного руководства.

Представляется, что, как это было в ряде других аналогичных случаев, Е. А. Тучков начал предпринимать решительные меры сразу после заседания АРК. Именно 13 ноября, видимо, произошли события, описанные А. Левитиным-Красновым, – вызов Патриарха к Е. А. Тучкову в ОГПУ и о состоявшемся там жестком разговоре: «В ноябре Тучков вызвал к себе лично патриарха, до этого все переговоры велись Иларионом. Легко себе представить, с какими чувствами вновь переступил патриарх порог зловещего здания на Лубянке. Тучков был строг и решителен. В скупых и резких выражениях он предъявил ультиматум: патриарх должен немедленно принять Евдокима и выработать совместно с ним декларацию о примирении. Отказ патриарха от примирения будет рассматриваться как контрреволюционный выпад, и патриарх будет арестован вновь. Этому разговору предшествовал целый день томительного ожидания в приемной Тучкова, куда патриарха ввели под конвоем. Однако патриарх Тихон неожиданно заговорил еще более резким тоном: категорически отверг требование Тучкова и заявил, что никто в мире не навяжет ему таких действий, которые отвергает его совесть... Изумленный Тучков быстро сменил тон – стал осведомляться о здоровье патриарха, шутить и вежливо с ним простился. Через несколько дней после этого был арестован архиепископ Иларион (Троицкий)»[1]. Несмотря на возможное наличие додуманных А. Левитиным-Красновым подробностей, общая канва событий изложена им верно. Патриарх подвергся жесткому прессингу, но отказался идти на компромисс в вопросе объединения с обновленцами. За этим не могли не последовать репрессии.

> 14 ноября, в среду, Патриарх совершил Божественную литургию в храме Космы и Дамиана на Таганке.

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 329–330.

Затем состоялось заседание Высшего Церковного Управления в составе Патриарха Тихона и членов Синода архиепископов Тихона, Серафима, Петра и Илариона[1]. Было принято постановление Патриарха и Священного Синода за № 132: «Так как Святейший Патриарх Тихон вступил в управление Российской Православной Церковью, то причина, по которой Константинопольский Патриарх считал нужным временно подчинить Финляндскую Церковь своей юрисдикции, ныне отпадает, и Финляндская епархия должна возвратиться под ведение Патриарха Всероссийского. Посему предложить Преосвященному Архиепископу Финляндскому, обсудив положение дела со своим Церковным Советом, выяснить в сношении с правительством Финляндской Республики возможность возвращения церковных дел в Финляндии в их законное положение»[2]. Указ заверил «Член Священного при Патриархе Синода Архиепископ Иосиф»[3]. На том основании, что указ подписан архиепископом Ростовским Иосифом (Петровых), а не самим Патриархом, в Финляндии многие считали его подложным[4]. Архиепископ Иосиф только заверил копию Указа, при том что подлинник, подписанный Патриархом, в Фонде Патриаршей канцелярии отсутствует. Другим поводом для сомнений в подлинности указа было то, что Финляндская Церковь называется здесь епархией, несмотря на дарованную ранее Московским Патриархатом автономию[5]. На наш взгляд, это свидетельствует лишь о давлении властей и вынужденности этого указа, текст которого согласовывался с Е. А. Тучковым. Именно в 1923 г. советские власти начинают проявлять интерес к зарубежной собственности Русской Церкви. Митрополит Сергий (Страгородский) считал, что Патриарх Тихон не разрывал общения с Финляндской Церковью, хотя

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 14.

[2] Цит. по: Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 116. См. также: *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М., 2012. С. 143.

[3] *Глубоковский Н. Н.* «Война и мир» в Финляндской Православной Церкви / Вступ. статья и примеч. Т. И. Шевченко // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 116.

[4] *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). С. 144.

[5] Там же.

и не утвердил автокефалию, дарованную Константинопольским Патриархатом[1].

14 ноября на заседании Высшего Церковного Управления было утверждено несколько новых архиерейских хиротоний и назначений. Ожидая репрессий, Патриарх хотел успеть поставить больше ревностных епископов. Он распорядился открыть Шлиссельбургскую викарную кафедру Петроградской епархии, назначить на нее архимандрита Григория (Лебедева) и поручить ему временно исполнять обязанности наместника Александро-Невской лавры, братия которой незадолго до этого вернулись в Патриаршую Церковь. Рапорт об этом был направлен епископом Мануилом 11 ноября: «Рапорт Преосвященного Мануила, епископа Лужского, от 11 ноября 1923 г. Сообщает о решении Александро-Невской Лавры 15/28 октября в полном составе войти в общение с Патриархом и Православной Церковью. Так как Преосвященный Николай Петергофский находится в изгнании в Усть-Куломе, Зырянского края, а возглавлять Лавру должен викарный епископ – просит ризничего Данилова монастыря архимандрита Григория (Лебедева) посвятить во епископа Шлиссельбургского – „...покорнейше прошу не отказать в сем ходатайстве, и, открыв новое викариатство – Шлиссельбургское, возглавить его архимандритом Григорием как достойнейшим и желанным для Петроградской епархии“»[2]. Хиротонию и наречение Патриарх распорядился произвести в Москве. То, что «Даниловский синод» отпустил своего архимандрита в Петроград, говорит о примирении с Патриархом, что явилось следствием отказа от нового стиля. Однако хиротонию архимандрита Григория пришлось отложить до 2 декабря из-за начавшихся репрессий.

Было также принято постановление № 123: «Преосвященного Иннокентия Можайского*[38] по возрасту и болезни уволить на покой, назначить епископом Можайским архимандрита Бориса (Рукина)»[3]. М. Е. Губонин так характеризовал этого клирика: «Экспансивный и увлекающийся (кстати и кокаи-

---

[1] *Шевченко Т. И.* Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). С. 144.

[2] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 204. Л. 16.

[3] Там же. Д. 218. Л. 184.

нист)»[1]. Патриарх знал особенности характера архимандрита Бориса, но надеялся, что он сумеет их преодолеть. Кроме того, в ожидании репрессий приходилось спешить с новыми хиротониями. В этот же день было принято постановление Святейшего Патриарха и Священного Синода (№ 112) открыть викарную Александровскую кафедру во Владимирской епархии. Сюда был назначен высланный с Украины и пребывавший на покое епископ Павел (Кратиров)[2]. В будущем епископ Павел станет известен как один из самых активных деятелей иосифлянства и непримиримый противник митрополита Сергия (Страгородского).

Тем же днем датировано еще одно решение ВЦУ: «Вполне признавая дарованную собором 1917–1918 гг. автономию Украинской церкви, но, принимая во внимание, что в настоящее время нет в ней ни митрополита, ни замещавшего его Экзарха, нет и Священного Синода, Святейший Патриарх и Высшее при нем Церковное управление благословляет открыть в г. Глухове кафедру викарного епископа Черниговской епархии, на каковую назначить указанного архиепископом Черниговским архимандрита Дамаскина (Цедрик[а])»[3].

15 ноября по новому стилю должен был начаться Рождественский пост, продолжающийся 40 дней до Рождества, которое по новому стилю должно было отмечаться 25 декабря. Стало окончательно ясно, что пост начнется по старому стилю, т. е. через 13 дней, а значит, усилия ГПУ оказались тщетными. В этот день канцелярия Патриарха Тихона еще функционировала. Согласно сделанной одним из ее сотрудников помете, «15 ноября послано с оказией 8 экземпляров воззвания Святейшего Патриарха с резолюцией о восстановлении старого стиля»[4]. Вероятно, были предприняты и другие усилия, направленные на срочное оповещение духовенства и паствы о возвращении к юлианскому календарю.

---

[1] Цит. по: Отзыв В. И. Петрушко на диссертацию священника Александра Мазырина «Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский) и высшее церковное управление в условиях гонений со стороны власти и борьбы за единство Церкви», представленную на соискание ученой степени доктора церковной истории // http://pstgu.ru/DIR_UPLOAD/03_2012/Petrushko.pdf.

[2] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 185.

[3] Там же. Д. 211. Л. 14.

[4] Там же. Д. 192. Л. 31.

Вечером 15 ноября началась спецоперация ОГПУ по разгрому Патриаршего Управления.

В ночь на 16 ноября был арестован архиепископ Иларион (Троицкий). Главным «виновником» провала операции по введению нового стиля в ОГПУ считали архиепископа Илариона, ведь именно он убедил Тучкова не направлять послание Патриарха епархиальным архиереям. В сводке ОГПУ о положении в стране за ноябрь 1923 г. отмечалось, что «Иларион начинает проявлять себя как антисоветский элемент»[1].

Действительно, архиепископ Иларион жертвовал своей свободой, а в конце концов и жизнью ради сохранения церковной традиции, ведь ранее он не без успеха убеждал Е. А. Тучкова в своей полной лояльности и готовности выполнять требования властей. Е. А. Тучков говорил святителю Илариону: «Уговорите Патриарха завести новый стиль; неужели он не может сделать маленькой уступки для власти? Если советская власть завела этот стиль, то пусть и церковь покажет, что она солидарна с нею»[2]. Как писал сам Патриарх, церковный народ связывал арест святителя Илариона с отменой нового стиля: «Архиепископ Иларион [Троицкий], Наш ближайший помощник, арестован и по неизвестным причинам в административном порядке сослан в Соловки... Верующие усмотрели в этой репрессии, явившейся в результате Нашего распоряжения о приостановлении реформы календаря, и доказательство вмешательства гражданской власти во внутренние дела Церкви»[3].

А. Д. Самарин писал, что архиепископ Иларион понес наказание как главный «виновник» отказа от нового стиля: «Патриарх убедился, что необходимо считаться с этим противодействием народа и, воспользовавшись более точными сведениями, наконец полученными из заграницы, и тем, что послание о переходе на новый стиль не было выпущено из типографии и к концу ноября, отменил свое распоряжение. Москва с радостью возвратилась на старый стиль. В ГПУ поднялась целая буря. Отмена распоряжения о реформе церковного календаря была приписана влиянию Арх[иепископа] Иллариона и других. У многих еписко-

---

[1] «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину. Т. 1, ч. 2. С. 947.

[2] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. С. 109.

[3] Акты... С. 335.

пов, живущих в Москве, был произведен обыск[,] и два из них, Арх[иепископ] Илларион и Еп[ископ] Николай Звенигородский (Добронравов) были арестованы. Еп[ископ] Николай через два дня был освобожден, но с него взята подписка, что он не будет посещать Патриарха и принимать участия в патриаршем управлении, а Арх[иепископ] Илларион выслан на два года в Соловки»[1].

За арестом святителя Илариона последовали репрессии против духовенства из окружения Патриарха. Аресты, произведенные ГПУ в ночь с 15 на 16 ноября 1923 г., коснулись и сотрудников Московского Епархиального Управления. 15 ноября был арестован епископ Николай (Добронравов), который вынужден был написать в тот же день прошение об уходе на покой, так как «в настоящее время он не может заниматься делами церковного управления»[2]. В результате спецоперации ОГПУ была прекращена деятельность Патриаршей канцелярии, прекратились заседания Высшего Церковного Управления.

16 ноября, в пятницу, по всей видимости, Патриарх побывал в ОГПУ у Е. А. Тучкова. Он пришел просить за арестованных представителей духовенства, особенно за архиепископа Илариона. Также он подал Тучкову и заявление с просьбой освободить приговоренных к высылке в Туркестан симферопольских священников Дмитрия Игнатенко, Евгения Эндека и протодиакона Трофима Хоменко. Письмо их жен Патриарху с просьбой о ходатайстве о них перед властями датировано 10 ноября 1923 г. На письме имеется резолюция Святейшего Патриарха от 16 ноября 1923 г.: «Заявление сдано мною в ГПУ»[3]. Очевидно, Е. А. Тучков требовал не только возврата к новому стилю, но и создания нового ВЦУ с участием обновленцев. Патриарх, вероятно, поступил так же, как всегда в подобных случаях: ничего не обещая, взял время на раздумье, ожидая проявления Промысла Божия. Богослужений за пределами Донского монастыря Патриарх проводить уже не мог.

18 ноября, в воскресенье, Патриарх служил литургию в Донском монастыре.

---

[1] Цит. по: Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 63.
[2] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 174.
[3] Там же. Л. 35.

Патриарх возглавил хиротонию архимандрита Дамаскина (Цедрика) во епископа Стародубского[1]. Хиротонию также совершали архиепископ Черниговский и Нежинский Пахомий (Кедров), епископ Ананьевский Парфений (Брянских)[2].

> 20 ноября, во вторник, Патриарх служил всенощную в Донском монастыре.
>
> 21 ноября, в день празднования Архангела Михаила, там же – Божественную литургию.

На состоявшемся 20 ноября заседании Антирелигиозной комиссии Е. А. Тучкову после его доклада об итогах «работы» с Патриархом и обнаружении в Патриаршей канцелярии тиража патриаршего воззвания о введении нового стиля было велено добиться возвращения нового стиля в церковную жизнь: «...поручить тов. ТУЧКОВУ провести через Тихона новый стиль и отменить введение старого. ...Поручить ему же срочно расклеить и распространить Тихоновское воззвание о введении им нового стиля»[3].

Е. А. Тучков немедленно приступил к исполнению поручения. Патриарх Тихон в своем заявлении во ВЦИК в 1924 г. писал, что после возвращения к старому стилю «канцелярия Наша была опечатана агентами Правительства, из нее были взяты неразошедшиеся экземпляры Нашего, тогда уже отмененного послания о введении нового стиля и оказались расклеенными по улицам столицы без Нашего ведома и согласия»[4].

Патриарх Тихон, получив отказ Е. А. Тучкова об освобождении арестованных архиереев, стал действовать через голову ОГПУ. 20 ноября в письме П. А. Красикову Патриарх просил освободить архиепископа Илариона и отменить намеченную на 26 ноября высылку архиепископа Петра[5]. 22 ноября 1923 г. заведующий 5-м отделом Наркомюста Красиков обращался с письмом в ГПУ к Тучкову с просьбой «срочно сообщить о причинах

---

[1] *Косик О. В.* Дамаскин (Цедрик) // ПЭ. М., 2008. Т. 13. С. 685.

[2] *Пуцко В.* Глуховский епископ Дамаскин // Московский журнал. 2002. № 10. С. 46.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 43; Архивы Кремля. Кн. 1. С. 532.

[4] Акты... С. 335.

[5] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 356–357.

ареста епископа Илариона, положении его дела и возможности его освобождения из-под ареста до суда»[1].

§ 20. Завещательное распоряжение Патриарха (23 ноября 1923 г.)

Патриарх Тихон категорически отверг требование Тучкова и заявил, что никто в мире не навяжет ему таких действий, которые отвергает его совесть. Такая принципиальная позиция вызвала жесткую реакцию со стороны ОГПУ.

В период 21–23 ноября была опечатана канцелярия Патриарха. Об этом говорил в Петрограде епископ Мануил. По данным ГПУ, «Мануил утверждает, что он не прикосновен, как патриарший ставленник, а также что патриарх не подписывал тех манифестов и воззваний, которые расклеиваются правительством от его имени. Напр[имер,] воззвание от 1 октября выкрало у патриарха ГПУ, оно же заставило патриарха написать новое воззвание о том же новом стиле, а сам патриарх всецело за старый стиль и вообще за старое»[2].

Будучи фактически временно отстраненным от церковного управления и ожидая ареста, 23 ноября 1923 г. (указав эту новостильную дату) Патриарх Тихон подписал завещательное распоряжение: «В случае моего ареста, осуждения гражданского, насильственного удаления от дел управления или кончины назначаю, до избрания Патриарха канонически и свободно созванным Собором Православной Русской Церкви, своим заместителем Митрополита Ярославского Высокопреосвященного Агафангела, а в случае его отказа или устранения – Митрополита Казанского Высокопреосвященного Кирилла»[3].

Это завещательное распоряжение было написано в двух экземплярах (помета «2 экз.» видна на фотокопии этого доку-

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 356–357.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 363.

[3] Распоряжение Патриарха Тихона / Публикация Т. Ф. Павловой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. Вып. 1. С. 241; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 357; Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника. М., 2006. С. 218.

мента[1]). Его удалось сохранить в тайне от властей, так как упоминаний о нем в следственном деле Патриарха Тихона нет. И. В. Попов, у которого хранилось завещание, 31 января 1924 г. написал на конверте с завещательным распоряжением от 23 ноября 1923 г.: «В случае моей смерти прошу передать этот пакет настоятелю московского Данилова монастыря епископу Феодору (Поздеевскому), в случае же моего продолжительного ареста или ссылки хранить его и выдать тому же епископу Феодору, как только от него поступит на это требование»[2].

Настрой Святейшего можно понять, если учесть, что «в это время патриарх Тихон часто говорил, что он никогда бы не стал выходить из заключения, если бы знал, что обновленчество сделало столь малые успехи и что теперь (когда он спокоен за судьбу Церкви) он с удовольствием пойдет в тюрьму»[3].

В тот же день глава Московского Епархиального Управления протоиерей В. П. Виноградов обратился с «докладной запиской» к П. Г. Смидовичу с просьбой создать «особую комиссию» из государственных чиновников, которая контактировала бы с органами Церковного Управления и таким образом способствовала их легализации. По его словам, эти органы «делали все возможные с их стороны попытки войти и действовать в возможно более полном контакте с отдельными представителями Гос[ударственной] Власти Г.П.У. и НКЮ, но все эти попытки не могли привести к желанной цели вследствие частного, случайного неоффициального характера бывших для сего сношений»[4]. Очевидно, в этом можно видеть попытку избежать ситуации, когда все вопросы, связанные с Церковью, государство предоставляло решать ОГПУ. Здесь выражено желание иметь открытый диалог с властью, а не «игру в кошки-мышки» с Е. А. Тучковым, который постоянно предлагал в обмен на улучшение положения Церкви пойти на сделку со своей совестью, нарушить канонический строй церковной жизни.

С. Л. Фирсов справедливо указывает на то, что «Виноградов стучит в закрытую дверь, не желая видеть очевидного – нор-

---

[1] Распоряжение Патриарха Тихона. С. 240.
[2] Ради мира церковного. С. 218.
[3] Акты... С. 307.
[4] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 356–357.

мальные отношения с Православной Церковью, возглавляемой Патриархом Тихоном, власти не нужны»[1].

§ 21. Единоличное управление Патриарха Церковью (23 ноября – декабрь 1923 г.)

В условиях, когда деятельность ВЦУ была невозможна, все решения, в том числе касающиеся хиротоний и перемещений архиереев, Патриарх стал принимать единолично.

> 24 ноября, в субботу, Патриарх совершил первую после репрессий середины ноября литургию за пределами Донского монастыря. Она состоялась в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Левшинском переулке[2].
> 25 ноября, в воскресенье, Патриарх Тихон совершил литургию в храме великомученицы Анастасии на Бутырках.

За литургией 24 ноября Патриарху сослужил только что освобожденный из Бутырской тюрьмы протопресвитер Михаил Польский, рассказавший в своей книге «Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника» о беседе со Святейшим, состоявшейся накануне богослужения:

«Патриарх по-прежнему был добр и благодушен, но такой худенький, измученный, что, прощаясь с ним, я заплакал от чувства жалости. Приклонив мою голову к своей груди, Патриарх спросил: „Что же ты плачешь?“ Я совершенно неожиданно для себя самого ответил: „Мне кажется, что я вас больше не увижу...“ Конечно, не Патриарха я видел перед собою весьма недолговечным, а внутри меня была полная уверенность, что и я долго на свободе не прохожу... Патриарх рассмеялся и сказал: „Ну, гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится. Послужи завтра со мною“.

Кстати сказать, в беседе с Патриархом я ему покаялся, что, сидя в тюрьме, не раз мысленно осудил его за сдачу пози-

---

[1] *Фирсов С. Л.* Время в судьбе: Святейший Сергий, патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 2005. С. 135–136.

[2] Богослужебный дневник... С. 114.

ций большевикам. Патриарх благодушно прощал меня и говорил о том, что его свобода хуже тюрьмы, и сам вспоминал свое сидение как лучшее время. На другой день я еще раз сослужил Патриарху в церкви великомученицы Анастасии, что у Бутырской заставы. Затем был арестован и отправлен в Соловки. Больше я Патриарха не видел»[1].

Измученный вид святителя Тихона, описанный протопресвитером М. Польским, показывает, какое тяжелое впечатление произвели на него репрессии в отношении его окружения и попытки и угрозы Е. А. Тучкова. Как писал о Патриархе священник Д. Хвостов, «Святейший никогда и нигде не показывал людям свою скорбь и свое страдание и только стремился своей улыбкой и шуткой рассеять скорбь других, снять с плеч чужое бремя»[2].

26 ноября Патриарх рассмотрел прошение епископа Пензенского Иова (Рогожина) от 7/20 ноября 1923 г., который сообщал, что в Пензенской епархии нет ни одной общины, сохранившей верность Патриаршей Церкви, в связи с чем просил перевести его на Пятигорскую кафедру. Кроме того, проживая в Москве, он опасался ареста. Патриарх Тихон наложил резолюцию о назначении его епископом Пятигорским[3].

28 ноября, в среду, Патриарх совершил литургию в храме мученика Иоанна Воина на Якиманке[4].

В этот день без участия Синода Патриарх принял решение по заявлению епископа Филиппа (Перова), уклонявшегося в обновленчество, наложив резолюцию: направить на Нижне-Ломовскую викарную кафедру в Пензенской епархии[5].

30 ноября, в пятницу, Патриарх совершил литургию в храме святителя Василия Кесарийского на Тверской[6].

---

[1] Цит. по: Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России / Сост. А. А. Маркова. М., 2011. С. 262–263.

[2] Цит. по: Там же. С. 258.

[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 235.

[4] Богослужебный дневник... С. 114.

[5] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 247–248.

[6] Богослужебный дневник... С. 114.

В этот день Святейший рассмотрел доклад епископа Сарапульского Алексия (Кузнецова) «об открытии самостоятельной Вотской епархии»[1]. Однако Патриарх Тихон отверг это ходатайство, потому что «находил несвоевременным дробление и разделение епархий вообще и Сарапульской в частности»[2]. В ответ на доклад епископа Алексия Патриарх своей резолюцией снова призвал духовенство епархии во главе с иеромонахом Аркадием (Григорьевым) к послушанию своему архиерею[3].

30 ноября 1923 г. Патриарх также предписал:

«Преосвященному Фаддею немедленно выбыть из Москвы в Астрахань»[4]. Такое предписание архиепископу Фаддею (Успенскому) было продиктовано опасениями Патриарха, связанными с возможным арестом этого святителя. 30 ноября 1923 г. заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ Я. С. Агранов и Е. А. Тучков сообщали Красикову на его запрос от 22 ноября: «Гр. Троицкий арестован за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в антисоветской агитации на устраиваемых им диспутах, лекциях и в распространении провокационных слухов с контрреволюционной целью. Дело его находится в производстве следствия. Считаясь с серьезностью состава преступления, удовлетворить ходатайство быв. патриарха Тихона Белавина СО ОГПУ не находит возможным»[5]. 7 декабря Комиссия НКВД по административным высылкам приняла следующее решение в отношении архиепископа Илариона (Троицкого): «Троицкого заключить в концлагерь сроком на три года»[6].

Архиепископ Петр (Полянский) вышел на свободу, намеченная на 26 ноября его высылка из Москвы была отменена. В декабре 1923 г., убедившись, что архиепископ Иларион (Троицкий) не будет освобожден в ближайшее время, Патриарх Тихон назначил архиепископа Петра управляющим Московской епархией.

---

[1] *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке. Дис. ... канд. богосл. МДА, 2009. С. 32.

[2] Там же. С. 40.

[3] *Кожевников И. Е.* Священноисповедник Виктор (Островидов) и образование Ижевской епархии // Сборник студенческих научных работ кафедры Церковной истории МДА. Сергиев Посад, 2010. С. 62.

[4] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 272.

[5] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 356–357.

[6] ЦА ФСБ. Д. Р-43193. Т. 2. Л. 166 об.

2 декабря, в воскресенье, в сослужении сонма архиереев Патриарх Тихон совершил литургию в храме Рождества на Стрелке (на Солянке)[1].

На литургии архимандрит Григорий (Лебедев) был хиротонисан во епископа Шлиссельбургского, викария Петроградской епархии. При его назначении в Петроград Патриарх сказал такие слова: «Посылаю вам жемчужину»[2].

3 декабря, в понедельник, Патриарх служил всенощную в Донском монастыре.
4 декабря, в день шестилетия Патриаршей интронизации, там же – Божественную литургию.

4 декабря 1923 г. чином, разработанным епископом Мануилом (Лемешевским), обновленческий митрополит Петроградский Артемий принес покаяние в уклонении в раскол. Е. А. Тучков докладывал об этом: «...архиепископ Артемий перешел в Лагерь Тихоновщины, который при торжественном служении трех епископов публично раскаялся о своем вступлении в обновленческую группу»[3].

8 декабря, в субботу, Патриарх совершил всенощное бдение в храме Георгия, что на Всполье[4].

Чтобы поставить Патриарха вне закона, Наркомюст выпустил циркуляр № 254 от 8 декабря 1923 г., в котором поминовение Патриарха во время богослужений признавалось уголовно наказуемым деянием[5]. Циркуляр запрещал поминовение на церковных богослужениях лиц, находящихся под судом, «в частности, в отношении гр. Белавина»: «Поскольку такое чествование, выражающееся в упоминании имени данного лица в публичных молитвах, проповедях и т. п., с присоединением к этому звания, по состоянию в котором это лицо совершило вменяемое

---

[1] Богослужебный дневник... С. 115.
[2] *Шкаровский М. В., Галкин А. К.* Григорий (Лебедев) // ПЭ. Т. 12. С. 544.
[3] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 374–375.
[4] Богослужебный дневник... С. 115.
[5] Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). С. 234–235.

ему преступное деяние, носит характер явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти или направляется с явным намерением возбудить в населении недовольство или дискредитировать власть, оно является деянием уголовно-наказуемым»[1]. Не имея возможности в этот момент арестовать Патриарха, власти попытались запретить его поминовение. Это ставило под угрозу сохранение Патриаршей власти в Церкви. Патриарх, понимая, что ситуация угрожающая, вынужденно пошел на уступки в отношении нового стиля.

> 9 декабря, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в храме великомученика Георгия в Грузинах, всенощную – в храме иконы Божией Матери «Знамение» в Зубове[2].

10 декабря 1923 г. датировано воззвание Патриарха Тихона к верующим, в котором говорилось: «Объявляем, что наше обращение о введении нового стиля в церковное употребление остается в силе для всех верующих, но не исключается возможность в зависимости от местных условий епархий те или иные праздники отправлять по старому стилю, испрашивая на это разрешения и гражданской власти, если таковые праздники не совпадают с установленными декретом государственной власти днями отдыха»[3]. Это обращение было опубликовано в газете «Известия ВЦИК» 19 декабря 1923 г.

Как свидетельствует протопресвитер В. Виноградов, ему не удалось установить происхождение этого документа, так как через Патриаршее Управление он не проходил, никому не рассылался и известен только по газетам. Никакого практического применения в церковной жизни этот документ не имел. Протопресвитер В. Виноградов предполагал, что «этот документ... составленный кем-то и как-то наспех, понадобился Тучкову, чтобы затушевать перед какими-то высшими советскими властями полную неудачу своих махинаций при попытке навязать патриаршей Церкви новый стиль»[4]. Публикация подложных посланий от имени Пат-

---

[1] Следственное дело... С. 860–861.

[2] Богослужебный дневник... С. 115.

[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 43.

[4] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 23.

риарха была крайним средством для Е. А. Тучкова, которому так и не удалось сломить волю Святейшего. Решение же АРК от 5 декабря 1923 г. надо было выполнять. Причиной своих неудач Тучков считал нехватку сотрудников. 29 ноября 1923 г. в рапорте руководству он просил увеличить штат 6-го отделения, однако в результате сюда пришел только один сотрудник, А. В. Казанский, который работал ранее в «антицерковном» подразделении Московского городского отдела ГПУ, ликвидированном в октябре 1923 г.[1]

Сам Патриарх Тихон не спешил выполнять предписания этого вынужденного послания о возвращении нового стиля, поскольку не писал его, хотя и молчаливо согласился с его публикацией. 10 декабря на вопрос духовенства г. Пропойска, «по какому стилю служить», он ответил: «Пока по-старому – П. Т.»[2]. А уже 13 декабря написал: «Держимся старого, если желают прихожане – можно справлять и по-новому – П. Т.»[3].

> 12 декабря, в среду, Патриарх служил всенощную в храме Софии Премудрости Божией на Софийской набережной[4].

В этот день Патриарх одобрил решение о рукоположении по пострижении в монашество протоиерея А. Дмитриевского во епископа Армавирского, викария Кубанской епархии[5], а также утвердил епископа Иринея (Шульмина), рукоположенного во епископа викариями Уфимской епархии в январе 1923 г., быть епископом Мензелинским, викарием Уфимской епархии.

В этот день Антирелигиозная комиссия приняла решение: «Поручить т. Тучкову провести через Тихона увольнение Платона [Рождественского] от должности»[6]. Тучкову также было поручено провести через Патриарха Тихона и Синод «осуждение Польскому правительству за гонения на правосл[авную] церковь»[7].

Однако до конца 1923 г. Тучкову не удалось ничего сделать для проведения в жизнь этих решений.

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 100.
[2] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 47.
[3] Там же.
[4] Богослужебный дневник... С. 115.
[5] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 258.
[6] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 532.
[7] Там же. Кн. 1. С. 533.

13 декабря, в четверг, Патриарх Тихон совершил Божественную литургию в храме Софии на Софийской набережной. При этом храме жил архиепископ Тихон (Оболенский)[1].
15 декабря, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца на Берсеневской набережной; всенощную – в храме Рождества Богородицы в Столешниках[2].
18 декабря, во вторник, – всенощное бдение в Донском монастыре[3].
19 декабря в среду, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Ваганькове, на Пресне.

20 декабря на вопросы трех православных общин села Поворина Борисоглебского уезда Рождественской волости Патриарх ответил: «Мы справляем праздники по старому»[4].

Множество вопросов, задаваемых Патриарху по поводу публикации в «Известиях» от 19 декабря его подложного послания, вызвало необходимость разослать его разъяснения о совершении богослужений в наступающий праздник Рождества Христова. Патриарх не мог назвать эту публикацию подложной, поэтому в документе говорилось: «...этим обращением не предписывается безусловно отправление богослужения в день Рождества Христова по новому стилю в нынешнем 1923 г., так как такой экстренный переход вызвал бы нарушение богослужебного устава и поста»[5]. При этом указывалось, что где население хочет праздновать Рождество Христово по новому стилю, там и служба рождественская может совершаться по новому[6].

21 декабря произошла встреча Патриарха с епископом Мануилом (Лемешевским): «На вопрос Святейшего Патриарха Тихона: „Ну, а как с новым стилем?“ [–] владыка Мануил ответил: „Мы воздержались от этого“. На это Святейший Патриарх сказал с ласковой улыбкой: „Вот хорошо сделал, что не перешел. Это ты мудро поступил. А у нас, было, перешли, да через несколько дней обратно, на старое. Народ не принял“»[7]. Архимандрит

[1] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 533.
[2] Богослужебный дневник... С. 116.
[3] Там же.
[4] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 194. Л. 30.
[5] Там же. Д. 192. Л. 45.
[6] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 45.
[7] *Щербаков А.* Митрополит Мануил (Лемешевский) и его борьба с обновленчеством: Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2005. С. 63.

Вениамин (Милов) в воспоминаниях писал, что будучи наместником Покровского монастыря в Москве, где было прочитано послание о введении нового стиля, он служил по старому стилю. Патриарх, узнав об этом, лишь слегка пожурил: «Отца надо слушаться», – но не наказал будущего епископа, зная, что тот продолжает придерживаться старого стиля[1].

> 23 декабря, в воскресенье, Патриарх Тихон совершил всенощное бдение в храме Харитона Исповедника в Огородниках[2].

Накануне Рождества по новому стилю Патриарха спрашивали, как праздновать. Он ответил: «Праздновать по желанию прихожан»[3].

> 25 декабря, во вторник, в сослужении епископа Сергиевского Варфоломея (Ремова) Патриарх совершил литургию в храме святителя Спиридона Тримифунтского на Козьем болоте[4].

27 декабря Патриарх Тихон одобрил «Соображения на случай дезорганизации церковной жизни»[5].

28 декабря Патриарх написал резолюцию на обращении епископа Иоанникия (Соколовского): «Преосвящ[енному] Иоанникию Екатеринославскому поручается временное попечение о православных приходах Херсонско-Одесской епархии, если предоставится возможность жить в ней»[6].

> 30 декабря, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в храме святителя Николая на Покровке; всенощное бдение в Покровской общине сестер милосердия.

31 декабря 1923 г. появилось разъяснение Управляющего Московской епархией архиепископа Петра (Полянского) за № 678:

---

[1] Цит. по: Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. С. 247.

[2] Богослужебный дневник... С. 116.

[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 48.

[4] Богослужебный дневник... С. 116.

[5] Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви / Сост. М. Склярова. СПб., 1994. С. 360. (Сам документ в указанном издании не приводится.)

[6] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 279.

«В связи с циркуляром НКЮ за № 254 от 8 декабря с. г., напечатанном в еженедельнике Советской Юстиции № 48, на имя губернских и областных прокуроров, о публичном чествовании лиц, осужденных или опороченных по суду[,] с указанием в частности имени Патриарха Тихона. Означенный циркуляр по разъяснению представителей государственной власти в отношении поминовения Святейшего Патриарха Тихона за богослужением не говорит о том, что молитвенное возношение имени Патриарха само по себе является актом уголовно наказуемым, если это поминовение совершается в приходских организациях политически благонадежных и лояльно настроенных по отношению к существующему государственному советскому строю, и если оно не носит демонстративный антисоветский характер. При сем само поминовение обязательно для верующих, находящихся в молитвенном каноническом общении с Святейшим Патриархом»[1].

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 195. Л. 1.

ГЛАВА VI
Патриарх Тихон в 1924 г.

§ 1. Вопрос о поминовении Патриарха (1–9 января 1924 г.)

1 января 1924 г., во вторник, Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Голутвине[1].

2 января вышло постановление № 3 Патриарха Тихона и Патриаршего Синода о неканоничности обновленческой иерархии. Все клирики, находившиеся вне общения с Патриархом, признавались раскольниками, от них требовалось покаяние и осуждение обновленческого собора 1923 г.[2] Святейший понимал обновленчество не только как неподчинение Патриарху. Он считал, что обновленцем можно быть и поминая Патриарха, но пренебрегая церковными традициями и установлениями. Одному из благочинных Самарской епархии в 1923 г. он писал: «О[тец] Георгий, при объезде причтов церквей, если только встретите священнослужащих: 1) стригущих свои волосы на голове, 2) бреющих бороды, 3) ходящих в штатских одеждах, 4) небрежно относящихся к святыне, 5) допускающих своеволие при богослужении, 6) курящих, 7) посещающих увеселительные места: клуб, кино и т. д., – хотя и поминают Патриарха как Главу Российской Святой, Соборной, Апостольской Церкви, – не верьте им, ибо они явные обновленцы, скрывая себя только в поминовении Патриарха»[3].

---

[1] Богослужебный дневник Святейшего Патриарха Тихона, 1917–1925 гг.: Список М. Е. Губонина. Библиотека СПбДА и С. С. 116. Машинопись.

[2] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 309.

[3] Там же. С. 308–309.

3 января 1924 г., согласно плану ОГПУ, состоялось епископское совещание в Донском монастыре[1]. Главным предметом обсуждения был циркуляр НКЮ о запрете поминовения Патриарха. Многие епископы считали, что поминовение Патриарха следует прекратить. В сводке ОГПУ говорилось: «По случаю помещенного в газете разъяснения, относительно поминовения в церквах Тихона, состоялось епископское совещание, на котором постановлено Тихона поминать и впредь, не взирая ни на какие угрозы и кары со стороны властей. Что касается того обстоятельства, что храмы, коими пользуются группы верующих, могут быть закрываемы вследствие неподчинения распоряжениям властей, – духовенством принято во внимание, что власть все равно не будет доискиваться поводов, раз ей захочется закрыть тот или иной храм; она закроет его без всякого повода, с этим власть не очень церемонится. Вообще на церковь начались гонения усиленные, виновниками – живцы (живоцерковники. – *Ред.*), в феврале, впрочем, придет этим гонениям конец»[2].

На рапорт епископа Мануила (Лемешевского) от 3 января об образовании Петроградского епархиального управления была дана положительная резолюция, которую подписали Патриарх Тихон, архиепископы Тихон (Оболенский), Серафим (Александров), Петр (Полянский), епископ Никодим (Кротков)[3]. Епископ Таврический Никодим (Кротков) до своего ареста 14 января 1924 г. упоминается здесь как член Синода.

4 января, в пятницу, Патриарх совершил молебен на начало Мироварения в храме Введения в Барашах[4].

5 января, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме Спаса Преображения на Спасской.

Патриарх совершил в этот день хиротонию архимандрита Глеба (Покровского) во епископа Михайловского, викария Рязанской

---

[1] Центральный архив ФСБ (далее: ЦА ФСБ). Д. Н-1780. Т. 4. Л. 360.

[2] Там же.

[3] Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 272. Л. 9.

[4] Богослужебный дневник... С. 117.

епархии[1]. Так как управлявший епархией епископ Борис (Соколов) находился в это время в Москве без права выезда, новый епископ должен был осуществлять управление епархией в Рязани.

> 6 января, в воскресенье, Патриарх совершил литургию и освящение Мира в храме Введения в Барашах, а вечером – всенощное бдение в Донском монастыре[2].

В этот же день в газете «Известия ВЦИК» была опубликована статья, извещавшая о запрещении поминовения имени Патриарха Тихона на богослужениях.

> 7 января, в понедельник, в праздник Рождества Христова, Патриарх Тихон совершил раннюю литургию в Донском монастыре. Он возглавил хиротонию первого архиерея Бутурлиновского викариатства Воронежской епархии Митрофана (Поликарпова).

9 января 1924 г. появилась резолюция Святейшего Патриарха за № 20 на докладе Патриарху Тихону мирянина С. Маслова из Самары, в котором сообщалось, что после ареста всех викариев «епископ Алексий уехал в Бугуруслан и дела Епархиального управления сдал живоцерковникам»[3]. Резолюция гласила: «Предложить Алексию Бугурусланскому или поселиться в Самаре, или чаще там бывать для управления»[4].

§ 2. Попытки ОГПУ добиться ухода Патриарха на покой (10–15 января 1924 г.)

10 января решением Верховного суда из Бутырской тюрьмы были освобождены проходившие с Патриархом по делу митрополит Арсений (Стадницкий), архиепископ Никандр (Феноменов) и П. В. Гурьев[5].

---

[1] *Серафим (Питерский), игум., Мелетия (Панкова), мон.* Глеб (Покровский), архиеп. // Православная энциклопедия (далее: ПЭ). М., 2006. Т. 11. С. 560.

[2] Богослужебный дневник... С. 117.

[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л.293.

[4] Там же.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 23. Л. 30.

По данным из окружения Патриарха, митрополиту Арсению (Стадницкому) при выходе из тюрьмы было сказано: «Если хочешь быть на свободе, сделай так, чтобы Тихон ушел на покой»[1]. Митрополит отказался от этого предложения: «И когда Арсений категорически от этого отказался, то это и было будто-бы причиною его вторичного ареста»[2].

В этом же документе, составленном со слов представителя окружения Патриарха, говорится о настойчивом стремлении власти добиться ухода Патриарха: «Но „они" Тихона все равно „уйдут", говорят некоторые из приближенных к нему профессоров Дух[овной] Академии, если не так, то иначе „они" его окончательно дискредитируют в глазах верующих масс»[3]. Речь идет о выполнявших задания ОГПУ представителях Синода и МЕУ.

Эти данные подтверждаются тем, что на первом допросе после ареста митрополиту Арсению вменялось в вину «распространение провокационных слухов»[4]. Архиепископ Никандр планировал посетить архиепископа Феодора (Поздеевского): «Из недавно освобожденных, пока – до сего времени, – никто не посещал еще арх[иепископа] Федора, но ожидают посещения арх[иепископа] Никандра и прот[оиерея] Ив[ана] Вас[ильевича] Арсеньева»[5].

Одновременно ГПУ попыталось добиться устранения Патриарха через другого известного архиерея – митрополита Макария (Невского). Обновленцы в середине января направили делегацию, состоявшую из московских священников, скрывших свое обновленчество, к бывшему митрополиту Московскому Макарию (Невскому), который проживал в подмосковном Николо-Угрешском монастыре, с просьбой вновь принять митрополию. (Летом 1917 г. митрополит Макарий неканонично был сведен с кафедры по настоянию обер-прокурора В. Н. Львова.) Но святитель Макарий понял, кто перед ним, и не стал вступать в переговоры с обновленцами[6]. Эти данные подтверждает в письме А. Д. Самарин: «Между прочим бывшему Московскому Митроп[ополиту] Макарию, разбитому параличом и прикованному к креслу, но все еще

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 381.
[2] Там же.
[3] Там же
[4] Там же. Т. 23. Л. 35.
[5] Там же. Т. 4. Л. 362.
[6] Там же. Л. 366.

сохраняющему ясность сознания, было предложено „взять в свои руки управление Церковью", т. к. он, незаконно лишенный кафедры обер-прокурором Львовым, имеет на это все права»[1].

11 января, в пятницу, Патриарх Тихон совершил литургию в храме Преображения Господня на Спасской.

По сообщениям сотрудника ГПУ, архиепископ Никандр (Феноменов) побывал у Патриарха и выразил желание быть освобожденным от Крутицкой кафедры: «Много толков возбуждает факт освобождения на короткое время М[итрополита] Арсения, Арх[иепископа] Никандра и Гурьева. Никандр был у Тихона в этот короткий срок пребывания своего на свободе и выразил ему желание быть освобожденным от кафедры Архиепископа Крутицкого»[2].

Патриарх принял его отказ и временно по болезни освободил его от Крутицкой кафедры, назначив на нее архиепископа Петра (Полянского). Об этом Патриарх сделал сообщение Синоду 24 января после возобновления его работы.

12 января АРК на своем заседании рассмотрела вопрос об освобожденных 10 января архиепископе Никандре (Феноменове) и П. В. Гурьеве. Было принято следующее решение: «Ввиду того, что освобождение означенных лиц политически вредно – поручить ГПУ немедленно их арестовать и на следующем заседании Комиссии поставить вопрос о деле Тихона вообще»[3]. На том же заседании состоялось «Разсмотрение заявления Тихона о командировании Илариона в Варшаву»[4]. В этой просьбе Патриарху было отказано.

13 января, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Толмачах.

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.): Выдержка из письма А. Д. Самарина деятелям Зарубежной Церкви с изложением событий церковной жизни в России / Вступительная статья, публикация и примечания О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 61.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 381.

[3] Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1997. Кн. 1. С. 533.

[4] Там же.

Это богослужение подробно описано со слов настоятеля храма протоиерея Илии Четверухина[1]. Патриарху сослужили архиепископ Петр (Полянский), епископ Николай (Добронравов) и архиепископ Серафим (Александров). Для диаконского служения пригласили известного московского диакона Михаила Холмогорова. Патриарх побывал также на обеде у настоятеля храма[2]. На литургии архимандрит Алексий (Комаров) был хиротонисан во епископа Балашовского, викария Саратовской епархии, с местопребыванием в Саратове.

> Всенощную 13 января Патриарх служил в храме святителя Василия Кесарийского на Тверской-Ямской.
> 14 января, в понедельник, в том же храме Патриарх Тихон совершил литургию.

Патриарх всю жизнь особо чтил память святителя Василия, чье имя он носил до монашеского пострига.

В этот же день был арестован епископ Таврический Никодим (Кротков)[3]. От него потребовали подписать документы о сотрудничестве с ОГПУ[4]. Он отказался, и за этим последовал арест.

Это свидетельствует о том, что ОГПУ пыталось зафиксировать свое влияние на членов Синода и окружение Патриарха. В сообщении осведомителя из Донского монастыря говорилось: «Недавно арестован архиепископ Таврический Никодим (быв[ший] Чигиринский). Говорят, что случайно было прочитано его письмо в Крым, где он подробно кому-то описывал течение и церковной и гражданской жизни в Москве»[5].

В сводке ОГПУ за 14 января отмечалось:

«Вопрос о непоминовении патриарха Тихона за богослужением серьезно обсуждался в Даниловом монастыре и был решен в отрицательном смысле. Архиепископ Федор Поздеевский

---

[1] Слава Богу за все... Священномученик протоиерей Илия Четверухин: Жизнеописание. Воспоминания духовных чад. Проповеди. М., 2004. С. 98. (Здесь указан неверный год: 1925-й вместо 1924-го.)

[2] Слава Богу за все... Священномученик протоиерей Илия Четверухин. С. 98.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 368.

[4] *Доненко Н., прот.* Наследники Царства. Симферополь, 2000. Кн. 1. С. 198–199; *Александр (Могилев), архиеп.* Священномученик архиепископ Никодим (Кротков): Жизнь, отданная Богу и людям. Кострома, 2000. С. 212–213.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 367.

послал патриарху официальное предложение, чтобы он сам распорядился о непоминовении его за церковной службой, ввиду распоряжения Наркомюста за № 254. При этом, не дожидаясь формального ответа от самого патриарха, архиепископ Федор распорядился о категорическом запрещении поминать вслух патриарха в своем монастыре. Патриарх, узнав об этом, послал сказать архиепископу Федору, что он считает его и согласных с ним епископов бунтовщиками. Архиеп[ископ] Федор не придал этому значения. Вместе с ним были согласны: митрополит Серафим Чичагов, епископ Нижегородский Филипп Гумилевский, Епископ Гурий Степанов, Епископ Амвросий Полянский, епископ – Николай Звенигородский – Добронравов, епископ Парфений Ананьевский, архиепископ Пахомий Кедров. В Даниловом и Покровском монастырях патриарха прекратили поминать прежде всех. Даниловские жители после всенощной по 14 января высказывали по этому поводу недовольство»[1].

Отказ от поминовения Патриарха вызвал в Даниловском монастыре бурную реакцию прихожанок. 14 января об этом сообщалось: «Женщины на 14 Января дебошировали около храма Данилова монастыря, где были слышны возгласы, что народ будет гнать вон из приходов тех настоятелей и попов, которые перестанут поминать патриарха Тихона, точно так же, как и доселе народ выгоняет от себя „красных“ попов-обновленцев»[2].

Близкий к Даниловскому монастырю мирянин сообщал в ГПУ: «14 января посетил ДАНИЛОВ монастырь проф[ессор] Н. Д. Кузнецов и будет там в воскресенье 30 января. Он произнес проповедь, посвященную всецело воспоминанию о Василии Великом и его деятельности, сравнивал времена григорианства с временем обновленчества и проводил между ними параллели. Между прочим, сам при арх[иепископе] Феодоре высказался за полное закрытие тунеядческих монастырей»[3]. В Даниловском монастыре говорили, что «поминовение Тихона по разъяснению вопроса с гражданской властью не воспрещается в церквах, приходы которых не опорочены контр-революцией и лойяльно настроены к Советской Власти»[4].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 361.
[2] Там же. Л. 367.
[3] Там же. Л. 362.
[4] Там же. Л. 365.

Однако некоторые архиереи принципиально выступали против отказа от поминовения Патриарха. Одним из них был проживавший в Симоновом монастыре епископ Назарий (Блинов): «В Симоновом монастыре, несмотря на протест братии, епископ Назарий БЛИНОВ, не имея на то никаких полномочий, распорядился о продолжении поминовения Патриарха Тихона, который так много приятного для него сделал. Монахи опасаются, как бы не прикрыли монастырь, а Назарий требует с пеной у рта громогласного поминовения „Великого господина и Святейшего отца, патриарха Тихона". Пользуясь отдаленностью м[онасты]ря от города, он смело и без смущения отслужил 14 января молебен на „Новый Год", чего не бывало даже в Даниловом и Донском м[онасты]рях»[1].

Вопрос о введении нового стиля не поднимался, богослужение совершалось по старому стилю. 14 января сообщалось: «Относительно нового стиля пока ничего не слышно, повсюду богослужение совершается, согласно желания верующих, по стилю старому, в противовес т[ак] н[азываемым] „живоцерковникам"»[2]. Народ высказывался решительно против нового стиля: «Церковные советы разных храмов прямо утверждают, что если принудительным порядком и перейдут на новый стиль, то народу никто не может возбранить совершать свои праздники сообразно с сельско-хозяйственным календарем, т. е. по старому стилю»[3]. Крестьяне села Нагатина говорят так: «Мы придем в церковь в какой-нибудь праздник по старому стилю и заставим попа служить нам, а если он не будет, то мы его выгоним»[4].

В тот же день Патриарха Тихона посетил епископ Тихон (Тихомиров): «В г. Сергиевске поселился епископ Тихон Тихомиров, сын известного Льва Тихомирова, быв[шего] редактора „Московских ведомостей". Он проживает там в доме своей матери и мечтает укрепиться в Сергиевске в качестве викарного епископа; два раза по этому делу он был у патриарха Тихона»[5].

15 января последовал новый арест митрополита Арсения (Стадницкого), архиепископа Никандра (Феноменова) и П. В. Гу-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 362.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 367.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 362.

рьева. Они были помещены в Бутырскую тюрьму[1]. В постановлении о привлечении митрополита Арсения в качестве обвиняемого и заключении его под стражу от 2 февраля 1924 г. ему инкриминировалось распространение провокационных слухов и говорилось, что «факт преступления подтверждается агентурными данными»[2].

§ 3. Возобновление деятельности Священного Синода и Московского епархиального управления (16–23 января 1924 г.)

16 января состоялось заседание Синода. Стремясь обеспечить принятие Синодом необходимых ОГПУ решений, на некоторых его заседаниях в этот период присутствовал Е. А. Тучков. Об этом писал А. Д. Самарин: «Деятельность Патриаршего управления протекает под непосредственным управлением Тучкова: сначала он посещал только Патриарха, потом стал вызывать к себе повестками членов Синода для инструкций, наконец стал ездить на заседания Синода и таким образом превратился в настоящего обер-прокурора. Теперь ни одно назначение, ни одно решение не проходит без его соизволения. Но он не ограничивается ролью наблюдателя и протестами, но диктует Синоду свою волю, требует постановлений, очень вредных для Церкви[,] и при помощи своих подручных и угроз умеет их провести...»[3].

Архимандрит Феодосий (Алмазов) описал заседание Синода в присутствии Тучкова: «3/16 января 1924 г. в заседании Священного Синода под председательством патриарха состоялось обо мне постановление. На синодальном заседании присутствовал Е. А. Тучков из ГПУ, а в приемной патриарха, где я находился, сидел его секретарь, о роли которого я не знал... <...> По окончании заседания Синода меня в мантии ввели в залу заседаний и Святейший Патриарх с Синодом совершили мое наречение во епископа по принятому порядку с провозглашением

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 23. Л. 34 об.
[2] Там же. Л. 32.
[3] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 61.

многолетия новонареченному епископу Петропавловскому Феодосию. Здесь были, кроме Святейшего, митрополит Тверской Серафим, митрополит Крутицкий Петр (Полянский), архиепископ Тихон (Оболенский) – титула его уже не помню, когда-то он был Уральским, и как будто еще один епископ, мне незнакомый»[1]. Возможно, это был член Синода, имя которого еще предстоит установить. Архимандрит Феодосий (Алмазов) так и не стал епископом из-за того, что в присутствии сотрудника ГПУ, находившегося в приемной, высказывался откровенно. Можно предположить, что присутствие на заседаниях Синода Е. А. Тучкова стало в этот период постоянной практикой, вынужденной условиями соглашения декабря 1924 г.

Архимандрит Феодосий был колоритной личностью. Его облик описал епископ Алексий (Симанский) в 1921 г.: «Вид его ужасен, и, к довершению безобразия, у него волосы (седые) подстрижены под скобку и борода „клинышком" a la Генрих IV. Можете себе представить эту фигуру в солдатской рубахе защитного цвета и соответствующего „строения" штанах и обмотках и в ужасных „американских" желтых башмаках, сверху всего – короткая уталенная и обесцвеченная ряса, а на главе [–] круглая соломенная ниццкого курортного образца шляпа с цветной полинялой лентой. При этом, особенно после письма, недавно написанного им Патриарху, он считает себя кандидатом на святительскую кафедру!»[2].

В этот период одним из требований властей к Патриарху было увольнение митрополита Американского и Канадского Платона (Рождественского), который в 1923 г. сделал ряд политических заявлений, направленных против власти большевиков. С прибытием в ноябре 1923 г. из СССР назначенного на кафедру обновленческим Синодом женатого «митрополита всея Америки» Иоанна Кедровского в епархии сложилась сложная обстановка. Кедровский в письме П. А. Красикову просил его через Патриарха Тихона отстранить митрополита Платона[3]. Эту просьбу Красиков вынес на заседание АРК. 12 декабря 1923 г.

---

[1] *Феодосий (Алмазов), архим.* Мои воспоминания: Записки Соловецкого узника / Подготовка текста М. И. Одинцова. М., 1997. С. 175.

[2] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С. 263–264.

[3] Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 57. Л. 59.

комиссия приняла решение: «Поручить т. Тучкову провести через Тихона увольнение Платона от должности»[1]. Выполняя это решение, Тучков во время встреч с Патриархом настойчиво требовал от него увольнения митрополита Платона.

16 января Синод принял постановление об увольнении митрополита Американского и Канадского Платона (Рождественского), которое было опубликовано в советских газетах. В постановлении также содержалось предложение митрополиту Платону прибыть в Москву в распоряжение Патриарха. Это было одним из требований ГПУ, предполагавшего арестовать митрополита по прибытии в СССР. Однако, как и в случае предыдущих «вынужденных указов» Патриарха, он сделал все возможное, чтобы этот указ не был осуществлен на практике. Так, не было принято решение о назначении преемника митрополиту Платону: об этом постановили иметь «особое суждение», но само решение до самой смерти Патриарха не было принято.

Как сообщали сексоты ОГПУ, находившиеся в окружении Патриарха, «Платон уволен из Америки по настоянию Тучкова. Предполагалось назначить в Америку Анастасия (Грибановского. – *Авт.*) (б[ывшего] Кишиневского), но будто бы Тучков заявил по этому поводу также решительный протест, чтобы в Америку был назначен кто-либо из здесь живущих архиереев»[2]. В отчете ОГПУ за январь 1924 г. говорилось: «Так, им уволился на покой североамериканский епископ Платон за к[онтр]-[р]еволюционную деятельность. Этот акт, несомненно, увеличит число недовольных Тихоном консервативных церковников и усилит оппозицию. Это же содействует усилению позиции обновленцев»[3].

Решение Синода об увольнении митрополита Платона от 16 января подписали Патриарх Тихон, архиепископы Серафим, Тихон и Петр[4]. Однако официальный указ о смещении митрополита Платона Патриархом ему так и не был послан[5]. Об этом пишет и А. Д. Самарин: «Из-за подтверждения назна-

---

[1] Архивы Кремля. С. 533.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 371.

[3] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1: 1922–1923 гг., ч. 2. С. 977.

[4] Акты... С. 310.

[5] *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви, 1917–1997. М., 1997. С. 573.

чения Митр[ополита] Платона управляющим американскою церковью была целая буря, в результате которой Патриарх вынужден был его уволить, но, так как ему не позволили назначить другого, то официального извещения об этом в Америку не послано...»[1]. Можно предположить, что Патриарх Тихон, в случае если не удастся сохранить митрополита Платона, хотел назначить на эту кафедру архиерея, живущего за границей, который ни в коей мере не зависел бы от ГПУ, и предлагал архиепископа Анастасия (Грибановского). Кроме того, как писал «митрополит» Иоанн Кедровский в письме от 28 июля 1924 г. члену обновленческого синода «протодиакону» С. А. Доброву[2], Патриарх Тихон дал митрополиту Платону, согласно сведениям источника ОГПУ,«словесное указание, а затем уведомил его письменно, не уходить из Америки и не выпускать из рук Русско-Американского Церковного имущества»[3]. Все это позволило митрополиту Платону выиграть в американском суде процесс по вопросу о церковном имуществе, на которое претендовали обновленцы.

Таким образом, только грубое вмешательство ОГПУ не позволило Патриарху Тихону назначить митрополитом Североамериканским архиепископа Анастасия, бывшего иерархом Русской Православной Церкви Заграницей. В сводках ГПУ есть сведения о том, что американскую кафедру Патриарх предлагал архиепископу Серафиму (Александрову), но он категорически от этого предложения отказался: «Вообще от Серафима во что бы то ни стало хотят отделаться. Тихон предложил ему ехать в Америку на место Платона, но Серафим категорически от этого отказывается, выражая желание уехать в Тверь или уйти на покой»[4].

17 января 1924 г. состоялось совещание в Даниловом монастыре о поминовении Патриарха Тихона[5]. С этого дня архиепископ Феодор (Поздеевский) и близкие к нему архиереи прекратили поминовение Патриарха. Их поддержал в этом архиепископ Николай (Добронравов), бывший ранее активным помощником

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 66.

[2] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 57. Л. 70–74.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 5. Возможно, имеется в виду письмо Патриарха Тихона митрополиту Платону (Акты... С. 310–311).

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 381.

[5] Там же. Л. 361.

Патриарха[1]. С этим связано смещение его с Владимирской кафедры Синодом. В начале 1924 г. положение «Тихоновского» духовенства в донесениях сотрудников ГПУ характеризовалось следующим образом: «По Москве не слышно проявления контрреволюционных выступлений духовенства, большая часть видного духовенства, побывав в тюрьме или ссылке[,] закупорилась и устранилась от выступлений даже церковного характера»[2]. Митрополит Серафим (Чичагов) поддержал позицию даниловцев, 15 января посетив монастырь и сослужив архиепископу Феодору[3].

> 18 января, в пятницу, в Крещенский сочельник, Патриарх совершил чин освящения воды в Донском монастыре и служил всенощную в храме Богоявления Господня в Дорогомилове.

В этот день вновь вступил в должность главы Московского епархиального управления протоиерей Василий Виноградов. Таким образом, МЕУ продолжило свою деятельность, прекращенную в ноябре 1923 г. Первые решения МЕУ вызвали критику среди духовенства Москвы. Их возмущало назначение настоятелями в московские храмы немосковских священников: «Заметно за последнее время стремление назначать на должности по Москве лиц... Так у Богоявления в Елохове всеми делами ворочает назначенный туда молодой Харьковский ссыльный протоиерей Ник[олай] Феод[орович] Колчицкий*[1], несмотря на то, что туда на место изгнанного Ник[олая] Григ[орьевича] Попова просились старые почтенные Московские протоиереи. И наоборот, Московским архимандритам всегда предлагается назначение куда-нибудь вдаль. Все это, конечно, мало полезно и лишь усиливает оппозицию патриарху»[4]. Архиепископ Феодор (Поздеевский) считал протоиерея Василия Виноградова марионеткой властей. Архиепископ Петр также считал, что протоиерей В. Виноградов и архиепископ Серафим (Александров), «состоя по его убеждениям агентами ГПУ[,] окончательно погубят

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 361.
[2] Там же. Л. 365.
[3] Там же. Л. 361.
[4] Там же. Л. 365.

патриарха, а его, Полянского, Стефановского и др. – непременно посадят в тюрьму»[1].

Одним из решений МЕУ под председательством Виноградова был запрет на поминовение архиепископа Илариона как управляющего Московской епархией: «Поминовение арх[иепископа] Илариона при богослужениях прекращено по распоряжению Епархиального Управления при Тихоне»[2].

В этот период Патриарх получал письма от отправленного на север архиепископа Илариона. Об этих письмах упоминают осведомители ГПУ. Так, в донесении за 24 января указывалось: «Иларион пишет сюда, что он где[-]то на севере в крайне тяжелых условиях. Днем его заставляют скатывать снег, а вечером дежурит в каких-то бараках. Если так продлится месяца два – то я погибну, так он пишет сюда»[3]. В донесении, сделанном в феврале, говорилось, что «по слухам Иларион, прибывши на Соловки, якобы заболел, по другим слухам, что он еще и не доехал до Соловков»[4]. В это время архиепископ находился на пересыльном пункте на Поповом острове и прибыл на Соловки только в июне 1924 г.[5]

18 января Патриарх Тихон получил патриаршую печать[6], изъятую, вероятно, в ноябре 1923 г. А. Д. Самарин писал в мае 1924 г.: «Не так давно дано разрешение иметь печать, но с тем, чтобы Патриарх не именовался в ней Всероссийским»[7].

19 января, в субботу, Патриарх совершил Божественную литургию в храме Богоявления в Елохове; всенощную (от выхода на величание) – в Донском монастыре.

20 января, в воскресенье, – литургию в храме великомученицы Екатерины на Ордынке.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 105.

[2] Там же. Т. 4. Л. 365.

[3] Там же. Л. 371.

[4] Там же. Л. 385 об.

[5] *Дамаскин (Орловский), иером.* Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) // Журнал Московской Патриархии (далее: ЖМП). 1998. № 7. С. 29–30.

[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 366 об.

[7] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 61.

§ 4. Назначение архиепископа Петра (Полянского) на Крутицкую кафедру (24 января 1924 г.)

24 января 1924 г. Патриарх в своем распоряжении за № 71 сообщил Священному Синоду о том, что «...согласно словесной просьбе Высокопреосвященного Никандра, архиепископа Крутицкого, он увольняется временно по болезни на покой, а архиепископом Крутицким, управляющим Московской епархией, назначается Высокопреосвященный Петр, архиепископ Подольский»[1]. Назначение архиепископа Петра на Крутицкую кафедру было встречено московским духовенством в целом благожелательно[2]. Его положение укрепилось, он не просто стал управляющим Московской епархией, а занял вторую кафедру, формально закрепив за собой право управления Московской епархией, в которой привык распоряжаться протоиерей В. Виноградов.

У главы Московского епархиального управления протоиерея В. Виноградова возникали трения с архиепископом Петром (Полянским). В следственном деле Патриарха Тихона имеется копия сообщения неизвестного лица, относящаяся к концу января 1924 г.: «В Донском монастыре высшую власть в Епархиальном совете опять занял проф[ессор] В. П. Виноградов. Недавно у него произошло серьезное столкновение с архиепископом Петром Полянским по вопросу о поминовении патриарха. Архиепископ Петр требовал, чтобы поминовение продолжать и поэтому распространил свое „разъяснение“ к циркуляру Наркомюста № 264, за что т. Красиков привлек его к суду и дело [о] нем передал Прокурору. В. П. Виноградов в присутствии членов Московского епархиального совета и посторонних лиц публично упрекал арх[иепископа] Петра в самодержавии и заявил, что „он не потерпит самодержавных архиереев“. Архиеп[ископ] Петр в свою очередь прямо указал ВИНОГРАДОВУ, что он может его сместить с должности Председателя Епархиального совета, Виноградов ответил ему, что у него коротки руки. Есть серьез-

---

[1] Цит. по: *Лихачев В.* Положение и состояние Русской Православной Церкви: (По материалам архивного фонда канцелярии Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода): Курсовое сочинение: В 2-х кн. СПб., 1999. Кн. 2. С. 23. Машинопись.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 385.

ные основания ожидать ухода арх[иепископа] Петра от управления Епархией»[1].

Деятельность протоиерея В. П. Виноградова уже тогда многих наводила на мысль о его сотрудничестве с ОГПУ. 1 февраля 1924 г. источник ОГПУ сообщал:

«В Донском м[онасты]ре происходят иной раз бурные сцены, при чем особую горячность проявляет прот[оиерей] В. П. Виноградов, б[ывший] проф[ессор] Моск[овской] Дух[овной] Академии. Некоторые из его сотрудников убеждены в том, что В. П. Виноградов играет двойную игру[,] являясь одновременно и „агентом“ ГПУ. Некоторые члены „МЕУ“ делали попытки заявить Тихону, что работать с Виноградовым они не могут, вследствие грубости и бестактности, но Тихон будто бы сказал им, что удалить его он не в силах»[2]. В другом сообщении говорилось о выходе некоторых членов МЕУ из него в знак протеста против деятельности протоиерея В. Виноградова: «Началось будто бы бегство благочинных не желающих работать с пр[отоиереем] ВИНОГРАДОВЫМ. На Виноградова стали еще смотреть недоверчиво и потому, что он является всегда весьма близким человеком к Митр[ополиту] Евдокиму, как его б[ывший] ученик по Дух[овной] Академии и преемник его по Академической Кафедре, но по редакторству в журнале „Христианин“, который когда-то издавал Евдоким, живя в Сергиеве, в Академии почему то думают, что В[асилий] П[етрович] является в тайном соглашении с Евдокимом разрушать Тихоновскую церковь»[3].

Конфликт протоиерея В. Виноградова и архиепископа Петра (Полянского) вскоре был несколько сглажен. Об этом говорится в сводке ОГПУ: «В Епархиальном совете снова водворился мир после ссоры архиепископа Петра с проф[ессором] В. П. ВИНОГРАДОВЫМ: они вместе пили чай у игумена Исихия (ныне архимандрита) и решили не спрашиваясь настоятеля Донского монастыря архимандрита Алексея Палицына, возвести игум[ена] Исихия в сан архимандрита. Архиепископ Петр оформил дело об этом возведении через Патриарший Синод и собрал подписи: патриарха, архиеп[ископа] Серафима, Тихона и свою.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 361.
[2] Там же. Л. 377.
[3] Там же. Л. 376–377.

Затем понес журнал для подписей архимандриту Алексею. Тот не только не подписал акта награждения подчиненнаго ему игумена Исихия, которое было совершено без его ведома, но изругал Петра самым неистовым способом, выгнал его вон из своей комнаты в буквальном смысле этого слова. Результатом этого скандала было официальное предложение Синода, сделанное через архиепископа Серафима Александрова, архимандриту Алексею – быть епископом Суздальским, викарием Владимирской епархии»[1].

Игумен Исихий, о котором говорится выше, был духовником Патриарха Тихона. «По словам М. Е. Губонина, „в Донском же монастыре духовником Святейшего Патриарха Тихона одно время числился один из местных архимандритов: отец Исихий – древнейший старец, также из „неученых“. Он же являлся и официальным духовником патриаршего Высшего Церковного Управления; на его долю пал долг принятия покаяния многих совратившихся было в обновленческий раскол клириков, мирян и архиереев, включая митрополитов в кавычках и без оных...“»[2]. Возведение его в сан архимандрита, видимо, было приурочено к 1 февраля – дню рождения Патриарха.

§ 5. Публикация «Обращения» Патриарха Тихона о смерти Ленина (25 января 1924 г.)

25 января 1924 г. в газете «Вечерняя Москва» № 20 (40) было опубликовано «Обращение Святейшего Патриарха Тихона и членов Патриаршего Священного Синода в советскую прессу в связи со смертью Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина)» следующего содержания: «Прошу через Вашу газету выразить Мое соболезнование Правительству Союза Советских Республик по поводу тяжкой утраты, понесенной им в лице неожиданно скончавшегося Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина)»[3].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 367–368.

[2] Цит. по: Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). М., 2006. С. 335.

[3] Акты... С. 312.

Документы следственного дела позволяют опровергнуть закрепившееся в литературе мнение, что Патриарх в советских газетах якобы выразил соболезнования по поводу смерти В. И. Ленина. В сообщении одного из осведомителей ГПУ сказано, что 1 февраля 1924 г. Патриарха «совершенно неожиданно посетил с Королевым епископ Платон*[2]; из разговоров с ним между прочим, узнал, что Тихон никакого соболезнования в редакции газет по случаю смерти нашего Вождя, тов. Ленина, не посылал, а что Тихона посетил какой-то корреспондент и спросил его, как он относится к смерти; удивленный Тихон ограничился ответом, что „сочувствует", после чего корреспондент ушел, и после чего неожиданно появилась в газетах корреспонденция»[1]. В сводке ГПУ за 29 января говорилось о том, что были те, кому понравился отзыв, опубликованный в печати: «Отзыв Тихона на смерть Ленина многие москвичи очень хвалят»[2]. Патриарх не выступил с опровержением, потому что это повлекло бы за собой обвинение в контрреволюции.

27 января, как следует из сводок, Патриарх ответил кому-то из духовенства на вопрос о том, можно ли молиться за Ленина: «Сам лично служить не буду, но другим разрешаю, раз христиане этого просят»[3]. Это высказывание неодобрительно встретили в Даниловом монастыре архиепископ Феодор (Поздеевский) и митрополит Серафим (Чичагов)[4].

Исходя из подлинного отзыва Патриарха, можно предположить, что хотя обращение из советских газет и не было написано Патриархом, но устное согласие на публикацию он мог дать. Изучение газетных публикаций, которые были сделаны от имени Патриарха, приводит нас к выводу, что ни одна из них в полной мере мнения Патриарха не отражала. Все эти публикации осуществлялись по инициативе АРК и ГПУ, все тексты должны были утверждаться, а на практике часто и составлялись ими. Патриарх лишь давал согласие на публикацию, обычно при условии внесения в текст исправлений. Как уже отмечалось, во многих случаях власти обходились и без согласия Патриарха,

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 379.
[2] Там же. Л. 380.
[3] Там же. Л. 373.
[4] Там же.

публикуя заведомо подложные материалы с целью его дискредитации. Именно это имело место в данном случае.

§ 6. Отказ Патриарха от предложения прекратить его поминовение (26–31 января 1924 г.)

26 января, в субботу, Патриарх служил всенощную в храме Воздвижения Креста Господня на Плющихе («на Пометном вражке»).
27 января, в воскресенье, там же – Божественную литургию.

Вопрос о поминовении Патриарха по-разному решался разными епископами и священниками.

Архиепископ Феодор (Поздеевский) обратился к Патриарху с письмом, в котором свидетельствовал свою преданность и просил его разрешения для спасения Данилова монастыря от закрытия и во избежание ненужных нареканий и обвинений в контрреволюционном настроении не поминать его за богослужением[1]. Патриарх разрешил не поминать себя, как он это делал, в устной форме, всем просящим его об этом. Поминовение Патриарха Тихона в начале 1924 г. прекратили во многих московских монастырях: в Покровском, Симонове, Новоспасском[2]. «Он поминается везде, исключая монастырей ДАНИЛОВА и ПОКРОВСКОГО и храма св[ятителя] Николая, что на Маросейке. Почти во всех храмах патриарх совершает свои служения, и ни в одном из них не принят новый григорианский стиль», – говорилось в сообщении от 20 февраля 1924 г.[3]

Патриарх в ответ на многочисленные вопросы о поминовении давал указание не поминать или поминать «прикровенно», не произнося слов: «Великого Господина».

В храмах, где поминовение прекратилось, начались выступления верующих с требованием поминать Патриарха. В сообщении от 24 января 1924 г. говорилось: «В кулуарах Донского монастыря с большим неудовольствием о архиепископе Феодоре

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 371.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 392.

Поздеевском „если бы, говорят, его не было вовсе в Москве то мы не имели бы тормоза в движении наших распоряжений“»[1].

29 января, согласно сводкам наблюдений, убедить Патриарха распорядиться о прекращении его поминовения пытались члены Синода: «Тихоновский синод просил Тихона сделать распоряжение, чтобы его не поминали, дабы не подводить прихожан»[2]. Патриарх ответил: «Я бы, конечно, это сделал, не задумываясь, [–] отвечает Тихон, [–] но боюсь, что по России пойдет разговор о том, что я отказался от власти. Словесно я всем это разрешаю»[3]. Формально согласиться с требованием непоминовения означало бы отказаться от Патриарших полномочий.

§ 7. Репрессии против Патриаршей Церкви в Ленинграде

Ситуация в Ленинграде (это название Петроград получил 26 января 1924 г.), где усилиями епископа Мануила обновленчество было уничтожено почти полностью, волновала власти. В начале января туда был направлен сотрудник ОГПУ Кутузов, чтобы изучить ситуацию на месте. В докладе он писал: «Интересно отметить, что мне с самым серьезным видом говорили, что Тихоновщину в Петрограде власть не тронет, ибо за Тихоновцев будет стоять Зиновьев*[3], на котораго оказывает влияние его сожительница артистка или балерина»[4]. Даже обновленец А. И. Боярский хотел принести покаяние перед Патриархом: «Боярский намерен был 24/XII перейти к Тихону, но насколько мне известно, приехавшим в это время в ПГР (Петроград. – *Ред.*) управделом Синода А. Новиковым ему было сделано предупреждение и он заколебался. До сего времени еще публично не каялся, но возможность покаяния его не изжита»[5]. Новиков сформулировал программу и предложил ее для реализации ГПУ: «Немедленно убрать из ПГР еп[ископа] Мануила, Гавриила, Венедикта. Дать приказ о стойкости всем обновленцам, с предупреждением что уход

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 367.
[2] Там же. Л. 380.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 363.
[5] Там же. Л. 363–364.

к Тихону повлечет за собой серьезнейшия кары; В последний раз предупредить Боярского; Просить власть не регистрировать Ти[хон]овския группы в тех храмах где уже зарегистрированы общины обновленцев; Принять меры к тому, чтобы на папертях храмов не стояли агитаторы Тихона, увещевающие верующих не идти к „красным попам“»[1].

В начале 1924 г. ситуация в Петрограде привлекла пристальное внимание Москвы. На заседании АРК 12 января Е. А. Тучкову было поручено к следующему заседанию комиссии представить подробный доклад о состоянии церковных групп в СССР. Для изучения ситуации на месте в конце января – начале февраля 1924 г. Е. А. Тучков выехал в Петроград. Это была его вторая поездка в город на Неве. Е. А. Тучков посещал Петроград еще в январе 1923 г. Тогда он докладывал, что местный отдел ГПУ почти не занимался церковным вопросом: «...работа по расколу церковников, Губотделом почти не велась...»[2]. «Церковную» работу в Петрограде сконцентрировал в своих руках Губисполком[3]. По мнению Е. А. Тучкова, такую поддержку оказывал и глава Петросовета Г. Е. Зиновьев.

В начале февраля 1924 г. Е. А. Тучков возглавил масштабную операцию по репрессиям против духовенства. В Москве в церковных кругах о поездке Е. А. Тучкова говорили так: «В Петрограде будто бы Тучков произвел полный разгром тихоновцев. Арестовал будто бы епископа Еммануила, а Григорий выехал в Москву, кроме того, также арестовано до 20 священников»[4]. Епископ Мануил был арестован в ночь на 3 февраля 1924 года[5]. Были арестованы и многие другие священники-«тихоновцы», в частности иеромонах Варлаам (Сацердоцкий), руководитель Александро-Невского братства[6]; архимандрит Василий (Прозоров); священник Иоанн (Стеблин-Каменский); священник Алексий Западалов, активный помощник епископа

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 363–364.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 90; Архивы Кремля. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 341.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 90; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 341–342.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 384.

[5] *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб., 1995. С. 103.

[6] Там же.

Мануила[1], и многие другие священники. Об итогах поездки в Ленинград и последовавшей за ней поездки на Украину Е. А. Тучков отчитался на заседании АРК 15 февраля 1924 г.[2] В Москву Е. А. Тучков вернулся 11 февраля 1924 г.

16 февраля в управление Петроградской епархией вступил епископ Кронштадтский, викарий Петроградской епархии Венедикт (Плотников). Также был создан епископский совет, в который вошли епископы Венедикт (Плотников), Григорий (Лебедев) и Серафим (Протопопов), викарии Петроградской епархии. 22 февраля епископ Венедикт выпустил воззвание к верующим. Епископ призывал духовенство и мирян держать связь с православными архиереями и предупреждал, чтобы никто не принимал участия в собраниях обновленцев.

§ 8. Совещание в день рождения Патриарха (1 февраля 1924 г.)

Во время отъезда Е. А. Тучкова из Москвы Патриарх в свой 59-й день рождения после богослужения в Донском монастыре созвал совещание архиереев. В Москве находилось несколько десятков архиереев, высланных сюда с мест: «В Москве проживает довольно большое число епископов, некоторые из них делали попытки выехать в те города, куда они получали назначения от Тихоновского Синода, но через короткий промежуток времени проживания там они вынуждались возвратиться обратно, ибо везде почти местное Г.П.У. требовало, чтобы они оттуда уехали. Здесь объясняют это исключительно желанием Г.П.У. поддерживать на местах только обновленцев, а Тихоновскую церковь наоборот душить и ни в коем случае не давать ей расширяться. Так в Москве живут епископ Иосаф Калужский, Борис Рязанский, Иннокентий Ставропольский, Николай Гурьский (так в тексте; правильно – Гурьевский. – *Авт.*), еп[ископ] Вениамин Рослав[ль]-ский и пр.»[3]. В сводках наблюдения по этому поводу говорится:

---

[1] *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 307.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 52.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 377.

«В Москве много разговоров о том, что на местах не дают житья Тихоновским Епископам. Куда бы ни приехал Епископ от Тихона – его сейчас же высылают и арестовывают. Обновленческие деятели, как напр[имер], уполномоченный на Кубани прот[оиерей] Феод[ор] Делаверди, заранее предупреждают – „лучше не присылайте к нам епископа, его все равно арестуют и вышлют“»[1].

Согласно донесению в ГПУ из окружения Патриарха, на совещании архиереев обсуждались возобновившиеся попытки властей заставить принять новый стиль. В конце января, как отмечалось выше, Патриарх пообещал Тучкову ввести новый стиль с 17 февраля[2]. В сводке ОГПУ отмечалось: «С 4/17 фев[раля] Тихон переходит опять на новый стиль. 17 февраля – будет неделя мытаря и фарисея, т.е. 1-я подготовительная неделя к В[еликому] Посту, когда начинается т[ак] наз[ываемая] „Триодь постная“»[3]. В другой сводке осведомленный человек сообщал: «Введение нового стиля в церкви, решенное Патриархом окончательно с 4-го февраля (17/II н. ст.) с. г. хотя еще и не возвещено духовенству, но последнее освещено (так в тексте. – *Авт.*) частным образом и нужно заметить, что духовенство и сознательное население, принимают это с полным удовлетворением и сознанием необходимости такового введения, но незначительная часть верующих, так называемые ханжи и кликуши, те все-таки продолжают настаивать на старом стиле и с таким упорством, с каким раскольники отстаивают свое двуперстие, хождение посолонь и двойную аллилуйю»[4].

Позиция «даниловцев» на совещании была жесткая: никакого лавирования и компромиссов с властью. В сообщении в ГПУ об этом совещании сказано: «Первоначально все, исключая самого Тихона, горячились, говоря, что переходить нельзя, что лучше пойти в тюрьмы и на пытки, но Тихон успокоил всех, говоря о необходимости лавировать, пока не придет на помощь Промысл Божий. Проявление этого промысла, по предсказанию „прозорливца“, архиепископа Трифона, ожидается в феврале-марте»[5]. Патриарх Тихон верил, что архиепископ Трифон

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 388.
[2] Там же. Л. 371.
[3] Там же. Л. 381.
[4] Там же. Л. 385.
[5] Там же. Л. 378–379.

(Туркестанов) видит Промысл Божий, и не ошибся. Такая позиция показалась архиепископу Феодору неправильной, и он даже заявил, что если Патриарх и далее будет игнорировать его советы, он удалится на покой[1]. Как отмечалось выше, существовал конфликт между членами Патриаршего Синода и архиепископом Феодором. В связи с этим в случае ухода последнего Патриарх лишился бы противовеса членам своего Синода, зависимым от ОГПУ, которые все время пытались убедить Патриарха принимать продиктованные властями решения. Ссылка на «даниловский синод» позволяла Патриарху уклоняться от большинства таких предложений.

23 февраля датировано сообщение о епископе Феодоре: «Еп[ископ] ФЕДОР (Позднеевский) говорит, что он потому уклоняется от дел, что на все его советы и указания в Донском не обращают никакого внимания, а наоборот издеваются над ним»[2].

В день совещания, 1 февраля, также состоялось заседание Синода. На нем было принято постановление за № 54 о замещении вакантного после смерти епископа Василия (Зуммера) викариатства: «Назначить на кафедру епископа Суздальского, викария Владимирской епархии, настоятеля Донского монастыря архимандрита Алексия (Палицына)» с назначением его временным управляющим Владимирской епархией; управление Донским монастырем на правах настоятеля, согласно решению Синода, возлагалось на Святейшего Патриарха с правом назначения наместника[3]. Известно, что архимандрит Алексий отказался быть епископом Суздальским, сохранив свое положение, и был рукоположен во епископа только в 1926 г. митрополитом Сергием[4]. После отказа архимандрита Алексия от Суздальского викариатства оно было предложено архимандриту Данилова монастыря Поликарпу (Соловьеву), но архиепископ Феодор не разрешил ему принять это предложение.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 394.
[2] Там же. Л. 392.
[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 272. Л. 28.
[4] *Ермаков П. Ю.* Алексий (Палицын), архиеп. // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 670.

§ 9. Деятельность Патриарха в период пребывания Е. А. Тучкова в Ленинграде (2–10 февраля 1924 г.)

3 февраля, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Сущеве.

Согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона на указе Священного Синода архимандриту Алексию (Палицыну) от 4 февраля 1924 г. № 77, он оставался настоятелем Донского монастыря: «Согласно просьбе о. архимандрита Алексия, он освобождается от данного ему назначения быть епископом Суздальским и оставляется на прежнем своем месте настоятеля Донского монастыря»[1].

5 февраля, воспользовавшись отъездом Е. А. Тучкова, Патриарх отправился на прием к наркому юстиции Д. И. Курскому. Об этом посещении говорится в донесении ГПУ: «Одним из крупных событий в Тихоновской жизни последних дней было посещение наркома Курского. Ездил туда Тихон в сопровождении священника Вл. Смирнова*[4], именующего себя Юрисконсультом патриаршей канцелярии. С Курским будто бы был разговор, гл[авным] образом о введении нового стиля. Тихон будто бы заявил, что т. Тучков требует от меня введения нового стиля и т. д., на это Курский будто бы сказал: „Как так? Да кто такой Тучков?“ Тихоновцы видят в этом просто насмешку со стороны Курского и[,] конечно[,] неискренность. Следствием посещения было то, что Тихон будто-бы сговорился с Тихоном (опечатка – должно быть: с Курским. – *Авт.*) все же нового стиля не вводить, а просто изменить числа месяцев двунадесятых праздников, напр[имер,] Рождество праздновать не 25 дек[абря], а 7 янв[аря] и т[ак] далее. Против этого Курский будто-бы ничего не имеет»[2].

С. Г. Петров опубликовал обращение Патриарха в НКЮ о новом стиле, датированное 5 февраля[3].

---

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 273. Л. 23.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 381.

[3] *Петров С. Г.* Неизвестное письмо Патриарха Тихона о новом календарном стиле // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX в. Новосибирск, 2005. С. 487–508.

6 февраля, в среду, Патриарх Тихон служил всенощную в храме иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в Садовниках (по другим данным, в храме святителя Николая Чудотворца в Пупышах).
7 февраля, в четверг, в день памяти святителя Григория Богослова, – литургию в храме святителя Григория Богослова в Богословском переулке.

8 февраля[1], после отказа трех кандидатов управлять Владимирской кафедрой на правах Суздальского викария, туда был назначен епископ Борис (Рукин), который вскоре вернулся в Москву. В сводке ОГПУ от 23 февраля говорилось: «От суздальского викариатства отказался Поликарп, Алексий Палицын и Петр Руднев[,] б[ывший] Симоновский. Туда поехал Борис Рукин»[2].

9 февраля вышло распоряжение за № 213 благочинным Москвы и Московской епархии. В нем говорилось: «Согласно распоряжению Его Святейшества за богослужением в соответствующих случаях впредь до особого распоряжения предлагается возносить моление по следующей формуле: „Еще молимся о Святейших Патриарсех Православных Константинопольском, Александрийском, Антиохийском, Иерусалимском и Московском и о господине нашем Высокопреосвященнейшем Петре, архиепископе Крутицком"»[3]. Таким образом, поминовение Патриарха оставалось, хотя и без имени, что также было частью договоренности с Д. И. Курским.

10 февраля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в Троицком храме на Пятницком кладбище за Крестовской Заставой.

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 272. Л. 35; История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 101.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 393.
[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 195. Л. 2.

§ 10. Срыв архиерейского совещания в Донском монастыре и новый план Антирелигиозной комиссии (11–19 февраля 1924 г.)

Как следует из донесения сотрудника ГПУ, заседание архиереев планировалось провести 11 февраля в Донском монастыре: «После посещения Курского должно было, с разрешения НКЮ, состояться в Донском м[онасты]ре собрание тихоновских епископов, но вернувшийся из Петрограда Тучков это собрание отменил»[1]. В связи с договоренностью с Д. И. Курским не состоялось оговоренное ранее введение нового стиля с 17 февраля 1924 г.

В заседании предполагалось участие всех православных епископов, находящихся в Москве. Планировалось обсудить следующие вопросы: «О старом и новом стиле, об увольнении митрополита Американского Платона, о вызове на суд Митроп[олитов] Антония и Евлогия». Собрание должно было начаться в 3 часа дня, к этому времени собралось большинство епископов. Но Тучков в последний момент запретил совещание. Явившийся на совещание архиепископ Серафим (Александров) заявил, что «подтверждений о разрешении открытия собрания от гражданских властей пока нет, и распустил собравшихся»[2]. Далее в тексте документа говорится: «Так собрание и не состоялось. Ходили слухи, что православные епископы были намерены предложить Патриарху оставить своевластие и своеволие, а слушать советов тех, кто и ему и делу церковному желает добра; хотели также просить его, чтобы он почаще ездил к представителям гражданской власти и „печаловался“ перед ними за православные храмы и народ. Пока неизвестно, скоро ли это предполагавшееся собрание будет дозволено и состоится»[3].

Запрет Тучковым проведения собрания, по всей видимости, был вызван стремлением не допустить, чтобы договоренность Патриарха с Курским была утверждена на представительном церковном совещании, с тем чтобы сохранить в дальнейшем воз-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 381.
[2] Там же. Т. 5. Л. 5.
[3] Там же.

можность требовать от Патриарха введения нового стиля. Кроме того, Тучков не желал любой консолидации епископата и мог опасаться того, что решение об увольнении митрополита Платона на совещании может быть пересмотрено.

Запрет совещания был воспринят с сожалением: «Патриарх и его епископат очень удручены так, что им даже не дозволяют собраться на совещание; Совещание, наприм[ер], не могло состояться потому 12/II; епископы, между прочим, недовольны. Недовольством объясняется задержание опубликования воззвания о новом стиле»[1].

13 февраля состоялось заседание Антирелигиозной комиссии, которое приняло ряд жестких решений. «Антирелигиозные мудрецы» пришли в ярость от договоренности Патриарха с Курским. Они утвердили: «а) Директивы по вопросу о новом стиле оставить прежние и никаких уступок не делать.

б) Сделанное распоряжение НКЮ, запрещающее поминание Тихона – оставить в силе.

в) Предложить тов. Курскому не давать Тихону принципиал[ьных] ответов без предварительного обсуждения Комиссией.

г) Поручить т. Тучкову затребовать из суда дело Тихона и продолжать по нему следствие»[2].

Таким образом, АРК стремилась свести на нет все договоренности Патриарха с Курским. А они, видимо, договорились об отмене распоряжения НКЮ об уголовной ответственности за поминовение Патриарха. АРК фактически предприняла вторую попытку организовать суд над Патриархом. Более того, комиссия решила также указать его место и самому наркому юстиции, который стремился проводить по отношению к Церкви сбалансированную политику. Однако дальнейшее развитие событий показало, что победил в этом противостоянии Патриарх, потому что новый стиль так и не был введен в жизнь Русской Православной Церкви.

14 февраля, в четверг, Патриарх Тихон совершил литургию в храме мученика Трифона в Напрудной; всенощную – в Донском монастыре.

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 385 об.
[2] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 533–534.

15 февраля, в пятницу, в праздник Сретения Господня, – литургию в Донском монастыре; всенощную – в храме святителя Николая Чудотворца на Щепах у Смоленского рынка.
16 февраля, в субботу, – литургию в храме Всех Святых в селе Всехсвятском.
17 февраля, в воскресенье, там же – литургию; всенощную – в храме Рождества Христова в Палашах.
18 февраля, в понедельник, в празднование иконы Божией Матери «Взыскание погибших», – литургию в храме иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Палашах.

20 февраля 1924 г. Синод во главе с Патриархом в составе архиепископов Серафима, Тихона и Петра принял резолюцию: «Если запрещено поминовение Патриарха – поминать по формуле общепатриаршей»[1]. Уступки властям вызвали недовольство в Даниловом монастыре. В этот же день «Указом Св[ятейшего] Патриарха и Синода № 108... временное управление Ижевским викариатством было поручено еп[ископу] Котельническому Флавиану (Сорокину) „с тем, чтобы он временно переехал в Ижевск“»[2].

§ 11. Новые провокации в печати и обострение заболевания Патриарха (23 февраля – 20 марта 1924 г.)

21 февраля в газете «Вечерняя Москва» было опубликовано очередное лживое измышление Евдокима против Патриарха, которое очень расстроило Святейшего. Об этом докладывалось в ГПУ: «На Тихона произвело крайне неприятное впечатление обвинение его ЕВДОКИМОМ в сношениях с католиками (см. веч[ернюю] Москву от 21 февр[аля])»[3]. В это время архиепископ Серафим предпринимал попытки примирить Патриарха с Евдокимом: «Говорят, что архиеп[ископ] Серафим (Александров) все

[1] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 195. Л. 4–6.
[2] *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке: Дис. ... канд. богословия, 2009. С. 40.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 396.

ратует за соединение с Евдокимом. СЕРАФИМ между прочим ввел у себя в Твери новый стиль»[1].

В это же время предпринимались попытки отнять у Патриарха одну из трех комнат. Об этом свидетельствовал один из работавших в Патриаршей канцелярии протоиереев: «Ходит слух, переданный прот[оиереем] А. Пятикрестовским, что п[атриарха] Тихона хотят уплотнить, отнять у него комнату и оставить его только в проходной комнате»[2].

22 февраля, в пятницу, Патриарх совершил литургию в храме священномученика Панкратия близ Сухаревой башни.

23 февраля у Патриарха Тихона случился глубокий обморок, уже третий за последнее время. В сообщении в ГПУ отмечалось: «23 февраля с патриархом сделалось очень нехорошо во время приема некоего Павла Владимировича ОСТРОУХОВА, который очень поспешно побежал за доктором, возбудив этим подозрения. Но это рассеялось, когда ОСТРОУХОВ сам привел доктора. С патриархом случился не „удар“, а просто обморок, как следствие переутомления и хождения по пятницам в общественные Даниловские бани (патриарх любит париться). Несколько врачей запретили патриарху в течение недели прием кого бы то ни было и советовали меньше служить по приходским церквам. Патриарх поправляется»[3].

По словам врачей, здоровье Патриарха находилось в опасности[4]. Сначала эти явления приписывали общему переутомлению и посещению бани. Но состоявшийся 29 февраля консилиум врачей обнаружил у Патриарха «болезненные явления нефрита, на почве которого и происходят обморочные явления»[5]. Патриарху были предписаны диета и отдых. Ухудшение здоровья оказалось настолько значительным, что по Москве даже распространился слух о смерти Патриарха[6]. А. Д. Самарин писал об этом: «...консилиум лучших врачей, созванный после последнего обмо-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 407.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 398.
[4] Там же. Л. 395, 398.
[5] Там же. Л. 399.
[6] Там же. Т. 5. Л. 106.

рока, открыл у него нефрит, не слишком сильный, но неизлечимый: белка выделяется довольно много, но цилиндров нет, нет и отеков, обмороки происходят от всасывания мочевины»[1]. Как отмечалось выше, болезнь развивалась у Святейшего на фоне постоянных волнений.

> 4 марта, во вторник, Патриарх Тихон в Донском монастыре совершил панихиду по владыке Антонии (Флоренсове), бывшем епископе Вологодском, жившем прежде в помещении, которое в Донском монастыре занимал Патриарх Тихон.

В тот же день Патриархом и тремя членами Синода была подписана резолюция № 135 от 4 марта 1924 г.: «I) выслать руководственные указания по вопросу о чиноприеме клириков, получивших хиротонию от обновленческих архиереев; II) Рукоположенных епископами женатыми, а равно рукоположенных Введенским и Белковым – принимать на правах мирян и решение о них оставить до будущего православного собора епископов; III) Рукоположенных теми архиереями, при хиротонии коих был один архиерей старого рукоположения, – возможно принимать в сущем сане, при соблюдении условий, указанных в руководственных правилах»[2].

8 марта в Москве был арестован член ВЦС, настоятель московского храма Воскресения в Кадашах протоиерей Илия Громогласов, но уже 24 марта он был освобожден из Бутырской тюрьмы по ходатайству жены[3].

> 9 марта, в Прощеное воскресенье, Патриарх совершил вечерню в Донском монастыре. Среди прихожан монастыря был объявлен сбор денег на лечение Патриарха[4].
>
> 12 марта, в среду, Патриарх Тихон в сослужении Экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова), епископа Димитрия (Доброседова) совершил литургию Преждеосвященных Даров в Донском монастыре.

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 62.

[2] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 250. Л. 9–10.

[3] *Берташ А., свящ., Маякова И. А.* Илия Громогласов, прот. // ПЭ. М., 2010. Т. 22. С. 269.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 107.

13 марта, в четверг, – литургию в Донском монастыре.
16 марта, в воскресенье, – литургию в храме Василия Исповедника в Новой Деревне.

§ 12. Прекращение дела в отношении Патриарха (21–30 марта 1924 г.)

21 марта 1924 г. решение Политбюро о прекращении дела Патриарха Тихона было оформлено через ЦИК СССР[1]. Предсказание митрополита Трифона сбылось.

4 марта 1924 г. в ОГПУ было оформлено заключение по делу митрополита Арсения (Стадницкого), архиепископа Никандра (Феноменова) и П. В. Гурьева[2]. Предъявленные им обвинения мало чем отличались от тех, которые содержались в обвинительном заключении 1923 г. В качестве меры наказания предлагалась высылка сроком на три года. 28 марта на заседании Комиссии НКВД по административным высылкам было принято решение выслать митрополита Арсения (Стадницкого), архиепископа Никандра (Феноменова) и П. В. Гурьева в Бухару сроком на три года[3].

По инициативе И. В. Сталина решением Политбюро еще 13 марта дело Патриарха Тихона было неожиданно для всех, в том числе и для ОГПУ, прекращено[4], после чего ОГПУ было вынуждено отказаться от политики грубого давления на Патриарха.

Данное решение осложнило работу ГПУ. Вот как писал об этом сам Е. А. Тучков: «Неожидан[ное] прекращение дела Тихона внесло в нашу работу по церковникам некоторые затруднения, так как Тихон, состоя под судом всецело находился под нашим влиянием, а также и обновленческое течение имело главным аргументом своей агитации, что Тихон не свободный[,] а подсудимый человек. Амнистированный Тихон стал значительно смелее и наши советы для него стали не обязательны,

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 27. Л. 17; Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 364–365.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 23. Л. 38.

[3] Там же. Л. 39а.

[4] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 290.

а также обновленческое движение значительно упало духом, имея в лице Тихона весьма сильного и освобожденного от суда противника»[1].

Слова Тучкова о том, что Патриарх находился «всецело под нашим влиянием», не соответствуют действительности. Как было показано выше, Патриарх вынужден был под давлением ГПУ ради спасения Церкви принимать вынужденные решения и выпускать вынужденные послания. Но Святейший сумел добиться того, что ни одно из них не было осуществлено.

Политическая обстановка в стране изменилась. И. В. Сталин, после смерти Ленина значительно укрепивший свое положение, был сторонником более умеренной линии по отношению к Церкви. Председателем Совнаркома стал А. И. Рыков, относившийся к Церкви более сдержанно, чем В. И. Ленин. Кроме того, ухудшение здоровья Патриарха давало АРК и ГПУ надежду на его скорую кончину и, как следствие этого, на дестабилизацию ситуации в Церкви.

В середине марта Патриарх принял делегацию из Кунгурской епархии во главе с протоиереем Александром Ершовым, которая приехала просить назначить им епископа. Патриарх, указывая на о. Александра, сказал: «Вот он и будет у вас епископом». Постановлением Патриарха и Священного Синода от 22 марта 1924 г. протоиерей Александр Ершов был определен к пострижению в монашество и возведению в сан архимандрита.

> 23 марта, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в храме Мартина Исповедника на Алексеевской улице.

В этот же день в «Известиях» была опубликована «Беседа Святейшего Патриарха Тихона с корреспондентом РОСТА в связи с состоявшимся постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР о прекращении производством „Дела гр. Белавина и др.“». В публикации говорилось:

«Вчера утром Тихон еще не знал о решении Президиума ЦИК СССР. Прочтя постановление, он встал, перекрестился и сказал:

„Передайте Советскому правительству и Президиуму ЦИК СССР глубокую благодарность как от меня, так и от моей паствы

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 130; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 420.

за такое милосердное отношение к моей прошлой деятельности. Правительство может быть вполне уверено, что оно найдет во мне лояльнейшего гражданина Советского Союза, добросовестно выполняющего все декреты и постановления гражданской власти".

В дальнейшей беседе Тихон опроверг сообщение газеты „Накануне" о том, что с ним был удар. Врачи, лечившие его, нашли у него нефрит (болезнь почек) и предписали избегать переутомления. Касаясь планов своей дальнейшей деятельности, Тихон сказал, что он займется теперь организационной стороной своей Церкви, считая, что рамки советского законодательства дают для этого широкий простор.

Что касается замешанного в контрреволюционной деятельности американского митрополита Платона [Рождественского], то Тихон заявил, что уже наметил ему заместителя, который в скором времени и будет послан в Америку для вручения Платону указа о вызове в Москву и для принятия от Платона дел.

Тихон отрицает газетные сообщения, исходящие из кругов Синода, о своих сношениях с католическою церковью.

– Ни у меня, ни у моих епископов, – говорит Тихон, – не только не было разговора о каком бы то ни было примирении с католичеством, но и не возникало этого в мыслях. Примирения с Ватиканом нет и быть не может. Этот план противоречил бы всему мировоззрению Православной Церкви.

Относительно примирения с Синодом и той частью духовенства, которая стоит за ним, Тихон говорит, что его точка зрения на этот вопрос не изменилась: он по-прежнему ждет покаяния от Синода и молится о том, чтобы Бог вразумил и смягчил сердца его членов»[1].

25 марта Патриарх Тихон направил архиепископа Иоанникия (Соколовского) для временного управления Украинской Церковью. В начале 1924 г. Патриарх Тихон возвел Иоанникия в сан архиепископа.

Как упоминалось выше, в феврале 1924 г. Е. А. Тучков побывал на Украине, что было вызвано неудовлетворительным состоянием «работы по церковникам» местных чекистов. 15 февраля он доложил об итогах своей поездки на заседании АРК. Комис-

[1] Акты... С. 314–315.

сия приняла решение: «Предложить ОГПУ усилить Украину работниками по церковной линии»[1]. Вероятно, Е. А. Тучков встречался на Украине с архиепископом Иоанникием, «убедив» его согласовывать свои действия с ОГПУ, благо на этого архиерея имелся обширный «компромат»: по воспоминаниям современников, он вел разгульный образ жизни, имея многочисленные связи с женщинами[2]. С этого момента Иоанникий взял курс на присвоение себе полномочий первоиерарха Украины.

В тот же день Патриарх Тихон подписал два документа, которые, как явствует из сопроводительной записки[3], были добыты секретным сотрудником ОГПУ в Крыму у одного из протоиереев. Копии с них были переправлены в Киев, а оттуда попали к Е. А. Тучкову и подшиты в дело Патриарха Тихона. В первом документе – Послании № 145 Патриарха Тихона епископату, духовенству и мирянам Церкви на Украине – он объявил, что берет на себя «попечение о епархиях, входящих в состав Украинской Церкви»[4]. Далее говорилось: «Считаем за благо назначить в центр Украинской республики г. Харьков нашего представителя – архиепископа Иоанникия, первейшей задачей которого является в соответствии с конституцией украинской церкви совместно с архипастырями, пастырями и верующими Украины умиротворение ее, что крайне необходимо и с государственной стороны»[5]. Второй документ, датированный тем же числом, – письмо «ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ АРХИЕПИСКОПУ ИОНИКИЮ*[5] УПРАВЛЯЮЩЕМУ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ». В письме говорилось:

«Считаясь с отличительными обстоятельствами быта и жизни украинского народа, Мы находим нужным для блага автономной Церкви Украинской назначить Вас, Ваше Высокопреосвященство, Своим полномочным представителем на Украине, поручив Вам первее всего сообразовать Свою Церковно-Общест-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 52.

[2] *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 281.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 39.

[4] Там же. Л. 40. Этот отрывок опубликован: Акты... С. 314. (с датой 6 апреля (24 марта) 1924 г. и с № 146.

[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 40.

венную работу с законоположениями Правительства Украинской Республики; возможно тщательнее блюсти интересы Украинскаго верующаго населения, щадя национальные чувства его и не предрешая, по обстоятельствам времени, вопроса о внутреннем Управлении Украинской Церкви и Ея отношении к Церкви Великорусской, всемерно пещись с Архипастырями, пастырями и верующей паствой Украины о скорейшем созыве Всеукраинского Православнаго Собора как единственно православнаго органа при разрешении существеннейших в жизни Церкви вопросов. Буде воля Правительства Украины благожелательна к вопросу образования Украинского Собора (Синода) Православных Епископов, благословляем организацию таковаго в соответствии с представленным Вами ранее проектом положения Вашего Церковнаго на Украине органа. Тихон, Патриарх Московский и Всея России. <...> 25-го Марта 1924 года»[1].

«Советский» язык и характер послания не оставляют сомнений в том, что перед нами – пример «вынужденного» авторства. Церковная жизнь не знает практики полномочных представителей, тем более возглавляющих в таком качестве Синод. Благословение на собор в условиях поддерживаемого властями обновленчества и автокефального движения фактически могло привести к провозглашению автокефалии Украинской Церкви во главе с подконтрольными властям архиереями, в том числе обновленческими, к чему стремилась власть.

Подписание Патриархом этих документов происходило в условиях давления со стороны ОГПУ и одновременно начáла операции властей по внедрению в Высшее Церковное Управление обновленца Красницкого[2]. Властные органы деятельности Иоанникия не препятствовали: он приехал в Киев и был встречен как новый Экзарх[3].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 41; *Матвеенко С., свящ.* История Харьковской епархии (1850–1988). Харьков, 1999. С. 60.

[2] См. об этом: *Сафонов Д. В.* Единоначалие и коллегиальность в истории Высшего церковного управления Русской Церкви от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, до Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Часть 1: Годы 1917–1925 // Богословский вестник, издаваемый МДА и С. Сергиев Посад, 2009. № 8/9. С. 325.

[3] *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). С. 280.

29 марта, в субботу, Патриарх совершил всенощное бдение и вынос Креста в Донском монастыре.
30 марта, в воскресенье, Патриарх в сослужении митрополита Петра (Полянского) совершил литургию в храме Воскресения в Барашах.

Перед литургией Патриарх принял покаяние в грехе отпадения в обновленческий раскол епископа Никона (Курлевского). За литургией Святейший возглавил хиротонию архимандрита Аркадия (Ершова) во епископа Кунгурского, викария Пермской епархии.

§ 13. Начало создания легального Синода и назначение на кафедру митрополита Сергия (31 марта – 7 апреля 1924 г.)

С апреля 1924 г. началась новая операция ГПУ, направленная на создание легальных органов ВЦУ с участием обновленцев во главе с Владимиром Красницким. Как справедливо отмечает историк А. Л. Беглов, «Православная Российская Церковь была поставлена перед необходимостью искать средства легализации себя и своих органов управления. Это было необходимо по двум причинам. Первая заключалась в том, что нелегальность органов церковного управления подвергала их членов постоянной угрозе репрессий. Вторая причина была связана с первой и для многих церковных деятелей имела первостепенное значение. Она заключалась в том, что антиканоническое обновленческое движение получило от властей легальный статус»[1].

После прекращения дела в отношении Патриарха началась подготовка к созданию легального Синода при Патриархе, так как формальных препятствий к регистрации Синода больше не было. Условием его регистрации было введение туда лиц, которые могли бы выполнять задания властей. Антирелигиозная комиссия 26 февраля 1924 г. приняла решение: «Организацию Синода Тихону разрешить при условии, если он введет в Синод ряд лиц, хорошо ведомых ГПУ... Красницкого в Синод пока

[1] *Беглов А. Л.* Как управляется Русская Церковь? Органы исполнительной власти Патриарха и Синода в XX веке. Ч. 1. http://www.bogoslov.ru/text/print/405816.html.

не вводить»[1]. По данным А. Д. Самарина, Красницкий начал переговоры с Патриархом в 10-х числах марта, т. е. сразу же после решения Политбюро об отмене дела Патриарха: «Тучков этим не удовлетворился и потребовал, чтобы принят был также и Красницкий, и не только принят, но чтобы он сделан был заместителем Патриарха в синоде и чтобы ему поручено было обновить состав синода, пригласив в него лиц, которым доверяет правительство. На это требование следовало бы ответить решительным отказом и даже не входить в его обсуждение. Но поступили не так. Красницкий [то] один, то с Тучковым стал ездить с начала Великого поста*[6] к Патриарху, и таким образом начались переговоры о принятии его в общение и о дальнейшем положении. Тучков основывал свое требование на том, что правительство, доверяя лично Патриарху, не может доверять его Епископам, и тем объяснял все гонения на Церковь. В случае же выполнения своих требований, обещал легализацию Патриарших учреждений, прекращение всяких стеснений, разрешение на созыв Собора, освобождение и возвращение из ссылок всех арестованных и сосланных в административном порядке Епископов и священников»[2].

С подготовкой организации нового состава Синода связано назначение на кафедру митрополита Сергия (Страгородского), который не мог бы войти в Синод, не будучи правящим архиереем. Назначение на Нижегородскую кафедру митрополит Сергий получил 31 марта 1924 г. В указе, присланном митрополиту Сергию, говорилось: «Определением Святейшего Патриарха и Священного при нем Синода от 31 марта 1924 г. № 109 постановили: „За уклонением в так называемый обновленческий раскол Нижегородского Архиепископа Евдокима, – считать Нижегородскую кафедру свободной, на каковую и переместить Высокопреосвященного митрополита Владимирского Сергия“»[3]. Указ заверил митрополит Серафим (Александров). Дата на документе – 31 марта по новому стилю. 10 апреля указ уже был получен в Нижнем и заверен протоиереем А. Раевским. В литературе обычно приводится дата 18 марта 1924 г. Это верно только

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 54–56.

[2] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 64.

[3] См. фотокопию отрывка документа: *Тихон (Затекин), архим., Дегтева О. В.* Рожденный на земле Нижегородской: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). Нижний Новгород, 2007. С. 160.

при оговорке, что используется старый стиль[1]. При этом в исследовательской литературе не учитывается, что в делопроизводстве канцелярии Патриарха и Синода использовался новый стиль или указывалась дата по двум стилям. В Тверской же епархии, которой управлял архиепископ Серафим, новый стиль использовался и в богослужебной практике[2].

«Даниловцы», которые в августе 1923 г. возражали против принятия в общение митрополита Сергия, и в этот раз выразили свое возмущение. «Епископ Феодор сильно восставал против назначения его в Нижний Новгород и однажды даже не принял его у себя», – писал архиепископ Серафим (Лукьянов), получавший письма из России[3].

В 1924 г. митрополит Сергий получил официальную прописку в Крестовоздвиженском монастыре. Богослужения он совершал в Спасском храме Нижнего Новгорода, ставшем кафедральным[4].

5 апреля Патриарх Тихон отлучил от Церкви Евдокима (Мещерского) и других лидеров обновленчества: «...объявляем: бывшего архиепископа Евдокима [Мещерского], епископа Антонина [Грановского] и других запрещенными в священнослужении и находящимися вне общения со всею Православною Русскою Церковью, – передаем их, как и других главарей обновленческого раскола, каноническому суду Православного Собора»[5]. С этого момента все обновленческие хиротонии, совершенные даже архиереями старого поставления, объявлялись недействительными[6].

6 апреля, в воскресенье, Патриарх Тихон совершил литургию в храме Николы Явленного на Арбате; всенощную – в храме Благовещения на Бережках.

7 апреля, в понедельник, – литургию в храме Богоявления в Елохове.

---

[1] См., например: История иерархии Русской Православной Церкви. С. 319.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 407.

[3] Крестный путь патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников: (К 50-летию со дня кончины) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 44–80, 63; Письмо архиепископа Серафима (Лукьянова) митрополиту Антонию (Храповицкому) // *Одинцов М. И.* Русские Патриархи XX в.: Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 216.

[4] Рожденный на земле Нижегородской. С. 152.

[5] Акты... С. 316.

[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 205–205а. (В работе прот. В. Цыпина (Русская Церковь. 1917–1997. С. 111) дата выхода указа (15 апреля 1924 г.) приведена неверно.

§ 14. Активизация переговоров членов ВЦУ с Красницким (8–15 апреля 1924 г.)

8 апреля 1924 г. АРК постановила: «Принимая во внимание, что введение Красницкого к Тихону в управление политически выгодно, поручить тов. Тучкову, таковое осуществить и если одних словесных воздействий будет недостаточно, тактично применить другие меры, могущие оказать на Тихона и его приближенных епископов соответствующее воздействие»[1].

С прекращением уголовного дела у Тучкова исчез мощный рычаг давления на Патриарха, однако он продолжал пользоваться тем, что органы патриаршего управления не были зарегистрированы и с юридической точки зрения существовали нелегально. В соответствии с решением АРК после 8 апреля Тучков начал оказывать давление на Патриарха с целью добиться от него согласия на введение в органы церковного управления обновленцев, в том числе Владимира Красницкого. Красницкий имел устойчивую репутацию агента ГПУ. Это соответствовало действительности, о чем свидетельствуют его многочисленные рапорты, направленные в это ведомство[2]. Уехав летом 1923 г. в Петроград, он действовал там самостоятельно, не признавая власти ни Патриарха, ни обновленческого Синода. Как докладывал один из сотрудников ГПУ, командированный в начале 1924 г. в Петроград, «Красницкий не желает признавать никакой власти, кроме власти ЖЦ („Живой церкви“. – *Авт.*) в лице своей жены»[3]. В Москве в это время ходили слухи, что «Красницкий снял с себя сан и служит в Петроградском ГПУ». Другие говорили, что «он одновременно служит священником в Казанском соборе в Петрограде и служит там в ГПУ, при чем носит под рясой браунинг»[4].

Красницкий объективно мешал развитию обновленчества в Петрограде: «Деятельность Красницкого в настоящую минуту безусловно чрезвычайно вредна для обновленческого движения в ПГР. Если Красницкому будет и в дальнейшем предоставлено такое-же право распоясываться по отношению к Синоду

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 59 об.
[2] Следственное дело... С. 739–757.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 363.
[4] Там же. Л. 384.

и П[етроградскому] Е[пархиальному] У[правлению], то ясно что никогда никакого авторитета в глазах православно верующих обновление не приобретет, и наоборот будет укрепляться авторитет Тихоновщины»[1].

Во время переговоров с Патриархом в Донском монастыре, где Красницкий поселился, он вел себя вызывающе: «Красницкий вел себя со своим обычным цинизмом: он заявил, что ни от чего не отрекается, что признает собор 23-го года законным и принимает все его постановления, за исключением низложения Патриарха»[2].

Вводя Красницкого «к Тихону в управление», АРК и ГПУ стремились достичь следующих целей: скомпрометировать Патриарха связью с Красницким, внести раскол в среду «тихоновских» епископов, иметь возможность получать нужную информацию из «тихоновского управления». Патриарх, не имея возможности прямо отказаться от переговоров с Красницким, так как это было бы воспринято ГПУ как нарушение принципа лояльности к власти, вынужден был, как и в предыдущих случаях, лавировать и создавать видимость переговоров. Никакое примирение и объединение с обновленцами для Патриарха было невозможно. Условием воссоединения с Патриаршей Церковью было покаяние в отступлении в обновленчество и отказ от его идей. Такое покаяние принесли многие священники и епископы после освобождения Патриарха и были прощены и воссоединены с Церковью.

В деле Патриарха сохранился интересный документ, отражающий планируемый Тучковым состав ВЦУ. В состав легализованного Синода Тучков планировал включить Патриарха Тихона, архиепископов Серафима (Александрова), Петра (Полянского) и Тихона (Оболенского), т. е. прежних членов. В состав ВЦС, согласно мнению Тучкова, должны были войти только два представителя Патриаршей Церкви: протоиерей А. М. Станиславский и архимандрит Анемподист (Алексеев), все остальные были представителями «Живой церкви». Красницкого Тучков видел председателем ВЦС. Кроме того, Тучков предполагал ввести Красницкого и других «живоцерковников» в состав Московского

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 364.
[2] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 64.

епархиального управления[1]. На обороте документа Тучков написал для кого-то из духовенства: «Сказать Т[ихону] что Синод нельзя ввиду того, что есть Данилов монастырь. Он его должен ликвидировать. ...От него же – о Даниловском взять бумагу о их вредности Сов[етской] власти. ...О возможности вместо Донского Данилов – если те очистят для тихоновцев»[2]. То есть Тучков как условие организации Синода требовал от Патриарха «ликвидировать» так называемую «даниловскую оппозицию», т. е. осудить, объявить о «вредности соввласти» наиболее бескомпромиссно настроенных по отношению к власти епископов. Тем самым Тучков хотел расколоть Патриаршую Церковь. Между тем для Патриарха мнение епископов-«даниловцев», и прежде всего архиепископа Феодора (Поздеевского), было очень весомо.

Записка Тучкова была составлена до ареста «даниловцев» 16 апреля и отражала его первоначальные требования к Патриарху. Об этом говорит еще и то, что, по свидетельству протопресвитера В. Виноградова, на переговорах в конце апреля – начале мая такие требования уже не выдвигались.

9 апреля 1924 г. Патриарх встретился с председателем ЦИК СССР М. И. Калининым, которого он просил оказать содействие в легализации органов церковного управления, что ему было обещано Е. А. Тучковым. Патриарх указывал на преимущественное положение обновленцев, органы управления которых зарегистрированы и которым разрешено проводить съезды, совещания. Он также обращал внимание на расхождение между действующим законодательством и практикой властей в отношении Церкви. Кроме того, Патриарх ходатайствовал об освобождении 25 архиереев, находившихся в тюрьмах и лагерях[3]. Легализация церковного управления в этот период была одной из насущных проблем Церкви.

12 апреля Патриарх подал Калинину заявление о незаконности запрещения властями деятельности органов церковного управления[4], а также список архиереев, об освобождении которых он ходатайствовал[5]. Тем же числом датировано заявление

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 127–127 об; Следственное дело... С. 369.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 127 об.
[3] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 509–510.
[4] Там же. С. 420–426.
[5] Там же. С. 426–427.

Патриарха М. И. Калинину о незаконном налогообложении храмов[1]. Патриарх надеялся на удовлетворение этих заявлений.

13 апреля, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в храме преподобного Сергия в Рогожской.

§ 15. Репрессии в отношении духовенства, выступавшего против сближения с обновленцами (16–23 апреля 1924 г.)

Епископ Феодор на встрече с Патриархом заявил о недопустимости принятия Красницкого. А. Д. Самарин писал о том, что епископ Феодор, «вокруг которого группируются и другие Епископы, осуждающие настоящую политику патриаршего управления, отправился к Патриарху и изложил ему всю опасность принятия Красницкого. С таким же предупреждением были у Патриарха и другие лица. Под влиянием этого Патриарх письменно сообщил Тучкову, что он не может единолично, до собора, исполнить его требования. Ответом на этот отказ был обыск почти у всех проживающих в Москве епископов и арест 8-ми из них (Еп[ископов] Феодора (Поздеевского), Гурия (Степанова), митр[ополита] Серафима Чичагова и др.) – все таких, которые убеждали Патриарха не поддаваться настояниям Тучкова»[2].

16 апреля 1924 г. был арестован глава «Даниловского синода» архиепископ Феодор (Поздеевский)[3]. Формальным поводом для последующего его осуждения стал сбор сведений о российском епископате для планируемого Всеправославного совещания в Иерусалиме. На следствии в 1927 г. архиепископ Феодор показывал: «Я действительно в 1924 году был осужден на 3 года в ссылку вместе с группой других церковников, за то, что я сообщил профессору Попову некоторые сведения о себе и еще о двух епископах для передачи патриарху, а последние должно быть подготовлялись для отсылки за границу, о чем мне сообщил тогда следователь»[4]. Подготовка списков архиереев, кото-

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 427–429.
[2] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 65.
[3] ЦА ФСБ. Д. Р-30673.
[4] Следственное дело архиепископа Феодора и др. (1937 г.). Л. 88 об. – 89.

рой занимался профессор И. В. Попов, была связана с попыткой Патриарха принять участие в планировавшемся на 1925 г. Всеправославном совещании, приуроченном к 1600-летию Первого Вселенского Собора. Письмо архиепископа Серафима (Лукьянова) митрополиту Антонию (Храповицкому) содержит сведения об этом: «Очень ждут Вселенского собора, полагая почему-то, что на нем совершится присоединение англикан и даже латинян. Профессор Дмитриевский собирается даже ехать для этого на Восток. Они надеются на то, что иностранные державы заставят большевиков отпустить на Собор и патриарха, и архиереев»[1].

Арест архиепископа Феодора был не единственным. Только 16 апреля 1924 г. 6-м отделением СО ОГПУ было проведено 18 обысков и 8 арестов, а 23 апреля 49 обысков и 42 ареста[2]. Репрессиям подверглись и епископат, и духовенство Патриаршей Церкви. Сделано это было для того, чтобы уничтожить так называемое «правое крыло» епископата. Именно епископы-«даниловцы» были наиболее бескомпромиссно настроены по отношению к власти, и Тучков опасался их влияния на Патриарха. С другой стороны, арестованные епископы становились как бы заложниками, необходимыми для оказания давления на Патриарха.

> 19 апреля, в Лазареву субботу, Патриарх совершил литургию в храме в честь Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище.
> 20 апреля, в воскресенье, в праздник Входа Господня в Иерусалим, Патриарх освятил храм Введения в селе Черкизове и совершил в нем литургию.
> 23 апреля, в Великую среду, Патриарх Тихон совершил литургию Преждеосвященных Даров в Донском монастыре.

22 апреля Е. А. Тучков отчитался в АРК о положении дел с введением Красницкого в ВЦС. Было решено ужесточить позицию в отношении сопротивляющихся этому мероприятию[3]. АРК постановила: «До предсоборного совещания церковников-обновленцев от регистрации тихоновских общин воздержаться»[4].

---

[1] Крестный путь патриарха Сергия. С. 63.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 201.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565а. Л. 60 об.
[4] Там же.

В случае принятия Красницкого следующим шагом Патриаршей Церкви было бы объединение с обновленцами на предсоборном совещании, запланированном на июнь 1924 г.

23 апреля ГПУ провело 49 обысков и 42 ареста иерархов и священнослужителей. В основном они входили в группу, сложившуюся вокруг Данилова монастыря.

§ 16. Проекты документов, предложенных Патриарху для принятия в церковное общение Красницкого

После арестов Патриарх подписал первое прошение обновленца Владимира Красницкого, где выразил готовность принять его в церковное общение при принесении им покаяния.

Таким образом, очевидно, что подписание этого документа, как и последующего, носило вынужденный характер и было вызвано опасением за жизни многих епископов и священников. Святитель Тихон надеялся облегчить этим участь арестованных собратьев. Патриарх настаивал на покаянии Красницкого и его отказе от обновленчества, т. е. ставил условие, разрушающее планы ГПУ на компрометацию Патриарха. Он был готов рассмотреть вопрос о прощении кающегося священника и возвращении его в лоно Русской Православной Церкви, а не об объединении и примирении с «Живой церковью».

Красницкий представил Патриарху проекты документов об устройстве будущего ВЦУ, которые Патриарх взял для изучения. Эти документы создавались с целью заставить Патриарха поставить под ними свою подпись. В нескольких случаях после отказа Патриарха их подписать документы были опубликованы от его имени или же, не будучи опубликованными, приписываются ему некоторыми исследователями.

Одним из таких документов является так называемое «Письмо Патриарха Тихона к „протопресвитеру“ В. Д. Красницкому о назначении его членом ВЦС и Московского епархиального управления»[1]. Это название дали документу публикаторы сборника «Следственное дело Патриарха Тихона». Данное письмо

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 51; Следственное дело... С. 367–368.

было составлено по указанию Тучкова, видимо, самим Красницким, для того чтобы принудить Патриарха подписать его. Об этом говорят следующие особенности документа.

1. В левом верхнем углу листа есть помета, сделанная рукой Тучкова: Красницкий «не прошел», т. е. Патриарх отказался подписать документ, автором которого был Красницкий (такого рода помета есть и на других документах, не подписанных Патриархом).

2. В тексте сказано: «...назначаю Вас Заместителем Председателя состоящих при мне Высшего Церковного Совета и Московского епархиального управления...», но слова «Заместителем Председателя» зачеркнуты и вместо них написано «членом». Как было показано выше, именно Красницкий и ГПУ настаивали на должности заместителя председателя. Вычеркнул эти слова, видимо, сам Тучков, когда столкнулся с жесткой позицией Патриарха по этому вопросу.

3. Слова о необходимости «приступить срочно к подготовке очередного Поместного Собора» не могли принадлежать Патриарху, понимавшему, что нормальная работа Поместного Собора в условиях полной несвободы невозможна. Собор был выгоден ГПУ и Красницкому, который в цитированной выше докладной записке в ГПУ писал: «...требовать созыва очередного Поместного Собора, на котором провести разгром Тихоновской партии во главе с самим Тихоном – строго каноническим путем»[1]. В этом и состоял замысел ГПУ по устранению Патриарха. Патриарх, понимая это, откладывал созыв Собора, на что указывал Красницкий. Он писал: «Сознательно опасаясь очередного Поместного Собора, на котором откроются их вины пред Церковью... они („тихоновские“ епископы. – *Авт.*) срывают начало Собора...»[2].

4. В документе отсутствует слово «копия» и формула заверения: слово «верно» и подпись сотрудника, которые присутствуют обычно на копиях документов, сделанных в ГПУ, – следовательно, документ не может быть копией патриаршего письма.

5. Слова «Да будет больше благословение (опечатка – вместо „Божие благословение“. – *Авт.*) на первом начале очередного

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 177 об.; Следственное дело... С. 736.
[2] Следственное дело... С. 748.

Поместного Собора» буквально совпадают со словами из проекта послания Патриарха, написанного рукой Красницкого с его подписью[1], что свидетельствует о том, что автором проекта письма является Красницкий.

Таким образом, атрибуция, сделанная составителями сборника «Следственное дело Патриарха Тихона», ошибочна. Вместе с проектом этого письма Красницким был составлен другой документ: заявление во ВЦИК с просьбой о регистрации Соединенного Присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Составителями сборника «Следственное дело Патриарха Тихона» этот документ также ошибочно назван «Заявлением Св[ященного] Синода»[2]. В пользу того, что документ составлен Красницким, а не членами Синода, говорят следующие обстоятельства.

1. Существует тесная связь между вышеназванным фальсифицированным письмом и настоящим документом. Так, в названном письме от имени Патриарха Красницкому поручалось «немедленно испросить легализацию существующих органов Церковного Управления»[3]. «Заявление» было выполнением этого «поручения».

2. Слова «От имени Святейшего Патриарха... Тихона почтительнейше прошу зарегистрировать организованное на основании действующих... законоположений Соединенное Присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Поместной Российской Церкви...» написаны от имени единственного лица, так как под документом должна была стоять подпись Красницкого; если бы заявление было составлено от имени Синода, то стояла бы форма множественного числа: «просим».

3. Включение Красницкого в состав Соединенного Присутствия говорит о том, что документ не мог быть составлен патриаршей стороной, так как эта сторона настаивала на включении его в состав ВЦС в качестве рядового члена, в этом случае он не должен был быть включен в состав Соединенного Присутствия.

4. Среди членов присутствия в документе назван «Архиепископ Петр Подольский». Такое наименование не могло после-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 172; Следственное дело... С. 740.
[2] Следственное дело... С. 368.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 51; Следственное дело... С. 367–368.

довать со стороны Синода, потому что уже с Пасхи 1924 г. он являлся митрополитом Крутицким. Так он подписался и в протоколе заседания Священного Синода от 21 мая 1924 г.[1]

А. Д. Самарин писал о том, что в окружении Патриарха многие были за принятие Красницкого: «В патриаршем синоде против принятия Красницкого с полной определенностью выступил Арх[иепископ] Петр Полянский, заявивший в присутствии Тучкова и Красницкого, что он на это ни за что не согласится и выйдет из состава синода, как только это произойдет. Арх[епископ] Серафим (Александров) держался двусмысленно; не возражая против принятия Красницкого, он требовал, чтобы его воссоединению с Церковью предшествовало сериозное покаяние. Виноградов же оказался ярым защитником требований Тучкова, беспрестанно напевая Патриарху о том, как это было бы выгодно для Церкви и как было бы красиво ко дням Св[ятой] Пасхи на все излить елей всепрощения»[2]. Протопресвитер М. Польский так описывал эти события: «Агент требует, чтобы в управлении Патриарха был человек, которому власть доверяет[,] и пытается ввести туда известного предателя, но все же все время имеет там одного доносчика из среды архиереев»[3].

По замыслу властей принятие Красницкого должно было способствовать отходу от Патриарха большинства духовенства, которое отнеслось к этому проекту отрицательно. А. Д. Самарин писал: «Вне патриаршего управления к этому проекту отношение двоякое: есть священники, сочувствующие Виноградову и наивно думающие, что обещания Тучкова будут исполнены: они измучены всевозможными притеснениями и готовы купить спокойствие какой угодно ценой. Но огромное большинство духовенства и все миряне относятся к проекту с негодованием, и его осуществление, без сомнения, послужило бы началом нового раскола, т. к. отделиться от Патриарха пришлось бы людям, всецело ему преданным. Их взгляд на дело сводится к следующим положениям. Принятие в общение обновленцев с соблюдением правил о церковном суде канонически допустимо и по соображениям церковной пользы может быть облегчено, но снис-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 211–211а; Следственное дело... С. 370–371.

[2] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 64.

[3] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские: Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. Ч. 1. С. 110.

ходительность при настоящих условиях является с этой точки зрения совершенно нецелесообразной. Соглашение с обновленцами в массе не дает Церкви никаких выгод. Обновленческая церковь – это духовенство без паствы. Если бы за обновленческими епископами и священниками шел народ и стояли епархии, то, воссоединяя их паствы, можно было бы пойти на большие уступки, но за ними никого не стоит, кроме ГПУ. И вот в этом-то кроется огромная опасность для Церкви от соглашения с ними. Этих людей, готовых на все, правительство не перестанет поддерживать и после присоединения их к православной Церкви, а напротив, отдаст именно в их руки всю церковную власть»[1].

Картину истории переговоров с Красницким помогает восстановить послание главных участников переговоров – митрополита Петра (Полянского) и митрополита Серафима (Александрова), посвященное опровержению лжи, публиковавшейся на эту тему в советских газетах[2]. Один из экземпляров послания был тайно направлен на Украину, но перехвачен и передан Е. А. Тучкову. Как указывают митрополиты, «газетные сообщения исказили всю сущность дела, а потому трудно незнающим дела добраться до истины»[3].

Митрополиты Петр и Серафим среди причин, по которым Патриарх пошел на эти переговоры, называют следующие: «Умиротворение церкви, легализация наших и Высших Епархиальных учреждений, возможность епарх[иальным] архиереям возвратиться в свои епархии, возможность возвратить из ссылки и тюрем архипастырей и пастырей и возможность собора и вообще успокоение на местах, измученных неурядицами церковной жизни»[4]. Запланированное включение Красницкого в состав ВЦС было частью проводимой Патриархом политики лавирования. Никаких действительных намерений работать с Красницким у него не было, он лишь пытался использовать представившуюся возможность для освобождения многих заключенных епископов и легализации органов церковного управления.

---

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 64.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 220–224; Следственное дело... С. 772–778.
[3] Следственное дело... С. 775.
[4] Там же. С. 776.

§ 17. Служение Патриарха в пасхальный период (24 апреля – 12 мая 1924 г.)

В рассматриваемый период к Патриарху приходили депутации с просьбой отменить объединение. А. Д. Самарин писал: «После этого Патриарх согласился принять Красницкого единолично после покаяния, но к нему снова стали являться депутации с просьбой не делать этого»[1].

24 апреля, в Великий четверг, Патриарх совершил литургию в Донском монастыре; там же – чтение 12 Евангелий.
25 апреля, в Великую пятницу, Патриарх совершил вынос Плащаницы в Донском монастыре.
26 апреля, в Великую субботу в 3 часа утра, – чин погребения Плащаницы в Донском монастыре.
27 апреля, на Пасху, – пасхальную утреню и литургию в Донском монастыре; там же – вечерню.

К Пасхе три члена Синода: архиепископы Серафим (Александров), Тихон (Оболенский) и Петр (Полянский) – были отмечены возведением в сан митрополита. Священник А. Мазырин считает, что это произошло 22 марта 1924 г.[2], но в апрельских документах Синода они значатся как архиепископы.

28 апреля, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме Воскресения в Сокольниках.

Московское духовенство пришло поздравить Патриарха с праздником Пасхи. О внимательном отношении Патриарха к московским батюшкам говорит такой факт. В январе 1924 г. Патриарх наградил настоятеля храма в Толмачах священника Илию Четверухина наградным крестом, который он не имел средств приобрести, поэтому пришел поздравить Патриарха с Пасхой с «белым» крестом. Когда Патриарх спросил о причине, тот сказал правду. Тогда Патриарх снял с себя крест и на-

[1] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 65.
[2] *Мазырин А., свящ.* Вопрос о Патриаршем Синоде в «межсинодский» период 1925–1927 гг. // Вестник ПСТГУ. II: История: История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 2 (35). С. 63.

дел его на священника Илию, сказав: «Вернешь, когда сможешь приобрести собственный»[1].

29 апреля, во вторник, Патриарх совершил литургию в Николо-Перервинском монастыре.

30 апреля*[7] епископ*[8] Андрей (Ухтомский) направил Патриарху Тихону письмо, в котором обрушивал на него суровую критику:

«Что же сделали вы, Ваше Святейшество, для оздоровления церковной жизни? Общий голос епископов и мирян: за год не сделано ничего. Вы окружаете себя архиереями, неизвестными даже для их собственной паствы; вы по-прежнему не знаете никакой программы устроения церковно-общественной жизни; и по-прежнему вся ваша деятельность выливается в торжественное богослужение. Но, Ваше Святейшество, те розы, которыми усыпают ваш путь московские богомольцы, не могут считаться признаком торжества Православия и нисколько не успокаивают народной совести по всему пространству вашей обширной Патриархии. Для этого нужны иные пути, твердые и ясные. Эти пути имеются. Создание Церковного Собора в России, обязательное введение выборного начала и уничтожение в церковной жизни „назначенства“, в параллель с гражданской Федерацией деление России на автономные епархии и епископаты, введение в жизнь декрета Наркомюста о нормальном уставе религиозных общин, радикальное уничтожение всяких намеков на глупый русский клерикализм – вот что необходимо для русского народа и лучших представителей Соввласти»[2]. Копия письма сохранилась в томе следственного дела Патриарха, где откладывались материалы, поступавшие из Донского монастыря. Можно предположить, что в ОГПУ письмо было передано кем-то из окружения Патриарха.

2 мая, в пятницу, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Ваганькове.

---

[1] Слава Богу за все... С. 99.

[2] *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь: По материалам следственных и лагерных дел заключенных. М., 1998. С. 247; ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 206–207.

3 мая, в субботу, – литургию в храме Василия Кесарийского на Тверской.
4 мая, в воскресенье, – литургию в храме Благовещения в Петровском парке.
5 мая, в понедельник, – всенощное бдение в храме великомученика Георгия в Грузинах.
6 мая, во вторник, – литургию в храме великомученика Георгия на Варварке.

8 мая 1924 г. состоялась личная встреча Патриарха с главой СНК А. И. Рыковым[1]. Речь шла о путях легализации церковного управления и других вопросах, поднятых Патриархом в заявлениях от 12 апреля.

8 мая, в четверг, Патриарх служил всенощную в храме святителя Николая Чудотворца в Кузнецах («Никола Кузнецкий»).
9 мая, в пятницу, там же – всенощную.
11 мая, в воскресенье, Патриарх совершил Божественную литургию в храме Ильи Пророка в Черкизове.
12 мая, в понедельник, – литургию в храме Девяти мучеников Кизических в Девятинском переулке.

§ 18. Решающая фаза переговоров с Красницким (13–21 мая 1924 г.)

На 13 мая было намечено принятие Красницкого в церковное общение и подписание подготовленных им документов. Но неожиданно Патриарх отказал Красницкому в дальнейшем рассмотрении вопроса о его принятии. А. Д. Самарин писал: «Во вторник 13-го мая Красницкий был у Патриарха за окончательным ответом, но вел себя с такою наглостью, что Патриарх отказал ему в принятии и прервал с ним дальнейшие разговоры»[2]. О степени искренности намерений Красницкого можно судить по сохранившимся в следственном деле его многочисленным докладным запискам в ГПУ. Эти документы пропитаны ненавистью к Патри-

[1] Следственное дело... С. 420–429.
[2] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 65.

арху и его сторонникам и содержат многочисленные призывы организовать репрессии по отношению к ним. Две записки, датированные 13 и 14 мая 1924 г., содержат программу репрессий по отношению к Патриаршей Церкви[1]. Так, в записке от 13 мая Красницкий писал: «...в интересах Государственной безопасности пора уже положить конец Тихоновской „свободе" от действия Сов[етских] Законов и подвергнуть их законному преследованию за чрезмерные испытания Советского долготерпения»[2].

14 мая 1924 г. Красницкий написал докладную записку в ГПУ, начинавшуюся словами: «Сила сопротивления, которую обнаруживают Тихоновцы в борьбе против ввода в состав своего центра представителей церковной революции, зависит исключительно от того, что в течение всего года действования б[ывшего] Патриарха Тихона – его последователи оказались свободны от действия всех государственных законов»[3]. В этой записке Красницкий, в частности, указывал на незаконность существования Московского епархиального совета.

В этот день были арестованы члены Синода. А. Д. Самарин писал: «В среду 14-го мая митр[ополит] Петр, митр[ополит] Серафим и митр[ополит] Сергий были увезены ГПУ, где им было поставлено в вину, что они своим влиянием помешали Патриарху исполнить желание советской власти. Митр[ополит] Петр должен был подписать обязательство выехать в следующий вторник 20-го мая в Зырянский край, а митр[ополит] Серафим задержан ГПУ. Говорят, что арестован и Виноградов. Что означает странный арест Серафима и Виноградова – пока неизвестно. Опасаюсь, что Красницкому приказано будет подписать какую угодно покаянную форму, а Патриарх, совершенно изолированный, не устоит перед новым натиском. Вот его положение: оставаясь твердым, он не только служит причиной для арестов и высылок епископов, но и теряет людей, сколько-нибудь способных и стойких»[4].

15 мая, в четверг, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Куракинской богадельне у Красных Ворот.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 175–177 об.; Следственное дело... С. 733–736.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 173–174; Следственное дело... С. 733.
[3] Следственное дело... С. 733.
[4] Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.). С. 65.

В тот же день Патриарх Тихон написал обращение к председателю СНК СССР А. И. Рыкову: «На другой день после моего посещения Вас, совместно с моими помощниками митрополитами Петром, Серафимом и Тихоном, два первые неожиданно подверглись административной каре: с управляющего Московской Епархией митрополита Петра (Полянского) взята подписка о немедленном, в пятидневный срок, выезде в ссылку в Северо-Двинскую губернию, одновременно и митрополит Серафим арестован и находится в заключении.

Так как в лице этих митрополитов, а особенно митрополита Петра, я лишаюсь своих ближайших и нужнейших помощников по управлению делами церковными, то усерднейше прошу сделать распоряжение об освобождении их от указанных административных кар»[1].

16 мая 1924 г. состоялась первая после его ареста поездка Патриарха Тихона в Николо-Угрешский монастырь[2].

17 мая, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме мученицы Ирины на Ининской улице.

18 мая, в воскресенье, – литургию в храме Покрова на Лыщиковой горе.

19 мая Красницкий подал Предстоятелю Церкви прошение о принятии его и его «собратьев» в молитвенно-каноническое общение. Также он просил «благословить потрудиться над восстановлением общецерковного мира и подготовке очередного Поместного Собора в организующемся при Вашем Святейшестве Церковном Управлении, покрыв своей архипастырской любовью все, в чем я прегрешил в период церковно-обновленческого движения»[3].

На этом письме Патриарх написал следующую резолюцию: «Ради мира и блага церковного, в порядке патриаршей милости, согласен принять в общение Протопресвитера Влад[имира] Красницкого. Св[ященному] Синоду предлагаю обсудить вопрос о включении его в состав образуемого Высшего Церков[ного] Совета. Патр[иарх] Тихон»[4].

---

[1] *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. М., 2004. С. 364.

[2] Там же. С. 351.

[3] Следственное дело... С. 737.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 178; Следственное дело... С. 737.

Как отмечают в своем послании митрополиты Петр и Серафим, «не патр[иарх] примирился с Красницким, а последний просил его принять в общение, простить его во всем, в чем он прогрешил в период обновленческой деятельности»[1]. Этот факт в своих обращениях к членам группы «Живая церковь» признавал и сам Красницкий. В проекте обращения к членам «Живой церкви» Красницкий писал: «Ради церковного мира и единения всех в единой вере православной, мы должны объединиться около него, как главы нашей православной церкви»[2].

Своей резолюцией, как отмечают митрополиты Петр и Серафим, «патр[иарх] выражал согласие принять о. Красницкого в общение, как покаявшего[ся] и ради мира и блага церкви. Представитель власти заявил, что гражданская власть о. Красницкому верит, что если Красницкий будет работать при патр[иархе], власть зарегистрирует св[ященный] Синод в полном составе и Высший церковный Совет и по епархиям немедля епархиальные советы, причем об[е]щано было возвращение из ссылки архиереев и свящ[енников], пострадавших в связи с обновленческим движением»[3]. На это же указывает и протопресвитер В. Виноградов: «Тучков, в свою очередь, подтвердил согласие на учреждение при Патриархе обоих органов высшего церковного управления и предложил составить письменный проект личного состава обоих этих органов с немедленным включением сюда Красницкого»[4].

19 мая 1924 г. был подготовлен проект «Послания Патриарха Тихона епархиальным архиереям об организации епархиальных советов»[5]. Согласно этому документу должны были быть созданы епархиальные советы, в состав которых предполагалось ввести и лиц, принадлежавших к «революционной группе православного белого духовенства и мирян „Живая Церковь“»[6]. Советы эти в первую очередь должны были озаботиться «делом подготовки очередного Поместного Собора Российской Церкви», к созыву которого так стремились Красницкий и ГПУ.

---

[1] Следственное дело... С. 775.
[2] Там же. С. 738.
[3] Там же. С. 776.
[4] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 159; Следственное дело... С. 375.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 210; Следственное дело... С. 366–367.
[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 210; Следственное дело... С. 367.

Под этим документом стоит собственноручная подпись Патриарха, в правом верхнем углу рукой Тучкова сделана помета: «Напечатать полностью». Тучков также внес небольшие изменения в текст документа. В том же томе дела имеется проект этого документа, написанный рукой Красницкого и подписанный им. Текстуально документы совпадают, кроме слов «да будет благословение Божие на первом начале нового Поместного Собора», которые в документе, подписанном Патриархом, отсутствуют. Это один из примеров «вынужденного авторства». Однако, как показали дальнейшие события, Патриарх не стремился к воплощению в жизнь послания, что было частью политики лавирования, которой он придерживался в данный период.

§ 19. Подписание проекта полного присутствия ВЦУ в составе обоих органов: Священного Синода и Высшего Церковного Совета

21 мая Патриархом и членами Синода был рассмотрен проект будущего состава Священного Синода и ВЦС – «Проект „Деяний Священного Синода при Святейшем Патриархе Московском и всея России“»[1].

В этом документе, который, безусловно, был составлен Красницким, Патриарх назначает его членом Синода и «поручает ему ведение административной частью Своего Управления»[2]. Согласно третьему пункту документа, «вся работа по созыву Очередного Поместного Собора и по Высшему Церковному Управлению вверяется соединенному присутствию Священного Синода и организуемому Святейшим Патриархом Тихоном по представлению протопресвитера Красницкого Высшему Церковному Совету, при непосредственном возглавлении всего самим Святейшим Патриархом»[3]. Кроме того, Патриарх должен был возбудить ходатайство о выделении Красницкому помещений в Донском монастыре. Этот документ содержит требования еще более жест-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 124; Следственное дело... С. 741–742.
[2] Следственное дело... С. 742.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 124; Следственное дело... С. 741–742.

кие, чем те, которые Тучков выдвигал в апреле 1924 г. Теперь уже требовалось ввести Красницкого в Синод и по сути поручить ему формирование ВЦС. Документ этот, естественно, Патриархом был отвергнут. Об этом свидетельствует помета в левом верхнем углу проекта, сделанная рукой Тучкова: «К д[елу] Тихона. Документ не прошел. 22/VI. Е. Тучков»[1]. К этому времени у Тучкова уже была информация о том, что Патриарх аннулировал проект состава Синода от 21 мая.

Об этом же свидетельствовал в своем послании пастырям и пастве Черниговской епархии, датированном 27 июня 1924 г., епископ Дамаскин (Цедрик): «Для уяснения себе создавшегося положения я нарочно побывал в Москве и теперь, возвратившись оттуда, со слов самого Патриарха, освещаю перед вами истинное положение вещей, дабы разсеять возникшее в нашей среде недоумение. Никакого признания святителем Патриархом Тихоном „живой церкви“ и никакого сдвига в этом направлении не произошло, и Патриарх Тихон, сам пребывая в православии, и вас всех призывает твердо стоять на страже его. Ни в какой совет при Патриархе Красницкий не введен, да такого совета и не существует»[2]. Копия этого послания сохранилась в следственном деле, заведенном в 1925 г. на епископа Дамаскина в Черниговском губотделе ГПУ и позднее приобщенном к следственному делу митрополита Петра (Полянского).

Было заслушано «Предложение Его Святейшества, Святейшего Патриарха о восстановлении нормальной деятельности Высшего Церковного Управления, применительно к положению, установленному Пом[естным] Собором 1917/18 г.»[3]. В качестве справки Синод опирался на «Положение Собора о Высшем Церковном Управлении». Это еще раз подчеркивает желание Патриарха иметь полный состав ВЦУ в точном соответствии с определением Собора.

В состав Синода должно было войти 12 епископов, семь из которых находились в ссылках и тюрьмах. Патриарх надеялся через включение их в состав Синода добиться их освобождения: «В состав Священного Синода, впредь до созыва Очередного

---

[1] Следственное дело... С. 742.
[2] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 7. Л. 6.
[3] Следственное дело... С. 370.

Поместного Собора, включить следующих лиц, под председательством Его Святейшества, Святейшего Патриарха»[1].

В список членов Синода вошли: митрополит Сергий (Страгородский), митрополит Кирилл (Смирнов), митрополит Тихон (Оболенский), митрополит Серафим (Александров), митрополит Петр (Полянский), архиепископ Нафанаил (Троицкий), архиепископ Димитрий (Беликов), архиепископ Павел (Борисовский), архиепископ Григорий (Яцковский), архиепископ Евгений (Зернов), архиепископ Иосиф (Петровых), епископ Серафим (Остроумов)[2].

Эти архиереи представляли все пять групп, на которые епархии были поделены на Соборе 1917–1918 гг. для равномерного представительства в Синоде, что подчеркивает уважение к определениям Собора; два архиерея представляли Украину.

В состав ВЦС планировалось включить:

«Протопресвитера Владимира Красницкого,
Протоиерея Александра Смирнова,
Протоиерея Иоанна Артоболевского*[9],
Протоиерея Василия Виноградова,
Протоиерея Димитрия Боголюбова*[10],
Протоиерея Николая Братановского[,]
Протоиерея Вячеслава Немова,
Протоиерея Василия Архангельского (из Тамбова)[,]
Протоиерея... Лобанова (из Пятигорска)[,]
Архимандрита Анемподиста*[11],
Мирянина – Александра Рахманова[,]
Василия Белоликова*[12]»[3].

Если в составе Синода не было обновленцев, то в предполагаемом ВЦС они преобладали. В состав ВЦС были намечены к принятию В. Красницкий и ряд других обновленцев: протоиерей В. Немов, протоиерей Василий Архангельский, протоиерей Николай Братановский, протоиерей Лобанов, мирянин В. Белоликов и другие. Таким образом, шесть членов ВЦС были обновленцами, а шесть принадлежали к Патриаршей Церкви. Однако, как отмечают в своем послании митрополиты Петр и Се-

[1] Следственное дело... С. 370.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 371.

рафим, «все намеченные лица имели быть включенными только до созыва поместного собора»[1]. В. Красницкий так характеризовал состав нового ВЦУ: «Политического доверия заслуживает, до известной степени, только второй орган – Высший Церковный Совет, первый же – Священный Синод – по составу своему такового доверия заслуживать не может, как состоящий на половину из лиц – находящихся под судом и под стражей»[2].

Важно отметить тот факт, что митрополиты Петр (Полянский) и Серафим (Александров), а также протопресвитер В. Виноградов подчеркивали, что 21 мая был выработан только проект будущего состава Священного Синода и ВЦС. Протопресвитер В. Виноградов писал: «Я считаю долгом решительно заверить, что в действительности никакого «Высшего Церковного Управления» с участием Красницкого Патриарх... не учреждал. <...> В действительности существовал лишь мертворожденный проект такого «Высшего Церковного Управления» с участием... «покаявшегося» Красницкого»[3]. Это подтверждает и свидетельство митрополитов Петра и Серафима: «Этот проэкт постановления по надписании св[ятейший] Патр[иарх] положил в ящик письменного стола, не сдавая его Синоду[,] и не пустил его в ход, ибо еще не был принят Красницкий»[4].

§ 20. Аннулирование Патриархом соглашений с Красницким (22–24 мая 1924 г.)

21 мая Патриарх служил всенощную в Донском монастыре.

22 мая, в четверг, – совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Ваганькове.

23 мая, в пятницу, – служил молебен в храме Казанской иконы Божией Матери в селе Коломенском под Москвой.

24 мая, в субботу, – всенощную в храме священномученика Ермолая «на Козьем болоте».

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 220–224; Следственное дело... С. 777.

[2] Следственное дело... С. 739.

[3] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 25.

[4] Следственное дело... С. 777.

24 мая 1924 г. в газете «Известия» был опубликован материал, в котором Красницкий говорил о своем признании обновленческого собора 1923 г. и утверждал, что Патриарх вошел с ним в общение, а не он просил Патриарха принять его, а также что целью объединения является проведение политики «Живой церкви»[1]. Подобные же заявления Красницкого были опубликованы и днем раньше, 23 мая, в газете «Вечерняя Москва». Эти публикации, по замыслу ГПУ, должны были нанести серьезный удар по авторитету Патриарха.

Прочитав газетные выступления Красницкого, Патриарх 24 мая наложил резолюцию следующего содержания: «...предлагаю св[ященному] Синоду все мои резолюции и все акты св[ященного] Синода по делу о. Красницкого и его группы считать не состоявшимися – аннулированными»[2].

Однако газеты продолжали публиковать многочисленные измышления обновленцев. Так, в № 123 «Известий» было опубликовано сообщение о том, что Патриарх примирился с «Живой церковью» и Красницким. В № 133 «Известий» публиковалось сообщение о том, что Патриарх призван к управлению «Живой церковью», разделив с нею власть.

Протопресвитер В. Виноградов сообщает о специальном заседании Синода, на котором присутствовали Красницкий и Тучков. Виноградов пишет: «После этого заседания ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, что ни Красницкий ни о каком „покаянии“, ни Тучков ни о какой легализации Патриаршего Управления... не помышляют, а помышляют лишь скомпрометировать патриарха и Патриаршее Управление в глазах церковного народа и патриаршей Церкви. Патриаршее Управление тогда окончательно пришло к решению, что переговоры с Тучковым и Красницким по этому делу нужно прекратить, и в этом смысле оно представило Патриарху свое решение. Патриарх согласился, но из предосторожности, ввиду возможных репрессий со стороны Тучкова, некоторое время медлил, пока не явился в Москву митрополит Кирилл и окончательно убедил патриарха формально объявить о прекращении всяких переговоров с Красницким...»[3].

---

[1] Известия ЦИК. 1924. 24 мая. № 117.

[2] Следственное дело... С. 777.

[3] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). С. 29.

§ 21. Попытка Патриарха добиться реализации обещаний властных органов, данных при формировании органов ВЦУ (25–30 мая 1924 г.)

Отказ от соглашений с Красницким не означал еще отказа от создания органов ВЦУ, проект которых был утвержден 21 мая. Патриарх, как было сказано выше, выжидал, не отказываясь открыто от идеи нового ВЦУ, тем более что власти обещали освободить архиереев. Патриарх неоднократно подавал Тучкову прошения об освобождении епископов, находящихся в тюрьмах и лагерях. Одно из таких прошений он подал 24 мая: «Для умиротворения церковнаго мною организовано высшее Церковное Управление в составе двух органов – Священнаго Синода и Высшаго Церковнаго Совета, кои и приступят к работе не только по Москве, но и по провинции.

Прошу Вас сделать зависящее от Вас распоряжение на места[х] – по провинции, чтобы там, на местах, по епархиям – тех Преосвященных, кои будут посланы мною[,] не высылали и не подвергали арестам, а дали бы возможность свободно им заняться церковной работой и организацией епархиальных управлений.

Одновременно с этим я прошу Вас принять меры к освобождению тех епископов, кои ныне томятся в Московских тюрьмах и кои арестованы на этих днях, а равно и тех, кои высланы в административном порядке»[1].

> 25 мая, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Успения в Кожевниках у Новоспасского моста.

26 мая Патриарх просил о включенных в состав Синода митрополите Кирилле (Смирнове), епископе Павле (Борисовском), архиепископе Григории (Яцковском) и архиепископе Евгении (Зернове). В прошении, видимо, ошибочно архиепископ Евгений (Зернов) назван Евгением (Молчановым), хотя епископа с такой фамилией не было; архиепископом Благовещенским (о котором говорится в документе) был Евгений (Зернов). Патриарх просил

---

[1] Следственное дело... С. 372.

также за архиепископа Илариона (Троицкого), которого хотел назначить на одну из кафедр, причем в прошении указано, что Тучков ранее обещал освободить архиепископа Илариона[1]. Как обоснование он указывал на восстановление ВЦУ: «Ради умиротворения широких масс верующих, впредь до созыва очередного поместнаго собора мною организовано Высшее Церковное Управление – в составе органов – Священнаго Синода и Высшаго Церковнаго Совета...»[2].

Свою просьбу об освобождении названных выше архиереев Патриарх повторил в прошении от 28 мая[3]. Особо Патриарх просил об архиепископе Иларионе[4].

Митрополиты Петр и Серафим отмечают в своем послании, что некоторые архиереи были освобождены. Так, например, в Москву был доставлен и на короткое время освобожден митрополит Кирилл (Смирнов), о чем будет сказано ниже.

28 мая 1924 г. Красницкий подал в ГПУ рапорт об организации Высшего Церковного Управления, приложив заявление Патриарха в НКВД, содержавшее соответствующую просьбу[5]. Заявление о регистрации Синода и Высшего Церковного Совета было принято Центральным административным управлением НКВД[6]. Высшему Церковному Совету разрешалось осуществление деятельности до регистрации[7]. Заявление Патриарх подписал после 21 мая, когда был утвержден проект состава Синода и ВЦС, но до 24 мая, когда Патриарх аннулировал этот проект с участием Красницкого.

Митрополитом Петром от имени Патриарха было составлено ходатайство об отмене циркуляра НКЮ, по которому возношение имени Патриарха за богослужением считалось уголовным преступлением: «Прошу сделать гласное распоряжение о безпрепятственности возношения за богослужениями моего имени, так как без этого внешняго выражения канонической связи паствы со мной невозможна общецерковная работа»[8]. Это ходатайство

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 156; Следственное дело... С. 372–373.
[2] Следственное дело... С. 374.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 158; Следственное дело... С. 374–375.
[4] Следственное дело... С. 372–374.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 181; Следственное дело... С. 739.
[6] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 182; Следственное дело... С. 741.
[7] Там же.
[8] Следственное дело... С. 375.

Патриарх подписал 29 мая и передал Тучкову[1]. Однако власти не спешили идти навстречу Патриарху.

Еще 26 мая постановлением ВЦУ во главе с Патриархом архиепископ Крутицкий Никандр (Феноменов) был «отчислен от управления Московской епархией, с увольнением на покой и с прекращением возношения его имени на богослужении»[2].

В фонде канцелярии Патриарха Тихона сохранилась выписка из циркулярного постановления ВЦУ: «Согласно резолюции Святейшего Патриарха от 5/18 мая 1924 г. управляющим Московской епархией назначен «Преосвященный Леонид, епископ Верненский», при котором 17/30 мая учреждено Московское Епархиальное Управление»[3]. Вероятно, циркуляр рассылался Красницким. Назначение обновленца епископа Леонида Скобеева осталось только на бумаге. Однако само постановление ВЦУ от 26 мая может свидетельствовать о том, что новые органы ВЦУ приступили к работе.

§ 22. Поездка Патриарха в Серпухов и окончательный разрыв переговоров с Красницким (31 мая – 3 июня 1924 г.)

Понимая, что в Донском монастыре от навязчивости Красницкого, проживавшего там, не отделаться, и готовясь к объявлению об окончательном разрыве переговоров с ним, Патриарх решил выехать из Москвы.

> 31 мая, в субботу, Патриарх Тихон совершил всенощное бдение в соборе г. Серпухова.
> 1 июня, в воскресенье, – литургию в храме Жен-мироносиц в Серпухове; всенощную – в храме святителя Николая Чудотворца («Николы Белого») в Серпухове.

Наблюдатели из ОГПУ сообщали об этом богослужении: «В дополнение к нашей телефонограмме от 29/V – с. г. за № 893/ш

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 159; Следственное дело... С. 375.

[2] Там же.

[3] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 314. Цит. по: *Лихачев В.* Положение и состояние Русской Православной Церкви. С. 82.

сообщается, что 31/V – с. г. в 12 час[ов] дня из Москвы в г. Серпухов приехал патриарх Тихон со свитой в 15 чел[овек]. Его встречали на станции представители местного духовенства, церковные староста и некоторые торговцы, которые подходили под благословение Тихона и митрополита[,] с ним приехавшего. Во время благословения на ст. Серпухов I-й к Тихону подошел старший агент ТООГПУ и сказал, чтобы этой процедуры на станции он не делал, а делал бы за территорией станции. Посмотрев на красную фуражку агента[,] Тихон подобрав рясы уехал на извозчике. В городе во время его езды на извозчике звонили во все колокола всех церквей города.

Остановились в отведенных для них квартирах около собора Троицы на Красной горе. Перед началом службы около 6 час[ов] веч[ера] стали к собору собираться прихожане, всех собравшихся было около 4.000 чел[овек], большинство из них интеллигенция и торговцы, преобладали женщины. После окончания всенощной, каковая началась в 6 час[ов] и кончилась в 11 час[ов] веч[ера]. Проповеди не говорилось. Во время ожидания выхода Тихона из квартиры был слышен разговор собравшихся, что Тихон будет служить под открытым небом и после службы расскажет о „своих страданиях“ в тюрьме, но их, собравшихся, ожидания не оправдались. На другой день, т. е. 1 Июня Тихоном совершалась служба в церкви „жены мироносицы“. Присутствовало около 3500 чел[овек] проповедей по окончании так-же не говорилось»[1].

В донесении ОГПУ говорится: «Тихон с приближенными в г. Серпухове говорил, что то, что о нем пишут в газетах [–] неправда и он ни с каким Красницким не соединялся и не мирился, а понимай так, что Красницкий пришел к нему[,] Тихону[,] и предложил мириться»[2]. Таким образом, в устных беседах с духовенством Патриарх старался уведомить о том, что никаких соглашений с Красницким не было.

2 июня, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца («Николы Белого») в Серпухове.

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 224.
[2] Там же.

Вечером того же дня Патриарх вернулся в Москву: «2-го Июня в 5 час[ов] 40 мин[ут] дня Тихон со своей свитой под звуки почти всех колоколов уехал в Москву. По имеющимся слухам Тихону было собрано прихожанами на обед 600 руб[лей] зол[отом]»[1].

> Вечером 2 июня Патриарх читал акафист Пресвятой Богородице в Донском монастыре.
> 3 июня, во вторник, – совершил литургию в храме Владимирской иконы Божией Матери у Никольских ворот.

2 или 3 июня митрополит Кирилл (Смирнов) встречался с Патриархом. В следственном деле митрополита Кирилла есть свидетельство о посещении им Патриарха в июне 1924 г. Вот что он показывал в 1930 г.:

«В 1924 году возникла попытка воссоздать учрежденное Собором 1917 г. В. Ц. Управление... В состав предположительного присутствия в Синоде 12-ти архиереев был включен и я. Поэтому в июне месяце 1924 г. я неожиданно для себя был вызван в Москву с места своей ссылки, из Усть-Кулома Коми области. Прибывши в Москву и явившись в ОГПУ[,] я узнал от Е. А. Тучкова, что цель моего вызова – привлечение меня к сотрудничеству в учреждаемом при Патриархе Синоде. Восстанавливается и Высший Церковный Совет, словом весь учрежденный Собором 1917 г. аппарат. Но в состав высшего Церковного Совета должны войти шесть членов из обновленческой группы с прот[оиереем] Красницким во главе. Красницкий же принес покаяние и находится в общении с Патриархом, о чем Патриарх сам меня осведомил, и к нему было разрешено отправиться для беседы. Из последовавшей затем беседы с Патриархом я узнал, что переговоры с Красницким о примирении действительно были, но никаких положительных результатов не дали и, судя по газетным выступлениям Красницкого, заявлявшего, что ему каяться не в чем, дать не могут. Считать восстановлением общения молитвенного с Красницким то обстоятельство, что Красницкий явился на Пасхе к Патриарху и произнес «Христос воскресе», также нельзя. В виду такого положения дела я

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 224.

в следующих беседах с Е. А. Тучковым совершенно утвердительно заявил, что участвовать в учреждении при сотрудничестве Красницкого я не могу, так как не верю в искренность его покаяния, если бы он даже и принес таковое. Но и при возможности искренности покаяния нахожу непозволительным премировать кающегося грешника высшим возможным для пресвитера положением в Церкви вместо провождения покаянной дисциплины»[1].

Показания митрополита Кирилла – чрезвычайно важный источник для изучения данного вопроса. Они еще раз свидетельствуют, что реального примирения с Красницким не было, а состав Синода был только предположительным.

Митрополит Кирилл говорил Патриарху во время указанной выше встречи: «Нам не надо никакого Синода; нам достаточно Вашего, как Патриарха, авторитета...» – и Святейший согласился с этим[2].

Как показывал на следствии в феврале 1930 г. митрополит Кирилл, во время этой встречи Патриарх сообщил ему о том, что его имя указано в завещании как имя возможного Местоблюстителя: «...я узнал, что на случай своей смерти он назначает местоблюстителем м[итрополита] Агафангела, а при невозможности почему-либо для м[итрополита] Агафангела принять это назначение, местоблюстительство должен воспринять я. С этой информацией я и оставался до мая месяца 1925 года...»[3].

Таким образом, инициированный властями проект создания Синода и ВЦС в полном, предусмотренном решениями Собора 1917–1918 гг., составе, хотя и был подписан Патриархом и тремя митрополитами-синодалами, не был реализован.

Решение о разрыве переговоров с Красницким Патриарх принял после появления его лживых измышлений в советской печати. 3 июня 1924 г., после публикации газетных сообщений Красницкого, Патриарх разорвал с ним общение и каким-то образом

---

[1] Архив УФСБ по г. Красноярску. Д. П-17429. Л. 23–24 об.

[2] Послание трех епископов // [*Иоанн (Снычев), архим.*] Материалы по иосифлянскому расколу. Б. м., б. г. (Библиотека МДА). Кн. 2. С. 239. Машинопись.

[3] «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой и А. В. Мазырина // Богословский сборник. М., 2001. Вып. 8. С. 337.

осудил его: «Патриарх придал Красницкого анафеме за заметку в газете»[1].

Решение об окончательном отказе от переговоров привело к тому, что многие представители духовенства, опасаясь арестов, покинули Москву. В сообщении осведомителей ГПУ от 3 июня отмечалось: «Некоторые из архиереев, настаивавшие к преданию анафеме, испугались ареста и срочно выезжают из Москвы, так, например, епископ Вассиан [Пятницкий] ушел временно в отставку на покой, Митрополит Тихон [Оболенский] уехал в Арзамас»[2]. При этом сообщалось, что вместе с ним уехал ряд священников, которые были очень известны в Москве: настоятель храма святителя Николая на Маросейке о. Сергий Мечёв, настоятель храма Параскевы Пятницы Сергий Фрязинов, настоятель церкви Воскресения в Кадашах профессор протоиерей Илья Громогласов и настоятель церкви Святой Софии на Софийской набережной протоиерей Александр Андреев, а также сестры Марфо-Мариинской обители и многие другие[3]. В другом донесении сообщалось, что духовенство уехало в Саровскую пустынь еще 28 мая, до отъезда они «целовали крест не разглашать тайны отъезда в Арзамас, с чем все это связано[,] не известно»[4]. Вернуться было решено «к Троицыну дню*[13], когда все уладится и будет видно, во что все это выльется»[5].

После отказа Патриарха от ВЦУ с обновленцами в его составе, решение о чем было принято в начале июня 1924 г., Патриарх осуществлял высшее церковное управление самостоятельно или принимал решения, опираясь на архиереев, которые находились в Москве, собирая неформальные совещания.

В этих условиях целью антицерковных сил стала ликвидация самого института Патриаршества, который остался единственным из трех органов Высшего Церковного Управления, учрежденных Собором. Священный Синод и ВЦС уже не могли собираться даже неформально.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 222.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 221.
[5] Там же.

§ 23. Патриарх Тихон и Константинопольский Патриархат

Власти предприняли очередную попытку уничтожения института Патриаршества, причем делая это руками самих «церковников». Священник А. Мазырин пишет: «1 июня 1924 года в „Известиях [ЦИК]“ появилась статья... „Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской церковью“. В статье было сказано: „Московский представитель Вселенского патриарха архимандрит Василий Димопуло сообщил представителю РОСТ следующее: ‘Мною получено только что из Константинополя сообщение о том, что Константинопольский патриарший Синод, под председательством Вселенского патриарха Григория VII, вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте. Постановление это вынесено на заседании Синода при Вселенском патриархе 6 мая и принято единогласно’“»[1]. Далее в статье сообщалось, что такое решение явилось следствием неоднократных советов Константинопольскому Патриарху, в частности, Патриарха Сербского, а также что Константинопольский Патриарх посылает в Москву комиссию для ознакомления с делами РПЦ. Одновременно главой РПЦ объявлялся Синод и запрещались в священнослужении все иерархи, эмигрировавшие из России.

В православном мире Константинопольский Патриарх традиционно считается первым среди равных, что, однако, не означает, что он имеет какие-либо права в отношении Поместных Православных Церквей. В начале 1920-х гг. политика Патриархов Константинопольских резко изменилась и начала расходиться с православной традицией. Особенно это проявилось в годы патриаршества Мелетия (Метаксакиса) (1923–1924), бывшего сторонником радикальных нововведений в церковной жизни сродни тем, какие вносили российские обновленцы. Кроме того, Патриарх Мелетий открыто вмешивался в юрисдикцию Московского Патриархата, неканонично объявив автокефальными части Российской Церкви в Финляндии, Польше и Эстонии.

---

[1] Цит. по: *Мазырин А., иерей.* Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол // http://www.bogoslov.ru/text/print/477054.html.

В мае – июле 1923 г. Патриарх Мелетий созывал в Константинополе «Всеправославный собор». На этот «Всеправославный собор» собралось едва ли больше десятка человек, из которых ни один не представлял официально какую-либо из Церквей. «Собор» заменил юлианский календарь григорианским, постановил переменить пасхалию, навеки установленную в Православной Церкви определением Первого Вселенского Собора; дозволил клирикам стричь волосы и отменил обязательное ношение ряс; ввел неканонический брак и двоебрачие священников, нарушив тем самым порядок и единство, преобладавшие в автокефальных Православных Церквах.

Патриарху Мелетию был на руку тот факт, что в России укрепилась обновленческая церковь с очень похожей на его собственную программой модернистских реформ. Обновленцы также рассчитывали на его поддержку. По случаю избрания Мелетия Патриархом Александрийским*[14] обновленческий синод писал: «Священный Синод с искренними наилучшими пожеланиями воспоминает моральную поддержку, которую Ваше Блаженство оказало нам, когда Вы были еще Патриархом Константинопольским, войдя в общение с нами, как единственным законным правящим органом Российской Православной Церкви»[1]. Более того, преемники Мелетия – Патриархи Константинопольские Григорий VII и Константин VI остались в общении с обновленцами (общение было прервано лишь в 1929 г.).

Патриарх Григорий требовал от пребывавших в то время в Константинополе русских архиепископов Анастасия (Грибановского) и Александра (Немоловского) прекратить выступления против советской власти, не поминать Патриарха Тихона и давал им совет признать власть большевиков. Не встретив с их стороны согласия, он назначил следствие и запретил их в священнослужении. Он обращался также к Сербскому Патриарху Димитрию с просьбой закрыть Русский Архиерейский Синод в Сремских Карловцах, на что получил отказ.

5 июня Патриарх Тихон подверг критике политику Константинопольского Патриархата. В послании митрополиту Дионисию (Валединскому) он осудил попытку Патриарха Мелетия «про-

[1] Bishop Photius. The 70-th Anniversary of the Pan-Orthodox Congress in Constantinople // Orthodox Life. 1994. № 1. P. 42.

стирать свою власть на часть Патриархата Всероссийского»[1], а также гонения, которым подверглись епископы и простые верующие в Польше, сославшись на ноту Советского правительства Польше от 10 мая 1924 г. В этом же послании Патриарх Тихон не благословил автокефалию Польской Церкви, признанную Патриархом Мелетием, отнеся этот вопрос к ведению Поместного Собора РПЦ.

6 июня 1924 г. вместе с письмом представителя Константинопольского Патриарха в России Василия (Димопуло) Патриарх получил выписки из протоколов заседаний Синода в Константинополе, в которых содержался призыв к нему отречься от Патриаршества.

18 июня, как следует из послания митрополитов Петра (Полянского) и Серафима (Александрова)[2], Патриарх Тихон написал Григорию VII письмо, в котором указал на неканоничность вмешательства Константинопольского Патриархата в дела Русской Церкви, отказался отречься от Патриаршества, так как «последнее будет только в угоду схизматикам-обновленцам»[3]. Патриарх писал: «Народ не со схизматиками, а со своим законным и православным патриархом»[4].

В фонде Ем. Ярославского[5] хранятся письма архимандрита Василия (Димопуло), в которых он пытается заручиться поддержкой советской власти для улучшения положения греков в Турции. Священник А. Мазырин опубликовал отрывок из документа того времени, из которого ясно, что в Москве архимандрита Василия считали обновленцем: «В храм Сергия в Крапивках (в Крапивенском переулке, соединяющем Петровку с проездом Петровского бульвара) при бывшем подворье Вселенской Патриархии в Москве молиться никто не ходил; народ считал о. Василия „красным“, т. е. обновленцем-раскольником, а его всегдашние резкость и грубость в обращении с людьми окончательно отталкивали от него»[6].

---

[1] Акты... С. 320–321.

[2] Следственное дело... С. 773.

[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 53; Следственное дело... С. 773.

[4] Там же.

[5] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4.

[6] *Мазырин А., иерей.* Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол.

Другой очевидец писал: «В Москве, в Крапивенском переулке, где помещалось патриаршее подворье – жил архимандрит Василий. Храм почти не посещался молящимися. Его считали обновленцем. Доходы в церкви были малые. Однако он устраивал в дни тезоименитства Патриарха (Константинопольского), престольных праздников – пышные обеды и завтраки, на которых присутствовали чины дипломатического корпуса, представители обновленческого Синода и григорианского ВЦС...»[1].

После письма Патриарха Тихона Патриарх Григорий VII прервал общение с ним и впредь все контакты осуществлял с евдокимовским синодом, как с якобы законным органом управления Российской Церковью. Его примеру так или иначе последовали не без давления, оказываемого по советским внешнеполитическим каналам, и некоторые другие Восточные Патриархи. Поддержку Патриарху Тихону высказал лишь Иерусалимский Патриархат, делегация которого также побывала в России.

Летом 1924 г. евдокимовский синод, естественно, при поддержке ГПУ усиленно распространял через печать слухи о том, что Вселенский Патриарх отстранил Патриарха Тихона от управления Российской Церковью и даже запретил его в священнослужении[2].

План ГПУ состоял в том, чтобы, ссылаясь на Вселенского Патриарха, поддержать обновленцев, а Патриарху Тихону внушить, что ему лучше удалиться от Патриаршества. ГПУ использовало свои возможности для того, чтобы в глазах Вселенского Патриарха именно обновленцы выглядели законной Церковью. Хотя канонически Константинопольский Патриарх не имеет никакой власти над Русской Православной Церковью и ее Предстоятелем, ГПУ и обновленцы все же рассчитывали использовать Константинопольского Патриарха для смещения Патриарха Тихона.

---

[1] *Мазырин А., иерей.* Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол.

[2] Известия ЦИК. 1924. 1 июня (№ 124).

§ 24. Встречи Патриарха с А. И. Кузнецовым и обновленческое предсоборное совещание (4–14 июня 1924 г.)

4 июня, в среду, Патриарх совершил литургию в храме Вознесения Господня у Серпуховских ворот.

5 июня, в четверг, – литургию в храме «Большое Вознесение» у Никитских ворот.

8 июня, в воскресенье, – литургию в Сретенском монастыре; вечерню – в храме Святой Троицы в Зубове на Пречистенке.

В последнем храме наблюдателями были зафиксированы слухи, что Патриарх вошел в «Живую церковь»[1].

10 июня, во вторник, Патриарх совершил литургию в храме мученика Никиты, что на Басманной улице[2].

Сохранилось описание беседы Патриарха с А. И. Кузнецовым, который приехал к Святейшему от архиепископа Фаддея (Успенского):

«Патриарх сидел в кресле. Он заметил мое смущение. „Ничего, ничего, идите вот сюда“, – услышал я немного хриповатый баритон. Я подошел к креслу Патриарха, он встал, преподал мне благословение и, вероятно, чтобы вывести меня из замешательства, сразу же заговорил, указав рукою на кресло. Сели.

„Это вы от Астраханского архиепископа Фаддея? Владыка пишет мне о вас и просит оказать содействие. Какой же вы молодой! Вы не боитесь принимать на себя такие поручения?“

Я ответил в героическом тоне, что, мол, я сообразуюсь больше с интересами Церкви, чем с личными. Патриарх посмотрел на меня все с той же знакомой мне улыбкой и, может быть, подумал: „Ах, герой, герой!“ – однако вслух сказал: „Ну что же, храни вас Господь!“

Затем Его Святейшество спросил, кому и на что именно мы жалуемся, и неожиданно закончил эту часть беседы.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 223.

[2] Богослужебный дневник... С. 126. (Запись карандашом.)

„Вы до завтра оставьте бумаги у меня, я их прочту. Теперь же мне скажите, как там живет Преосвященный Фаддей, как себя чувствует, как относятся к нему верующие? Он ест что-нибудь?“ Не ожидая моего ответа, Патриарх продолжал: „Знаете ли вы, что владыка Фаддей святой человек? Он необыкновенный, редкий человек. Такие светильники Церкви – явление необычайное. Но его нужно беречь, потому что такой крайний аскетизм, полнейшее пренебрежение ко всему житейскому отражается на здоровье. Разумеется, владыка избрал святой, но трудный путь, не многим дана такая сила духа. Надо молиться, чтобы Господь укрепил его на пути этого подвига“. Здесь Патриарх встал, подошел к книжному шкафу, что-то там поискал, в раздумье широко развел руками.

„Я хотел было прочитать вам письмо Преосвященного Кирилла [Смирнова]; они ведь вместе с владыкой Фаддеем прошли несколько тюрем и этапов... Где же оно?.. Ах, да... Ну, все равно, я помню и так...“ И Патриарх рассказал мне два эпизода из монашеских добродетелей владыки Фаддея, приведших Преосвященного Кирилла в трепетное изумление. Святейший Патриарх говорил все это медленно, низким голосом, с расстановкой, как это бывает всегда, когда человек хочет сказать очень важное. В его голосе слышались живые, взволнованные ноты, и светлые глаза, освещенные падавшим на его лицо солнечным лучом, с видимым любопытством обратились на собеседника. Патриарх был задумчив и величав, симпатичная улыбка придавала его словам задушевность... Затем Его Святейшество спрашивал меня об обновленческом епископе Анатолии [Соколове], сказал мне, что он ставленник его, Патриарха; наконец, после других церковных вопросов, спросил меня, как и где похоронены архиепископ Митрофан [Краснопольский] и епископ Леонтий [фон Вимпфен], есть ли следы их могил. Я ответил все, что знал со слов других.

Патриарх пригласил моих спутников. Они вошли. Его Святейшество поднялся с кресла, я тоже встал. Вся остальная часть беседы и прошла стоя. Преподав вошедшим благословение, Патриарх сказал: „Я одобряю вашу жалобу во ВЦИК. Конечно, обольщаться не следует, надежд мало, можно сказать, почти нет, но это не должно нас останавливать и разочаровывать. Мы должны все время держать в курсе церковных событий правительство. Обновленцы наглеют, и все, что происходит у вас, то же

самое происходит по всем городам и в Москве. Конечно, жалоба сама собой, но мы должны непрестанно просить Господа, чтобы Он послал нам Свою милость и избавил бы нас от этого церковного несчастья...“

После некоторой паузы Патриарх продолжал: „Хорошо бы вам попасть с жалобой к Смидовичу. Многие говорят, что он более внимателен и, кажется, не такой уж ожесточенный против Церкви человек... но к нему попасть тоже – искусство“. Здесь Его Святейшество широко улыбнулся: по-видимому, слово „искусство“ ему понравилось своею меткостью и смешением понятий.

Затем Патриарх расспрашивал моих спутников о приходских делах, посещаемости храмов, не преминул сказать о святости владыки Фаддея и, уже благословляя нас, пригласил нас ко всенощному богослужению в соборе Донского монастыря в субботу под Троицу. На этом окончилась наша аудиенция»[1].

10 июня 1924 г. в Москве открылось обновленческое предсоборное совещание под председательством митрополита Евдокима, которое вынесло решение о ликвидации института патриаршества. По данным сводки, составленной Тучковым по работе отделения в 1924 г., на съезде присутствовали «156 попов, 83 епископа и 84 мирянина»[2]. В этой же сводке указывалось, что на совещание было командировано 126 секретных осведомителей ГПУ, т. е. около 40 процентов состава совещания. Специальный доклад о «тихоновщине» сделал Александр Введенский. Согласно его докладу, совещание приняло специальное воззвание, в котором говорилось, что «б[ывший] Патриарх Тихон по-прежнему является тяжким преступником перед святою Церковью, более того, за последний год он отяготил свою совесть новыми преступлениями, и руководимая им Тихоновщина есть явление антицерковное»[3].

В постановлении подчеркивалось, что восстановление Патриаршества было ошибкой, и утверждался принцип «соборности»: «...Предсоборное Совещание считает необходимым восстановить древне-канонический митрополитанский строй с его регулярны-

[1] Современники о Патриархе Тихоне: Сборник: В 2-х т. / Сост. и автор коммент. М. Е. Губонин. М., 2007. Т. 1. С. 119–120.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 201.

[3] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 180. Л. 20.

ми ежегодными Соборами...»[1]. Совещание осуждало Патриаршество: «Институт Патриаршества, восходящий своими историческими корнями к идеалам языческого Рима (pontifexmaximus), явился отражением государственного строя. Он был в Византии, так и у нас в России (обмирщение, бюрократизация). Этот нарост на теле Церкви... самый институт Патриаршества должен быть окончательно изжит у нас и бесповоротно и навсегда похоронен в могиле исторического забвения, откуда он случайно и ошибочно был недавно извлечен...»[2].

В циркуляре, выпущенном Синодом от имени предсоборного совещания, говорилось: «Отныне Тихон член и если угодно глава Тихоновской секты, но не член и, конечно, не глава Русской Православной Церкви»[3].

Совещание одобрило «деятельность избранного Собором Епископов Украины в октябре 1923 года, как высшего законодательного судебного и административного органа, – Всеукраинского Православного Священного Синода, – по укреплению Православия среди украинского населения и по борьбе с „самосвятством", „тихоновщиной" и сектан[т]ством»[4].

11 июня Патриарх вел прием в Донском монастыре с 12 часов. О встрече с ним сообщает А. И. Кузнецов:

«В 12 часов келейник пригласил меня в кабинет. Его Святейшество стоял на конце ковровой дорожки, в том же бледно-розовом подряснике с широким вышитым поясом на талии. В креслах сидел представительный человек, судя по панагии – архиерей. Густая рыжая борода обрамляла его белое лицо. Он сидел, погрузившись в разбор каких-то бумаг, и на меня не обратил внимания. Его Святейшество преподал мне благословение и сейчас же передал мне большой пакет с надписью. Пакет был адресован Орлянскому. Мои бумаги находились в пакете. Что-то еще хотел сказать мне Патриарх, но к нему подошел митрополит Петр [Полянский] Крутицкий (это он сидел в кресле) с какой-то бумагой. Взяв у митрополита бумагу, Святейший, представляя

---

[1] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: Документы и фотоматериалы / Сост. О. Ю. Васильева. М., 1996. С. 197.

[2] Там же. С. 197–198.

[3] Ульяновский епархиальный листок. 1924. № 1. С. 10.

[4] *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). С. 412.

меня митрополиту, сказал: „Это молодой юрист от владыки Фаддея из Астрахани... Вот астраханцы жалуются на обновленцев... отбирают у них храмы. Там командует Анатолий [Соколов]. Какой был тихий, скромный человек, а теперь поди как воюет с Церковью... Боюсь за владыку Фаддея, как бы они не сделали ему зла“. Патриарх немного задумался, а потом уж продолжал: „Вот владыка Фаддей все просился на Волгу, ведь он волжанин, откуда-то из-под Нижнего... Ну вот теперь он на Волге. Надолго ли? Я ведь тоже люблю Волгу. Когда я служил в Ярославле – ходил на Волгу купаться, но в Рыбинске купанье лучше, я у Рыбинска Волгу переплывал. Бывало, еду с келейником купаться, а он дорогой уговаривает меня: не надо, дескать, так далеко плавать, можно и у берега. Я, конечно, соглашаюсь, а сам, куда там у берега...“ Он рассказывает, весело смеется, яркий румянец восторга расцвечивает его лицо.

„Ну, благослови вас Господь“, – говорит он мне и широким крестом осеняет меня, подставляя мне правую щеку. Я вышел»[1].

12 июня 1924 г. Святейший Патриарх Тихон написал на покаянном прошении вернувшегося из обновленчества епископа Серафима (Силичева) резолюцию за № 403: «Принимая во внимание, что Преосвященный Серафим принес должное покаяние и принят в общение Святейшим Патриархом[,] – послать его викарием Симбирской епархии епископом Сызранским, с поручением временного управления православными приходами Симбирской епархии»[2].

14 июня, в субботу, Патриарх совершил всенощную в Донском монастыре.

Патриаршее богослужение описал А. И. Кузнецов:

«От патриарших покоев до лестницы в собор стоял народ, он вытянулся в две шеренги, образовав живую улицу. Сейчас по этой дороге, среди этого множества людей, пройдет Патриарх. Дорога устлана сеном, пахнет мятой. Вот и процессия. Впереди идет иподиакон с крестом, вслед за ним несут подсвечник с горящей свечой, затем следуют иподиаконы с трикирием и дикирием.

[1] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 121.
[2] *Лихачев В.* Положение и состояние Русской Православной Церкви. С. 59.

Вот и Патриарх. На нем зеленая шелковая мантия, длинный шлейф, который поддерживается сзади мальчиком в стихаре. На голове Патриарха белый куколь с ниспадающими на плечи херувимскими воскрилиями, на груди две панагии. Патриарх шел величественной, твердой походкой, опираясь на жезл. Все в нем исполнено величия; и в фигуре, и в походке чувствуется мужество. Сейчас мне это виднее в обстановке официальной, чем в кабинете, в условиях, близких к домашним.

Патриарх вошел в собор по ярко-красной суконной дорожке, устланной цветами. У входа в собор его встретило многочисленное духовенство во главе с епископом Сарапульским Алексием [Кузнецовым], громадная фигура которого с густой рыжей, до пояса, бородой ярко выделялась на фоне всей процессии. Началось богослужение, отлично пел хор с канонархом. На величание Святейший вышел в богатом зеленом парчовом облачении, с омофором того же цвета, белая митра, увенчанная бриллиантовым крестом, сверкала всеми цветами радуги. Собор был переполнен молящимися. Миропомазание [елеопомазание. – *Сост.*] совершал сам Патриарх. Мы подошли к Миро в десятом часу, а вообще служба окончилась в половине одиннадцатого»[1].

§ 25. Патриарх Тихон в условиях лживой пропагандистской кампании в советской печати (15 июня – 10 июля 1924 г.)

15 июня, в воскресенье, в Троицын день, Патриарх совершил литургию в храме Богоявления в Дорогомилове.
16 июня, в понедельник, в Духов день, – литургию в Духосошественском храме на Даниловском кладбище.

17 июня 1924 г. АРК приняла решение: «Организацию временных епархиальных тихоновских советов считать возможным только в том случае, если у последних будут отсутствовать антисоветские тенденции и произойдет слияние на местах тихонов-

[1] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 121–122.

ских епископов с потерявшими авторитет живоцерковниками»[1]. Это решение говорит о том, что планы властей, направленные на слияние Патриаршей Церкви и обновленческой продолжали реализовываться.

К этому времени и сам Красницкий понял, что его план «разложения тихоновской церковной партии» не состоялся. План, как писал Красницкий, был основан на расчете «добиться личного влияния на Тихона и заставить, таким образом, тихоновщину, лишенную возможности действовать именем Тихона[,] – выявиться и отделиться от него»[2]. Красницкий признал, что «тихоновщина... крепко держится за Тихона... показывает свою значительную силу противодействовать намеченному плану»[3]. По мнению Красницкого, Патриарх Тихон «более прикидывается слабым, чем есть на самом деле»[4]. Многочисленные слухи и публикации в прессе о «слиянии» с Красницким вызвали волнения среди священнослужителей и верующих. Все это и побудило Патриарха открыто заявить о прекращении всяких переговоров и аннулировании проекта с участием Красницкого.

> 22 июня, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще.

28 июня Патриарх написал письмо Тучкову, в котором говорилось: «...почитаю благовременным прекратить всякие переговоры о примирении с о. Красницким и подписи на журнале от 21 мая 1924 г. об организации при мне Высшего Церковного Управления считаю недействительными – аннулированными»[5].

К 30 июня Красницкий в докладе предлагал новый план: «...тихоновскую партию подорвать с низов»[6]. Для этого «политическая стрелка должна быть поставлена точно и единственно на нашу группу – [и дело] будет сыграно безусловно»[7]. Одновременно он предлагал организовать репрессии против «тихоновского»

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 1–2.
[2] Следственное дело... С. 753.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 161; Следственное дело... С. 379.
[6] Следственное дело... С. 754.
[7] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 190 об.; Следственное дело... С. 754.

духовенства. Красницкий добивался всевозможного покровительства своей группе со стороны власти, и тогда «тихоновщина должна быть разбита»[1].

Тучков был достаточно умен, чтобы понять утопичность этих планов: никакой существенной поддержки «живоцерковникам» оказано не было. Поняв, что его план компрометации Патриарха через переговоры с Красницким провален, Тучков начинает широкую кампанию по компрометации Патриарха в прессе.

При этом применялись различные формы и методы давления на Патриарха: 1) шантаж – арестовав в апреле 1924 г. многих близких к Патриарху архиереев, ГПУ пыталось таким образом заставить его принять навязываемые ему условия; 2) обман – ложное обещание легализовать органы церковного управления, если Патриарх примет условия ГПУ; 3) фальсификация в прессе – публикация подложных посланий Патриарха и лживых интервью В. Красницкого. Как было отмечено выше, некоторые из фальсификаций ГПУ до сих пор некритически воспринимаются исследователями, что приводит последних к неверным оценкам деятельности Патриарха Тихона.

Патриарх Тихон в истории с Красницким действовал согласно с теми принципами, которым он следовал и ранее. Путем лавирования и полумер, направленных на то, чтобы создать у ГПУ впечатление о принятии навязываемых условий, Патриарх пытался избежать выполнения требований, противоречащих канонам Церкви и его пастырской совести. Этот очередной этап «игры кошки с мышкой», как характеризовал политику ГПУ по отношению к Церкви протопресвитер В. Виноградов, закончился победой Патриарха Тихона. Ему удалось путем сложных и умелых действий разрушить планы ГПУ, направленные на подрыв авторитета Патриаршей Церкви с помощью Красницкого.

> 29 июня, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в Алексеевском монастыре.

Таким образом, период с апреля по июль 1924 г. был чрезвычайно труден для Патриарха. ГПУ развернуло мощное наступление, которое велось по следующим основным направлениям:

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 190 об.; Следственное дело... С. 754.

1) массовые аресты епископата, верного Патриарху; 2) попытка введения Красницкого в Церковное Управление с целью раскола Церкви и компрометации Патриарха; 3) склонение Восточных Патриархов на сторону обновленчества и международная изоляция Патриарха; 4) кампания компрометации Патриарха в прессе.

> 1 июля, во вторник, Патриарх совершил Божественную литургию в храме святителя Григория Неокесарийского на Полянке; всенощное бдение – в Высоко-Петровском монастыре.

1 июля в «Известиях» была опубликована резолюция Патриарха на прошении Красницкого и проект деяний Священного Синода от 21 мая, уже официально аннулированный Патриархом[1]. Так как об отмене этих решений широко известно не было, Тучков, публикуя указанные документы, надеялся внести раскол в среду православного духовенства и верующих.

> 2 июля, в среду, Патриарх совершил акафист Божией Матери в Донском монастыре.
> 5 июля, в субботу, – всенощную в соборе Архангела Михаила в городе Бронницы.
> 6 июля, в воскресенье, там же – литургию.

6 июля в «Известиях» было опубликовано интервью с Красницким, содержащее лживые измышления, которые порочили Патриарха. Красницкий утверждал, что во время переговоров, длившихся шесть недель, Патриарх якобы раскаялся в своих прошлых деяниях, более того, и он, и члены Синода «полностью признают политические постановления Собора 1923 г. о мирных отношениях церкви и Советской власти, об отмене анафематствования Советской власти, выражают желание продолжить и усилить в значительной степени начатую Поместным Собором 1923 г. борьбу с заграничной контрреволюцией, не возражают принципиально и против белого епископата и второбрачия духовенства»[2]. Красницкий также заявлял, что примирение его

[1] Известия ЦИК. 1924. 1 июля (№ 147).
[2] Там же. 6 июля (№ 151).

с Патриархом он считает «совершенно законченным и все внимание обращает исключительно на подготовку очередного Поместного Собора», а также что он вошел и в Синод, и в ВЦС. Слухи же о том, что у него возникли недоразумения с Патриархом, Красницкий назвал антисоветскими по происхождению. Вымыслом было и утверждение Красницкого о том, что соединение Патриарха и «Живой церкви» «среди широких кругов верующих... встречает полное сочувствие».

> 7 июля, в понедельник, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Новой Слободе на Долгоруковской улице; всенощное бдение – в храме Святой Троицы на Арбате.
> 9 июля, в среду, – литургию в Тихвинском храме в селе Алексеевском за Крестовой Заставой; всенощную – в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Сущеве.

9 июля 1924 г., по свидетельству митрополита Кирилла, «патриарх на письменном обращении к нему какой-то делегации о хранении чистоты Православия ответил резолюцией ... за № 523, которой переговоры с Красницким о примирении и дело об учреждении при патриархе Высшего Церковного Управления прекращались. Я же после сего спешно был возвращен на место своей ссылки»[1]. Эту резолюцию Патриарха от 9 июля по новому стилю приводят в своем послании митрополиты Петр и Серафим: «Прошу верить, что я не пойду на соглашение и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости православия. И если всякие слухи и толки о примирении, особенно в газетных изображениях о. Красницкого и др.[,] вместо радости возбуждают в сердцах верующих скорбь и тревогу, что подтверждается многочисленными заявлениями архипастырей, пастырей и мирян, то ввиду сего, почитаю благонамеренным прекратить всякие переговоры о примирении с Красницким и подписи на журнале от 21/VI–24 года об организации при мне Высшего церковного Управления считать не действительными»[2].

---

[1] Архив УФСБ по г. Красноярску. Д. П-17429. Л. 36 об. Отрывок из письма приводит А. В. Журавский: *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М., 2004. С. 237.

[2] Следственное дело... С. 778.

Однако, зная, что Красницкий не пользуется ни малейшим авторитетом и его измышлениям вряд ли поверят, Тучков осуществил публикацию фальсифицированного «интервью» Патриарха. Оно было опубликовано 10 июля в № 155 «Известий». Патриарх Тихон якобы просил опубликовать, что он «считает своим долгом опровергнуть все нелепые слухи, которые исходят из уст злонамеренных людей» о недействительности его подписей на прошении Красницкого от 19 мая и постановлении Синода от 21 мая[1]. Патриарх якобы заявил: «Оба эти акта подписаны мною, и я от них не намерен отказаться»[2]. В этой публикации Патриарху также приписывались следующие слова: «Я пошел навстречу искреннему желанию Красницкого поработать со Мной в деле водворения церковного мира, принял его покаяние, несмотря на отрицательное отношение верующих масс к прошлой его деятельности, и назначил его в Высший Церковный Совет, но он там является лишь министром без портфеля, поскольку сам Совет не может функционировать, ввиду объективных условий, а именно – отсутствия помещения»[3].

Очевидцы событий митрополиты Петр и Серафим в своем послании опровергают подлинность интервью: «Не могло быть и беседы патр[иарха] Тихона в том изложении, какое она имеет в № 155 „Известий“»[4].

Важно отметить, что к таким крайним мерам, как публикация фальсифицированных материалов, Тучков прибегал, когда проваливался его очередной план заставить Патриарха принять то или иное выгодное ГПУ решение. Например, в декабре 1923 г., после провала планов по введению в Церкви нового стиля, Тучков опубликовал подложное послание Патриарха. Публикация «компромата» в прессе была для ГПУ обычной практикой. Так, 11 ноября 1925 г. АРК на заседании постановила: «Поручить т. Тучкову... в целях разоблачения монархических стремлений Петра (местоблюстителя патриаршества), поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих Петра...»[5]. Эта же практика применялась и к Патриарху Тихону, о чем будет сказано далее.

---

[1] Цит. по: Акты... С. 326.
[2] Там же.
[3] Цит. по: Акты... С. 326.
[4] Следственное дело... С. 778.
[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 39; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 517.

При отсутствии возможности опровергнуть эти лживые измышления через печать единственным способом донести правдивую информацию духовенству и верующим стала рассылка посланий на места, а также устные объяснения. Так, в начале июля было составлено цитированное выше послание митрополитов Петра и Серафима. Тот экземпляр послания, который отложился в следственном деле, как свидетельствует сопроводительное письмо из ГПУ УССР Тучкову, был послан на Украину. Однако такие послания рассылались и по другим регионам. Данное обстоятельство вызвало недовольство Тучкова, писавшего по этому поводу: «Это воззвание они не имели права рассылать без нашего ведома и разрешения»[1].

§ 26. Патриарх Тихон в период корректировки государственной политики в отношении религиозных организаций (11 июля – 21 августа 1924 г.)

8 июля 1924 г. М. И. Калинин обратил внимание И. В. Сталина на невыполнение на местах циркуляра ЦК от 16 августа 1923 г., констатировав, что вновь «нарастает раздражение широкой массы верующих», и сделал вывод о том, что «ЦК... слишком мягко относится к нарушителям партийных директив»[2].

11 июля, в пятницу, Патриарх совершил Божественную литургию на Валаамском подворье.

12 июля, в субботу, – литургию в храме апостолов Петра и Павла у Яузских ворот.

13 июля, в воскресенье, – литургию в храме Успения в Печатниках; всенощную – в храме святых Космы и Дамиана в селе Алексине Бронницкого уезда.

14 июля, в понедельник, там же – литургию.

16 июля, в среду, Патриарх служил акафист Божией Матери в Донском монастыре.

---

[1] Следственное дело... С. 779.

[2] Архивы кремля. Кн. 1. С. 448–449.

17 июля, в четверг, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца у Устьинского моста.
20 июля, в воскресенье, – литургию в храме Благовещения Пресвятой Богородицы на 12-й Сокольничьей улице; всенощную – в храме Казанской иконы Божией Матери на Калужской площади.
21 июля, в понедельник, – литургию в храме Казанской иконы Божией Матери в Сущеве.
22 июля, во вторник, – всенощное бдение в Ризоположенском храме на Донской улице.
23 июля, в среду, – литургию в храме Благовещения Пресвятой Богородицы на Бережках; вечерню и молебен – в храме Воздвижения Креста Господня на Воздвиженке, в бывшем Крестовоздвиженском монастыре.
27 июля, в воскресенье, – литургию в храме мучеников Адриана и Наталии в Лосиноостровской.
1 августа, в пятницу, – всенощную в храме святителя Василия Кесарийского на Тверской-Ямской.
2 августа, в субботу, – литургию в храме Ильи пророка на Воронцовом поле.
3 августа, в воскресенье, – литургию в храме Святой Троицы в Кожевниках.
4 августа, в понедельник, – литургию на Антиохийском подворье в храме мучеников Кира и Иоанна.
6 августа, в среду, – литургию в храме святых Бориса и Глеба в селе Зюзине.
9 августа, в субботу, – литургию в Богоявленском монастыре.
10 августа, в воскресенье, – литургию в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.
13 августа, в среду, Патриарх совершил вынос Креста в Донском монастыре.
14 августа, в четверг, – литургию в храме Знамения Пресвятой Богородицы в селе Кунцеве.
15 августа, в пятницу, Патриарх Тихон присутствовал за литургией в храме Василия Блаженного на Красной площади (Покровский собор на Рву).
17 августа, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме мученика Трифона в Напрудной.
18 августа, в понедельник, Патриарх служил всенощную в храме святителя Николая Чудотворца на Песках на Арбате («Никола Пески»).

19 августа, во вторник, – литургию в храме Преображения Спасителя на Спасской и всенощную в храме преподобного Сергия в Пушкарях.

§ 27. Поездка Патриарха Тихона в Николо-Угрешский монастырь (21–22 августа 1924 г.)

21 августа, в четверг, Патриарх совершил всенощную в Новом Николаевском соборе Николо-Угрешского монастыря.
22 августа, в пятницу, – литургию в сослужении сонма архиереев там же.

В древний Николо-Угрешский монастырь под Москвой Патриарх выехал для свидания со старцем-митрополитом Макарием (Невским), бывшим до 1917 г. митрополитом Московским. Теплая и дружеская беседа двух иерархов состоялась в архиерейских палатах обители и продолжалась полтора часа. Эта беседа очень успокоила Патриарха. В тот же день сделан фотографический снимок, запечатлевший участников встречи[1].

Сохранился рассказ о посещении обители, приписываемый епископу Сергию (Ларину):

«В пятницу, 9 (22) августа 1924 года, в память святого апостола Матфея, в большом соборе Николо-Угрешского монастыря торжественную литургию совершал Святейший Патриарх Тихон в сослужении множества епископов. Весь обширный монастырь был заполнен богомольцами, прибывшими не только из окрестных сел и деревень, но в большом количестве из Москвы.

Святейший, окончив благословение народа, которое он неизменно совершал после каждого своего богослужения, независимо от усталости и количества молящихся, исчислявшихся иногда тысячами, проследовал к митрополиту Макарию (Невскому), своему предшественнику по Московской кафедре, проживавшему здесь на покое в отведенном ему маленьком домике, окруженном зеленью и цветами... Во дворе монастыря по выходе Святейшего из собора к нему подвели сопротивлявшуюся кликушу, выкрикивающую непонятные слова. Но несколько человек,

[1] *Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания. М., 1995. С. 240.

невзирая на ее сопротивление, все-таки подвели ее к Патриарху, который еще издали, слыша крики и вопли, поглядывал на нее с состраданием. Он благословил ее, положив свою руку ей на голову. Причем сказал несколько успокоительных (как всем показалось) слов, расслышать и понять которые среди общей суматохи и криков было невозможно. Она сейчас же как-то осела, смолкла, перестала корчиться; а затем, отойдя немного, уселась в сторонке – бледная и изможденная. Она тихо плакала, утирая и размазывая слезы концом головного платка, сбившегося на затылок»[1].

На праздник явления иконы святителя Николая и на патриаршее служение только водным путем по реке Москве прибыло свыше 14 000 человек[2]. «Стечение молящихся, не смотря на будничный день, – великое»[3].

Вот как описывается эта встреча в очерках Левитина-Краснова и Шаврова:

«Встреченный настоятелем, в сопровождении архимандрита Анемподиста и шестнадцатилетнего иподиакона, патриарх в куколе и мантии, войдя в храм и поклонившись престолу, проследовал в покои заштатного митрополита. Как всегда в минуты волнения, движения патриарха стали порывистыми и быстрыми. В небольшом зале навстречу патриарху выкатили в колясочке больного митрополита, чисто вымытого и одетого в белый клобук. Подойдя к митрополиту, патриарх поклонился старику до земли – из глаз больного выкатилась слеза... Все присутствовавшие поспешили покинуть комнату. Патриарх оставался наедине с митрополитом Макарием полтора часа – все время иподиакон, находившийся в соседней комнате, слышал не умолкавший ни на минуту голос патриарха. После посещения митрополита Макария патриарх казался успокоенным, медленно обошел он стены древнего монастыря, построенного еще при Димитрии Донском, затем заходил в келью схимницы Михаилы, жившей около монастыря, пил у нее чай с вареньем и тихо беседовал...

---

[1] *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. С. 369–370.

[2] Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 3. Д. 230. Л. 27.

[3] Материалы по истории русской иерархии: Статьи и документы / Сост. П. Н. Грюнберг. М., 2002. С. 203.

Это был один из немногих хороших и спокойных дней за последний год жизни патриарха»[1].

Возможно, именно визит Патриарха дал повод Тучкову начать агентурную разработку «группы крайне правых монархистов, объединяющихся вокруг бывшего Московского митрополита Макария, игумена Николо-Угрешского монастыря Аркадия, иоан[н]итки Матрены Филипповой, бывшей непосредственной сподвижницы Ио[ан]на Кронштад[т]ского»[2]. В материалах 6-го отделения говорилось: «В Угрешский монастырь приезжают разные монахи и живут там продолжительное время. Недавно приезжала игуменья Семальского монастыря Августа (Алтайская область) и проживала в монастыре несколько месяцев. По имеющимся сведениям Филиппова имеет связь с заграничными монархическими организациями»[3]. Об этой агентурной разработке Тучков докладывал 10 ноября 1924 г. начальнику СО ОГПУ Дерибасу.

О последнем периоде жизни митрополита Макария очень подробно повествует епископ Арсений (Жадановский). Из его воспоминаний следует, что к ноябрю 1924 г. 89-летний глава «группы крайне правых монархистов» был полностью разбит параличом, передвигался при помощи коляски, никакими внешними делами не интересовался и жил ожиданием смерти[4]. К митрополиту Макарию часто приезжали его духовные друзья и почитатели. В монастыре также проживал архиепископ Бийский Иннокентий (Соколов), к тому времени 78-летний старец. К митрополиту действительно, как указывает Тучков, приезжала игуменья основанного им Чемальского монастыря Людмила[5]. Августой же звали племянницу митрополита, которая также подолгу жила в монастыре, но никакого отношения к монархическим группам не имела. Названный Тучковым «игуменом монастыря» игумен Аркадий был келейником митрополита. Главой же монастыря был игумен Макарий. Таким образом, сведения Тучкова крайне неточны и недостоверны.

---

[1] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 402.

[2] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 349.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 187; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 439.

[4] *Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания. С. 239–240.

[5] Там же. С. 238.

§ 28. Патриарх Тихон в последний благоприятный период своего служения (23 августа – 4 сентября 1924 г.)

24 августа, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме Святой Троицы в Полях.

25 августа, в понедельник, – всенощную в Донском монастыре.

26 августа, во вторник, в празднование памяти святителя Тихона Задонского, своего небесного покровителя, – литургию в Донском монастыре.

В этот день Патриарх в последний раз отпраздновал свои именины. О богослужении этого дня вспоминает женщина, подписавшаяся «Москвичка»:

«Особенно усердствовали москвичи в день тезоименитства Святейшего 26 августа. Со всего города стекались в Донской подношения не только от отдельных лиц, но и от целых артелей. Охотный ряд присылал рыбу, икру, грибы, соленья; пекари и кондитеры – свои изделия, бакалейщики – чай, сахар и другие продукты; мануфактурщики – целые куски материй; садоводы – роскошные цветы...

Последний именинный день Святейшего в 1924 г. ознаменовался приездом американской депутации[1]. Прослушав литургию и молебен св[ятителю] Тихону Воронежскому, которые Патриарх отслужил сам, американцы тут же, в переполненном молящимися Донском соборе, обратились к нему с прочувственной речью, указывая на ту любовь, которую в течение своего девятилетнего Святительства в Америке он стяжал не только среди своей русской паствы, но и у самих американцев. Опустившись перед Патриархом на колени, они вручили ему от имени всех его почитателей-американцев – золотую митру, усыпанную бриллиантами, и облачение...»[2].

Святейший совершал литургию в соборе Донского монастыря. «Ему сослужило 12 архиереев и прочее многочисленное духовенство. Молящихся было очень много», – сообщали очевидцы[3].

---

[1] См.: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. С. 273.

[2] *Москвичка.* Свет России. Московские воспоминания, 1923–1927 // Церковно-исторический вестник. М., 2002. № 9. С. 15.

[3] Материалы по истории русской иерархии. С. 203

27 августа, в среду, Патриарх служил всенощную в Донском монастыре.
28 августа, в четверг, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, Патриарх совершил литургию в храме Богоявления Господня в Елохове. На литургии Патриархом был хиротонисан во епископа Саранского, викария Пензенской епархии, архимандрит Серафим (Юшков)[1].
29 августа, в пятницу, Патриарх совершил литургию в храме иконы Божией Матери «Знамение» в Крестах.
30 августа, в субботу, – всенощную в храме мучеников Флора и Лавра на Зацепе.
31 августа, в воскресенье, – литургию в храме Воскресения Словущего за Даниловским монастырем; всенощную – в Донском монастыре.
1 сентября, в понедельник, – литургию в Донском монастыре.

2 сентября Патриархом и Священным Синодом епископ Иннокентий (Летяев) был назначен временно управляющим Полоцкой и Витебской епархией[2]. Всего за месяц с небольшим управления епархией, куда он приехал 6 сентября, епископ Иннокентий сумел возвратить в Патриаршую Церковь большинство храмов. За исключением кафедрального Свято-Николаевского собора все храмы Витебска признали власть Патриарха Тихона. Возвращенные храмы епископ Иннокентий окроплял святой водой.

3 сентября Патриарх Тихон принял у себя архиепископа Фаддея (Успенского), который в этот день отмечал именины. Описание встречи оставил А. И. Кузнецов:

«Это была столовая, с большим столом посредине, с простой столовой мебелью и деревянной, очень искусной люстрой, спускавшейся над столом со сводчатого потолка. Едва мы вошли в эту комнату, как показался Патриарх. Он был в муаровой рясе, с панагией на груди. Очень тепло Святейший поздравил владыку Фаддея с Ангелом, обнял его, и по русскому обычаю они трижды облобызались. Затем Его Святейшество преподал мне благословение и крепко пожал мне руку.

Помнится, мы без промедления сели за стол, после молитвы. Других гостей, кроме нас, никого не было. Гостеприимный хозяин начал трапезу с того, что извинился за интимность завтрака:

---

[1] Материалы по истории русской иерархии. С. 203.
[2] *Горидовец В., свящ.* Иннокентий (Летяев), архиеп. // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 8.

„Я знаю, вы, владыка, не любите торжественных приемов и многолюдных трапез, так вот я пригласил вас на скромный завтрак, тем более хочу видеть вас в самой простой келейной обстановке".

Во время завтрака Патриарх сказал теплую сердечную речь в адрес именинника. Он назвал владыку Фаддея „Светочем Церкви", „чудом нашего времени".

Владыка Фаддей, отвечая на это приветствие, отметил исповедническую деятельность Патриарха, его мужество и мудрость по управлению Церковью. „Я молюсь Богу, чтобы Он сохранил вашу драгоценную жизнь для блага Церкви". При этих словах Святейший прослезился. Его Святейшество был очень любезен ко мне: наливал мне сладкого вина и сам клал на мою тарелку то кусочек рыбы, икры или сыра, в каждом случае повторяя: „Чем богаты... не обессудьте..."

Наш любезный хозяин словоохотлив, он рассказывает смешные истории из своей семинарской жизни, о приключениях, курьезах; о своем пребывании в Америке, американских нравах и обычаях и, чтобы немного пошутить, переходит к незатейливым сценкам из быта провинциального духовенства. Вероятно, в домашней обстановке Его Святейшество веселого нрава, любит невинно посмеяться. <...> Патриарх рассказывает, смеется, лицо его розовеет.

Меня Святейший спрашивал о том, как теперь работают суды, что в них отличного от дореволюционных судов, почему не введен суд присяжных?

Вообще говорили о многом, за исключением официальных предметов.

Владыка Фаддей неоднократно начинал разговор об обновленцах, но Святейший как-то характерно махал руками и говорил: „Ну их к Богу", – и переводил разговор на другую тему.

В перерыве, пока еще не подавали чай, Патриарх подозвал келейника и что-то тихо ему сказал. Келейник вышел, а потом вернулся со свертком.

„Ну вот, Преосвященнейший, вам именинный подарок – по русскому обычаю. Это облачение, притом красивое и сшитое по вашей фигуре. Хотел подарить отрезом, да ведь вы какой человек – все равно не сошьете или кому-нибудь отдадите... да... тут еще мантия, ведь ваша-то, поди, старенькая..." Владыка Фаддей

принимает сверток, собирается благодарить Патриарха, но сверток выскальзывает из одной руки, и из него падает красный бархатный футляр. Я бросился поднимать футляр. „Да тут еще маленькое прибавление... как это я забыл сказать о нем“, – широко улыбаясь, говорит Патриарх. Владыка Фаддей открывает футляр, в нем бриллиантовый крест для ношения на клобуке, белые слоновой кости четки.

„Вам, – говорит Патриарх, обращаясь ко мне, – я с удовольствием сделал бы такой же подарок, да ведь в нем в суд не пустят... хотя в Англии... там ведь юристы в мантиях...“ Затем Его Святейшество подходит к ломберному столику, достает из ящика свою фотографию, делает на ней надпись и церемонно вручает мне. Я благодарю с нижайшим поклоном. После чая все встали из-за стола и, помолившись по обычаю, стали прощаться с гостеприимным хозяином»[1].

> 5 сентября, в пятницу, Патриарх совершил литургию в сослужении митрополита Крутицкого Петра (Полянского), епископа Можайского Бориса (Рукина) в храме святых Бориса и Глеба у Арбатских ворот. На литургии архимандрит Иннокентий (Бусыгин) был рукоположен во епископа Каменского, викария Донской епархии[2].

§ 29. Патриарх Тихон в период начального этапа ликвидации «тихоновщины» (5–29 сентября 1924 г.)

В 1924 г. в тактике антицерковной работы ГПУ произошли значительные изменения. Основной акцент был сделан на увеличении сети осведомителей и разработке агентурных дел на отдельные группы «церковников». Как отмечал в докладе Е. А. Тучков, если в 1923 г. «общая осведомительная сеть по СССР выражалась в количестве 400 человек, то за 1924 г. она возросла до 2 1/2 тысяч человек»[3]. В это число входили и осведомители, внедренные в среду не только православных, но и других религи-

---

[1] Современники о Патриархе Тихоне. С. 122–124.
[2] *Афонина Е. В.* Иннокентий (Бусыгин), еп. // ПЭ. Т. 22. С. 742.
[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 200.

озных групп. Только в Москве и Московской губернии за 6-м отделением числилось около 150 секретных осведомителей, для встреч с которыми были выделены четыре конспиративные квартиры[1]. Именно «агентурно-осведомительная работа (разработка агентурных дел)» ставилась Тучковым на первое место среди перечня основных функций 6-го отделения. Другими задачами отделения являлись: «Аресты и обыски; производство дознания и следствия по делам; изоляция контр-революционного элемента (заключения в лагеря, ссылка и т. д.); работа по проведению церковной политики среди духовенства, сект, церковно-приходских советов, по директивам комиссии ЦК РКП»[2]. Умелую деятельность Тучкова в деле организации осведомительной сети отмечал известный перебежчик, бывший сотрудник ОГПУ Георгий Агабеков: «Работа по духовенству поручена шестому отделению СО, и руководит ею Тучков. Он считается спецом по религиозным делам и очень ловко пользуется разделением церкви на старую и новую, вербуя агентуру с той или с другой стороны»[3].

Свои «успехи» отмечал и сам Тучков в докладе о деятельности отделения за период с 1 ноября 1924 г. по 1 февраля 1925 г.: «Одним из существенных достижений отделения является насаждение осведомления среди церковников и сектантов, на что в последнее [время(?)] было обращено особое внимание. Число осведомов по всей Республике [воз?]росло за 1924 г. в 6 раз»[4].

В начале сентября 1924 г. АРК разработала новую политику в отношении Патриарха. 3 сентября комиссия приняла решение: «Поручить т. Тучкову принять меры к усилению правого течения, идущего против Тихона[,] и постараться выделить его в самостоятельную противо-тихоновскую иерархию»[5]. Главой «противотихоновской иерархии» должен был стать епископ Феодор (Поздеевский). Постановлением Московского Губсуда 10 сентября 1924 г. он был приговорен к годичному заключению, но по амнистии освобожден от наказания и вскоре вышел на свободу.

Одновременно Антирелигиозная комиссия на том же заседании поручила Тучкову «начать подготовительную работу по со-

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 221.
[2] Там же. Л. 222.
[3] *Агабеков Г. С.* Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996. С. 11–12.
[4] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 301; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 442.
[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 5.

единению Тихона с Синодом (Евдокимом)»[1]. Однако глава обновленческого Синода «митрополит» Евдоким (Мещерский) уже в октябре 1924 г. потерял доверие Е. А. Тучкова. Согласно информации ОГПУ, в Москве распространились слухи, что Е. А. Тучков вызвал Евдокима и в гневе ударил его по лицу[2]. Об этих слухах также сообщает католический автор А. Венгер[3]. Гнев Е. А. Тучкова был вызван тем, что по рекомендации Евдокима в США был направлен обновленческий епископ Николай (Соловей), который, оказавшись там, стал поддерживать Патриарха Тихона. В октябре 1924 г. Евдоким по инициативе ОГПУ был снят с должности председателя обновленческого Синода и отправлен на юг России. Его заменил обновленческий «митрополит» Вениамин (Муратовский)[4].

5 сентября, используя проверенные методы, ОГПУ приступило к арестам близких к Патриарху лиц для давления на него. Были арестованы настоятель Донского монастыря архимандрит Алексий (Палицын), протопресвитер о. Александр Хотовицкий, с которым Патриарх служил в США, протоиерей о. Димитрий Боголюбов, помогавший Патриарху в управлении Московской епархией, и патриарший архидиакон Михаил Лебедев, сменивший знаменитого архидиакона Константина Розова[5]. Эти лица, вероятно, входили в список окружения Патриарха, о котором упоминает игумен Дамаскин: «...сентябре 1924 года Тучков составил список, куда входили духовенство и миряне, которые будто бы особенно были близки к Патриарху Тихону и настойчиво уговаривали его не допускать в церковное управление Красницкого. <...> А сведения были такие: „имеет личное знакомство с Тихоном и влияние на него, которое использовал в примирении Тихона с Красницким, стараясь его не допустить“, „пользуется влиянием на тихоновцев“, „очень часто бывает у Тихона“, „лично известен Тихону“, „предан Тихону“ и т. д. Список с тридцатью именами был передан мимо всех судебных и внесудебных инстанций в бандотдел

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 3–5.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 420.

[3] *Венгер А.* Рим и Москва, 1900–1950 гг. / Перевод с французского. М., 2000. С. 268.

[4] *Багдасарова Ж. Р.* Вениамин (Муратовский) // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 639.

[5] Материалы по истории русской иерархии. С. 204.

ОГПУ*[15], ударная группа которого всех арестовала и тут же выслала – кого в Сибирь, кого в Туруханский край»[1]. Выше указывалось, что многие священники из этого списка в июне 1924 г. уехали из Москвы. Е. А. Тучков, получив от своих осведомителей информацию об этом, отложил аресты до сентября.

25 августа при Председателе ВЦИК был образован секретариат по делам культов во главе с П. Г. Смидовичем, который официально призван был решать все вопросы, связанные с религиозными организациями. 2 сентября новый орган собрал совещание представителей Патриаршей Церкви и обновленческой. Член обновленческого Синода «архиепископ» Серафим (Руженцов) в письме другому обновленческому «епископу» от 8 сентября 1924 г. писал: «Со 2 сентября все церковные дела сосредоточены в ВЦИК в комиссии под председательством Смидовича*[16], и дело направлено к ликвидации тихоновщины. 2 сентября я, протоиерей Красоткин*[17] (член Синода) и три представителя Тихона были на совместном совещании этой комиссии. Мы имели радость слышать мнение правительства, что Тихон, считая себя главою Церкви, производит беспорядок и возбуждает народ против власти. В своей деятельности они базируются на антисоветских кругах народа... Он и его иерархия ввиду такой вредной деятельности не зарегистрировались как организация и прав на существование иметь не могут... Поминовение Тихона по церквам и какие бы то ни было управления его подлежат уголовной ответственности. Итак, дорогой Владыка, кончились наши мучения»[2].

С осени 1924 г. начался новый этап в противостоянии ГПУ и Русской Православной Церкви. С этого времени Тучков приступил к подготовке нового судебного процесса над Патриархом: начато агентурное дело так называемой «Шпионской организации церковников». На этот раз ГПУ пыталось «сделать» из Патриарха шпиона, обвинив его в связи с иностранными державами.

Это агентурное дело Тучков начал в сентябре 1924 г. 12 сентября он написал служебную записку начальнику контрразведы-

---

[1] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 475–476.

[2] Цит. по: *Матвеенко С., свящ.* История Харьковской епархии (1850–1988). С. 93.

вательного отдела ОГПУ А. Х. Артузову. В ней он указывал, что, по его сведениям, Патриарх «имеет письменную связь с русскими белогвардейцами за границей, в частности в Сербии и Чехословакии, через находящихся в Финляндии и Латвии русских архиереев Серафима*[18] и Иоанна*[19], которым вся корреспонденция из Москвы передается финским и латышским дипкурьерам, а также через лиц, приезжающих и уезжающих заграницу»[1]. Тучков просил изымать всю подобную корреспонденцию, направляемую Патриархом за рубеж.

6 сентября, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме святых Бориса и Глеба у Арбатских ворот.

7 сентября, в воскресенье, – литургию в храме села Богородского; всенощную – в Донском монастыре.

8 сентября, в понедельник, – литургию в Сретенском монастыре.

9 сентября, во вторник, – литургию в храме преподобного Пимена Великого в Сущеве («Пимен Новый»).

10 сентября, в среду, – всенощную в храме Иоанна Предтечи в Серебренниках.

11 сентября, в четверг, в сослужении сонма архиереев – литургию в храме Иоанна Предтечи на Земляном Валу. В начале литургии состоялось покаяние «митрополита» Серафима (Мещерякова) в грехе отпадения в обновленческий раскол. Вскоре он был арестован.

12 сентября, в пятницу, в сослужении архиепископа Черниговского Пахомия (Кедрова), епископов Каменец-Подольского Амвросия (Полянского), Ананьевского Парфения (Брянских) и Стародубского Дамаскина (Цедрика) Патриарх Тихон совершил торжественную литургию в Троицком соборе Данилова монастыря. На литургии архимандрит Стефан (Знамировский) был хиротонисан во епископа Шадринского.

14 сентября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме города Егорьевска.

Согласно сводке ОГПУ, верующие говорили, что Патриаршее управление скоро получит официальную регистрацию[2]. Другая сводка ОГПУ передает некоторые дополнительные факты,

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 412.

[2] Там же. Л. 227.

связанные с поездкой Патриарха в Егорьевск: «Поездки Тихона в города (Егорьевск и другие места) из Москвы возбуждают среди церковников массу всяких разговоров о том, что его везде встречают с необыкновенным восторгом и восклицаниями: „страдалец наш, молитвенник наш“ и т. д. Приходится слышать, что приезды его уподобляются по торжественности царским приездам. Подобные разговоры и слухи в достаточной мере волнуют верующие массы и возбуждают всякие толки и разговоры о том, что де это делается под давлением Англии и т. д.»[1].

16 сентября, во вторник, Патриарх служил всенощную в храме иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» на Зубовском бульваре.

18 сентября Патриарх Тихон представил в Административный отдел Московского Совета заявление с просьбой зарегистрировать как организацию Русскую Православную Церковь. К заявлению были приложены «Положение о Церковно-Канонической Православной Иерархической Организации» и «анкетные листы на состоящих во главе ея лиц» – самого Патриарха и митрополита Петра (Полянского). Патриарх писал: «...прошу зарегистрировать означенную организацию в соответствии с изданными на сей предмет законоположениями»[2].

В Положении состав организации определялся следующим образом: «Во главе Церковно-Канонической Православной Иерархической Организации стоит избранный Поместным Собором и ответственный перед ним за все свои действия Православный Патриарх, являющийся в то же время правящим архиереем Московской области. Его заместителем является Митрополит Крутицкий. Для ведения делопроизводства при правящем Архиерее состоит канцелярия с необходимым количеством сотрудников»[3].

Документы были направлены 18 сентября, а уже 21 сентября Е. А. Тучков распорядился подшить эти документы к делу.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 413.
[2] Следственное дело... С. 381.
[3] Там же. С. 382.

20 сентября, в субботу, Патриарх служил всенощную в Донском монастыре.
21 сентября, в воскресенье, в сослужении сонма архиереев Патриарх совершил Божественную литургию в храме Рождества Богородицы в Бутырках. На литургии Святейший Патриарх Тихон возглавил хиротонию архимандрита Константина (Дьякова)*[20] во епископа Сумского, викария Харьковской епархии.

В августе 1924 г. в Москву к Патриарху отправилась делегация от Харьковской епархии с просьбой отстранить назначенного в марте 1924 г. в рамках компромисса с властями архиепископа Иоанникия (Соколовского) из-за его соблазнительного поведения, отказа устраивать епархиальную канцелярию и пр.[1] Патриарх Тихон личным распоряжением отстранил архиепископа Иоанникия от управления епархией[2]. Из числа преданных Патриарху Тихону вдовых протоиереев была подобрана кандидатура нового главы епархии. Харьковская епархия была ключевой, так как в то время Харьков являлся столицей Украины.

21 сентября, в воскресенье, Патриарх служил всенощное бдение в храме Зачатия святой Анны в Зарядье («в Углу» в Китай-городе).
25 сентября, в четверг, – всенощную в храме Воскресения в Кадашах.
26 сентября, в пятницу, Патриарх в сослужении епископа Арсения (Жадановского) и других архиереев совершил литургию в храме Воскресения Словущего в Барашах. На литургии была совершена хиротония епископа Рафаила (Гумилевского).

В сводке ОГПУ об этом архиерее сообщалось: «25 сего сентября состоялось так называемое „наречение“, а 26 сентября посвящение в сан епископа архимандрита Рафаила, бывшего настоятеля разогнанного скита под Серпуховым – Георгия... Рафаил на коленях молил Тихона не назначать его епископом, но Тихон мольбе Рафаила не внял, посвятил его в епископа и отправил в Ставрополь»[3].

---

[1] *Матвеенко С., свящ.* История Харьковской епархии (1850–1988). С. 62.
[2] Там же. С. 61.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 422.

Вечером 26 сентября Патриарх совершил всенощное бдение в храме Воздвижения Креста Господня на Воздвиженке, в бывшем Крестовоздвиженском женском монастыре.

27 сентября, в субботу, – литургию в храме Святой Троицы на Мещанской («Троица на Капельках»); всенощную – в храме преподобного Сергия Радонежского в Рогожской.

28 сентября, в воскресенье, – литургию в храме мученика Никиты на Старой Басманной.

30 сентября, во вторник, – литургию в храме Тихвинской иконы Божией Матери в Сущеве.

§ 30. Обращение Патриарха Тихона во ВЦИК и последующие события (30 сентября 1924 г.)

В сентябре возобновилось давление властей на Патриарха с требованием ввести в Церкви новый стиль. Слухи об этом распространились в конце сентября. Особенно волновались в Даниловом монастыре: «Даниловцы очень интересуются вопросом о том, будет ли опять введен новый стиль в Богослужебную практику, как о том опять говорят»[1]. Выполняя указание АРК от 5 сентября, Е. А. Тучков также начал требовать сближения с обновленцами. При этом Патриарх был лишен возможности создать Священный Синод. К этому нужно прибавить массовые аресты, упомянутые выше.

30 сентября 1924 г. появилось заявление Патриарха во ВЦИК[2]. Это заявление не было опубликовано при жизни Патриарха и представляет большой интерес в том отношении, что позволяет выяснить истинную точку зрения Святейшего на ряд вопросов, о которых говорится в его «вынужденных» посланиях.

Патриарх в заявлении во ВЦИК характеризовал положение Церкви следующим образом: «Церковь в настоящее время переживает беспримерное внешнее потрясение. Она лишена материальных средств существования, окружена атмосферой подозрительности и вражды, десятки епископов и сотни священников

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 417.
[2] Акты... С. 332–338.

и мирян без суда, часто даже без объяснения причин брошены в тюрьму, сосланы в отдаленнейшие области республики, влачимы с места на место; православные епископы, назначенные Нами, или не допускаются в свои епархии[,] или изгоняются из них при первом появлении туда, или подвергаются арестам; центральное управление Православной Церкви дезорганизовано, так как учреждения, состоящие при Патриархе Всероссийском, не зарегистрированы и даже канцелярия и архив их опечатаны и недоступны; Церкви закрываются, обращаются в клубы и кинематографы или отбираются у многочисленных православных приходов для незначительных численно обновленческих групп; духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения в жилищах, и дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что их отцы служат Церкви. При таких условиях произвести еще внутреннее потрясение в лоне самой Церкви, вызвать смуту и создать, в добавление к расколу слева[...] канонически незакономерным, неосмотрительным и насильственным распоряжением было бы тяжким грехом...»[1].

В этом обращении Патриарх открыто заявил о противозаконном вмешательстве ГПУ в лице Е. А. Тучкова в дела Церкви: «...представителем ГПУ Е. А. Тучковым, от лица Правительства, Нам было предъявлено требование о введении гражданского календаря в обиход Русской Православной Церкви. Это требование, много раз повторенное, было подкреплено обещанием более благоприятного отношения правительства к Православной Церкви и Ее учреждениям в случае Нашего согласия и угрозою ухудшения этих отношений в случае Нашего отказа. Хотя такое требование казалось Нам нарушением основного закона Республики о невмешательстве гражданской власти во внутренние дела Церкви, однако Мы сочли нужным пойти ему навстречу»[2].

Вот как описывал деятельность Патриарха осенью 1924 г. архиепископ Серафим (Лукьянов): «К нему идут со всех концов России. У него заведен такой порядок: он принимает каждый день не более 50 человек, с архиереями говорит не более 10, а с прочими не более 5 минут. Иногда вследствие изнеможения принимает лежа на диване. Он сильно постарел и выглядит глу-

[1] Акты... С. 337.
[2] Там же. С. 335.

боким старцем. Около него нет ни Синода, ни канцелярии. Письменные распоряжения он избегает делать во избежание осложнений с властями»[1].

§ 31. Поездки Патриарха по городам Московской губернии (1–18 октября 1924 г.)

1 октября, в среду, Патриарх совершил акафист Божией Матери в Донском монастыре.

4 октября, в субботу, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Ваганькове.

5 октября, в воскресенье, – литургию в храме иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в селе Перове.

7 октября, во вторник, – всенощную в храме апостолов Петра и Павла в Сергиевом Посаде.

8 октября, в среду, – литургию в храме Рождества Христова в Сергиевом Посаде.

9 октября, в четверг, там же – литургию.

Во время пребывания в Сергиевом Посаде Патриарх посетил старца Алексия (Соловьева). И. А. Верховцева вспоминала: «Святейший Патриарх любил и чтил старца, рука которого вынимала в храме Христа Спасителя жребий на его Патриаршество. Приход Святейшего в сопровождении отца наместника взволновал старца. Он торопливо стал опускать свои больные, отекшие ноги, намереваясь привстать, но Святейший со столь свойственной ему доброй улыбкой, сам такой простой и ясный, с лаской поднял ножки старца и положил их обратно в постель, не разрешая ему вставать и, близко подсев около него, повел с ним беседу»[2].

11 октября, в субботу, Патриарх совершил всенощное бдение в Хотьковском монастыре.

12 октября, в воскресенье, там же – литургию.

---

[1] Крестный путь патриарха Сергия. С. 52; Письмо архиепископа Серафима (Лукьянова) митрополиту Антонию (Храповицкому). С. 215.

[2] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 2. С. 168; Святейший Патриарх Тихон в воспоминаниях современников // ЖМП. 1993. № 12. С. 14–15.

13 октября, в понедельник, – всенощную в храме Святой Троицы на Шаболовке.

14 октября, во вторник, в Праздник Покрова Пресвятой Богородицы, Патриарх в сослужении архиепископа Черниговского Пахомия (Кедрова), архиепископа Владимирского Николая (Добронравова), епископа Киренского Сергия*[21] совершил литургию в Покровском монастыре. На литургии рукоположил архимандрита Александро-Невской лавры Илариона (Бельского) во епископа Каргопольского, викария Олонецкой епархии*[22].

17 октября, в пятницу, Патриарх совершил всенощное бдение в городе Гжели.

18 октября, в субботу, там же – литургию.

19 октября, в воскресенье, Патриарх в сослужении епископа Иннокентия (Летяева) совершил литургию в храме Святых отцов семи Вселенских Соборов у Новодевичьего монастыря. Епископ Иннокентий был выслан в Москву из Полоцка, где он, будучи временно управляющим Полоцкой и Витебской епархиями, боролся с обновленчеством.

25 октября, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме Вознесения Господня на Серпуховке.

26 октября, в воскресенье, – литургию в храме Иерусалимской иконы Божией Матери за Покровской заставой.

30 октября, в четверг, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Плотниках на Арбате («Никола Плотник»).

§ 32. Ухудшение состояния здоровья Патриарха и замысел Архиерейского Собора (3–27 ноября 1924 г.)

30 октября 1924 г. Синод направил в ЦИК и СНК обращение с призывом ликвидировать «тихоновскую головку», которая сеет «политическую заразу». Обновленцы предлагали сослать Патриарха Тихона в дальний монастырь, так как «при существовании... тихоновского центра работа Синода не может быть так плодотворна, как это ему бы хотелось со своей стороны во имя церковных и чисто государственных интересов»[1].

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 432–436.

Новая волна давления на Церковь отразилась на здоровье Патриарха: обострилась сердечная болезнь – он страдал приступами стенокардии. В ночь на 4 ноября, согласно сообщению агентуры 6-го отделения СО ОГПУ, с Патриархом Тихоном случился очередной «удар», в результате которого он потерял сознание: «В одной из церквей в Замоскворецком районе сего числа (4/XI) должен был совершать богослужение патриарх Тихон, но в ночь на 4-е с ним второй по счету удар. Верующие опечалены и скорбят о том, что в недалеком будущем может случиться третий и последний удар, так как Тихон чувствует себя плохо»[1].

6 ноября, в четверг, Патриарх совершил литургию в бывшем Скорбященском монастыре.

18 октября был освобожден под подписку о невыезде архиепископ Феодор (Поздеевский). ГПУ надеялось, что он создаст оппозицию Патриарху Тихону, но этого не произошло. В докладе главе Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерибасу от 10 ноября 1924 г. Е. А. Тучков отчитывался о результатах агентурной разработки группы архиепископа Феодора: «В нее входят: епископ Федор (глава группы) и ряд других авторитетных епископов; из мирян с группой связаны: бывший обер-прокурор сенода [так в тексте. – *Авт.*] Самарин, бывший полковник Шуваев (сын бывш[его] военного министра) и ряд пр[очих] лиц.

Не говоря уже об обновленцах – группа настроена враждебно даже к патриарху Тихону, за его политику по отношению к Советской власти. Группа считает его предателем всего дела православной церкви, о чем ведет осторожную агитацию. Группа устраивает епископские совещания весьма конспиративного характера на квартире епископа Федора, на которых обсуждаются как политические, так и церковные вопросы»[2].

Не сумев создать оппозицию Патриарху под руководством епископа Феодора, Е. А. Тучков попробовал использовать для этой цели епископа Андрея (Ухтомского). Согласно письму духовного чада епископа Андрея «14 ноября 1924 г. он теле-

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 227.
[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 187–188; Архивы Кремля. Кн. 2. С. 439–440.

граммой от Моск[овского] ГПУ был затребован в Москву, куда и прибыл 17 ноября с. г. и был с вокзала направлен в ГПУ. Ташкентское ГПУ и Туркменский Прокурор на вопрос, за что арестован Еп[ископ] Андрей УХТОМСКИЙ, отвечали, что обвинений ему политических нет, но под стражею содержится по „особым соображениям“»[1].

> 16 ноября, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца на Берсеневке.
> 20 ноября, в четверг, – всенощную в храме Преображения Спасителя в Наливках.
> 21 ноября, в пятницу, – раннюю литургию в Донском монастыре.
> 23 ноября, в воскресенье, – литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Хлынове.

В конце ноября Е. А. Тучков снова вступил в переговоры с Патриархом через митрополита Петра, предложив созвать архиерейское совещание согласно разработанной им повестке дня. Повестку дня предполагаемого совещания Е. А. Тучков сформулировал так: «1) О конструкции Церк[овного] Управления]. 2) О введении порядка в архиерейскую службу в Московской епархии. 3) О Путяте»[2]. Как видим, Владимира Путяту власти по-прежнему пытались использовать, внедрив его в епископат Патриаршей Церкви, как и в 1921 г. В 1922 г. он поддержал обновленческий раскол, в 1923 г. обновленческим Президиумом ВЦС был восстановлен в епископском сане. К 18 января 1924 г. он вернулся в Москву, не желая управлять обновленческой Архангельской епархией, куда был назначен[3]. Его возвращение могло быть связано с планами ОГПУ предпринять очередную попытку для его «внедрения» в Патриаршую Церковь.

Второй вопрос касался той проблемы, что проживавшие в Москве более четырех десятков архиереев не имели возможности выехать в свои епархии и служили в разных московских храмах по собственному усмотрению.

---

[1] *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воду слез...» С. 245.
[2] Там же. С. 384.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 366 об.

Е. А. Тучков наметил, очевидно, по предварительной договоренности с Патриархом или митрополитом Петром, состав органов ВЦУ, которые должны были быть избраны на Архиерейском Соборе. Предполагалось, что в них будут входить пять членов Синода и пять членов ВЦС согласно решению, принятому ВЦУ в декабре 1920 г., как об этом говорилось в первой главе.

Согласно записи Е. А. Тучкова, в Синод должны были войти Патриарх Тихон, митрополиты Сергий (Страгородский), Петр (Полянский), Тихон (Оболенский) и Серафим (Александров), а также архиепископ Рязанский Борис (Соколов) и епископ Херсонский Прокопий (Титов)[1]. В состав ВЦС должны были войти клирики Патриаршей Церкви Москвы: архимандрит Анемподист (Алексеев), протоиереи Василий Петрович Виноградов, Иван Гаврилович Соколов, Николай Григорьевич Соколов, Владимир Николаевич Воробьев[2]. Программу Архиерейского Собора Е. А. Тучков намечал следующим образом. Во-первых, принятие «Декларации», т. е. заявления о лояльности к власти, содержание которой должно было быть согласовано с ОГПУ. Во-вторых, «уволит[ь] 3[-]х архиере[е]в». В-третьих, «Суд действий над заграничн[ыми архиереями]», т. е. то, что требовали от Патриарха на допросах в апреле – мае 1922 г. В-четвертых, «принятие н[ового] стиля». В-пятых, принятие «Декларации о соборе», т. е. заявления о программе будущего Поместного Собора, которую готовил митрополит Сергий[3].

Е. А. Тучков также составил формулу поминовения Патриарха, которая должна была быть одобрена Архиерейским Собором: «Отца нашего свят[ейшего] патриарха Московского и всего С[ою]за Советских Республик»[4]. СССР в названии своей структуры и в поминовениях упоминали обновленцы, в то время как для неодобрительно относящихся к советской власти клириков такое упоминание было неприемлемо. Однако в формуле поминовения властей СССР не должен был упоминаться, она звучала так: «О богохранимой стране Российской и о властех ея»[5].

---

[1] Следственное дело... С. 386.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

26 ноября Патриарх Тихон обратился к Е. А. Тучкову с просьбой разрешить проведение в Москве совещания архиереев, проживавших в Москве[1], и составил список, куда были включены имена уже 36 архиереев[2]. К этому времени Патриарху помогал в церковном управлении митрополит Петр (Полянский) и некоторые другие архиереи. В этот же период Е. А. Тучковым был подготовлен «Список церковных управлений Тихоновского и обновленческого толка»:

«ТИХОНОВЦЫ.

Пока управления не имеется, а руководит работой бывш[ий] патриарх Тихон, и его помощник митрополит Петр. Кое-где существуют не зарегистрированные епархиальные и викариальные управления (губернские и уездные) во главе с архиереем. В Москве имеется до 50-ти человек тихоновских архиереев, которые время от времени помогают Тихону»[3].

Е. А. Тучков вычеркнул некоторые имена из списка, поданного Патриархом. Патриарх, в свою очередь, настаивал на свободном Соборе с участием всех архиереев. Согласно постановлениям Собора 1917–1918 гг., избирать органы ВЦУ мог только Собор. В условиях, когда проведение выборов на Поместный Собор было невозможно, это мог сделать Архиерейский Собор. Патриарх считал, что на Архиерейском Соборе должны быть представлены все архиереи, которые имеют возможность на нем присутствовать, т. е. все, кто проживал в Москве и Московской губернии.

В ответ на стремление Тучкова допустить на Собор только тех архиереев, кто мог пойти на принятие предложенных ОГПУ соборных решений, 27 ноября Патриарх написал Е. А. Тучкову записку следующего содержания: «Считаю долгом заявить, что на предполагаемом совещании должны присутствовать все архиереи, проживающие в г. Москве; в противном случае организуемое церковное Управление в мнении верующих не будет иметь желаемого авторитета»[4]. Это было неприемлемо для Тучкова, архиерейское совещание не состоялось.

---

[1] Следственное дело... С. 384.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 166–167; Исторический архив. 1997. № 5/6. С. 153; Следственное дело... С. 384–385.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 248.

[4] Следственное дело... С. 386.

В итоге к началу декабря Е. А. Тучкову стало ясно, что Патриарх решил отказаться от попытки созвать Собор, поскольку его условие не было выполнено. После этого ОГПУ приступило к новой фазе «работы» в отношении Патриарха Тихона.

В Нижнем Новгороде в процессе подготовки к Собору митрополит Сергий (Страгородский) составил текст: «„Православная Русская Церковь и Советская власть“ (К созыву Поместного Собора Православной Российской Церкви)»[1]. В нем митрополит Сергий предлагал программу будущего Поместного Собора, включавшую в том числе и определение позиции Церкви по отношению к советскому государству, основанную на лояльности.

В начале этого текста митрополит Сергий декларировал необходимость возвращения к принятым на Соборе 1917–1918 гг. нормам в вопросах церковного управления: «С восстановлением патриаршества Русская Православная Церковь определенно вступила на путь соборного управления <...> в отличие от Синодального периода, в настоящее время у нас нет постоянно присутствующей власти, которая была бы компетентна решать вопросы, превышающие полномочия исполнительных органов. Без Собора все такие вопросы или остаются без разрешения, или разрешаются лишь условно и предварительно, чтобы окончательно решение получить на Соборе. Отсюда промедление с Собором неизбежно вызывает застой в разных сторонах церковной жизни, что мы, к сожалению, и видим в нашей действительности»[2].

Заявление о лояльности от 16 июня 1923 г. признавалось митрополитом Сергием недостаточным в силу ограниченных полномочий Патриарха: «Но в строгом смысле его нельзя признать заявлением от лица церкви. Патриарх у нас возглавляет церковь, но отнюдь не мыслит и не действует за нее. Как сказано в начале, полномочным выразителем голоса церкви у нас является Поместный Собор. Только посредством этого Собора мыслит и действует в собственном смысле церковь, только соборные определения выражают общецерковное сознание и обязательны для всех»[3]. В тексте митрополита Сергия также говорилось:

---

[1] Следственное дело... С. 784–804.
[2] Там же. С. 784.
[3] Там же. С. 789.

«Таким образом, чтобы добиться разрешения на созыв Собора, мы должны представить Правительству вполне гарантированное заявление о лойальности нашей церкви, а чтобы иметь в руках такое заявление, нам нужен Собор. Получается круг. Выход из него, может быть, откроется в том, чтобы в самую программу будущего Собора внести некоторые пункты, ясно определяющие отношение нашей церкви к Советской власти и вообще к новому государственному и социальному строю, и представить эту программу Правительству вместе с ходатайством о разрешении на созыв собора. Пункты эти должны быть разсмотрены Собором в самом начале его занятия»[1].

В этом тексте был отражен один из самых важных для власти вопросов: по мысли митрополита Сергия, предстоящий Собор должен был освободить верующих от клятвы верности, которую многие давали Дому Романовых[2]. Митрополит также предлагал вынести на Собор вопрос о собственности. Ссылаясь на порядок устройства первых христианских общин, он указывал, что коммунистический «строй не только не противен христианству, но и желателен для него более всякого другого»[3]. Этот тезис в своих публикациях активно использовали обновленцы, так же как и следующее утверждение митрополита Сергия, согласно которому со времен святого равноапостольного Константина Церковь вступила «в союз с собственническим государством, признала и как бы освятила собственнический строй»[4]. В резолюцию будущего Собора митрополит Сергий предлагал включить слова, в которых верующим предлагалось «радостно приветствовать узаконенный Советскою властию в СССР коммунистический строй, а богатых и имущих безропотно, во имя той же веры, ему подчиниться»[5].

Митрополит Сергий писал: «Таким образом мы видим, что право церкви иметь собственность отнюдь не имеет божественного происхождения и не входит в понятие о церкви как божественного установления. Право это стоит и падает вместе с при-

---

[1] Следственное дело... С. 789.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 794.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 798.

знанием церкви государством и проистекает от государства»[1]. Согласно проекту митрополита Сергия, решение Собора по этому вопросу должно было содержать следующее утверждение: «...православная русская церковь в пределах СССР не имеет прав на собственность и не владеет ни движимым, ни недвижимым имуществом, а потому русская церковная иерархия отказывается от всяких претензий на управление тем, что прежде называлось церковным имуществом...»[2].

Митрополит Сергий особым образом оговаривал неучастие в предстоящем Соборе деятелей обновленчества: «Ни о каком участии других людей (напр[имер], обновленцев, самосвятцев и под[обных]) в качестве членов Собора не может быть и речи»[3]. При анализе указанного текста нужно помнить, что митрополит Сергий вынужден был учитывать требования Е. А. Тучкова и его правку текста.

§ 33. Реализация плана ОГПУ по ликвидации Патриаршего церковного управления (30 ноября – 8 декабря 1924 г.)

Несмотря на отсутствие формальных органов ВЦУ и канцелярии, Патриарх с помощью близких ему архиереев и бывших сотрудников канцелярии продолжал осуществлять управление Церковью. Отказ Патриарха от проведения Архиерейского Собора, спланированного ГПУ, привел к принятию решения об уничтожении неформальных органов управления Церковью и физическом устранении Патриарха от церковного управления.

> 30 ноября, в воскресенье, Патриарх в сослужении митрополита Петра (Полянского) и других совершил литургию в храме Преображения Спасителя в Каретном Ряду. На литургии была совершена хиротония архимандрита Антония (Романовского) в епископа Ереванского и Сухумского.

---

[1] Следственное дело... С. 801.
[2] Там же. С. 802.
[3] Там же. С. 803.

4 декабря, в четверг, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, Патриарх совершил литургию в Донском монастыре.

5 декабря 1924 г. комендант Донского монастыря П. И. Кочетков письменно потребовал от Патриарха Тихона ликвидировать фактически действующую в монастыре канцелярию Московской Патриархии: «Последний раз предупреждаю, если мною будут обнаружены канцелярские занятия и прием кроме Вас другим духовенством, я вынужден буду об этом сообщить в милицию, а также опечатаю Вашу комнату, дабы снять с себя всякую ответственность пред административно-судебными властями за нарушаемый Вами порядок»[1]. Патриарх Тихон ответил: «...никакой канцелярии с юридическими правами у меня не имеется... меня не интересует сообщаемое Вами, будто бы „масса посетителей в б[ывшем] Донском монастыре спрашивает не меня лично, а мою канцелярию“ и... я должен принимать сам, а не другое духовное лицо (разумеется, вероятно, Мит[рополит] Петр и другие Преосвященные)»[2]. Патриарх указывал, что архиереи ведут прием в зависимости от того, может ли Патриарх по состоянию здоровья принимать сам: «Это, во[-]первых, зависит от состояния моего здоровья: во[-]вторых[,] должно интересовать больше самих посетителей[,] чем Вас»[3].

Патриарх начал подыскивать новое помещение для Патриаршей канцелярии. Он распорядился арендовать дом, который должен был стать пристанищем для возвращавшихся из ссылки архиереев. Небольшое двухэтажное деревянное здание было найдено в Сокольниках, на Ермаковской улице (д. 3/5), переименованной к 1924 году в улицу Короленко[4]. Митрополит Крутицкий Петр (Полянский) разместил здесь Епархиальное управление.

6 декабря, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Калитниковском кладбище.

---

[1] Следственное дело... С. 388.

[2] Там же. С. 388–389.

[3] Там же. С. 388–389.

[4] *Любартович В.* Московские патриаршие и митрополичьи резиденции // ЖМП. 2003. № 7. С. 62–96.

7 декабря, в воскресенье, – литургию в храме мученицы Екатерины на Ордынке.
8 декабря, в понедельник, – всенощную в храме великомученика Георгия на Всполье, на Моховой улице.
9 декабря, во вторник, – литургию в храме великомученика Георгия в Грузинах. На литургии Патриарх Тихон рукоположил архимандрита Германа (Коккеля) во епископа Ибрессинского, викария Ульяновской епархии.

§ 34. Убийство Якова Полозова как способ воздействия на Патриарха Тихона (9–12 декабря 1924 г.)

Исчерпав все способы заставить Патриарха ликвидировать нелегальный орган церковного управления и не имея возможности с учетом указаний ЦК на ослабление репрессий арестовать Патриарха и его окружение, в ОГПУ приняли решение действовать «чекистскими» методами.

9 декабря двумя неизвестными лицами был убит келейник Патриарха Яков Полозов. В следственном деле имеется подборка документов по этому убийству[1]. Как следует из агентурной записки, направленной Е. А. Тучкову, 9 декабря в 19 часов 30 минут в приемную Патриарха проникли два человека, которые убили Якова Полозова «двумя выстрелами в голову и грудь»[2]. По Москве сразу же стали распространяться слухи о том, что целью нападения был сам Патриарх, а келейник был убит, когда защищал его. Как вспоминала жена убитого, после убийства «моментально приехали сотрудники ГПУ во главе с Тучковым, который сразу же заявил, что здесь дело рук белогвардейцев»[3].

На следующий день Патриарх направил Тучкову записку, в которой сообщал, что обнаружилась пропажа двух его шуб, и просил посодействовать похоронам келейника на кладбище Донского монастыря. Е. А. Тучков сам подготовил для

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 240–267.
[2] Там же. Л. 240; Следственное дело... С. 390.
[3] *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. С. 288.

«Известий» текст заметки под названием «Убийство в квартире Тихона»[1]. Официально была признана версия ограбления. Как следует из дела, которое разрабатывало 6-е отделение СО ОГПУ под названием «Донской монастырь», обитель, где жил Патриарх, находилась под тщательной круглосуточной охраной сотрудников ОГПУ и красноармейцев. Представить, что в этих условиях двое грабителей могли пройти в помещения, которые занимал Патриарх, совершить там убийство келейника, взять шубы и скрыться, невозможно.

Убийство любимого келейника, можно сказать, самого близкого к Патриарху человека, было чрезвычайно выгодно ГПУ. Как признавал в докладах Тучков, положение Патриаршей Церкви к этому времени чрезвычайно укрепилось. Он называл ее «наиболее сильной и многочисленной из оставшихся в СССР антисоветских группировок»[2]. Как было показано выше, все возможные методы давления на Патриарха были использованы с целью добиться его дискредитации, но они не дали желаемого результата: авторитет Патриарха продолжал оставаться чрезвычайно высоким. Единственной надеждой для ГПУ оставалась смерть Патриарха. Так, в цитированном выше докладе Е. А. Тучков после констатации силы Патриаршей Церкви отмечал: «Однако в связи с болезнью довольно серьезной патриарха Тихона [и] возможной его смерти, положение тихоновщины может резко измениться...»[3].

В день убийства Я. А. Полозова был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму архиепископ Феодор (Поздеевский)[4], к которому Патриарх относился с большим уважением и у которого хранился подлинник завещательного распоряжения Патриарха о преемстве высшей церковной власти от 23 ноября 1923 г. На допросе в 1927 г. архиепископ Феодор назвал имена арестованных в 1924 г. вместе с ним:«Сколько всего человек привлекалось по этому делу я не знаю. Мне были только известны упомянутый выше профессор Попов, сын московского священ-

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 241; Следственное дело... С. 390–391.

[2] Архивы Кремля. Т. 2. С. 445.

[3] Там же.

[4] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России / Сост. И. И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2/3. С. 173.

ника Остроухов, чиновник при Синоде в прежнее время Гребинский»[1].

В тот же день был арестован второй ближайший к Патриарху Тихону человек – эконом, который обеспечивал весь быт и питание Патриарха, архимандрит Анемподист (Алексеев)*[23]. По данным М. Е. Губонина он был свидетелем смерти Я. А. Полозова[2], так что его арест скорее всего был попыткой ГПУ замести следы и одновременно еще больше воздействовать на Патриарха.

10 декабря был арестован профессор МДА И. В. Попов, готовивший документы и собиравший данные о положении Церкви для будущего Собора в Иерусалиме, назначенного на 1925 г.[3] В это же время был арестован секретарь Патриарха М. М. Гребинский. Все они обвинялись в подготовке списков репрессированных и остающихся на свободе архиереев для отправки за рубеж. В условиях недавнего признания СССР со стороны западных стран и налаживания с ними торгово-экономических отношений проникновение информации о массовых репрессиях в отношении духовенства, тем более ее оглашение на Всеправославном Соборе, который Константинопольский Патриархат предложил провести в мае 1925 г.[4], было бы весьма нежелательно для руководства СССР. Следствие, проводимое ОГПУ, установило, что даже находясь под присмотром осведомителей из ОГПУ, Патриарх общался с представителями иностранных держав и чуть было не передал им списки репрессированных епископов[5].

В ГПУ понимали, что убийство Патриарха сделало бы его в глазах верующего народа мучеником. Поэтому версия, что события 9 декабря были покушением на Патриарха, организованным ГПУ, на наш взгляд, не заслуживает доверия. Тем не менее ускорение естественной смерти Патриарха было очень выгодно ГПУ. Зная о привязанности Патриарха к своему келейнику,

---

[1] Следственное дело архиепископа Феодора и др. (1937 г.). Л. 88 об.

[2] Новые материалы к житию святого Патриарха Тихона // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 117.

[3] Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). Тверь, 2005. Январь. С. 351.

[4] *Скобей Г. Н.* Всеправославный собор // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 683.

[5] *Сафонов Д. В.* В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс // Церковь в истории России. М., 2005. Сб. 6. С. 237.

ГПУ уже прибегало к репрессиям по отношению к Я. А. Полозову с целью воздействовать на Патриарха. Когда 22 марта 1922 г. Яков Полозов был арестован, то в графе «мотивы обвинения» в документе ГПУ указывалось прямо: «Обвинительных материалов нет. Необходимо временное задержание (тактическое) в целях воздействия на Тихона»[1].

Возможно, устранение келейника планировалось с целью оказать давление на Патриарха и подорвать его и без того слабое здоровье. Действительно, после убийства Якова Полозова состояние здоровья Патриарха резко ухудшилось, обострились болезни почек (нефрит) и сердца (стенокардия). Очевидица, бывшая на богослужении Патриарха 14 декабря, вспоминала: «Героическая смерть Якова, с которым Патриарх не расставался более двадцати лет, глубоко его потрясла. Я видела его вскоре у Покрова в Левишне. Он заметно постарел, и лицо его, которое мы привыкли видеть всегда радостным, казалось печальным и утомленным...»[2].

Ф. Э. Дзержинский в декабре 1924 г. писал В. Р. Менжинскому: «...нам необходимо пересмотреть нашу политику, наши методы... пореже, скромнее прибегать к обыскам и арестам, некоторые категории арестов ограничить и производить под нажимом или при условии организации за нас общественного партийного мнения. Необходимо пересмотреть нашу политику о выпуске заграницу и визы. Необходимо обратить внимание на борьбу за популярность среди крестьян»[3].

9–10 декабря была фактически разгромлена неформальная Патриаршая канцелярия. Если архив канцелярии, закрытой властями в июне 1924 г., попал в РГИА[4], то документов из архива канцелярии периода июня – декабря 1924 г. практически не известно.

ОГПУ, очевидно, поставило задачу физического устранения или изоляции Патриарха, после чего были бы ликвидированы все определенные Собором 1917–1918 гг. формы Высшего Церковного Управления.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 260.
[2] *Москвичка*. Свет России. Московские воспоминания, 1923–1927. С. 19.
[3] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 345. Л. 1.
[4] РГИА. Ф. 831.

12 декабря, в пятницу, Патриарх Тихон совершил отпевание своего убитого келейника Я. А. Полозова в Донском монастыре.

О событиях этого дня составил донесение секретный агент ОГПУ:

«В 9 час[ов] к монастырю со всех направлений – прилегающих улиц – начали стекаться одиночками, двойками и тройками старухи. Некоторые прибывали на трамваях, что доказывает их приезд со всех уголков Москвы. Шли на похороны келейника, убитого 9/XII с. г.

В 10 час[ов] началась обедня, служил митрополит Петр Крутицкий со штатом архиереев, архимандритов, протодьяконов, дьяконов и т. д. Служба была обставлена пышно, попы били на эффект, была придана определенная окраска каких-то особых похорон.

Публика с каждой минутой прибывала все более, в 11 час[ов] к отпеванию новопреставленного убиенного Иакова (так титуловали убитого дьякона всю обедню) прибыл сам патриарх Тихон. К этому времени публики набралось не менее 1000 (тысячи) человек, состав ее, можно выразиться, всегдашний: религиозные фанатики, старухи-богаделки, монашки-завсегдатаи Тихона. Вся масса имела простоватый тип, тип лентяев, не способных к чему бы то ни было. Чисто рабочей массы не было, интеллигенция также совершенно отсутствовала, кое-где мелькали фигуры бывших купцов, хозяйчиков, заметен наплыв попов из разных приходов, но на похоронах они были как частные лица. Женщины преобладали в количестве 80 %.

Отпевание совершал сам Тихон, выглядел он плохо-болезненно, а потому в публике находил сочувствие. Как видно более приближенные из его стада – бабы, кудахтали, что он находится в самом плачевном материальном положении, желал возложить погибшему венок, да нет денег, а потому, мол, необходимо ему помочь и сделать подписку...»[1].

[1] Цит. по: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. С. 374.

§ 35. Последние служения Патриарха Тихона на свободе (13–30 декабря 1924 г.)

13 декабря, в субботу, Патриарх Тихон совершил литургию в храме Софии Премудрости Божией на Софийской набережной.
14 декабря, в воскресенье, – литургию в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Левшинском переулке.
18 декабря, в четверг, – всенощную в храме святителя Николая Чудотворца в Ваганькове.
19 декабря, в пятницу, там же – литургию.
22 декабря, в понедельник, – литургию в храме иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще.

Несмотря на ослабление здоровья и ликвидацию канцелярии, Патриарх продолжал подписывать документы, касающиеся управления Церковью. Так, 24 декабря 1924 г. он подписал послание православным клирикам и мирянам Конотопщины и Глуховщины о неканоничности и безблагодатности священнослужения Адриана, именующего себя епископом[1].

28 декабря, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Пупышах (по другим данным, в храме иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в Садовниках).
30 декабря, во вторник, – Божественную литургию и молебен на начало мироварения в храме на Пятницком кладбище[2]. Во время богослужения Патриарх упал в обморок, и окружающие подумали, что он умер[3].

То, что Патриаршее управление подвергается уничтожению, было ясно для многих архиереев. Каждый выбирал свой путь. В декабре 1924 г. через миропомазание беглопоповцами Москвы был принят епископ Филипп (Гумилевский), хотя в дальнейшем он предпочитал это скрывать: «Епископ Балахнинский Филипп (Гумилевский) известен тем, что в декабре 1924 г. он решил перейти к старообрядцам, дал согласие и был подвергнут

[1] Следственное дело... С. 782.
[2] Богослужебный дневник... С. 142.
[3] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 432–433.

миропомазанию в молельне старообрядцев-беглопоповцев на Таганке. Об этом имеется соответствующий акт у старообрядцев-беглопоповцев и об этом можно навести справку у Главного их Церковного Совета. Потом Епископ Филипп, испугавшись, отказался служить у старообрядцев. От Святейшего о своем поступке он скрыл, но Епископ Православный, уже подвергавший себя миропомазанию, т. е. принятый вторым чином в старообрядцы и невозвращенный в лоно Православной Церкви, по решению Собора Епископов и Церковного Суда, не может священное действовать в Православной Церкви и тем более занимать пост управляющего несчастной Московской Епархией, если он и Епископ, но Епископ, во всяком случае, старообрядческий, а не Православный»[1]. Григориане в своей брошюре в 1927 г. писали об этом епископе как о члене Синода: «Один из них неправославный, недавно уклонившийся к раскольникам беглопоповцам»[2].

[1] Информационный бюллетень Временного высшего церковного совета, 1928 г. Машинопись (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 585).

[2] Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010. С. 36.

ГЛАВА VII
Патриарх Тихон в 1925 г.

§ 1. Лечение Патриарха в Донском монастыре (31 декабря 1924 г. – 12 января 1925 г.)

В начале 1925 г. Патриарх Тихон находился в своем помещении в Донском монастыре, не имея возможности совершать богослужения. Однако он продолжал осуществлять высшее церковное управление, рассматривать бумаги. 5 января 1925 г. датирован документ под названием «Разъяснение Святейшего Патриарха», копия которого, сделанная в ОГПУ, сохранилась в деле Патриарха. Очевидно, копия была снята с рукописного подлинника, как это обычно делалось в ГПУ, так как разобрать рукописи было трудно. Документ не являлся ни указом, ни распоряжением Патриарха, но был, однако, предназначен для широкого распространения, которое предотвратили чекисты. В «Разъяснении» Патриарх Тихон объявил все священнодействия Иннокентия (Пустынского), называвшего себя митрополитом Киевским, недействительными[1].

Этот архиерей с 1903 г. был епископом Аляскинским, викарием Алеутской и Североамериканской епархии, которую до 1907 г. возглавлял епископ Тихон (Беллавин). До этого Иннокентий служил миссионером в США и на Алеутских островах и там принял монашество. Вручая архиерейский жезл своему новому викарию, епископ Тихон тепло напутствовал его*[1]. С 1912 г. епископ Иннокентий возглавлял Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию. Именно он благословил В. Ф. Войно-Ясенецкого на принятие сана[2].

---

[1] Центральный архив ФСБ (далее: ЦА ФСБ). Д. 1780. Т. 5. Л. 234; Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 783.

[2] *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* «Я полюбил страдание...»: Автобиография. М., 1995. С. 30.

В 1923 г. преследования ГПУ вынудили архиепископа Ташкентского и Туркестанского Иннокентия (Пустынского) покинуть Ташкент и выехать в Москву. ВЦУ он был уволен на покой[1], а затем под давлением ОГПУ присоединился к обновленцам. Сами обновленцы не доверяли его присоединению к ним: напротив его имени в списках 1924 г. написано: «сомн[ительно]»[2]. В том же году он согласился стать обновленческим «митрополитом» Киевским и Галицким. Покровители обновленцев в ГПУ для придания авторитета раскольникам делали ставку на архиереев старого поставления. Сохранились воспоминания об Иннокентии киевского протоиерея Владимира Тарнавского: «Я его знал лично... Видимо, имел в душе какой-то разлад. Он присоединился к обновленчеству, но в то же время со многими позициями обновленчества он не был согласен. В это время он собирался уезжать в Алма-Ату на частное жительство»[3].

В ОГПУ это «Разъяснение», вероятно, было воспринято не только как удар по обновленчеству, но и как защита митрополита Антония (Храповицкого), титул которого присвоил себе Иннокентий.

Подготовленное Патриархом «разъяснение» ясно показало Е. А. Тучкову, что несмотря на убийство келейника и подорванное здоровье, Патриарх остался несломленным и не только не согласился быть орудием в руках Тучкова, но и подготовил документ, явно приводящий в бешенство чекистов. На следующий день власти перешли в наступление.

6 января в газете «Известия» была опубликована заметка, направленная на дискредитацию Патриарха Тихона. По мнению автора статьи, Патриарх не только скрывал обнаруженные в Киево-Печерской лавре ценности, но и через «монашескую агентуру» направлял «агентурные сведения» за границу. Эта статья была призвана оказать давление на Патриарха, который должен был понять, что если он не согласится на условия, предлагаемые ему Е. А. Тучковым, то будет подвергнут репрессиям по обвинениям, выдвинутым в статье.

---

[1] *Лисичкин В. А.* Крестный путь святителя Луки. М., 2001. С. 37.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 644. Л. 51.

[3] *Феодосий (Процюк), архиеп.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине с 1917 по 1943 гг.: (По материалам Киевской, Харьковской и Полтавской епархий): Дис. ... МДА. Смоленск, 1978. Т. 6. С. 51. Машинопись.

7 января 1925 г., в праздник Рождества Христова, Патриарх Тихон не имел возможности совершать богослужение. В этот день он подписал распоряжение о преемстве высшей церковной власти, указав в качестве возможных Местоблюстителей митрополитов Кирилла (Смирнова), Агафангела (Преображенского) и Петра (Полянского). Первые два митрополита были названы в распоряжении от 23 ноября 1923 г., так что новое завещание понадобилось для указания имени митрополита Петра, с лета 1924 г. взявшего на себя бремя переговоров с ОГПУ. Именно митрополит Петр в этот период вел все переговоры с ГПУ от лица Церкви, и властям казалось, что он, будучи Местоблюстителем, будет выполнять их указания. Очевидно, с согласия властей высшая церковная власть завещалась митрополиту Петру, поскольку два других иерарха находились в ссылке. Подписание этого распоряжения было частью компромисса с Е. А. Тучковым, считавшим в тот момент митрополита Петра подконтрольным себе. Прежнее завещательное распоряжение было тайным, так как факт появления завещаний о преемстве церковного возглавления объяснялся именно чрезвычайными обстоятельствами, вызванными репрессиями. Преемство было возможно только при тайном завещании, а также при условии, что хотя бы один из иерархов находится на свободе, так как пребывание в заключении всех троих создало бы вакуум в управлении, что разрушило бы самый строй Высшего Церковного Управления, основанный на Патриаршем единоначалии.

10 января Патриарх Тихон написал письмо в редакцию газеты «Известия». Передать это письмо с просьбой напечатать его ответ на публикацию от 6 января Патриарх мог только через Е. А. Тучкова. Публикация этого текста стала возможной лишь после того, как 7 января Патриарх подписал новое завещательное распоряжение.

В это время после приступа, случившегося 30 декабря, Патриарх находился в Донском монастыре под усиленным наблюдением врачей, но в состоянии его здоровья не происходило значимых улучшений, что не позволило ему совершить рождественские богослужения. 9 января 1925 г. врачи, лечившие Святейшего, собрали консилиум, который подписал медицинское заключение о непригодности для Патриарха Тихона занимаемого им помещения: «При осмотре 9/1–25 г. Патриарха

Тихона консилиум в составе профессоров В. Д. Шервинскаго*[2], М. П. Кончаловскаго, Д. Д. Плетнева*[3], д[окто]ров М. М. Покровскаго, Н. С. Щелкана пришел к заключению, что помещение, занимаемое им, гигиенически для него вредно (низкие комнаты, сырость) в виду его болезни сердца и болезни почек»[1]. Заверил документ митрополит Петр (Полянский).

После подписания Патриархом завещательного распоряжения возобновились переговоры с ГПУ о создании Синода. Очевидно, уже тогда Патриархом был представлен список епископов, которых он хотел включить в состав Синода. По крайней мере некоторые из них получили в тот момент свободу. 12 января 1925 г. в числе прочих был освобожден епископ Прокопий (Титов)[2].

§ 2. Первое пребывание Святейшего Патриарха в больнице Бакуниных (13–30 января 1925 г.)

12 января Патриарх принял решение о переезде в больницу. Согласно данным, которые приводил А. Левитин-Краснов, один из лучших кардиологов России Дмитрий Дмитриевич Плетнев категорически возражал против переезда Патриарха в больницу: «В связи с этим разыгрался драматический эпизод: когда 13 января 1925 года патриарх, утомленный и издерганный непрерывной суетой, все же решил переехать в клинику доктора Бакунина на Остоженке, профессор упал на колени перед постелью Патриарха. „Ваше Святейшество! Не соглашайтесь на больницу, – со слезами на глазах воскликнул профессор, – неизвестно, в чьи руки вы там попадете!“ – „Да, но вы же там будете, профессор[“. „]И все мы будем около Святейшего“, – сказал митрополит Петр. Святейший молча кивнул головой»[3].

О том, что Патриарха пришлось долго уговаривать лечь в больницу, писала Э. Бакунина: «...доктор рассказал мне, что

---

[1] Следственное дело... С. 392.

[2] *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2001. Кн. 5. С. 348.

[3] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 432–433.

сегодня же должны были перевезти патриарха Тихона в одну частную лечебницу, где была занята для него комната, но вчера вечером оттуда позвонили и сказали, что боятся его принять. На патриарха это так подействовало, что он отказался переезжать куда-нибудь из Донского монастыря, и врачам пришлось настоятельно требовать, а близким долго уговаривать больного, чтобы он согласился на новую попытку найти для него лечебницу»[1].

Поскольку необходимость госпитализации Патриарха стала очевидной после приступа 30 декабря, «долгие уговоры» могли занять все время до 12 января, когда Бакунины согласились принять Патриарха. Е. А. Тучков не зря спрашивал их, не боятся ли они принимать Патриарха: в том же 1925 г. их больница была закрыта, а супруги вскоре эмигрировали[2].

Это показывает, что переезд в больницу был частью договоренностей с Е. А. Тучковым, о которых знали Патриарх и митрополит Петр. Как упоминалось выше, с конца 1924 г. власти стремились изолировать Патриарха, отстранив его от дел церковного управления. Помещение его в больницу было частью этого плана: больничная изоляция могла бы быть еще более полной, а полномочия по управлению Церковью в это время переходили к митрополиту Петру. Патриарх опасался постепенной утраты своих полномочий. На уговоры врачей не выезжать на службы он говорил: «Нет, надо ехать. Надо работать. Если я долго не показываюсь, то меня забудут»[3].

Изоляция Патриарха в больнице вызвала среди зарубежных архиереев движение в пользу передачи патриарших полномочий митрополиту Антонию (Храповицкому). 28 января 1925 г. архиепископ Пекинский Иннокентий (Фигуровский) направил в адрес митрополита Антония письмо «с убедительнейшей просьбой возглавить временно Российскую Православную Церковь теперь же за границей в качестве Патриаршего заместителя, так

---

[1] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона: Воспоминания врача / Публ. А. Серкова // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. С. 374.

[2] *Серков А.* Предисловие // *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 373.

[3] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские: Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949. Ч. 1. С. 116.

как Свят[ейший] Патриарх Тихон совершенно лишен всякой свободы действий и распоряжений и его именем всякий может злоупотреблять, а он не в силах этому воспрепятствовать»[1].

Конечно же, архиепископ Иннокентий был не одинок в своем мнении. Как уже было показано выше, значительное число иерархов были склонны к передаче власти над Русской Церковью Зарубежному Синоду. Вероятно, что и это письмо выражало мнение не только архиепископа Иннокентия, но и других иерархов, находившихся в Китае.

Таким образом, вечером 13 января Патриарх «переехал в прекрасно оборудованное помещение в клинике Бакунина (Остоженка, 19). Это было одно из первоклассных медицинских учреждений Москвы и одна из немногих частных больниц, еще остававшихся в годы НЭПа»[2].

Протопресвитер М. Польский писал: «Поздно вечером 12 января 1925 года в больницу Е. Бакуниной на Остоженке пришел врач и спросил, могут ли принять больного с тяжелыми сердечными припадками, нуждающегося в серьезном лечении и внимательном уходе. Одна частная лечебница, где комната для него была уже заказана, в последний момент отказалась его принять, боясь репрессий со стороны ГПУ, ибо „больной все же Патриарх Тихон“. На следующий день Патриарха привезли в больницу. Он был записан в больничную книгу „гражданин Беллавин“, здоровье которого требовало покоя»[3].

Патриарх приехал в больницу вместе с келейником Константином Пашкевичем*[4] и монахом, который, по воспоминаниям Э. Бакуниной, мало заботился о Патриархе.

Автор воспоминаний об этих событиях писала в 1936 г.: «Советовали ему лечь в лечебницу. Святейший согласился, но ни одна из московских лечебниц и клиник не решалась его принять, опасаясь ответственности перед народом в случае смертельного исхода его болезни. Тревога москвичей росла – положение казалось безвыходным. Об отдыхе Патриарх не хотел и слышать,

---

[1] *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 210.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 433.

[3] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 116.

продолжал служить в московских храмах и принимать всякого, кто к нему приходил.

Наконец, д-р Бакунин вызвался поместить Патриарха в свою лечебницу. Там Святейший был обставлен всеми удобствами и находился под постоянным наблюдением врачей. Ему отвели лучшую комнату и разрешили оставить при себе заменившего Якова келейника. Там Патриарх был окружен неусыпными заботами, в которых владелец лечебницы и его жена принимали личное участие»[1].

Врач Э. Бакунина вспоминала о первых днях пребывания Святейшего в больнице:

«Он был высокого роста, седой и очень худой и казался, хотя держал себя бодро, гораздо старше своего действительного возраста; в нашей больнице он праздновал шестидесятый год своего рождения. Невзирая на плохое состояние своего здоровья, он превосходно владел собой и ни на что не жаловался, хотя и видно было, что он был взволнован и очень нервничал. Он приехал на извозчике, которым обыкновенно пользовался, в сопровождении двух прислужников: монаха и сына одного из своих друзей.

Постоянными врачами Патриарха были: профессор К. и его ассистент доктор П. Оба продолжали его посещать и в больнице. На основании консультации с врачами больницы Патриарху предписали полнейший покой (ванны) и укрепляющие организм средства. Он страдал застаревшим хроническим воспалением почек и общим склерозом... Бывали и припадки грудной жабы, участившиеся после происшедшего убийства его прислужника.

Патриарха поместили в небольшой светлой комнате. В ней находилось и удобное кожаное кресло, и маленький письменный стол. На окнах были маленькие тюлевые занавески. Больной был особенно доволен тем, что окно выходило в сад Зачатьевского монастыря. Когда наступала весна, он любовался видом на монастырь и говорил: „Как хорошо! Сколько зелени и столько птичек!“

Но с собой привез свои собственные иконы, поставил их на маленький столик и теплил перед ними лампадку. На стене висела одна только картина: двое мальчиков смотрят с моста вдаль.

---

[1] *Москвичка.* Свет России: Московские воспоминания, 1923–1927 // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 19–20.

Когда он себя чувствовал лучше, то сидя в кресле много читал: Тургенева, Гончарова и „Письма Победоносцева". В духовном облачении, в клобуке и с посохом в руке, он производил импонирующее впечатление. Когда он лежал в постели или сидел в кресле, то казался бедным больным стариком»[1].

По сведениям А. Левитина-Краснова, Патриарх прибыл в больницу без икон, и только вечером 13 января один из его иподиаконов по просьбе Патриарха принес ему из находившегося поблизости Новодевичьего монастыря икону. Это оказалась икона Благовещения Пресвятой Богородицы[2].

Уже на второй день пребывания Патриарха в больнице, т. е. 14 января, к нему явился Е. А. Тучков. Э. Бакунина вспоминала: «С первого же дня поступления Патриарха в больницу хотели его постоянно повидать бесчисленные посетители по служебным и по личным делам. Среди них были и такие, которым совершенно нельзя было отказать, как, например, начальник церковного отделения ГПУ Тучков. Он появился на второй же день и пожелал видеть „гражданина Беллавина"»[3]. Хотя в этот день Э. Бакунина отказала Тучкову, в последующие дни он, несомненно, бывал у Патриарха: «Тучков был среднего роста, грубоватый, полуинтеллигентный, однако ловкий и обходительный. Я сказала ему, что больного видеть нельзя, ибо врачи предписали ему полнейший покой. Каждое волнение для него опасно»[4].

Сама Бакунина признает, что вынуждена была допускать к Патриарху посетителей. Одним из них, вероятно, был агент ГПУ Иванов, который 15 января составил заключение по делу о краже двух шуб у Патриарха в ночь убийства Я. А. Полозова, указав, что Патриарх опознал одну из шуб как свою[5]. По воспоминаниям Э. Бакуниной, в больнице Патриарх «часто... также принимал вдову убитого своего прислужника*[5], о которой он заботился»[6].

---

[1] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 113.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 433.

[3] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 114.

[4] Цит. по: Там же.

[5] Следственное дело... С. 393.

[6] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 115.

18 января в «Известиях» был опубликован ответ Патриарха на клеветническую статью от 6 января. В письме он указывал:

«В связи с обнаружением в Киево-Печерской Лавре скрытых ценностей в „Известиях“ от 6 января за № 4 (2337) помещена заметка, нас компрометирующая. Автор заметки утверждает, что 1) ценности, вероятно, скрыты по нашему распоряжению, так как лавра подчинена непосредственно нам, что 2) кроме ценностей, найдена обширная контрреволюционная переписка, заключающаяся в донесениях монашеской агентуры, существовавшей при лавре; таковые агентурные сведения якобы отправлялись Нам для передачи за границу.

В интересах истины считаю необходимым заявить о нижеследующем. Киево-Печерская лавра искони была оплотом Православия и одной из главных святынь Православной Русской Церкви. Она всегда находилась в непосредственном ведении Киевских митрополитов. В последние годы до своей ссылки управлял ею Наш Экзарх Украины митрополит Михаил [Ермаков]. После него управляли лаврой замещавшие его архипастыри, и лишь после того, как все они были лишены фактической возможности управления, Мы в целях сохранения Лавры, как очага Православия, от покушений на нее со стороны „обновленцев“, приняли [ее] в свое непосредственное ведение. Но это имело место лишь в начале 1924 г., и потому, естественно, Нам не может приписываться распоряжение о сокрытии ценностей в Лавре. С другой стороны, ни в каких сношениях ни с заграничной контрреволюцией, ни с контрреволюционными группами внутри СССР Мы не состояли и не состоим, и Нам ничего неизвестно о „контрреволюционной“ политической работе монахов Лавры»[1].

До выхода из заключения в июне 1923 г. Патриарх не имел возможности давать опровержения на публикации в советской печати. Публикация этого текста, несомненно написанного самим Патриархом, является признаком изменения политики, проводившейся по отношению к нему со стороны властей, прежде всего 6-м отделением ГПУ, без согласования с которым этот текст не мог быть напечатан.

---

[1] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 350.

В это же время начались переговоры Патриарха с Е. А. Тучковым о том, где он сможет поселиться после выхода из больницы. Комнаты в Донском были действительно вредны для здоровья Патриарха. Близким он жаловался: «В монастыре помещение низкое, тесное и очень неудобное. Как соберется много народу – дышать нельзя»[1]. Патриарх мог не подозревать, что в планы ГПУ его возвращение к церковному управлению вообще не входило. 23 января 1925 г. Патриарх обратился к Е. А. Тучкову с просьбой разрешить ему переехать в здание бывшего архиерейского дома в бывшем Богоявленском монастыре, что неподалеку от Кремля[2]. Е. А. Тучков на следующий день дал распоряжение своему сотруднику Реброву отправиться туда и осмотреть помещение. На письме Патриарха Тучков написал: «Подальше», – имея, очевидно, в виду близость бывшего Богоявленского монастыря к Кремлю[3].

К этому времени Патриарх чувствовал себя значительно лучше. Хорошее лечение и покой принесли плоды. Э. Бакунина писала: «В течение первых двух недель Патриарху стало значительно лучше – его нервность уменьшилась, и анализ показал улучшение состояния его почек. Сам он часто говорил, что чувствует себя лучше и крепче. Врачей он всегда принимал очень любезно и любил иногда с ними пошутить. К служащим в клинике он всегда относился также любезно и к нему все относились с величайшим почтением и предупредительностью»[4].

Пока Патриарх был изолирован в больнице, обновленцы активизировали свою работу. 27–31 января 1925 г. в Москве прошел расширенный Пленум Всероссийского Священного Синода, в котором участвовали 70 человек из числа «только крупных обновленческих деятелей»[5]. Главными вопросами повестки дня были следующие: 1) об отношении к предстоящему собору, 2) о подведении канонического фундамента под обновленческую иерархию, 3) изыскание более успешной линии в борьбе с «тихоновщиной».

---

[1] Цит. по: *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 381.

[2] Следственное дело... С. 393–394.

[3] Там же.

[4] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 114.

[5] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2002. Т. 3, ч. 1. С. 109–110.

Обновленцы знали, что Патриарх находится в больнице. «Участники работ совещания были очень бодро настроены вследствие болезни Тихона, которая должна безусловно ослабить возглавляемую им группу», – писал в докладе Е. А. Тучков[1].

31 января 1925 г. вышло обращение обновленцев к правительству СССР. В нем без каких-либо доказательств и аргументов, как само собой разумеющееся, Патриарху Тихону предъявлялись обвинения в скрытой контрреволюции:

«Нас, православных обновленцев, глубоко радует победа рабочих и крестьян нашей родины. Ибо мы, будучи убежденными христианами, вместе с тем являемся и честными гражданами, всемерно желающими мира и процветания нашего отечества. Видя в Рабоче-Крестьянской Власти единственную власть, которая сможет вывести страну из той разрухи, которую оставил царизм и капиталистическая война, обновленцы уже несколько лет как обратились ко всем православным верующим с призывом искренно и добросовестно признать Советскую Власть, которая была объявлена бывшим патриархом Тихоном, как сатанинская власть, против которой христиане обязаны бороться из-за религиозных мотивов. Как известно, на этой почве между Тихоном и лояльными к Советской Власти обновленцами произошел раскол, существующий и доселе. Этот раскол вызван исключительно политическим моментом, так как в церковном отношении обновленцы строго соблюдают основы православия. Тихон же, формально признав Советскую Власть и всенародно раскаявшись в своих преступлениях перед нею летом 1923 года, фактически, как и вся тихоновщина, являются врагами Советского строя. Мы имеем ряд данных, ясно свидетельствующих, что тихоновщина есть последняя, еще не добитая революцией антисоветская группировка под знаменем религии. Поэтому борьба наша с тихоновщиной получает политический характер, так как мы стоим за лойяльные, честные отношения к Правительству, на началах декрета об отделении Церкви от Государства и осуждаем попытку Тихона сделать Церковь орудием политической борьбы»[2].

---

[1] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 3, ч. 1. С. 109–110.

[2] Пленум Св. Синода 27–31 января 1925 г.: Обращение к Правительству СССР // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 3.

§ 3. Постепенное возвращение Патриарха к церковному служению (31 января – 28 февраля 1925 г.)

Находясь в больнице, Патриарх Тихон очень тяготился невозможностью совершения богослужений по причине его изоляции, предусмотренной ОГПУ. Возможность вновь служить, хотя и изредка, по субботам и воскресеньям не означала возвращения Патриарха к полноценному церковному управлению, однако была принципиально важна для него. Богослужения демонстрировали церковному народу, что Патриаршая Церковь не сломлена и именно он является ее Первосвятителем.

О служениях Патриарха в этот период современники писали: «Доктора продолжали настаивать на необходимости для больного полного покоя. Но Святейший продолжал служить, а на просьбы врачей прекратить по крайней мере приемы посетителей отвечал: „Я Патриарх для всей России, и, пока я жив, каждый, кому я нужен, должен иметь ко мне свободный доступ“»[1].

> 31 января, в субботу, Патриарх Тихон совершил первое после месячного перерыва богослужение. В присутствии митрополита Крутицкого Петра (Полянского) и в сослужении епископа Иваново-Вознесенского Августина (Беляева) Патриарх Тихон совершил панихиду на могиле митрополита Евсевия (Никольского) в Новодевичьем монастыре[2].
>
> На следующий день, 1 февраля, в воскресенье, Патриарх совершил литургию в Донском монастыре[3].

Э. Бакунина вспоминала, что «спустя три недели он уже стал принимать Митрополита Петра Крутицкого»[4]. Вероятно, первый визит митрополита Петра состоялся 2 февраля, в понедельник, ровно через три недели после поступления Патриарха в больницу. Таким образом, Святейший вернулся к решению вопросов

---

[1] *Москвичка*. Свет России. С. 20.

[2] Богослужебный дневник Святейшего Патриарха Тихона, 1917–1925 гг.: Список М. Е. Губонина. Библиотека СПбДА и С. Машинопись. С. 142.

[3] Там же.

[4] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 114.

церковного управления, хотя большинство церковных дел рассматривал митрополит Петр. Он в значительной мере занимался текущим церковным управлением, пока Патриарх был изолирован в больнице.

Доклады начальника 6-го отделения СО ГПУ Е. А. Тучкова показывают, что в начале 1925 г. в ГПУ были серьезно озабочены усилением положения Патриаршей Церкви. Тучков признавал, что без влияния ГПУ церковный раскол мог бы быть ликвидирован. Однако болезнь Патриарха и его возможная смерть давали ГПУ надежду на то, что «лишенная авторитетного руководящего лица, эта группа окажется состоящей из враждующих за власть больших и маленьких групп»[1].

В начале февраля 1925 г., докладывая руководству об усилении Патриаршей Церкви, Е. А. Тучков отмечал: «Однако, в связи с болезнью довольно серьезной патриарха Тихона [и] возможной его смерти, положение тихоновщины может резко измениться...»[2].

> 7 февраля, в субботу, Патриарх служил всенощную в храме святителя Николая Чудотворца в Пупышах[3].
>
> 8 февраля, в воскресенье, – литургию в храме Воскресения Христова на Остоженке.

8 февраля после получения доклада от сотрудника 6-го отделения Реброва, осмотревшего помещение в бывшем Богоявленском монастыре, Тучков написал на обращении Патриарха с просьбой о его переводе в помещения этого монастыря резолюцию о вынесении этого вопроса на заседание Антирелигиозной комиссии, бессменным секретарем которой он являлся.

> 14 февраля, в субботу, Патриарх совершил литургию в храме мученика Трифона в Напрудной[4].

---

[1] Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 445.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 63; Следственное дело... С. 398–399.

[3] Богослужебный дневник... С. 142.

[4] Там же.

Очевидец этого богослужения писал: «Дивлюсь, как Патриарх выдерживает. Мы, сослужащие, чуть не падали в обморок от духоты, а он живой, радостный, благодушный, сияющий»[1].

Патриарху сослужили митрополит Петр (Полянский), архиепископ Трифон (Туркестанов), именины которого отмечались в этот день, епископы Иоасаф (Удалов) и Борис (Рукин)[2]. Сослуживший Патриарху клирик описывает это богослужение как подлинное торжество: «Народ в состоянии экстаза. «Приехал, приехал!» Толпа всколыхнулась, раздалась, насколько могла, и Патриарх, высоко поднятый на руках, внесен был в церковь. Сияющий, радостный, улыбающийся, добрый и ласковый бесконечно. Едва освободили его от роскошной шубы, возложили мантию. Патриарх выслушал приветственное слово настоятеля, который говорил о единении всего православного русского мира с Патриархом...»[3].

Э. Бакунина вспоминала о служениях Патриарха: «Когда он служил, церкви всегда были полны и ему бывало очень трудно проложить себе дорогу сквозь толпу. Остается совсем необъяснимым, каким образом верующие узнавали, когда и где Патриарх будет служить, ибо опубликовать такие объявления было немыслимо. Он служил в разных церквах, часто в Донском монастыре»[4].

14 февраля состоялось заседание АРК, на котором по докладу Тучкова был рассмотрен вопрос о заявлении Патриарха о предоставлении ему возможности переехать в другое помещение. Комиссия постановила: «Переезду Тихона в другое помещение не препятствовать с тем, чтобы последнее находилось в центре города»[5]. Тучков, очевидно, сообщил Антирелигиозной комиссии о согласии Патриарха написать текст «декларации», для чего условия его пребывания облегчались переездом в комфортабельное помещение, где бы он чувствовал себя более свободно. Одновременно был рассмотрен вопрос, связанный с проектом декларации

---

[1] Письмо неизвестного автора «Одно из последних богослужений Святейшего Патриарха Тихона» // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 89.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 114.

[5] Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 27.

предстоящего Собора, которую еще в 1924 г. подготовил митрополит Сергий.

Проведение Собора требовало тщательной подготовки, поэтому 14 февраля АРК решила направить текст митрополита Сергия для изучения такому знатоку церковных вопросов, как П. А. Красиков, после чего рассмотреть вопрос о публикации. В феврале у властей появилась надежда на принятие «декларации» самим Патриархом Тихоном, поэтому от идеи организации Собора они отказались. К этому вопросу Антирелигиозная комиссия больше не возвращалась. Возможно и то, что власти не планировали разрешать Собор, а появление документа митрополита Сергия призвано было повлиять на позицию Патриарха в вопросе о «Завещательном послании».

На этом же заседании АРК (протокол № 64) было принято решение пригласить в СССР изгнанного Патриарха Константинопольского Константина VI. 14 февраля 1925 г. на АРК по предложению Тучкова был вынесен вопрос «О Вселенском патриархе». Было принято решение: «а). Поручить т. Менжинскому договориться с т. Чичериным. б). Не возражать против въезда в СССР патриарха, как частного лица, если не будет к тому препятствий со стороны НКИД»[1].

Константин VI был избран Константинопольским Патриархом 17 декабря 1924 г. Пребывание его на Фанаре (резиденция Константинопольских Патриархов) продлилось только 43 дня. 30 января 1925 г. он был вынужден покинуть Патриархию в связи с высылкой греческого населения из Турции. Патриаршим администратором он назначил Великого Протосинкелла Поликарпа (позднее митрополит Мирский и Прусский). На шесть месяцев Патриарх остановился в Фессалоникийской митрополии, не теряя надежды вернуться в Константинополь. Он мог желать посетить СССР с целью заручиться поддержкой советских властей или для попытки объединения тихоновцев и обновленцев. В обновленческой печати была опубликована телеграмма обновленческого синода Константину VI с приглашением прибыть в Москву[2].

Константин VI не раз обозначал свое отношение к обновленчеству. Так, он прислал приветствие обновленческому пленуму

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 28.

[2] Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1.

в Москве[1]. В докладе за февраль Е. А. Тучков писал: «За отчетный период времени в жизни канонической церкви произошло очень важное событие, которое, однако, еще не отразилось заметно на положении этой церкви в СССР: патриарх константинопольский Константин VI был изгнан турецким правительством из Константинополя. Как на это будет реагировать тихоновская церковь – еще не известно»[2]. Очевидно, в ГПУ рассчитывали использовать в своей игре бывшего Вселенского Патриарха, противопоставив его авторитет авторитету Патриарха Тихона. Однако Константин VI в Россию так и не приехал.

> 15 февраля, в воскресенье, в праздник Сретения Господня, Патриарх Тихон служил литургию в храме Богоявления в Елохове[3].
> 17 февраля, во вторник, – всенощное бдение в храме иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в Палашах[4].

В середине февраля архимандрит Тихон (Шарапов) доставил Патриарху Тихону и митрополиту Петру (Полянскому) материалы по положению православных в Польше. Митрополит Петр, контролировавший делопроизводство Патриаршей канцелярии, подготовил для Святейшего ряд указов, касавшихся польского вопроса. Документы, подписанные Патриархом в феврале – марте 1925 г., хранились в архиве епископа Тихона (Шарапова)*[6], передавшего их М. Е. Губонину. Подготовленные документы для подписания митрополит Петр доставил Патриарху в больницу.

14 февраля 1925 г.[5] Патриарх возвел в сан архиепископа Пантелеимона (Рожновского)*[7] и в сан протоиерея священника Слонимского уезда Гродненской и Брестской епархии Луку Голода.

17 февраля 1925 г. Патриарх подписал указ «православному сенатору Речи Посполитой Польской Вячеславу Васильевичу Богдановичу»[6], в котором святитель благословляет создание Екатерининской общины в Вильне. 20 февраля Патриарх еще раз

---

[1] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 447.

[2] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 3, ч. 1. С. 109.

[3] Письмо неизвестного автора «Одно из последних богослужений Святейшего Патриарха Тихона». С. 89.

[4] Богослужебный дневник... С. 143.

[5] Акты... С. 351 (на документах этого времени в Патриаршей канцелярии ставилась дата по новому стилю).

[6] Там же. С. 355.

подтвердил эти награждения и распорядился подыскать кафедру архимандриту Тихону (Шарапову):

«[1)] Подтверждается сделанное Мною ранее распоряжение о возведении в сан архиепископа Пинского и Новогрудского Высокопреосвященного Пантелеймона [Рожновского] и о награждении саном протоиерея с возложением наперсного креста священника с. Бытеня, Слонимского благочиния, о. Луки Голода.

2) Призываю Божие благословение на ревностные труды во благо Святой Православной Церкви православному сенатору RPP Вячеславу Васильевичу Богдановичу, а равно и честному пресвитерству, во Христе диаконству, боголюбивому иночеству и православному люду, сохранившим верность уставам Святой Церкви, своим законным иерархам и преданность Московскому Патриаршему Престолу.

3) Запросить, не свободны ли архиерейские кафедры на предмет назначения туда архимандрита Тихона»[1].

20 февраля 1925 г. появилась «Резолюция Святейшего Патриарха Тихона о назначении настоятеля Жировицкого Успенского монастыря, Гродненской епархии (Польша), архимандрита Тихона [Шарапова] епископом Гомельским, имеющим попечение о православных христианах Польши, сохраняющих верность Святейшему Патриарху Московскому»[2].

Советско-польские отношения в это время оставались крайне напряженными. 12 февраля Ф. Э. Дзержинский на заседании Политбюро докладывал о «польских делах»[3]. Указы, касающиеся поддержки верного Московскому Патриарху духовенства в Польше, не вызвали возражений представителей советской власти, а возможно, и были поддержаны ими.

19 февраля 1925 г. Патриархом Тихоном был запрещен в служении[4] архиепископ Иоанникий (Соколовский), который в 1924 г. был назначен на Омскую кафедру, но принять назначение отказался. В этот же день Патриарх Тихон переместил епископа Георгия (Анисимова) с Елабужского викариатства

---

[1] Акты... С. 352.

[2] Там же. С. 357.

[3] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний (1919–1952 гг.): Каталог: В 3-х т. М., 2000. Т. 1. С. 361.

[4] Лубенский раскол и «иоанникиевщина» в документах Патриаршей канцелярии // Вестник церковной истории. 2008. № 1 (9). С. 79.

Сарапульской епархии на кафедру епископа Малмыжского, викария Вятской епархии. На Елабужскую кафедру был назначен епископ Ириней (Шульмин)[1].

§ 4. Попытка возвращения Патриарха Тихона к церковному управлению (28 февраля – 5 марта 1925 г.)

В докладе, подготовленном до 15 февраля 1925 г., Е. А. Тучков писал: «Вообще среди тихоновскаго епископата очень много весьма видных и активных черносотенных и белогвардейских деятелей, как среди духовенства, так и среди церковно-приходских советов. Такой личный состав тихоновской церкви определяет и ее общую политическую линию, которая в последнее время приняла особенно резко выраженный антисоветский характер... Несмотря на значительную соорганизованность этого течения, [для] его единства – имеется довольно серьезная угроза вследствие болезни Тихона, которая конечно, отразится на их общем положении. Тихоновцы поэтому всячески стремятся создать легальный церковный орган – синод, а отсюда, возможно, и ослабление их антисоветской линии»[2].

ОГПУ в отчете за февраль 1925 г. докладывало высшему руководству: «Несмотря на очевидное усиление тихоновщины, положение ее в последнее время несколько осложнилось в связи с болезнью патриарха Тихона, принявшей довольно серьезный характер, так что Тихон был принужден лечь в больницу. Возможно, что на него сильно повлияла смерть его келейника Якова, убитого во время налета на Донской монастырь. Опасаясь развала церкви в случае его смерти, видные тихоновцы принимают в настоящее время все меры к тому, чтобы создать синод, по возможности легализовав его, и который мог бы заменить Тихона в управлении церковью»[3].

Создание Синода было инспирировано ОГПУ для отстранения от власти Патриарха Тихона. 28 февраля Патриарх передал

---

[1] *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке: Дис. ... канд. богословия. МДА. 2009. С. 74.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 309–310.

[3] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 3, ч. 1. С. 109.

Е. А. Тучкову обращения в СНК СССР и НКВД СССР с заявлением о регистрации при нем временного Священного Синода: «В целях благоустроения церковной жизни и для управления Русской Православной Церковью я, неоднократно, входил с ходатайствами в подлежащие Гражданские Учреждения о регистрации при мне Священного Синода.

И ныне, в тех же целях, я намерен организовать, как исполнительный при мне орган, СВЯЩЕННЫЙ СИНОД, в состав которого временно, впредь до созыва, на что будет испрошено разрешение Советской Власти, Всероссийского Собора и до избрания последним как исполнительного органа, так и членов оного, имеют войти следующие лица: Я, как Патриарх и Председатель; 2) Нижегородский Митрополит Сергий (СТАРОГОРОДСКИЙ); 3) Уральский Митрополит Тихон (ОБОЛЕНСКИЙ); 4) Тверской Митрополит Серафим (АЛЕКСАНДРОВ); 5) Крутицкий Митрополит Петр (ПОЛЯНСКИЙ); 6) Херсонский епископ Прокопий (ТИТОВ); 7) временно Управляющий Самарской епархией епископ Мелитопольский Сергий (ЗВЕРЕВ)»[1].

Это заявление, направленное Е. А. Тучкову, Патриарх сопроводил запиской на имя начальника 6-го отделения ОГПУ: «Прошу Вас оказать должное содействие к организации и регистрации при мне Священного Синода, дав и отзыв о безпрепятственности включения в состав оного указанных лиц. <...> Вместе с тем прошу оказать должное содействие к безпрепятственному выезду на места своего служения тех архиереев, кои ныне проживают в Москве и кои доселе, по тем или иным обстоятельствам, не имеют возможности жить в своих городах, управляя епархиями и викариатствами»[2]. Патриарх просил Е. А. Тучкова, согласно их договоренности, содействовать регистрации Синода[3], обещая выполнить его требования издать «декларацию» о лояльности и инструкцию для местных архиереев: «По организации и регистрации Священного Синода – последним, во главе со мной, будет издана декларация об отношении Церкви и ея служителей к Советской Власти, как Инструкция на местах для епископов»[4]. Таким образом, Патриарх считал,

---

[1] Следственное дело... С. 396.
[2] Там же. С. 397–398.
[3] Там же. С. 396–397.
[4] Там же. С. 397.

что обращение к верующим должно быть выработано Синодом, а не только Патриархом.

Одновременно Патриарх подал Е. А. Тучкову записку о предоставлении помещения для Синода: «Прошу Вас оказать должное содействие в отводе мне помещения при Богоявленском монастыре, или какого либо другого здания, но расположенного ближе к Центру, так как и для меня, по состоянию моего здоровья, и для организуемого мною Синода необходимо соответствующее помещение»[1].

Документы отражают результат договоренностей между Патриархом Тихоном и Е. А. Тучковым при посредничестве митрополита Петра, достигнутых в феврале 1925 г. Эти документы были необходимы, как в свое время заявление от 15 июня 1923 г. для принятия решения об освобождении Патриарха из больницы, когда в июне 1923 г. Патриарх почти 20 дней находился в одной из правительственных больниц.

О приездах Е. А. Тучкова к Патриарху в больницу рассказывала Э. Бакунина: «Когда Тучков приходил к нему, Патриарх отсылал других. Один раз он рассказал, что Тучков предложил ему уйти на покой и поехать куда-нибудь на юг. Патриарх ответил: „На покой, у меня еще будет достаточно времени, чтобы полежать. Теперь надо работать“»[2]. Е. А. Тучков уже отправил на юг бывшего главу обновленческого Синода «митрополита» Евдокима (Мещерского), где тот умер в безвестности в 1935 г. Несмотря на отказ Патриарха покинуть свой пост, Тучков надеялся лишить его полномочий с помощью создаваемого Синода.

Очевидно, в день написания трех вышеуказанных документов, т. е. 28 февраля, в субботу, Патриарх покинул больницу и вернулся в свое помещение в Донском монастыре. Здесь, в Донском монастыре, 28 февраля или 1 марта, т. е. в последние дни перед началом первой недели Великого поста, Патриарх написал свой вариант «Декларации». Слова послания отражают этот момент: «Ныне Мы, с милостию Божией оправившись от болезни, вступая снова на служение Церкви Божией...»[3].

---

[1] Следственное дело... С. 396.

[2] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 117.

[3] Акты... С. 362.

В подписи проекта послания Патриарха Тихона был указан именно Донской монастырь. В ГПУ с этой подписи была сделана факсимильная копия, которая впоследствии в газетах использовалась для доказательства подлинности «Завещательного послания». Это объясняет, почему в подписи указан Донской монастырь, в то время как после 5 марта и до своей смерти Патриарх находился в больнице на Остоженке.

Отправив Е. А. Тучкову документы о будущем Синоде и проект «Декларации», Патриарх посвятил все время великопостным богослужениям. С понедельника по четверг первой седмицы Великого поста (2–5 марта) Патриарх совершал чтение канона в Донском монастыре. Врач Э. Бакунина сообщала: «В великий пост он целых пять дней провел в монастыре и служил каждый день»[1]. Согласно Богослужебному дневнику, действительно первые пять дней марта Патриарх служил ежедневно.

> 1 марта, в Прощеное воскресенье, Патриарх совершил литургию в храме священномученика Ермолая на Козьем болоте у Патриарших прудов; вечерню с чином прощения – в Донском монастыре.
> 2 и 3 марта, в понедельник и вторник, Святейший Патриарх читал на великом повечерии канон святителя Андрея Критского (мефимоны) в Донском монастыре.
> 4 марта, в среду, совершил литургию Преждеосвященных Даров в Донском монастыре; вечером читал на великом повечерии канон святителя Андрея Критского в Донском монастыре.
> 5 марта, в четверг, Патриарх служил великое повечерие с каноном святителя Андрея Критского в Донском монастыре[2].

В это же время Е. А. Тучков и члены АРК изучали проект представленной Патриархом Тихоном «Декларации». Документ вызвал крайнее неудовольствие Е. А. Тучкова. Вероятно, проект «Декларации» было поручено изучить одному из членов АРК, скорее всего главе 5-го («ликвидационного») отдела Наркомата юстиции П. А. Красикову, изучавшему также документы, подготовленные к Собору митрополитом Сергием. Текст Патриарха вызвал возмущение П. А. Красикова. По его словам, в тексте

---

[1] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 117.
[2] Богослужебный дневник... С. 143–144.

имелось «презрительно нетерпимое отношение к самому духу Сов[етской] Власти и соврежима»[1].

В этот период Е. А. Тучков составил черновой набросок ответа на обращение Патриарха от 28 февраля, который сохранился в следственном деле. Согласно черновику, в ответ на просьбу в содействии регистрации Синода Тучков написал: «...сообщаю, что препятствий к его деятельности... в помещения[х], занимаем[ых] Вами... с моей стороны не встречается»[2]. 4 марта все письма Патриарха по указанию Тучкова были подшиты в дело[3]. Вопрос о предоставлении Патриарху нового помещения был снят с повестки дня, а сам он вынужден был возвратиться в больницу.

Главный врач больницы А. И. Бакунин писал: «До первой недели Поста в состоянии здоровья больного было отмечено заметное улучшение – отсутствие припадков, здоровый пульс и нормальное самочувствие. В начале первой недели Поста Тихон выписался на 4–5 дней из лечебницы для совершения служб в московских церквах, после чего вернулся в лечебницу очень утомленным, как со стороны сердца, так и почек»[4].

Ухудшение здоровья Патриарха произошло не столько вследствие богослужений, сколько по причине решения властей снова водворить его в больницу и невозможности вернуться к церковному управлению. Ставка ОГПУ в этот момент была сделана на фактическое лишение Патриарха полномочий с помощью нового состава Синода.

§ 5. Возвращение Патриарха в больницу и начало заседаний нового состава Священного Синода (6–10 марта 1925 г.)

После возвращения в больницу на Остоженке Патриарху была оставлена возможность служить главным образом по воскресеньям.

---

[1] Следственное дело... С. 413.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 13. Л. 63; Следственное дело... С. 398–399.

[3] Следственное дело... С. 398.

[4] Цит. по: *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 436.

> 8 марта, в Неделю Торжества Православия, Патриарх в сослужении митрополита Петра (Полянского), архиепископа Гурия (Степанова) и Прокопия (Титова) совершил литургию в храме святителя Николая Чудотворца в Песках на Арбате. Во время литургии Патриарх рукоположил архимандрита Амфилохия (Скворцова) во епископа Красноярского[1].

По словам Э. Бакуниной, в марте Патриарх выезжал на заседание Синода: «Особенно плохо он себя почувствовал после открытия заседания синода, с которого он вернулся только поздно вечером»[2]. Из этого можно сделать вывод, что по крайней мере одно заседание Синода в новом составе состоялось, оставив у Патриарха тягостное впечатление. Вероятно, заседание Синода было на второй неделе Великого поста, с 9 по 12 марта, когда Патриарх не служил[3].

В заседании должны были принимать участие архиереи из списка, представленного Патриархом 28 февраля 1925 г. Полагаем, что к этому заседанию все находились в Москве. Так, по данным жизнеописателя епископа Сергия (Зверева), последний с конца 1923-го до начала 1925 г. жил в Москве[4]. Епископ Прокопий (Титов) упомянут среди сослужителей Патриарха 8 марта 1925 г. Есть основания полагать, что и митрополит Сергий (Страгородский) приехал в Москву для работы в Синоде.

Еще в декабре 1924 г. местным органам ОГПУ стало известно, что в 1925 г. в Нижнем Новгороде митрополит Сергий организовал для верующих «марксистский кружок». В «Обзоре», составленном в ОГПУ для высшего руководства страны в начале 1925 г., отмечалось: «Как особенно интересный факт в этой области следует отметить марксистский кружок для попов и молодежи, организованный в г. Нижнем Новгороде митрополитом Сергием, ставящим своей задачей критику марксизма как учения в целом»[5]. Это сообщение основывалось на данных осведомителя ОГПУ, который 22 декабря 1924 г. сообщал: «Организован кружок духовенства, имеющий своей целью изучение апологетической

---

[1] *Дамаскин (Орловский), игум.* Амфилохий (Скворцов) // Православная энциклопедия (далее: ПЭ). М., 2001. Т. 2. С. 195–197.

[2] Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 117.

[3] Богослужебный дневник... С. 144.

[4] *Доненко Н., прот.* Наследники Царства. Симферополь, 2004. С. 186–187.

[5] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 3, ч. 1. С. 108.

литературы на предмет опровержения состоятельности марксизма как учения и борьбы с атеизмом»[1]. Первое собрание состоялось на квартире протоиерея Михаила Пылаева 10 декабря 1924 г. На втором собрании 5 января 1925 г., на котором присутствовал митрополит Сергий, была заслушана лекция «Марксистский материализм» выпускника Санкт-Петербургского университета. Собрания, целью которых была выработка линии противостояния атеистической пропаганде, состоялись 15 января, 5 и 26 февраля. На них также присутствовал митрополит Сергий[2]. По данным игумена Дамаскина (Орловского), вечером 26 февраля «все участники лекций были арестованы сотрудниками ОГПУ и заключены в нижегородскую тюрьму»[3]. Их будущее могло зависеть от поведения митрополита Сергия, который, вероятно, выехал в Москву. Важно, что сотрудники нижегородского ОГПУ получали по этому делу указания Е. А. Тучкова из Москвы[4]. 27 марта все арестованные были освобождены[5]. Указание игумена Дамаскина на то, что 28 марта 1925 г. митрополит Сергий совершил в Нижнем Новгороде хиротонию епископа Онисима (Пылаева)[6], ошибочно. Хиротония была совершена 28 марта 1926 г.[7] Протоиерей Михаил Пылаев, несмотря на серьезные обвинения, получил «–6», т. е. запрет на проживание в шести крупнейших городах в течение трех лет[8]. Сам митрополит Сергий по этому делу репрессирован не был, поэтому в марте 1925 г. мог находиться в Москве, а арест близких к нему священников мог быть использован для давления на него.

Существуют также косвенные свидетельства пребывания в Москве митрополита Серафима (Александрова). В архиве Белокриницкой митрополии имеется документ со свидетельством митрополита Тверского Серафима от 20 марта 1925 г., в котором говорится, что «бывший викарий Саратовской епархии Епископ Балашевский Николай (Позднев), соборным постановлением

---

[1] Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). Тверь, 2005. Февраль. С. 270–271.

[2] Там же. С. 271.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 272.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 273.

[7] *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке. С. 69 (со ссылкой на послужной список еп. Онисима от 23 июля 1926 г.).

[8] Жития новомучеников и исповедников Российских, XX в. С. 273.

14-ти архиереев во главе с Патриархом Тихоном был осужден и запрещен в священнослужении, как уклонившийся в обновленчество, еще в июле 1923 года»[1].

Как свидетельствовала Э. Бакунина, Патриарх вернулся с заседания Синода, которое по логике ее повествования состоялось вскоре после богослужений первой недели Великого поста либо в Донском монастыре, либо в Сокольниках, очень расстроенным: «И наблюдения и исследования показывали, что в состоянии его здоровья произошло ухудшение, и значительное: плохая деятельность почек, постоянная усталость и недомогание. Особенно плохо он себя почувствовал после открытия заседания Синода, откуда он вернулся поздно вечером. Как нам рассказывали, на патриарха угнетающе подействовала создавшаяся там обстановка. Он почувствовал себя совершенно одиноким, так как всех близких ему людей, на которых он надеялся опереться, своевременно удалили из Москвы»[2]. Столь угнетающе на Патриарха подействовало то, что члены нового Синода, по крайней мере из числа митрополитов, стремились к выполнению условий, поставленных перед ними властью, т. е. к принятию декларации о лояльности. Не исключено, что, как и в 1923 г., на заседании был поставлен вопрос об удалении Патриарха Тихона на покой. Э. Бакунина не упоминает о новых выездах Патриарха на заседания Синода до последнего дня его жизни.

Данные, приведенные протопресвитером В. Виноградовым о том, что Патриарх выезжал на заседание Синода в день своей смерти, выглядят недостоверными. Сам Виноградов не был в то время в Москве, а Э. Бакунина, подробно описавшая события последних дней жизни Святейшего, не упоминает об этом. Протопресвитер В. Виноградов писал: «...Тучков в последние месяцы жизни патриарха снова с самой решительной настойчивостью повел атаки на Священный Синод, с целью заставить его добиться у патриарха... желательного ему акта в форме соответствующего послания [объявления себя сторонником советской власти, с одной стороны, и согласия на заочный суд и осуждение заграничной русской иерархии – с другой. – *Авт.*]. Насколько ультимативно и настойчиво немедленно требовал этого Тучков в по-

[1] http://www.vsesmi.ru/news/423342/971843.

[2] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 379.

следние дни жизни патриарха, достаточно свидетельствует тот... факт, что больной патриарх в самый день своей смерти, и притом в великий праздник Благовещения, был принужден поехать на экстренное заседание Священного Синода, созванное... специально для выработки проекта соответствующего послания»[1]. Это сообщение должно быть отнесено к заседанию Синода, которое состоялось на второй неделе поста.

Митрополит Агафангел (Преображенский) знал от Е. А. Тучкова, что «Завещание» редактировалось в присутствии четырех архиереев. Митрополит Агафангел рассказывал: «Мне Евг[ений] Алекс[андрович] (Тучков) говорил, что писалось оно в присутствии 4 епископов, даже указывал[,] кто писал: Новочеркасский и Донской... не помню. У меня где-то было записано, но сейчас не найду – все разбросано»[2].

Новочеркасским и Донским архиепископом был Митрофан (Симашкевич), вошедший в декабре 1925 г. в состав ВВЦС. В 1919–1920 гг. он возглавлял Временное высшее церковное управление на Юго-Востоке России, находившееся на территории, контролировавшейся войсками генерала А. И. Деникина[3]. Это обстоятельство, возможно, было использовано ОГПУ для того, чтобы заставить владыку выполнять необходимые властям указания. В 1925 г. ему было уже 80 лет, с 1922 по 1925 г. он находился в ссылке в Нарымском крае[4].

§ 6. Патриарх Тихон и митрополит Петр (Полянский) (11–20 марта 1925 г.)

Несмотря на попытку Синода навязать Патриарху Тихону неприемлемые для него решения, Святейший продолжал управлять Церковью с помощью митрополита Петра (Полянского).

---

[1] *Виноградов В. П., протопресв.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 33–34.

[2] Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника. М., 2006. С. 259.

[3] *Римский С. В., Багдасарова Ж. Р.* Временное Высшее Церковное управление на Юго-Востоке России // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 508.

[4] *Крячко Н., свящ.* Учреждение Временного Высшего церковного управления на Юго-Востоке России в 1919 году // Вестник церковной истории. 2008. № 1 (9). С. 11.

Как указывалось выше, митрополит Петр начал посещать в больнице Патриарха с начала февраля, причем, по свидетельству Э. Бакуниной, эти посещения были почти ежедневными: «...Нелегко было оберегать патриарха и от других посетителей, в особенности от приходивших к нему по делам Церкви – от митрополита Петра Крутицкого и других. Только две первые недели нам удавалось ограничивать их визиты, часто вопреки просьбам самого больного. Позже, когда он немного оправился и особенно когда он стал выходить, эти визиты были ежедневными и явно для него утомительными»[1]. В воспоминаниях она еще раз повторяет эту мысль: «На третью неделю пребывания в лечебнице он уже ежедневно принимал Петра Крутицкого, своего ближайшего помощника... Эти визиты всегда его очень утомляли»[2]. У Бакуниной в целом сложилось негативное впечатление о митрополите Петре: «Петра Крутицкого патриарх, по-видимому, не очень долюбливал, хотя в приеме ему никогда не отказывал. Это был высокий, тучный, пышноволосый, грубоватый и довольно неприятный в общении человек. Говорили, что патриарх недолюбливал его за то, что он слишком настойчиво добивался перед ним поста московского митрополита и почти вынудил у патриарха это назначение. Петра Крутицкого монашек пускал часто без разрешения, как и других архиереев. Бороться с этим нарушением предписанного режима было очень трудно, сам же патриарх не протестовал и не жаловался»[3]. Речь здесь идет не о завещании от 7 января 1925 г., как считал протопресвитер М. Польский[4], а о назначении митрополита Петра управляющим Московской епархией после ареста архиепископа Илариона в 1923 г., который был гораздо более близок к Патриарху, чем митрополит Петр.

Несмотря на то что впечатления Бакуниной субъективны, отношения Патриарха и митрополита Петра не стоит идеализировать. В этот период митрополит Петр часто общался с Е. А. Тучковым, пытаясь убедить Патриарха пойти на компромисс с властью. Сам митрополит Петр говорил на допросе после своего ареста: «Простите за откровенность, – к человеку, который часто

---

[1] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 377.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Ч. 1. С. 115.

сносится с ГПУ, народ доверия не питает. Наши, например, с митрополитом Серафимом Тверским при Патриархе Тихоне частые посещения ГПУ истолковывались далеко не в нашу пользу, а митрополита Серафима народная молва прозвала даже „Лубянским митрополитом". И я замечал, что в начале моего управления Церковью многие сторонились меня»[1].

Механизм принятия решений в эти месяцы помогают понять документы, связанные с рукоположением обновленческого священника из Гомельской епархии. 20 марта 1925 г. нареченный во епископа Гомельского архимандрит Тихон (Шарапов) написал митрополиту Петру прошение о рукоположении обновленческого священника. Однако резолюцию на прошение наложил Патриарх: «20 марта 1925. Представить к рукоположению в церкви Сорока Мучеников»[2].

11 марта 1925 г. епископ Варлаам (Пикалов) был назначен епископом Каширским, викарием Московской епархии[3], хотя ранее это викариатство относилось к Тульской епархии. Епископ Варлаам, ранее отказывавшийся от назначения на кафедру, вскоре после этого назначения был арестован. Хотя документы о его назначении не выявлены, есть основания полагать, что инициатором этого назначения был Патриарх Тихон.

В феврале или марте 1925 г. жители г. Воткинска жаловались Святейшему Патриарху Тихону на «зазорное поведение еп[ископа] Иоанна [Братолюбова]», в доме которого жили монахини. Епископ Иоанн был вызван в Москву и давал объяснения Патриарху, указав при этом, что монахини живут отдельно и поэтому зазорного ничего быть не может[4].

15 марта, в воскресенье, Патриарх в сослужении епископа Николая (Никольского) совершил литургию в Зачатьевском монастыре.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 121 об.; *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 489.

[2] Акты... С. 357.

[3] *Васильева Н. Ю.* Варлаам (Пикалов), архиеп. // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 596.

[4] *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке. С. 67.

§ 7. Попытка привлечения Патриарха и митрополита Петра к делу о шпионаже (21 марта 1925 г.)

В начале марта 1925 г. Е. А. Тучков докладывал руководству Секретного отдела ОГПУ об «агентурных разработках на монархистов, имеющихся в 6-м отделении СООГПУ»: «Группа правых церковников, подготовлявшаяся к новому антисоветскому выступлению церкви на Вселенском соборе. Участники в ней – патриарх Тихон, митрополит Полянский Петр, профессор церковник Попов, дочь б[ывшего] адмирала Невахович, баронесса Мейендорф, графиня Олсуфьева, б[ывший] секретарь Синода Гребинский, графиня Бобринская и др. Группа приготовила ряд материалов для антисоветского выступления на предстоящем в мае месяце в Иерусалиме соборе. Имела отношения шпионского характера с АРА сами и с представителями Англии, которым передавала сведения о положении церкви в России, о репрессиях по отношению к духовенству, о состоянии религиозного фанатизма среди отсталых масс и т. д. В виду важности ударного характера группа ликвидирована. Следствие подтвердило все изложенное»[1].

Текст доклада Е. А. Тучкова в уточненной и отредактированной форме был включен в «Список агентурных разработок[,] ведущихся 6[-м] отделением СООГПУ» от 17 марта 1925 г. Первой среди агентурных разработок названа «шпионская организация церковников. Замешаны: Тихон, митрополит Петр, архиепископ ФЕДОР, профессор церковник ПОПОВ и ряд других лиц из мирян и попов. Организация поставила целью собрать сведения о положении церкви в СССР и информировать заведомо недобросовестно заграницу путем печатных и даже личных выступлений. Последние предполагались на предстоящем вселенском соборе. Дело заканчивается следств[енной] разработкой»[2].

Связь митрополита Петра с участием в пересылке за границу списков духовенства не была доказана. На вопрос: «Посылали ли вы письмо митрополиту Петру с просьбой дать вам сведения

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 294.

[2] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 359. Л. 3 об.; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: Документы и фотоматериалы / Сост. О. Ю. Васильева М., 1996. С. 164–166.

о епископате?» – профессор МДА И. В. Попов на допросе в декабре 1924 г. ответил: «Да, посылал, но ответа не получал»[1]. В конце апреля 1925 г. И. В. Попов был вновь допрошен, но никаких сведений, компрометирующих митрополита Петра, не дал. 27 апреля ему было предъявлено обвинение, а 19 июня Особое совещание ОГПУ приговорило его к трем годам заключения на Соловках[2].

По данным Е. А. Тучкова, которые он сообщал своему руководству в марте 1925 г., «не довольствуясь антисоветской деятельностью в пределах СССР, московские тихоновцы пытались перенести ее заграницу путем участия на предстоящем Вселенском соборе[,] к чему велась соответствующая подготовка, путем сбора сведений о репрессиях[,] применяемых государством по отношению к церкви, систематизации этих сведений профессором Поповым и подготовке их к отправке за границу через Чехо-Словацкую миссию. В деле замешан ряд крупных церковников до Тихона включительно»[3].

В докладах Е. А. Тучкова митрополит Петр рассматривался как член «шпионской организации», которую возглавлял Патриарх Тихон. Тучков рассчитывал оказывать давление на деятельность митрополита Петра, подчеркивая, что он единственный остался в живых и на свободе из всей ликвидированной «шпионской организации».

Священник А. Мазырин отмечает, что хотя неизвестно, допрашивался ли митрополит Петр по делу о «шпионаже», он был приговорен (очевидно, на том же заседании Особого совещания при ОГПУ в июне 1925 г.) к трем годам высылки в Киркрай (Казахстан)[4].

На завершающем этапе следствия, после допросов «членов шпионской организации» – арестованных в декабре 1925 г. архиепископа Феодора (Поздеевского) и профессора И. В. Попова, 21 марта 1925 г. был впервые допрошен и сам Патриарх. К этому времени он уже вышел из больницы и довольно часто совершал богослужения в различных храмах Москвы. Патриарха допрашивал помощник Е. А. Тучкова М. Д. Соловьев. Допрос был

---

[1] Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Январь. С. 350.

[2] Там же. С. 352.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 48.

[4] *Мазырин А. В.* Патриарший Местоблюститель Петр (Полянский) и советская власть: Причины конфликта в 1925 г. // Российская история. 2010. № 1. С. 147.

оформлен на бланке протокола допроса СО ГПУ самим Соловьевым. Обвинения, которые планировалось предъявить Патриарху, уже были выработаны Тучковым и отражены в цитированных выше докладах.

О том, что допрос проходил в больнице, свидетельствовала Э. Бакунина: «В больницу приходил и следователь ГПУ и долго расспрашивал Патриарха»[1]. Причем Патриарх был заранее уведомлен о приходе следователя: «Перед визитами Тучкова и следователя патриарх волновался, но старался шутить, говорил: „Вот завтра приедет ко мне 'некто в сером'“»[2].

Допрос был оформлен на бланке протокола допроса СО ГПУ самим Соловьевым. Вопросы касались дела арестованного в декабре 1924 г. окружения Патриарха. Первый вопрос касался подготовки «к 8[-му] вселенскому собору». Патриарх ответил, что не считает этот собор вселенским и подготовки к нему практически не велось. Состоялось всего одно заседание комиссии по подготовке к Собору. На Собор Патриарх предполагал послать И. В. Попова и поручил ему подготовиться ко всем вопросам, которые будут обсуждаться. По словам Патриарха, он встречался с Поповым всего один или два раза, но ГПУ было достаточно того, что Патриарх признал, что поручил Попову подготовиться к Собору, а значит, можно было представить Патриарха как организатора якобы планировавшегося на Соборе «антисоветского выступления».

Второй вопрос касался попавших в руки ОГПУ списков архиереев. В них говорилось также о преследованиях, которым подвергались эти епископы. Часть списков имеется в следственном деле. Списки составлены в алфавитном порядке и включают имена 65 епископов. Последним в списках, имеющихся в следственном деле, значится имя епископа Григория (Козырева)[3]. Остальная часть списков в деле отсутствует. Соловьев спросил у Патриарха, кто ему принес эти списки. Патриарх ответил, что списки ему принес Николай Кирьянов*[8]. Следствие интересовало, давал ли Патриарх согласие на публикацию этих списков в заграничной прессе, – именно это пытались инкриминиро-

---

[1] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 378.
[2] Там же.
[3] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 417–419.

вать Патриарху. Он ответил, что такого согласия не давал. Следствие также пыталось связать Патриарха с митрополитом Американским Платоном (Рождественским), который был известен как автор ряда антисоветских заявлений. Шпионскую связь с заграницей, по мысли ГПУ, Патриарх осуществлял через представителей Американской секции Европейской студенческой помощи Колтона, Чарнеля и Кинея. Именно их визитам к Патриарху был посвящен последний вопрос, заданный на этом допросе. Патриарх ответил, что они посетили его всего два или три раза.

Очевидно, в день допроса Патриарха М. Д. Соловьев начал оформлять постановление об избрании ему меры пресечения. Патриарху вменялось в вину то, что он «составлял сведения о репрессиях, применяемых Совластью по отношению церковников, пользуясь сведениями из недостаточно верных источников, имел целью дискредитировать Совласть»[1]. Это «преступление» якобы было «установлено следствием».

Абсурдность этого обвинения очевидна. Вся вина Патриарха заключалась в том, что у него имелись списки архиереев, проживающих в России, где рядом с именами некоторых епископов было обозначено, в каких местах лишения свободы находился или находится тот или иной епископ. Причем в имеющихся в деле списках, где обозначено 65 епископов, подобные сведения приведены только о 27. Сведения приведены как констатация фактов, и никакой антисоветской информации в них не содержится. То, что тот или иной епископ сослан или находится в тюрьме, не было секретом для верующих. Наличие таких списков у Патриарха не могло являться преступлением ни с какой точки зрения, включая и советское законодательство.

Кроме того, Патриарх обвинялся по ст. 73 УК СССР «Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти, дискредитировать ее».

Это преступление каралось лишением свободы на срок не менее шести месяцев. Обвинения в сотрудничестве с заграницей в постановление внесены не были – очевидно, потому, что М. Д. Соловьев понимал их недоказанность.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 23. Л. 15–15 об.; Следственное дело... С. 402.

На постановлении не было точной даты, а только «марта 1924 г.». Не заполнена была и графа об избрании меры пресечения. М. Д. Соловьеву предстояло согласовать эти вопросы с руководством, но судить Патриарха за шпионаж с вытекающим отсюда суровым приговором в условиях «религиозного нэпа» 1925 г. было нереально. Однако у ОГПУ имелись другие способы устранения неугодных лиц.

Не заполнена и графа об избрании меры пресечения. В ОГПУ надеялись, что Патриарх все-таки согласится с их вариантом декларации.

В следственном деле не имеется материалов, на основании которых Патриарх мог быть обвинен в шпионаже. Однако из постановления Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 19 июня 1925 г. известно, что существовало «дело № 32530 по обвинению гр. Белавина Василия Ивановича по 59 и 73 ст. УК». Согласно этому постановлению, названное дело ввиду смерти Патриарха было прекращено и сдано в архив[1].

59-я статья УК, по которой обвинялся Патриарх, включала в себя «сношение с иностранными государствами или их отдельными представителями с целью склонения их к вооруженному вмешательству в дела Республики, объявлению ей войны или организации военной экспедиции». Разумеется, никакой шпионской деятельности Патриарх не вел и документы эти не могли быть достоверными. Возможно, поэтому они были впоследствии изъяты и не сохранились в следственном деле.

Таким образом, в этот период ОГПУ готовилось предъявить Патриарху обвинения в шпионаже. Согласно действующему на тот момент уголовному законодательству, это преступление в качестве меры наказания предполагало расстрел. Вряд ли ОГПУ планировало организовать новый процесс против Патриарха, целью было давление на Святейшего с целью принятия им условий, выдвигаемых Е. А. Тучковым.

> 21 марта, в субботу, в день допроса следователем, Патриарх совершил вынос Креста в храме Воскресения Христова на Остоженке, недалеко от больницы Бакуниных[2].

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 23. Л. 26.

[2] Богослужебный дневник... С. 144.

§ 8. Деятельность Патриарха Тихона в последние дни жизни (22 марта – 6 апреля 1925 г.)

22 марта 1925 г. была совершена хиротония архимандрита Тихона (Шарапова) во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии[1]. Хиротонию совершал Патриарх Тихон в сослужении митрополита Петра (Полянского) и епископа Иннокентия (Бусыгина) в храме апостолов Петра и Павла у Преображенской заставы.

В напутственном слове Патриарх сказал: «Возлюбленный во Христе собрат, преосвященный епископ Тихон! Приветствую тебя с благодатью архиерейства. Промышлением Божиим твоя хиротония совпала с поклонением Кресту Господню и с памятью сорока мучеников и совершена в их святом храме, в день их страданий. Все это как бы предуказует, что предстоящий тебе путь святительского служения в исключительно трудных условиях есть путь крестный и мученический. И может быть, твое сердце трепещет и смущается... Мужайся! Благодать Святаго Духа и сила крестная укрепят тебя! Взирай на твердость мучеников Христовых и их примером воодушевляйся на предстоящий тебе подвиг. Приими из рук моего недостоинства сей архипастырский жезл, и да послужит он тебе опорою в предстоящих трудах! Взыди на сию священную высоту и преподай свое святительское благословение людям Божиим»[2].

24 марта Патриарх подписал Послание о пределах канонической юрисдикции Варшавского митрополита. В Послании говорилось:

«Божиею милостию Патриарх Московский и всея России смиренный Тихон.

Во всеобщее сведение Преосвященных архипастырей, досточтимых пастырей и верных чад патриаршей области Нашей по вопросу о пределах канонической юрисдикции покойного Варшавского митрополита Георгия [Ярошевского] объявляем нижеследующее:

---

[1] *Цыпин В., прот.* Русская Церковь, 1917–1925. М., 1996. С. 310.

[2] Цит по: Там же.

1) Покойный митрополит Георгий, назначенный Нами на Варшавскую кафедру в январе 1922 г., был лишь епархиальным архиереем Варшавской епархии с почетным титулом митрополита, каковой титул предоставлен Нами покойному, согласно пожеланию правительства польского, выраженному через г. посла.

2) Покойный митрополит Георгий не был „митрополитом всея Польши", т. е. канонической юрисдикции областного митрополита покойный не имел, так как „Положение о Высшем управлении Православною Церковью в Польском Государстве", выработанное при Патриархии Московской и своевременно посланное Нами на отзыв польского правительства, последним до сих пор не возвращено и отзыва с его стороны по содержанию „Положения" не воспоследовало, по каковой причине упомянутое „Положение о Высшем Церковном управлении в Польском Государстве" окончательного утверждения Нашего не получило и в законную силу не вошло»[1].

В одной из копий акта есть запись епископа Тихона (Шарапова): «Сей Акт написан мною, мною же представлен к подписи Патриарха и, по подписании, послан в Польшу на имя сенатора Богдановича В. В.»[2]. Датировка М. Е. Губонина – 6 апреля 1925 г. – неверна, так как епископ Тихон в это время уже отсутствовал в Москве, а на Патриарших документах даты ставились по новому стилю.

25 марта Патриарх Тихон предпринял попытку уврачевать «Лубенский раскол».

В этот день было написано патриаршее послание на имя епископа Полтавского Григория (Лисовского), в котором Патриарх предлагал епископу Феофилу (Булдовскому) раскаяться в своих антиканонических деяниях, воздержаться от священнослужения и явиться для объяснения с отзывом о нем правящего архиепископа не позднее чем через месяц. В послании содержалось предупреждение, что если он не явится в указанный срок, то суд над ним будет произведен заочно.

30 марта появился указ Патриарха Тихона епископу Тихону (Шарапову) о принятии на себя духовного попечения «о членах Православной Русской Церкви в Польше, сохранивших верность

---

[1] Акты... С. 359–360.
[2] Там же. С. 756.

Московскому Патриаршему Престолу». Епископ Тихон (Шарапов) по распоряжению Патриарха встречался с Е. А. Тучковым[1]. Это еще раз доказывает, что все решения, касающиеся Польши, согласовывались с властями. 16 мая 1925 г. епископ Тихон был арестован в Гомеле[2].

С конца марта давление на Патриарха с целью заставить его подписать устраивающий ОГПУ вариант «декларации» продолжалось. В начале апреля «в состоянии Патриарха наступило постепенное улучшение. Он стал поговаривать, что пора ему выписаться из больницы»[3]. 1 апреля он занимался текущими делами церковного управления. Сохранилась его резолюция, касающаяся соблазнительной жизни епископа Иоанна (Братолюбова): «1 апреля 1925 г. Еп[ископ] Иоанн говорил, что монашки Тобольские живут в отдельной от Архиерея квартире. Теперь доносят, что они все время находятся в квартире епископа, что вносит соблазн в церковную жизнь! Если это так, то немедленно устранить это. Патриарх Тихон»[4].

Возвращение Патриарха к церковному управлению, тем более выписка из больницы в планы ОГПУ никак не входили.

Протопресвитер Михаил Польский, впоследствии оказавшийся за рубежом, сообщал, что Патриарх Тихон в последние недели жизни все больше склонялся к отказу от любых уступок власти. В книге протопресвитер Михаил приводит свидетельство епископа Максима (Жижиленко), во время пребывания Патриарха в больнице бывшего доктором и общавшегося с Патриархом: «По словам Владыки Максима, св[ятейший] Патриарх доверял ему самые затаенные мысли и чувства. Так[,] например, в одной из бесед, Святейший патриарх Тихон высказал владыке Максиму (тогда еще просто доктору) свои мучительные сомнения в пользе дальнейших уступок советской власти. Делая эти уступки, он все более и более с ужасом убеждался, что предел „политическим“ требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви. Незадолго же до своей кончины Святейший Патриарх высказал мысль о том,

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 9.

[2] Там же. Л. 5.

[3] *Москвичка*. Свет России. С. 20.

[4] Цит. по: *Малых А., свящ.* История Ижевской и Удмуртской епархии в XX веке. С. 67.

что по[-]видимому единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу – будет в ближайшем будущем уход в катакомбы. Поэтому Патриарх Тихон благословил профессору доктору Жижиленко принять тайное монашество»[1]. Хотя эта история многими исследователями ставится под сомнение, однако жесткая позиция Патриарха в отношении требований власти, занятая в последние недели жизни, вполне укладывается в версию, приведенную протопресвитером М. Польским.

2 апреля Патриарху была сделана операция по удалению нескольких зубов из нижней челюсти, после чего его общее состояние ухудшилось.

> 3 апреля, в пятницу, накануне Субботы Акафиста, которая также носит название «Похвала Пресвятой Богородицы», Патриарх совершил утреню в Донском монастыре[2], в соборе в честь Похвалы Пресвятой Богородицы, построенном в 1591–1593 гг.

После почти месячного перерыва Патриарх вновь имел возможность посетить Донской монастырь для того, чтобы прославить Пресвятую Деву. Вероятно, Патриарх сам читал акафист. После этого он жаловался на сильные боли в горле. Э. Бакунина писала: «Ему было больно не только глотать, но и говорить»[3].

Епископ Тихон (Шарапов), согласно анкете, заполненной им при аресте в мае 1925 г., 3 апреля 1925 г. был выслан из Москвы, где находился с января 1925 г., и выехал в Гомель[4]. Срочная высылка епископа, часто бывавшего у Патриарха в больнице, могла быть связана с ожидаемой кончиной Патриарха.

> 5 апреля, в Неделю 5-ю Великого поста, в храме «Большое Вознесение» у Никитских ворот Патриарх в сослужении сонма архиереев совершил последнее в своей жизни богослужение и хиротонию Сергия (Никольского) во епископа Ефремовского, викария Тульской епархии.

---

[1] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Джорданвилль, 1957. Ч. 2. С. 21.

[2] Богослужебный дневник... С. 144.

[3] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 379.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 11.

В напутственном слове новому епископу он сказал: «Архиерейство – великая честь, но с ним связаны и великие страдания. Чрез страдания же – к небесной славе!..»[1]. Вернулся Патриарх в больницу очень утомленным.

В тот же день состоялся консилиум врачей по поводу проблем с горлом. Э. Бакунина писала: «Опасаясь каких-нибудь осложнений, мы пригласили на консультацию врачей-специалистов по горлу – профессора С., доктора Г. Строго говоря, это местное заболевание было настолько пустяшным, что к консультации мы прибегли только потому, что это был патриарх Тихон. Врачи не нашли ничего серьезного и предписали покой и лечение ингаляциями и полосканиями. Крайняя слабость патриарха объяснялась общим тяжелым состоянием и крайним нервным утомлением. Правда, за три месяца пребывания в лечебнице у него не было припадков грудной жабы, но организм был совершенно расстроен, и надеяться было можно лишь на некоторое продление его жизни, а не на излечение»[2]. Ранее врачи не оценивали состояние Патриарха столь безнадежно.

6 апреля проблемы с горлом вызвали необходимость нового консилиума: «Так как патриарх продолжал жаловаться на горло, мы вторично созвали консультацию специалистов, причем все врачи подтвердили, что в этой области ничего опасного и серьезного нет»[3].

§ 9. Последний день жизни Патриарха Тихона и обстоятельства его кончины (7 апреля 1925 г.)

Новое ухудшение состояния здоровья Патриарха заставило руководителя 6-го отделения торопить Святейшего с подписанием новой редакции послания.

Ранее мы подробно рассматривали вопрос, связанный с «Завещательным посланием» Патриарха Тихона[4], и пришли к выво-

---

[1] Акты... С. 359

[2] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 379.

[3] Там же.

[4] *Сафонов Д. В.* К вопросу о подлинности «Завещательного послания св. Патриарха Тихона» // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 265–311.

ду, что текст послания, в том виде, в каком он был напечатан в газетах, безусловно, не был подписан Патриархом.

Вечером 7 апреля медсестра впрыснула Патриарху морфий[1]. Это средство, особенно при передозировке, вызывает летальный исход. 7 апреля 1925 г. в 23 часа 45 минут Святейший Патриарх Тихон скончался.

Настоятель московского храма Илии Пророка в Обыденском переулке о. Александр Толгский († 1962) сообщал следующее: «После признаний, сделанных мне во время исповеди одной из врачей больницы Бакунина, у меня нет ни малейших сомнений в том, что патриарх Тихон был отравлен»[2]. По свидетельству епископа Максима (Жижиленко), который во время нахождения Патриарха в больнице, будучи доктором, общался со святителем, он был «несомненно отравлен»[3].

А. Полозов, сын келейника Патриарха Якова Полозова, утверждал: «От людей, которые были близки к Патриарху, стало известно, что, за несколько дней до смерти Святейшему, в связи с зубной болью, была введена (скорее всего умышленно) двойная доза лекарства, что ускорило его кончину»[4]. Медсестра, которая ввела лекарство, впоследствии покончила жизнь самоубийством[5]. Эти сведения, сохранившиеся в семье Натальи Полозовой, часто посещавшей Патриарха в больнице, представляются вполне достоверными.

Бакунины были уверены во врачах и медсестрах, лечивших Патриарха, но стоматологическую операцию пришли делать незнакомые им медики. Сама Бакунина вспоминала: «Незадолго до смерти у патриарха разболелись зубы. Его беспокоили два корешка, и он хотел их удалить. Был приглашен к нему врач В., который и удалил ему, под новокаином, несколько корешков. После этого у него распухла десна, и опухоль распространилась к глотке»[6]. Двойная доза местного обезболивающего средства (новокаина)

---

[1] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 380.

[2] *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 448.

[3] *Andreyev I. M.* Russia's Catacomb Saints: Lives of the New Martyrs. Platina. Calif., 1982. P. 57.

[4] *Полозов А.* По благословению крестного // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого патриарха Тихона. М., 2000. № 6. С. 322.

[5] Там же.

[6] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 379.

могла дать общее осложнение на сердце и спровоцировать приступ стенокардии (или, как тогда говорили, грудной жабы). Прямое отравление ядами вызвало бы неестественную смерть, что заметили бы врачи, и могло бы последовать вскрытие. Сама Э. Бакунина была уверена в естественности смерти Патриарха. Она описывает визит некоего однофамильца Патриарха, который интересовался причиной его смерти: «Этот Беллавин явился спросить почему тело патриарха не подверглось вскрытию. Ему объяснили, что когда причина смерти вполне ясна и понятна, то вскрытия не делают, и что патриарх умер в припадке грудной жабы.

– А уверены ли вы, что у него была грудная жаба?

Ему ответили, что сомнения быть не могло. Но, кажется, это его не убедило»[1].

В газете «Известия» от 9 апреля (№ 81) в заметке «Умер бывший Патриарх Тихон» были опубликованы фамилии всех докторов, лечивших и консультировавших Патриарха, но не было фамилии доктора В., стоматолога, которого упоминает Бакунина.

Необходимо отметить, что мысль о том, что Патриарх умрет в больнице, Е. А. Тучков высказывал при первом же визите туда, в разговоре с Э. Бакуниной: «Я сказала ему, что видеть больного сейчас нельзя, так как врачами предписан ему полный покой; всякое волнение для него опасно.

– А что, разве патриарх опасно болен?

– Грудная жаба всегда опасна, а кроме того, у него болезнь почек.

– Так что, он может у вас скапутиться?

Я ответила, что при такой болезни патриарх может умереть от сердечного припадка.

– Как же вы не побоялись принять его в лечебницу? Ведь если он у вас умрет, фанатики могут обвинить вас в том, что вы способствовали его смерти»[2]. В докладах руководству Е. А. Тучков постоянно упоминал о возможности скорой кончины Патриарха.

В 1925 г. практика тайных убийств в ОГПУ стала массовой, достаточно вспомнить убийство на операционном столе 31 октября 1925 г. М. В. Фрунзе, а также закамуфлированное под самоубийство устранение в тюрьме ОГПУ 7 мая 1925 г. Б. В. Са-

[1] *Бакунина Э. Н.* Последние дни Патриарха Тихона. С. 380–381.
[2] Там же. С. 376.

винкова. Сталин и ОГПУ, тайно убивая своих врагов, пытались сохранить при этом свое реноме на Западе. Исследователь деятельности спецслужб А. Г. Тепляков приводит следующий пример. В ноябре 1925 г. глава контрразведывательного отдела одного из губернских отделений ОГПУ М. Шнеерсон направил одному из своих подчиненных записку: «Посылаю тебе мышьяк 25 грам[мов]. Им можно отравить 100–150 человек. Исходя из этого ты можешь соразмерить, сколько нужно на каждого человека»[1].

§ 10. Подготовка к похоронам Патриарха Тихона (8–11 апреля 1925 г.)

Митрополит Петр (Полянский) первым из церковных иерархов узнал о кончине Патриарха – на нем лежала обязанность организации похорон. В ночь на 8 апреля 1925 г. он был разбужен звонком из больницы Бакуниных. Митрополит Петр организовал перевозку тела Патриарха из больницы в Донской монастырь[2]. 8 апреля «„сообщение ОГПУ о смерти Тихона (патриарха)“ было доведено до сведения каждого в отдельности члена Политбюро»[3].

9 апреля митрополит Петр направил официальному главе советского государства М. И. Калинину записку о вступлении в права Местоблюстителя: «Вступая в управление Православной Русской Церковью[,] долгом почитаю, как гражданин СССР., препроводить Вам прилагаемую при сем копию акта от 7 января 1925 г., собственноручно написаннаго почившим первоиерархом Русской Православной Церкви Патриархом Тихоном, коим на случай его кончины Патриаршия права и обязанности переданы мне как Местоблюстителю Патриаршего места. Патриарший Местоблюститель Петр, митрополит Крутицкий»[4]. Письмо было направлено главе секретариата по делам культов при Председателе ВЦИК П. Г. Смидовичу, что явствует из пометы на бланке

---

[1] Цит. по: *Тепляков А. Г.* Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М., 2007. С. 80.

[2] Там же.

[3] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний (1919–1952 гг.): Каталог: В 3-х т. М., 2001. Т. 1. С. 374.

[4] Архивы Кремля. Кн. 2. С. 454.

письма. Таким образом, еще до архиерейского совещания, состоявшегося 12 апреля 1925 г., митрополит Петр называл себя Местоблюстителем. В сводке наблюдений за Донским монастырем, составленной в ОГПУ 10 апреля, сообщалось, что, по слухам, «кандидатом на место Тихона намечают Кирилла*[9], который сослан в Соловки, т. к. они ждут его возвращения»[1]. Таким образом, преемство митрополита Петра, по крайней мере для церковного народа, на этот момент не было очевидным – более того, ждали возвращения митрополита Кирилла. Это подтверждается и в рапорте уполномоченного ОГПУ по Замоскворецкому району, где указывалось: «Слышны были разговоры, что якобы хотят поставить на престол Кирилла»[2].

В сводке наблюдений за 11 апреля отмечалось: «В 10 ч[асов] 30 мин[ут] в монастырь приехал митрополит Петр, который выйдя из церкви пошел в квартиру „Тихона“»[3]. Приезд митрополита Петра в Донской монастырь впервые был зафиксирован наружным наблюдением 8 апреля, когда он ночью или утром доставил тело Патриарха из больницы Бакуниных, а затем принял участие в панихиде по Патриарху. Записка митрополита Петра М. И. Калинину осталась неизвестной для архиереев, иначе на нее обязательно бы ссылались в полемике о преемстве Патриаршего престола 1920-х годов.

Присутствие в Москве митрополита Сергия (Страгородского) в этот момент подтверждается источниками. Биограф митрополита Сергия архимандрит Тихон (Затекин) пишет о том, что, находясь в Нижнем Новгороде и узнав о смерти Патриарха, «митрополит Сергий незамедлительно выехал в Москву на похороны Святейшего»[4]. Однако служение митрополита Сергия во время панихиды через несколько часов после смерти Патриарха доказывает, что накануне смерти Патриарха он уже находился в Москве.

8 апреля в Донском монастыре была совершена панихида по Патриарху Тихону.

---

[1] «Политических разговоров не замечено»: Дело «Донской монастырь»: Рапорты агентов наружного наблюдения // Источник. 1996. № 5. С. 64.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Тихон (Затекин), архим., Дегтева О. В.* Рожденный на земле Нижегородской: Патриарх Сергий. Нижний Новгород, 2007. С. 154 (в книге-альбоме впервые опубликовано множество уникальных фотографий из Церковно-археохогического кабинета МДА).

§ 11. Похороны Патриарха Тихона и Архиерейское совещание (12 апреля 1925 г.)

12 апреля 1925 г. состоялись похороны Патриарха Тихона и архиерейское совещание, на котором митрополит Петр (Полянский) был признан Местоблюстителем Патриаршего престола. Согласно объявлению, вывешенному в Донском монастыре 11 апреля, литургия на следующий день, 12 апреля, в воскресенье, должна была начаться в 10 часов[1]. По данным агентов ГПУ, «служба продолжалась без перерыва 7 час[ов]»[2]. В рапорте агента наружного наблюдения говорится: «В 17 ч[асов] 30 мин[ут] „Тихона" вынесли из церкви и стали носить вокруг церкви с молитвами. После чего его внесли в маленькую церковь, спустя некоторое время публика пошла из монастыря и к 19 ч[асам], осталось в монастыре около 200 чел[овек], которые смотрели, где похоронили „Тихона"»[3]. Таким образом, похороны закончились примерно к 19 часам.

На литургии и погребении митрополит Петр был предстоящим архиереем, потому что он был утвержден Местоблюстителем еще до погребения. Он благословил народ после «Отче наш»[4], произнес слово, посвященное памяти почившего Патриарха, после причастия, начав так: «Я не могу говорить, слезы душат меня»[5]. Митрополит Петр совершал каждение во время отпевания[6], а также следовал непосредственно за гробом при его переносе в Малый собор монастыря[7].

Вся техническая сторона организации похорон была возложена на епископа Бориса (Рукина), который был помощником митрополита Петра по управлению Московской епархией. По воспоминаниям «ленинградского протоиерея Н.», присутствовавшего на похоронах, епископ Борис вместе с митрополитом Петром доставили тело Патриарха из больницы Бакуниных

---

[1] «Политических разговоров не замечено». С. 64.
[2] Там же. С. 67.
[3] Там же. С. 65–66.
[4] Акты... С. 371.
[5] Там же. С. 372.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 378.

в Донской монастырь[1]. Епископ Борис возглавил перенос тела в собор Донского монастыря[2] и следил за порядком во время похорон, на которые собралось несколько тысяч человек[3].

Только после похорон, т. е. в восьмом часу вечера, архиереи отправились на поминальный обед, где митрополит Петр огласил завещательное распоряжение Патриарха Тихона. Состоялось собрание, получившее в дальнейшем наименование «Архиерейское совещание Русской Православной Церкви 12 апреля 1925 г.»[4]. По свидетельству очевидца, это собрание проходило в помещениях, которые ранее занимал в Донском монастыре Патриарх Тихон: «Был восьмой час вечера. Народ стал расходиться. Разоблачившись, потянулось к выходу духовенство. Архипастыри отправились в патриаршую келью Святейшего, дабы исполнить его последнюю волю»[5]. Окончательное утверждение Местоблюстителя произошло во время и после трапезы архиереев: «Митрополит Петр, получивши избрание сначала от небольшой группы Епископов, после погребения Святейшего обратился уже за признанием и утверждением этого избрания ко всем семидесяти двум Архиереям, присутствовавшим на обеде, с просьбою об утверждении этого постановления»[6].

Был составлен акт, удостоверенный сразу и позднее подписями нескольких десятков архиереев: митрополитов Нижегородского Сергия (Страгородского), Тверского Серафима (Александрова), Уральского Тихона (Оболенского), архиепископов Тамбовского Зиновия (Дроздова) и других[7]. Первенство подписи митрополита Сергия означало признание его старейшим по хиротонии.

Митрополит Агафангел (Преображенский) в беседе с одним из священников говорил, что епископы – участники Архиерейского совещания 12 апреля 1925 г. утвердили Местоблюстите-

---

[1] Акты... С. 369.

[2] Там же. С. 370.

[3] Там же. С. 376.

[4] *Цыпин В., прот.* Архиерейское совещание Русской Православной Церкви 12 апреля 1925 г. // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 576–577.

[5] Акты... С. 378.

[6] Информационный бюллетень Временного высшего церковного совета, 1928 г. Машинопись; ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 585. Л. 31 об. – 32.

[7] *Цыпин В., прот.* Архиерейское совещание Русской Православной Церкви 12 апреля 1925 г. С. 576.

лем митрополита Петра ради сохранения принципа патриаршего единоначалия: «Вы знаете, как м[итрополит] Петр принял Местоблюстительство. Когда вскрыли завещание Патриарха, то епископы утвердили Петра, так как он сохраняет Патриаршество, хотя он был совсем не популярен»[1].

Очевидно, что 60 подписей под копией акта из собрания М. Е. Губонина о вступлении митрополита Петра в должность Местоблюстителя не соответствуют количеству участников Архиерейского совещания. Например, имена архиепископа Григория (Яцковского) и епископа Тихона (Шарапова), как видно из копии акта, принадлежавшего епископу Тихону, были вписаны им позже от руки[2]. Логично было бы предположить, что на Архиерейском совещании последним поставил свою подпись епископ, которому было поручено руководить организацией всех мероприятий, – секретарь совещания епископ Борис (Рукин). Его подпись стоит 43-й в числе подписавших документ архиереев. Остальные архиереи, чьи подписи стоят под актом, по-видимому, не находились в Москве 12 апреля 1925 г. и подписали акт в следующие месяцы 1925 г. О каждом из них необходимо сказать несколько слов.

1. Епископ Чебоксарский Симеон (Михайлов) в 1923–1926 гг. находился в ссылке в Вятке, управляя епархией[3]. Лишь в августе 1926 г. он был заменен епископом Виктором (Островидовым)[4].

2. Архиепископ Псковский Николай (Покровский) в апреле 1925 г. находился в ссылке[5]. Если бы он присутствовал на совещании 12 апреля, то его подпись как архиепископа оказалась бы в начале списка, т. е. до подписей епископов.

---

[1] Ради мира церковного. С. 259; Интервью с митрополитом Агафангелом // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 111.

[2] Акты... С. 415.

[3] Современники о Патриархе Тихоне: Сборник: В 2-х т. / Сост. и автор коммент. М. Е. Губонин. М., 2007. Т. 2. С. 435.

[4] Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии / Под общей редакцей митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка, 2007. С. 409.

[5] Речи святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, при вручении жезла новопоставленным епископам / Публ. и примеч. И. И. Смоляковой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 99.

3. Епископ Воткинский Иоанн (Братолюбов) находился в Воткинске. Незадолго до смерти Патриарха Тихона он приезжал в Москву для объяснений со Святейшим по поводу того, что проживал в одном доме с тремя монахинями, однако сказал Патриарху, что они живут отдельно.

4. Единоверческий епископ Осинский, викарий Пермской епархии Петр (Гасилов) находился у себя на Урале[1].

5. Епископ Ставропольский Иннокентий (Летяев) в апреле 1925 г., вероятно, находился в Ставрополе. В списке проживавших в Москве на 1 февраля 1924 г. архиереев его имя указано[2]. Однако в марте того же года Е. А. Тучков получил письмо из контрразведывательного отдела ОГПУ, в котором говорилось, что епископ, несмотря на то что выслан в Москву, собирается выехать в Ставрополь, направив туда указ[3]. Во всяком случае в составленном Е. А. Тучковым списке архиереев, проживавших в Москве на ноябрь 1924 г., его имя отсутствовало[4].

6. Епископ Керченский Александр (Раевский) проживал в Одессе. В докладе Елисаветградского епископа Онуфрия (Гагалюка) митрополиту Петру (Полянскому) говорилось, что его направил сюда Патриарх Тихон 26 июня 1924 г. в качестве помощника по управлению Херсоно-Одесской епархией[5].

7. Епископ Ульяновский (Симбирский) Виссарион (Зорин [Зорнин]), вероятно, находился в Ульяновске[6].

8. Епископ Переяславский Дамиан (Воскресенский) находился в Туркмении в ссылке, к которой был приговорен 23 февраля 1923 г. По возвращении из ссылки в ноябре 1925 г. он был назначен временно управляющим Владимирской епархией[7].

---

[1] *Лавринов В., свящ.* Единоверие на Урале: К 200-летию учреждения // Материалы ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2000 г. М., 2001. С. 190–194.

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 412.

[3] Там же. Л. 406.

[4] Там же. Т. 5. Л. 166–167; Исторический архив. 1997. № 5/6. С. 153.

[5] Лубенский раскол и «иоанникиевщина» в документах Патриаршей канцелярии. С. 74.

[6] *Бовкало А. А., Васильева Н. Ю., Липаков Е. В.* Виссарион (Зорнин) // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 546.

[7] *Раздорский А. И.* Дамиан (Воскресенский), архиеп. // ПЭ. М., 2006. Т. 13. С. 707.

9. Епископ Серпуховский Алексий (Готовцев) значится в списке проживавших в Москве архиереев на ноябрь 1924 г.[1] Он не присутствовал на погребении Патриарха. Свою подпись под актом епископ Алексий поставил не позднее августа 1925 г., когда был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму[2].

10. Епископ Иринарх (Синеоков), как следует из его письма митрополиту Петру (Полянскому) от 27 июня 1925 г., проживал в г. Сычевка Смоленской губернии и епархией не управлял. Подписание им акта предшествовало его назначению на Великоустюжскую кафедру, которое последовало в тот же день, 27 июня 1925 г., когда епископ Иринарх побывал в резиденции митрополита Петра в Сокольниках. Согласно подписи епископа Иринарха, указ он получил 27 июня, в день его подписания, следовательно находился в этот момент в Москве[3].

11. Епископ Вольский Григорий (Козырев) в 1925 г. получил назначение быть епископом Вольским, викарием Саратовской епархии[4]. Очевидно, непосредственно перед приездом в Вольск он побывал в Москве, получив назначение и подписав акт. Эти события можно датировать серединой июля, так как 22 июля его приезд прокомментировала вольская газета «Луч правды».

12. Епископ Дмитровский Серафим (Звездинский) только 26 апреля 1925 г. выехал из места ссылки в Дмитров[5]. Его длительный путь в Москву подробно описан в воспоминаниях его духовной дочери монахини Иоанны (Анны Сергеевны Патрикеевой)[6].

13. Епископ Прикаспийский Арсений (Соколовский), будучи рукоположен в сентябре 1924 г., по данным ОГПУ, в том же месяце собирался выехать в свою епархию. Тогда же побывал на

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 166; Следственное дело... С. 386.

[2] За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. М., 1997. С. 59; Алексий (Готовцев), еп. // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 664.

[3] Документы Патриаршей канцелярии, 1925–1926 гг. // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 58.

[4] *Матисон А. В.* Григорий (Козырев), еп. // ПЭ. М., 2006. Т. 12. С. 575; *Воробьев М., свящ.* Вольское викариатство // ПЭ. Т. 9. С. 273.

[5] «Молю о тех, кого Ты дал мне...»: Владыка Серафим (Звездинский) в воспоминаниях духовной дочери, схимонахини Иоанны (Анны Сергеевны Патрикеевой) / Сост. Т. С. Ануфриева-Мирлас. М., 1999. С. 61.

[6] Там же. С. 61–64.

приеме у Л. Б. Каменева[1], после чего ОГПУ не могло не выслать его из Москвы.

14. Епископ Мосальский Феодор (Маковицкий [Маковецкий]) находился в ссылке, где и умер 12 ноября 1925 г.[2], хотя в 1925 г. он был ненадолго освобожден и подписал акт, что произошло летом 1925 г.

15. Епископ Петропавловский, викарий Омской епархии Алексий (Буй) в марте 1924 г. прибыл в Омск и приступил к управлению епархией[3]. В июне 1925 г. епископ Алексий получил назначение на Свердловскую кафедру[4], с чем связан его приезд к митрополиту Петру, когда он, очевидно, и поставил свою подпись под актом.

16. Архиепископ Григорий (Яцковский) с января 1923 г. находился в тюрьмах и был освобожден 21 июля 1925 г.[5], после чего побывал в Москве, где подписал акт.

17. Епископ Тихон (Шарапов), согласно анкете, заполненной им при аресте, 3 апреля 1925 г. был выслан из Москвы, где находился с января 1925 г., и выехал в Гомель[6]. Здесь в мае 1925 г. он был арестован местным отделом ОГПУ, а затем отпущен. 30 ноября 1925 г. епископ Тихон был арестован в Москве и показал на допросе в тот же день, что он делал «месяц тому назад (приблизительно) доклад митрополиту Петру»[7]. Таким образом, в октябре он был у митрополита Петра; вероятно, тогда же и подписал акт. Копия, сохранившаяся в собрании М. Е. Губонина, была выдана епископу Тихону после того, как он поставил свою подпись в акте, хранившемся в резиденции митрополита Петра.

Если сравнить с губонинской копией акта копию, находящуюся в следственном деле Патриарха Тихона[8] и опубликованную в издании материалов этого дела[9], то можно убедиться, что

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 414.

[2] Современники о Патриархе Тихоне. Т. 2. С. 708.

[3] *Коголь Т. Н.* Русская Православная церковь и государство, 1917–1927 гг.: (На материалах Западной Сибири): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995. С. 141.

[4] *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 44.

[5] *Каплин П. В., Васильева Н. Ю.* Григорий (Яцковский) // ПЭ. Т. 13. С. 599.

[6] ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 11.

[7] Там же. Т. 4. Л. 72.

[8] Там же. Т. 5. Л. 235–235 об.

[9] Следственное дело... С. 414–416.

имена 43 архиереев, до имени епископа Бориса включительно, совпадают, а последующие имена – другие. Эта копия отражает другую редакцию акта, протографом которой также является подлинный акт от 12 апреля 1925 г.

Укажем архиереев, имена которых значатся в этой копии акта после подписи епископа Бориса (Рукина).

1. Тихон (Русинов), епископ Усть-Медведицкий, викарий Донской епархии, в 1922 г. был рукоположен обновленцами во епископа Царицынского, а после покаяния 17 апреля 1924 г. заново рукоположен православными епископами. Он управлял Царицынской епархией до конца 1925 г., когда примкнул к григорианскому расколу[1].

2. Епископ Августин (Беляев) в 1925 г. управлял Иваново-Вознесенской кафедрой. В 1924 г. епископа Августина дважды арестовывали, 8 августа 1924 г. был освобожден[2]. «В 1926 году он был арестован в г. Иваново-Вознесенске и осужден к трем годам ссылки в Среднюю Азию»[3].

3. Архиепископ Серафим (Самойлович) в 1925 г. управлял Ярославской епархией в связи со ссылкой митрополита Агафангела (Преображенского).

4. Епископ Павловский Александр (Похвалинский) помогал митрополиту Сергию, будучи викарием Нижегородской епархии.

5. Епископ Старицкий, викарий Тверской епархии Петр (Зверев) в 1925 г. приехал в Москву после ссылки. По воспоминаниям духовного чада епископа Петра (Зверева) И. М. Картавцевой, «в 1925 г. окончился срок высылки вл[адыки] Петра, и он приехал в Москву и жил в квартире своего брата на Новой Басманной»[4].

6. Епископ Ладожский Иннокентий (Тихонов) в марте 1925 г. был освобожден из ссылки, которую отбывал в Туркестане[5],

---

[1] Документы Патриаршей канцелярии, 1925–1926 гг. // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 106.

[2] *Дамаскин (Орловский), игум.* Августин (Беляев), архиеп. // ПЭ. Т. 1. С. 109.

[3] *Федотов А. А.* Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918–1998 гг.: Внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Иваново, 1999. С. 123.

[4] Воспоминания И. М. Картавцевой об архиепископе священномученике Петре (Звереве) / Публ. А. В. Маштафарова // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 162.

[5] За Христа пострадавшие. С. 500.

вернулся в Ленинград, входил в Епископский совет, управлявший епархией.

7. «Николай еп[ископ] из Ленинграда»*[10] – имеется в виду епископ Петергофский Николай (Ярушевич).

8. «Еп[ископ] Чебоксарский»*[11] – епископ Симеон (Михайлов), с имени которого начинается список после имени епископа Бориса в рассмотренной выше редакции акта.

Обе указанные копии акта были заверены рукой митрополита Петра и печатью Патриарха Тихона, однако имеются небольшие различия и в тексте, и в подписи. Так, в губонинской копии слова «Патриарший Местоблюститель» напечатаны, а во втором случае – написаны рукой митрополита Петра, что говорит о более раннем происхождении последнего текста.

В канцелярии митрополита Петра делались копии с подлинного акта, в которые включались имена подписавших его архиереев и которые вручались каждому епископу, поставившему подпись под актом. Копия акта из следственного дела Патриарха Тихона, судя по тому, что оказалась в пятом томе, включающем материалы 6-го отделения СО ОГПУ «Донской монастырь», вероятно, была передана в ОГПУ кем-то из архиереев, сотрудничавших с этим ведомством, или изъята. Это произошло не позднее июня 1925 г., когда дело Патриарха Тихона было прекращено и сдано в архив.

К моменту, когда копия акта, сохранившаяся в следственном деле, попала в ОГПУ, было известно, что согласились подписать акт епископы Николай (Ярушевич) и Симеон (Михайлов), поэтому в конце списка было дописано: «Николай еп[ископ] из Ленинграда, еп[ископ] Чебоксарский». Епископ Петергофский Николай (Ярушевич) с февраля 1923 г. находился в трехгодичной ссылке в Коми, откуда вернулся в Петергоф только 6 марта 1926 г.[1]

В мае 1925 г. в ОГПУ попала копия акта, содержащая имена епископов, подписавших его за пределами Москвы; после этого, вероятно, пополнение списка прекратилось. Эта копия акта имеет более раннее происхождение, чем копия из архива М. Е. Губонина, так как ее подписали архиереи, находившиеся в апреле

[1] *Сурков С. А.* Духовный центр Петергофа: (История и современность Петергофского Петропавловского собора). СПб., 2005. С. 40–43.

1925 г. на свободе, но не успевшие приехать в Москву к похоронам Патриарха. Так, епископ Петр (Зверев) в мае 1925 г. уже исполнял обязанности управляющего делами Московской епархии, и к этому времени он подписал акт. Архиереи, имена которых стоят после имени епископа Бориса в губонинской копии акта, подписали его, вероятно, позднее, летом – осенью 1925 г.

Таким образом, в день избрания митрополита Петра соответствующий акт подписали 43 епископа. Остальные архиереи подписывали акт в следующие месяцы. Порядок имен в обеих редакциях после имени епископа Бориса соответствует времени подписания.

Нельзя, однако, утверждать, что имя епископа Тихона было в акте последним. У М. Е. Губонина имелась копия акта, выданная самому епископу Тихону; в дальнейшем, вплоть до ареста митрополита Петра, и другие епископы могли продолжать ставить в канцелярии митрополита Петра подписи под актом и получать на руки заверенные копии, которые до сих пор не выявлены.

Игумен Дамаскин (Орловский) без ссылки на источник указывает, что собор, избравший митрополита Петра, состоял из 45 архиереев[1]. По нашему мнению, это число соответствует общему числу участников отпевания Патриарха. Как указано выше, акт подписали 43 архиерея, а также сам митрополит Петр. Архиепископ Иоанникий (Соколовский) присутствовал на погребении, но не подписал акт. М. В. Шкаровский пишет, что акт подписали 59 архиереев, не приводя обоснований[2].

Протоиерей Николай Люперсольский в написанной им и изданной типографским способом в 1928 г. записке «Митрополит Сергий Страгородский – законный каноничный Заместитель Патриаршего Местоблюстителя» сообщал о том, что на погребении присутствовали 37 епископов[3]. Эту цифру приводил в своих

---

[1] *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. С. 346.

[2] *Шкаровский М. В.* Влияние Поместного Собора 1917–1918 гг. в советскую эпоху // Патриарх и Собор: Архиерейский и Поместный Соборы Русской Православной Церкви 2009 г.: Сборник документов и научных материалов / Руководитель проекта архиеп. Евгений (Решетников) / Под. ред. прот. П. Великанова. М., 2010. С. 229.

[3] Акты... С. 623.

работах и митрополит Иоанн (Снычев)[1]. Расхождение, вероятно, обусловлено тем, что могли быть архиереи, не присутствовавшие на похоронах, но бывшие на Архиерейском совещании.

После смерти Патриарха было опубликовано заведомо подложное «предсмертное Воззвание Патриарха Тихона», противоречащее тому, что всей своей жизнью проповедовал и исповедовал святитель-мученик. Есть и прямые доказательства подлога. В «Воззвании» Патриарх называет себя «Патриарх Московский и всея Российския Церкви». Так Патриарх никогда не писал. Он всегда писал про себя: «Патриарх Московский и всея России». Подпись в конце «Патриарх Тихон» также никогда не могла быть сделана Святейшим. Он всегда подписывался: «Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России»[2].

[1] *Иоанн (Снычев), митр.* Стояние в вере. СПб., 1997. С. 66.

[2] *Андреев И. М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1952.

Заключение

Святой Патриарх Тихон – одна из наиболее значимых личностей в церковной истории послереволюционной России. Ни один иерарх Русской Православной Церкви не привлекал к себе такого пристального, сострадательного и почтительного внимания всего нашего народа, какое привлекал и привлекает Патриарх Тихон.

На долю святителя Тихона выпало очень трудное время. Ему приходилось принимать важнейшие решения, от которых зависело положение Церкви. Он не думал о последствиях этих решений лично для себя, главное, о чем он заботился, была польза для Церкви. Святейший Патриарх Тихон нигде и никогда не подчеркивал жертвенный характер своего служения и не ставил его себе в заслугу – наоборот, во всех тяжких обстоятельствах своей жизни он в первую очередь видел спасительный Промысл Божий и Его святую волю. Святитель обладал при этом удивительным смирением. Когда кто-нибудь указывал Патриарху Тихону на его великие заслуги перед Россией и на то, что он спас Церковь, он смиренно отвечал: «Не я, грешный, а народ. А прежде всего – милость Господа...»[1].

Благодаря усилиям святителя Тихона Церковь к концу его жизни, несмотря на гонения, расколы и антирелигиозную агитационную кампанию, продолжала оставаться самодостаточным и влиятельным фактором общественной жизни, причем ее влияние невозможно было не учитывать.

Духовный образ Патриарха, отличавшегося цельностью и целеустремленностью личности, был источником вдохновения и даже подражания для наиболее бескомпромиссных членов Церкви.

К началу 1920-х годов советские власти поняли, что путем грубого давления, тюремного заключения, угрозы смерти они

---

[1] *Москвичка*. Свет России. Московские воспоминания, 1923–1927 // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 17.

не смогут добиться от Патриарха Тихона нужных им уступок. Поэтому они были вынуждены в церковной политике перейти от грубого давления и физических преследований к более изощренной политике, направленной на раскол Церкви и подрыв авторитета Патриарха.

В этих условиях Святитель Тихон часто был вынужден действовать больше как тактик, перед которым стоит главная задача – сохранить на плаву церковный корабль и который не имеет возможности упорствовать по любому поводу. Проанализированные нами источники убедительно свидетельствуют, что значительное место в имеющих документальное отражение взаимоотношениях Патриарха Тихона с советской властью занимают документы «вынужденного авторства». То есть возникает такая источниковедческая ситуация, когда авторская воля при создании документа опосредуется и трансформируется под воздействием внешних обстоятельств и факторов (угрозы, давление, шантаж, принуждение к компромиссу и т. п.). При этом, если даже автору удается частично отстоять свой текст, то есть не лишиться авторской воли полностью, то изменения, дополнения и редактура, которые вносятся в текст такого документа «вынужденного авторства», способны иногда до неузнаваемости исказить первоначальный замысел и намерения его автора.

Это предполагает особое внимание исследователя к интерпретации весьма своеобразных источников, документов, подписанных Патриархом Тихоном под влиянием разнообразных и очень сложных обстоятельств. Отказ принимать во внимание эти обстоятельства чреват совершенно произвольным и безосновательным истолкованием важнейших моментов в истории церковно-государственных отношений, в деятельности Патриарха Тихона и искажением его образа.

Как показано в настоящем исследовании, многие документы, автором которых традиционно считается Патриарх Тихон, приписываются ему исследователями необоснованно, а дезинформация и клевета в отношении святителя, исходившие из ГПУ, до сих пор зачастую воспринимаются некритически.

Жертвенное служение святителя Тихона по праву сделало его главой сонма Новомучеников и Исповедников Русской Православной Церкви XX века и примером для многих поколений православных верующих.

Комментарии

Глава I

*[1] Любимов Николай Александрович (1858–1924), протопресвитер. С 1911 г. протопресвитер Успенского собора в Кремле. Член Предсоборного Совета. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг., товарищ Председателя, член Соборного Совета. Настоятель Успенского собора, член Высшего Церковного Совета. 27 марта 1922 г. арестован в Москве. 21 апреля 1922 г. освобожден под подписку о невыезде. Вновь арестован 12 июля 1922 г. Умер на свободе. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

*[2] Самарин Александр Дмитриевич (30.01.1868 – 30.01.1932), государственный, общественный, церковный деятель. В 1915 г. обер-прокурор Святейшего Синода. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1918 г. был арестован и провел три месяца в тюрьме. В 1919 г. арестован по «делу Совета объединенных приходов», осужден и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, который был заменен бессрочным заключением. Освобожден в 1922 г. Жил в Абрамцеве, активно участвовал в работе музея. Осенью 1925 г. был вновь арестован, содержался в одиночной камере внутренней тюрьмы на Лубянке и в Бутырской тюрьме. В 1926 г. приговорен к трем годам ссылки в Якутию «за участие в черносотенно-монархической группировке „Даниловский синод“». В июне 1929 г., после окончания срока ссылки, переехал на жительство в Кострому, где был чтецом, певцом и регентом в храме Всех святых. Весной 1931 г. снова арестован, содержался в костромской тюрьме, был освобожден.

*[3] Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич, 13.09.1886 – 28.12.1929), архиепископ, священномученик. Родился в с. Липицы Каширского уезда Тульской губернии в семье священника. В 1906 г., по окончании Тульского духовного училища и Тульской семинарии, поступил в Московскую духовную академию (МДА). В 1910 г. окончил ее со степенью кандидата богословия и был оставлен профессорским стипендиатом. В 1912 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «Очерки из истории догмата о Церкви». В 1913 г. принял монашеский постриг, был рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха и возведен в сан архимандрита. В том же году стал экстраординарным профессором МДА по кафедре Нового Завета и инспектором МДА. В 1917 г. являлся временно исполняющим обязанности ректора МДА. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. выступал активнейшим сторонником восстановления Патриаршества и был одним из кандидатов во время первого тура голосования. В 1919 г. был арестован, находился в Бутырской тюрьме. В 1920 г. хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. Хиротонию возглавлял Патриарх Тихон. Назначен наместником московского Сретенского монастыря. В 1922 г. арестован по делу о сопротивлении декрету об изъятии церковных ценно-

стей и помещен во внутреннюю тюрьму ГПУ. Приговорен к году высылки в Архангельскую губернию. По окончании срока ссылки вернулся в Москву. В 1923 г. был вновь арестован и приговорен к трем годам концлагеря. Отправлен в Кемский лагерь, а затем на Соловецкие острова. В 1925 г. отправлен из Соловецкого лагеря в ярославскую политическую тюрьму-изолятор, где содержался в одиночной камере. В 1926 г. отправлен обратно на Соловки. На Пасху 1926 г. возглавил служение на Соловках заутрени, ставшей беспрецедентным событием в жизни лагеря. В ноябре 1926 г. особым совещанием при Коллегии ОГПУ приговорен еще к трем годам концлагеря, после окончания второго лагерного срока в 1929 г. – к трем годам ссылки в Каракалпакскую область. К месту ссылки отправлен по этапу, в дороге заболел тифом. В Ленинграде снят с поезда, помещен в городскую тюрьму, потом в больницу, где и скончался.

*[4] Епархии должны были делиться на следующие пять групп: 1. Северно-Западная (Архангельская, Варшавская, Вологодская, Гродненская, Литовская, Минская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская, Полоцкая, Псковская, Рижская, Финляндская епархии). 2. Юго-Западная (Волынская, Воронежская, Донская, Екатеринославская, Кишинёвская, Курская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Холмская, Черниговская епархии). 3. Центральная (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Смоленская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская епархии). 4. Восточная (Астраханская, Владикавказская, Вятская, Казанская, Оренбургская, Пермская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Ставропольская, Сухумская, Тифлисская, Уфимская епархии). 5. Сибирская (Благовещенская, Владивостокская, Екатеринбургская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Омская, Тобольская, Томская, Туркестанская, Якутская, Североамериканская епархии и Японская, Китайская и Урмийская миссии).

*[5] Платон (Рождественский Порфирий Федорович, 23.02.1866 – 20.04.1934), митрополит. Родился в Курской губернии в семье священника. В 1886 г. окончил Курскую духовную семинарию. В 1887 г. рукоположен во иерея. Служил сельским священником в Курской епархии. В 1891 г., овдовев, поступил в Киевскую духовную академию. В 1894 г. пострижен в монашество. В 1895 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1902 г. ректор Киевской духовной академии. В 1902 г. хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. С 1907 г. архиепископ Алеутский и Североамериканский. С 1914 г. архиепископ Кишиневский и Хотинский. С 1915 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии и член Святейшего Синода. С 1917 г. митрополит Тифлисский и Бакинский, Экзарх Кавказский. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. митрополит Херсонский и Одесский. С 1920 г. в эмиграции в США. С 1923 г. – управляющий Алеутской и Североамериканской епархией. В 1924 г. постановлением Патриарха Тихона и Священного Синода уволен от управления Североамериканской епархией. Постановлению не подчинился, считая, что этот документ принят под давлением большевистских властей. В том же году деятельно участвовал в работе Архиерейского Собора

в Сремских Карловцах. В 1933 г. запрещен в служении Московской Патриархией. Этому решению также не подчинился. Скончался, находясь вне общения с Московской Патриархией. В 1946 г. запрещение было посмертно снято. См. о нем: *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство?: Материалы для решения вопроса об Американской Церкви // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4/5. С. 5–139.

*[6] Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич, 06.08.1873 – 22.05.1965), митрополит, Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей. Родился в Тамбовской губернии в семье священника. В 1897 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия. В 1898 г. принял монашеский постриг и был рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. С 1900 г. инспектор Вифанской духовной семинарии, с 1901 г. ректор Московской духовной семинарии, архимандрит. В 1906 г. хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. С 1914 г. епископ Холмский и Люблинский. С 1915 г. – Кишиневский и Хотинский. С 1916 г. архиепископ. Участвовал в работе Поместного Собора 1917–1918 гг. После избрания Патриарха возглавил соборную комиссию, выработавшую чин интронизации. Избран членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета. С 1919 г. в эмиграции. В 1921 г. участвовал в работе Архиерейского Собора в Сремских Карловцах, где выступил с докладом по вопросу о восстановлении монархии в России. В 1934–1964 гг. глава Русской Православной Церкви Заграницей. С 1964 г. на покое.

*[7] Никандр (Феноменов Николай Григорьевич, 02.05.1872 – 14.02.1933), митрополит. Родился в Орловской губернии в семье священника. По окончании Орловской духовной семинарии с 1893 по 1897 г. учился в Киевской духовной академии, окончил ее со степенью кандидата богословия. В 1897 г. был пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона и затем во иеромонаха. С 1897 г. преподаватель Тульской духовной семинарии. С 1900 г. инспектор Кутаисской духовной семинарии. С 1901 г. инспектор Тифлисской духовной семинарии. С 1902 г. ректор Тифлисской духовной семинарии в сане архимандрита. В 1905 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 1908 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1914 г. епископ Вятский и Слободской (с сентября 1918 г. – Вятский и Глазовский). В 1918 г. был арестован в Москве и заключен в Бутырскую тюрьму без предъявления обвинения. В 1919 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 г. был приговорен к трем годам лагеря. В 1920 г. был досрочно освобожден и вернулся в Москву, где вновь арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. В 1921 г. освобожден. В 1921 г. назначен архиепископом Астраханским, но к месту назначения выехать не смог из-за подписки о невыезде из Москвы. С 1921 г. член Священного Синода при Патриархе Тихоне. С 1922 г. архиепископ Крутицкий, ближайший помощник Патриарха Тихона. В 1922 г. арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в связи с делом «об изъятии церковных ценностей». В 1923 г. освобожден под подписку о невыезде; вновь арестован и привлечен к суду вместе с Патриархом, митрополитом Арсением (Стадницким) и секретарем Патриарха П. В. Гурьевым. В 1924 г. приговорен к трем годам ссылки в Среднюю Азию. Освобожден

в 1925 г. С ноября 1925 г. митрополит Одесский. С 1927 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский. Проживал в Москве без права выезда. В сентябре 1931 г. включен в число постоянных членов Временного патриаршего Священного Синода. Скончался в Ташкенте 14 февраля 1933 г. (по другим данным, в Горьком в 1934 г.).

*[8] Согласно декрету советского правительства «О введении в Российской республике западноевропейского календаря», после 31 января 1918 г. был осуществлен переход на григорианский календарь. Далее все даты приводятся по новому стилю.

*[9] Гурьев Петр Викторович (31.08.1863 – после 1925). Родился в с. Фили (Покровское) Московской губернии. В 1878 г. окончил Заиконоспасское духовное училище, в 1884 г. – Московскую духовную семинарию и в 1889 г. – МДА. Магистр богословия. В 1912–1917 гг. управляющий канцелярией Святейшего Синода. Входил в состав Предсоборного Совета. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. управляющий канцелярией Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне. В 1922 г. был арестован. Содержался во внутренней тюрьме ГПУ, во Владимирской и в Бутырской тюрьмах. В 1924 г. освобожден из Бутырской тюремной больницы, но уже вскоре вызван в ГПУ, вновь арестован, помещен в Бутырскую тюрьму и приговорен к ссылке на три года в Среднюю Азию. Время и обстоятельства смерти П. В. Гурьева неизвестны.

*[10] Алексий (Житецкий Алексей Григорьевич, ок. 1869 – 30.10.1924), епископ. Родился в Полтавской губернии. В 1892 г. окончил Полтавскую духовную семинарию, в 1915 г. – Петроградскую духовную академию. Был пострижен в монашество. В 1913 г. рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. В 1915 г. назначен настоятелем боровского Пафнутиева монастыря Калужской епархии с возведением в сан игумена, в том же году возведен в сан архимандрита. Член Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1919 г. хиротонисан во епископа Боровского, викария Калужской епархии. В 1922 г. арестован, но вскоре освобожден.

*[11] Нумеров Николай Васильевич (1875–?). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, до 1917 г. чиновник канцелярии Святейшего Синода. После 1917 г. – делопроизводитель, секретарь канцелярии Патриарха Тихона.

Глава II

*[1] Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934). Родился в Санкт-Петербурге в польской дворянской семье. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Член РСДРП с 1902 г. В ВЧК с 1919 г. В 1920–1922 гг. член Коллегии ВЧК, член Президиума ВЧК, зав. Особым отделом ВЧК – ГПУ РСФСР, с 1921 г. начальник Секретно-оперативного управления

(СОУ) ВЧК, с 1922 г. начальник СОУ ГПУ РСФСР – ОГПУ СССР, с 1923 г. – 1-й заместитель председателя ОГПУ СССР, с 1926 г. – председатель ОГПУ СССР.

*[2] Самсонов (Бабий) Тимофей Петрович (1888–1956). Родился в Бессарабии. В 1906–1919 гг. состоял в партии анархистов-коммунистов. Образование начальное. Член РКП(б) с 1919 г. С 1906 по 1914 г. находился в тюрьмах и ссылках. Проживал за границей. С 1919 г. начальник Особого отдела МЧК. В 1920–1923 гг. начальник Секретного отдела СОУ ВЧК – ГПУ. По признанию Самсонова, он ушел из ГПУ, потому что не смог сработаться с Г. Ягодой. С 1923 г. на хозяйственной и партийной работе, управляющий делами ЦК ВКП(б), Коминтерна.

*[3] Ксенофонтов Иван Ксенофонтович (1884–1926). Родился в Смоленской губернии в крестьянской семье. Член РСДРП с 1903 г. В ВЧК с 1917 г. В 1919–1921 гг. заместитель председателя ВЧК, одновременно председатель Особого трибунала ВЧК и заместитель председателя (представитель ВЧК) Верховного трибунала при ВЦИК. В 1918 г. участвовал в ликвидации левоэсеровского мятежа в Москве. В 1921 г. участвовал в подавлении Кронштадтского восстания.

*[4] Красиков Петр Ананьевич (1870–1939). Родился в Красноярске в семье учителя. Образование незаконченное высшее. С 1917 г. председатель следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, член коллегии Наркомата юстиции. С марта 1918 г. заместитель наркома юстиции РСФСР и председатель Кассационного трибунала при ВЦИК. Принимал активнейшее участие в разработке советского уголовного законодательства и первого уголовного кодекса. С мая 1918 г. начальник 5-го «ликвидационного» отдела Наркомата юстиции, затем председатель Комиссии по вопросам культа при ВЦИК. В 1919–1924 гг. редактор журнала «Революция и церковь». С 1924 г. прокурор Верховного суда СССР. В 1933–1938 гг. заместитель председателя Верховного суда СССР.

*[5] Шпицберг Иван Анатольевич (1881–1933). До революции чиновник Святейшего Синода по бракоразводным делам, присяжный поверенный. С 1919 г. эксперт и следователь по особо важным делам 8-го отдела НКЮ, сотрудник Секретного отдела ВЧК. В 1919–1920 гг. принимал активное участие в антицерковных судебных процессах. Выделялся своей пристрастностью и грубостью по отношению к православным верующим и духовенству. В 1921 г. был исключен из рядов РКП(б) и позднее уволен со службы в ВЧК и НКЮ. В 1922–1931 гг. возглавлял журнал «Атеист» и одноименное издательство.

*[6] Серафим (Лукьянов Александр Иванович, 23.08.1879 – 18.02.1959), митрополит. Родился в Саратове в семье священника. Окончил Саратовскую духовную семинарию. В 1902 г. был пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона, в 1903 г. – во иеромонаха. В 1904 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1906 г. ректор Уфимской духовной семинарии. С 1907 г. ректор Таврической духовной семинарии, воз-

веден в сан архимандрита. С 1911 г. ректор Саратовской духовной семинарии. В 1914 г. хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Выборгской и Финляндской епархии. С 1918 г. епископ Финляндский и Выборгский. В 1920 г. возведен в сан архиепископа. До 1924 г. возглавлял Финляндскую Православную Церковь, получившую в 1923 г. автономию в составе Константинопольского Патриархата. В 1926 г. выдворен из Финляндии по приговору суда, поселился в Лондоне по приглашению митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1927–1945 гг. состоял в епископате Русской Зарубежной Церкви с титулом архиепископа Западно-Европейского. В 1938 г. возведен в сан митрополита. В 1945 г. принят в клир Московского Патриархата в сущем сане митрополита. В 1946 г. назначен Патриаршим Экзархом Западной Европы. В 1949 г. уволен на покой. В 1954 г. приехал на жительство в СССР. С 1956 г. жил на покое в Гербовецком монастыре.

*[7] Архиепископ Владивостокский Евсевий (Никольский) 18 февраля 1920 г. был возведен в сан митрополита Крутицкого, управляющего Патриаршей областью. В условиях, когда Патриарх Тихон, находясь под домашним арестом, не мог председательствовать в Синоде, функции председателя исполнял митрополит Евсевий.

Евсевий (Никольский Евгений Иванович, 21.01.1860 – 18.01.1922), митрополит Крутицкий, родился в с. Серебрянь Алексинского уезда Тульской губернии в семье священника. Окончил Тульскую духовную семинарию и затем МДА. В 1893 г. принял монашеский постриг, был рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. В том же году назначен ректором Иркутской духовной семинарии и возведен в сан архимандрита. В 1897 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1897 г. епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский. С 1899 г. епископ Владивостокский и Приморский; с 1906 г. архиепископ. Принимал участие в Поместном Соборе 1917–1918 гг. С 1920 г. митрополит Крутицкий, председательствовал в Священном Синоде, управлял Московской епархией. Похоронен в Новодевичьем монастыре, с северной стороны Смоленского собора.

*[8] Иеродиакон Автоном (Окользин) (1870–?).

*[9] Супруга Я. А. Полозова говорила о нем: «Полозов состоит при Патриархе телохранителем», т. е. в круг его обязанностей входили вопросы патриаршей безопасности. См.: *Кривошеева Н. А.* «Кто душу свою положит за други своя»: Келейник святого Патриарха Тихона Яков Анисимович Полозов (23 октября 1879 г. – 9 декабря 1924 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 1 (22). С. 56.

*[10] Петр (Полянский Петр Федорович, 28.06.1862 – 10.10.1937), митрополит, священномученик, родился в с. Сторожевом Коротоякского уезда Воронежской губернии в семье сельского священника. В 1885 г. окончил Воронежскую духовную семинарию, в 1892 г. – МДА. До 1896 г. – помощник инспектора МДА. В 1897 г. назначен смотрителем в Жировицкое духовное училище. В этот период познакомился с епископом Тихоном (Беллавиным). В 1909 г. был переведен в Учебный комитет при Святейшем Синоде, где

исполнял обязанности ревизора духовных учебных заведений. В 1916 г. стал постоянно присутствующим членом Учебного комитета. В 1918 г., после закрытия всех духовных учебных заведений и упразднения Учебного комитета, переехал в Москву и принял участие в Поместном Соборе. По предложению Патриарха Тихона принял монашество и священство. В 1920 г. хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Подольского, викария Московской епархии. Сразу после хиротонии был арестован и сослан в Великий Устюг. По возвращении в Москву стал ближайшим помощником Патриарха. В 1923 г. возведен в сан архиепископа. С 1924 г. митрополит Крутицкий, член Временного Патриаршего Синода.

В 1925 г., после кончины Патриарха Тихона, принял обязанности Местоблюстителя Патриаршего престола. В декабре 1925 г. арестован и помещен во внутреннюю тюрьму на Лубянке. В 1926 г. приговорен к трем годам ссылки. В 1928 г. срок ссылки был продлен еще на два года. В 1930 г. вновь арестован, содержался в тюрьмах Тобольска и Екатеринбурга. Отказался снять с себя звание Патриаршего Местоблюстителя, несмотря на угрозы продлить тюремное заключение. В 1931 г. отклонил предложение чекиста Тучкова дать подписку о сотрудничестве с органами в качестве осведомителя. После беседы с Тучковым был частично парализован, болел также цингой и астмой. В 1931 г. приговорен к пяти годам заключения в лагере, однако оставлен в тюрьме во внутреннем изоляторе. Верующие при этом пребывали в уверенности, что он продолжает жить в заполярной ссылке. В качестве «секретного узника» был переведен в Верхнеуральскую тюрьму. В 1936 г. заключение было в очередной раз продлено на три года. В 1937 г. было возбуждено новое уголовное дело, по которому тройкой НКВД по Челябинской области приговорен к расстрелу. Место погребения неизвестно.

*[11] Мефимоны – повечерие первых четырех дней первой седмицы Великого поста. Полагают, что это наименование произошло от слов: μεθ ἡμών – «с нами», которые повторяются на каждом повечерии несколько раз в песни пророка Исаии («Яко с нами Бог»).

*[12] Афоний (Вишняков Александр Григорьевич, 1870 – 17.03.1938), иеромонах. С 1892 г. подвизался в Троице-Сергиевой лавре. С 1918 г. жил на Троицком подворье. В 1921 г. был арестован, после освобождения выслан в Сергиев Посад, где жил до следующего ареста в 1938 г., добывая пропитание художественными заказами на роспись изделий. Расстрелян в Бутове.

*[13] Н. А. Кривошеева указывает, что «обязанности келейника во время ареста Я. А. Полозова у Патриарха Тихона исполнял архимандрит Анемподист (Алексеев)» (см.: Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 333), но это справедливо по отношению ко времени с 23 марта 1922 г., когда Яков Полозов был арестован второй раз.

*[14] Полозова Наталия Васильевна (1899–1988), жена Я. А. Полозова, урожденная княжна Друцкая-Соколинская. Воспитанница Николаевского

дворянского института в Москве. После революции отказалась эмигрировать из России. Овдовев, окончила фельдшерские курсы, работала медсестрой в медицинских учреждениях в Москве. Сын Полозовых, крестник святого Патриарха Тихона Алексей Яковлевич Полозов умер в августе 2003 г.

* [15] Д. Н. Никитин считает эту дату старостильной, указывая 30 апреля (*Никитин Д. Н.* Даниил (Троицкий), архиеп. // ПЭ. М., 2007. Т. 14. С. 88). Однако это указание ошибочно, так как 30 апреля была Великая суббота, когда хиротонии обычно не совершаются.

*[16] См. биографическую справку о нем в кн.: Архив ВЧК: Сборник документов / Отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М., 2007. С. 686. Авторы справки считают, что в 1921 г. Лацис не был членом Коллегии ВЧК. Однако этот факт подтверждается архивными данными. А. М. Плеханов, подробно изучивший историю ВЧК – ГПУ, со ссылкой на фонд 76 (Ф. Э. Дзержинский) в РГАСПИ указывает, что в начале марта 1921 г. Лацис был утвержден решением ВЦИК членом Коллегии ВЧК (*Плеханов А. М.* ВЧК – ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики, 1921–1928. М., 2006. С. 222).

*[17] Так в целях конспирации названа тюрьма.

*[18] Ректор Арзамасского педагогического института проф. Е. П. Титков в своей недавно вышедшей книге датирует арест митрополита Сергия мартом 1921 г., не давая ссылки на источники. Поскольку архивные данные в книге не используются, а ссылки, которыми иногда снабжаются цитаты и утверждения, даются на известную литературу о митрополите Сергии, очевидно, имеет место простая ошибка (см.: *Титков Е. П.* Патриарх Сергий (Страгородский): Подвиг служения Церкви и Родине. Арзамас, 2007. С. 109).

*[19] Это подтверждается тем, что Путята приезжал в Петроград упрашивать митрополита Вениамина выехать в Москву для участия в заседании Синода 5 мая, о чем речь пойдет ниже.

*[20] Серафим (Мещеряков Яков Михайлович, 18.03.1860 – 07.05.1933), митрополит. Родился в семье крестьянина в Пензенской губернии. В 1884 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. В 1898 г. хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. С 1902 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1911 г. архиепископ Иркутский и Верхоленский С 1918 г. архиепископ Костромской и Галичский. 16 июня 1922 г. под давлением ГПУ вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) и архиепископом Евдокимом (Мещерским) подписал «Меморандум трех» о признании ВЦУ. С 1922 г. обновленческий митрополит Могилевский, с 1924 г. Нижегородский. В 1924 г. принес публичное покаяние за уклонение в раскол и был принят Патриархом Тихоном в сущем сане. В 1925 г. арестован и приговорен к заключению на Соловках. С 1927 г. архиепископ Тамбовский. С 1928 г. архиепископ Ставропольский и Кавказский,

с 1932 г. – митрополит. В 1933 г. арестован и приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян.

*[21] По старому стилю, т. е. 21 мая по новому.

*[22] Осенью 1920 г. Василий Шеин принял монашество с именем Сергий и был рукоположен во иеромонаха. В апреле 1921 г. назначен наместником Патриаршего Троицкого подворья на Фонтанке в Петрограде.

*[23] Евдоким (Мещерский Василий Иванович, 01.04.1865 – 10.05 (или 22.10) 1935), архиепископ, впоследствии обновленческий митрополит. С 1903 г. ректор МДА. В 1904 г. хиротонисан во епископа. В 1914–1917 гг. архиепископ Алеутский и Североамериканский. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. архиепископ Нижегородский. 16 июня 1922 г. перешел в обновленчество. Являлся одним из его идеологов. В 1922–1924 гг. обновленческий митрополит Одесский. С 1922 г. член обновленческого ВЦУ (с 1923 г. ВЦС). В 1923–1924 гг. председатель обновленческого Синода. В 1924 г. фактически отстранен от руководства Синодом. В послании Патриарха Тихона, изданном в апреле 1924 г., было объявлено, что Евдоким «за раскол, смуту и мятеж» подлежит извержению из сана. В 1925 г. снят с должности председателя обновленческого Синода и номинально числился постоянным членом его президиума. В 1934 г. уволен на покой с оставлением его членом Синода.

*[24] Имеется в виду В. П. Виноградов.

*[25] Сергей Максимович Садковский – известный в Москве протоиерей, отец священномученика Игнатия и епископа Георгия (Садковских). В 1921–1922 гг. состоял казначеем Московского епархиального совета. См.: О закрытии Московского епархиального совета / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 201.

*[26] Варлаам (Пикалов Константин Васильевич, 10.12.1885 – 31.07.1946), архиепископ, родился в г. Ливны Орловской губернии в семье мещан. С августа 1924 г. епископ Ефремовский, викарий Тульской епархии. В 1923 г. арестован и содержался в одиночной камере саратовского губисправдома. С 1925 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии. С 1926 г. на покое, жил в Москве. В 1931 г. арестован и приговорен к трем годам лагерей. После досрочного освобождения в течение года жил в Кашире. С 1935 г. епископ Рыбинский и Угличский, викарий Ярославской епархии; с 1936 г. архиепископ. В 1936 г. арестован, заключен в рыбинскую тюрьму и приговорен к пяти годам лагерей. Освобожден в 1942 г. В 1943 г. назначен архиепископом Свердловским. В 1944 г. арестован и осужден на шесть лет. Скончался в лазарете Тагиллага.

*[27] Приписка в Богослужебном дневнике (с. 72) об этом сделана от руки без уточнения, о каком храме идет речь. Храм Вознесения без уточнения его ме-

стоположения упоминается и Зеленогорским (см.: *Зеленогорский М. Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991. С. 105).

*[28] Бывший благочинный единоверческих церквей и монастырей Уфимской епархии, делегат 2-го Всероссийского единоверческого съезда, участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1925 г. был хиротонисан во епископа Усть-Катавского, викария Уфимской епархии.

*[29] Священноисповедник Василий Надеждин (1895–1930).

*[30] Серафим (Александров) был возведен в сан архиепископа в 1922 г.

*[31] Николай (Позднев Петр Алексеевич, 1864–23.08.1934) родился в с. Слободка Астраханской губернии в семье псаломщика. Окончил Саратовскую духовную семинарию и в 1879 г. – Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1894–1907 гг. ректор Пензенской духовной семинарии. С 1906 г. настоятель Свято-Троицкой соборной церкви г. Балашова и благочинный города. С 1907 г. священник церкви Вознесения Господня в Саратове. В 1910–1921 гг. настоятель кафедрального Александро-Невского собора Саратова. В 1921 г. овдовел и принял монашеский постриг. В 1922 г. уклонился в обновленчество, назначен указом обновленческого синода № 108 от 28 сентября 1922 г. на Саратовскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Принимал участие в обновленческом соборе 1923 г. Затем начал вести переговоры со старообрядческим иеромонахом Климентом (Логвиновым) о присоединении к беглопоповству и в 1923 г. был принят вторым чином (через миропомазание) в сущем сане.

*[32] Архиепископ Феодосий к 14 сентября 1921 г. числился на покое в Одессе (см.: Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому) от 01 (14) сентября 1921 г. / Публ. О. В. Косик, П. Н. Грюнберга // История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года / Сост. М. Е. Губонин и др. М., 2006. С. 878).

*[33] Николай (Добронравов Николай Павлович, 21.11.1861 – 10.12.1937), архиепископ, священномученик. Родился в с. Игнатовка Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника. По окончании Московской духовной семинарии и академии со степенью кандидата богословия преподавал в Вифанской духовной семинарии. Женился, был рукоположен в священный сан. Член Предсоборного Совета и участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1918 г. арестован, до 1919 г. содержался в Бутырской тюрьме. Овдовев, в 1921 г. был пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Московской епархии. В 1922 г. арестован и приговорен к одному году ссылки в Зырянский край. С 1923 г. архиепископ Владимирский и Суздальский. В 1925 г. арестован и приговорен к трем годам ссылки. По возвращении жил в Москве. В 1937 г. вновь арестован и приговорен к расстрелу по обвинению в «контрреволюционной агитации, участии в нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ».

*[34] Вассиан (Пятницкий Владимир Васильевич, 10.03.1879 – 9.01.1941 или 27.12.1940), архиепископ, священноисповедник. Родился в купеческой семье. В 1902 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1909 г. поступил послушником в пустынь Параклит при Троице-Сергиевой лавре. В 1913 г. епископом Феодором (Поздеевским) пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1914 г. рукоположен во иеромонаха, нес служение при санитарном поезде. В 1916 г. вернулся в лавру. В 1917 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия. В 1921 г. был арестован и помещен в Рязанскую тюрьму, в 1922 г. освобожден. В 1925 г. перешел в григорианский раскол, в 1926 г. принес публичное покаяние. С 1927 г. епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии. С 1930 г. архиепископ Тамбовский и Шацкий. В 1930 г. арестован по обвинению в «антисоветской и контрреволюционной деятельности», в 1931 г. освобожден из-за недоказанности обвинения. В 1935 г. вновь арестован. В 1936 г. приговорен к восьми годам лишения свободы и направлен в Ухтпечлаг (Коми АССР). О месте и дате кончины святителя сведения разноречивы.

*[35] Никанор (Кудрявцев Николай Павлович, 15.11.1884 – 30.10.1923), единоверческий епископ Богородский, викарий Московской епархии. Родился в Москве в семье единоверческого диакона. В 1905 г. окончил Московскую духовную семинарию, в 1909 г. Московскую духовную академию. Во время учебы в МДА принял монашеский постриг. С 1911 г. иеромонах, игумен, с 1913 г. архимандрит, настоятель Никольского единоверческого монастыря. В 1921 г. был хиротонисан во епископа Богородского (единоверческого), викария Московской епархии. Продолжал возглавлять монастырь до 1923 г., когда по болезни ушел на покой. По сведениям митрополита Мануила (Лемешевского), епископ Никанор был глубоко почитаем верующими москвичами.

*[36] Иннокентий (Бобцов Иван Иосифович, 1854 – не ранее 1923), епископ. Окончил Вифанскую духовную семинарию. Пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха и назначен наместником Саввино-Сторожевского монастыря с возведением в сан архимандрита. С 1915 г. настоятель Иосифо-Волоколамского монастыря. В 1920 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. В 1922 г. уклонялся в обновленческий раскол. В 1922 г. вместе со священномучеником Константином Некрасовым был привлечен к уголовной ответственности за то, что они без согласования с властями разрешили крестный ход с иконой святителя Николая из Никольского собора Можайска. После увольнения на покой дальнейшая судьба епископа Иннокентия неизвестна.

*[37] Цветков Николай Васильевич (16.01.1862 – после 1922), протоиерей. С 1888 г. священник Покровской церкви на Варварке в Москве. В 1917 г. председатель Исполнительного комитета объединенного духовенства Московской епархии и товарищ председателя Совета объединенных приходов Москвы. Член Предсоборного Совета и участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1919 г. арестован по делу Совета объединенных приходов Москвы («дело Самарина – Кузнецова»). В 1920 г. приговорен к 15 годам заключения,

в том же году освобожден решением ВЦИК. В 1921–1922 гг. представитель Святейшего Патриарха Тихона в Помголе.

*[38] В Советской России представители АРА работали с 28 сентября 1921 г. по 1 июня 1923 г.

*[39] Анемподист (Алексеев Афанасий Алексеевич, 1867–1935), схиархимандрит. В 1915 г. наместник Виленского Свято-Духова монастыря. С 1917 г. проживал на Троицком подворье в Москве, нес послушание эконома Патриарха. В 1922 г. арестован. Освобожден по ходатайству Патриарха Тихона, переехал вместе с ним в Донской монастырь, исполнял обязанности келейника. В 1924–1929 гг. в ссылке. Затем проживал в Астрахани. Перед смертью принял великую схиму.

*[40] Шмелев Михаил Михайлович (1879–?). С июля 1921 г. по декабрь 1922 г. уполномоченный 6-го отделения Секретной части (отдела) МЧК. С декабря 1922 г. по октябрь 1929 г. – начальник 6-го отделения Секретной части МГО ГПУ.

*[41] М. Е. Губонин ошибочно полагал, что 28 сентября 1921 г. – это дата по старому стилю, поэтому датировал указ 11 октября 1921 г. (см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сборник: В 2-х ч. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 179).

*[42] Датировка письма в перепечатке, сделанной в ВЧК и опубликованной в сборнике «Следственное дело» (с. 669), ошибочна. Все описанные там события произошли после указанной даты – 28 апреля 1921 г. Вероятно, при перепечатке рукописи Патриарха, перехваченной чекистами, они перепутали римские цифры IX и IV, таким образом указав апрель вместо сентября.

*[43] Блинов Петр (1893–1938), священник, впоследствии обновленческий митрополит. До 1922 г. был священником в Томске. В 1922 г. возглавил основанное им «Сибирское Церковное Управление», «рукоположен» обновленцами с титулом «епископ Томский», принял титул «митрополит всея Сибири». Был первым женатым обновленческим «епископом». Являлся участником обновленческого собора в апреле – мае 1923 г., избран «деловым председателем» первого заседания, подписал акт о низложении Патриарха Тихона. В мае 1938 г. арестован в Минске, будучи обновленческим митрополитом Белорусским. Расстрелян в июне 1938 г. в Минске.

*[44] I Русский Всезаграничный Церковный Собор в Сремских Карловцах проходил 21 ноября – 2 декабря 1921 г. В работе Собора принимали участие 11 архиереев. Наряду с епископами и клириками на Соборе были представлены и миряне, составлявшие почти две трети участников и представлявшие как церковные приходы, так и некоторые общественно-политические организации русской эмиграции. В составе Собора было 95 действительных и шесть почетных членов (трое русских и трое сербов). В обращении Собора «Чадам

Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» были такие слова: «...да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей земле русской и да осенит он сердце народное; да вернет на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовию народа, законного православного Царя из Дома Романовых». Эти слова придавали всему посланию определенный политический оттенок, и из-за них данному документу суждено было сыграть неожиданно большую и весьма негативную роль в дальнейшем развитии отношений Русской Православной Церкви Заграницей с Русской Православной Церковью Московского Патриархата. Против этого места из Послания возражали многие члены Собора, в том числе архиепископ Евлогий (Георгиевский), выразившие свое особое мнение следующими словами: «...постановка вопроса о монархии с упоминанием притом и династии носит политический характер и, как таковая, обсуждению Церковного Собора не подлежит». Архиепископ Евлогий призывал членов Собора: «Поберегите Церковь, Патриарха. Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение. Патриарху и так тяжело!» Среди членов Собора, выразивших свое несогласие относительно «Послания чадам РПЦ, в рассеянии и изгнании сущим», оказались шесть из 12 присутствовавших на Соборе архиереев, в том числе архиепископы Евлогий (Георгиевский), Анастасий (Грибановский) и епископ Вениамин (Федченков) и с ними 14 из 22 представителей духовенства и 14 мирян. Своими действиями политического характера та часть Собора, которая приняла обращение, создавала для властей удобный предлог для разгрома Церкви в России как контрреволюционной организации, связанной с белогвардейской эмиграцией.

На Соборе также были приняты послания «Христолюбивому воинству Русской Армии и Доблестному Вождю», «К Мировой Конференции», «Ко всем верующим в Бога правительствам и народам мира», «Ко всем русским православным беженцам заграницей» и «Русским старообрядцам в Лондоне и заграничных городах и весях», а также «Положение о русских заграничных епархиальных управлениях».

*[45] Епископ Варнава до 20 октября 1921 г. находился в отпуске в Смоленской Зосимовой пустыни Владимирской губернии. Из этого следует, что описываемое происшествие случилось после этой даты. См.: *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь: По материалам следственных и лагерных дел заключенных. М., 1998. С. 253.

*[46] На самом деле мать Е. А. Тучкова умерла очень рано. Женщина, о которой шла речь, была, по всей видимости, теткой или женой Тучкова.

*[47] Хотовицкий Александр Александрович (11.02.1872 – 19.08.1937), священномученик, протопресвитер. Кандидат богословия. С 1917 г. ключарь храма Христа Спасителя в Москве. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1920–1921 гг. подвергался арестам. В марте 1922 г. арестован по делу «об изъятии церковных ценностей», приговорен к десяти годам тюремного заключения. В 1923 г. досрочно освобожден. В 1937 г. арестован и вскоре расстрелян.

*48 Курский Дмитрий Иванович (1874–1932). Родился в Киеве в семье железнодорожного инженера. Образование высшее. Член РСДРП с 1904 г. С 1907 г. член Московского областного бюро ЦК РСДРП. С 1918 г. член коллегии, в 1918–1928 гг. нарком юстиции РСФСР, первый советский генеральный прокурор. С 1923 г. член, в 1924–1927 гг. председатель ЦРК РКП(б) – ВКП(б). В 1927–1930 гг. член ЦКК ВКП(б). В конце 1920-х гг. возглавлял Институт советского права. С 1928 г. полпред в Италии.

*49 Гохран (Государственное хранилище ценностей) был создан особым решением советского правительства в феврале 1920 г. для «централизации хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей, состоящих из золота, платины, серебра в слитках и изделий из них, бриллиантов, цветных драгоценных камней, жемчуга». Он разместился в Настасьинском переулке в Москве, в здании бывшего государственного казначейства.

Глава III

*1 Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938). Член РСДРП с 1900 г. В 1925–1937 гг. кандидат в члены ЦК. В 1921–1923 гг. первый заместитель председателя ВЧК–ГПУ. В 1923 г. исключен из состава ГПУ. С 1924 г. член Центральной Ревизионной комиссии ЦК. В 1923–1925 гг. член Реввоенсовета СССР. В 1925–1930 гг. заместитель председателя Реввоенсовета и заместитель наркомвоенмора. С 1935 г. секретарь Союзного Совета ЦИК. В июне 1937 г. арестован. Расстрелян.

*2 Булганин Николай Александрович (1895–1975) – будущий председатель Совета министров СССР.

*3 Генкин Яков Михайлович (1888–1970), в 1922 г. начальник 4-го отделения (работа против правых партий) Секретного отдела ВЧК. Начальник отдела мест заключения УНКВД Саратовской области. В 1939 г. исключен из партии и уволен в запас в звании старшего майора госбезопасности.

*4 Храм располагался на 1-й Тверской-Ямской ул., д. 11, на углу с Васильевской ул. Здесь находилась кафедра управляющего Московской епархией и пел хор под управлением известного композитора П. Г. Чеснокова. Храм был закрыт не позже мая 1934 г. и, видимо, в том же году снесен.

*5 Виноградов Василий Петрович (23.03.1885 – 24.10.1968), протопресвитер. Родился в Можайске Московской губернии в семье священника. В 1899 г. окончил Звенигородское духовное училище, в 1905 г. – Вифанскую духовную семинарию, в 1909 г. – МДА со степенью кандидата богословия. С 1910 г. доцент кафедры гомилетики; с 1914 г. доцент, в 1917–1919 гг. экстраординарный профессор по кафедре гомилетики и пастырского богословия МДА. Сотрудник епископа Евдокима (Мещерского) по изданию при МДА журнала «Христианин», с 1914 г. ответственный редактор журнала. До 1918 г. опубликовал более 50 работ по пастырскому богословию, церковно-общественным и текущим вопросам религиозной жизни России. С 1918 г. помощник рек-

тора открывшейся Московской православной народной академии. С 1918 г. член Московского епархиального совета, начальник Московских пастырских курсов, проректор МДА. В начале 1921 г. арестован и осужден. Отбывал срок в лагере около Архангельска. Освобожден в конце 1921 г.

В 1922 г. Патриархом Тихоном был рукоположен во иерея. В 1922 г. арестован и заключен в одну из тюрем Москвы, затем переведен во Владимир. В 1923 г. освобожден, вернулся в Москву, был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем церкви в честь Тихвинской иконы Божией Матери в Сущеве. В 1923–1924 гг. являлся председателем Московского епархиального совета. 21 мая 1924 г. включен Патриархом в состав Высшего Церковного Совета. В 1928 г. награжден митрой. В 1930 г. вновь арестован, осужден. Находился в лагерях до 1935 г. В 1935–1942 гг. служил в храмах Московской и Калужской областей. В 1941 г. оказался на оккупированной территории. В 1942 г. переехал в Вильнюс. В 1943 г. Экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским) возведен в сан протопресвитера. В 1942–1944 гг. был наместником вильнюсского Святодуховского монастыря и ректором пастырско-богословских курсов.

В 1944 г. эмигрировал в Австрию, перешел в юрисдикцию РПЦЗ. В 1944–1945 гг. был настоятелем Никольского собора в Вене. С 1945 г. жил в Германии, являлся настоятелем храмов в Бад-Наухайме и Штутгарте, с 1951 г. – в Мюнхене. В 1951 г. был редактором «Церковных ведомостей» Германской епархии РПЦЗ, в 1954 г. возглавлял пастырские курсы при епархиальном управлении. С 1953 г. настоятель храма Архистратига Михаила в Людвигсфельде, руководил его постройкой, а затем служил в нем до конца жизни. Похоронен в Мюнхене.

*[6] Датируется по резолюции И. З. Сурта: «Согласен. 17. II. 22».

*[7] Кедров Виктор Иванович (31.08.1861 – после 1931). С 1901 г. священник церкви святителя Николая в Новой Слободе в Москве, с 1913 г. протоиерей. В 1917 г. председатель Епархиального съезда Московской губернии. С июля 1918 г. по февраль 1922 г. председатель Московского Епархиального Совета. В марте 1922 г. арестован по делу «об изъятии церковных ценностей», приговорен Московским ревтрибуналом к пяти годам тюремного заключения. После освобождения служил в церкви с. Высокого Рязанской губернии. В 1931 г. арестован и приговорен к десяти годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна.

*[8] Храм закрыт в 1934 г., снесен в 1938 г.

*[9] Храм снесен в 1930-х. гг.

*[10] Письмо М. И. Калинину от 25 февраля.

*[11] Здесь ошибка: архиепископ Серафим носил титул «архиепископ Финляндский и Выборгский».

*[12] Пасха в 1922 г. приходилась на 16 апреля по н. ст.

*[13] Запись слов осведомителя сделана в ГПУ, отсюда множество ошибок и опечаток.

*[14] Имеется в виду Генуэзская конференция (10 апреля – 19 мая 1922 г.) – международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. Проходила в Генуе (Италия) при участии 29 государств. Официальная цель – изыскание мер для восстановления экономики Центральной и Восточной Европы после Первой мировой войны. Советская делегация была приглашена в связи с обсуждением вопроса о долгах царского и Временного правительств. Участие в конференции считается одним из крупных успехов советской дипломатии: советское правительство соглашалось с преимущественными правами иностранных владельцев на получение концессии или аренды собственности в России в обмен на признание другими странами Советского государства. Таким образом была преодолена внешнеполитическая изоляция.

*[15] Отточие в тексте источника.

*[16] Арсеньев Иоанн Васильевич (7.03.1862 – 8.09.1930), протоиерей. Родился в дворянской семье в Москве. В 1884 г. закончил Московскую духовную семинарию, в 1889 г. – МДА. В 1891 г. рукоположен во священника. Законоучитель Московского Екатерининского института. Доктор церковной истории. С 1918 г. настоятель храма Христа Спасителя. В 1922 г. вместе со священномучениками Александром Хотовицким, Илией Громогласовым и священником Илией Зотиковым арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей и осужден на пять лет. В 1923 г. освобожден по амнистии, но вскоре вновь арестован и приговорен к ссылке. В 1924 г. направлен в ссылку в г. Тверь. Последние годы жизни, вероятно, провел в Москве, где и скончался. Похоронен на Даниловском кладбище.

*[17] Феофан (Туляков Василий Степанович, 25.02.1864 – 04.10.1937), митрополит. Родился в семье потомственного почетного гражданина Санкт-Петербурга. В 1885 г. окончил Санкт-Петербурскую духовную семинарию, в 1889 – академию. В 1905 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. В 1908 г. возведен в сан архимандрита и назначен заведующим Серафимо-Дивеевским скитом. С 1909 г. наместник Александро-Невской лавры. В 1915 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. С 1916 г. епископ Калужский. В 1922 г. арестован. С 1927 г. архиепископ Псковский и Порховский. В 1935 г. возведен в сан митрополита и назначен на Горьковскую и Арзамасскую кафедру. В 1937 г. арестован и помещен в спецкорпус Нижегородской тюрьмы, где подвергался пыткам. Расстрелян.

*[18] Имеется в виду недовольство советских властей ходом проходившей в апреле – мае 1922 г. Генуэзской конференции.

*[19] Имеется в виду храм Христа Спасителя.

*[20] Из-за недоступности для исследователей ватиканских архивов до сих пор не выявлена переписка Патриарха и Папы Римского.

*[21] Этан Колтон (1872 – после 1959), протестантский пастор и активный участник движения YMCA.

*[22] Имеется в виду епископ Николай (Добронравов), управляющий Московской епархией.

*[23] Имеется в виду материал об антисоветской деятельности архиереев РПЦЗ, который обещали показать Патриарху на вечернем допросе 5 мая.

*[24] Имеется в виду следствие по делу арестованных 5 мая насельников Троицкого подворья, допросы которых были проведены 5–7 мая.

*[25] Ошибка – вероятно, 3/16 мая.

*[26] Иннокентий (Летяев Иннокентий Алексеевич, 07.06.1882 – 14.12.1937), архиепископ. В 1907 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, в 1909 г. – во иеромонаха. Окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1921 г. хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. участвовал в обновленческом Поместном соборе и подписал его деяния. В июне 1923 г. принес покаяние и принят в общение с Московской Патриархией в сущем сане. В 1923–1926 гг. епископ Ставропольский и Кавказский. С 1926 г. епископ Краснодарский и Кубанский. С 1927 г. епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии. Затем епископ Подольский, викарий Московской епархии. С 1932 г. епископ Владимирский. С 1934 г. член Временного Патриаршего Священного Синода. С 1935 г. архиепископ Харьковский. В 1936 г. арестован и приговорен к пяти годам лагерей. В 1937 г. в Сиблаге приговорен к расстрелу.

*[27] Антоний (Флоренсов Михаил Симеонович, 27.08.1847 – 20.02.1918), епископ Вологодский и Тотемский. С 1898 г. до своей кончины проживал на покое в Донском монастыре, пользуясь особым почитанием у москвичей. Митрополит Мануил (Лемешевский) свидетельствовал, что епископ Антоний «...в Москве считался местночтимым, как великий праведник и подвижник. Имя его было занесено во многие сотни и тысячи поминаний верующих Москвы».

*[28] Алексий (Палицын Василий Михайлович, 04.08.1881 – 08.04.1952), архиепископ Куйбышевский и Сызранский. Родился в с. Дубровки Рязанской губернии в семье священника. В 1903 г. окончил Рязанскую духовную семинарию. В 1914 г. принял монашеский постриг в одном из киевских монастырей и рукоположен во иеродиакона. Вскоре был зачислен в число братии Донского монастыря и рукоположен во иеромонаха. С 1922 г. настоятель Донского монастыря. В 1924 г. был назначен епископом Суздальским, временно управляющим Владимирской епархией, но вскоре освобожден от назначения

с оставлением наместником Донского монастыря. В 1924–1926 гг. находился в ссылке в Нарымском крае. В 1926 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. После хиротонии был арестован и заключен в Соловецкий лагерь. В 1941 г. назначен архиепископом Волоколамским, осенью 1941 г. – временно управляющим Московской епархией, в 1942 г. – архиепископом Куйбышевским. Был участником Архиерейского Собора, проходившего 8 сентября 1943 г., на котором Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергий (Страгородский).

*[29] Фамилия не читается.

*[30] Слово не читается.

*[31] Попов Николай Николаевич (1891–1938). Член РСДРП с 1906 г., член РКП(б) с 1919 г. В 1930–1937 кандидат в члены ЦК ВКП(б). С 1919 г. секретарь Харьковского губкома партии, затем на работе в аппарате ЦК РКП(б). В 1922 г. заведующий подотделом пропаганды Агитпропа. В 1922–1923 гг. председатель АРК, в 1923–1924 гг. заместитель председателя. В 1933–1937 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. Член ЦИК СССР. Расстрелян по обвинению в принадлежности к оппозиции.

*[32] Смидович Петр Гермогенович (1874–1935), член РСДРП с 1898 г. В 1921–1922 гг. член ЦКК РКП(б). В 1918–1921 гг. член Президиума ВЦИК. С 1920 г. заместитель председателя ВЦИК. В 1922–1924 гг. член Президиума ЦИК СССР. В 1921–1923 гг. заместитель председателя ЦК Помгола при ВЦИК. С 1922 г. член АРК. В 1924–1929 гг. глава Секретариата по делам культов при председателе ЦИК СССР. С 1922 г. председатель комиссии по делам сектантов при Политбюро.

Глава IV

*[1] Агранов (Сорендзон) Яков Саулович (1893–1938). Член РСДРП с 1915 г. С мая 1919 г. особоуполномоченный при Президиуме ВЧК. С 1921 г. секретарь Малого Совнаркома. В 1921–1923 гг. следователь по особо важным делам ВЧК–ГПУ. С октября 1923 г. первый заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ. В 1931–1933 гг. полномочный представитель ОГПУ по Московской области. С февраля 1933 г. по июль 1934 г. зам. председателя ОГПУ СССР. В 1934–1937 гг. первый заместитель наркома внутренних дел СССР. С декабря 1936 г. по апрель 1937 г. начальник ГУГБ НКВД СССР. С апреля по май 1937 г. начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В мае 1937 г. освобожден от должности заместителя наркома НКВД; назначен на должность начальника УНКВД по Саратовской области. К декабрю 1937 г. арестован, как и Г. Ягода. Руководил (или надзирал) следствием по делу В. Н. Таганцева и Н. С. Гумилева (1921) и другими важнейшими делами 1930-х гг. вплоть до дел Зиновьева – Каменева и Радека – Пятакова. Расстрелян.

*[2] Сотрудник ГПУ А. Рыбкин.

*3

«ПОЛОЖЕНИЕ О VI ОТДЕЛЕНИИ СОГПУ

1) VI-ое Отделение СОГПУ ведет работу по борьбе с церковной и сектанской контр-революцией, руководит этой работой во Всероссийском масштабе.

НА 6 ОТДЕЛЕНИЕ ВОЗЛАГАЕТСЯ:

2) Следить и пресекать действия церковников всех культов и различных сект, направленных против Советской власти ея декретов и распоряжений.

3) Вести работу по разложению церковников и сектантов, разбивая их на разные друг другу враждебные группы и тем самым порализовать их единство.

4) Следить за тем, чтобы под церковным флагом не создавались черносотенные, контр-революционные организации.

5) Вести учет политически неблагонадежным церковникам, сектантам и вести прочем проходящим по делам с ними.

6) Производство дознания и следствия по делам церковников и сектантов обвиняемых в антисоветской деятельности и лиц с ними связанных.

7) Выявлять и пресекать деятельность лиц ведущих антисоветскую агитацию под церковным флагом.

8) Выявлять контр-революционную связь церковников и сектантов с за-границей.

9) Наблюдение за издаваемой церковниками и сектантами литературой и недопущения на их адрес религиозной антисоветской литературы из за границы.

10) Наблюдение за регистрацией церковных и сектантских групп, общин и союзов.

11) Изучить тактику и приемы контр-революционных церковных и сектанских деятелей.

НАЧАЛЬНИК 6 ОТДЕЛЕНИЯ СОГПУ: Е. Тучков

„6“ Февраля 1923 года».

ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 93.

(Орфография и пунктуация оригинала сохранены. – *Ред.*)

*4 Крыленко Николай Васильевич (02.05.1885 – 29.07.1938), советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1904 г., в 1917–1918 гг. нарком, член Комитета по военно-морским делам, верховный главнокомандующий Красной армии. С 1918 г. председатель Верховного революционного трибунала. С декабря 1922 г. заместитель наркома юстиции и старший помощник прокурора республики. Должен был выступать в качестве государственного обвинителя на процессе по делу Патриарха Тихона. В 1927–1934 гг. член Центральной контрольной комиссии ВКП(б). С 1928 г. прокурор РСФСР. С 1931 г. нарком юстиции РСФСР. С 1936 г. нарком юстиции СССР. Репрессирован по обвинению в принадлежности к правотроцкистской организации. Расстрелян.

*5 Минин Сергей Константинович (1882–1962). Член РСДРП с 1905 г. С 1918 г. член ЦК КП(б) Украины. С 1923 г. ректор Коммунистического университета, ректор Государственного университета (в Петрограде). В 1923–1925 гг. член Северо-Западного бюро ЦК РКП(б). Член ВЦИК.

*[6] Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский Евсей-Гершен Аронович) (1883–1936), советский партийный деятель. В РСДРП с 1903 г. В 1907–1927 гг. член ЦК партии. В 1921–1926 гг. член Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). В 1917–1926 гг. председатель Петроградского совета. В 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) выступил против группы Сталина и партийного большинства. В 1926 г. был отстранен от руководства Ленсоветом и выведен из состава Политбюро. В 1927 г. исключен из партии и выслан. В 1928 г. после покаяния восстановлен в партии. В 1934 г. арестован и осужден на десять лет тюрьмы. В 1936 г. приговорен к высшей мере наказания по делу Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Расстрелян.

*[7] Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1881–1937), политический деятель. С 1919 г. член коллегии ВЧК, ГПУ. До начала 1930-х гг. начальник отдела контрразведки, затем служил в штабе РККА. В 1937 г. арестован, обвинен в «сочувствии троцкизму, организации антисоветского заговора в НКВД и РККА, а также в подготовке терактов». Расстрелян.

*[8] Нансен Фритьоф (1861–1930), норвежский полярный исследователь, общественный и политический деятель. С августа 1921 г. руководитель акции Красного Креста по оказанию помощи голодающим Поволжья. Главный уполномоченный по оказанию помощи России от Женевской конференции. Лауреат Нобелевской премии мира (1922).

*[9] В 1930-х гг. этот обновленческий митрополит, «будучи преклонного возраста, выкрасил волосы в черный цвет и женился» (Обновленческий раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 904).

*[10] Новиков (Айзенштейн) А. И., деятель обновленчества. С 1922 г. управляющий делами обновленческого ВЦУ. В 1923 г. назначен членом обновленческого Синода. До января 1925 г. член президиума обновленческого Синода, управляющий делами.

*[11] Дерибас Терентий Дмитриевич (1883–1938). Член РСДРП с 1903 г. С 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). С 1921 г. помощник начальника, с 1923 г. начальник Секретного отдела ГПУ – ОГПУ. С 1929 г. полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю. В 1931–1934 гг. член Коллегии ОГПУ. В 1935 г. ему присвоено звание «комиссар государственной безопасности 1-го ранга». В 1935–1937 гг. уполномоченный НКВД по Дальневосточному краю. В 1937 г. снят с поста, арестован по обвинению «в шпионаже, сочувствии троцкизму и организации ряда заговоров в НКВД и Красной армии». В 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни.

*[12] В версии доклада, направленной в партийные органы, напечатано слово «убедить».

*[13] Гурий (Степанов Алексей Иванович, 1880–1937), епископ. В 1919–1920 гг. был настоятелем московского Покровского миссионерского монас-

тыря. В епископском сане оставался управляющим Покровским монастырем до ареста в июне 1920 г. Впоследствии неоднократно находился в заключении. В 1924 г. возведен в сан архиепископа.

*[14] Священник Александр Зверев, настоятель храма Святой Софии на Софийской набережной.

*[15] Архиепископ Тихон (Оболенский), проживавший в Москве и служивший в храме Святой Софии на Софийской набережной.

*[16] Митрополит Агафангел (Преображенский).

* [17] Мелетий (Метаксакис), Патриарх Константинопольский (1922–1923).

Глава V

*[1] Яков Анисимович Полозов, келейник Патриарха Тихона.

*[2] Алексий Мечёв (17.03.1859 – 22.06.1923), протоиерей, святой праведный. Родился в Москве. Окончил Московскую духовную семинарию, в 1884 г. был рукоположен во диакона. В 1893 г. рукоположен во иерея к церкви святителя Николая в Кленниках на Маросейке. Особый след в жизни отца Алексия оставила встреча со святым праведным Иоанном Кронштадтским, который, будучи в Москве во дни, когда протоиерей Алексий тяжело переживал кончину своей матушки, не только утешил и поддержал его в скорби, но и, провидя в нем дар старчества, благословил его на подвиг духовничества. С этого времени на протяжении 20 с лишним лет отец Алексий служил в храме святителя Николая на Маросейке, став духовным пастырем для многих тысяч людей. Каждого из приходящих он встречал с любовью, вселяя в души людей веру, радость и мир Христов. Он был наделен даром прозорливости и другими духовными дарованиями и при этом всегда сохранял смирение. Патриарх Тихон очень любил и уважал отца Алексия и при хиротонии всегда учитывал его отзывы о кандидатах в священники. Святитель Тихон предложил старцу взять на себя труд по объединению московского духовенства. Собрания духовенства проходили в храме Христа Спасителя, но вскоре были прекращены. Дважды (в конце 1922 г. и в марте 1923 г.) отца Алексия вызывали в ОГПУ и запрещали принимать народ. В конце мая 1923 г. о. Алексий уехал в Верею, где и скончался.

*[3] Имеется в виду советская власть.

*[4] Это было первое облачение Святейшего в богослужебные патриаршие одежды с мая 1922 г. и момента решения обновленческого собора о лишении его Патриаршества.

*[5] Указание собеседницы М. Е. Губонина М. Мироновой, присутствовавшей на этой встрече, на то, что встреча произошла 5 июля («было это 5 июля <н. ст.> 1923 г., в воскресенье вечером»), ошибочно. Вероятно, она имела

в виду пятый день после освобождения Патриарха, воскресенье 1 июля (см.: Наши Марфы и Святейший // Богословский сборник ПСТБИ: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. № 6. С. 307).

*[6] Филипп (Гумилевский Сергей Николаевич, 04.08.1877 – 22.09.1936), архиепископ. В 1901 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1907 г. принял монашеский постриг. В 1908 г. рукоположен во иеромонаха. В 1920 г. хиротонисан во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии. С 1922 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии. В 1923 г. Патриархом Тихоном назначен управляющим Нижегородской епархией, но выехать к месту служения не смог. В 1925 г. находился в общении со старообрядцами. Принес покаяние. В 1926–1927 гг. в ссылке. С 1927 г. архиепископ Звенигородский, викарий Московской епархии, член Временного Патриаршего Священного Синода. В 1930 г. рукоположил монаха Пимена (Извекова), будущего Святейшего Патриарха, во иеродиакона, а в 1931 г. – во иеромонаха. В 1932–1933 г. в заключении. С мая 1936 г. архиепископ Владимирский и Суздальский. В 1936 г. постановлением ОСО при НКВД осужден на три года лишения свободы. Скончался в тюрьме.

*[7] Архиепископ Николай (Добронравов).

*[8] Парфений (Брянских Петр Арсеньевич, 30.10.1881 – 22.11.1937), епископ Ананьевский, викарий Одесской епархии, священномученик. Родился в Иркутске. В 1907 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1911 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха, затем возведен в сан архимандрита. В 1921 г. хиротонисан во епископа Новомиргородского, викария Одесской епархии. С 1922 г. епископ Ананьевский, викарий Одесской епархии. В том же году был впервые арестован, выслан в Харьков, а затем в Москву, где с 1924 г. жил в Свято-Даниловом монастыре. Являлся ближайшим сподвижником архиепископа Феодора (Поздеевского). С 1924 г., после ареста последнего, владыка Парфений возглавил братию обители. В 1925 г. арестован и приговорен к трем годам ссылки в Коми-Зырянский край. По возвращении из ссылки вновь жил в Свято-Даниловом монастыре. В 1934 г. был в очередной раз арестован, заключен в Бутырскую тюрьму в Москве и в 1935 г. приговорен к пяти годам ссылки в Архангельск. В 1937 г. вновь арестован и направлен в Архангельский следственный изолятор. Постановлением «тройки» при Управлении НКВД приговорен к расстрелу.

*[9] Собор в честь святого Александра Невского на Миусской площади в Москве был заложен в 1913 г., строительство не было завершено.

*[10] Трифон (Туркестанов Борис Петрович, 29.11.1861 – 14.06.1934), митрополит. Родился в Москве в семье, принадлежавшей к грузинскому княжескому роду. В 1889 г. принял монашеский постриг. В 1890 г. был рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. В 1895 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия. С 1897 г. ректор Вифанской духовной семинарии

в сане архимандрита. С 1899 г. ректор Московской духовной семинарии. В 1901 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. В 1916 г. уволен на покой. В 1916–1918 гг. управлял Ново-Иерусалимским Воскресенским монастырем. После этого жил на покое в Донском монастыре. В 1923 г. возведен в сан архиепископа, а в 1931 г. – в сан митрополита. Владыка Трифон составил благодарственный акафист Спасителю «Слава Богу за всё». Скончался в Москве, погребен на Введенском (Немецком) кладбище.

*[11] Петр (Руднев Николай Николаевич, 18.04.1891 – 03.11.1937), архиепископ, священномученик. Родился в деревне Кузяево Московской губернии в семье учителя. В 1906 г. окончил Перервинское духовное училище, в 1912 г. – Московскую духовную семинарию, по окончании которой продолжил обучение в МДА. В 1915 г. пострижен в монашество архимандритом Иларионом (Троицким), рукоположен во иеродиакона, затем в иеромонаха. В 1916 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия. В 1918 г. преподавал в Киевской духовной академии, после ее закрытия приехал в Москву и был принят в братию Данилова монастыря. С 1920 г. архимандрит московского Симонова монастыря. В 1928 г. хиротонисан во епископа Сергиевского (Загорского), викария Московской епархии. С 1929 г. епископ Коломенский, викарий Московской епархии. С 1933 г. епископ Самарский (Куйбышевский). В 1934 г. возведен в сан архиепископа. В 1935 г. арестован и приговорен к пяти годам лагерей. Отбывал наказание в Соловецком лагере. В 1937 г. переведен в тюрьму. Повторно осужден и приговорен к расстрелу.

*[12] Вскоре Красницкого вывели из состава обновленческих руководящих органов, и он был вынужден уехать в Петроград. Он отказался подчиняться указам обновленческого Синода о роспуске всех обновленческих групп и в сентябре 1923 г. во главе группы «Живая церковь» порвал с остальным обновленчеством.

*[13] Имеется в виду, вероятно, послание от 1 июля 1923 г.

*[14] Иов (Рогожин Флегонт Иванович, 1883 – 20.04.1933), епископ. Родился в станице Червленой Терской области в казачьей старообрядческой семье. В 1905 г. окончил Ардонскую духовную семинарию, в 1909 г. – Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Во время учебы в академии был пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1920 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. Управлял единоверческими приходами. В 1922 г. арестован, но вскоре освобожден. В 1923–1925 гг. епископ Пятигорский, викарий Ставропольской епархии. С 1926 г. епископ Усть-Медведицкий, викарий Донской епархии. Был арестован и приговорен к заключению в лагере, около года находился в Соловецком лагере особого назначения, затем освобожден. С 1927 г. епископ Мстерский, викарий Владимирской епархии. В 1930 г. арестован и приговорен к трем годам ссылки в Северный край. Скончался в лагере.

*[15] Трофим (Якобчук Тимофей Маркович, 03.05.1868 – 04.11.1937), епископ. Родился в Киевской губернии. С 1913 г. настоятель уфимского Успен-

ского монастыря в сане архимандрита. В 1922 г. хиротонисан по инициативе и при участии архиепископа Андрея (Ухтомского) во епископа Бирского, викария Уфимской епархии. С 1924 г. епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии. С 1927 г. в ссылке в Заонежском районе Карельской АССР. В 1937 г. арестован и приговорен к расстрелу.

*[16] Патриарх в письме Тучкову от 20 ноября писал, что епископ Петр всего три месяца находится на свободе (см.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 357).

*[17] Имеется в виду Н. Н. Попов.

*[18] По данным Православной энциклопедии, архиепископ Агапит (Вишневский) скончался в тюрьме в 1925 или 1926 г. (см.: *Цыпин В., прот.* Агапит (Вишневский), архиеп. // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 227).

*[19] Это богослужение не отражено в Богослужебном дневнике.

*[20] Так на слух было воспринято имя Анемподист. Архимандрит Анемподист страдал водянкой, поэтому казался очень тучным.

*[21] Иоанн (Братолюбов Сергей Васильевич, 16.06.1882 – 27.02.1968), епископ. Родился в Казани в семье протоиерея Казанского женского монастыря. В 1906 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1907 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. В 1912 г. возведен в сан архимандрита. С 1917 г. настоятель тюменского Троицкого монастыря Тобольской епархии. С 1921 г. настоятель тобольского Знаменского монастыря. В 1922 г. был определен на кафедру епископа Березовского, викария Тобольской епархии. В 1923 г. хиротонисан во епископа Березовского. В 1924 г. распоряжением Святейшего Патриарха Тихона епископ Иоанн назначен временно управляющим Иркутской епархией. Однако, согласно собственному прошению, через месяц освобожден от назначения в Иркутск и переведен в Воткинск. С 1924 г. епископ Воткинский, викарий Сарапульской епархии. С 1926 г. епископ Суздальский, викарий Владимирской епархии. С 1927 г. епископ Шацкий, викарий Тамбовской епархии. С 1929 г. епископ Уральский и Покровский. С 1930 г. епископ Курганский. В 1931 г. арестован как «член к/р организации» и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. В 1937 г. вновь арестован и приговорен к десяти годам лагерей, отбывал наказание в Северном Ураллаге. Освобожден досрочно. С 1943 г. архиепископ Сарапульский, затем Ижевский. Был участником Московского Собора, избравшего Патриархом митрополита Сергия (Страгородского). С 1945 г. архиепископ Уфимский и Башкирский. С 1948 г. на покое в Жировицком монастыре Минской епархии. С 1953 г. архиепископ Ульяновский и Мелекесский. С 1959 г. на покое.

*[22] Все сводки наблюдений по делу «Монастырь», которое вошло в 5-й том следственного дела Патриарха, велись по итогам наблюдений в самом монастыре.

*[23] Этот порядок описан в сводках наблюдений, архиереи и духовенство шли навстречу Патриарху к его покоям.

*[24] Очевидно, митрополит Сергий побывал у Патриарха на приеме.

*[25] Гервасий (Малинин Григорий Васильевич, 1880 – после 1932), с 1923 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии; с 1925 г. епископ Ростовский и Угличский. В 1925 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1932 г. публично отрекся от Бога и Церкви.

*[26] У М. Е. Губонина неточность: в это время Петр (Полянский) был епископом, а не митрополитом, и находился в ссылке вне Москвы.

*[27] У М. Е. Губонина неточность: в это время Борис (Рукин) был архимандритом.

*[28] Лебедев Михаил Петрович (29.08.1895 – 23.10.1930), протодиакон. Родился в Петергофе. Начал служить певчим в Сергиевой пустыни. До 1923 г. служил в церкви Спаса на Сенной в Петрограде. В 1923–1924 гг. служил вместе со Святейшим Патриархом Тихоном в Москве и одновременно в Академической капелле. Арестован в 1924 г. в Москве как «активный реакционный деятель тихоновской церкви», приговорен к трем годам ссылки, по окончании которой выслан во Владимир, где в 1930 г. вновь был арестован и приговорен к расстрелу.

*[29] Речь идет о В. Н. Львове.

Львов Владимир Николаевич (1872–1934), в 1917 г. обер-прокурор Священного Синода. В 1920 г. эмигрировал. В 1922 г. с разрешения Политбюро ЦК РКП(б) вернулся в Россию и примкнул к «Живой церкви». Управляющий делами обновленческого ВЦУ до 1923 г. Активный пропагандист обновленчества. В 1927 г. арестован и сослан в Томск на три года.

*[30] Красотин Павел, протоиерей. Священник Ярославской епархии. Летом 1922 г. примкнул к обновленческому движению. Возглавил группу «Союз общин древлеапостольской церкви» (СОДАЦ) в Ярославской епархии. Выдвинут делегатом на собор 1923 г. В мае 1923 г. вошел в состав обновленческого ВЦС, а в августе 1923 г. – в обновленческий Синод.

*[31] Имеется в виду архиепископ Серафим (Мещеряков).

*[32] На съезде была утверждена резолюция о единой церковной кассе. Обновленческое движение переживало острый финансовый кризис, а полученных от ГПУ средств не хватало. Основным источником поступления денег должны были стать церкви на кладбищах и свечные заводы; половина всех средств, полученных через них, должна была поступать в ВЦУ. С каждого прихода требовалось до 1 октября 1922 г. перечислить в ВЦУ пять миллионов рублей, до 6 октября 1922 г. предписывалось передать ВЦУ все монастырские средства, кроме самых необходимых.

*[33] На съезде «Живой церкви» была принята резолюция, согласно которой от ВЦУ требовалось еще до созыва Собора разрешить хиротонии женатых пресвитеров в епископы, второбрачие священнослужителей, а также разрешить монахам в священном сане жениться, не снимая сана, а духовенству и епископам жениться на вдовах. Отменялись также некоторые канонические ограничения при вступлении в брак: кровное родство четвертой степени, разрешались браки между крестным отцом и матерью.

*[34] Подписано архиепископом Тихоном, епископами Петром и Серафимом.

*[35] Артемий (Ильинский Александр Матвеевич, 30.07.1870 – 30.08.1937), архиепископ. В 1890 г. окончил Архангельскую духовную семинарию, в 1898 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1915 г. назначен ректором Уфимской духовной семинарии, пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. В 1917 г. хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. В 1918 г. возглавлял комиссию по подготовке встречи в Петрограде Патриарха Тихона. В 1922 г. уклонился в обновленчество. В 1923 г. был назначен обновленцами временно управляющим Петроградской епархией, затем архиепископом Петроградским. В 1923 г. был возведен обновленцами в сан митрополита. В 1923 г. участвовал в заседаниях обновленческого «Второго поместного собора православной Российской Церкви», на котором подписал постановление о лишении сана и монашества Патриарха Тихона. 23 ноября 1923 г. подал епископу Мануилу (Лемешевскому) заявление о разрыве с обновленчеством. 4 декабря 1923 г. специально разработанным епископом Лужским Мануилом (Лемешевским) чином принес покаяние в уклонении в раскол. В 1924–1928 гг. находился в ссылке. С 1928 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский, с 1930 г. епископ Тобольский, с 1934 г. епископ Тобольский и Тюменский. В 1937 г. возведен в сан архиепископа. В том же году арестован и приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян.

*[36] Выделено в источнике.

*[37] «Компания» – имеется в виду Синод.

*[38] Епископ Иннокентий (Бобцов).

Глава VI

*[1] Колчицкий Николай Федорович (17.04.1890 – 11.01.1961), протопресвитер. В 1915 г. окончил МДА, кандидат богословия. Служил в Харькове, с 1923 г. – в Москве. С 1924 г. до своей смерти был настоятелем храма Богоявления в Елохове. В 1941–1956 гг. управляющий делами Московской Патриархии, с 1945 г. протопресвитер. В 1956–1961 гг. председатель Учебного комитета при Священном Синоде.

*[2] Платон (Руднев Николай Николаевич, 11.06.1855 – январь 1936), епископ. С 1923 г. епископ Богородский, викарий Московской епархии. В январе

1924 г. был уволен на покой с Богородского викариатства Московской епархии. В том же году арестован, помещен в Бутырскую тюрьму, затем отправлен в Соловецкий лагерь. В 1932 г., после освобождения, поселился во Владимире, но вскоре вновь арестован и приговорен к трем годам лагерей. По отбытии наказания проживал в Калинине. В 1935 г. был вновь арестован. Погиб в заключении при невыясненных обстоятельствах (возможно, расстрелян).

*[3] Имеется в виду Г. Е. Зиновьев.

*[4] Владимир Алексеевич Смирнов (май 1877–10.12.1937), протоиерей, священномученик. Родился в с. Петропавловском Богородского уезда Московской губернии в семье диакона. Окончил Московскую духовную семинарию, в 1922 г. – юридический факультет Московского университета. В 1917 г. рукоположен во иерея. Служил в храме Семи Вселенских Соборов близ Новодевичьего монастыря, затем в храме Сошествия Святого Духа на Кропоткинской ул. В 1930 г. арестован, в 1931 г. приговорен к трем годам высылки в Северный край. После освобождения служил в церкви в с. Ярополец Волоколамского района Московской области, возведен в сан протоиерея. В 1937 г. вновь арестован по обвинению в «антисоветской агитации». Расстрелян.

*[5] Имя искажено при перепечатке письма сотрудниками ОГПУ.

*[6] Великий пост начался 10 марта 1924 г.

*[7] В документе стоит дата 17 апреля 1924 г., указанная, видимо, по старому стилю.

*[8] В заявлении М. И. Калинину с ходатайством об освобождении епископов Андрей (Ухтомский) назван епископом (см.: Архивы Кремля. Кн. 2. С. 427).

*[9] Артоболевский Иоанн Алексеевич (09.01.1872 – 17.02.1938), протоиерей, священномученик. Родился в с. Проказна Мокшанского уезда Пензенской губернии в семье священника. В 1895 г. окончил МДА. В 1899 г. удостоен звания магистра богословия. В 1905 г. рукоположен во иерея. С 1911 г. профессор богословия, настоятель Петропавловской церкви при Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. Участвовал в работе Поместного Собора 1917–1918 гг. от Московской епархии. В 1919 г. возведен в сан протоиерея. В 1922 г. арестован по делу об изъятии церковных ценностей, заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ и приговорен к трем годам тюремного заключения, однако в январе 1923 г. освобожден постановлением ВЦИК. В 1924 г. награжден митрой. В мае того же года включен в состав Высшего Церковного Совета. С 1925 г. настоятель Введенской церкви в Черкизове. В 1933 г. арестован по обвинению в «антисоветской пропаганде», заключен в Бутырскую тюрьму и приговорен к трем годам ссылки в Северный край, по окончании которой вернулся в Москву. В 1938 г. вновь арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации», заключен в Таганскую тюрьму и приговорен расстрелу.

*[10] Боголюбов Димитрий Иванович (17.02.1869 – 22.06.1953), профессор-протоиерей, миссионер. Родился в с. Барабановка Бузулукского уезда Самарской губернии в семье псаломщика. В 1894 г. окончил МДА. После окончания академии был епархиальным миссионером в Тамбовской, Харьковской, Санкт-Петербургской епархиях. Член Предсоборного присутствия, участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1921 г. приговорен к году ссылки в Архангельскую область. В 1922 г. принял священный сан, был помощником Патриарха Тихона по управлению Московской епархией. После возведения в сан протоиерея назначен благочинным Пречистенского сорока. В 1924 г. арестован «как активный реакционный деятель тихоновской церкви», но вскоре освобожден. В 1926 г. арестован вторично, приговорен к трем годам лишения свободы. В 1929 г. освобожден. В 1930 г. вновь арестован, приговорен к десяти годам заключения. В 1943 г. участвовал в возрождении духовных школ. Был профессором истории раскола в Московском православном богословском институте, а затем в МДА. Участвовал в Поместном Соборе 1945 г. В 1947 г. удостоен степени магистра богословия и звания профессора. С 1951 г. на пенсии.

*[11] Архимандрит Анемподист (Алексеев).

*[12] Белоликов Василий Захарович (30.01.1887 – 25.11.1937), церковный историк, специалист по истории старообрядчества, профессор Московской богословской академии. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1934 г. порвал с обновленчеством. В 1935 г. арестован и приговорен к трем годам лишения свободы. Из следственного дела следует, что был секретным сотрудником ГПУ и арестован за «оглашение не подлежащих оглашению сведений». Освобожден в 1937 г. В том же году вновь арестован. Приговорен к расстрелу.

*[13] К 15 июня 1924 г.

*[14] Патриарх Мелетий в 1924 г. был вынужден покинуть Константинопольский патриарший престол и в 1926 г. избран Патриархом Александрийским.

*[15] Такого отдела в ОГПУ не было, уголовными преступлениями занимался НКВД.

*[16] Президиум ВЦИК 25 августа 1924 г. для рассмотрения заявлений, обращений и жалоб граждан «по религиозным вопросам» образовал при Председателе ВЦИК Секретариат по делам культов во главе с П. Г. Смидовичем. Секретариат не только разбирал жалобы верующих на постановления губ- и облисполкомов о закрытии молитвенных зданий, расторжении договоров с группами верующих, о пользовании культовыми зданиями, но и консультировал местные органы власти по наиболее сложным вопросам законодательства о культах, анализировал религиозную ситуацию в РСФСР в целом и в отдельных регионах и информировал о ней Президиум ВЦИК, вносил предложения по совершенствованию законодательства о культах (см.: *При-*

казчикова О. Б. Деятельность Постоянной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 41–76).

*[17] Имеется в виду протоиерей Павел Красотин.

*[18] Имеется в виду архиепископ Серафим (Лукьянов), который с 1921 г. являлся главой автономной Православной Церкви в Финляндии.

*[19] Имеется в виду архиепископ Рижский и Митавский Иоанн (Поммер).

*[20] Константин (Дьяков Константин Григорьевич, 19.05.1871 – 10.11.1937), митрополит, священномученик. Родился в Харьковской губернии в семье священника. Окончил Харьковскую духовную семинарию. В 1891 г. рукоположен во иерея. В 1923 г. арестован без предъявления обвинения, освобожден через два месяца. В 1924 г. принял монашеский постриг и был хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. В 1926 г. вновь арестован. С 1927 г. член Временного Патриаршего Священного Синода, возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским. С 1934 г. митрополит Киевский, Экзарх Украины. В 1937 г. арестован. Погиб во время допроса.

*[21] Фамилию установить не удалось.

*[22] М. В. Шкаровский указывает дату хиротонии 1 октября, не оговаривая, что используется старый стиль (см.: *Шкаровский М. В.* Иларион (Бельский) // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 165).

*[23] См. о нем: За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. М., 1997. Кн. 1: А–К. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви). По данным Н. А. Кривошеевой арест был произведен в январе 1925 г. (см.: Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 299).

Глава VII

*[1] Хиротония архимандрита Иннокентия (Пустынского) во епископа Аляскинского, викария Алеутской и Североамериканской епархии, ранее служившего миссионером в США и на Алеутских островах и там принявшего монашество, состоялась 14 декабря 1903 г. в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Вручая архиерейский жезл новому архиерею, епископ Тихон (Беллавин) напутствовал своего викария.

*[2] Шервинский Василий Дмитриевич (1850–1941), эндокринолог, доктор медицины (с 1879 г.), профессор (с 1884 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1928 г.), основоположник клинической эндокринологии в СССР.

*[3] Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872–1941), терапевт. Заслуженный деятель науки России (1933). Один из основателей кардиологии в СССР. Автор трудов по инфекционным болезням, проблемам психосоматики, истории и методологии медицины. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

*[4] Пашкевич Константин Михайлович (1889–?), келейник Патриарха Тихона. Сын Михаила Павловича Пашкевича, друга Патриарха по годам студенчества. В 1925 г. был арестован по делу «Даниловского синода», в августе 1926 г. освобожден.

*[5] Речь идет о Полозовой Наталии Васильевне, жене Я. А. Полозова.

*[6] Архимандрит Тихон (Шарапов Константин Иванович, 07.04.1886 – 10.11.1937) с 1922 г. был наместником Жировицкого монастыря, который находился тогда на территории Польши, откуда был выслан польскими властями в Берлин, где пробыл с 17 октября 1924 г. по 17 января 1925 г., когда приехал в Москву. Патриарх Тихон направил архимандриту Тихону несколько писем, в которых сообщал, что ведет переговоры с Народным комиссариатом иностранных дел о его приезде в Россию. 22 ноября 1924 г. Антирелигиозная комиссия специально рассмотрела вопрос «О разрешении въезда в СССР из Германии архимандрита Тихона Шарапова». Въезд разрешили. 22 марта 1925 г. была совершена хиротония архимандрита Тихона во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. Хиротонию совершал Патриарх Тихон. Архимандрит Тихон доставил Патриарху Тихону и митрополиту Петру корреспонденцию зарубежных архиереев. 30 марта 1925 г. появился указ Патриарха Тихона епископу Тихону (Шарапову) о принятии на себя духовного попечения о членах Православной Русской Церкви в Польше, сохранивших верность Московскому Патриаршему престолу. Однако уже 16 мая 1925 г. епископ Тихон был арестован ОГПУ в Гомеле.

*[7] Пантелеимон (Рожновский Павел Стефанович, 27.10.1867 – 30.12.1950), епископ Пинский и Новогрудский, затем архиепископ, митрополит. В 1922 г. участвовал в Польском Соборе в Варшаве, где выступал против автокефалии, за что был насильственно удален из епархии и сослан в Мелецкий монастырь на Волыни, а затем в Жировицкий монастырь.

*[8] Кирьянов Николай Борисович (29.03.1902 – 22.09.1988), иподиакон архиепископа Илариона (Троицкого). В 1925 г. был арестован и направлен в Соловецкий лагерь, где находился до 1928 г. В 1928–1933 гг. находился в ссылке в Костромской области. После освобождения жил в Туле.

*[9] Речь идет о митрополите Казанском Кирилле (Смирнове), который согласно завещанию святителя Тихона был определен первым кандидатом в Местоблюстители.

*[10] Вписано от руки.

*[11] Вписано от руки.

Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон

Из собрания Церковно-археологического кабинета
им. Святейшего Патриарха Алексия I
в Московской духовной академии (ЦАК МДА)

Патриарх Тихон и митрополит Петр (Полянский). *1924 г.*

Патриарх Тихон на заседании Поместного Собора. *1917–1918 г.*

Из собрания ЦАК МДА

Архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский) с духовенством. *1913–1917 гг.*

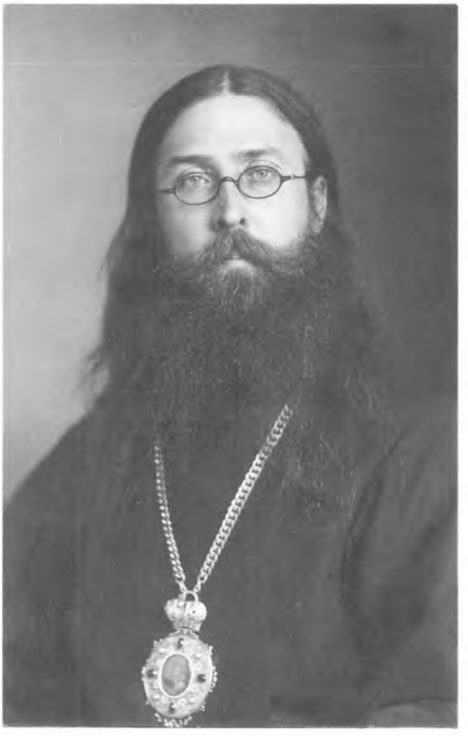
Из собрания ЦАК МДА

Митрополит Серафим (Чичагов) с клириками и прихожанами Троицкого собора. *1924 г.*

Из собрания ЦАК МДА

Митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский)

Из собрания ЦАК МДА



Епископ Шлиссельбургский, викарий Петроградской епархии, Григорий (Лебедев). *1923–1924 гг.*

Из собрания ЦАК МДА

Митрополит Крутицкий
Петр (Полянский). *1924–1925 гг.*

Из собрания ЦАК МДА

Архиепископ Феодор (Поздеевский)
23 августа 1925 г.

Из собрания ЦАК МДА

Епископ Дмитровский,
викарий Московской епархии,
Серафим (Звездинский)
Начало 1920-х гг.

Из собрания ЦАК МДА

Митрополит Московский
Макарий (Невский)
1913 г.

Из собрания ЦАК МДА

Митрополит
Сергий (Страгородский)
1930-е гг.

Из собрания ЦАК МДА

Архиепископ Алексий (Симанский)
Конец 1920-х гг.

Из собрания ЦАК МДА

Митрополит Арсений (Стадницкий)
Начало 1920-х гг.

Из собрания ЦАК МДА

Епископ Фаддей (Успенский)
Начало 1920-х гг.

Из собрания ЦАК МДА

Епископ Верейский,
викарий Московской епархии,
Иларион (Троицкий)
Начало 1920-х гг.

Из собрания ЦАК МДА

Епископ Евдоким (Мещерский),
ректор МДА
1906 г.

Из собрания ЦАК МДА

Слева направо: Епископ Евгений (Зернов), епископ Павел (Кратиров), епископ Онуфрий (Гагалюк), епископ Дамаскин (Цедрик) и другие архиереи
1923 г.

Из собрания ЦАК МДА

Слева направо: Неизвестный архиерей, епископ Феодор (Поздеевский), архиепископ Сергий (Страгородский), епископ Ювеналий (Масловский), епископ Алексий (Симанский), неизвестный архиерей
1917 г.

Из собрания ЦАК МДА

Патриарх Тихон и митрополит Сергий (Страгородский) после богослужения
Начало 1920-х гг.

Из собрания ЦАК МДА

Патриарх Тихон и митрополит Петр (Полянский) с группой священнослужителей
1924 г.

Из собрания ЦАК МДА

Слева направо: Епископ Арсений (Жадановский), епископ Иннокентий (Соколов), епископ Алексий (Готовцев), митрополит Макарий (Невский), Патриарх Тихон, епископ Николай (Добронравов) в Николо-Угрешском монастыре
22 августа 1924 г.

Из собрания ЦАК МДА

Источники и литература

Опубликованные источники

Агабеков Г. С. Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996. 447 с.

Агабеков Г. С. ЧК за работой. М., 1992. 270 с.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. 1063 с.

Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010. 424 с.

Анастасий (Грибановский А. А.). Святейший Патриарх Тихон, характер его личности и деятельности: (По личным воспоминаниям). Нью-Йорк, 1950.

Анастасий (Грибановский), митр. Избрание и поставление Святейшего Патриарха Тихона: Характер его личности и деятельности / Публ. Н. Ю. Бутиной, Н. А. Кривошеевой // Богословский сборник. М., 2005. № 13. С. 349–380. (Статья написана в 1940-х гг.)

Андрей (Ухтомский), архиеп. История моего старообрядчества // Публ. и коммент. А. В. Знатнова // Наш современник. 2007. № 1. С. 192–228.

Андрей (Ухтомский), еп. История моего старообрядчества. Библиотека МДА. Машинопись.

Антоний (Храповицкий), архиеп. Приветственное слово Святейшему Патриарху Московскому и всея России Тихону архиепископа Харьковского и Ахтырского Антония (Храповицкого) // Журнал Московской Патриархии (далее: ЖМП). 1996. № 9. С. 78–79.

Арест и допрос патриарха Тихона в декабре 1919 г. / Публ. и подгот. А. Н. Кашеварова // Русское прошлое. СПб., 1998. Кн. 8. С. 215–227.

Архив ВЧК: Сборник документов / Отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М., 2007. 720 с.

Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг.: В 2-х кн. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997. 598 с.; Кн. 2. 1998. 648 с.

Бакунина Э. Н. Последние дни Патриарха Тихона: Воспоминания врача / Публ. А. Серкова // Арбатский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 1. С. 372–382.

Безпалов Н. Провокация в деле Патриарха Тихона // Русский голос. 1924. 16 окт.

Брихничев И. П. Патриарх Тихон и его церковь. М., 1923.

Брусилов А. А. Мои воспоминания: Мемуары. Минск, 2003.

В. К. Воспоминания / Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 1 (34). С. 122–127.

Варфоломей (Ремов), архиеп. Автобиография // Альфа и Омега. 1996. № 2/3. С. 364–368.

Введенский А. И. За что лишили сана бывшего патриарха Тихона // Речь, произнесенная на заседании 2-го Всероссийского Священного поместного собора 3-го мая в Москве. М., 1923.

Введенский А. И. Церковь и государство: Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России, 1918–1922. М., 1923. 254 с.

Введенский А. И. Церковь и революция. Пг., 1922.

Введенский А. И. Церковь патриарха Тихона. М., 1923.

Вениамин (Федченков), митр. Раскол или единство?: (Материалы для решения вопроса об Американской церкви) / Публ. А. Юрченко // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4/5. С. 5–139.

Верховский П. В. Патриарх Тихон. Б.м., 1919.

Вешнева Мария. Это память о днях в Донском... (осень 1922 – весна 1923) // Юность. 1990. № 9. С. 77–83.

Вновь с Патриархом. Пг., 1918.

Во власти Губчека: Воспоминания неизвестного протоиерея. 1996. 79 с.

Воззвание патриарха Московского и всея Руси Тихона о помощи голодающим // Помощь. 1921. 22 авг. № 2; 29 авг. № 3.

Воззвание патриарха Московского и всея Руси Тихона о помощи голодающим // Сосуд избранный. СПб., 1994. С. 403–406.

Волков С. А. Архиепископ Иларион // Вестник РСХД. 1981. № 134.

Волков С. А. Возле монастырских стен: Мемуары. Дневники. Письма / Публ., вступ. ст., примеч. и указ. А. Л. Никитина. М., 2000. 608 с. Примеч.: Библиогр. в коммент.: С. 545–574. Указ. имен: С. 575–605.

Воспоминания современников // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины св. Патриарха Тихона / М., 2000. № 6. С. 299–323.

ВЧК – ГПУ. Документы и материалы / Ред.-сост. Ю. Г. Фельтшинский. М., 1995.

Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ, 1921–1923. М., 2005. 544 с.

Глубоковский Н. Н. «Война и мир» в Финляндской Православной Церкви / Вступ. ст. и примеч. Т. И. Шевченко // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 99–119.

Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Сост. С. В. Журавлев и др. М., 1998.

ГПУ и обновленческая церковь на Подолье, 1922–1926 гг. / Публ. Е. Н. Гамалай // Исторический архив. 2002. № 6. С. 52–68.

Дневники П. Е. Ковалевского. Т. 1: 1918–1922 гг. / Подгот. текста, предисл. и коммент. Н. П. Копаневой. СПб., 2001.

Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве / Сост. архиеп. Григорий (Яцковский). М., 1926. 16 с.

Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае (1917–1998 гг.). Барнаул, 1999. 382 с.

Достойный сын земли Нижегородской: Материалы к биографии патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского), 1901–1944 гг. / Публ. М. И. Одинцова // Исторический архив. 1999. № 6. С. 161–187.

«Дурылин согласен дать подписку, что никогда не будет приходским священником» / Публ., вступ. ст. и примеч. В. А. Гончарова и В. В. Нехотина / Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 3 (28). С. 126–139.

Душу не погублю: Исповедники и осведомители в документах и... о методах агентурной работы / Сост. В. А. Королев. Фрязево, 2001.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. 621 с.

Из документов о Святейшем Патриархе Тихоне, собранных М. Е. Губониным // ЖМП. 1993. № 11. С. 54–58; № 12. С. 11–24.

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г.: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. 304 с.

Иоанн (Лудищев), иером. События церковной жизни 1923 года и Сретенский монастырь // http://www.pravoslavie.ru/sm/54512.htm.

Иоанн (Снычев), иером. Хронология архиерейских хиротоний с 1893 по 1958 г. Чебоксары, 1959. Библиотека МДА. Машинопись.

Ко дню 25-летия в архиерейском сане святейшего патриарха Московского и всея Руси Тихона, 1897 г. – 19 октября 1922 г.: Сборник статей. Нью-Йорк, 1922.

Крестный путь патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников: (К 50-летию со дня кончины). Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 44–80.

Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991 гг.: Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003.

Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД: Архив Сталина: Документы высших органов партии и государственной власти, янв. 1922 – дек. 1936 г. / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. 912 с.

Материалы по иосифлянскому расколу / Сост. архим. Иоанн (Снычев). Б.м., б.г. Библиотека МДА. Кн. 1. Машинопись. 236 с.

Миронова В. М. В гостях: Подборка статей: Святейший Патриарх Тихон в воспоминаниях современников // ЖМП. 1993. № 12. С. 11–12.

«...Может быть, мы не были бы свидетелями ужасов голода...» / Публ., вступ. ст. и коммент. О. Н. Ефремовой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 179—193.

Молитва вас всех спасет: Материалы к жизнеописанию Святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О. В. Косик. М., 2000. 710 с., 24 л. ил.: Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Редкол.: Воробьев В., прот. (гл. ред.) и другие.

«Молю о тех, кого ты дал мне...»: Владыка Серафим (Звездинский) в воспоминаниях духовной дочери схимонахини Иоанны (Анны Сергеевны Патрикеевой) / Сост. Т. С. Ануфриева-Мирлас. М., 1999. 207 с.

Москвичка. Свет России: Московские воспоминания. 1923—1927 // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 5–23.

Мысли Русских Патриархов от начала до наших дней. М., 1999.

Накануне патриаршества: (Письма архиеп. Виленского и Литовского Тихона к А. В. Жиркевичу и другие материалы) // Богословский сборник ПСТБИ. 2000. № 6. С. 216–237.

Неизвестные обращения и послания свт. Тихона / Публ. О. Ефремовой // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины св. Патриарха Тихона. М., 2000. № 6. С. 238–251.

«Не стесняясь никакими средствами»: Материалы комиссии ЦК РКП(б) по вопросам отделения церкви от государства, октябрь – декабрь 1922 // Исторический архив. 1993. С. 76–89.

Не творите мучеников: (Дело митрополита Вениамина) / Публ. М. Вострышева // Слово. 1991. № 5.

Новые документы по истории взаимоотношений между Патриархом Тихоном и Карловацким Синодом // Вестник ПСТГУ. III: Филология. 2008. Вып. 3 (28). С. 119–125.

Новые материалы к житию святого Патриарха Тихона // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 9–138.

Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России / Сост. И. И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2—3.

Обвинительное заключение по делу граждан Белавина В. И., Феноменова Н. Г., Стадницкого А. Г. и Гурьева П. В. М., 1923.

Одинцов М. И. «Дело» Патриарха Тихона // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 46–71.

О закрытии Московского епархиального совета / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 197–203.

Окунев М. П. Дневник москвича, 1917–1924: В 2-х кн. М., 1997.

О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней? Архангельск, 1923.

«От всякаго обстояния избавляя верных рабов своих...» / Публ. Н. А. Кривошеевой // Богословский сборник ПСТБИ. 2000. № 6. С. 154–159.

Отрывок из воспоминаний епископа Тихона (Шарапова) о его поездке в СССР в 1922 году // ЖМП. 1998. № 4. С. 82–88.

«Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих, конец 1921 – начало 1923 г.: Документы / Под. ред. А. Н. Артизова, В. С. Христофорова. М., 2008. 848 с. (Россия. XX век. Документы).

Пасха 1921 г. в Таганской тюрьме // Православная жизнь. 1995. № 9. С. 23.

Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива / Публ. Е. В. Ивановой // ЖМП. 2007. № 11.

Патриарх Тихон и революция // Молодая гвардия. 2000. № 1/2. С. 201–207.

Патриаршее управление и ОГПУ (1923–1924 гг.): Выдержка из письма А. Д. Самарина деятелям Зарубежной Церкви с изложением событий церковной жизни в России / Вступ. ст., публ. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 57–69.

Переписка наркома иностранных дел Г. В. Чичерина с Секретариатом ЦК РКП(б) по поводу поездки Святейшего Патриарха Тихона в Англию / Вступ. ст., публ. и примеч. В. А. Гончарова // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 2. С. 110–116.

Переписка Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, и митрополита Евлогия (Георгиевского), 1921–1922 / Публ., коммент., предисл. Н. Ю. Лазарева // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова, 2000. Вып. 6. С. 93–111.

Переписка святителя Тихона со Святейшим Димитрием, Патриархом Сербским и Архиепископом Белградским // Богословский сборник ПСТБИ. М., 2000. Вып. 6. С. 251–267.

Письмо патриарха Тихона в Совнарком // Вопросы научного атеизма. М., 1989. Вып. 39. С. 307–313.

Письмо святейшего патриарха Тихона Председателю ВЦИК М. И. Калинину, 1920 г. // ЖМП. 1993. № 1.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа: Решения «особой папки», 1923–1939. М., 2001. 400 с.

«Политических разговоров не замечено»: Дело «Донской монастырь»: Рапорты агентов наружного наблюдения // Источник. 1996. № 5. С. 58–68.

Польский М., свящ. Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. СПб., 1995.

Поместный Собор Российской Православной Церкви (1923): Бюллетени. М., 1923.

Правда для служебного пользования: Из документов личного архива Ф. Дзержинского / Публ. Г. А. Бордюгова // Неизвестная Россия, XX век. М., 1992. Кн. 1. С. 28–54.

Православие и экуменизм: Документы и материалы, 1902–1997 гг. М., 1998. 431 с.

«Применить к попам высшую меру наказания» // Источник. 1995. № 3. С. 114–131.

Протесты против суда над Патриархом Тихоном в 1923 г. / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 204–208.

Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского, исповедника. М., 2005. Кн. 1. 632 с.; 2006. Кн. 2. 538 с.

Разное из времени возникновения обновленчества. Библиотека МДА. 202 с. Машинопись.

Распоряжение Патриарха Тихона / Публ. Т. Ф. Павловой // Российский архив. М., 1991. Вып. 1. С. 237–241.

Рождественский А., прот. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России: Воспоминания. София, 1922.

Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX в. М., 2003.

«Руководствуясь революционной совестью...»: Сборник документов по истории Алтайской губЧК, 1919–1922. Барнаул, 2006.

Русская православная церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. М., 1995. Кн. 1. 399 с.; Кн. 2. 464 с.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: Документы и фотоматериалы / Сост. О. Ю. Васильева. М., 1996. 352 с.

Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов, 1917–1941 / Сост. Н. Ю. Черепнина, М. В. Шкаровский. СПб., 2000. 268 с.

Сахаров К. И. Патриарх Тихон. М., 1925.

Свет России: Московские воспоминания, 1923–1927 // Православная беседа. 1993. № 2. С. 22–25.

Святейший Патриарх Тихон в воспоминаниях современников // ЖМП. 1993. № 11, 12.

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России: Воспоминания. София, 1922.

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России / Сост. А. А. Маркова. М., 2011. 527 с.

Сидоров С., свящ. Записки священника Сергия Сидорова с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М., 1999. 296 с.

Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам ЦА ФСБ. М., 2000.

Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1. 1103 с.; 2002. Т. 2. 511 с; 2003. Т. 3. 967 с; 2004. Т. 4. 1191 с.

Современники о Патриархе Тихоне: Сборник: В 2-х ч. / Сост. и автор коммент. М. Е. Губонин. М., 2007. Кн. 1, 2.

Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви / Сост. М. Склярова. СПб., 1994. 464 с.

Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский) / Авт.-сост. С. Фомин. М., 2003. 1008 с.

Тихон, патриарх. Распоряжение // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. Вып. 1. С. 237–241.

Троицкое Сергиево подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / Публ., вступ. ст. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 226–340.

Ухтомский А. Из неопубликованного наследства // Знамя. 1993. № 10. С. 126–139.

Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга, 1917–1945 гг.: (По документам ЦГА СПб.). СПб., 1996. 156 с.

Черная книга: («Штурм небес»): Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей / Сост. А. А. Валентинов. Париж, 1925. 294 с.

Шестаков А. Церковная «смена вех» // Власть советов. 1922. № 11, 12.

Литература по теме монографии

Александр (Могилев), архиеп. Священномученик архиепископ Никодим (Кротков): Жизнь, отданная Богу и людям. Кострома, 2000. 352 с.

Алексеев В. А. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? // Диспут. 1992. № 2. С. 12–23.

Алексеев В. А. Был ли Патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. 1990. № 10. С. 93–104.

Алексеев В. А. Вначале был декрет // Диалог. 1991. № 4.

Алексеев В. А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. М., 1991. 398 с.

Алексеев В. А. Цели разные, участь общая // Агитатор. 1989. № 21.

Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. 299 с.

Аманжолова Д. А. «Горячо живу и чувствую...» П. Г. Смидович: Опыт исторического портрета. М., 1998. 307 с.

Амосов Н. К. Октябрьская революция и Церковь. М., 1939. 72 с.

Андреев И. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции и до наших дней. Джорданвилль, 1952.

Анисков В. Т., Хаиров А. Р. Православие на Ярославской земле. Ярославль, 2003. 152 с.

Антоний (Храповицкий), митр. Сборник избранных сочинений. Белград, 1935.

Аншакова Ю. Ю. Гуманитарная миссия АРА в Советской России: начало взаимодействия // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 2. С. 112–117.

Арест и допрос патриарха Тихона в декабре 1919 г. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1998. Кн. 8. С. 215–227.

Артёмов Н., прот. Постановление № 362 от 7/20 ноября 1920 г. и закрытие зарубежного ВВЦУ в мае 1922 г.: Историческое и каноническое значение // Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.)» (г. Сэнтендре, Венгрия, 13–16 ноября 2001 г.) (Русская Церковь, XX век. Кн. 1.) М., 2002. С. 93–212.

Афанасий (Сахаров), еп. Послания Патриарха Тихона и документы по истории Русской Церкви после кончины Патриарха Тихона. Загорск, 1958. Машинопись.

Бабинов Ю. А. Государственно-церковные отношения в СССР: История и современность. Симферополь, 1991. 124 с.

Багдасарова Ж. Р., Петрушко В. И. Булдовский // Православная энциклопедия (далее: ПЭ). М., 2003. Т. 6.

Баделин В. И. Золото Церкви: Исторические очерки. 2-е изд. Иваново, 1995. 400 с.

Бакаев Ю. Н. История государственно-церковных отношений в России: Учебное пособие. Хабаровск, 1994. 84 с.

Баконина С. Н. Харбин, 1923-й: удалась ли провокация в деле Патриарха Тихона // Материалы ежегодной богословской конференци ПСТГУ, 2006. Т. 1. С. 116–122.

Беглов А. Л. Епископат Русской Православной Церкви и церковное подполье в 1920–1940-е гг. // Альфа и Омега. 2003. № 1 (35). С. 138–155.

Беглов А. Л. Эволюция церковной жизни в условиях подполья: Итоги двадцатилетия (1920-е – 1940-е гг.) // Альфа и омега. 2003. № 2 (36). С. 202–232.

Белан Н. Арест патриарха: (По неизвестным и малоизвестным материалам из секретных архивов КГБ) // Радонеж – век XX. 1992. № 1. С. 22–27.

Белов В. А. Судьба церковных ценностей, изъятых в 1922 году // Вестник РСХД. Париж, 1972. № 4. С. 327–337.

Беляев С. О воспоминаниях епископа Тихона (Шарапова) и их авторе // ЖМП. 1998. № 4. С. 80–82.

Беляев С. А. Американское служение патриарха Тихона (1898–1907) // Проблемы экуменизма и миссионерской практики. М., 1996. С. 147–156.

Беляева А. В. Русская Православная Церковь в эмиграции (1919–1939 гг.): Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции (Вологда, 20–21 июня 2000 г.) // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2001. Вып. 7. С. 479–488.

Беспарточный Б. Д., Ильина З. Д., Карнасевич В. Г. Культура и власть: Из рассекреченных архивов ВЧК – ОГПУ – НКВД. Курск, 1999.

Бовкало А. А. Вениамин (Казанский) // ПЭ. М., 2004. Т. 7.

Боголепов А. А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958.

Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины св. Патриарха Тихона. М., 2000. № 9.

Борисов Н. С. От Ярославля до Вологды. М., 1995.

Брихничев И. Патриарх Тихон и его церковь. М.: Красная новь, 1923. 21 с.

Брушлинская О. Остался нераскаянным: О судьбе митрополита А. И. Введенского (1888–1846) // Наука и религия. 1988. № 6. С. 42–46.

Буфеев К., свящ. Патриарх Сергий, обновленчество и несостоявшаяся реформация Русской Церкви XX в. // Благодатный огонь. 2001. № 6. С. 65–85.

Бычков С. С. Большевики против Русской Церкви: Очерки по истории Русской Церкви (1917–1941 гг.). М., 2006. 432 с.

Бычков С. С. Всю ночь огни горели в губчека // Московский комсомолец. 1997. 17 июня (№ 109).

Бэттс Р., Марченко В. Духовник царской семьи: Святитель Феофан Полтавский. М., 1994. 286 с.

Валентинов А. А. Черная книга («Штурм небес»). Париж, 1925.

Васильева Н. Ю. и др. Виктор (Богоявленский) // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 433–436.

Васильева О. Ю. Государство, власть, Церковь в 20–30-е гг. // Власть и общество в России, XX век. М., 1999. С. 111–121.

Васильева О. Ю. Жребий митрополита Сергия: (От «Декларации» до «Памятной записки») // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТБИ. М., 1997. С. 174–186.

Васильева О. Ю. Канонические основы и юридические особенности канонизации святых в XX в.: (Новомученики и императорская семья) // Проблема святых и святости в истории России: Материалы XX международного семинара «От Рима к Третьему Риму»: Проблема святых и святости в контексте истории и права (Москва, 6–7 сентября; Санкт-Петербург, 11 сентября 2000 г.) М., 2006. С. 264–270.

Васильева О. Ю. Митрополит Сергий (Страгородский): штрихи к портрету // Альфа и Омега. 2002. № 1. С. 136–163.

Васильева О. Ю. Русская православная Церковь в 1927–1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35–46.

Васильева О. Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.

Васильева О. Ю. Серый кардинал ВЧК // Новое время. 1993. № 46. С. 42–43.

Васильева О. Ю. Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002.

Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Бриллианты для диктатуры пролетариата // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 8.

Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. М., 1994.

Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. «Тайная вечеря» // Ленинградская панорама. 1991. № 6. С. 10, 28–29; № 7. С. 27–29.

Венгер А. Рим и Москва, 1900–1950 гг. / Пер. с фр. М., 2000.

Виноградов В. П., протопресв. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 8–43.

Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет, 1917–1931. М., 1932.

Волк А. Подвиг исповедничества: (К истории процесса над Патриархом Тихоном) // К единству! 2006. № 1. С. 36–38; № 2. С. 33–34.

Воробьев В., прот. Особенности документов следственных дел 20–40-х годов // Материалы ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М., 1997.

Воробьев В., прот. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России // Материалы XX ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2010. Т. 1. С. 265–274.

Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации: История и современность. Ростов-на-Дону, 1999. 704 с.

Воронцов С. А. Спецслужбы России. Ростов-на-Дону, 2006.

Вострышев М. И. Божий избранник: Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1991. 189 с.

Вострышев М. И. Документальные источники жизнеописания патриарха Тихона // Церковь в истории России. М., 2007. Вып. 7. С. 247–255.

Вострышев М. И. Живцы: Церковь в годы революции // Слово. 1991. № 12.

Вострышев М. И. Заключенный № 114 // Московский церковный вестник. 1992. № 18/19 (84/85). С. 15.

Вострышев М. И. Красная колесница // ЖМП. 1994. № 7–8.

Вострышев М. И. Крестный путь патриарха Тихона // Журналист. 1990. № 12. С. 83–89.

Вострышев М. И. Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин // ЖМП. 1993. № 2. С. 37–43.

Вострышев М. И. На основе устных директив // ЖМП. 1993. № 8. С. 5–10.

Вострышев М. И. Патриарх Тихон. 2-е изд., испр. М., 1997. 302 с. (Жизнь замечательных людей).

Вострышев М. И. Патриарх Тихон. 4-е изд. М., 2009. 382 с. (Жизнь замечательных людей).

Вострышев М. Патриарх Тихон. М., 2004. 437 с.

Вострышев М. И. Подвиг смирения: (Памяти св. Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского) // ЖМП. 1994. № 3. С. 98–104.

Вострышев М. И. Святитель Тихон: Крестный путь Патриарха Московского и всея России. М., 1994. 152 с.

Вострышев М. И. Следственное дело № 36960: (По архивам КГБ) // ЖМП. 1993. № 3.

Вострышев М. И. 1922 год. Постановили: обобрать и расстрелять: (По архивам КГБ и ЦК КПСС) // ЖМП. 1993. № 12.

Гаврюшкин О. П. Отблеск золотых куполов. Таганрог, 1999.

Георгий (Граббе), еп. К истории русских церковных разделений за границей: Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982». Джорданвилль, 1992.

Гидулянов П. В. К вопросу о толковании ст. 119 Уголовного кодекса // Революция и Церковь. 1923. № 1–3.

Гидулянов П. В. Отделение Церкви от государства: Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР. 2-е изд. М., 1924. 404 с.

Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система, 20-е годы. М., 2000. 440 с.

Головушкин Д. А. Некоторые аспекты развития обновленческого раскола в Русской Православной Церкви в 1922–1927 гг. // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции (Вологда, 20–21 июня 2000 г.). Вологда, 2001. Вып. 7: Историческое краеведение и архивы. С. 444–448.

Голубцов С. А., протодиак. Из жизни патриарха Тихона // Московский журнал. 1992. № 4.

Голубцов С. А., протодиак. Московская духовная академия в начале XX века: Профессура и сотрудники: Основные биографические сведения: По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999. 124 с.

Голубцов С. А., протодиак. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999. 192 с.

Голубцов С. А., протодиак. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. 96 с.

Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е годы XX столетия). М., 1984.

Гордиенко Н. С., Комаров П. М. Обреченные: О русской эмигрантской псевдоцеркви. Л., 1988. 208 с.

Горев М. Церковное богатство и голод в России. М., 1922.

Государственно-церковные отношения в России / Сост. Н. А. Трофимчук. М., 1993. 134 с.

Граббе Г., прот. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом: (По поводу книги С. В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола»). Джорданвилль, 1961.

Грехова Н. Н. Современная отечественная историография: Проблемы взаимоотношений власти и Церкви в 1920-е гг. // Русская Православная Церковь в мировой и отечественной истории: Материалы всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 17–19 мая 2006 г.). Нижний Новгород, 2006. С. 189–192.

Григорий (Граббе), еп. Завет святого Патриарха. М., 1996. 340 с.

Далгатов А. Г. Архиепископ Андрей (князь Ухтомский А. А., 1872–1937 гг.): Личность в контексте истории // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2003. С. 200–203.

Дамаскин (Орловский), иером. Архиепископ Феодор // Даниловский благовестник: Журнал Московского Свято-Данилова монастыря. М., 1996. Вып. 8.

Дамаскин (Орловский), иером. Жизнеописание архиепископа Иллариона (Троицкого) // ЖМП. 1998. № 6. С. 27–41; № 7. С. 23–43.

Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992–2002. Кн. 1–7.

Дамаскин (Орловский), иером. Ярославский митрополит Агафангел // Культура. Образование. Православие: Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль, 1996. С. 243–247.

Двадцатилетие отделения церкви от государства. М., 1938.

Дворжанский А. И. История Пензенской епархии: Исторический очерк. Пенза, 1999. 512 с.

«Дело» митрополита Вениамина: (Петроград, 1922 г.). М., 1991. 93 с.

Детчуев Б. Ф., Макуров В. Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск, 1999.

Деяния Русского всезаграничного Собора. Сремски Карловцы, 1922.

Доненко Н., прот. Наследники Царства. Симферополь, 2000. Кн. 1. 464 с.

Досталь М. Ю. Патриарх Тихон и славяне: (Несколько эпизодов из жизни и деятельности русского первосвященника) // Религия и политика в Европе XVI–XX вв. Смоленск, 1998. С. 114–124.

Дьяков Л. П. Советские законы о церкви. Л., 1926.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. 620 с.

Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 173–318.

Емельянов А. Репрессии духовенства и мирян Русской Православной Церкви в 1917–1941 гг. // Конференция в Российском государственном историческом архиве. СПб., 1995.

Емельянов Н. Е. Оценка статистики гонений на Русскую православную Церковь в XX веке // Культура. Образование. Православие: Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль, 1996. С. 248–252.

Емельянов С. Н. Деятельность православного духовенства и церковной общественности в ходе кампании по изъятию церковных ценностей // Интеллигенция в потоке времени: Размышления и судьбы. Курск, 2004. С. 156–168.

Жижков В. В. Формирование партийно-государственной номенклатуры и внутрипартийная борьба в СССР во второй половине 1920-х гг.: (На примере Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б)) // Государство и личность в истории России. Новосибирск, 2004. С. 106–116;

Жизнеописание священномученика о. Сергия Мечёва, составленное его духовными чадами // Надежда. Базель; М., 1993. Вып.16.

Житие Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси // Московские епархиальные ведомости. 1990. № 1.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. / Сост. игум. Дамаскин (Орловский). Тверь, 2005–2007. Январь – июнь.

Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М., 2004. 864 с.

Журавский А. В. Казанская церковь в эпоху гонений: Страницы истории / Александр [Владимирович] Журавский. Казань, 1994. 38 с. (Отечество зовет. Вып. 5).

Журавский А. В. Проблема канонизации в Русской православной церкви представителей правой оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) // Проблема святых и святости в истории России / Отв. ред. А. Н. Сахаров, П. Каталано. М., 2006. С. 251–263.

Журавский А. В. Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского) // Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб.; Кишинёв, 2000. № 1. С. 343–372.

Заиканова И. Епископ Антонин (Грановский) и «обновленчество» // Живое предание: Материалы богословской конференции, 1997. М., 1999. С. 158–167.

Зайцев Б. Знак Креста. М., 1999.

Зайцев К., прот. Время святителя Тихона. М., 1996. 190 с.

За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956: Биографический справочник. М., 1997. Кн. 1: А–К. 697 с. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).

Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991. 334 с.

Зеленская Г. Несокрушимые духом: Судьба насельников московского Данилова монастыря // Памятники Отечества. М., 1992. № 2/3. С. 110.

Зимина Н. П. Стояние в вере: Временная автокефалия Уфимской православной епархии в период заключения Святейшего Патриарха Тихона (ноябрь 1922 г. — август 1923 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 3 (24). С. 79–117.

Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921). М., 1975. 205 с.

Иванов А. И., Лобазов И. К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. М., 1973.

Иванов Н. П. История путятинской смуты // Пензенские епархиальные ведомости. 1999. № 3 (6). С. 70–101.

Иванов Ю. А. Местные власти и Церковь в 1922–1941 гг.: (По материалам архива Ивановской области) // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 90–93.

Иванова Е. В. Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: Аналитическая записка из Гуверовского архива // ЖМП. 2002. № 1. С. 60–95.

Иванова Е. В. Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России // Богословские труды. 2007. № 41. С. 504–529.

Из истории российской иерархии: Статьи и документы / Сост. П. Н. Грюнберг. М., 2002. 240 с.

Измозик В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995.

Институты управления культурой в период становления, 1917–1930-е гг.: Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М., 2004. 312 с.

Иоанн (Поммер), архиеп. В день погребения Святейшего Патриарха Тихона // ЖМП. 1993. № 1. С. 14–19.

Иоанн (Снычев), митр. Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк. СПб., 1993. 304 с.

Иоанн (Снычев), митр. Стояние в вере: Очерки церковной смуты. 2-е изд., доп. СПб., 1997. 271 с.

Иоанн (Снычёв), митр. Церковные расколы в русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. 2-е изд., доп. Сортавала, 1993. 271 с.

Иоанна, мон. Жизнеописание архиепископа Волоколамского Феодора (Поздеевского), последнего ректора Московской Духовной Академии // Православная жизнь. 1995. № 10.

Иоанна, мон. Исповеднический путь владыки Феодора // Православная жизнь. Джорданвилль, 1995. № 9.

История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. 926 с.

История Русской Православной Церкви: От восстановления патриаршества до наших дней / Под ред. М. Б. Данилушкина. СПб., 1997. Т. 1: 1917–1970. 1022 с.

К 70-летию со дня кончины святого патриарха Тихона // Христианос. Рига, 1995. Вып. 4.

Каледа К., Минулин Ю., Хальева И. Праведник // Московский журнал. 1991. № 8.

Кандидов Б. П. Голод 1921 г. и Церковь. М.; Л., 1932. 92 с.

Кандидов Б. П. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: (Очерки и материалы). М., 1930.

Кандидов Б. П. Церковь и гражданская война на юге. М., 1931.

Кандидов Б. П. Церковь и Октябрьская революция. М, 1933.

Каплин П. В. Обновленческий и григорианский расколы в Екатеринбургской епархии в 1920–1950-е гг. // История Православия на Урале: Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 120-летию Екатеринбургской епархии (Екатеринбург, 29–30 ноября 2005 г.). Екатеринбург, 2005. С. 157–160.

Карлов Ю. Е. Советская власть и Ватикан в 1917–1924 гг. // Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX в.: Материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 г. М.; СПб., 2003. С. 158–184.

Кашеваров А. Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. СПб., 1995. 138 с.

Кашеваров А. Н. Некоторые аспекты взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви в конце 20-х – начале 30-х годов // Первые Дмитриевские чтения: Материалы научной конференции (21–24 апреля). СПб., 1996.

Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. 440 с.

Кашеваров А. Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999. 328 с.

Клепинин Н. А. Кончина Святейшего Патриарха Тихона как русская национальная утрата // ЖМП. 1994. № 3. С. 14–17.

Клочков В. В. Закон и религия: От государственной религии в России к свободе совести в СССР. М., 1982. 160 с.

Кожевников И. Е. Священноисповедник Виктор (Островидов) и образование Ижевской епархии // Сборник студенческих научных работ кафедры Церковной истории МДА. Сергиев Посад, 2010. С. 59–79.

Козаржевский А. Ч. А. И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник МГУ. 1989. Сер. 8. № 1. С. 54–67.

Козаржевский А. Ч. Церковноприходская жизнь Москвы 1920–1930-х годов: (Воспоминания прихожанина) // ЖМП. 1992. № 11–12.

Козлов В. Ф. Документы о деятельности и закрытии подмосковных монастырей и храмов в московских архивохранилищах, 1920–1930-е гг. // Проблемы истории Московского края: Материалы пятой научно-практической конференции, посвященной 75-летию Московского государственного областного университета (Москва, 28 марта 2006 г.). М., 2006. С. 113–116.

Козлов В. Ф. Музеи-монастыри в советской России (1917 – начало 1930-х гг.) // Мир источниковедения: Сборник в честь С. О. Шмидта. М.; Пенза, 1993. С. 340–344.

Козлов В. Ф. Свидетельствуют документы: (Об изъятии церковных ценностей) // ЖМП. 1993. № 9. С. 47–52.

Колесова М. Е. Документы Государственного архива Российской Федерации как источник по истории Русской Православной Церкви (1917–1992 гг.) // ЖМП. 1994. № 5.

Колыбель опального патриарха: О патриархе Тихоне. Псков, 1999. 153 с.

Корзун М. С. Русская православная церковь 1917–1945 гг.: Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск., 1987. 111 с.

Косик О. В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М., 2011. 280 с.

Косик О. В. К истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. М., 2000. Вып. 6. С. 26–75.

Кострюков А. А. Борьба зарубежных иерархов с демократическими тенденциями в церковном управлении в двадцатые годы XX в. // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. XVI ежегодная богословская конференция ПСТГУ [9–11 октября 2005 г. и 26–28 января 2006 г.]. М., 2006. Т. 1. С. 123–129.

Кострюков А. А. Мнения представителей русской эмиграции о Церковном управлении за границей в первые месяцы после Патриаршего указа № 348 (349) // Церковь и время. 2007. № 2 (39). С. 183–232.

Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация Церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007.

Кострюков А. А. Русская зарубежная церковь и указ патриарха Тихона об упразднении заграничного Высшего церковного управления // Отечественная история. 2007. № 5. С. 72–86.

Косых В. И. Забайкальская епархия, 1908–1923 гг. Чита, 2007.

Котт В. Обновленчество: Некоторые новые документы и оценки // Живое предание: Материалы богословской конференции, 1997. М., 1999. С. 143–157.

Кравецкий А. Г. К предыстории обновленческой смуты // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 6. С. 51–72.

Крапивин М. Ю. Противостояние: Большевики и церковь (1917–1941). Волгоград, 1993. 100 с.

Крапивин М. Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917 – конец 1920-х годов). СПб., 1999.

Крапивин М. Ю., Далгатов А. Г., Макаров Ю. Н. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб., 2005. 624 с.

Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. 247 с.

Кривова Н. А. Сопротивление против изъятия церковных ценностей в 1922 году // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 1992–1996 гг. М., 1996. С. 365–372.

Кривошеева Н. А. «Блаженни непорочни в путь ходящии»: Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого) // Москва. 1998. № 2. С. 220–224.

Кривошеева Н. А. «Кто душу положит за други своя...»: Келейник святого Патриарха Тихона Яков Анисимович Полозов (23 октября 1879 г. — 9 декабря 1924 г.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 1 (22). С. 52–73.

Кривошеева Н. А. Патриарх и власть // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 139–193.

Кривошеева Н. А. Протесты против суда над Патриархом Тихоном в 1923 году / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 204–208.

Кривошеева Н. А. Роль А. И. Боярского в процессе сщмч. Вениамина (Казанского) // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. М, 2002. С. 209–216.

Крылова Т. В. Проявление особенностей российской государственности в области государственно-церковных отношений в 1920-е годы // Российская государственность: Традиции, преемственность, перспективы: Материалы II чтений памяти проф. Т. П. Коржихиной. М., 1999. С. 207–211.

Кукушкина А. В. Указ Московской Патриархии № 362 от 7 (20) ноября 1920 г. и Русская Православная Церковь за границей // Культура. Образование. Православие: Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль, 1996. С. 233–235.

Курляндский И. А. Рыцарь революции и Российская Церковь // Политический журнал. 2008. № 3 (180).

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия: (Религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. 720 с.

Лавринов В., свящ. Екатеринбургская епархия в 20–30-е гг. XX в. // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТБИ. М., 1999. С. 327–331.

Лавринов В., свящ. Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001.

Ланин А. Из истории борьбы за русскую церковную собственность во Франции в начале 20-х годов: (По документам французских специальных служб) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4/5. С. 246–256.

Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. 336 с.

Левитин-Краснов А. Воспоминания: Лихие годы: В 4 т. Париж, 1977. 456 с.

Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. Кн. 9: Материалы по истории Церкви. 670 с.

Липаков Е. В. Иаков (Пятницкий) // ПЭ. М., 2009. Т. 20. С. 512–513.

Лисичкин В. А. Крестный путь святителя Луки: Подлинные документы из архивов КГБ. М., 2001. 448 с.

Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. 512 с.

Лобанов В. В. «Вынужден обратить ваше внимание...»: (Обращение Патриарха Тихона в СНК от 1 августа 1919 г.) // Вопросы гуманитарных наук. 2004. № 6. С. 34–40.

Лобанов В. В. Об обстоятельствах домашнего ареста патриарха Тихона в мае 1922 г. // Церковь в истории России. М., 2007. Вып. 7. С. 268–277.

Лобанов В. В. Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) М., 2008.

Лобанов В. В. «Следствие вести без ограничения срока...»: (Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) и ее роль в деле Патриарха Тихона) // Альфа и Омега. 2004. № 1 (39). С. 170–184.

Лукин Н. М. О делах тихоновских. М., 1922.

Лукин Н. М. Революция и церковь. М., 1924. 36 с.

Лукин Н. М. Церковь и государство. М., 1922.

Лукин Н. М. Церковь и государство. 4-е изд., испр. и доп. М., 1922. 54 с.

Любартович В. Московские патриаршие и митрополичьи резиденции // ЖМП. 2003. № 7. С. 62–96.

Мазырин А. В. Вопрос о взаимоотношениях священномученика митрополита Петра (Полянского) с «правой» церковной оппозицией и митрополитом Сергием (Страгородским) // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 386–431.

Мазырин А. В. К истории Высшего церковного управления Русской Православной Церкви в 1920-х гг.: Новые документы св. митрополита Кирилла

(Смирнова) // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТБИ. М., 2001. С. 190–196.

Мазырин А., иер. Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол // http://www.bogoslov.ru/text/print/477054.html.

Мазырин А., свящ. Вопрос о Патриаршем Синоде в «межсинодский» период 1925—1927 гг. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 2 (35). С. 61–78.

Мазырин А., свящ. Попытки восстановления Патриаршества в 1935–1937 годах: Малоизвестные страницы истории: Доклад 14.07.2007 г. // http://www.jmp.ru/jmp/07/03-07/08.htm.

Майков А. Н. Патриарх Тихон // XX век. Люди и судьбы СПб., 2001. С. 26–40.

Макаров Ю. Н. Органы государственной безопасности как инструмент преодоления религиозного влияния: Поиск и выработка механизмов вмешательства в жизнедеятельность православной Российской Церкви (1919 – весна 1921 г.) // Человек. Сообщество. Управление. 2006. С. 66–71. Приложение: Актуальные проблемы исторической науки.

Мануил (Лемешевский), архиеп. Расколы в Русской Православной Церкви в период 1917–1944 гг. Чебоксары, 1959. Машинопись.

Материалы по истории русской иерархии: Статьи и документы / Сост. П. Н. Грюнберг. М., 2002.

Мать Патриарха // Наука и религия. 1998. № 3. С. 11–15.

Медведев А. Голод и золото // Куранты. 1991. № 3.

Мейендорф И., протопресв. Святейший Патриарх Тихон – служитель единства Церкви // Вестник Ленинградской Духовной Академии. 1990. № 3. С. 30–41.

Мейендорф И., протопресв. Святейший патриарх Тихон – служитель единства Церкви // Православная беседа. 1993. № 2. С. 9–13.

Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви 1900–1927 гг. СПб., 2002.

Митрофанов Г., свящ. Русская Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995.

«Мне возмездие и аз воздам» // Мой край. 1995. 14 окт.

Мраморнов А. И. К вопросу о преследованиях православного духовенства в Саратове в 1923 г. // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет: XX ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2010. Т. 1. С. 296–301.

Мысли русских патриархов от начала до конца наших дней. М., 1999.

Назаров М. В. Три ветви русского зарубежного православия // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 3–13.

На пути к свободе совести. М., 1989. 496 с.

Нежный А. И. Допрос Патриарха. М., 1997. 575 с.

Нежный А. И. Судьба патриарха // Огонек. 1990. № 27.

Неколебимый камень церкви: Патриарший Местоблюститель Митрополит Крутицкий Петр (Полянский), священномученик, на фоне русской церковной истории XX века / Сост. О. Б. Сокурова. СПб., 1998. 96 с.

Нечаев М. Г. Красный террор и церковь на Урале. Пермь, 1992. 16 с.

Никитин Д. Н. Евсевий (Никольский) // ПЭ. М., 2008. Т. 17. С. 271.

Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание и творения Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1960. Т. 6: Русский Заграничный Церковный Собор 1921 года. Гонения на Русскую Православную Церковь в СССР и заключение Патриарха Тихона. 320 с.

Новиков Н. С. «Давшая на алтарь Божий и Отечества лучший плод»: К родословию патриарха Тихона (1865–1925) // Наука и религия. 2001. № 10. С. 10–11.

Новиков Н. С. Заступник Святой Руси: Неизвестные сведения из биографии первого святого советского периода Патриарха Тихона // Запад России. 1994. № 4. С. 20–30.

Новые документы по истории взаимоотношений между Патриархом Тихоном и Карловацким Синодом / Публ. А. А. Кострюкова, Н. Ф. Тягуновой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. 3 (28). С. 119–125.

Новые мученики Российские / Сост. М. Польский, протопресв. Б. м., б. г. [Ч. 1]: Первый том собрания материалов. 288 с. Репринт.

Новые мученики Российские / Сост. М. Польский, протопресв. Б. м., б. г. [Ч. 2]: Второй том собрания материалов. 319 с. Репринт.

Обновленческий раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. 1064 с.

Одинцов М. И. Государство и Церковь в России, XX век. М., 1994. 171 с.

Одинцов М. И. Государство и церковь: (История взаимоотношений 1917–1938 гг.). М., 1991. 63 с.

Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. и борьба вокруг нее // Отечественная история. 1992. № 6.

Одинцов М. И. Декларация митрополита Сергия (Страгородского): Документы, свидетельства современников // Диспут. 1992. № 1–2.

Одинцов М. И. Жребий пастыря // Наука и религия. 1989. № 1; № 4. С. 16–20; № 5. С. 18–21; № 6. С. 34–40.

Одинцов М. И. Золото Льва Троцкого // Диспут. 1992. № 4.

Одинцов М. И. Изъят из церковных имуществ // Гласность. 1991. № 31.

Одинцов М. И. Крестный путь патриарха Сергия: Документальная повесть // Наука и религия. 1997. № 4–12; 1998. № 1–8.

Одинцов М. И. Крестный путь патриарха Сергия: Документы, письма, свидетельства современников: (К 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. 1994. № 2.

Одинцов М. И. Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти // Вопросы научного атеизма. М., 1989. Вып. 39. С. 307–313.

Одинцов М. И. Неизвестный документ митр. Сергия (Страгородского) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4/5. С. 152–157.

Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: От конфронтации к сотрудничеству: (Государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 29–71.

Одинцов М. И. Русская Православная Церковь в XX веке: История, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. 312 с.

Одинцов М. И. Русские Патриархи XX в.: (Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов). М., 1999. 334 с.

Ореханов Г., свящ., Шкаровский М. В. Введенский А. И. // ПЭ. М., 2004. Т. 7. С. 349–352.

Орехов Д. Русские святые и подвижники XX столетия. СПб., 2000.

Осипова И. И. «Сквозь огнь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь: По материалам следственных и лагерных дел заключенных. М., 1998. 432 с.

Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии / Под общ. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка, 2007. 640 с.

Патриархи Московские и всея Руси. М., 2005. 227 с.

Патриарх Московский и всея Руси Святейший Тихон: Личность, эпоха и наследие: Материалы научных чтений, посвященных 100-летию архиерейской хиротонии и 80-летию патриаршей интронизации (Торопец, 19–21 нояб. 1997 г.). Тверь, 1999. 47 с.

Патриарх Тихон и история русской церковной смуты / Сост. М. Е. Губонин. СПб., 1994. Кн. 1. 446 с.

Патриарх Тихон и Православная Русская Церковь // ЖМП. 1993. № 8. С. 3–5.

Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви. М., 1958. 198 с.

Петров М. Н. Крест под молотом / Вступ. ст. В. Л. Янина. Великий Новгород, 2000. 446 с.

Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. 408 с.

Петров С. Г. Неизвестное письмо лидера обновленческого раскола А. И. Введенского // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 176–192.

Петров С. Г. Неизвестное письмо Патриарха Тихона о новом календарном стиле // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 487–508.

Петров С. Г. Новые данные об обновленческом Поместном соборе 1923 г. // Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.)» (г. Сэнтендре, Венгрия, 13–16 ноября 2001 г.). М., 2002. Кн. 1: Церковь, XX век. С. 259–284.

Петров С. Г. Обновленческий Поместный собор 1923 г.: Механизм подготовки и проведения // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы научно-практической конференции. Новосибирск, 2002. С. 30–32.

Петров С. Г. Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста: Источниковедческое изучение «покаянных» документов // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933). Мюнхен, 2002. Кн. 1. С. 213–237.

Петров С. Г. Попытка установления советским руководством контроля над Русской православной церковью в первой половине 1920-х гг. // Государство, Церковь, общество: Исторический опыт и современные проблемы: Международная научная конференция. М., 2005. С. 63–66.

Петров С. Г. Секретная программа ликвидации Русской церкви: Письма, записки и почто-телеграммы Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) (1921–

1922) // Сибирская провинция и центр: Культурное взаимодействие в XX в. Новосибирск, 1997.

Петров С. Г. Советские налоги и православная Церковь в первой половине 1920-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2006. Т. 5. Вып. 1 (доп.), история. С. 57–62.

Петров С. Г. «Социалистическое государство стало на путь эксплуатации культа»: Обновленческий митрополит Антонин (Грановский) о незаконных налогах на духовенство // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 85–89.

Печальники земли Русской: О святых патриархах Иове и Тихоне. Б.м., 1990. 25 с.

Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. М., 1966. 192 с.

Плаксин Р. Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой октябрьской революции и гражданской войны. Л., 1987. 206 с.

Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики, 1921–1928. М., 2006. 704 с.

Покровский Н. Н. Время публиковать источники // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 1996. № 1. С. 11–21.

Покровский Н. Н. Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 1995. Вып. 1. С. 125–173.

Покровский Н. Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 18–46.

Покровский Н. Н. Политбюро и Церковь, 1922–1923. Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8. С. 186–213.

Покровский Н. Н. Предисловие // Архивы Кремля: В 2-х кн. Новосибирск; М., 1997. Кн. 1: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. С. 7–109.

Полетаева Т. А. Святейший Патриарх Тихон // Миссионерское обозрение. Белгород, 1995. № 11. С. 23–28.

Полетаева Т. А. Святейший Патриарх Тихон // Миссионерское обозрение. Белгород, 2007. № 4. С. 23–29.

Попов А. В. Российское православное зарубежье: История и источники. Вып. 10: Материалы по истории русской политической эмиграции. М., 2005. 619 с.

Поспеловский Д. В. От Патриарха Тихона к митрополиту (Патриарху) Сергию: преемственность или предательство? // Церковь и время. 1992. № 3. С. 43–60.

Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР: Учебное пособие. М., 1996. 408 с.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. 511 с.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь, испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 43–60.

Поспеловский Д. В. Церковное обновленчество и Патриарх Тихон // Церковь и время. 1999. № 2. С. 259–298.

Потороев А. В. Отщепенцы: [Обновленческий раскол] // Угрешский вестник. 2006. № 1. С. 112–117.

Простите, звезды Господни: Исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому Церковь? / Сост. В. Королев. Фрязино, 1999.

Псковский синодик / Под общ. ред. архим. Ермогена (Муртазова). М.; Псков, 2005. 744 с.

Пуцко В. Глуховский епископ Дамаскин // Московский журнал. 2002. № 10.

Раздорский А. И. Дамиан (Воскресенский) // ПЭ. М., 2006. Т. 13. С. 707–708.

Рар Глеб (А. Ветров). Пленная Церковь: Очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне, 1954. 113 с.

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви, 1917–1945. М., 1996. Кн. 15: Материалы по истории Церкви. 630 с.

Резникова И. Православие на Соловках: Материалы по истории Соловецкого лагеря. СПб., 1996. 206 с.

Религиозные диспуты в Москве в 1923 году / Публ. и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 215–225.

Религия, общество и государство в XX веке: Материалы конференции (Москва, 22–25 окт. 1991 г.). М., 1991. 144 с.

Реутов В., Карнасевич В. Г. Архиепископ Дамиан – сын земли Курской. Курск, 1999. 87 с.

Розова Л. К. Великий архидиакон. М., 1998.

Рослоф Э. Советское правительство и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви (1922–1923) // История России: Диалог российских и американских историков: Материалы российско-американской научной конференции (18–22 мая 1992 г.). Саратов, 1994. С. 119–126.

Русак В. (Степанов). История Российской Церкви: Со времени основания до наших дней. Джорданвилль, 1993. 580 с.

Русак В. (Степанов). Пир сатаны: Русская Православная Церковь в ленинский период (1917–1924). М., 1991. 313 с.

Русак В. (Степанов). Свидетельство обвинения: Церковь и государство в Советском Союзе. М., 1993. Кн. 1–3.

Русская Православная Церковь, 988–1988: Очерки истории, 1917–1988 гг. М., 1988. Вып. 2. 111 с.

Русское православие: Вехи истории. М., 1989. 719 с.

Савельев С. Н. Бог и комиссары: (К истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия: На пути к свободе совести. М., 1993. Вып. 2. С. 164–216.

Савельев С. Н. Протоколы антирелигиозных мудрецов // Религия и свобода мысли в культурно-историческом процессе. Л., 1991. С. 143–155.

Савин А. И. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и евангелические церкви // Государство и личность в истории России. Новосибирск, 2004. С. 83–105.

Савинова И. Д. Дело митрополита Арсения Стадницкого // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 139–144.

Савинова И. Д. Лихолетье: Новгородская епархия и советская власть, 1917–1991. Новгород, 1998. 112 с.

Сафонов Д. В. 80 лет назад Св. Патриарх Тихон заложил принципы отношений Церкви и советского государства // http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-sovvlast.htm.

Сафонов Д. В. 80 лет назад священномученик Иларион заново освятил храм Сретенского монастыря, изгнав из него обновленцев // http://www.pravoslavie.ru/sm/5819.htm.

Сафонов Д. В. Академическое служение сщмч. Илариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством: (По материалам публичных диспутов в Политехническом музее) // Богословский вестник, издаваемый МДА и С. 2006. № 5/6. (2005–2006). С. 335–370.

Сафонов Д. В. Архиерейское служение священномученика Илариона (Троицкого) в 1920 – первой половине 1923 г. // http://www.pravoslavie.ru/sm/5822.htm.

Сафонов Д. В. Был ли Патриарх Тихон сторонником введения нового стиля? // Альфа и Омега. 2004. № 1 (39). С. 198–203.

Сафонов Д. В. «Великая радость на земле и на Небе»: Святитель Иларион (Троицкий) и его вклад в восстановление патриаршества // http://www.pravoslavie.ru/sm/5852.htm.

Сафонов Д. В. В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс // Церковь в истории России. М., 2005. Сб. 6. С. 218–243.

Сафонов Д. В. В последние месяцы жизни святителя Тихона против него готовился новый судебный процесс // http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-newprocess.htm.

Сафонов Д. В. Взаимоотношения двух частей Русской Православной Церкви: К истории вопроса // http://www.radonezh.ru/analytic/8813.html.

Сафонов Д. В. Деятельность митрополита Сергия (Страгородского) в контексте советской вероисповедной политики в 1921–1926 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23. История. Вып. 33. С. 58–66.

Сафонов Д. В. Деятельность органов Высшего Церковного Управления Православной Российской Церкви в 1921–1922 гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 75–95.

Сафонов Д. В. Деятельность священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) в 1923 году // http://www.pravoslavie.ru/sm/28773.htm.

Сафонов *Д. В.* Духовное наследие преподобного Серафима и новомученики XX века // Церковный вестник. 2004. № 13/14; http://www.tserkov.info/numbers/novomuch/?ID=1068.

Сафонов Д. В. Духовное наследие прп. Серафима Саровского и новомученики XX века // Наследие Серафима Саровского и судьбы России: Материалы конференции (Москва – Саров, 2004 г.). Нижний Новгород, 2005. С. 349–361.

Сафонов Д. В. Единоначалие и коллегиальность в истории Высшего церковного управления Русской Церкви в период патриаршества свт. Тихона // Патриарх и Собор: Архиерейский и Поместный Соборы Русской Православной Церкви 2009 г.: Сборник документов и научных материалов / Рук. проекта архиеп. Евгений (Решетников), под. ред. прот. П. Великанова. М., 2010. С. 200–221.

Сафонов Д. В. Единоначалие и коллегиальность в истории Высшего церковного управления Русской Церкви в период патриаршества святителя Тихона // http://www.bogoslov.ru/text/376306.html.

Сафонов Д. В. Единоначалие и коллегиальность в истории Высшего церковного управления Русской Церкви от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, до Патриарха Московского и всея Руси Алексия I // Богословский вестник, издаваемый МДА и С. 2009. № 8/9. Ч. 1: Годы 1917–1925. С. 275–355; Ч. 2: Год 1925. 2010. № 10. С. 309–341.

Сафонов Д. В. Жизнь и архиерейское служение святителя Илариона: Речь на акте в МДА, посвященном памяти святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского // www. mpda.ru.

Сафонов Д. В. «Завещательное послание» и Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года // Община, XXI век. Православное обозрение. 2001. № 3 (5).

Сафонов Д. В. «Завещательное послание» Патриарха Тихона и «Декларация» заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия // www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-newstyle3.htm.

Сафонов Д. В. Из истории борьбы за русскую собственность в Святой Земле в 1920–1940-е гг. // Родное и Вселенское: К 60-летию Н. Н. Лисового. М., 2006. С. 290–305.

Сафонов Д. В. Из истории Русской Духовной Миссии в Святой Земле в 1918 – 1957 гг. // Сретенский сборник: Научные труды преподавателей Сретенской духовной семинарии. М., 2010. Вып. 1. С. 266–324.

Сафонов Д. В. Иларион (Троицкий) // Московская энциклопедия: Лица Москвы: И–Н / Гл. ред. С. О. Шмидт. М., 2008. Кн. 2. С. 40.

Сафонов Д. В. К 75-летию со дня преставления священномученика Илариона (Троицкого) // http://www.radonezh.ru/analytic/8915.html.

Сафонов Д. В. К вопросу о подлинности «Завещательного послания св. Патриарха Тихона» // Богословский вестник, издаваемый МДА. 2004. № 4. С. 265–311.

Сафонов Д. В. К проблеме подлинности «Завещательного послания» Патриарха Тихона // http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-zaveschanie1.htm.

Сафонов Д. В. Материалы по истории обновленческого раскола в российских архивах // XVI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [26–28 января 2006 г.]. М., 2006. Т. 2. С. 198–205. Прил.: Акт на уничтожение обновленческого архива.

Сафонов Д. В. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр (Полянский) и его отношение к «Завещательному посланию» Патриарха Тихона // www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-newstyle2.htm.

Сафонов Д. В. Митрополит Сергий (Страгородский) и советская власть в 1921–1926 гг. // Материалы XIX ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2009. Т. 1. С. 273–281.

Сафонов Д. В. О священномученике Илариона (Троицком) // http://www.pravoslavie.ru/sm/33307.htm.

Сафонов Д. В. Патриаршая Церковь и обновленческий раскол, 1923–1924 гг. // Свобода совести в России: Исторический и современный аспекты. М., 2004. С. 390–403.

Сафонов Д. В. Последний замысел врагов Церкви: (О последнем периоде жизни св. Тихона) // Альфа и Омега. 2004. № 1 (39). С. 185–198.

Сафонов Д. В. Почему не состоялся процесс над Патриархом Тихоном? // www.pravoslavie.ru/archiv/patrtihonprocess.htm.

Сафонов Д. В. Публичные диспуты свт. Илариона с обновленцами // Альфа и Омега. 2005. № 2 (43). С. 166–184.

Сафонов Д. В. Публичные диспуты святителя Илариона с обновленцами в 1923 г. // http://www.pravoslavie.ru/sm/5824.htm.

Сафонов Д. В. Российская государственность XX века: Материалы межвузовской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Н. П. Ерошкина, 16 декабря 2000 г. М., 2001. С. 183–187.

Сафонов Д. В. Святейший Патриарх Тихон и Константинопольский Патриархат // http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-kp.htm.

Сафонов Д. В. Святитель Иларион (Троицкий) и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. Часть 1 // http://www.pravoslavie.ru/sm/33329.htm.

Сафонов Д. В. Святитель Иларион (Троицкий) и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. Ст. 2: ч. 1: http://www.pravoslavie.ru/sm/print35187.htm; ч. 2: http://www.pravoslavie.ru:80/sm/print35224.htm.

Сафонов Д. В. Святитель Тихон и принципы отношений Церкви и советского государства // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 149–169.

Сафонов Д. В. Святитель Тихон и Русская Православная Церковь за границей в 1922–1925 гг.: Неизвестные страницы истории. Ч. 1: http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5493.htm; Ч. 2: http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5494.htm.

Сафонов Д. В. Священномученик Иларион Верейский и восстановление патриаршества // Встреча: Студенческий православный журнал. 2007. № 2 (25). С. 6–9.

Сафонов Д. В. Священномученик Иларион (Троицкий): Профессор МДА и церковный деятель: (К 75-летию со дня преставления) // МГУ и МДА: 250 лет совместного служения России. М., 2006. С. 101–113.

Сафонов Д. В. Следственное дело Патриарха Тихона как источник по истории Русской Православной Церкви // Архивы Русской Православной Церкви: Пути из прошлого в настоящее. М., 2005. С. 207–212.

Сафонов Д. В. Смерть Патриарха Тихона «спасла» его от расстрела // Вестник пресс-службы Украинской Православной Церкви. 2003. Вып. 5 (20). С. 70–74.

Сафонов Д. В., Петрушко В. И. «Начало скорбного пути» (1917–1925) // Русская Православная Церковь, XX век. М., 2008. С. 73–204.

Свитич А. К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии: (Материалы по истории Церкви. Кн. 14). М., 1997.

Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в воспоминаниях современников. М., 2000.

Святейший патриарх Тихон // Москва. 1995. № 3. С. 185–190.

Святейший Патриарх Тихон в воспоминаниях современников // ЖМП. 1993. № 11–12.

Святитель Тихон, Патриарх Московский и Всея России / Сост. и общ. ред. О. В. Орловой. М., 1995. 223 с.

Священномученик Иларион (Троицкий): Профессор Московской Духовной Академии и церковный деятель: (К 75-летию со дня преставления): Доклад на научной конференции «Московский государственный университет и Московская духовная академия: 250 лет совместного служения России» (6 декабря 2004 г.) // http://www.pravoslavie.ru/sm/5821.htm.

Сидоров С. А. Московское духовенство двадцатых годов // Московский журнал. 1997. № 8–9.

Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие / Сост. А. А. Бовкало и др. СПб., 2002.

Скворцов-Степанов И. И. Религия, духовенство, его доходы, его проклятия и благословения. М.; Пг., 1918. 112 с.

Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Русской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 1–4. Репринт.

Соловьев И., диак. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви в 1932 г.: (По материалам протоколов обновленческого синода) // XVI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета [9–11 октября 2005 г. и 26–28 января 2006 г.]. Т. 1. М., 2006. С. 134–140.

Сорокин В., прот. Исповедник: Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. 736 с.

Сорокин В., прот., Бовкало А. А., Галкин А. К. Духовное образование в Русской Православной Церкви при Святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне // Христианское чтение: Журнал Санкт-Петербургской Православной духовной академии. 1992. № 7.

Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1. 298 с.; Т. 2. 279 с.; Т 3. 275 с.

Стратонов И. Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. Кн. 5: Материалы по истории Церкви. С. 29–173.

Тальберг Н. Д. К сорокалетию пагубного евлогианского раскола. Джорданвилль, 1966.

Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД в Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008. 632 с.

Титков Е. П. Патриарх Сергий (Страгородский): Подвиг служения Церкви и Родине. Арзамас, 2007. 663 с.

Титлинов Б. В. Новая Церковь. Пг.; М.,1923.

Титлинов Б. В. Смысл обновленческого движения в истории. Самара, 1926.

Титлинов Б. В. Церковь во время революции. М.; Пг.,1923.

Тихон (Затекин), архим., Дегтева О. В. Рожденный на земле Нижегородской: Патриарх Сергий. Нижний Новгород, 2007.

Торопов А. В. Е. А. Тучков: Портрет на фоне эпохи: [Некоторые особенности гонений на Русскую Православную Церковь в 1920–1930-х гг.] // Церковно-исторический ежегодник. Иваново, 2005. Вып. 4. С. 236–245.

Торопов А. В. Жизненная трагедия архиепископа Филиппа (Гумилевского): [Некоторые особенности жизни Русской Православной Церкви в эпоху

гонений 1920–1930-х гг.] // Церковно-исторический ежегодник. Иваново, 2003/2004. Вып. 2/3. С. 194–199.

Трифонов И. Я. Раскол в Русской православной церкви (1922–1925 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 64–77.

Троицкий К. Церковь и государство в России. М., 1923. 60 с.

Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. М., 1992. 128 с. Репринт.

Трубецкой Г. Памяти св. Патриарха Тихона // Путь: Орган русской религиозной мысли. М., 1992. Кн. 1. С. 86–89.

Тумшис М. А. ВЧК: Война кланов. М., 2004. 544 с.

Федотов А. А., свящ. Из истории обновленческого раскола // *Федотов А. А., свящ.* Архипастыри земли Ивановской: Церковно-исторические сочинения. Иваново, 2000. С. 71–78.

Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. Кн. 36: Материалы по истории Церкви. 640 с.

Филиппов А. Послание патриарха Тихона к духовенству от 25 сентября/8 октября 1919 г. М., 1920. 16 с.

Фирсов С. Л. Власть и верующие: Из церковной истории начала 1920-х гг. // Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы: Православная церковь в России и СССР. СПб., 2000. № 1. С. 203–236.

Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. 2-е изд. СПб., 2005. 395 с.

Фирсов С. Л. «Еврейский вопрос» и святой патриарх Тихон // Континент. 2002. № 1. С. 367–379.

Фирсов С. Л. Отечественная история: Краткий курс. СПб., 2006.

Фирсов С. Л. «Рабочий батюшка»: Штрихи к портрету обновленческого «митрополита» А. И. Боярского // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. № 4. С. 67–90.

Фирсов С. Л. Уроки русского церковного обновления: К 80-летию обновленческого раскола // НГ Религии. 2002. 25 мая. № 2 (97).

Хайрутдинов Р. Р. «В церквах и монастырях по возможности ничего не оставлять...»: (Кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) // Эхо веков. 2006. № 2. С. 78–87.

Харин И. В. Церковь и государство в первые годы Советской власти: (По «Посланиям» и «Воззваниям» Святейшего Патриарха Тихона) // Православие и Россия: Прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1998. С. 104–106.

Хенкин Е. В. Очерки истории борьбы советского государства с голодом. Красноярск, 1988.

Христофоров В. С., Макаров В. Г. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 230–243.

Церковь и государство. М., 1926. Ч. 1–2.

Цыпин В., прот. Борис (Рукин) // ПЭ. 2003. Т. 6.

Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви, 1917–1990: Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994. 252 с.

Цыпин В., прот. История Русской Церкви, 1917–1997. М., 1997. Кн. 9: История Русской Церкви. 832 с.

Цыпин В., прот. Канонизация святых в Русской церкви в XX в. // Проблема святых и святости в истории России / Отв. ред. А. Н. Сахаров, П. Каталано. М., 2006. С. 232–243.

Цыпин В., прот. Русская Церковь (1917–1925). М., 1996. 335 с.

Цыпин В., прот. Русская Церковь (1925–1938). М., 1999.

Цыпин В., прот., Иннокентий (Павлов), игум. Антонин (Грановский) // ПЭ. М., 2001. Т. 2.

Чельцов М., прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930-е гг. // Минувшее. М., 1995. Вып. 17.

Чемирисский Н. А. Изъятие в 1922 году церковных ценностей для помощи голодающим // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1962. С. 186–212.

Черные дни русского православия. Тюмень, 1992. 215 с.

Чертков А. Б. Крах. М., 1968. 174 с.

Шабров И. В. Ярославский период деятельности патриарха Тихона в современной отечественной историографии // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Иваново, 1995. Т. 1. С. 232–284.

Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Кн. 1: (Материалы по истории Церкви. Кн. 11.). М., 1996. 416 с.; Кн. 2: (Материалы по истории Церкви. Кн. 12.). М., 1996. 416 с.

Шевкунов Г. Патриархи смутных времен: (О новопрославленных Патриархах, Святителях Иове и Тихоне) // Русский рубеж. М., 1991.

Шиленок Д., свящ. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939): (Обновленческий раскол в Белоруссии). М., 2006. 218 с.

Шимон И. Я. ...Плюс атеизация всей страны: (Государственно-церковные отношения в 1920–1930-е гг.). Дубна, 2002. 159 с.

Шкаровский М. В. Два эпизода борьбы с Церковью в Петрограде // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 555–579.

Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. 400 с.

Шкаровский М. В. Новые источники по истории Русской Православной Церкви периода гражданской войны в ЦГА Санкт-Петербурга // Источниковедение XX столетия: Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 126–127.

Шкаровский М. В. Обновленческий «протопресвитер» Владимир Красницкий и его встреча с В. И. Лениным // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 246–254.

Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX в. // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 6. С. 5–50.

Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999. 100 с.

Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб., 1995. 206 с.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и государственная религиозная политика в 1917–1988 гг. // Епископы и епархии Русской Православной Церкви. М., 1997. С. 405–441.

Шкаровский М. В., Виноградов В. П., протопресв. // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 521–522.

Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. М., 1993. 389 с.

Щеглов Г. Э. Два архива: О судьбе архивов Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. и Московской духовной семинарии // Вестник архивиста. М., 2006. № 2/3 (92/93). С. 403–412.

Эйнгорн И. Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937). Томск, 1982. 225 с.

Юрковецкий В. Л. Церковь и государство: Эволюция взаимоотношений. Курск, 2001.

Литература на иностранных языках

Anderson J. Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States. Cambridge Univ. Press, 1994. XI, 236 p.

Anderson P. People, Church and State in Modern Russia. N.Y: Macmillan, 1944.

Andreyev I. M. Russia's Catacomb Saints: Lives of the New Martyrs. Calif., 1982. 648 p.

Curtiss J. The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Boston, 1953.

Fletcher W. A Study of Survival: The Church in Russia, 1927–1943. London, 1965. 169 p.

Fletcher W. The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970. Oxford Univ. Press, 1971.

Freez G. Counter-reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // Slavic Review, 1995. V. 54. № 2. P. 305–339.

Luukkanen A. The Party of Unbelief: The religious policy of the bolshevic party, 1917–1929. Helsinky, 1994.

Luukkanen A. The religion policy of Stalinist state: A case study: The central standing commission on religion questions, 1929–1938. Helsinki, 1997. 217 p.

Meyendorff J. Living Tradition. N.Y, 1978.

Pochoshajew Igor. Patriarch Tichon und die Sowjetmacht // Ztschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Weimar, 2007. Bd 124: Kanonistische Abt., № 93. S. 334–371.

Pospelovskii D. The Russian Church under the Soviet regime, 1917–1982. N.Y., 1984.

Roslov E. Red Priests: Renovationism, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905–1946. Bloomington, 2002.

Steindorff L. Secularization in Soviet Russia: A Comparative Analysis // Mesto Rossii v Evrope (The Place of Russia in Europe) / Red. Gyula Szvak. Budapest, 2001. S. 330–337.

Диссертационные исследования

Абдулов Н. Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений, 1917–1991 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006.

Агафонов П. Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг.: (На материале Пермской епархии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2002.

Алленов А. Н. Власть и церковь в русской провинции в 1917–1927 гг.: На материалах Тамбовской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 336 с.

Андреев В. М. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX века и его идеология: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1971. 15 с.

Базылев В., свящ. История Пермской Епархии с 1918 по 1945 год: Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2003.

Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.

Беглов А. Л. Церковное подполье 1920–1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 249 с.

Беликова Н. Ю. Эволюция Русской Православной Церкви в период постреволюционной модернизации России в 20–30-е гг. XX в.: (На материалах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области): Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2002.

Белоглазов М. Л. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае (октябрь 1917–1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. 19 с.

Беляева А. В. Русская Православная Церковь Заграницей, 1919–1926: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. Рукопись.

Бойко Т. В. Московские музеи-монастыри в контексте культурно-просветительской политики Советского государства в 1917–1920-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

Брылев П., свящ. История Тульской епархии: Новейший период: Дис. ... канд. богословия. М., 1998. 150 с.

Буевский А. С. Православный Восток и Русская Православная Церковь в первой половине XX столетия: Курсовое сочинение. М., 1951. 130 с. Машинопись.

Булавин М. В. Взаимоотношения государства и православной церкви в России: (На примере Урала): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 370 с.

Бунин А. Ю. Деятельность православного духовенства курского края в 1905–1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. 228 с.

Георгий (Данилов), игум. Житие и патриаршее служение Святителя Тихона (Белавина): Дис. ... канд. богословия. М., 1995. 180 с. Рукопись.

Головушкин Д. А. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви в 1905–1925 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002. 255 с.

Горбатовский Н., свящ. Деятельность приходских общин Русской Православной Церкви в период 1918–1930 гг.: (На примере Нижегородской епархии): Дипломная работа МДА. М., 2002. 109 с.

Гринберг М. Л. Жизнь и деятельность архиеп. Андрея (князя Ухтомского): Из истории русской православной церкви XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

Далгатов А. Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям: Октябрь 1917-го – конец 1930-х годов: Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2004. 643 с.

Дестивель Л. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Дунаев В. Н. Социально-политическая ориентация и действия православных церковников в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы советской власти (1917–1922): (На материалах Воронежской, Тульской и Тамбовской губ.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1972. 26 с.

Елисеев А. Л. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви в 20–30-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 248 с.

Желнакова Н. Ю. Государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 180 с.

Звонарев С., свящ. Органы высшей власти и управления Русской Православной Церкви в период с 1917 по 2000 г.: Дис. ... канд. богословия. М., 2007. 315 с.

Кашеваров А. Н. Советское государство и Русская Православная Церковь в 1917–1922 гг.: Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1998.

Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь и Патриарх Тихон (1920–1925 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Крапивин М. Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (окт. 1917-го – конец 1920-х годов): Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1999. 712 с.

Кривова Н. А. Власть и Русская православная церковь в 1922–1925 гг.: Политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ – ОГПУ: Дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. 418 с.

Лепилин А. В. Взаимодействие Русской Православной Церкви с экуменическим движением в период его зарождения и развития, 1917–1961 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2004. 197 с.

Лихачев В. Положение и состояние Русской Православной Церкви: (По материалам архивного фонда канцелярии Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода): Курсовое сочинение. СПб., 1999. Кн. 1/2. Машинопись.

Мазырин А. В. Внутренние конфликты в Русской Православной Церкви второй половины 1920-х – 1930-х гг.: В свете позиции высших иерархов: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 334 с.

Макаров Ю. Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД СССР (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2007.

Маковецкий А. В. Русская Православная Церковь Заграницей: Этап возникновения и организационного оформления: 1920–1940 гг.: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2007.

Марченко В., свящ. История Ярославской епархии с 1917 по 1941 г.: Дис. ... канд. богословия. М., 1996. 163 с.

Медведев Н. В. Государство и церковь в России (1924–1934 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 138 с.

Михайлов С. В. Государство и церковь (Архангельский Север), 1918–1929 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998. 230 с.

Музафарова Н. И. Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917–1937 гг.: (На материалах Урала): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1992.

Муравлев Н. А. Эпистолярное наследие Святейшего Патриарха Тихона: (Письма к митр. Киевскому и Галицкому): Курсовое сочинение. СПб., 1995.

Неживых Н. А. Взаимоотношения партийных и советских органов с православной церковью в 1920–1929 гг.: (На материалах Западной Сибири): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. 206 с.

Паламарчук А. В. Исторический опыт взаимоотношения государства и церкви Юго-Восточной Сибири (1920–1930-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 369 с.

Петюкова О. Н. Русская Православная церковь в российской деревне в 1920-е годы: (По материалам губерний Центральной России): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении религии и церкви в деревне Северо-Западной России в конце 1920-х – 1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2002.

Разумов Д. С. Антицерковная политика советской власти в 1921–1924 гг.: (По материалам Верхнего Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1997. 251 с.

Ревякин Е. С. Политика государственных партийных и общественных организаций в отношении религии и церкви в 1919–1936 гг.: (По материалам Ивановской обл.): Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1995. 292 с.

Румянцев Д. В. Патриарх Тихон и «религиозная» политика Советского государства: Дис. ... канд. богословия. СПб., 1997. Рукопись.

Сафонов Д. В. Высшее управление Русской Православной Церкви в 1921–1925 гг. в контексте государственно-церковных отношений: Дис. ... канд. богословия. М., 2010. 291 с.

Сафонов Д. В. Патриарх Тихон и советская власть: К проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 277 с.

Феодосий (Процюк). Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине с 1917 по 1943 г.: (По материалам Киевской, Харьковской и Полтавской епархий): Дис. ... МДА. Смоленск, 1978. Т. 1–7. Машинопись.

Феофан (Пожидаев), игум. Жизнь и церковная деятельность архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера): Дис. ... канд. богословия. М., 1998.

Хрусталев М. Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах: (На материалах Новгородской епархии): Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. 267 с.

Щербаков А. Митрополит Мануил (Лемешевский) и его борьба с обновленчеством: Дис. ... канд. богословия. М., 2005.

Ювеналий (Поярков), иером. Внешние сношения Русской Православной Церкви с 1917 по 1944 г.: Курсовое сочинение. М., 1961. Машинопись.

Именной указатель[1]

А

Абрикосов В., католический священник 207, 208
Августа, племянница митрополита Макария (Невского) 527
Августин (Беляев), епископ 402, 568, 605
Автоном (Окользин), иеродиакон 43, 129
Агабеков Г. С. 305, 532
Агапит, архиепископ, см. Агапит (Вишневский), архиепископ
Агапит (Вишневский), архиепископ 237, 374, 375
Агафангел, митрополит Ярославский, см. Агафангел (Преображенский), митрополит
Агафангел (Преображенский), митрополит 20, 26, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 233, 239, 243, 244, 245, 246, 247, 250, 263, 309, 354, 430, 506, 559, 582, 600, 605
Агранов Яков Саулович, следователь по особо важным делам ВЧК – ГПУ 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 272, 276, 288, 434
Адриан, епископ, обновленец 555
Айзенштейн, см. Новиков А. И.
Аксенов 49
Александр (Немоловский), митрополит 85, 210, 509
Александр (Паулус), архиепископ 176
Александр (Похвалинский), епископ 605
Александр (Раевский), епископ 602
Александр, архиепископ Ревельский, см. Александр (Паулус), архиепископ
Александров В. Д., сын епископа Серафима (Александрова) 82
Алексий (Баженов), архиепископ, обновленец 417
Алексий (Буй), епископ 604
Алексий (Готовцев), епископ 603
Алексий (Житецкий), епископ 30, 41, 56, 83, 125, 126
Алексий (Комаров), епископ 446
Алексий (Кузнецов), епископ 123, 402, 434, 517
Алексий (Орлов), епископ 443
Алексий (Палицын), архимандрит 230, 324, 456, 457, 464, 465, 466, 533
Алексий (Симанский), епископ 50, 54, 55, 59, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 77, 78, 80, 81, 89, 93, 94, 96, 98, 100, 150, 166, 201, 221, 228, 244, 245, 246, 450
Алексий (Соловьев), иеросхимонах 19, 540
Алексий (Трапицын), архимандрит 285, 415

[1] Полужирным шрифтом выделены имена, вошедшие в раздел «Комментарии», курсивом – имена упоминаемых автором современных исследователей.

Алексий, епископ Бугурусланский, см. Алексий (Орлов), епископ
Алексий, епископ, см. Алексий (Симанский), епископ
Алексий, старец, см. Алексий (Соловьев), иеросхимонах
Амвросий (Казанский), епископ 138
Амвросий (Полянский), епископ 390, 391, 394, 395, 407, 447, 535
Амфилохий (Скворцов), епископ 579
Анастасий (Грибановский), архиепископ 23, 451, 452, 509
Анастасий, иерарх Русской Православной Церкви Заграницей, см. Анастасий (Грибановский), архиепископ
Анатолий (Грисюк), епископ 52, 53
Анатолий (Соколов), епископ, обновленец 513, 516
Андреева А. А., сотрудница СО ВЧК 144
Андреев Александр, протоиерей 507
Андрей (Ухтомский, кн.), епископ 66, 82, 120, 121, 122, 123, 160, 302, 304, 358, 365, 374, 491, 542, 543
Андрей, епископ Уфимский, см. Андрей (Ухтомский, кн.), епископ
Андрей, епископ Томский, см. Андрей (Ухтомский, кн.), епископ
Андроник (Никольский), епископ 24
Анемподист (Алексеев), архимандрит 108, 129, 184, 188, 197, 209, 227, 229, 325, 328, 353, 376, 418, 481, 498, 526, 544, 552
Анисимов Николай, протоиерей, см. Георгий (Анисимов), епископ
Антоний (Миловидов), архимандрит 82
Антоний, митрополит, см. Антоний (Храповицкий), митрополит
Антоний (Романовский), епископ 548
Антоний (Флоренсов), епископ 230, 471
Антоний (Храповицкий), митрополит 17, 19, 20, 23, 94, 115, 124, 125, 126, 176, 181, 210, 213, 214, 218, 310, 315, 331, 342, 368, 390, 421, 467, 484, 558, 561
Антонин (Грановский), епископ, обновленец 131, 186, 200, 228, 230, 231, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 292, 295, 296, 297, 317, 350, 353, 372, 385, 386
Арефа (Митренин), иеромонах 65
Аркадий (Григорьев), иеромонах 403, 434
Аркадий (Ершов), епископ 477
Аркадий, игумен 527
Арсений (Жадановский), епископ 97, 527, 537
Арсений (Смоленец), епископ 189
Арсений (Соколовский), епископ 603
Арсений (Стадницкий), митрополит 11, 17, 20, 23, 24, 26, 30, 34, 35, 59, 63, 69, 75, 78, 81, 168, 244, 277, 286, 292, 443, 444, 445, 448, 449, 472
Арсений, митрополит Новгородский, см. Арсений (Стадницкий), митрополит
Арсеньев Иоанн, протоиерей 177, 188, 208
Артемий (Ильинский), архиепископ 404, 435
Артоболевский Иоанн, протоиерей 498
Артузов А. Х., начальник КРО ОГПУ 287, 535

Архангельский Василий, протоиерей, обновленец 498
Афанасий (Егоров), иеродиакон 65
Афанасий (Сахаров), епископ 85, 202, 252
Афоний (Вишняков), иеродиакон 50, 52, 129

Б

Базилевич Г. Д. 172
Баконина С. Н. 13
Бакунин А. И., доктор 562, 563, 578
Бакунина Э. Н., доктор 560, 562, 563, 564, 566, 568, 570, 576, 577, 579, 581, 583, 587, 593, 594, 595, 596
Беглов А. Л. 477
Безпалов Н. А. 51, 52, 129, 144
Бек М., председатель Московского ревтрибунала 220, 224
Белков Евгений, священник, обновленец 219, 221, 354, 471
Белобородов А. Г., заместитель наркома внутренних дел 142
Белов Е. К., сотрудник СО ВЧК 105, 205
Белоликов В. З. 498
Беляев А. А., священник 72
Беляев А. 92
Блинов Петр, священник, обновленец 122, 296, 297, 299, 300
Бобринская, графиня 585
Бобрищев-Пушкин А. В., адвокат 286, 293
Богданович В. В., польский сенатор 572, 573, 591
Боголюбов Димитрий, протоиерей 498, 533
Бондарев 72
Борис (Лентовский), епископ 92
Борис (Рукин), епископ 15, 360, 394, 425, 426, 466, 531, 570, 599, 600, 601, 605, 606, 607
Борис (Соколов), епископ 443, 462, 544
Борис (Шипулин), епископ 121, 237
Борис, епископ Рязанский, см. Борис (Соколов), епископ
Боярский А. И., протоиерей, обновленец 186, 353, 460, 461
Братановский Николай, протоиерей, обновленец 498
Бриллиантов А. И., профессор 18
Брусилов В. И. 218
Бубнов А. С. 269
Булгаков С. Н., профессор 26
Булганин Н. А., сотрудник ВЧК 145
Бурцев, начальник секретно-оперативной части ВЧК 156
Буткевич, католический прелат 277, 278, 281, 289, 290, 294, 300
Бухарин Н. И., член ЦК РСДРП(б), главный редактор газеты «Правда» 89, 269, 327
Быков С. С., секретарь Судебной коллегии Верховного суда 9, 286
Бычков С. С. 220
Бюри, англиканский епископ 313

В

Вайсберг С., комиссар отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК 29
Валейчик П. Л., начальник 6-го отделения СО ВЧК 39
Варлаам (Пикалов), епископ 81, 584
Варлаам (Сацердоцкий), иеромонах 461
Варнава (Беляев), епископ 132
Варнава (Накропин), архиепископ 63, 202
Варфоломей (Ремов), епископ 95, 97, 130, 439
Василий (Димопуло), архимандрит, представитель Константинопольского Патриарха в России 508, 510, 511
Василий (Зеленцов), епископ 15
Василий (Зуммер), епископ 202, 247, 464
Василий (Прозоров), архимандрит 461
Василий Шеин, священник, см. Сергий (Шеин), архимандрит
Васильчиков И. С., князь 19
Васнецов Апполинарий, художник 210
Васнецов Виктор, художник 210
Вассиан (Пятницкий), архиепископ 96, 97, 127, 394, 507
Введенский А. И., протоиерей, обновленец 157, 158, 186, 201, 219, 221, 225, 228, 244, 254, 255, 274, 275, 286, 288, 292, 295, 296, 297, 327, 351, 354, 364, 372, 385, 412, 471, 514
Венгер А. 533
Венедикт (Плотников), епископ 460, 462
Вениамин (Батанов), иеродиакон 129
Вениамин (Глебов), епископ 462
Вениамин (Казанский), митрополит 24, 54, 66, 69, 73, 74, 84, 98, 169, 170, 193, 221, 238, 244, 245, 300
Вениамин (Милов), епископ 371, 439
Вениамин (Муратовский), архиепископ, обновленец 59, 533
Вениамин, епископ Рославльский, см. Вениамин (Глебов), епископ
Вениамин, митрополит, см. Вениамин (Казанский), митрополит
Верижский Г. И., сотрудник канцелярии ВЦУ 83
Вешнева (до брака – Семенова) М. А., сотрудница ВЧК – ГПУ 232, 234, 239, 240, 241, 242, 265, 267, 276, 277, 303, 304
Викентий (Шуленин), иеродиакон 129, 334, 335
Виктор (Богоявленский), епископ 96, 120, 121, 122
Виктор (Островидов), епископ 256, 601
Викторин (Бородулин), монах 129
Виноградов Василий Петрович, протопресвитер 150, 307, 312, 313, 318, 324, 329, 331, 360, 368, 369, 371, 381, 389, 405, 413, 414, 415, 431, 436, 453, 454, 455, 456, 482, 488, 493, 495, 498, 499, 500, 519, 544, 581
Виноградов К. А. 337
Винокуров А. Н., член Президиума ЦК Помгола 140, 152, 155, 163
Виссарион (Зорнин), епископ 602
Виталий (Введенский), епископ, обновленец 259
Виталий, архиепископ, см. Виталий (Введенский), епископ

Вишняков В. П., протоиерей 217
Владимир (Богоявленский), митрополит 17, 19, 23
Владимир (Соколовский-Автономов), архиепископ 223, 224
Владимир, архиепископ Пензенский, см. Путята Владимир, бывший епископ
Войно-Ясенецкий В. Ф. см. Лука (Войно-Ясенецкий), епископ
Волков С. А. 88
Волков, священник, обновленец 228
Волкогонов Д. А. 290
Воробьев В., протоиерей 286
Воробьев Владимир Николаевич, протоиерей 544
Воскресенский, священник, обновленец 228

Г

Гавриил (Воеводин), епископ 121
Гавриил (Красновский), епископ 385, 387
Галкин А. В., заместитель председателя Верховного трибунала 285, 293, 295, 298, 299
Галкин М. В., сотрудник «ликвидационного» отдела НКЮ, бывший священник 157, 172, 183, 278, 282
Гаспарри, кардинал 46
Гендрикс П., профессор 205
Генкин Яков Михайлович 145
Георгий (Анисимов), епископ 139, 573
Георгий (Добронравов), обновленческий «епископ» 350
Георгий (Ярошевский), митрополит 85, 120, 146, 148, 209, 590, 591
Георгий, митрополит Варшавский, см. Георгий (Ярошевский), митрополит
Гервасий (Малинин), епископ, обновленец 393, 394, 395
Герман (Коккель), епископ 550
Герман (Ряшенцев), епископ 97, 391
Глаголев Иван Матвеевич, член Московского епархиального управления 371
Глаголевский Сергий, протоиерей 246
Глеб (Покровский), епископ 442
Головин Ф. А., член Всероссийского комитета помощи голодающим 87
Головкин, староста храма Христа Спасителя 180, 181
Голод Лука, священник 572, 573
Горев М., см. Галкин М. В.
Горожанкин Я. Е. 246, 319, 324
Горький А. М. 87, 88, 90, 101, 117, 163, 279
Грабарь И. Я. 118
Гребинский М. М., сотрудник канцелярии ВЦУ 83, 552, 585
Григорий IV, Патриарх Антиохийский 149
Григорий (Козырев), епископ 411, 587, 603
Григорий (Лебедев), епископ 425, 435, 461, 462
Григорий (Лисовский), епископ 591
Григорий (Яцковский), архиепископ 498, 501, 601, 604

Григорий VII, Патриарх Константинопольский (Вселенский) 336, 508, 509, 510, 511
Громогласов Илья Михайлович, профессор, священник 18, 26, 30, 41, 83, 125, 126, 161, 167, 178, 179, 181, 471, 507
Грюнберг П. Н. 13
Губонин М. Е. 12, 42, 49, 76, 126, 254, 314, 334, 337, 347, 373, 394, 397, 408, 409, 425, 457, 552, 572, 591, 601, 604, 606, 607
Гумилевский Илья, протоиерей 243
Гурий (Степанов), архиепископ 309, 336, 337, 341, 349, 354, 370, 371, 391, 447, 483, 579
Гурьев Петр Васильевич, управляющий канцелярией Священного Синода и Высшего Церковного Совета 11, 26, 42, 83, 116, 125, 151, 160, 168, 176, 200, 255, 271, 276, 277, 286, 292, 443, 445, 448, 472
Гусева Пелагея 31

Д

Давыдов Николай, иподиакон 246
Дамаскин (Орловский), игумен 52, 79, 533, 580, 607
Дамаскин (Щедрик), епископ 391, 426, 429, 497, 535
Дамиан (Воскресенский), епископ 602
Даниил (Троицкий), епископ 57
Дворжанский А. И. 58
Дебове К. С. 72
Делаверди Феодор, протоиерей, обновленец 463
Деникин А. И., генерал 33, 269, 271, 582
Державин, протоиерей 362
Дерибас Т. Д., начальник СО ГПУ 305, 527, 542
Дзержинский Ф. Э. 29, 34, 40, 50, 61, 62, 63, 128, 131, 134, 135, 259, 282, 288, 289, 290, 293, 319, 553, 573
Димитрий (Абашидзе), архиепископ 24
Димитрий (Беликов), архиепископ 498
Димитрий (Добросердов), епископ 471
Димитрий, Патриарх Сербский 175, 509
Дионисий (Валединский), митрополит 509
Дмитриевский А. А., профессор 484
Дмитриевский А., протоиерей 437
Добров С. А., «протодиакон», обновленец 452
Добролюбов А. Ф., протоиерей 217
Дороватовский, священник 245
Дюранти Уолтер, журналист «Нью-Йорк таймс» 90

Е

Евгений (Зернов), архиепископ 498, 501
Евгений (Кобранов), архимандрит 343, 344
Евгений (Молчанов), архиепископ, см. Евгений (Зернов), архиепископ

Евдоким (Мещерский), архиепископ, обновленец 78, 156, 177, 182, 183, 184, 191, 192, 206, 248, 249, 254, 259, 260, 363, 371, 372, 384, 388, 389, 393, 394, 395, 396, 417, 418, 423, 456, 469, 470, 478, 479, 514, 533, 576
Евдоким, архиепископ Нижегородский, см. Евдоким (Мещерский), архиепископ
Евлогий (Георгиевский), митрополит 23, 55, 56, 84, 94, 148, 149, 176, 181, 199, 213, 421, 467
Евлогий, Преосвященный, см. Евлогий (Георгиевский), митрополит
Евмений, иеромонах 129
Евсевий (Никольский), митрополит 41, 49, 53, 66, 68, 71, 72, 74, 75, 76, 79, 81, 82, 83, 92, 97, 116, 120, 125, 126, 127, 129, 150, 158, 173, 198, 568
Евсевий, митрополит Крутицкий, см. Евсевий (Никольский), митрополит
Елевферий (Богоявленский), архиепископ 85, 122
Ермоген (Голубев), иеромонах 107
Ершов Александр, протоиерей, см. Аркадий (Ершов), епископ

Ж

Жиркевич А. В. 45, 237

З

Зайцев Б. К., писатель 106
Залуцкий П. А. 142
Заозерский Александр Николаевич, протоиерей 171, 217, 229
Западалов Алексий, священник 461
Захаржевский П. Н., обновленец 299
Зверев Александр, священник 246
Зверев Василий, священник 52, 127
Зенкевич 75
Зиновий (Дроздов), архиепископ 600
Зиновьев Г. Е. 262, 281, 290, 291, 460, 461
Златоустов Антонин, священник, обновленец 251
Зотиков Илия, протоиерей 189
Зотов 49

И

Иаков (Пятницкий), митрополит 20, 120, 121
Иаков, архимандрит, представитель Константинопольского Патриархата 260
Иаков, Высокопреосвященный, см. Иаков (Пятницкий), митрополит
Иванов Н. П. 12, 58, 72, 73
Иванов, агент ГПУ, см. Кузьмин
Иванова Е. В. 101

Игнатенко Дмитрий, священник 428
Иларион (Бельский), епископ 541
Иларион, епископ, см. Иларион (Троицкий), архиепископ
Иларион (Троицкий), архиепископ 20, 49, 57, 80, 83, 88, 97, 118, 133, 170, 180, 185, 189, 202, 255, 317, 326, 330, 336, 339, 340, 341, 342, 344, 350, 352, 353, 354, 356, 357, 358, 361, 362, 364, 368, 369, 371, 376, 377, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 388, 389, 393, 394, 395, 396, 397, 399, 400, 403, 405, 412, 413, 415, 416, 417, 418, 419, 423, 424, 427, 428, 429, 430, 434, 445, 454, 502, 583
Ильиных Ф. Л., следователь 50, 98, 104
Иннокентий (Бобцов), епископ 97, 98
Иннокентий (Бусыгин), епископ 531, 590
Иннокентий, епископ Можайский, см. Иннокентий (Бобцов), епископ
Иннокентий, епископ Ставропольский, см. Иннокентий (Летяев), епископ
Иннокентий (Летяев), епископ 226, 233, 377, 384, 462, 529, 541, 602
Иннокентий (Пустынский), архиепископ, обновленец 557, 558
Иннокентий (Соколов), архиепископ 527
Иннокентий (Тихонов), епископ 605
Иннокентий (Фигуровский), архиепископ 80, 95, 561, 562
Иннокентий (Ястребов), архиепископ 66, 67
Иоаким (Благовидов), епископ 91, 92
Иоанна (Патрикеева Анна Сергеевна), монахиня 603
Иоанн (Альбинский), архиепископ 208, 254
Иоанн, архиепископ Кубанский, см. Иоанн (Левицкий), епископ
Иоанн, архиепископ Нижнеудинский 121
Иоанн, архиепископ Рижский, см. Иоанн (Поммер), архиепископ
Иоанн (Братолюбов), епископ 365, 377, 584, 592, 602
Иоанн, епископ Давлекановский, см. Иоанн (Поярков), епископ
Иоанн (Левицкий), епископ 208
Иоанн (Лудищев), иеромонах 389
Иоанн (Поммер), архиепископ 60, 67, 68, 72, 73, 80, 81, 93, 122, 176, 535
Иоанн (Поярков), епископ 365, 374, 402
Иоанн (Снычев), митрополит 14, 403, 608
Иоанникий (Дмитриев), игумен 127, 129, 198
Иоанникий (Соколовский), епископ 374, 375, 439, 474, 475, 476, 537, 573, 607
Иоасаф (Калистов), архиепископ 35
Иоасаф (Удалов), епископ 570
Иов (Василевский), епископ 412
Иов (Рогожин), епископ 247, 365, 433
Иосиф (Петровых), архиепископ 424, 498
Ираклий (Ерофеев), иеродиакон 129
Иринарх (Синеоков), епископ 603
Ириней (Шульмин), епископ 437, 574
Исидор, иеромонах 336
Исихий, игумен 457
Иувеналий (Масловский), архиепископ 158

К

Кабушин 191
Казанский А. В., сотрудник ГПУ 437
Калашников Авксентий 175
Калашников, уполномоченный нижегородской ЧК 156
Калинин М. И. 37, 101, 137, 138, 144, 163, 165, 183, 186, 189, 190, 191, 199, 221, 224, 244, 262, 269, 270, 279, 290, 297, 350, 482, 483, 523, 587, 598
Калиновский С., священник, обновленец 202, 217, 221, 225, 226, 227, 228, 354
Каменев Лев Борисович 102, 103, 143, 154, 163, 262, 269, 281, 290, 291, 604
Каменева Ольга Давидовна, сестра Л. Д. Троцкого, жена Л. Б. Каменева 154
Картавцева И. М. 605
Карташев А. В. 268, 271
Кастальский А. Д., композитор 345
Касьянов Д. И. 115, 172
Катанян Р. П., прокурор 293
Каценеленбоген М. Э. 110
Кашеваров А. Н. 30
Кедров Виктор, протоиерей 160, 164, 170
Кедровский Иоанн, обновленческий «митрополит» 450, 452
Керзон Д., лорд 300, 301, 305, 307
Киней, представитель Американской секции Европейской студенческой помощи 588
Кирилл (Смирнов), митрополит 24, 30, 34, 35, 63, 64, 66, 93, 94, 250, 260, 430, 498, 500, 501, 502, 505, 506, 513, 521, 559, 598
Кириллов см. Белов Е. К.
Кирьянов Николай 587
Кишкин Н. М. 87, 101, 106
Кноль, представитель Польской миссии 120
Ковшаров И. М. 238
Колобовников Владимир 285
Колосов Н. И. 45
Колтон Э., представитель Американского отделения YMCA 209, 210, 588
Колчак А. В. 269
Колчицкий Н. Ф., протоиерей 453
Кондратьев Н. Д. 106
Кони А. Ф., юрист 61, 62
Константин (Булычов), архиепископ 24
Константин (Дьяков), епископ 537
Константин VI, Патриарх Константинопольский (Вселенский) 509, 571, 572
Константиновский Александр, протоиерей 337
Кончаловский М. П., профессор 560
Коробков Н. М., профессор 219
Королев 458
Кострюков А. А. 55, 411

Котляревский С. А. 268, 271
Коханик Петр 150
Кочетков П. И., комендант Донского монастыря 549
Красиков П. А., глава 8-го отдела НКЮ 40, 53, 61, 79, 157, 194, 195, 204, 212, 213, 215, 262, 278, 279, 429, 434, 450, 455, 571, 577
Красин Л. Б. 301, 305
Красницкий В., протоиерей, обновленец 9, 171, 180, 186, 219, 220, 221, 222, 225, 228, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 275, 286, 295, 296, 297, 317, 322, 340, 350, 351, 354, 372, 386, 387, 476, 477, 478, 480, 481, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 518, 519, 520, 521, 522, 533
Красотин Павел, протоиерей, обновленец 339, 534
Крейнин И. Ф. 110
Кривова Н. А. 194, 266, 281, 319
Кривошеева Н. А. 13, 335
Крыленко Н. В. 11, 270, 276, 278, 279, 286, 288, 366
Крылов, протоиерей, обновленец 353
Ксенофонтов И. К., заместитель председателя ВЧК 39
Кубяк Н. А. 142
Кузнецов А. И., юрист 325, 396, 512, 515, 516, 529
Кузнецов Н. Д., профессор 35, 177, 204, 447
Кузнецов П. С., следователь Верховного Суда РСФСР 49
Кузьмин, помощник уполномоченного 3-го отделения ВЧК 105, 564
Кузьмин-Караваев Д. В. 177
Куляшев А. Г., член ВЦС 26, 30
Курляндский И. А. 128, 186, 262
Курский Д. И. 137, 465, 466, 467, 468
Кускова Е. Д. 87, 103

Л

Ладыгин Илия, келейник Патриарха Тихона 184
Лапин П. Д., профессор 30, 83, 115, 125, 178
Лацис М. И., начальник СО ВЧК 34, 40, 62, 63
Лебедев Михаил, протодиакон 398
Лебедев П. П. 157
Левитин-Краснов А. 230, 231, 246, 253, 296, 305, 318, 320, 322, 323, 324, 328, 340, 369, 384, 423, 526, 560, 564
Левицкий Иван, священник 340
Ледуховский В. 207
Ленин В. И. 31, 36, 40, 51, 61, 76, 77, 88, 101, 106, 114, 142, 143, 290, 291, 321, 339, 457, 458, 473
Леонид (Скобеев), епископ, обновленец 226, 228, 231, 255, 260, 299, 503,
Леонид, епископ Верненский, см. Леонид (Скобеев), епископ
Леонтий (Матусевич), епископ 297
Леонтий (фон Вимпфен), епископ 513

Леонтьев С. М. 268
Лесков Л. А. 208
Лисичкин В. А. 358
Лихачев В. 14
Лобанов В. В. 234
Лобанов, протоиерей, обновленец 498
Лука (Войно-Ясенецкий), епископ 358, 365, 557
Луначарский А. В. 61, 62, 76, 77, 207, 383
Лутовинов Ю. Х., член Президиума ВЦИК 142
Львов В. Н. 58, 257, 296, 297, 444, 445
Любимов Николай, протопресвитер 17, 30, 35, 41, 44, 56, 83, 115, 181, 184, 202, 214, 224, 225, 226, 227, 243, 245, 246, 249, 345
Людмила, игумения Чемальского монастыря 527
Люперсольский Николай, протоиерей 607

М

Мазырин А., священник 490, 508, 510, 586
Макарий (Невский), митрополит 444, 525, 526, 527
Макарий (Телегин), иеромонах 188, 218, 229
Максим (Жижиленко), епископ 592, 595
Малков Николай 175
Мануил (Лемешевский), митрополит 392, 403, 404, 419, 425, 430, 438, 442, 460, 461, 462
Манцев, сотрудник ВЧК 128
Марк (Боголюбов), епископ 402
Марк, епископ Стерлитамакский, см. Марк (Боголюбов), епископ
Махляр, служащая канцелярии ВЦУ 176
Медведь Ф. Д., начальник Московского губотдела ГПУ 172
Меерович М. Г. 144
Мейендорф, баронесса 585
Мейер Эрнст, руководитель лондонской миссии АРА 147
Мелетий (Метаксакис), Патриарх Константинопольский 294, 308, 315, 508, 509, 510
Мелетий, Патриарх, см. Мелетий (Метаксакис), Патриарх Константинопольский
Менжинский В. Р. 39, 98, 104, 108, 212, 213, 262, 282, 305, 307, 366, 553, 571
Мефодиев Сергей 175
Мечёв Алексий, священник 318, 327, 328
Мечёв Сергий, священник 507
Минин С. К., общественный обвинитель 279
Миронова В. М. 223, 335
Миртов П. А., протоиерей 30
Митрофан (Краснопольский), архиепископ 18, 513
Митрофан (Поликарпов), епископ 443
Митрофан (Симашкевич), архиепископ 582

Михаил (Ермаков), митрополит 26, 41, 56, 66, 94, 214, 278, 375, 471, 565
Михаил (Кудрявцев), епископ 413
Михаил, архиепископ Гродненский, см. Михаил (Ермаков), митрополит
Молотов В. М., секретарь ЦК РКП(б) 190, 269, 281
Молчанов 110
Мольвер П. Н., сотрудник отдела летучих ревизий Рабоче-крестьянской инспекции 10, 48, 49
Моравский, представитель Польской миссии 120
Мошков Иван, звонарь 216
Мэннинг, епископ Нью-Йорка 89

Н

Надеждин Василий Феодорович, диакон 88
Надеждин Х. А., протоиерей 217, 218, 229
Назаретян А. М. 281
Назарий (Андреев), епископ 347
Назарий (Блинов), епископ 448
Нансен Ф. 289
Нафанаил (Троицкий), архиепископ 30, 498
Невахович 585
Некрасов, священник 177
Немов Вячеслав, протоиерей, обновленец 498
Неофит (Осипов), архимандрит 42, 43, 56, 83, 129, 147, 149, 172, 176, 189, 197, 209, 213
Нестеров Михаил, художник 210
Нестор (Анисимов), епископ 116
Никандр (Феноменов), архиепископ 24, 30, 64, 66, 68, 95, 125, 126, 158, 159, 160, 164, 167, 171, 178, 179, 180, 181, 184, 185, 189, 198, 212, 216, 218, 226, 264, 265, 271, 276, 277, 286, 292, 443, 444, 445, 448, 455, 472, 503
Никанор (Кудрявцев), епископ 97, 398
Никодим (Кротков), епископ 442, 446
Никодим, архиепископ Таврический, см. Никодим (Кротков), епископ
Николай II, император 402
Николай (Добронравов), епископ 95, 97, 107, 198, 203, 214, 216, 217, 226, 340, 391, 428, 446, 447, 452, 541
Николай (Могилевский), епископ 362, 377
Николай (Никольский), епископ 584
Николай (Парфенов), епископ 277
Николай (Позднев), епископ 580
Николай (Покровский), архиепископ 601
Николай (Соловей), обновленческий «епископ» 533
Николай (Ярушевич), епископ 193, 246, 425, 606
Николай, епископ Звенигородский, см. Николай (Добронравов), епископ
Николай, Преосвященный Петергофский, см. Николай (Ярушевич), епископ
Николай, епископ Гурьевский 462

Никольский В., протоиерей, обновленец 299
Никон (Курлевский), епископ 477
Никон (Соловьев), архимандрит 401
Новиков А. И., обновленец 299, 372, 395, 396, 460
Новицкий Ю. П. 238
Нумеров Н. В., секретарь канцелярии Патриарха Тихона 34, 48, 55, 56, 65, 66, 67, 75, 77, 78, 83, 94, 97, 115, 116, 123, 208, 226, 228

О

Окунев Н. П. 44, 53, 71, 96, 223, 343
Олсуфьева, графиня 585
Онисим (Пылаев), епископ 580
Онуфрий (Гагалюк), епископ 384, 602
Орлов А. П., протоиерей 176, 208, 218
Орлянский 515
Орнатский Философ, протоиерей 130
Осипова И. И. 160
Осоргин М. А. 87
Остроухов П. В. 470

П

Павел (Борисовский), архиепископ 80, 202, 498, 501
Павел (Введенский), епископ 401
Павел (Гальковский), епископ 93, 140, 233
Павел (Кратиров), епископ 426
Павлин, игумен 278
Пантелеимон (Рожновский), архиепископ 572, 573
Парфелий, архиепископ, см. Парфений (Брянских), епископ
Парфений (Брянских), епископ 341, 391, 394, 407, 429, 535
Парфений, епископ Ананьевский, см. Парфений (Брянских), епископ
Пахомий (Кедров), архиепископ 394, 407, 418, 429, 447, 535, 541
Пашкевич Константин, келейник Патриарха Тихона 562
Пашковский Ф., протоиерей 210, 213
Петлюра С. В. 128
Петр I 21, 26, 59
Петр (Гасилов), епископ 602
Петр (Зверев), епископ 605, 607
Петр (Полянский), митрополит 11, 12, 15, 49, 71, 83, 97, 100, 159, 167, 197, 337, 368, 380, 391, 394, 407, 416, 418, 419, 424, 429, 434, 439, 442, 445, 446, 450, 453, 455, 456, 457, 466, 469, 474, 481, 487, 488, 489, 490, 493, 494, 495, 497, 498, 499, 502, 510, 515, 521, 522, 523, 531, 536, 543, 544, 546, 548, 549, 554, 559, 560, 561, 568, 569, 570, 572, 575, 576, 579, 582, 583, 584, 585, 586, 590, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 606, 607
Петр (Руднев), архимандрит 347, 466

Петр (Сергеев), обновленческий «архиепископ» 299
Петр (Соколов), епископ 360
Петр, митрополит Крутицкий, см. Петр (Полянский), митрополит
Петр, епископ Подольский, см. Петр (Полянский), митрополит
Петров С. Г. 62, 77, 108, 152, 153, 154, 274, 298, 329, 332, 365, 465
Пиццардо 207
Платон (Рождественский), митрополит 23, 85, 94, 208, 210, 437, 450, 451, 452, 467, 468, 474, 588
Платон (Руднев), епископ 458
Платон, митрополит Американский, см. Платон (Рождественский), митрополит
Плетнев Д. Д., профессор 560
Покровский М. М., доктор 560
Покровский Н. Н. 12, 107, 291, 312, 319, 321
Полиевкт (Тараканов), иеродиакон 129
Поликарп (Соловьев), архимандрит 464, 466
Поликарп, великикий протосинкелл в Константинопольском Патриархате, позднее – митрополит Мирский и Прусский 571
Половцев, см. Полозов Яков Анисимович
Половцева, см. Полозова Наталия Васильевна
Полозов Яков Анисимович 9, 50, 51, 52, 54, 98, 100, 104, 105, 131, 132, 150, 180, 181, 183, 184, 206, 263, 361, 550, 551, 552, 553, 554, 564
Полозов А. Я., сын Я. А. Полозова 595
Полозова Наталия Васильевна 54, 595
Польский Михаил, протопресвитер 212, 432, 433, 488, 562, 583, 592, 593
Попов И. В., профессор МДА 89, 431, 483, 484, 551, 552, 585, 586, 587
Попов Н. Г., священник 453
Попов Н. Н. 262, 269, 278, 307, 373, 380
Порфирий (Горшков), иеромонах 129
Потоцкий 364
Пояров 235
Прокопий (Титов), епископ 391, 544, 560, 575, 579
Прокопович С. Н. 87, 101, 106
Пульхритудов Н. М., священник 72
Пункевич Е. Е. 235
Путята Владимир, бывший епископ 12, 53, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 78, 80, 207, 383, 543
Пшеничников Николай, протоиерей 130
Пылаев Михаил, протоиерей 580
Пятикрестовский Александр, протоиерей 246, 470

Р

Равинский, священник 177
Радек Карл 208, 283
Распутин Григорий 58, 202
Рафаил (Гумилевский), епископ 537

Рахманов Александр 498
Ребров, сотрудник ГПУ 566, 569
Родзянко М. В. 17
Родион (Федоров), архимандрит 115, 129, 184
Розов К. В., Великий архидиакон 19, 44, 49, 53, 71, 123, 136, 345
Роханов М. Н. 218
Румянцев, протодиакон 345, 346, 402
Рункевич С. Г. 26
Рутковский Анатолий Федорович, начальник 6-го отделения Секретного отдела ВЧК – ГПУ – ОГПУ 100, 109, 110, 113, 117, 123, 128, 132, 133, 135, 144, 159, 160, 168, 179, 182, 184, 185, 194, 199, 202, 204, 206, 217
Руфимский А. В. 277
Руфимский Порфирий, протоиерей 249
Рыбкин А., сотрудник ГПУ 303, 304
Рыков А. И., член политбюро ЦК РКП(б) 269, 270, 278, 279, 281, 282, 288, 290, 473, 492, 494

С

Сабашников М. В. 87
Савинков Б. В. 597
Садковский Сергей Максимович, протоиерей 79, 371
Самарин А. Д. 17, 35, 47, 159, 167, 307, 310, 326, 337, 338, 357, 364, 368, 369, 370, 390, 397, 406, 415, 427, 444, 449, 451, 454, 470, 477, 483, 488, 490, 492, 493, 542
Самсонов Т. П., начальник СО ВЧК 39, 40, 61, 63, 108, 113, 142, 177, 179, 185, 194, 195, 200, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 236, 237, 238, 243, 246, 257, 258, 259, 265, 266, 280, 282, 283, 305
Самуилов Б. Н. 83
Сахаров, протоиерей 177
Семенова Мария, см. Вешнева М. А.
Серафим (Александров), митрополит 66, 82, 92, 95, 116, 123, 125, 126, 149, 158, 160, 167, 174, 184, 185, 189, 191, 249, 271, 276, 368, 369, 370, 376, 381, 388, 389, 393, 394, 395, 411, 417, 419, 420, 424, 442, 446, 450, 451, 452, 453, 456, 457, 467, 469, 478, 479, 481, 488, 489, 490, 493, 494, 495, 498, 499, 502, 510, 521, 522, 523, 544, 575, 580, 584, 600
Серафим (Велицкий), епископ 81
Серафим (Звездинский), епископ 97, 138, 603
Серафим (Лукьянов), архиепископ 41, 46, 56, 176, 390, 391, 479, 484, 535, 539
Серафим (Мещеряков), архиепископ 68, 80, 248, 399, 535
Серафим (Остроумов), епископ 498
Серафим (Протопопов), епископ 404, 462
Серафим (Руженцев), архиепископ, обновленец 253, 374, 417, 534
Серафим (Самойлович), архиепископ 605
Серафим (Силичев), епископ 516

Серафим (Чичагов), митрополит 66, 75, 78, 79, 92, 117, 119, 120, 146, 148, 158, 160, 178, 184, 206, 447, 453, 458, 483
Серафим (Юшков), епископ 529
Серафим, епископ Тверской, см. Серафим (Александров), митрополит
Серафим, Преосвященный Варшавский, см. Серафим (Чичагов), митрополит
Сергий (Дружинин), епископ 302
Сергий, епископ Киренский 541
Сергий (Зверев), епископ 575, 579
Сергий (Корнеев), епископ 197
Сергий (Королёв), епископ 57
Сергий (Ларин), епископ 525
Сергий (Никольский), епископ 593
Сергий (Страгородский), митрополит 20, 23, 26, 30, 34, 42, 46, 47, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 85, 184, 191, 192, 193, 197, 201, 202, 205, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 257, 260, 278, 389, 390, 391, 392, 393, 424, 426, 464, 477, 478, 479, 493, 498, 544, 546, 547, 548, 571, 575, 577, 579, 580, 598, 600, 605, 607
Сергий (Шеин), архимандрит 54, 75, 76, 97, 238
Сергий, митрополит Владимирский, см. Сергий (Страгородский), митрополит
Сидельников 356
Сиднева Надежда, сотрудница ГПУ 239, 241
Сидоров Семен, швейцар Троицкого подворья 115, 127, 132, 209
Симеон (Михайлов), епископ 601, 606
Симон (Шлеев), епископ 66
Скворцов-Степанов И. М. 262, 279, 286
Скобелев, диакон, обновленец 228
Смидович П. Г., заместитель председателя ВЦИК 262, 296, 370, 377, 379, 380, 431, 514, 534, 597
Смирнов Александр, протоиерей 498
Смирнов Владимир, священник 465
Смирнов Е. Н. 356
Соколов В. А., протоиерей 218, 229
Соколов Иван Гаврилович, протоиерей 544
Соколов Николай Григорьевич, протоиерей 337, 544
Соловьев М. Д., сотрудник СО ГПУ 586, 587, 588, 589
Сосновский Л. С. 157
Стадник Стефан, псаломщик, обновленец 219, 221
Сталин И. В. 134, 137, 143, 224, 259, 261, 262, 269, 280, 281, 282, 290, 291, 367, 379, 380, 472, 597
Станиславский А. М., протоиерей 23, 26, 30, 41, 56, 67, 83, 115, 120, 125, 126, 150, 160, 167, 189, 192, 198, 481
Стеблин-Каменский Иоанн, священник 461
Стеклов 89
Стефан (Бех), епископ 118
Стефан (Знамировский), епископ 535

Стефанович Александр, протоиерей 159
Стефановский Александр, протоиерей 246, 454
Стефанский, представитель Польской миссии 120
Стратонов Иринарх 12
Страхов В., протоиерей 97
Сунгуров Сергий, священник 352
Сурта И. З., заместитель начальника СО ГПУ 159, 160

Т

Тарнавский Владимир, протоиерей 558
Тепляков А. Г. 108, 287, 597
Титков Е. П. 64
Титлинов Б. В., профессор СПбДА 18
Тихомиров Лев, бывший редактор «Московских ведомостей» 448
Тихомиров С. Ф. 218, 229
Тихомиров, адвокат 286, 293
Тихон (Оболенский), митрополит 86, 147, 341, 354, 368, 376, 377, 381, 388, 389, 393, 394, 411, 419, 420, 438, 442, 450, 481, 490, 498, 507, 544, 575, 600
Тихон (Русинов), епископ 605
Тихон (Тихомиров), епископ 448
Тихон (Шарапов), епископ 145, 146, 151, 176, 572, 573, 584, 590, 591, 592, 593, 601, 604
Тихон, архиепископ Уральский, см. Тихон (Оболенский), митрополит
Тихонравов М., протоиерей 252
Толгский Александр, священник 595
Толстая 58
Томский М. П., член политбюро ЦК РКП(б) 269, 290
Торопов Макарий, священник 122
Трифон (Туркестанов), митрополит 345, 463, 472, 570
Трифон, митрополит, см. Трифон (Туркестанов), митрополит
Трофим (Якобчук), епископ 365
Троцкая (Седова) Н. И. 233
Троцкий Л. Д. 134, 135, 141, 142, 154, 157, 172, 173, 174, 177, 178, 186, 190, 200, 219, 220, 230, 236, 237, 257, 258, 259, 261, 262, 269, 281, 282, 289, 290, 291, 321, 380
Трубецкой Е. Н., князь 17, 26, 41
Труфанов С. М., бывший иеромонах Илиодор 61
Тумшис М. А. 111
Тучков Евгений Александрович, начальник 6-го отделения СО ГПУ 110, 111, 112, 113, 115, 128, 133, 145, 212, 216, 217, 219, 220, 227, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 239, 243, 246, 256, 257, 258, 259, 261, 262, 263, 267, 269, 270, 273, 274, 275, 278, 280, 282, 283, 288, 295, 296, 297, 299, 300, 304, 305, 306, 307, 314, 315, 318, 322, 333, 338, 339, 351, 352, 356, 357, 359, 363, 366, 367, 368, 369, 370, 373, 379, 381, 386, 390, 403, 405, 406, 407, 409, 411, 415, 417, 423, 424, 427, 428,

429, 430, 431, 433, 434, 435, 436, 437, 449, 450, 451, 461, 462, 463, 465, 467, 468, 472, 473, 474, 475, 478, 480, 481, 482, 483, 484, 486, 488, 489, 495, 496, 497, 500, 501, 502, 503, 505, 506, 514, 518, 519, 522, 523, 527, 532, 533, 534, 535, 536, 538, 539, 542, 543, 544, 545, 546, 548, 550, 551, 558, 559, 561, 564, 566, 567, 569, 570, 571, 572, 575, 576, 577, 578, 580, 581, 582, 585, 586, 587, 589, 592, 596, 602

У

Уншлихт И. С., заместитель председателя ВЧК 142, 143, 169, 172, 179, 199, 200, 224, 233, 237, 239, 258, 259, 267, 282
Урусов С. Д. 268
Успенский А. И., профессор 168
Уэлш (Уолш) Эдмунд, посланник Ватикана 207

Ф

Фаворский, протоиерей, обновленец 360
Фаддей (Успенский), архиепископ 214, 243, 245, 246, 434, 512, 513, 514, 516, 529, 530, 531
Фаддей, архиепископ Астраханский, см. Фаддей (Успенский), архиепископ
Федоров Леонид, экзарх католических церквей в России, униат 177
Феодор (Лебедев), епископ 60
Феодор (Маковицкий (Маковецкий)), епископ 604
Феодор (Поздеевский), архиепископ 230, 328, 339, 369, 391, 397, 402, 407, 408, 409, 415, 418, 419, 420, 421, 422, 431, 444, 447, 452, 453, 458, 459, 464, 479, 482, 483, 484, 532, 542, 551, 586
Феодосий (Алмазов), архимандрит 449, 450
Феодосий (Ганицкий), епископ 97, 292
Феодосий (Феодосиев), архиепископ 94, 189
Феодосий, архиепископ Смоленский, см. Феодосий (Феодосиев), архиепископ
Феодосий, архиепископ, управляющий Херсонской епархией, см. Феодосий (Феодосиев), архиепископ
Феофан (Ревнивцев), иеродиакон 129
Феофан (Туляков), епископ 192
Феофан, епископ Калужский, см. Феофан (Туляков), епископ
Феофил (Булдовский), епископ 591
Филарет, монах 302
Филипп (Гумилевский), епископ 340, 393, 447, 555, 556
Филипп (Перов), епископ 433
Филиппова Матрена 527
Филиппович, польский посланник 120
Фирсов С. Л. 431
Флавиан (Сорокин), епископ 469
Флеровский И. П. 262

Флоренский Павел, священник 210
Фома Девизен, архиепископ Кентерберийский 88, 89, 90, 283, 285, 299, 308
Фрунзе М. В. 596
Фрязинов Сергий, протоиерей 218, 507

Х

Хвостов Димитрий, протоиерей 433
Ходасевич В. 163
Холмогоров Михаил, протодиакон 346, 446
Хоменко Трофим, протодиакон 428
Хотовицкий Александр, протоиерей 137, 139, 178, 179, 188, 363, 533

Ц

Цветков Н. В., протоиерей 18, 100, 147, 152, 153, 155, 157, 170, 193, 200
Цепляк Ян, католический архиепископ 207, 277, 283, 294, 300
Цыпин В., протоиерей 234

Ч

Чарнель, представитель Американской секции Европейской студенческой помощи 588
Червяков Г. И. 337
Чесноков П. Г., композитор 44, 345
Четверухин Илия, протоиерей 446, 490
Чичерин Г. В. 207, 280, 281, 289, 571
Чуков Н., протоиерей 244

Ш

Шавельский Георгий, протопресвитер 17
Шавров В. 318, 320, 324, 526
Шервинский В. Д., профессор 560
Шкаровский М. В. 607
Шмелев М. М., уполномоченный 6-го отделения СО ВЧК 113, 114, 133, 134, 144, 202, 282
Шнеерсон М. , сотрудник ОГПУ 597
Шпицберг И. А., начальник 7-го отделения СО ВЧК 41, 46, 47, 53, 54, 63, 68, 76, 77, 78, 79, 183
Шуваев 542
Шульц Г. 22

Щ

Щелкан Н. С., доктор 560

Э

Эндека Евгений, священник 428

Ю

Юдин Никита 51, 52, 53, 127, 129, 206
Юренев К. К. 295

Я

Ягода Г. Г. 259, 265, 266, 305
Яковлев В. С. 276
Ярославский Е. М., член ЦК (ВКП(б) 11, 14, 162, 269, 270, 273, 278, 279, 281, 291, 293, 294, 308, 309, 311, 322, 329, 332, 366, 367, 373, 406, 413, 510

Оглавление

Введение 7

ГЛАВА I
Обзор служения святителя Тихона в 1917–1920 гг. 17

§ 1. Избрание святителя Тихона Патриархом 17

§ 2. Поместный Собор 1917–1918 гг. о полномочиях Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета 21

§ 3. Патриарх Тихон в 1918 г. 24

§ 4. Патриарх Тихон и советская власть в 1919 г. 30

§ 5. Патриарх Тихон в 1920 г. 35

ГЛАВА II
Святейший Патриарх Тихон в 1921 г. 39

§ 1. Тактика государственных органов в отношении Церкви в первой половине 1921 г. 39

§ 2. Патриарх Тихон и Высшее Церковное Управление в январе 1921 г. 41

§ 3. Патриарх Тихон и Высшее Церковное Управление в условиях попыток дезорганизации их деятельности (февраль – 18 марта 1921 г.) 46

§ 4. Деятельность Патриарха Тихона после ареста Я. А. Полозова (19 марта – 17 апреля 1921 г.) 50

§ 5. План создания в Русской Церкви обновленческого церковного округа во главе с Владимиром Путятой 57

§ 6. Освобождение митрополита Сергия (Страгородского) как часть плана по созданию обновленческого округа во главе с Владимиром Путятой 62

§ 7. Формирование нового состава Синода и Высшего Церковного Совета 65

§ 8. Деятельность Священного Синода под председательством митрополита Сергия (Страгородского) (18 апреля – 4 мая 1921 г.) 67

§ 9. Экстренное заседание Священного Синода 5 мая 1921 г. 73

§ 10. Патриарх Тихон в условиях нарастающих репрессий властей против органов церковного управления (6–31 мая 1921 г.) 78

§ 11. Патриарх Тихон и изменение состава органов ВЦУ в июне 1921 г. 82

§ 12. Патриарх Тихон во время начала голода в России (конец июня – 18 июля 1921 г.) 86

§ 13. Активизация деятельности ВЦУ и «вал» архиерейских хиротоний (10 июля – 8 августа 1921 г.) 91

§ 14. Призывы Патриарха Тихона к пастве о помощи голодающим в условиях репрессий (9–22 августа 1921 г.) 99

§ 15. Ликвидация Помгола и отказ властей от сбора Церковью средств для голодающих (22 августа – 5 сентября 1921 г.) ... 104

§ 16. Реорганизация деятельности 6-го отделения СО ОГПУ и обновление его кадрового состава 108

§ 17. Снятие домашнего ареста с Патриарха и деятельность ВЦУ в условиях относительной свободы (6–26 сентября 1921 г.) ... 114

§ 18. Попытка Патриарха увеличить состав Синода и решения в отношении зарубежных частей Российской Церкви (27 сентября – 26 октября 1921 г.) 119

§ 19. Подготовка ликвидации Высшего Церковного Управления и Троицкого подворья (27 октября – 8 декабря 1921 г.) 128

§ 20. Патриарх Тихон в условиях подготовки властями изъятия церковных ценностей в декабре 1921 г. (27 ноября – 8 декабря 1921 г.) 134

§ 21. Разрешение Церкви осуществлять сборы в пользу голодающих (9–31 декабря 1921 г.) 137

ГЛАВА III

Служение Патриарха Тихона в 1922 г. 141

§ 1. Патриарх в период переговоров с Помголом о пожертвованиях церковных ценностей (январь – 5 февраля 1922 г.) ... 141

§ 2. Послание Патриарха о добровольном пожертвовании церковных ценностей от 6 февраля 1922 г. 151

§ 3. Реакция Патриарха на взятый советской властью курс насильственного изъятия ценностей (11–26 февраля 1922 г.) 158

§ 4. Декрет об изъятии церковных ценностей и реакция на него Патриарха Тихона (23–28 февраля 1922 г.) 161

§ 5. Послание Патриарха Тихона от 28 февраля 1922 г. 164

§ 6. Аресты среди церковного административного аппарата (22–23 марта 1922 г.) 177

§ 7. Патриарх и попытка властей добиться вхождения архиепископа Евдокима (Мещерского) в состав Священного Синода (24 марта – 4 апреля 1922 г.) 182

§ 8. Деятельность и акты Патриарха и Синода в условиях жесткого давления (5 апреля – 3 мая 1922 г.) 191

§ 9. Привлечение Патриарха Тихона к процессу по делу московского духовенства и допросы на Лубянке (4–5 мая 1922 г.) 211

§ 10. Изоляция Патриарха Тихона на Троицком подворье (6–11 мая 1922 г.) 216

§ 11. Патриарх Тихон и присвоение обновленцами его полномочий (12–18 мая 1922 г.) 219

§ 12. Заключение Патриарха Тихона в Донском монастыре до начала подготовки процесса над ним (20 мая – 15 декабря 1922 г.) 230

§ 13. Вопрос о каноническом церковном управлении в условиях изоляции Патриарха Тихона в Донском монастыре в мае – августе 1922 г. 243

§ 14. Митрополит Сергий (Страгородский) и обновленческий раскол в июне – сентябре 1922 г. 247

§ 15. Обновленческие формы высшего церковного управления в мае – декабре 1922 г. 254

§ 16. Создание Антирелигиозной комиссии (октябрь – декабрь 1922 г.) 261

ГЛАВА IV

Подготовка процесса над Патриархом Тихоном 263

§ 1. Патриарх Тихон в период проводимого ГПУ дознания по его делу (15 декабря 1922 г. – 6 марта 1923 г.) 263

§ 2. Подготовка обновленческого лжесобора 272

§ 3. Подготовка Верховным судом РСФСР процесса над Патриархом Тихоном (6 марта – 18 апреля 1923 г.) 276

§ 4. Пребывание Патриарха Тихона во внутренней тюрьме ГПУ (19 апреля – 8 мая 1923 г.) 286

§ 5. Обновленческий лжесобор 295

§ 6. Возвращение Патриарха под стражу в Донской монастырь и новое заключение во внутреннюю тюрьму ГПУ (8 мая – 8 июня 1923 г.) 299

§ 7. Подготовка освобождения Патриарха в период его пребывания в больнице 308

§ 8. Решение Политбюро об освобождении Патриарха и его возвращение во внутреннюю тюрьму ГПУ (21–26 июня 1923 г.) 316

ГЛАВА V

Патриарх Тихон в июне – декабре 1923 г. 321

§ 1. Освобождение Патриарха Тихона 321

§ 2. Первые дни после освобождения Святейшего Патриарха 327

§ 3. Разгром обновленчества в Московской епархии (6–11 июля 1923 г.) 339

§ 4. Патриарх Тихон и попытки властей выработать политику, направленную на подрыв его авторитета и сохранение обновленчества (12 июля – 4 августа 1923 г.) 351

§ 5. Образование временного Священного Синода при Патриархе (3 августа 1923 г.) 368

§ 6. Антиобновленческие решения Патриарха и Синода (4–8 августа 1923 г.) 372

§ 7. Патриарх Тихон в условиях нарастающего давления на него (9–14 августа 1923 г.) 375

§ 8. Изоляция Патриарха Тихона (15–18 августа 1923 г.) 378

§ 9. Активизация обновленчества в условиях вынужденной самоизоляции Патриарха (19–27 августа 1923 г.) 383

§ 10. Именины Патриарха Тихона (26 августа 1923 г.) 387

§ 11. Покаяние митрополита Сергия (Страгородского) (27 августа 1923 г.) 389

§ 12. Совещание 27 архиереев в Михайловском храме Донского монастыря (29 августа 1923 г.) 393

§ 13. Возвращение Патриарха к активному служению (30 августа – 23 сентября 1923 г.) 398

§ 14. Хиротония епископа Мануила (Лемешевского) и разгром обновленчества в Петрограде 403

§ 15. Указ о поминовении властей 404

§ 16. Попытка властей сформировать раскол между Патриархом и «правым» епископатом (24 сентября – 13 октября 1923 г.) 406

§ 17. Введение нового стиля (14–15 октября 1923 г.) 413

§ 18. Служение Патриарха по новому стилю (15 октября – 8 ноября 1923 г.) 417

§ 19. Отказ Патриарха от нового стиля и репрессии со стороны властей (8–20 ноября 1923 г.) 420

§ 20. Завещательное распоряжение Патриарха (23 ноября 1923 г.) 430

§ 21. Единоличное управление Патриарха Церковью (23 ноября – декабрь 1923 г.) 432

ГЛАВА VI

Патриарх Тихон в 1924 г. 441

§ 1. Вопрос о поминовении Патриарха (1–9 января 1924 г.) 441

§ 2. Попытки ОГПУ добиться ухода Патриарха на покой (10–15 января 1924 г.) 443

§ 3. Возобновление деятельности Священного Синода и Московского епархиального управления (16–23 января 1924 г.) 449

§ 4. Назначение архиепископа Петра (Полянского) на Крутицкую кафедру (24 января 1924 г.) 455

§ 5. Публикация «Обращения» Патриарха Тихона о смерти Ленина (25 января 1924 г.) 457

§ 6. Отказ Патриарха от предложения прекратить его поминовение (26–31 января 1924 г.) 459

§ 7. Репрессии против Патриаршей Церкви в Ленинграде 460

§ 8. Совещание в день рождения Патриарха(1 февраля 1924 г.) ... 462

§ 9. Деятельность Патриарха в период пребывания Е. А. Тучкова в Ленинграде (2–10 февраля 1924 г.) 465

§ 10. Срыв архиерейского совещания в Донском монастыре и новый план Антирелигиозной комиссии (11–19 февраля 1924 г.) 467

§ 11. Новые провокации в печати и обострение заболевания Патриарха (23 февраля – 20 марта 1924 г.) 469

§ 12. Прекращение дела в отношении Патриарха (21–30 марта 1924 г.) 472

§ 13. Начало создания легального Синода и назначение на кафедру митрополита Сергия (31 марта – 7 апреля 1924 г.) 477

§ 14. Активизация переговоров членов ВЦУ с Красницким (8–15 апреля 1924 г.) 480

§ 15. Репрессии в отношении духовенства, выступавшего против сближения с обновленцами (16–23 апреля 1924 г.) ... 483

§ 16. Проекты документов, предложенных Патриарху для принятия в церковное общение Красницкого 485

§ 17. Служение Патриарха в пасхальный период (24 апреля – 12 мая 1924 г.) 490

§ 18. Решающая фаза переговоров с Красницким (13–21 мая 1924 г.) 492

§ 19. Подписание проекта полного присутствия ВЦУ в составе обоих органов: Священного Синода и Высшего Церковного Совета 496

§ 20. Аннулирование Патриархом соглашений с Красницким (22–24 мая 1924 г.) 499

§ 21. Попытка Патриарха добиться реализации обещаний властных органов, данных при формировании органов ВЦУ (25–30 мая 1924 г.) 501

§ 22. Поездка Патриарха в Серпухов и окончательный разрыв переговоров с Красницким (31 мая – 3 июня 1924 г.) 503

§ 23. Патриарх Тихон и Константинопольский Патриархат 508

§ 24. Встречи Патриарха с А. И. Кузнецовым и обновленческое предсоборное совещание (4–14 июня 1924 г.) 512

§ 25. Патриарх Тихон в условиях лживой пропагандистской кампании в советской печати (15 июня – 10 июля 1924 г.) ... 517

§ 26. Патриарх Тихон в период корректировки государственной политики в отношении религиозных организаций (11 июля – 21 августа 1924 г.) 523

§ 27. Поездка Патриарха Тихона в Николо-Угрешский монастырь (21–22 августа 1924 г.) 525

§ 28. Патриарх Тихон в последний благоприятный период своего служения (23 августа – 4 сентября 1924 г.) 528

§ 29. Патриарх Тихон в период начального этапа ликвидации «тихоновщины» (5–29 сентября 1924 г.) 531

§ 30. Обращение Патриарха Тихона во ВЦИК и последующие события (30 сентября 1924 г.) 538

§ 31. Поездки Патриарха по городам Московской губернии (1–18 октября 1924 г.) 540

§ 32. Ухудшение состояния здоровья Патриарха и замысел Архиерейского Собора (3–27 ноября 1924 г.) 541

§ 33. Реализация плана ОГПУ по ликвидации Патриаршего церковного управления (30 ноября – 8 декабря 1924 г.) 548

§ 34. Убийство Якова Полозова как способ воздействия на Патриарха Тихона (9–12 декабря 1924 г.) 550

§ 35. Последние служения Патриарха Тихона на свободе (13–30 декабря 1924 г.) 555

ГЛАВА VII
Патриарх Тихон в 1925 г. 557

§ 1. Лечение Патриарха в Донском монастыре (31 декабря 1924 г. – 12 января 1925 г.) 557

§ 2. Первое пребывание Святейшего Патриарха в больнице Бакуниных (13–30 января 1925 г.) 560

§ 3. Постепенное возвращение Патриарха к церковному служению (31 января – 28 февраля 1925 г.) 568

§ 4. Попытка возвращения Патриарха Тихона к церковному управлению (28 февраля – 5 марта 1925 г.) 574

§ 5. Возвращение Патриарха в больницу и начало заседаний нового состава Священного Синода (6–10 марта 1925 г.) 578

§ 6. Патриарх Тихон и митрополит Петр (Полянский) (11–20 марта 1925 г.) 582

§ 7. Попытка привлечения Патриарха и митрополита Петра к делу о шпионаже (21 марта 1925 г.) 585

§ 8. Деятельность Патриарха Тихона в последние дни жизни (22 марта – 6 апреля 1925 г.) 590

§ 9. Последний день жизни Патриарха Тихона и обстоятельства его кончины (7 апреля 1925 г.) 594

§ 10. Подготовка к похоронам Патриарха Тихона (8–11 апреля 1925 г.) 597

§ 11. Похороны Патриарха Тихона и Архиерейское совещание (12 апреля 1925 г.) 599

Заключение 609

Комментарии 611

Источники и литература 641

Именной указатель 673

Научное издание

Священник Димитрий Сафонов

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время

Главный редактор *игумен Киприан (Ященко)*
Заведующий редакцией *игумен Мелетий (Соколов)*
Выпускающие редакторы *Елена Пирогова, Елена Михалева*
Редактор *Анна Войнова*
Младший редактор *Юлия Фадеева*
Художник *Александр Кулемин*
Подбор фотографий *протодиакон Игорь Михайлов*
Технический редактор *Ольга Резчикова*
Корректоры *Ольга Алексеева, Наталья Богоявленская*
Компьютерная верстка *Татьяны Грачевой*

Фонд сохранения духовно-нравственной культуры
«Покров».
Москва, 109028, ул. Солянка, д. 9а, стр. 1

Подписано в печать 18.11.2013. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 56,76+1,29 вклейка.
Тираж 1000. Заказ 4189.

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО "Тверской полиграфический комбинат" 170024, г Тверь, пр-т Ленина, 5
Телефон (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Home page - www tverpk ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk ru

Об авторе

Священник Димитрий Владимирович Сафонов родился в 1974 г. Закончил Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, аспирантуру РГГУ (кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин), а также Московскую духовную семинарию и академию. Кандидат исторических наук. Кандидат богословия. С 2000 г. преподает в Сретенской духовной семинарии. С 2003 г. преподает в Московской духовной академии. 6 марта 2011 г. митрополитом Волоколамским Иларионом рукоположен во диакона. 25 октября 2013 г. Святейшим Патриархом Кириллом рукоположен во иерея. Клирик храма св. прав. Иоанна Кронштадтского в Жулебино г. Москвы. Имеет более 60 научных публикаций.